

ИСТОРИЯ
РУССКОЙ СЛОВЕСНОСТИ.

Составилъ И. Порфирьевъ,

ЧАСТЬ II.

НОВЫЙ ПЕРІОДЪ.

ОТДѢЛЪ II.

ЛИТЕРАТУРА. ВЪ ЦАРСТВОВАНИЕ ЕКАТЕРИНЫ II.

КАЗАНЬ.

Типографія Императорскаго Университета.

1884.

Отъ Казанскаго Комитета духовной цензуры печатать дозволяется. Октября 14

Цензоръ, Профессоръ Казанской Академіи, *Н. Вялегъ.*

НАПРАВЛЕНІЕ И ОВЩІЙ ХАРАКТЕРЪ ЛИТЕРАТУРЫ ВЪ ЕКАТЕРИНИНСКУЮ ЭПОХУ.

Внесеніе въ Русскую литературу философскихъ идей XVIII в. Не смотря на то, что литературное направленіе въ продолженіе всѣй Екатерининской эпохи было еще старое, ложно-классическое, въ литературѣ ея мы находимъ необыкновенное оживленіе и замѣчательное богатство и разнообразіе, въ слѣдствіе съ одной стороны появленія такихъ сильныхъ литературныхъ талантовъ, каковы были Державинъ, Фонъ-Визинъ, Новиковъ, Херасковъ, Княжнинъ и др.; съ другой—вліянія новыхъ идей современной европейской науки и литературы. Ода Державина по формѣ была ложно-классической одой; но содержаніе въ ней было современное и русское, и надъ торжественнымъ и хвалебнымъ тономъ въ ней часто преобладалъ элементъ сатирической. Поэмы Хераскова по формѣ были подражаніями классическимъ эпopeямъ, а трагедіи Княжнина подражаніями французскимъ классическимъ трагедіямъ; но въ тѣхъ и другихъ постоянно встрѣчаются гуманныя идеи и стремленія современной эпохи. Комедіи и сатиры Фонъ-Визина и самой Екатерины написаны прямо на современные темы о воспитаніи, образованіи и управленіи, въ духѣ новыхъ философскихъ идей. Царствованіе Екатерины II составляетъ второй періодъ въ исторіи усвоенія Россіей европейскаго просвѣщенія. При Петрѣ В. Россія стремилась приложить къ своимъ потребностямъ всѣ результаты, добытые Европою въ области ремеселъ, искусствъ и дѣла военнаго. При Екатеринѣ II она стремилась усвоить идеи современной философіи и такъ же приложить ихъ къ устроению своего государственнаго и частнаго быта. Первое знакомство русскихъ людей съ этими идеями началось, впрочемъ, еще въ прежнее царствованіе. Въ трагедіяхъ Сумарокова мы уже встрѣчаемъ гуманныя идеи о вѣротерпимости, объ управленіи, объ отношеніяхъ правителей къ управляемымъ. Въ концѣ царствованія Елисаветы осо-

бенно много переходило въ Россію новыхъ французскихъ книгъ. Екатеринѣ, которая въ то время была великой княгиней, и княгинѣ Дашковой доставлялъ такія книги графъ И. И. Шуваловъ, бывшій поклонникомъ французской литературы. Но настоящее знакомство съ новыми идеями французской философіи и литературы началось съ того времени, какъ Екатерина сама вступила на русскій престолъ и стала во главѣ не только управленія, но и всего умственнаго и литературнаго движенія эпохи.

Характеръ и значеніе философіи XVIII вѣка. Извѣстна судьба философіи XVIII вѣка. Появленіе и первые успѣхи ея были пріятствованы съ восторгомъ, какъ начало новаго золотого вѣка, а впослѣдствіи она подверглась гоненіямъ, какъ источникъ и виновница той умственной и нравственной разнузданности, которая привела Францію къ революціи и потрясла всю Европу; тѣже самые люди, которые сначала страстно увлекались ея идеями, потомъ дѣлались ея преслѣдователями. Чтобы понятна была такая судьба философіи XVIII в., надобно имѣть въ виду ея происхожденіе и характеръ⁽¹⁾. Отличительный характеръ, или лучше сказать, сущность этой философіи составляютъ отрицаніе всего тогдашняго европейскаго строя, религіозно церковнаго, государственно-политическаго и общественнаго, и стремленіе замѣнить его новымъ строемъ, вызванна съ одной стороны накопившимися въ прежнемъ строѣ разными злоупотребленіями и недостатками, а съ другой—новыми научными идеями, рѣзко обличавшими эти недостатки. Такими отрицательными и вмѣстѣ реформаторскими стремленіями провизнута какъ философія, такъ и литература XVIII в., которыя, въ слѣдствіе одинаковости ихъ цѣли и задачъ, совершенно смѣшиваются между собою. Философія и наука вообще принимаютъ литературную форму и характеръ, для распространенія научныхъ идей въ обществѣ, а литература получаетъ философское направленіе и становится орудіемъ и органомъ философіи и науки вообще. Въ сущности же это не была ни философія, ни литература въ собственномъ смыслѣ, а было смѣшеніе той и другой, особая

⁽¹⁾ Исторія развитія и характеръ этой философіи изображены въ Исторіи XVIII и XIX стол. Ф. К. Шюссера. Спб. 1858—1860, и въ Исторіи всеобщей литературы XVIII в. Г. Геттнера (въ переводѣ А. Н. Пыпина); томъ I. Англійская литература. Спб. 1863; томъ II. Французская литература Спб. 1866.

энциклопедическая форма науки и литературы; название „энциклопедической“, данное этой умственной и литературной дѣятельности, по главному ея органу „Энциклопедіи“, кажется, всего лучше и можетъ характеризовать ее. Эта философія-литература обыкновенно называется французской философіей; но Франція была не столько изобрѣтательницей, сколько распространительницей ея. Корни идей философіи XVIII в. лежатъ глубже, въ томъ умственномъ движеніи Европы, которое началось еще со времени реформаціи и прежде всего развилось въ Англіи и Голландіи. Въ Англіи, послѣ философской реформы Бэкона и великихъ открытій Ньютона и другихъ ученыхъ, при быстромъ развитіи физико-математическихъ и естественныхъ наукъ и особенно опытной философіи Локка, во всѣхъ сферахъ человѣческой дѣятельности явились новыя идеи, религиозныя, ученые, государственныя и общественныя. Въ сферѣ религиозно-нравственной здѣсь развился деизмъ (естественная религія разума) и тѣсно связанное съ нимъ ученіе нравственной философіи, или ученіе моралистовъ, выразившіеся въ сочиненіяхъ Коллинза (род. 1676 г. Разсужденіе о свободномъ мышленіи), Лайонза (О непогрѣшимости человѣческаго разума), Толанда (1670—1722; Христіанство безъ тайнъ, Пантеистиконъ), Шафтсбери (1670—1713; Исслѣдованіе о добродѣтели, Моралистъ), Болинброка (ум. 1751), Гютчесона (ум. 1747), Фергюсона (ум. 1876) и др.; въ философіи и наукѣ вообще изъ сочиненій Локка (1632—1704; Опытъ о познавательной способности человѣка, Письма о религиозной терпимости, Книга о воспитаніи) развился сенсуализмъ, перешедшій потомъ въ матеріализмъ и съ особенною полнотою выразившійся въ сочиненіяхъ французскаго философа Кондильяка (ум. 1780), который въ своемъ трактатѣ о чувствованіяхъ источникомъ всѣхъ идей и познаній поставилъ чувственное ощущеніе (*juger est sentir*); въ области политической явились новыя идеи о государствѣ и государственномъ устройствѣ, о законодательствѣ и управленіи; въ области педагогической, въ наукѣ о воспитаніи и образованіи, новая теорія воспитательная, основанная на указанныхъ Локкомъ (книга о воспитаніи) началахъ природной простоты и свободы. Голландія и Швейцарія, какъ самыя свободныя страны, слѣдвались первымъ и главнымъ пристанищемъ этихъ новыхъ идей. Въ Нидерландахъ поселился скептикъ Бэйль († 1706) и въ своемъ „Историко-критическомъ словарѣ“ первый началъ указывать разные недостатки въ области религіи, науки и государства. Потомъ, будучи перенесены во Францію, новыя идеи, чрезъ посредство французскаго языка и французской литературы, стали распространяться по всей Европѣ. Первымъ распространителемъ этихъ идей во Франціи и другихъ странахъ

былъ Вольтеръ (1694—1778). Познакомившись съ ученіемъ англійскихъ деистовъ и моралистовъ, онъ распространялъ это ученіе во всѣхъ своихъ сочиненіяхъ и, проповѣдуя естественную религію разума, вмѣстѣ съ тѣмъ съ ожесточеніемъ нападалъ на откровеніе, христіанство и церковь. Въ то же время Монтескье (1689—1755) въ своихъ сочиненіяхъ излагалъ новыя общественныя и политико-государственныя идеи; въ „Духѣ законовъ“ онъ разсмотрѣлъ всѣ существующія формы государственнаго управленія и особенное вниманіе Европы обратилъ на конституціонныя формы этого управленія въ Англии. Это первый періодъ французской философіи и литературы. Второй дальнѣйшій періодъ ея составляетъ ученіе энциклопедистовъ, во главѣ которыхъ стояли Дидро и Даламберъ. Въ своемъ энциклопедическомъ словарѣ „Encyclopedie, ou Dictionnaire raisonné des Sciences, des Arts et des Metiers“ (первые два тома вышли въ 1751 и 1752 г.) они стремились всѣ новыя идеи религіозныя, научныя и политическія перевести изъ книгъ и круга ученыхъ людей во всѣ классы общества, и распространить такимъ образомъ повсюду, способствовать практическому ихъ примѣненію въ жизни. Самыми характерными сочиненіями Дидро (1713—1784), послѣдовательно представляющими сначала скептическое, а потомъ матеріалистическое и атеистическое его ученіе, надобно признать „Философскія мысли“, „Письма о слѣпыхъ“, „Письма о глухихъ и нѣмыхъ“, „О матеріи и движеніи“, „Размышленія о книгѣ о Духѣ“ и наконецъ „Разговоръ между Даламберомъ и Дидро“ и „Сонъ Даламбера“, самое обширное и самое смѣлое изложеніе его чистаго матеріализма и атеизма. Даламберъ (1717—1783) былъ математикъ и въ то же время занимался философіей. Какъ математикъ, онъ извѣстенъ преимущественно „трактатомъ о динамикѣ“; какъ издатель Энциклопедіи, онъ обратилъ на себя всеобщее вниманіе своимъ знаменитымъ „Предисловіемъ къ Энциклопедіи“ (Discours préliminaire), въ которомъ онъ представилъ новую систему челоувѣческихъ познаній или новую классификацію наукъ, на основаніи ихъ современнаго развитія, опредѣливъ мѣсто и значеніе каждой науки, ея предѣлы и отношеніе къ другимъ наукамъ. Къ Дидро и Даламберу примыкало множество ученыхъ и писателей того времени. Одни изъ нихъ принимали непосредственное участіе въ Энциклопедіи и помѣщали въ ней свои статьи; другіе же, хотя не помѣщали въ ней своихъ статей, но, вполне принимая идеи и вообще ученіе ея издателей, содѣйствовали ихъ распространенію своими отдѣльными книгами и сочиненіями. Изъ нихъ особенную извѣстность приобрѣли: Гольбахъ (1723—1789), своимъ сочиненіемъ „Система природы“ (Systeme de la Nature), въ которой излагается система чистаго матеріализма; Гель-

вещиусъ (1715—1771) своей книгой „О духѣ“ (Sur l'Esprit), которая заключаетъ ученіе объ эгоизмѣ, какъ главномъ основаніи и источникѣ всѣхъ побужденій, стремленій и дѣйствій человѣческихъ; Ламетри (1709—1751) своими сочиненіями: „Естественная исторія души“ (Histoire naturelle de l'Âme) и „Человѣкъ машина“ (L'homme machine), въ которыхъ проповѣдуется, что настоящее счастье человѣка заключается въ чувственномъ наслажденіи; Морелли своей книгой „Основной законъ или уставъ природы“ (Code de la nature), въ которой излагается ученіе, что человѣкъ отъ природы добръ, а испортили его только превратныя ученія и учрежденія; что улучшение и совершенное блаженство могутъ быть достигнуты только устраненіемъ собственности и государственной морали, основанной на себялюбіи; что основу новаго общества должны составлять общность имущества, трудъ для общества, общественное воспитаніе и безграничное равенство всѣхъ (сочиненіе это долго, но несправедливо приписывалось Дидро). Но въ то время, какъ Вольтеръ, Дидро и энциклопедисты, раскрывая всѣ недостатки и злоупотребленія во всѣхъ сферахъ человѣческой дѣятельности, и полагая главный ихъ источникъ въ невѣжествѣ, громко и настойчиво требовали полнаго и повсюднаго господства разума и просвѣщенія, Руссо началъ доказывать, что современное просвѣщеніе, современные науки и цивилизація имѣютъ такое превратное и гибельное направленіе, что могутъ подавать только поводъ къ самымъ сильнымъ возраженіямъ противъ всякаго просвѣщенія, науки и цивилизаціи, что вообще, чѣмъ больше человѣкъ учится и развивается, тѣмъ болѣе портится въ нравственномъ отношеніи и становится несчастнѣе въ жизни, что единственное средство для того, чтобы уничтожить зло, или положить конецъ испорченности, заключается въ томъ, чтобы возвратиться къ природѣ, къ простымъ и естественнымъ принципамъ первоначальныхъ человѣческихъ обществъ, когда еще не было ни науки, ни искусства, ни богатства, ни роскоши, но не было и испорченности нравовъ. Такія мысли были изложены Руссо въ первомъ его сочиненіи, написанномъ въ отвѣтъ на вопросъ Дижонской Академіи: „Способствовало ли возстановленіе наукъ и искусствъ исправленію нравовъ“. Съ болѣею силою и подробностію онъ развилъ ихъ въ послѣдовавшихъ за нимъ сочиненіяхъ: „О причинахъ неравенства между людьми“ и „Общественномъ договорѣ“. Въ сочиненіи „О причинахъ неравенства между людьми“, поставляя самымъ вреднымъ слѣдствіемъ образованія то, что оно, возвышая таланты и знанія, распространило неравенство между людьми, онъ признаетъ это неравенство корнемъ всѣхъ золъ; изъ неравенства, по его словамъ, произошло богатство, изъ богатства роскошь и

праздность, изъ роскоши и праздности искусство и науки и т. д. Выходить, что всякое неравенство между людьми есть слѣдствіе ихъ испорченности и что испорченность возникаетъ въ слѣдствіе образованія и общественнаго развитія, которыя, развивая способности людей и совершенствуя ихъ разумъ, въ тоже самое время портятъ ихъ, такъ что, по его мнѣнію, въ каждомъ человѣкѣ, степень его испорченности соразмѣрна степени его образованія. Такія идеи привели Руссо къ совершенно новому плану государственнаго устройства, на началахъ простоты и естественности и абсолютной свободы, братства и равенства, который онъ и представилъ въ Общественномъ договорѣ (*Contrat social*). Характеръ этого сочиненія чисто демократическій; основная его идея — мысль о верховномъ правѣ народа; изъ каждой строки его слышатся столь роковыя въ послѣдствіи слова *liberté, fraternité, égalité*. Чтобы сдѣлать понятнѣе всѣ свои идеи и провести ихъ во всѣ классы общества, Руссо написалъ два романа: „Юлія, или новая Элоиза“ и „Эмиль, или о воспитаніи“. Последнее сочиненіе получило чрезвычайно важное значеніе, потому что въ немъ были представлены критика современнаго воспитанія и образованія, домашняго и школьнаго, и въ замѣнъ его теорія новаго воспитанія на началахъ простоты, естественности и свободы, а въ послѣдней части, противъ ученія материалистовъ и атеистовъ, было изложено ученіе Руссо о религіи и религіозномъ чувствѣ, о вѣрѣ въ Бога и безсмертіе души (*Profession de foi du vicaire savoyard*). Время Руссо составляетъ третій періодъ французской философіи, когда ея идеи изъ книгъ начали переходить въ народъ и прилагаться къ жизни въ разныхъ ея сферахъ.

Мы замѣтили, что быстрому распространенію идей новой философіи всего больше содѣйствовали во Франціи издавна развившіеся и въ это время особенно усилившіеся разные недостатки и нестроенія во всѣхъ сферахъ жизни. Въ сферѣ религіозной и церковной господствовали грубое суевѣріе въ народѣ и страшный фанатизмъ и нетерпимость католическаго духовенства, выразившіеся въ ожесточенныхъ религіозныхъ спорахъ, въ преслѣдованіяхъ протестантовъ и яansenистовъ; въ области государственной, при неограниченномъ деспотизмѣ власти, возмутительныя злоупотребленія чиновниковъ и нестерпимый гнетъ бѣдныхъ и слабыхъ, со стороны богатыхъ и сильныхъ; въ общественной и частной жизни поражали страшная испорченность нравовъ и открытый развратъ. Очень понятно, что ученіе философіи, которая объявила протестъ противъ такой испорченности и такихъ злоупотребленій и обѣщала вывести человѣчество на новый лучший путь, принято было съ восторгомъ. вмѣсто религіознаго фа-

натизма, философія проповѣдывала вѣротерпимость, свободу совѣсти и разумное отношеніе къ предметамъ вѣры; въ области государственной, вмѣсто деспотизма и абсолютизма, новыя разумныя начала власти, новыя гуманныя отношенія между правителями и управляемыми, новые законы о преступленіяхъ и наказаніяхъ; во всю жизнь общественную и частную стремилась внести принципы свободы, братства и равенства между людьми. Руссо возсталъ противъ роскоши, изнѣженности, испорченности нравовъ. Явилась новая наука о воспитаніи, основанная на началахъ свободы, простоты и естественности. Эта наука обѣщала перевоспитать человѣчество и создать новую породу людей, свободную отъ прежнихъ суевѣрій, предрасудковъ и пороковъ. Очень понятно, что такія идеи и стремленія философіи были приняты съ увлеченіемъ всѣми людьми, которые были недовольны существующимъ порядкомъ; за нихъ съ жаромъ ухватились и всѣ государственныя лица и правители въ Европѣ и начали совершать по нимъ разныя реформы. Таковы были въ Пруссіи Фридрихъ В., въ Австріи Іосифъ II, въ Швеціи Густавъ III, у насъ въ Россіи Екатерина. Очень понятно, что и самый вѣкъ, въ который явились и стали распространяться такія идеи и стремленія, былъ названъ вѣкомъ просвѣщенія, вѣкомъ философскимъ.

Но вѣкъ просвѣщенія не оправдалъ тѣхъ великихъ надеждъ, какія на него возлагали. Между идеями философіи и дѣйствительною жизнію оказалось безмѣрное разстояніе и непроходимая бездна. Оказалось, что идеалъ, какъ отвлеченное понятіе, еще далеко не вещь, что нѣкоторыя новыя идеи, напр. объ абсолютной свободѣ и равенствѣ между людьми, какъ составленныя путемъ теоріи, отвлеченно отъ дѣйствительности, совсѣмъ и неприложимы въ дѣйствительности; другія же идеи, переходя въ дѣйствительность, подъ вліяніемъ невѣжества или злонамѣренности, разныхъ страстей, интересовъ и другихъ условій жизни, совершенно измѣняются и получаютъ совсѣмъ нежелательное направленіе и неблагоприятный исходъ, что часто изъ хорошей, самой по себѣ, идеи могутъ произойти самыя дурныя дѣла. Изъ высокой идеи вѣротерпимости, при неправильномъ ея пониманіи, развивается индифферентизмъ, или совершенное безразличіе въ вѣрованіи, а потомъ и совершенное равнодушіе ко всякому вѣрованію и ко всякой религіи. Изъ идеи разумнаго отношенія къ предметамъ вѣры, которое сначала совершенно справедливо проповѣдывалось, какъ необходимое средство противъ религіознаго фанатизма и разныхъ суевѣрій, а потомъ вышло изъ разумныхъ границъ и было перенесено на предметы Откровенія, совершенно недоступныя для разума, образовался деизмъ, или естественная

религія разума, которая и была поставлена на мѣсто христіанскаго откровенія; изъ деизма же скоро развились матеріализмъ и атеизмъ. Сначала философія справедливо возставала противъ разныхъ суевѣрій, вкравшихся въ область религіи, а потомъ уже совершенно несправедливо стала говорить, что и вся религія вообще есть выдумка жрецовъ, или обманъ государей, захотѣвшихъ посредствомъ ея обуздывать своихъ подданныхъ. Вольтеръ, проповѣдая религію разума, съ ожесточеніемъ, въ тоже время, нападалъ на откровеніе, христіанство и церковь. Но если Вольтеръ былъ деистъ и хотя отвергалъ всякую положительную религію, однако же допускалъ бытіе Бога, говорилъ, что если бы не было Бога, то его необходимо было бы выдумать, и находилъ нужнымъ, хотя въ видахъ политическихъ, признавать безсмертіе души, то Дидро и энциклопедисты проповѣдывали уже чистый матеріализмъ и атеизмъ. Дидро положительно отвергалъ личнаго Бога и личное безсмертіе души. Въ душѣ челоуѣка онъ видѣлъ только возвышеніе и усовершеніе постоянно волнующагося смѣшенія матеріи. „Если вѣра учить насъ, говорилъ онъ, какъ всѣ живыя существа вышли изъ рукъ Творца, то философъ, предоставленный своимъ собственнымъ догадкамъ, долженъ былъ бы скорѣе составить себѣ убѣжденіе, что природа (animalité) отъ вѣка имѣла свои особенныя элементы, которые соединялись между собой, потому что это соединеніе лежало въ ихъ возможности, что зародышъ, происшедшій изъ этихъ элементовъ, прошелъ потомъ чрезъ множество образованій и формъ, и наконецъ, переходя различныя ступени, возвысился до движенія, ощущенія, мышленія, страсти, до языка, права, науки и искусства, какъ нѣкогда онъ, можетъ быть, пройдетъ еще другія до сихъ поръ неизвѣстныя развитія“. Во всемъ мірѣ Дидро видѣлъ только постоянное измѣненіе матеріи, безконечное круговое движеніе жизни. „Какъ въ каждомъ атомѣ происходитъ безустанное движеніе, такъ тоже постоянное броженіе происходитъ и въ другомъ атомѣ, называемомъ землей... Все мѣняется, но цѣлое остается и неизмѣняется... Что говорите вы объ индивидуумахъ? Ихъ нѣтъ. Есть одинъ только великій индивидуумъ, это — вселенная. Въ этой вселенной какъ въ машинѣ или въ какомъ нибудь живомъ существѣ есть различныя части, которыя вы называете такъ или иначе, но если вы даете этимъ отдѣльнымъ частямъ названіе индивидуума, то это такъ же фальшиво, какъ если бы вы у птицы назвали индивидуумомъ крыло, или одно перо изъ крыла“.—Гольбахъ въ своей „Системѣ природы“ говорилъ: „Въ мірѣ не существуетъ ничего, кромѣ вѣчной, самой собою существующей матеріи и ея движенія. Все отъ нея происходитъ и все въ нее возвращается; вездѣ господствуетъ строгая необходимость,

внѣшній механизмъ. То, что люди называютъ душой, умираетъ вмѣстѣ со смертію тѣла, точно такъ, какъ прекращается музыка, когда струны лопнутъ“. Воспитанникъ Кондильяка, Гельвеційусъ, принявшій его ученіе объ ощущеніи, какъ единственномъ источникѣ познанія, доказывалъ въ своей книгѣ „О духѣ“, что началомъ и основаніемъ всѣхъ дѣйствій человѣческихъ служитъ эгоизмъ. „Такъ какъ все, говоритъ онъ, происходитъ отъ ощущенія, то одно себялюбіе и личная выгода есть двигатель всѣхъ нашихъ сужденій и поступковъ. Польза и выгода составляютъ въ мірѣ нравственномъ основаніе всѣхъ измѣненій, какъ движеніе въ мірѣ физическомъ“. Атеизмъ и матеріализмъ неизбѣжно должны были повести къ совершенному отверженію всякихъ началъ нравственности и къ жизни чисто чувственной. Лучшимъ доказательствомъ этого могутъ служить сочиненія Ламетри „Естественная исторія души“ и „Человѣкъ машина“, въ которыхъ, вмѣстѣ съ самымъ крайнимъ матеріализмомъ, проповѣдуются чувственная жизнь и паглыи развратъ. „Высшее, чего можетъ достигнуть человѣкъ, по мнѣнію Ламетри, есть только чувственное наслажденіе. Такъ какъ мнимая духовность человѣка есть въ сущности тѣлесность, то мы прежде всего должны стремиться къ тѣлесному счастью.... Истинная философія знаетъ только временное блаженство; она разбрасываетъ на нашемъ пути розы и цвѣты; добродѣтель и честность чужды нашей природѣ; это украшеніе, но не основаніе нашего счастья⁽¹⁾“. Такимъ образомъ вся мудрость человѣческая сводится къ искусству наслаждаться жизнью.—Руссо возсталъ противъ ученія матеріалистовъ и атеистовъ, противъ испорченности и развращенія нравовъ; но, защищая религіозное чувство и вѣру въ Бога, онъ въ тоже время отвергалъ откровеніе и всякую положительную религію; въ ученіи же о государствѣ, какъ мы замѣтили выше, доходилъ до совершеннаго отрицанія всего государственнаго строя. Возставъ противъ роскоши и распущенности нравовъ, онъ проповѣдывалъ возвращеніе къ дикимъ временамъ, когда не было ни науки, ни искусства, ни цивилизаціи. „Состояніе обществственности и государственности между людьми неестественно, развитіе духовныхъ даровъ и способностей вредно, и состояніе физическаго довольства, не нарушаемаго даже мыслию о какихъ нибудь духовныхъ потребностяхъ, есть самое нормальное состояніе и всякое удаленіе отъ такого состоянія портитъ человѣка и дѣлаетъ его несчастнымъ“ — вотъ какіе выводы дѣлало изъ первыхъ сочиненій Руссо тогдашнее недовольное и озлобленное на существующій порядокъ поколѣ-

(1) Истор. литер. Геттнера II, 233; 240; 242; 290; 292—293.

ніе; а парадоксальныя идеи Руссо въ „Общественномъ договорѣ“ объ абсолютной свободѣ и верховномъ правѣ народа производили еще болѣе разрушительное дѣйствіе въ умахъ и сдѣлались однимъ изъ самыхъ сильныхъ возбужденій къ революціи.

Такимъ образомъ, философія XVIII в., начавъ съ искорененія злоупотребленій и недостатковъ въ разныхъ сферахъ жизни, не остановилась на этомъ, но скоро перешла къ отрицанію самихъ, издавна установившихся, формъ жизни. Но если въ разныхъ сферахъ человѣческой жизни, религіозно-нравственной, ученой, государственной, накопилось въ теченіе многихъ вѣковъ множество злоупотребленій и недостатковъ, то отсюда слѣдовало только то, что необходимо очистить ихъ отъ этихъ недостатковъ, но никакъ не слѣдовало необходимости уничтожить самыя эти сферы, отвергнуть религію, науку и государство. И религія, и наука, и государство произошли изъ необходимыхъ существенныхъ потребностей природы человѣка; онѣ не навязаны насильно человѣку, а созданы имъ же самимъ. Философія просвѣщенія не ограничилась одною просвѣтительною ролью. Философы не захотѣли быть просто свободными мыслителями, а стали деспотически распространять свое ученіе. Начавъ свою философскую миссію проповѣдью о вѣротерпимости и протестомъ противъ фанатизма, они доходили въ нихъ такъ же до сильнаго фанатизма и нетерпимости. Вольтеръ и энциклопедисты преслѣдовали христіанское ученіе съ такимъ же ожесточеніемъ и нетерпимостію, съ какими въ средніе вѣка преслѣдовали разные ереси. Упрекая католичество за то, что оно хочетъ властвовать во всемъ мірѣ, философія сама захотѣла занять его мѣсто и стремилась такъ же сдѣлаться всемірною религіей. Философія, конечно, оказала великую услугу тѣмъ, что раскрыла множество злоупотребленій и недостатковъ; но, преслѣдуя эти злоупотребленія и недостатки, она не щадила ничего важнаго и священнаго и одинаково нападала на истины и авторитеты на томъ только основаніи, что это старыя истины и старыя авторитеты. Особенно такой разрушительный характеръ имѣла дѣятельность Вольтера, который безпощадно преслѣдовалъ все, что не подходило подъ его воззрѣнія. Въ сочиненіяхъ всѣхъ великихъ дѣятелей въ наукѣ, искусствѣ, литературѣ и политикѣ, которымъ человѣчество до сихъ поръ приписывало авторитетъ, было много ошибокъ, которыя въ послѣдствіи, естественно, и открылись; но Вольтеръ, раскрывая эти ошибки, всегда старался поставить вопросъ такъ, что уничтожалъ всякій авторитетъ, возбуждалъ недоувѣріе ко всякому авторитету. „Имѣя дѣло только съ фактами, говоритъ Шлоссеръ, оцѣнивая такую дѣятельность Вольтера, мы не станемъ здѣсь доказывать, что возбужденіе недоувѣрія къ наставни-

камь челоѵчества не можетъ совершаться безъ величайшей опасности для нравственности цѣлой націи, что хотя скептическое воззрѣніе Вольтера на жизнь всегда и во всякое время составляетъ необходимую принадлежность высшихъ сословій, однако, перейдя изъ книгъ и салоновъ въ гражданскую жизнь и народную массу, оно немедленно обращается въ страшную язву, которая отравляетъ всѣ элементы жизни“ (¹).

Такимъ образомъ вполне понятною становится та судьба философіи XVIII в., на которую мы указали выше. Гуманныя идеи и протестъ противъ современныхъ заблужденій, которыми эта философія заявила себя съ самаго начала, вызвали всеобщее къ ней сочувствіе; но отрицаніе, всѣхъ основныхъ началъ жизни, на которыхъ, зиждутся всѣ упованія, счастье и спокойствіе челоѵка, отрицаніе, къ которому она пришла въ послѣдствіи, естественно, должно было возбудить противъ нея гоненіе. Совершенно понятно, что какъ въ Европѣ, такъ и у насъ, тѣже самыя лица, которыя сначала увлекались идеями этой философіи и старались распространять ихъ въ обществѣ, потомъ не только отрекались отъ нея, но и дѣлались ея гонителями, что импер. Екатерина, почти первая въ Россіи познакомившаяся съ ученіемъ энциклопедистовъ, совершенно перемѣнила взглядъ на нихъ, что многіе русскіе писатели, сначала увлекавшіеся этимъ ученіемъ, объявляли противъ него громкій протестъ. Это началось особенно тогда, когда событія французской революціи показали, къ какимъ ужаснымъ послѣдствіямъ ведетъ разрушающее всѣ основы жизни ученіе новой философіи. „Ничто такъ не вредитъ правильности свободнаго развитія челоѵческихъ обществъ, — говоритъ нашъ историкъ Соловьевъ, противопоставляя разрушительной дѣятельности Вольтера и другихъ писателей отрицательнаго направленія умѣренность и сдержанность требованій Монтескьё въ „Духѣ законовъ“, — какъ революціонныя требованія, пугающія не только правительства, но и народное болѣшинство, заставляющія его опасаться за самыя существенныя интересы общества: челоѵкъ убѣжденъ въ необходимости выйти изъ дому подышать чистымъ и свободнымъ воздухомъ; но испуганный ревомъ бури, ливнемъ и холодомъ, сибѣшить затворить окна и предпочитаетъ остаться въ душной атмосферѣ своей тѣсной комнаты“ (²).

(¹) Истор. XVIII и XIX стол. Спб. 1858. II, 332.

(²) Истор. Россіи XXVI, 212.

**Народность и другіе элементы въ литературѣ Екатери-
нинской эпохи.** При стремленіи къ усвоенію современныхъ идей европейскаго просвѣщенія, эпоха Екатерины была въ тоже время эпохою развитія національнаго сознанія. Национальное сознаніе русскихъ людей довольно рѣзко заявило себя уже въ прежнее царствованіе импер. Елисаветы, какъ въ политикѣ самой императрицы, такъ и въ патріотическихъ стремленіяхъ Ломоносова, Шувалова, Сумарокова и другихъ русскихъ дѣятелей; но, будучи вызвано ближайшимъ образомъ внѣшними обстоятельствами и преимущественно преобладаніемъ нѣмецкой партіи при дворѣ и притѣсненіями русскихъ со стороны иностранцевъ въ разныхъ правительственныхъ сферахъ, оно и выражалось, за немногими исключеніями, больше такъ же внѣшнимъ образомъ, въ борьбѣ съ иностранцами за русскіе интересы. Въ царствованіе же Екатерины національныя стремленія получаютъ твердую почву и разумную основу. Болѣе близкое знакомство съ европейскою цивилизаціей показало, что изъ нея нельзя брать все безъ разбора, что весьма многое въ учрежденіяхъ, нравахъ и обычаяхъ каждаго европейскаго народа образовалось изъ чисто національныхъ потребностей и развилось путемъ историческимъ и слѣдовательно не можетъ быть свойственно вполнѣ русскому народу, воспитавшемуся при другихъ національныхъ и историческихъ условіяхъ, что и въ Европѣ есть такъ же много сторонъ нехорошихъ, заблужденій и пороковъ и вообще много такого, отъ чего хотѣли бы освободиться сами европейцы. Между тѣмъ, большинство русскихъ людей, понявъ европейскую цивилизацію чисто внѣшнимъ образомъ, на эти стороны и обратило свое вниманіе и вмѣсто хорошихъ качествъ усвоивало одни пороки и заблужденія; вмѣсто желаемаго просвѣщенія въ Россіи усиливалось лжепросвѣщеніе, которое, по своимъ вреднымъ послѣдствіямъ, казалось хуже древняго русскаго невѣжества. Вредныя послѣдствія такого иноземнаго вліянія должны были возбудить въ русскихъ людяхъ вопросъ о правильномъ и разумномъ усвоеніи европейскаго просвѣщенія, сообразно съ народнымъ характеромъ и народными потребностями. Сознали необходимость основательно изучить какъ современную жизнь русскаго народа, такъ и его прошлую исторію. Это сознаніе въ наукѣ выразилось въ ученыхъ путешествіяхъ по разнымъ областямъ Россіи, съ цѣлію всесторонняго ихъ изученія; въ изданіи лѣтописей и другихъ историческихъ памятниковъ; въ сборникахъ произведеній народной словесности; въ учрежденіи отдѣльной російской Академіи, съ цѣлію составленія полнаго словаря русскаго языка и грамматики; въ литературѣ—во множествѣ литературныхъ произведеній въ народномъ

духъ и съ народнымъ содержаніемъ. Въ этихъ трудахъ народнаго самопознанія принимали участіе, начиная съ самой Екатерины, всѣ ученые и писатели этой эпохи. Но, какъ въ прежнее время увлеченіе европейской цивилизаціей сопровождалось оставленіемъ древнихъ благочестивыхъ русскихъ обычаевъ, а у нѣкоторыхъ неразумныхъ доходило даже до презрѣнія ко всему отечественному, такъ теперь многіе, возставая противъ лжепросвѣщенія и дурныхъ послѣдствій иностраннаго вліянія, начали возставать вообще противъ европейской цивилизаціи и пожалуй готовы были возвратиться къ прежней допетровской жизни. Явилось отраженіе, или продолженіе, съ необходимыми измѣненіями, борьбы тѣхъ двухъ партій сторонниковъ и противниковъ европейской цивилизаціи, которая были вызваны реформой. Какъ въ петровскую эпоху, для того, чтобы доказать необходимость реформы, и защитить всѣ нововведенія, старались, не щадя народнаго чувства, какъ можно рельефнѣе выставить всѣ темныя стороны древней русской жизни и не хотѣли признавать въ ней ничего хорошаго, такъ теперь, для того, чтобы возбудить въ русскомъ обществѣ національное сознаніе и возстановить въ немъ совершенно упавшее уваженіе къ русской жизни и русской исторіи, начали уже слишкомъ идеализировать ихъ, и, восхваляя все русское, порицать иноземное, европейское вліяніе до того, что несправедливо считали его единственнымъ источникомъ и виною всѣхъ золъ и нестроеній въ новой русской жизни, забывая, что многіе пороки и заблужденія въ новой Россіи были унаслѣдованы еще отъ стараго допетровскаго періода. Такимъ образомъ, съ самыхъ первыхъ временъ реформы, образовались тѣ два противоположныя теченія въ русской жизни, наукѣ и литературѣ, которыя еще до сихъ поръ не могутъ слиться въ одно русло, и которыя извѣстны подъ именемъ двухъ направленій — западно-европейскаго и восточно-русскаго, народно-русскаго, или славянофильскаго. Уже въ началѣ 80-хъ годовъ эти направленія такъ рѣзко обозначились и доходили до такихъ крайностей, что Фонъ-Визинъ въ числѣ извѣстныхъ вопросовъ, предложенныхъ Екатериной, нашелъ нужнымъ сдѣлать и слѣдующій вопросъ: „Какъ истребить два сопротивныя и оба вреднѣйшіе предразсудка: первый, будто у насъ все дурно, а въ чужихъ краяхъ все хорошо; второй — будто въ чужихъ краяхъ все дурно, а у насъ все хорошо“ — вопросъ, который и до сихъ поръ остается открытымъ. Борьба между этими направленіями должна была обостриться особенно въ концѣ царствованія Екатерины, когда событія французской революціи бросили такую мрачную тѣнь на Францію и вообще на все европейское просвѣщеніе, что всѣхъ заставили бояться его

и въ вопросѣ объ образованіи естественно наклоняли всѣхъ благомыслящихъ и осторожныхъ людей на сторону народнаго развитія, согласно съ потребностями русскаго народа. — Кромѣ этихъ двухъ главныхъ элементовъ — западно-европейскаго и народно-русскаго, мы встрѣчаемъ въ литературѣ Екатерининской эпохи и другіе элементы, переходившіе въ нее изъ европейскихъ литературъ. Во второй половинѣ XVIII в. по всей Европѣ распространились такъ называемыя „Пѣсни Оссіана“, изданныя англійскимъ поэтомъ Макферсономъ; эти пѣсни скоро явились въ русскомъ переводѣ и имѣли вліяніе на русскую поэзію. Въ то же время была перенесена къ намъ изъ Европы мѣщанская драма, явившаяся на смѣну старой классической драмы; по образцу ея были написаны комедіи Лукина, Веревкина, Аблесимова и др. Наконецъ въ Европѣ, противъ философіи энциклопедистовъ возстало масонство. Это масонство перешло и къ намъ и также объявило противъ нея оппозицію, выразившуюся въ дѣятельности Шварца, въ журналахъ Новикова, въ сочиненіяхъ Лопухина и др. Таковы главные элементы въ литературѣ Екатерининской эпохи.

Просвѣтительная и литературная дѣятельность Екатерины II.

Высокій умъ и мощный характеръ Екатерины II такъ поражали современниковъ, что нѣкоторые изъ нихъ (принцъ де-Линь и Вольтеръ) называли ее: Екатерина Великій (Catherine le Grand). И сама она говорила: „Привычка ли это, или дѣло вкуса, но я могу вести разговоръ только съ муцинами“. При высокомъ природномъ умѣ, Екатерина обладала и обширнымъ серьезнымъ образованіемъ⁽¹⁾. Въ самыхъ молодыхъ годахъ (род. 1729, ум. 1796 г.), будучи еще княжной Ангальтъ-Цербтской, она, не удовлетворяясь уроками своихъ учителей, сама начала знакомиться съ лучшими произведеніями французской и итальянской литературы; но особенно серьезно она занялась самообразованіемъ съ того времени, какъ сдѣлалась княжной русской. Съ этого времени, до вступленія на русскій престолъ, въ продолженіе 18 лѣтъ, чтеніе книгъ и выписки изъ нихъ по разнымъ политическимъ, ученымъ и литературнымъ вопросамъ были ея постояннымъ занятіемъ. Въ ся библіотекѣ въ это время находились такія разнообразныя и серьезные книги, какъ Жизнь

(1) Воспитаніе Екатерины II. Я. Грота. Древняя и Новая Россія 1875 г., томъ I.

Генриха IV Перификса, Исторія Германіи Барри, Лѣтописи Тацита, Диалоги Платона (во французскомъ переводѣ), церковная исторія Бароніа, словарь Бэйля, сочиненія Монтеस्कье и Вольтера. Изъ современныхъ писателей Екатерина прежде всего обратила вниманіе на Монтеस्कье; особенно ее увлекалъ „Духъ законовъ“, изъ котораго она очень рано начала дѣлать выписки, вошедшія потомъ въ „Наказъ Коммисіи“. „Духъ законовъ, писала она г-жѣ Жоффренъ, долженъ быть требникомъ для всѣхъ государей, если только они не лишены здраваго смысла“. Но вообще въ своемъ развитіи всего больше значенія она приписывала Вольтеру. „Вольтеръ мой учитель, писала она къ Гримму; онъ, или лучше сказать, его произведенія развили мой умъ и мою голову; я его ученица“⁽¹⁾. По вступленіи на престолъ, она тотчасъ начала съ нимъ переписку и продолжала ее до его смерти⁽²⁾. „Ни о какомъ другомъ писателѣ, — говоритъ Гротъ, внимательно прослѣдившій отношенія Екатерины къ Вольтеру по ея письмамъ къ Гримму, — она не говоритъ съ такою любовію и съ такимъ горячимъ энтузіазмомъ. Въ своемъ ослѣпленіи она не замѣчала его недостатковъ; до конца его жизни и послѣ она не переставала смотрѣть на него, какъ на идеаль писателя и простирала свое уваженіе къ его памяти до какого-то обоженія“⁽³⁾. Совсѣмъ иначе Екатерина смотрѣла на Руссо и не только не любила его, но и посмѣивалась надъ его сочиненіями и самого его называла новымъ Бернардомъ, проповѣдующимъ противъ нея крестовый походъ, который, по ея словамъ, также не удался, какъ и первый. Кромѣ крайней непослѣдовательности и парадоксальности, въ Руссо возмущали Екатерину его демократическія идеи, выраженные особенно въ его *Contrat social*, и неизбѣжно приводившія къ революціи и анархіи, а также враждебныя его выходки противъ Россіи. Воспитательная теорія Руссо, изложенная въ *Эмилѣ*, также противорѣчила всѣмъ основ-

⁽¹⁾ Екатерина II въ перепискѣ съ Гриммомъ Я. К. Грота. Зап. Ак. наукъ. Приложение къ XXXIV тому № 1, стр. 67.

⁽²⁾ «Философская и политическая переписка импер. Екатерины II съ г. Вольтеромъ». Подъ такимъ заглавіемъ она издавалась прежде нѣсколько разъ. Новое болѣе полное ея изданіе сдѣлано В. В. Чуйко. Европейскіе писатели и мыслители. IV. Вольтеръ и Екатерина II. Спб. 1882.

⁽³⁾ Заботы Екатерины II о народномъ образованіи, по ея письмамъ къ Гримму, Я. К. Грота, стр. 4—5.

нымъ понятіямъ Екатерины. Поэтому она въ самомъ началѣ своего царствованія сдѣлала запрещеніе противъ Эмиля въ собственноручной запискѣ: „Слышно, что въ Академіи наукъ продаются такіе книги, которыя противъ закона, добраго нрава, насъ самихъ и російской націи, которыя во всемъ свѣтѣ запрещены, какъ напр. Эмиль Руссо... Надлежитъ приказать наискрѣпчайшимъ образомъ Академіи наукъ имѣть смотрѣніе, дабы въ ея книжной лавкѣ такіе непорядки не происходили“⁽¹⁾.—Но за то въ такихъ же дружескихъ сношеніяхъ, какъ съ Вольтеромъ, Екатерина долго находилась съ энциклопедистами Даламберомъ и Дидро. Вскорѣ послѣ вступленія на престолъ въ 1762 г., она предложила Даламберу занять должность воспитателя наследника В. К. Павла Петровича, и когда онъ отказался отъ этой должности, она писала ему: „Вы рождены, вы призваны содѣйствовать счастью и даже просвѣщенію цѣлой націи; отказываться въ этомъ случаѣ, по моему мнѣнію, значитъ отказываться дѣлать добро, въ которому вы стремитесь. Ваша философія основана на человѣколюбіи; позвольте же вамъ сказать, что она не достигнетъ своей цѣли, если вы отказываетесь служить человечеству, насколько это возможно для васъ“. Не смотря на отказъ Даламбера, она продолжала съ нимъ сношенія и часто обращалась къ нему за совѣтами по разнымъ вопросамъ.—Узнавъ, что Дидро бѣденъ и такъ нуждается въ деньгахъ, что на приданое дочери готовъ продать свою бібліотеку, она купила у него эту бібліотеку за 15,000 ливровъ, оставила ее въ его пользованіи до его смерти, и кромѣ того еще назначила ему постоянное жалованіе въ годъ по 1000 франковъ, какъ хранителю ея бібліотеки, и приказала выдать это жалованье за 50 лѣтъ впередъ. Когда же Дидро, чтобы отблагодарить Екатерину за такую милость, вздумалъ пріѣхать въ Петербургъ, она выслала къ нему на встрѣчу камергера Нарышкина и приняла его, какъ представителя европейскаго просвѣщенія. Пять мѣсяцевъ Дидро прожилъ въ Петербургѣ, и каждый день она приглашала его къ себѣ, разговаривала съ нимъ по нѣскольку часовъ и послѣ всѣхъ подарковъ предложила ему 200,000 рублей для новаго изданія „Энциклопедіи“.—Познакомившись съ сочиненіями итальянскаго писателя Беккариа „О преступленіяхъ и наказаніяхъ“, она хотѣла также вызвать его въ Петербургъ на службу и приказывала выдать ему впередъ 1000 червонцевъ, въ случаѣ, если бы онъ согласился пріѣхать. Бомарше она предлагала издавать сочине-

(1) Тамъ же стр. 7—8.

нія Вольтера въ Петербургѣ. Кромѣ того, Екатерина переписывалась съ г-жею Жофренъ, нѣмецкимъ докторомъ Циммерманомъ и особенно долго съ барономъ Гриммомъ. Гримму она также предлагала навсегда переселиться въ Россію и хотѣла поручить ему главное управленіе народнымъ образованіемъ и народными школами. Въ постоянной перепискѣ своей⁽¹⁾ она сообщала Гримму всѣ свои планы и намѣренія и требовала отъ него совѣтовъ въ разныхъ случаяхъ; чрезъ него она знакомилась со всѣми новостями въ европейской политикѣ, наукѣ и искусствахъ, получала лучшія произведенія иностранныхъ писателей и художниковъ и проч. Наконецъ при дворѣ, въ ея кругу, было всегда нѣсколько европейскихъ знаменитостей, каковы французскій посланникъ графъ Сегюръ, бельгійскій принцъ де-Линъ и др.⁽²⁾

Но, при всемъ уваженіи къ европейскому просвѣщенію и представителямъ его, философамъ энциклопедистамъ и разнымъ ученымъ и писателямъ, Екатерина всегда помнила, что она русская императрица, призванная для управленія русскимъ царствомъ, для блага русскаго народа. Рядомъ съ изученіемъ Европы и европейской науки у нея шло внимательное изученіе Россіи во всѣхъ ея отношеніяхъ. Вскорѣ по прибытіи въ Россію, учителями ея были назначены для наставленія въ православной вѣрѣ Симонъ Тодорскій, бывшій послѣ архіеписк. Псковскій († 1754), для обученія русскому языку академикъ Адауровъ. Она внимательно занялась изученіемъ русскаго языка и если не изучила его до такой степени, чтобы писать на немъ совершенно правильно, безъ грамматическихъ ошибокъ, то въ этомъ виновата была императрица Елисавета, которая не давала ей много заниматься, говоря, что она и такъ слишкомъ умна. Екатерина сознавала въ послѣдствіи свои недостаточныя свѣдѣнія въ рус-

⁽¹⁾ Письма Екатерины II къ Барону Гримму напечатаны Я. К. Гротомъ въ Сборникѣ русскаго историческаго общества (т. XXIII) съ подлинниковъ, хранящихся въ Государственномъ Архивѣ. Они писаны по французски и очень изрѣдка по нѣмецки. Въ Русскомъ Архивѣ 1878 г. №№ 9—10 напечатаны выдержки изъ этихъ писемъ въ русскомъ переводѣ. Баронъ Гриммъ (1723—1807) жилъ въ Парижѣ, состоя при знатныхъ нѣмцахъ, которые, по примѣру Фридриха В., находились подъ вліяніемъ французской литературы. Онъ былъ въ дружбѣ съ Дидро и Вольтеромъ. Въ 1773 г. онъ пріѣзжалъ въ Петербургъ и жилъ здѣсь полгода.

⁽²⁾ Импер. Екатерина II, въ перепискѣ съ иностранцами. А. Рамбо. Русск. Архивъ 1877; кн. 2. (Извлечено изъ *Revue de deux Mondes* 1877).

ской грамматикѣ, но не смотря на то любила писать по русски, нисколько не стѣсняясь ошибками. „Надѣяться можно, замѣчала она при этомъ, что наши грѣшныя падежи никому вреда не нанесутъ“. — „Ты не смѣйся, говорила она своему секретарю Грибовскому, надъ моею русской орфографіей. Я тебѣ скажу, почему я не успѣла хорошенъко ее узнать: по пріѣздѣ моемъ сюда, я съ большимъ прилежаніемъ начала учиться русскому языку. Тетка, Елисавета Петровна, узнавъ объ этомъ, сказала моему гофмейстеринѣ: полно ее учить, она и безъ того умна. Такимъ образомъ могла я учиться русскому языку только изъ книгъ, безъ учителей, и это есть причина, что я плохо знаю правописание“. Впрочемъ, замѣчаетъ Грибовскій, государыня говорила по русски довольно чисто и любила употреблять простыя и коренныя русскія слова, которыхъ она знала множество“. — Познакомившись съ русскимъ и славянскимъ языкомъ настолько, чтобы читать книги, она стала знакомиться съ русской исторіей и начала читать лѣтописи; отъ литературы книжной она перешла къ народной словесности и изучала духъ и нравы русскаго народа въ его пословицахъ, пѣсняхъ и сказкахъ. Черезъ Адагурова Екатерины иногда требовала книгъ изъ Академіи наукъ; библиотечкарь Шумахеръ доставлялъ ей каталоги академической библиотеки и ея книжнаго магазина. — Это изученіе Россіи въ ея прошедшемъ и настоящемъ состояніи было весьма важно для Екатерины. Оно спасло ее отъ многихъ ошибокъ, въ которыя неизбѣжно впадаютъ иностранцы въ Россіи, и послужило къ тому, что нѣмка по происхожденію, ученица Вольтера и поклонница энциклопедистовъ, она явилась на престолѣ вполнѣ русской и сумѣла быть русской императрицей. Тотчасъ же по вступленіи на престолъ она подняла знамя русской народности, какъ въ дѣлахъ внутреннихъ, такъ и во внѣшней политикѣ, и твердо держала это знамя до конца жизни. Въ періодъ самаго страстнаго увлеченія философій энциклопедистовъ, она не доходила до такихъ крайностей, чтобы въ пользу ихъ ученія пожертвовать какими-нибудь народными или государственными интересами. Народные и государственные интересы были неизмѣнными границами, за которыя она не позволяла себѣ переступать при своихъ сношеніяхъ съ иностранцами и симпатіяхъ къ нѣкоторымъ иностраннымъ учрежденіямъ. О томъ же самомъ Дидро, которому она оказывала такое уваженіе, она въ послѣдствіи говорила графу Сегюру: „Я много и часто бесѣдовала съ нимъ, но больше съ любопытствомъ, чѣмъ съ пользою. Если бы я его словамъ повѣрила, то пришлось бы все поставить вверхъ ногами въ моемъ царствѣ. Законодательство, административная часть, все должно было бы перевернуться, чтобы дать мѣсто его неправит-

ческимъ теоріямъ. Видя, что ни одно изъ тѣхъ великихъ нововведеній, которыя онъ проповѣдывалъ, не было приведено въ исполненіе, онъ высказалъ нѣкоторое удивленіе и даже высшую степень неудовольствія. Тогда, говоря откровенно, я сказала ему: г. Дидро, я прислушивалась съ величайшимъ удовольствіемъ ко всему тому, что вашъ блестящій умъ внушилъ вамъ высказать мнѣ. Всѣ ваши великіе принципы, которые я очень хорошо понимаю, могутъ составить очень хорошее сочиненіе, но для дѣла они не годятся. Во всѣхъ вашихъ предложеніяхъ относительно введенія реформъ, вы забываете только одно, именно разницу, которая существуетъ между вашимъ положеніемъ и моимъ; вы работаете только на бумагѣ, которая все терпитъ и никакихъ препятствій не представляетъ ни вашему воображенію, ни вашему перу; но я, бѣдная императрица, я работаю на человѣческой кожѣ, которая чувствительна и щекотлива въ высшей степени. Въ одномъ изъ первыхъ писемъ къ Вольтеру она писала: „Мой девизъ пчела, которая, летая съ растенія на растеніе, собираетъ медъ для своего улья, и надпись: полезное“. И она хотѣла быть, дѣйствительно, пчелой, собирающей въ современной европейской наукѣ и литературѣ только то, что считала полезнымъ для своего народа и государства. „Я должна отдать справедливость своему народу,—писала она въ другомъ письмѣ къ тому же Вольтеру,—это превосходная почва, на которой хорошее сѣмя быстро возрастаетъ; но намъ также нужны аксіомы неоспоримо признанныя за истинныя; благодаря этимъ аксіомамъ, правила, долженствующія служить основаніемъ новымъ законамъ, получили одобреніе тѣхъ, для кого они были составлены“. И когда Вольтеръ слишкомъ началъ торопить, чтобы она составила новые законы, Екатерина написала ему изъ Казани: „Подумайте только, что эти законы должны служить и для Европы и Азіи; какое различіе климата, жителей, привычекъ, понятій! Я теперь въ Азіи и вижу все своими глазами. Здѣсь двадцать различныхъ народовъ, одинъ на другаго не похожихъ. Однакожъ необходимо шить каждому приличное платье. Легко положить общія начала; но частности? Вѣдь это цѣлый особый міръ: надобно его создать, сплотить, охранять“.—Увлекаясь гуманными идеями французской философіи относительно воспитанія, образованія и управленія, Екатерина стремилась провести эти идеи въ русское законодательство и администрацію, въ литературу и жизнь русскую; но она всегда возставала противъ тѣхъ идей этой философіи, которыя были направлены противъ власти и государственнаго порядка. Когда же французская революція на самомъ дѣлѣ показала, къ какимъ ужаснымъ послѣдствіямъ приводятъ эти идеи, она измѣнила свой взглядъ какъ вообще на просвѣщеніе XVIII в.,

такъ и на тѣхъ его представителей, къ которымъ относилась прежде съ такимъ уваженіемъ. „Я вчера вспомнила, писала она Гримму въ 1794 г., что вы мнѣ говорили не разъ: этотъ вѣкъ есть вѣкъ приготовленій. А я прибавлю, что приготовленія эти состояли въ томъ, чтобы приготовить грязь и грязныхъ людей разнаго рода, которые производили, производятъ и будутъ производить безконечныя несчастія и безчисленное множество несчастныхъ“ (1). Въ 1795 г. она къ тому же Гримму писала о Даламберѣ и энциклопедистахъ: „Я безропотно буду ждать благоприятной минуты, когда вамъ угодно будетъ оправдать въ моемъ мнѣніи философовъ и ихъ прислужниковъ въ томъ, что они участвовали въ революціи, особливо же въ энциклопедіи; ибо Гельвецій и Даламберъ оба сознавались покойному Прусскому королю, что эта книга имѣла только двѣ цѣли: первую—уничтожить христіанскую религію, вторую—уничтожить королевскую власть“ (2). Этой переменѣй взглядовъ на философію энциклопедистовъ, кромѣ, разумѣется, другихъ обстоятельствъ, объясняется и тотъ крутой поворотъ въ дѣятельности Екатерины въ послѣдніе годы ея царствованія, когда она, испуганная ужасами французской революціи, изъ поклонницы и проповѣдницы гуманныхъ идей сдѣлалась почти ихъ гонительницей, когда она подозрительно стала относиться къ тѣмъ самымъ явленіямъ умственнымъ и литературнымъ, которыя сама вызвала, или которыя прежде вполне одобряла, когда она начала видѣть вредныя и разрушительныя стремленія тамъ, гдѣ ихъ совсѣмъ не было. Извѣстно, что она сильно разгнѣвалась на Державина за его оду „Властителемъ и судіямъ“, которая прежде не возбуждала въ ней никакого подозрѣнія; запретила трагедію Княгинина „Вадимъ“; подвергла преслѣдованію, а потомъ и заключила въ крѣпость того самаго Новикова, просвѣтительную дѣятельность котораго она вполне одобряла, осудила на сосланіе въ Сибирь Радищева за его „Путешествіе въ Москву“. Но такая переменна во взглядахъ и дѣятельности Екатерины обнаружилась преимущественно въ послѣдніе годы ея царствованія, въ первыя же времена, особенно въ первые десять лѣтъ, она, какъ мы замѣтили, глубоко сочувствовала всѣмъ лучшимъ идеямъ о воспитаніи, образованіи и управленіи, и старалась проводить ихъ въ русскую жизнь разными мѣрами и всѣми путями — педагогическимъ, законодательнымъ и литературнымъ.

(1) Екатерина II въ перепискѣ съ Гриммомъ, Я. К. Грота. Зап. Акад. наукъ, т. XL, 231. (2) Тамъ же. 274—275.

Воспитательныя и образовательныя заведенія въ Екатерининскую эпоху. Вопросъ о воспитаніи и образованіи былъ, какъ мы видѣли, основнымъ вопросомъ въ XVIII в. Путемъ воспитанія, которое считалось главною причиною добра и зла, счастья и несчастья въ жизни человѣческой, хотѣли создать новую породу людей, свободную отъ удручающихъ чловѣка предразсудковъ, заблужденій и пороковъ. Поэтому на воспитаніе и образованіе прежде всего обратила вниманіе и Екатерина, какъ только вступила на престолъ.—Прежнее образованіе, какъ въ Европѣ, такъ и у насъ было односторонне и имѣло характеръ преимущественно профессиональный: все вниманіе обращено было на развитіе умственное, на изученіе разныхъ предметовъ, но при этомъ въ сторонѣ или въ совершенномъ небреженіи было оставлено воспитаніе физическое, развитіе и укрѣпленіе тѣла; во всѣхъ школахъ главною заботою было только ученіе, сообщеніе разнообразныхъ свѣдѣній, согласно съ будущимъ назначеніемъ учащихся, но не было и мысли о гармоническомъ развитіи и направленіи всѣхъ душевныхъ способностей, объ образованіи нравственнаго характера, однимъ словомъ, было ученіе, но не было воспитанія; во всѣхъ училищахъ главною цѣлію было—приготовить разныхъ чиновниковъ, способныхъ занять тѣ или другія должности на государственной службѣ, разнаго рода ученыхъ, художниковъ, ремесленниковъ; но при этомъ нисколько не заботились о томъ, чтобы въ этихъ будущихъ чиновникахъ воспитать хорошихъ людей, честныхъ и полезныхъ гражданъ. Всѣ эти односторонности и недостатки прежняго образованія предположено было устранить въ новыхъ заведеніяхъ, которыя должны были сообщать новому поколѣнію учащихся правильное всестороннее воспитаніе—физическое, умственное и нравственное. Понятно, что принятія Екатериною мѣры для устройства такого воспитанія были встрѣчены съ радостію, какъ залогъ возрожденія, или новаго преобразованія Россіи. „Петръ В., говорилъ Бедкѣй, обращаясь къ Екатеринѣ въ составленномъ имъ „Планѣ Воспитательнаго Дома“, создалъ въ Россіи людей; Ваше Величество влагаете въ нихъ души“; Сумароковъ „въ Надписи къ статуѣ Петра I“ сказалъ:

«Петръ далъ намъ бытіе, Екатерина душу»;

а Херасковъ ту же мысль выразилъ въ повѣсти „Нума“ въ слѣдующихъ стихахъ:

«Почтенья къ тѣмъ святымъ словамъ я вѣкъ не рушу:
Петръ Россамъ далъ тѣла, Екатерина душу».

Иванъ Ивановичъ Бецкій. Главнымъ дѣятелемъ при устройствѣ новаго воспитанія былъ Бецкій, который въ исторіи образованія въ Екатерининскую эпоху имѣеть такое же важное значеніе, какъ Шуваловъ въ Елисаветинскую эпоху. Иванъ Ивановичъ Бецкій (1704—1795), побочный сынъ князя Трубецкаго, родился въ Стокгольмѣ и тамъ же получилъ свое первое образованіе. Онъ долго путешествовалъ по разнымъ странамъ Европы, познакомился съ новой философіей и литературой, но съ особеннымъ любопытствомъ и усердіемъ занимался изученіемъ разныхъ учебныхъ и воспитательныхъ заведеній, основанныхъ на новыхъ просвѣтительныхъ началахъ. Въ 1763 г. Екатерина назначила его президентомъ Академіи Художествъ и директоромъ кадетскаго корпуса и поручила ему устроить при нихъ воспитательныя заведенія, по образцу европейскихъ. Въ слѣдствіе этого Бецкій составилъ извѣстный „Докладъ императрицѣ о воспитаніи юношества обоаго пола“ и „Проектъ или планъ воспитательнаго дома въ Москвѣ“ (1). Въ 1764 г. было основано при Воскресенскомъ (Смольномъ) монастырѣ общество для благородныхъ дѣвицъ, а въ 1765 г. такое же общество для дѣвицъ мѣщанскаго сословія; при Академіи Художествъ въ 1764 г. учреждено воспитательное училище для мѣщанъ, а въ 1766 такое же училище при кадетскомъ корпусѣ. Въ Москвѣ были открыты училища Екатерининское (въ 1764 г.) и Коммерческое (въ 1772 г.) и Воспитательный домъ для приносящихъ дѣтей (въ 1763); такой же домъ былъ открытъ и въ Петербургѣ (въ 1770 г.). Помощникомъ Бецкаго при учрежденіи этихъ училищъ былъ профессоръ Барсовъ, который, между прочимъ, написалъ и упомянутый выше планъ Воспитательнаго Дома. Въ этомъ планѣ и особенно въ „Докладѣ о воспитаніи юношества обоаго пола“ выражены были и всѣ основныя начала и правила воспитанія и образованія во всѣхъ заведенныхъ училищахъ. Указавъ въ „Докладѣ“ на то, что хотя образованіе въ Россіи началось давно и съ давняго времени существуютъ разныя училища, но „существительныхъ плодовъ отъ нихъ собрано мало, буде не совсѣмъ ничего“, Бецкій указываетъ причину этого въ томъ, что при ученіи до сихъ поръ нисколько не заботились о воспитаніи, и потому находить необходимымъ учредить воспитательныя заведенія. „Искусство доказало, говоритъ онъ, что одинъ только украшенный или просвѣщенный науками разумъ не дѣлаетъ еще добраго и прямиаго гражданина, но во многихъ слу-

(1) Полн. собр. законовъ т. XVI, №№ 11,908; 12,103.

чаяхъ паче во вредъ бываетъ, если кто отъ самыхъ нѣжныхъ юности своей лѣтъ воспитанъ не въ добродѣтеляхъ и твердо оныя въ сердцѣ его не вкоренены... При такомъ недостаткѣ смѣло утвердить можно, что прямого въ наукахъ и художествахъ успѣха и „третьяго чина“ людей въ государствѣ ожидать всуе себя и ласкать. Посему ясно, что корень всему злу и добру воспитаніе; достигнуть же послѣдняго съ успѣхомъ и съ твердымъ исполненіемъ не иначе можно, какъ избрать средства еъ тому прямыя и основательныя. Держась сего неоспоримаго правила, единое токмо средство остается, то есть: произвести сперва способомъ воспитанія такъ сказать „новую породу, или новыхъ отцевъ и матерей“, которые бъ дѣтямъ своимъ тѣже прямыя и основательныя воспитанія правила въ сердцѣ вселить могли, какія получили они сами, и отъ нихъ дѣти предали бъ паки своимъ дѣтямъ, и такъ слѣдуя изъ родовъ въ роды, въ будущіе вѣки. Великое сіе намѣреніе исполнить нѣтъ совсѣмъ инаго способа, какъ завести „воспитательныя училища для обоюго пола дѣтей“. Существенную черту этихъ училищъ составляло то, что они должны быть училища закрытыя. Учащіеся отъ пятаго и шестаго года и до 18 и 20 лѣтъ должны безвыходно оставаться въ нихъ. „Во все же то время не имѣть имъ ни малѣйшаго съ другими сообщенія, такъ что и самыя близкіе сродники хотя и могутъ ихъ видѣть въ назначенныя дни, но не иначе, какъ въ самомъ училищѣ и то въ присутствіи ихъ начальниковъ. Ибо неоспоримо, что частое съ людьми безъ разбора обхожденіе внѣ и внутрь онаго весьма вредительно“. Такимъ путемъ хотѣли создать въ училищахъ новую породу людей, свободную отъ прежнихъ предрасудковъ и пороковъ. Другую черту этихъ училищъ составляло то, что въ нихъ надъ ученіемъ должно было преобладать нравственное наставленіе. Тѣже начала высказываются и въ „Планѣ воспитательнаго дома для приносныхъ младенцевъ“. „Монархиня чрезъ сіи учрежденія, говоритъ Бецкій въ докладѣ объ учрежденіи этого дома, предпріяла самыя пороки перемѣнить въ источники добродѣтели и отъ непорядочной жизни заблужденныхъ сердець счастливыя и похвальныя плоды произвести“... Цѣлью воспитательнаго дома было готовить людей, способныхъ служить отечеству дѣлами рукъ своихъ въ различныхъ искусствахъ и ремеслахъ. Тѣхъ же воспитанниковъ, которые отличались особенными способностями, переводили для дальнѣйшаго образованія въ университетъ или академію художествъ. Замѣчательно разсужденіе о томъ, надобно ли дѣвочекъ учить тому же, что и мальчиковъ: „За первое предводительство, оказанное намъ, какъ на свѣтъ вышли, за первую помощь, за первое пропитаніе, за первыя наставленія и за пер-

вую дружбу, которою въ жизни своей пользуемся, кому должны? Одному женскому полу. Но мы, „человѣки“, столь тщеславимся превосходствомъ въ крѣпости силъ своихъ, столь горды, столь упрямы и неправосудны, что и въ приобрѣтеніи наставленій, къ просвѣщенію разума потребныхъ, препятствуемъ такому полу, которому мы за все одолжены“.

На устройство училищъ и воспитаніе дѣтей Бецкій употребилъ всѣ свои силы и жертвовалъ своимъ состояніемъ, такъ что въ обществѣ его и называли — „Бецкій воспитатель дѣтскій“.

„Мы зовемъ его дѣтскимъ магазиномъ“, писала о немъ Екатерина г-жѣ Жоффрианъ. Въ училищахъ при смольномъ монастырѣ, академіи художествъ и кадетскомъ корпусѣ, онъ содержалъ пѣсколько дѣтей на своемъ иждивеніи и завѣщавалъ этимъ училищамъ въ своей Духовной значительныя суммы. Въ память его заслугъ Сенатъ въ 1773 г. торжественно поднесъ ему золотую медаль съ портретомъ его ⁽¹⁾. Надо замѣтить, впрочемъ, что училища Бецкаго устроены были по образцу иностранныхъ воспитательныхъ домовъ; это подражаніе, равно какъ и вообще пристрастіе Бецкаго къ иностранному не правилось нѣкоторымъ русскимъ людямъ, и они находили многое въ его учрежденіяхъ не серьезнымъ, не нужнымъ и даже вреднымъ. Выше ⁽²⁾ мы привели изъ Записокъ Порошина грубое замѣчаніе Сумарокова, который называлъ Бецкаго и Тауберта дураками за то, что они русскихъ дѣтей учатъ на иностранныхъ языкахъ. Въ другомъ мѣстѣ своихъ Записокъ Порошинъ говоритъ: „Никита Ивановичъ (Панинъ) ѣздилъ сего вечера въ воспитательное училище при Академіи Художествъ: тамъ былъ экзамень, или какія то игрушки мнимаго російскаго Кольберга“. Въ известной сатирѣ Эмина (Сонъ) между прочимъ сказано: „Старуха моя завезла меча въ повозаведенное собраніе (Академія Художествъ), гдѣ разнымъ художествамъ разныхъ животныхъ обучали. Изъ нихъ многія были уже весьма искусны и умѣли ставить и зажигать плашки въ праздничные дни; многіе изъ нихъ учились быть комедіантами“. Объясняя разныя странности, старуха сказала: „Этого собранія главный членъ (Бецкій) чуднаго сложенія и дѣласть учрежденія по своему вкусу; правда, что онъ родился въ здѣшнихъ лѣсахъ, однако своихъ животныхъ не любитъ и весьма пристрастенъ къ чужелѣснымъ“.... ⁽³⁾.

⁽¹⁾ Я. К. Грота: Сочин. Державина 1,701—702; М. И. Сухомлинова Истор. Росс. Академіи IV, 222—223. ⁽¹⁾ См. Отд. I, 228.

⁽³⁾ Ист. Росс. Соловьева. XXVI, 324—325; 334—335.

Народныя училища. По проэкту Бецкаго закрытыя воспитательныя заведенія предполагено было устроить во всѣхъ важнѣйшихъ городахъ Россіи; но этотъ проектъ, по недостатку учителей и денежныхъ средствъ, не могъ быть исполненъ. Болѣе удобнымъ и болѣе цѣлесообразнымъ Екатерина нашла учредить открытыя „народныя училища“ (1). Современныя идеи о свободѣ и равноправности указывали на необходимость образованія „для всѣхъ и каждаго“, не исключая самыхъ низшихъ классовъ народа. Еще въ 1773 г., во время пріѣзда въ Петербургъ Дидро и Гримма, Екатерина разсуждала съ ними о заведеніи народныхъ училищъ, а въ „Учрежденіи о губерніяхъ“, обнародованномъ въ 1775 г. попеченіе объ ихъ устройствѣ возложено было на учрежденныя тогда Приказы общественнаго призрѣнія. Но ближайшимъ поводомъ и образцемъ для устройства такихъ училищъ послужили школы, заведенныя въ Австріи, по плану импер. Маріи Терезіи. По этому плану, училища въ Австріи раздѣлялись на малыя, или тривіальныя (отъ *trivium*, потому что въ нихъ обучали тремъ предметамъ: читать, писать и считать); главныя, въ которыхъ преподавали геометрію, механику, архитектуру, естественныя науки, географію, исторію, сельское хозяйство и латинскій языкъ, и нормальныя, которыя должны были служить нормою, образцомъ для другихъ школъ и разсадникомъ для образованія будущихъ народныхъ учителей. Екатерина вздумала примѣнить этотъ планъ къ образованію въ Россіи и учредила особую училищную комиссію изъ сенатора П. В. Завадовскаго, академика Эпинуса и П. И. Пастухова; въ сотрудники къ нимъ былъ приглашенъ изъ Австріи бывшій директоръ училищъ въ Темешварѣ Ф. И. Янковичъ де-Миріево. Янковичъ былъ православный сербъ (Миріево—село въ Сербіи, близъ Бѣлграда), зналъ русскій языкъ и былъ извѣстенъ хорошимъ руководствомъ для учителей православныхъ школъ въ Сербіи. Онъ явился главнымъ дѣятелемъ въ училищной комиссіи; имъ составленъ былъ планъ устройства народныхъ училищъ; ему принадлежалъ выборъ и переводъ нѣкоторыхъ иностранныхъ учебниковъ по разнымъ предметамъ. „Благополучнымъ быть, сказано было въ заявленіи Комиссіи, есть предметъ каждаго человѣка; отъ добраго воспитанія и руководства еще съ младыхъ лѣтъ жизнь каждаго гражданина всѣ его склонности и дѣла, все вѣчное и временное благополучіе зависитъ. Государство обязано доставить каждому безъ изыятія

(1) Заботы Екатерины II о народномъ образованіи, по письмамъ къ Гримму. Я. К. Грота. 1879. Истор. Росс. Академіи М. И. Сухоминова IV, 242—248.

гражданину воспитаніе, ибо не мѣстомъ рожденія, къ произволенію судьбъ относящагося, государство доставляетъ гражданамъ своимъ благодѣяніе; но отечество обязываетъ къ себѣ благодарностію своихъ сыновъ чрезъ воспитаніе“. Училища, учрежденныя Коммиссіею, назывались „народными“, потому что доступъ въ нихъ былъ открытъ „для всего народа“, безъ различія званія и происхожденія. По плану Коммиссіи, предположено было учредить училища трехъ родовъ: малыя, или „нижнія“, изъ двухъ классовъ; „среднія“—изъ трехъ и „вышнія“—изъ четырехъ. Въ нижнихъ училищахъ обучали грамотѣ и ариметикѣ, въ среднихъ преподавались: свая. исторія, русская грамматика, краткая всеобщая исторія, краткая географія; въ высшихъ: геометрія, архитектура, механика, физика, естественная исторія. Въ послѣдствіи удержались только училища перваго и послѣдняго разряда; заведенныя кое-гдѣ среднія училища обращены были въ нисшія. Въ первые два года возникли нисшія народныя училища въ Петербургѣ и другихъ городахъ петерб. губерніи; въ Петербургѣ же явились два главныя народныя училища: одно русское, другое—нѣмецкое. Эти два заведенія должны были служить нормальными т. е. образцовыми для всѣхъ прочихъ. Въ 1786 г. послѣдовало открытіе главныхъ училищъ во многихъ губернскихъ городахъ Россіи. Наконецъ въ этомъ же 1786 г. былъ составленъ и планъ основанія трехъ университетовъ—въ Псковѣ, Черпиговѣ и Пензѣ; но время университетовъ наступило только уже въ царствованіе Алексавдра I; при Екатеринѣ же изъ высшихъ ученыхъ заведеній было учреждено только одно—Россійская Академія, которая стараніями княгини Дашковой была открыта въ 1783 г. для составленія россійской грамматики, россійскаго словаря, риторики, и правилъ стихотворенія и для обогащенія русской литературы произведеніями краснорѣчія и поэзіи, посредствомъ переводовъ на русскій языкъ древнихъ и новыхъ писателей.

НАКАЗЪ ЕКАТЕРИНЫ II.

Наказъ Екатерины II ⁽¹⁾ имѣлъ такое же значеніе въ Екатерининскую эпоху, какое Духовный Регламентъ въ Петровскую

(1) Наказъ императр. Екатерины о сочиненіи проекта Новаго Уложенія Г. Елисеева. Отеч. Зап. 1868 г., январь, т. СLXXVI.—Историческія свѣдѣнія о Екатерининской коммиссіи для сочиненія проекта Новаго Уложенія. Д. В. Полѣнова. Сборн. русск. истор. общества, т. X.—Екатерининская коммиссія 1767—69 г. П. Б. Бланка. Русск. Вѣстн. 1876. — Большая коммиссія А. Брикнера. Журн. Мин. Нар. Пров. 1881. ч. ССХVII.—Ист. Россіи Соловьева, томъ XXVII.

эпоху. И потому, какъ Регламентъ мы поставили во главѣ Петровской литературы, такъ Наказъ долженъ быть поставленъ во главѣ всей Екатерининской литературы. Въ Наказѣ въ первый разъ были выражены тѣ идеи о законодательствѣ и управленіи, воспитаніи и образованіи, которыя составили основу и главное содержаніе всей русской литературы во вторую половину XVIII в.

Наказъ есть не что иное, какъ инструкція, данная Екатериной въ руководство Коммисіи, учрежденной въ 1766 г. для составленія новаго Уложенія. Въ манифестѣ о созваніи депутатовъ для этой Коммисіи (14 декабря 1766 г.) Екатерина говорила: „Наше первое желаніе есть видѣти нашъ народъ столь счастливымъ и довольнымъ, сколь далеко человѣческое счастье и довольствіе можетъ на сей землѣ простираться“; а въ концѣ Наказа, осуждая ласкателей, которые земнымъ обладателямъ говорятъ, что народы ихъ для нихъ сотворены, она объявила: „Однакожъ мы думаемъ и за славу себѣ вмѣняемъ сказать, что мы сотворены для нашего народа, и по сей причинѣ мы обязаны говорить о вещахъ такъ, какъ они быть должны. Ибо, Боже сохрани! чтобы послѣ окончанія сего законодательства былъ какій народъ больше справедливъ и слѣд. больше процвѣтающъ на землѣ; намѣреніе законовъ нашихъ было бы неисполнено: несчастье, до котораго я дожить не желаю“. И дѣйствительно, Екатерина приняла въ пособіе при составленіи Наказа все, что могла доставить современная наука о правѣ и законодательствѣ, такія сочиненія европейскихъ ученыхъ, которыя тогда считались послѣднимъ словомъ въ этой наукѣ. Въ отдѣлѣ о воспитаніи она руководствовалась сочиненіями Локка; въ отдѣлѣ о преступленіяхъ и наказаніяхъ сочиненіемъ итальянскаго ученаго Беккари; но главнымъ источникомъ для нея служилъ „Духъ законовъ“ Монтескье, изъ котораго она брала такія большія заимствованія, что сама называла ихъ воровствомъ: „Вы увидите, писала она Даламберу, какъ для пользы своей имперіи я обобрала президента Монтескье, не называя его: надѣюсь, что если съ того свѣта онъ видитъ мою работу, то проститъ мнѣ этотъ литературный грабежъ для блага 20 миллионновъ людей, какое изъ того должно послѣдовать. Онъ такъ любилъ человѣчество, что не будетъ формализировать; его книга—это мой молитвенникъ“. Но, заимствуя все лучшее изъ лучшихъ сочиненій, она имѣла въ виду приспособить все заимствованное къ установившейся въ Россіи формѣ государственнаго Правленія, къ потребностямъ страны, къ духу и характеру русскаго народа.

Екатерина составляла Наказъ два года и сначала составляла тайно, года полтора никому не говоря, а потомъ стала показывать его по частямъ своимъ приближеннымъ, князю Орло-

ву, графу Н. И. Павину и другимъ лицамъ. Изъ писателей она дала просмотрѣть Наказъ Сумарокову, который, однакожь, оказался въ этомъ случаѣ ниже той репутаціи, какую онъ приобрѣлъ своими литературными сочиненіями. Онъ придирчиво и мелочно возражалъ противъ разныхъ положеній Наказа и даже противъ составленія законовъ чрезъ выбранныхъ депутатовъ. „Большинство голосовъ, пишетъ онъ, истины не утверждаетъ; утверждаетъ мнѣніе великій разумъ и безпристрастіе“. Екатерина на это замѣтила: „большинство истины не утверждаетъ, а только показываетъ желаніе большинства“. Сумароковъ замѣтилъ: „вольность и коронѣ и народу больше приноситъ пользы, чѣмъ неволя, но своевольство еще неволи вреднѣе“. Екатерина на это отвѣтила, что о пользѣ вольности много у ней говорится въ Наказѣ, но нигдѣ нѣтъ похвалы своеволію. Сумароковъ замѣтилъ: „законовъ съ умствованіемъ народа соглашать не надобно, ибо у честныхъ людей все умствованіе—нагая истина, а законы предписываются борющимся истину“. Екатерина отвѣчала: „Есть законы, ведущіе къ добру, есть наказывающіе преступленія“. Особенно Сумароковъ возсталъ противъ мысли о свободѣ крѣпостныхъ людей. „Сдѣлать русскихъ крѣпостныхъ людей вольными нельзя, говорилъ онъ; скудные люди ни повара, ни кучера, ни лакея имѣть не будутъ и будутъ ласкать слугъ своихъ, пропуская имъ многія бездѣльства, дабы не остаться безъ слугъ и безъ повинующихся имъ крестьянъ, и будетъ ужасное несогласіе между помѣщикамъ и крестьянъ, ради усмиренія которыхъ потребны будутъ многіе поля; непрестанная будетъ въ государствѣ междоусобная брань и вмѣсто того, что нынѣ помѣщики живутъ покойно въ вотчинахъ (и бывають зарѣзаны отчасти отъ своихъ“, замѣтила Екатерина), вотчины ихъ обратятся въ опаснѣйшія имъ жилища, ибо они будутъ зависѣть отъ крестьянъ, а не крестьяне отъ нихъ. Примѣчено, что помѣщики крестьянъ и крестьяне помѣщиковъ очень любятъ, а нашъ низшій народъ никакихъ благородныхъ чувствій не имѣетъ“ („и имѣть не можетъ въ нынѣшнемъ своемъ состояніи“, замѣтила Екатерина). Вѣроятно, послѣ подобныхъ возраженій, Екатерина къ Даламберу писала о своемъ Наказѣ: „Я зачеркнула, разорвала и сожгла больше половины; и Богъ вѣсть, что станетъ съ остальнымъ“. Когда депутаты съѣхались въ Москву, императрица предварительно назначила нѣсколько лицъ „весьма разномыслящихъ“, дабы выслушать приготовленный Наказъ. Тутъ при каждой статьѣ поднялись пренія. Императрица дала имъ чернить и вымарать все, что хотѣли. Они болѣе половины изъ того, что было написано ею, помарали и остался Наказъ яко оный напечатанъ“. Особенно много было вымарано изъ статьи о крѣпостныхъ крестьянахъ, какъ это показываетъ

дошедшій до насъ отрывокъ изъ черновой рукописи Наказа (1). Вопросъ о крѣпостныхъ крестьянахъ и въ самой Коммиссіи произвелъ всего больше шуму. Въ Коммиссіи не только не отказались отъ права владѣть крестьянами дворяне, но даже желали оставить это право исключительно за собою; кромѣ того потребовали этого права и другія сословія, потребовали купцы, казаки и наконецъ духовенство. Освобожденія крестьянъ, какъ сейчасъ указано, не могъ переварить даже такой либеральный по тому времени писатель, какъ Сумароковъ, проводившій въ своихъ сочиненіяхъ разныя гуманныя идеи XVIII в. и громко возставшій противъ всякаго рода обидъ и несправедливостей.

Въ сокращенномъ видѣ Наказъ былъ напечатанъ въ 1767 г. При появленіи своемъ и въ этомъ видѣ онъ вызвалъ всеобщее одобреніе. Въ Европѣ его называли торжествомъ разсудка и человѣколюбія. Фридрихъ II, по полученіи его, писалъ Екатеринѣ: „Древніе греки, которые были хорошими цѣнителями заслугъ, обоготворяли великихъ людей, предоставляя первое мѣсто законодателямъ, которыхъ считали истинными благодѣтелями рода человѣческаго: они помѣстили бы Ваше Величество между Ликургомъ и Солономъ. Признаюсь, я былъ восхищенъ не только правилами человѣколюбія и кротости, о чемъ вѣщаютъ эти законы, но также порядкомъ, связностію мыслей, великою ясностію и точностію въ выраженіяхъ, господствующими въ этомъ твореніи, и обширными свѣдѣніями, содержащимися въ немъ“.

Наказъ состоитъ изъ XX главъ, къ которымъ Екатерина присоединила еще двѣ главы XXI и XXII и начертаніе о приведеніи къ окончанію Коммиссіи о составленіи проекта новаго Уложенія (2). Основными идеями современныхъ законодательныхъ и политическихъ сочиненій въ Европѣ были идеи равенства, братства и свободы. Поэтому въ Наказѣ Екатерина прежде всего опредѣляетъ, въ чемъ должна состоять „свобода“ въ государствѣ самодержавномъ, и какъ надобно понимать „равенство между людьми“. Въ V главѣ: „о состояніи всѣхъ въ государствѣ живущихъ“, говорится: „Равенство всѣхъ гражданъ состоитъ въ томъ, чтобы всѣ подвержены были тѣмъ же законамъ (§ 34). Сіе равенство требуетъ хорошаго установленія, которое воспрещало

(1) Ист. Россіи Соловьева XXVII, 37—39; 79—83.

(2) Въ началѣ Наказа обыкновенно печатаются манифестъ и указъ Сенату о составленіи Коммиссіи и особое положеніе, какъ должна составиться, открыться и дѣйствовать Коммиссія.

бы богатымъ удручать меньшее ихъ стяжаніе имѣющихъ; и обращать себѣ въ собственную пользу чины и званія, порученныя имъ только какъ правительствующимъ особамъ государства (§ 35). Общественная или государственная вольность не въ томъ состоитъ, чтобы дѣлать все, что кому угодно (§ 36). Въ государствахъ т. е. въ собраніи людей, обществомъ живущихъ, гдѣ есть законы, вольность не можетъ состоять ни въ чемъ иномъ, какъ въ возможности дѣлать то, что каждому надлежитъ хотѣть, и чтобы не быть принуждену дѣлать то, чего хотѣть не должно (§ 37). Надобно въ умѣ себѣ точно и ясно представить: что есть вольность? Вольность есть право все то дѣлать, что законы дозволяютъ; и ежели бы гдѣ какой гражданинъ могъ дѣлать законами запрещаемое, тамъ бы уже больше вольности не было; ибо и другіе имѣли бы равнымъ образомъ сію власть (§ 38). Государственная вольность въ гражданинѣ есть спокойство духа, происходящее отъ мнѣнія, что всякъ изъ нихъ собственно наслаждается безопасностью: и чтобы люди имѣли сію вольность, надлежитъ быть закону такову, чтобы одинъ гражданинъ не могъ бояться другаго, а боялися бы всѣ однихъ законовъ (§ 39). Въ VI главѣ „о законахъ вообще“ опредѣляется назначеніе законовъ и основной ихъ характеръ, сообразно съ ихъ назначеніемъ, и обязанности и цѣль законодателя. „Ничего не должно запрещать законами кромѣ того, что можетъ быть вредно или каждому особенно, или всему обществу (§ 41). Всѣ дѣйствія, ничего въ себѣ такого не заключающія, ни мало не подлежатъ законамъ, которые не съ инымъ намѣреніемъ установлены, какъ только, чтобы сдѣлать самое большое спокойствіе и пользу людямъ, подъ сими законами живущимъ (§ 42). Законоположеніе должно примѣнять въ народному умствованію. Мы ничего лучше не дѣлаемъ какъ то, что дѣлаемъ вольно, непринужденно и слѣдуя природной нашей склонности (§ 57). Законы суть особенныя и точныя постановленія законоположника, а нравы и обычаи суть установленія всего вообще народа (§ 59). Итакъ, когда надобно сдѣлать перемѣну въ народѣ великую, къ великому онаго добру, надлежитъ законами то исправляти, что учреждено законами, и то перемѣнять обычаями, что обычаями введено. Весьма худая та политика, которая передѣлываетъ то законами, что надлежитъ перемѣнять обычаями“ (§ 60). Чтобы установленные законы сохранялись и исполнялись, нужны наказанія для нарушителей. Поэтому въ VI, VII, VIII, IX и X главахъ говорится „О наказаніяхъ“. Всѣ правила, въ нихъ излагаемая, отличаются духомъ особенной гуманности. „Не столько потщатся наказывать преступленія, какъ предупреждать оныя; и приложить должно болѣе старанія къ тому, чтобы вселить узаконеніями добрые нравы во гражданъ, нежели

привести духъ ихъ въ уныніе казнями (§ 83). Искусство науча-
етъ насъ, что въ тѣхъ странахъ, гдѣ кроткія наказанія, сердце
гражданъ оными столько-же поражается, какъ во другихъ мѣс-
тахъ жестокими (§ 85). Не надобно вести людей путями самы-
ми крайними, надлежитъ съ бережливостію употреблять средства,
естествомъ намъ подаваемыя, для препровожденія оныхъ къ на-
мѣреваемому концу (§ 87). Испытайте со вниманіемъ вину всѣхъ
послабленій; увидите, что она происходитъ отъ неказанія
преступленій, а не отъ умѣренности наказаній. Послѣдуемъ при-
родѣ, давшей человѣку стыдъ, вмѣсто бича, и пускай самая боль-
шая часть наказанія будетъ безчестіе, въ претерпѣннн наказанія
закрывающееся (§ 88). Употребленіе пытки противно здравому
естественному разсужденію; само человѣчество вопіетъ противъ
оныя и требуетъ, чтобы она была вовсе уничтожена (§ 123)^a.
Самые законы о наказаніяхъ изложены подробно и съ особен-
ною внимательностію. При этомъ указаны нравственныя и со-
ціальныя основанія для наказаній. Вопросъ напр., на какомъ
основаніи утверждается право наказывать людей, рѣшается та-
кимъ образомъ: „Законы можно назвати способами, коими люди
соединяются и сохраняются въ обществѣ и безъ которыхъ бы
общество разрушилось (§ 145). Но не довольно было установить
сіи способы, кои сдѣлались залогомъ; надлежало и предохра-
нить оный: наказанія установлены на нарушителей (§ 146). Вся-
кое наказаніе несправедливо, какъ скоро оно не надобное для
сохраненія въ цѣлости его залога“ (§ 147). О смертной казни
сказано: „смерть гражданина можетъ въ одномъ только случаѣ
быть потребна, сирѣчь: когда онъ, лишень будучи вольности,
имѣетъ еще способъ и силу, могущую возмутить народное спо-
койство (§ 210). Самое надежнѣйшее обузданіе отъ преступленій
есть не строгость наказанія, но когда люди подлинно знаютъ,
что преступающій законы непременно будетъ наказанъ (§ 222).
Сдѣлайте, чтобы люди боялись законовъ и никого бы вромѣ ихъ
не боялись (§ 244). Хотите ли предупредить преступленія? Сдѣ-
лайте, чтобы просвѣщеніе распространилось между людьми (§
245). Наконецъ самое надежное, но и самое труднѣйшее сред-
ство сдѣлать людей лучшими, есть приведеніе въ совершенство вос-
питанія (§ 248). О воспитаніи говорится въ XIV главѣ. „Правила
воспитанія суть первыя основанія, приготавлиющія насъ быть
гражданами (§ 348). Должно вселять въ юношество страхъ Божій,
утверждать сердце ихъ въ похвальныхъ склонностяхъ и приучать
ихъ къ основательнымъ и приличествующимъ состоянію ихъ пра-
виламъ; возбуждати въ нихъ охоту къ трудолюбію и чтобы они
страшились праздности, какъ источника всякаго зла и заблуж-
денія, научати пристойному въ дѣлахъ ихъ и разговорахъ пове-

денію, учтивости, благопристойности, соболѣзнованію о бѣдныхъ, несчастливыхъ и отвращенію отъ всякихъ продерзостей; обучать ихъ домостроительству во всѣхъ онаго подробностяхъ и сколько въ ономъ есть полезнаго; отвращать ихъ отъ мотовства; особливо же вкореняти въ нихъ собственную склонность къ опрятности и чистотѣ, какъ на самихъ себѣ, такъ и на принадлежащихъ къ нимъ: однимъ словомъ, всѣмъ тѣмъ добродѣтелямъ и качествамъ, кои принадлежатъ къ доброму воспитанію, которыми во свое время могутъ они быть прямыми гражданами, полезными общества членами и служить оному украшеніемъ“ (§ 356). Въ другихъ главахъ Наказа интересны правила въ XVI главѣ „О среднемъ родѣ людей“, который, по примѣру Европы, Екатерина захотѣла создать въ Россіи. „Къ сему роду людей причестъ должно всѣхъ тѣхъ, кои, не бывъ дворяниномъ, ни хлѣбопалцемъ, упражняются въ художествахъ, въ наукахъ, въ мореплаваніи, въ торговлѣ и ремеслахъ (§ 380). Сверхъ того всѣхъ тѣхъ, кои выходятъ будутъ, не бывъ дворянами, изъ всѣхъ нами и предками нашими учрежденныхъ училищъ и воспитательныхъ домовъ, какого бы тѣ училища званія ни были, духовныя или свѣтскія (§ 381). Такъ же приказныхъ людей дѣтей“ (§ 382). Въ XX главѣ „о вѣротерпимости“: Въ толь великомъ государствѣ, распространяющемъ свое владѣніе надъ толь многими разными народами, весьма бы вредный для спокойства и безопасности своихъ гражданъ былъ порокъ, запрещеніе или вѣдозволеніе ихъ различныхъ вѣръ (§ 494). Гоненіе человѣческіе умы раздражаетъ, а дозволеніе вѣрить по своему закону умягчаетъ и самыя жестоковыя сердца, и отводитъ ихъ отъ заматерѣлаго упорства, утупляя споры ихъ, противныя тишинѣ государства и соединенію гражданъ (§ 496). Наконецъ „о признакахъ близкаго паденія государства“: Поврежденіе всякаго правленія начинается почти всегда съ поврежденія начальныхъ своихъ основаній (§ 502). Начальное основаніе правленія не только тогда повреждается, когда погасаетъ то умоначертаніе государственное, закономъ во всякомъ изъ нихъ впечатлѣнное, которое можно назвать равенствомъ, предписаннымъ законами, но и тогда еще, когда вкоренится умствование равенства до самой крайности дошедшаго и когда всякъ хочетъ быть равнымъ тому, который закономъ учрежденъ быть надъ нимъ начальникомъ (§ 503). Ежели не оказываютъ почтенія Государю, правительствамъ, начальствующимъ, если не почитаютъ старыхъ, не стануть почитать ни отцовъ, ни матерей, ни господъ; и государство нечувствительно низриновенно падеть (§ 504).

Какъ предварительныя, приведенныя нами выше, сужденія о Наказѣ избранныхъ Екатериною лицъ, такъ и отношенія къ

его положеніямъ русскихъ выборныхъ людей въ Коммисіи и судьба самой Коммисіи показываютъ, что для высокихъ идей Наказа вообще почва въ Россіи въ это время была еще не готова. „Должно признаться чистосердечно, говоритъ въ своихъ запискахъ А. И. Бибииковъ о коммисіи Уложенія, предпріятіе сіе было рановременно, и умы большей части депутатовъ не были еще къ сему приготовлены и весьма далеки отъ той степени просвѣщенія и знанія, которыя требовались къ столь важному ихъ дѣлу“. При всемъ томъ идеи Наказа не уничтожились, а сдѣлались навсегда достояніемъ русской мысли. Наказъ не получилъ силы закона; но имъ стали руководствоваться при разныхъ вопросахъ. „Я запретила, говоритъ Екатерина, на оный инако взи- рать, какъ единственно онъ есть т. е. правила, на которыхъ осно- вать можно мнѣніе, но не яко законъ, и для того подѣламъ не выписывать яко законъ, но мнѣніе основать на ономъ дозволено“. Нѣкоторыя положенія Наказа, впрочемъ, вошли въ отдѣльныя учрежденія, какъ напр. воспитательныя. Но всего важнѣе было то, что идеи Наказа стали выражаться въ произведеніяхъ лите- ратуры и прежде всего въ сочиненіяхъ самой императрицы.

ООЧИНЕНІЯ ЕКАТЕРИНЫ II.

Постоянное съ малыхъ лѣтъ чтеніе книгъ развило въ Ека- теринѣ страсть къ книжнымъ занятіямъ и склонность къ автор- ству. Въ теченіе всей своей жизни, не смотря на всѣ трудности и заботы государственнаго управленія, она сохраняла обыкнове- ніе каждый день утромъ отъ 7 до 9 часовъ и вечеромъ по нѣ- сколько часовъ заниматься въ своей библиотекѣ чтеніемъ и пись- момъ. „Я не могу видѣть чистаго пера, писала она однажды къ Гримму, безъ того, чтобы не пришла мнѣ охота обмакнуть она- го въ чернила; буде же еще къ тому лежитъ на столѣ бумага, то, конечно, рука моя очутится съ перомъ на этой бумагѣ“. Обы- чаи вѣка и потребности ея положенія должны были усилить эту склонность и дать ей опредѣленное направленіе. Философскій вѣкъ такъ высоко поднялъ просвѣщеніе, что имя человѣка про- свѣщеннаго, философа и писателя ставилось выше славы завое- вателя и политическаго реформатора. Литература сдѣлалась глав- нымъ органомъ для проведенія новыхъ идей въ общество и по- лучила могущественное значеніе и въ области государственной, стала необходимымъ орудіемъ разныхъ преобразованій. Къ ней обращались всѣ современные европейскіе правители и реформа- торы; къ ней же, естественно, должна была обратиться и Ека- терина, чтобы познакомить русское общество съ европейскимъ

просвѣщеніемъ и произвести въ духѣ этого просвѣщенія разныя реформы.

Участіе Екатерины въ литературѣ прежде всего выразилось во „Всякой Всячинѣ“, журналѣ, который издавалъ, подъ ея руководствомъ, ея кабинетъ секретарь Григорій Васильевичъ Козицкій въ 1769—1770. Со времени прекращенія Всякой Всячины Екатерина писала преимущественно комедіи и оперы. Къ 1782—84 г. относятся ея педагогическія сочиненія. Въ 1783 г. она печатала сатирическія статьи „Были и Небылицы“ въ Собесѣдникѣ Россійскаго слова. Участіе въ научной дѣятельности выразилось въ ея занятіяхъ по языкознанію и русской исторіи. Кромѣ того, она вела постоянно обширную переписку съ разными лицами; большая часть этой переписки имѣетъ также литературный характеръ.

Педагогическія сочиненія Екатерины. Педагогическія сочиненія написаны Екатериной для руководства при воспитаніи внуковъ, великихъ князей, Александра и Константина Павловичей; поэтому она и называла ихъ александро-константиновской библіотекой. Но, написанныя, съ такою частною цѣлію, они получили общее педагогическое значеніе для всего народа. Извѣстно, что Екатерина сама съ особенною заботливостію воспитывала своихъ внуковъ; она написала для нихъ „Начальную азбуку съ гражданскимъ ученіемъ“, „Выборныя россійскія пословицы“, „Записки“, содержащія въ себѣ разные разговоры и рассказы и двѣ сказки—„О царевичѣ Хлорѣ и царевичѣ Феверѣ“. Когда же настало время передать внуковъ съ своихъ рукъ подъ руководство учителей, то она составила „Инструкцію“, для главнаго воспитателя ихъ, графа Н. И. Салтыкова. Въ этой инструкціи выразились какъ общая педагогическая система, образовавшаяся въ Екатеринѣ подъ влияніемъ сочиненій Монтеня, Локка, Руссо и Базедова, такъ и тѣ начала, которыми она руководилась при составленіи указанныхъ педагогическихъ сочиненій. Поэтому она должна быть поставлена во главѣ этихъ сочиненій.

Инструкція Екатерины кн. Салтыкову при назначеніи его къ воспитанію великихъ князей. Основными положеніями „Инструкціи“ служатъ: свобода развитія, безъ всякихъ принудительныхъ мѣръ, и самостоятельное образованіе, посредствомъ упражненія, или самодѣятельность. Воспитатель долженъ быть только помощникомъ и руководителемъ воспитанника, облегчающимъ для него эту самодѣятельность.—„Здравое тѣло и умонаклоненіе къ добру, говоритъ Екатерина въ своемъ указѣ, приложенномъ къ „Инструкціи“, составляютъ все воспитаніе“. По-

этому всё правила и наставленія въ „Инструкціи“ касаются 1) сохраненія и укрѣпленія здоровья воспитанниковъ и 2) ихъ нравственнаго развитія. Для сохраненія и укрѣпленія здоровья предписывается соблюдать простоту и умѣренность во всемъ— въ одеждѣ, пищѣ, спѣ, играхъ и проч., „чтобы платье было какъ можно простѣе и легче“; „пища и питье да будутъ простыя и просто приготовленныя, безъ пряныхъ зелій и такихъ кореній, кои кровь горячатъ и безъ многой соли“; чтобы спали не мягко, по на тюфякахъ, а отнюдь не на перинахъ“; поощрять нужно ко всякому движенію и игрѣ, ибо движеніе даетъ тѣлу и уму силы и здоровье“. Что касается „умонаклоненія къ добру“, или нравственнаго воспитанія, то идеаломъ этого воспитанія представляется доброе сердце, тихій нравъ, учтивость въ обхожденіи, спихожденіе ко всѣмъ людямъ. „Главное достоинство наставленія дѣтей, говоритъ она, должно состоять въ любви къ ближнему, въ общемъ благоволеніи къ роду человѣческому, въ доброжелательствѣ ко всѣмъ людямъ, въ ласковомъ и снисходительномъ обхожденіи ко всякому, въ добронравіи непрерывномъ, въ чистосердечіи и благодарномъ сердцѣ.... чтобы вкоренялась въ душахъ справедливость, которая состоитъ въ томъ, чтобы не дѣлать законами запрещеннаго, въ любви къ истинѣ, въ щедрости, воздержаніи, въ умѣ, основанномъ на размышленіи, въ здоровомъ о вещахъ понятіи и разсужденіи, совокупленномъ съ трудолюбіемъ“. — „Хвалы, даваемые хорошему поведенію, хулы и пренебреженія, хулы достойному, суть тѣ способы, коими поощряется хорошее и отвращается дурное поведеніе. Въ награжденіи добрыхъ дѣлъ представить дѣтямъ надлежитъ честь, доброе имя и славу, а за дурныя дѣла стыдъ и поношеніе. Никакое наказаніе обыкновенно дѣтямъ полезно быть не можетъ, буде не соединено со стыдомъ, что учинили дурно“⁽¹⁾. Такое „умонаклоненіе“ къ добру, согласно съ идеями вѣка, ставится прежде и выше ученія. „Языки и знанія суть меньшая часть воспитанія ихъ Высочествъ. Добродѣтели и добронравіе, состоянію и рожденію ихъ приличныя, должны составлять главнѣйшую часть ихъ наставленія. Когда добродѣтели и добронравіе вкоренятся въ душахъ дѣтей, все прочее придетъ ко времени“. Что касается самаго ученія, то здѣсь интересны слѣдующія наставленія: „Привлекать любопытство дѣтей къ ученію ласкою, а не принужденіемъ; искусство учителей будетъ состоять въ томъ, чтобы всякую науку и ученіе облегчать ученикамъ, колико возможно“; между

⁽¹⁾ Сочин. Екатерины. Изд. Смирдина. Сиб. 1849. 1, 208—209; 215—216.

предметами ученія указаны: „географія (начавъ съ Россіи), астрономія, хронологія, математика, потомъ исторія, правовѣденіе, правила закона гражданскаго, древность, мѣологія, генеалогія, о Россіи и ея производствахъ, физика и исторія художествъ“... „виршамъ и музыкѣ учить не для чего, тѣмъ и другимъ много времени теряется, дабы достигнуть искусства“. Замѣчательно, что Екатерина настаиваетъ съ особенною силою на русскомъ образованіи. „Русское письмо и языкъ надлежитъ стараться, чтобы знали, какъ можно лучше“; „предписывается отъ 11 до 15 лѣтъ употреблять по нѣскольку часовъ для спознанія Россіи во всѣхъ ея частяхъ. Сіе знаніе столь важно для ихъ Высочествъ и для самой имперіи, что спознаніе оной главнѣйшую часть знанія дѣтей занимать должно“... „Исторію россійскую имъ знать нужно, и для нихъ она сочиняется“ (1).

Гражданское начальное ученіе. Въ маѣ (14) 1780 г. Екатерина писала Гриму изъ Пскова: „Вотъ уже два мѣсяца, какъ я, продолжая законодательствовать, начала составлять для забавы и въ пользу г. Александра маленькую азбуку изреченій, которая постоитъ за себя. Всѣ, видѣвшіе ее, отзываются о ней хорошо и прибавляютъ, что это полезно не для однихъ дѣтей, но и для взрослыхъ“. Въ іюнѣ (25) слѣдующаго 1781 г. она писала: „Изъ александровой азбуки мы извлекли то, что пригодно ко всеобщему употребленію и теперь — это русская азбука. Этой азбуки въ двѣ недѣли продано здѣсь въ городѣ 20,000 экземпляровъ; она сдѣлается бабкой повитухой всѣхъ нашихъ будущихъ головъ“ (2). Екатерина не напрасно придавала такую важность этой книгѣ. Гражданское начальное ученіе должно было получить такое же значеніе, какое имѣло „Ученіе отрокомъ“ въ Петровскую эпоху. Ученіе отрокомъ давало первоначальное религіозно-нравственное образованіе человѣку, какъ христіанину; гражданское начальное ученіе должно было служить руководствомъ и учебникомъ къ воспитанію честныхъ и полезныхъ гражданъ, какими они должны быть по идеямъ „Наказа“. Въ него и внесено много правилъ прямо изъ „Наказа“. Таковы напр.: „Всякъ въ обществѣ живущій подверженъ общественнымъ законамъ“; „добрые законы направляютъ дѣйствія гражданъ къ добру“; „равенство всѣхъ гражданъ состоитъ въ томъ, чтобы всѣ подвержены были тѣмъ же законамъ“; „вольность есть право все то дѣ-

(1) Тамъ же, 223—232.

(2) Екатерина II въ перепискѣ съ Гриммомъ. Я. К. Грота, стр. 96. 98.

латъ, что законы дозволяютъ“; „законы можно назвать способами, какими люди соединяются и сохраняются въ обществѣ, и безъ которыхъ бы общество разрушилось“. Въ 88 правилѣ находится вопросъ: „что есть гражданинъ?“ съ отвѣтомъ: „добрый гражданинъ есть тотъ, который выполняетъ съ точностію всѣ гражданскія обязательства, домашнія яко сынъ, яко братъ, яко мужъ, яко отецъ, яко получающій услуги, или яко отправляющій служеніе по состоянію, въ которомъ находится; общественныя, яко въ обществѣ живущій, и дружескія яко другъ и добрый сосѣдъ“. Такимъ обр., еще въ дѣтяхъ, съ младыхъ лѣтъ, Екатерина хотѣла вкоренить въ подданныхъ своихъ чувство законности и долга. Къ управленію дома служатъ радѣніе и умѣренность. Къ соблюденію рода хорошее воспитаніе. Къ житію въ домѣ миръ и согласіе. Къ возвышенію житіе добродѣтельное. Въ 98 правилѣ указываются качества и обязанности доброй хозяйки: „Доброй хозяйки должностъ есть: быть тихой, скромной, постоянной, осторожной; къ Богу усердной; къ свекру и свекрови почитательной; съ мужемъ обходиться любовно и благочинно, малыхъ дѣтей приучать къ справедливости и любви къ ближнему; слугъ и служанокъ содержать милостиво; предъ родственниками и свойственниками быть учливой, добрыя рѣчи слушать охотно, лжи и лукавства гнущаться; не быть праздною, но радѣтельной на всякое издѣліе и бережливой въ расходахъ.... Искусенъ человекъ тотъ, у котораго въ домѣ всѣ живутъ хорошо и спокойно безъ лбедъ и наговоровъ, но въ приличномъ надзираніи“. Таковы основныя правила Екатерининскаго Домостроя. Далѣе опредѣляются разныя добрыя качества человека, а равно и пороки. При этомъ приводятся пословицы, замѣчательныя изреченія людей древности, наставленія философовъ, поэтовъ и ораторовъ, помѣщаются историческіе примѣры и анекдоты. Больше и настойчивѣе всего внушаются ученіе и трудолюбіе. „Естественно человекъ съ человекомъ развится мало; по ученію человекъ съ человекомъ развится много. Всякое дитя родится неученымъ. Долгъ родителей есть дать дѣтямъ ученіе. Ученіе въ щастіи человека украшаетъ, въ нещастіи служитъ приближеніемъ Книги суть зеркало: хотя и не говорятъ, всякому виду и пороку объявляютъ. Лучше весь вѣкъ учиться, нежели пребыть незнающимъ. Трудъ преодолевается трудомъ. Пословица говорить: на Бога надѣйся, но самъ не плошай. Здравый разсудокъ и добрая воля много добрыхъ дѣлъ производятъ. Главными добродѣтелями, всего болѣе необходимыми въ обществѣ, считаются честность и прямота, снисходительность, дружелюбіе и учливое обхожденіе“.

Выборныя російскія пословицы. Это небольшой сборникъ пословиць, подобранныхъ съ тою же цѣлю и на тѣже темы объ обязанностяхъ человѣка—гражданина, о необходимости ученія и труда, какія развиваются въ „Начальномъ Гражданскомъ Ученіи: „Аще царство раздѣлится, скоро раззорится. Всегда новизна, да рѣдко правизна. Всеу законы писать, когда ихъ не исполнять. Въ немъ же призванъ, въ немъ и пребывай. Красна пава перьемъ, а человѣкъ ученьемъ. Кто безчинно поступаетъ, тотъ многимъ досаждаеть. Кто собою не управить, тотъ и другихъ на разумъ не наставить. Невѣжа и Бога прогнѣвляеть. Тому будетъ всегда счастливо, кто пашетъ не лѣново. Труды человѣка кормятъ, а лѣнь портить. Умѣлъ дитя родить, умѣй и научить. Ученье свѣтъ, а неученье тьма. Ученье въ счастья красота, а въ нещастѣ прибѣжище“. Екатерина очень хорошо понимала въ дѣлѣ воспитанія важность пословиць, какъ лучшаго выраженія характера и мудрости народа. Кромѣ этого сборника, она поручила Богдановичу собрать и напечатать всѣ русскія пословицы отдѣльной книгой. Часть ихъ она послала въ переводѣ къ Гримму: „Увѣрю васъ, писала она ему, что не только эти пословицы, для васъ переведенныя, которыя я вамъ послала, существовали первоначально по русски, но всѣ онѣ безъ исключенія извлечены изъ книги, написанной по русски, въ которой ихъ заключается четыре тысячи съ нѣсколькими сотнями. Стало быть, тамъ еще очень много такихъ же прекрасныхъ“. Въ своихъ письмахъ она очень часто, желая доказать какую нибудь истину, опирается на русскія пословицы. „Если бы покойный Санхо, замѣчаетъ она, звалъ русскій языкъ, онъ напелъ бы въ немъ столько пословиць, что прибавилось бы еще нѣсколько книжекъ къ тѣмъ шести, въ которыхъ заключается жизнеописаніе знаменитаго Донъ Кихота и его конюшаго, Санхо-Пансы (¹). Такой же характеръ педагогическаго сборника имѣють и записки Екатерины, содержащія разные краткіе рассказы и разговоры.

Аллегорическія сказки о царевичѣ Февеѣ и царевичѣ Хлорѣ. Царевичъ Февей,—разсказывается въ первой сказкѣ,—прозванный за красоту „краснымъ солнышкомъ“, былъ сынъ одного умнаго и добродѣтельнаго сибирскаго царя Тао-ау, который „поданныхъ своихъ любилъ, какъ отецъ дѣтей любитъ“. Въ сказкѣ изображается воспитаніе этого Февея, по началамъ простоты,

(¹) Екатерина II въ перепискѣ съ Гриммомъ Я. К. Грота, 250—251.

естественности и благоразумія. Февей „не пеленали, не кутали, не баюкали, не качали никакъ и никогда. Забавляли его „игрушками отборными, которыя давали ему познаніе всего того, что его окружало въ свѣтѣ семъ и его понятію дѣтскому сходственно было“. Въ болѣзни его приучали быть терпѣливымъ. „Самъ собою онъ безъ принужденія выучился читать, писать и цыфири. Любимыи его игрушки были тѣ, чрезъ кои онъ получалъ умноженіе знанія. Царевичъ имѣлъ доброе сердце, былъ жалостливъ, щедръ, послушливъ, благодаренъ, почтителенъ къ родителямъ и приставникамъ своимъ; онъ былъ учтивъ, привѣтливъ и съ доброхотствомъ ко всѣмъ людямъ, не спорливъ, не упрямъ, не боязливъ, повиновался всегда и вездѣ истинѣ и здравому разуму, любилъ говорить и слушать правду, лжи же гнушался, даже и въ шуткахъ не употреблялъ“. Особою Февей не любилъ „ласкательствъ“. „Не дайте, говорилъ онъ своимъ приставникамъ, душѣ моей возгордиться никогда, и для того ежедневно, какъ пробу- жусь отъ сна ночнова, скажите вы мнѣ рѣчь сію: Февей, вставай съ одра и помни во весь день, что ты еси человекъ такой же, какъ и мы“. Плодомъ такого благоразумнаго воспитанія была добродѣтельная и счастливая жизнь. Выросши, царевичъ женился и нажилъ дѣтокъ весьма похожихъ на него, ѣздилъ въ разные мѣста и земли, прожилъ до глубокой старости и нынѣ славенъ въ народѣ томъ, гдѣ онъ былъ“⁽¹⁾.—Сказка о царевичѣ Хлорѣ. Царевичъ Хлоръ, сынъ одного кievскаго царя, жившаго еще до времени Кіа, былъ похищенъ какимъ-то Киргизскимъ Ханомъ. Желая испытать умъ Хлора, которымъ онъ славился, Ханъ заставилъ его найти „розу безъ шиповъ“. Царевичъ отправился на поиски. На дорогѣ встрѣтила его дочь хана, царица Фелица, которая дала ему нѣсколько благоразумныхъ совѣтовъ: „встрѣтишься съ людьми, сказала она ему, весьма пріятнаго обхожденія, кои стараться будутъ тебя уговорить идти съ ними, наскажутъ тебѣ веселій множество,... не вѣрь имъ, лгутъ, веселья ихъ мнимы и сопряжены съ множествомъ скуки... Потомъ пойдешь въ лѣсъ, тутъ найдешь льстивыхъ людей, кои всячески стараться будутъ пріятными разговорами отвести тебя отъ истиннаго пути, но ты не забудь, что тебѣ единый цвѣтокъ, розу безъ шиповъ, искать надлежитъ“. Наконецъ она обѣщала послать къ нему на помощь своего сына. Дѣйствительно, во время отысканія розы, Хлоръ подвергается разнымъ искушеніямъ, и между прочимъ его заываетъ въ избу свою Мурза Лентягъ, чтобы соблазнами отвратить его отъ цѣли; во время пути онъ увидѣлъ предъ

(1) Сочин. I, 261—278.

собой множество дорогъ, „иныя прямо лежащія, иныя съ кривизнами, иныя перепутанныя, и не зналъ, куда идти,—но вдругъ явился передъ нимъ юноша. Это и былъ сынъ Фелицы, посланный къ нему на помощь. Съ помощью его Хлоръ преодолевалъ всѣ трудности и нашель гору, на которой росла роза безъ шиповъ. Подъемъ на гору по узкой и каменистой тропинкѣ былъ труденъ. Но Хлору помогли взобраться и достать розу встрѣтившіеся ему старикъ и старуха, въ бѣломъ платьѣ. Смысль сказки такой. Подъ Фелицей разумѣется счастье, подъ сыномъ ея юношей—разсудокъ, подъ старикомъ и старухой—честность и правда, а подъ розой безъ шиповъ—добродѣтель. „Слыхалъ я, сказалъ юноша Хлору, толкованіе розы безъ шиповъ, которая не колется, отъ нашего учителя; сей цвѣтокъ не что иное значить, какъ добродѣтель; иныя думаютъ достигнуть косыми дорогами, но никто не достигнетъ окромѣ прямою дорогою; счастливы же тотъ, который чистосердечно твердостію преодоливаетъ всѣ трудности того пути“. Когда Хлоръ принесъ Хану розу безъ шиповъ, Ханъ возвратилъ его къ родителямъ (¹).

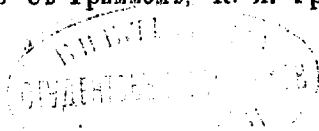
Драматическія сочиненія Екатерины составляютъ самую выдающуюся сторону въ ея литературной дѣятельности. Екатерина любила писать особенно комедіи и оперы и съ 1782 до 1790 г. написала до 30 пьесъ, изъ коихъ однакожь дошли до насъ только 11 комедій, 7 оперъ и 5 пословицъ. Въ сочиненіи нѣкоторыхъ изъ нихъ принимали участіе разныя приближенныя придворныя лица, составлявшія ея избранный кружокъ. Это особенно надобно сказать о пьесахъ, содержащихъ въ себѣ стихи, писать которые Екатерина не умѣла да и не любила. Большую часть стиховъ, арій и хоровъ къ операмъ и комедіямъ составлялъ ея кабинетъ—секретарь А. В. Храповицкій, который и вообще занимался перепиской и даже исправленіемъ ея драматическихъ сочиненій. Нѣкоторыя пьесы сначала были написаны Екатериною на французскомъ языкѣ, а потомъ уже были переведены на русскій.—Какъ педагогическія сочиненія Екатерины написаны были прежде съ частною цѣлію, для наставленія внуковъ, а потомъ получили общее воспитательное значеніе для всего народа, такъ и драматическія сочиненія писались сначала для представленія при дворѣ, и давались на эрмитажномъ театрѣ, а отсюда были уже перенесены на публичную сцену въ общественныхъ театрахъ. Вотъ какъ Екатерина сама объясняетъ цѣль и назначе-

(¹) Соч. т. I, стр. 281—296.

ніе своихъ драмъ, комедій и оперъ въ своихъ письмахъ къ Гримму: „Если вы меня спросите, зачѣмъ я пишу столько комедій, я отвѣчу вамъ, какъ и Пинсэ (Pinse): по многимъ причинамъ. Во первыхъ, потому что это меня забавляетъ; во вторыхъ потому, что я желала бы поднять національный театръ, который, за немѣніемъ повыхъ пѣснь, находится въ нѣкоторомъ пренебреженіи; въ третьихъ потому, что слѣдовало хорошенько потормозить духовидцевъ (т. е. масоновъ), которые начинаютъ подымать носъ. Теперь они опять нырнули покрытые стыдомъ“.—„Я утверждаю, говорить она въ другомъ письмѣ о своихъ комедіяхъ, что онѣ всетаки довольно хороши тамъ, гдѣ пѣтъ лучшихъ, и такъ какъ ихъ всѣ бѣгали смотрѣть и хохотали, и такъ какъ онѣ приостановили сектаторское возбужденіе, — значить это такія пѣсы, которыя, не смотря на свои недостатки, имѣли успѣхъ самый желанный. Пусть напишетъ кто можетъ лучше, и когда этотъ человѣкъ отыщется, мы болѣе не будемъ писать, но будемъ забавляться его пѣсами“⁽¹⁾.—Екатерина проводитъ въ комедіяхъ свои гуманныя идеи, объясняетъ и защищаетъ свои реформы, осмѣиваетъ какъ старыя грубыя суевѣрія и пороки, такъ и новую грубость и невѣжество, прикрываемыя лоскомъ французской образованности, пристрастное увлеченіе всѣмъ иностраннымъ, съ презрѣніемъ ко всему отечественному. Не имѣя серьезнаго художественнаго значенія, онѣ отличаются веселостію, составляющею отличительную черту въ характерѣ царственной писательницы, и легкостію языка, приближающагося къ простой разговорной рѣчи. Лучшими комедіями Екатерины считаются комедіи „О время“ и „Имянины г-жи Ворчалкиной“.

Въ комедіи „О время“ (1772 г.) изображаются современные нравы русскіе. Рамкою, въ которую вставлено это изображеніе, служить женитьба Молокососова на Христинѣ, которую устраиваетъ Непустовъ. Интересъ пѣсы сосредоточивается на трехъ лицахъ, изображающихъ современные недостатки—Ханжахиной, Чудихиной и Вѣстниковой. Какъ прозвищемъ, такъ и характеромъ Ханжахина напоминаетъ ханжу Критона Кантемира и служить продолженіемъ этого типа, а съ другой стороны она является предшественницей г-жи Простаковой Фонъ-Виизина. Ханжахина заражена суевѣріемъ и пустосвятствомъ, молится и показываетъ притворное наружное благочестіе, но о добродѣтеляхъ ея никто не слыхалъ. „Иногда у насъ, говоритъ ея служанка Мавра, обыкновенныя службы, иногда чтеніе Миней-четій, а

⁽¹⁾ Екатерина въ перепискѣ съ Гриммомъ, К. Я. Грота, 252—253; 256.

иногда, покинувъ чтеніе, боярыня наша изволить проповѣдывать намъ о молитвѣ, воздержаніи и постѣ... О постѣ и воздержаніи она твердитъ всѣмъ людямъ весьма часто, а особенно при раздачѣ мѣсячины и указаго. Сама жъ никогда столько прилежности къ молитвѣ не показываетъ, какъ въ то время, когда приходится ей должники требуютъ отъ нея за забранные по счетамъ товары платы. Она швырнувъ однажды въ меня молитвенникомъ столь сильно мнѣ голову разбила, что я съ недѣлю лежать принуждена была: а за что? за то только, что я пришла во время вечерни доложить ей, что купецъ пришелъ за деньгами, которыхъ она, занявъ у него по шести процентовъ, отдала въ ростъ по шестнадцати со ста. Проклятая безбожница, кричала она на меня, такой ли теперь часъ? Пришла ты какъ сатана искушать меня свѣтскими суетами тогда, когда всѣ мысли мои заняты покаяніемъ и отъ всякаго о свѣтѣ семъ попеченія удалены.... Не можно ни какъ къ ней примѣниться: странный весьма человекъ; иногда не хочетъ, чтобъ ей говорили, а иногда и въ самой церкви сама безъ умолка и безъ конца болтаетъ. Говорить, что грѣшно осуждать ближняго, а сама всѣхъ судитъ, о всѣхъ переговариваетъ; особливо молодыхъ барынь терпѣть не можетъ; и кажется ей, что онѣ все не такъ дѣлаютъ, какъ бы по мнѣнію ея дѣлать надлежало.... „Она встаетъ по утру въ шесть часовъ и слѣдуя древнему похвальному обычаю, сходить съ постели на босу ногу; сонедѣ оправляетъ предъ образами лампаду; потомъ прочитаетъ утреннія молитвы и акафистъ; потомъ чешетъ свою кошку, обираетъ съ нея блохъ и поетъ стихъ: блаженъ кто и скоты милуетъ! А при семъ ивнѣи и часъ также миловать изволить, ипую пощечиной, ипую тростью, а ипую бранью и проклятіемъ. Потомъ пачинается заутреня, во время которой то бранитъ дворецкаго, то шепчетъ молитвы; то посылаетъ провинившихся наканунѣ людей на конюшню пороть батажьемъ, то подаетъ попу кадило; то со впучкою, для чего она молода, бранится; то по четкамъ кладетъ поклоны; то считаетъ жениховъ, за кого бы внучку безъ приданаго съ рукъ сжить... Послѣ заутрени она читаетъ какія-то особенныя молитвы отъ соблазна... Когда она тѣ молитвы читаетъ, то уже никто кромѣ кошки къ ней въ образную войти не можетъ... По окончаніи отъ соблазна молитвъ изволить она пойти въ кладовую, гдѣ обметаетъ пыль и чиститъ вещи, кои у ней въ закладѣ, пересматриваетъ крѣпости и завладныя, считаетъ деньги и изъ мѣшка въ мѣшокъ пересыпаетъ... Потомъ она одѣнется, т. е. чулки на ноги да шубу на грѣшное тѣло надѣнетъ, и поѣдетъ къ обѣднямъ. Отслушаетъ она по разнымъ церквамъ раннихъ и позднихъ обѣдни двѣ-три и столькожъ отпоетъ молебновъ. Въ церквахъ даетъ она свиданья

подобнымъ себѣ старушкамъ, рассказываетъ имъ и собираетъ отъ нихъ вѣсти разныя, и здѣшнія и петербургскія, словомъ изо всѣхъ домовъ сплетни, которыя она, выправивъ, прибавивъ и украсивъ благочііемъ, развозитъ послѣ обѣда и послѣ обыкновеннаго съ часъ времени на капапѣ отдыха, изъ дома въ домъ, рассказывая всѣмъ, кто хочетъ и не хочетъ слушать. Потомъ, или мимоѣздомъ гдѣ въ церкви, или дома отслушаетъ вечерню, послѣ которой соберутся къ пей любимыя ей гостейки и навезутъ повыхъ еще вѣстей“ (1). Внучку свою Ханжахина держитъ въ совершенномъ невѣжествѣ, опасаясь, чтобы она, научившись грамотѣ, не стала писать любовныя письма (2). Въ домѣ этой лицемѣрной богомолки каждый день „собирается множество подобныхъ ей барынь, которыя забавляются вѣстями, изо всѣхъ угловъ города собравными, переговариваютъ и злословятъ всѣхъ знакомыхъ, перебирая ихъ по христіанской любви всѣхъ наперечеть; увѣдомляютъ о всѣхъ петербургскихъ новостяхъ, къ нимъ прилагая, примышляя, однѣ убавляютъ, другія прибавляютъ. За правду никто въ этомъ собраніи не отвѣтствуетъ; до того намъ дѣла нѣтъ, лишь бы все было выговорено, что слышали и что къ тому примыслили (3). Изъ такихъ барынь въ комедіи выведены сестра Ханжахиной, Вѣстникова, и Чудихина. Вѣстникова „жеманная, высокомѣрная злорѣчивая вѣстовщица, любящая на старости наряды. Она любитъ, говорить о ней служанка Мавра, деньги и подарки; словомъ, она корыстолюбива. Даромъ, что она сердита и зла; однако за деньги не одну уже свадьбу сложила и не только свадьбы умѣетъ сводить, но и прочее и прочее“. Чудихина отъ всего обмираетъ, суевѣрива до безконечности. Боясь порчи и колдовства, она постоянно носить съ собою въ узелкахъ четверговую соль, росной ладанъ и разные корешки, на которыхъ напештано. Кромѣ того, она любитъ вмѣшиваться въ семейныя дѣла. „Я грѣшна, говорить она. Что мнѣ дѣлать, люблю разбивать свадьбы... Вѣдаю, что дурно это, да удержаться не могу; какъ таки не промолвить словца, а молвится всегда худое. Я ужъ и отцу духовному не одинъ разъ въ этомъ калялась“ (4).

Изображая эти черты невѣжества, грубости и суевѣрій, Екатерина стремится провести въ общество здравыя понятія о вѣрѣ и благочестіи и вообще разумный и гуманнѣйшій взглядъ на жизнь. Этотъ взглядъ она высказываетъ устами Непустова и служанки Мавры, которые и вообще служатъ заправителями комедіи. „Вы почитаете, сударыня, говорить Непустовъ Ханжахиной, молитву должностію,

(1) Сочиненія Екатерины II, 7—9; 12; 18—19.

(2) Тамъ же стр. 29. (3) Стр. 10. (4) Стр. 26. 46. 48.

равно какъ и я; но вѣдь и снисхожденіе и любовь къ ближнему есть такъ же должности, закономъ намъ предписанныя“. Суевѣр-
вой Ханжахиной Молокососовъ старается доказать „что суевѣріе
есть порокъ, что правоученіе закона запрещаетъ вѣрить бас-
нямъ“⁽¹⁾. Противъ сплетничества служанка Мавра въ заключеніе
комедіи говоритъ: „Вотъ такъ нашъ вѣкъ проходить! Всѣхъ осуж-
даемъ, всѣхъ цѣнимъ, всѣхъ пересмѣхаемъ и злословимъ, а того
и не видимъ, что и смѣха и осужденія сами достойны. Когда
предубѣжденія заступаютъ въ насъ мѣсто здраваго разсудка,
тогда сокрыты отъ насъ собственные пороки, а явны только по-
грѣшности чужія: видимъ мы сучекъ въ глазу ближняго, а въ
своемъ—и бревна не видимъ“.—Несомнѣнно, что комедія „О вре-
мя“ вызвана жалобами на новое время той партіи, которая была
недовольна разными нововведеніями Екатерины, которымъ вообще
не правилась веселая свободная жизнь новаго времени, понятія
и нравы людей образованныхъ, во главѣ которыхъ стояла сама
императрица. Поэтому по всей комедіи проходитъ противополо-
женіе стараго времени, когда женщина сидѣла дома и ничему
не училась, новому времени, когда ее стали учить и выпускать
въ свѣтъ. Новыя развлеченія, оперы и комедіи противопоставляются
катаньямъ на саняхъ зимой и гуляньямъ подъ Марьиной рощей
и въ подмосковномъ весной. И вообще старыя и новыя понятія,
старые и новые нравы постоянно другъ другу противопоставляются.
Передавая слухи о сильномъ наводненіи въ Петербургѣ, Вѣстни-
кова говоритъ: „Такъ, сударь, ваша братья ничему не хотятъ
вѣрить; однакожь это такъ, какъ я сказываю: да пусть и не
потонули, такъ по крайней мѣрѣ съ голода тамо люди мрутъ.
Во всемъ недостатокъ, ни о чемъ ни правительство, ни полиція
и никто не думаетъ. Я и еще кое что знаю похуже этого; много
оттуда вѣстей: хорошихъ-то только нѣтъ; да не все сказывать
падобно“⁽²⁾. Чудихина говоритъ: „На что дѣвку учить грамотѣ?
имъ ни къ чему грамота не надобна; меньше дѣвка знаетъ, такъ
меньше вретъ. Я принуждена была матушкѣ своей побожиться,
что до пятидесяти лѣтъ пера въ руки не возьму. Да полно что?
нынѣче и дѣвокъ-то всему, сказываютъ, въ Питерѣ учать... Быть
добрѣ!“ Ханжахина называетъ Мавру бусурманкой за то, что
она иногда читаетъ „Ежемѣсячныя сочиненія“, а иногда „Кле-
веланда“. Ханжахина вообще любитъ и хвалитъ только старину,
а нынѣшнихъ обычаевъ терпѣть не можетъ. „Вы ничему нынѣ
не вѣрите, говоритъ она; у васъ все натура... все натура“. Чу-

⁽¹⁾ Стр. 15—16; 36. ⁽²⁾ Стр. 23—24.

дихина говоритъ: „Съ тѣхъ поръ, какъ свѣтъ совсѣмъ сталъ превратенъ, и науки-то чужія врагъ къ намъ привезъ, такъ все стало и дурно и время-то безтолково“ (1). Противъ тѣхъ людей, которые недовольны правительствомъ и распространяютъ о немъ разныя сплетни, Непустовъ замѣчаетъ: „Въ прежнія времена за болтавье дорого плачивали: притупляли язычекъ, чтобъ меньше онъ пусто бредилъ; а нынѣ благодаритъ вамъ Бога надобно, что уничтожаютъ такія бредни. Разумно бы и съ нашей стороны было, еслибъ мы сами себя отъ глупостей, а паче отъ несбыточныхъ затѣй и повостей воздерживали“. Но, защищая новое время, Екатерина не скрываетъ его недостатковъ. Она вооружается напр. противъ тѣхъ новосвѣтскихъ госпожъ, которыя „свободнымъ обхожденіемъ прельщаются, забывъ и лбы и глаза свои“ (2). Она порицаетъ современную роскошь и распущенную жизнь. „Что касается до выпѣшней роскоши, говоритъ Непустовъ, я и самъ ея не люблю, и въ этомъ съ нею (т. е. съ Ханжахиной) весьма согласенъ, такъ равно какъ и старинную искренность почитаю. Похвальна, весьма похвальна старинная вѣрность дружбы и твердое наблюденіе даннаго слова, дабы въ несодержаніи его не было стыдно. Въ этомъ и самъ я одного съ нею мнѣнія. Жаль, поистинѣ жаль, что нынѣ ничего не стыдятся и многіе молодые молодцы, произнося ложь и обманывая заимодавцевъ, а боярыньки, дерзко и похабно противъ мужей поступаая, мало отъ чего когда краснѣются“ (3). †

Стъ комедіей „О время“, по основной мысли, находится въ тѣсной связи комедія „Имянины Г-жи Ворчалкиной“ (1772 г.) Дѣйствующія лица въ этой комедіи взяты изъ того же круга, какой изображенъ въ комедіи „О время“. Особенно Ворчалкина прямо заявляетъ себя родственницей съ Ханжахиной и Чудихиной и считаетъ себя наравнѣ съ ними обиженной въ комедіи. Вотъ какой разговоръ прежде всего идетъ у Ворчалкиной между гостями:

Ворчалкина. А! здравствуйте, государи мои. Добро пожаловать. Я рада, отъ сердца рада гостямъ; да и больше бы еще радовалась, еслибъ злые люди въ покоѣ насъ оставляли.

Дремовъ. Какіе злые люди, и что вамъ ови сдѣлали, сударыня?

Ворчалкина. О, батѣйка мой! житья намъ, бѣднымъ старухамъ, нѣтъ, а ужъ о почтеніи и говорить нечего. Вотъ сказываютъ, сдѣлана камедь намъ въ ругательство; да играютъ ее. Что дѣлать!

(1) Стр. 50—52. (2) Стр. 24—30. (3) Стр. 11.

Дремовъ. Вольно вѣдь вамъ брать на свой счетъ.

Ворчалкина. Да какъ не возьмешь. Сказываютъ, что сватья моя, да кума тутъ представлены; да таки точвѣшенько тутъ описаны.

Фирлюфюшковъ. Очень живо, раbleu, очень живо. Я видѣлъ комедію, и точь въ точь онѣ описаны. Какая была хохотня.

Ворчалкина (Дремову). Вотъ, батька, я не солгала: всѣ видѣли, какъ насъ потчуютъ.

Таларикивъ. Если вы о новой комедіи говорите, то и я могу васъ объ ней увѣдомить. Я былъ, какъ ее представляли. Смѣялись очень много, для того, что смѣшныя изображены въ ней характеры. Но я не знаю, на кого бы тутъ мѣчено было. Сочинитель этой комедіи хотѣлъ вывести на театръ три порока и вывелъ въ образѣ трехъ женщинъ: одна была скупая, другая — взбалмочная вѣстовщица, а третья—суетьрка.

Ворчалкина. Знаю, батька мой, знаю, что и ты намъ много посмѣялся.

Таларикивъ. Я смѣялся, такъ какъ и всѣ, порокамъ, а отнюдь не приходило мнѣ на умъ, чтобъ тутъ съ кѣмъ нибудь было сходство; это донесено вамъ неправильно.

Фирлюфюшковъ. А я — такъ по именамъ всѣхъ узналъ. (Ворчалкиной). И точно тѣ, о конхъ вы говорите.

Ворчалкина. Такъ, мой свѣтъ, всѣ такъ сказываютъ.

Таларикивъ (иронически). Всякой судить по своему сердцу и чувствованіямъ. А я не ищу тутъ злаго, гдѣ его нѣтъ.

Дремовъ. Мнѣ кажется, что когда бъ тутъ были такія рѣчи, которыя кого нибудь трогаютъ, то бъ и играть не дозволили. Вѣдь затѣмъ смотреть.

Ворчалкина. И... батюшка! свѣтъ нынче такъ: всему дурному потачка есть. Кому смотрѣть? кому запретить? и сами тѣ, кому бъ не допускать-то надобно было, хохочутъ изо всей мочи, когда руганье другимъ слышать.

Фирлюфюшковъ. Я того и смотрю, какъ и меня на театръ выведутъ.... Но если это сбудется, то morbleu! ma foi (ногой топчетъ) достанется всѣмъ.... Я... я (принимаясь за шпагу), я формально просить стану!

Некопѣйковъ. А я вамъ и проектъ челобитной составлю, если изволишь; да напишу и приложеніе, какимъ образомъ такыя и симъ подобныя непорядки исправить.

Дремовъ. Ну, какъ вздумается кому представить на театрѣ безчотнаго дурака, кто тогда станетъ въ этомъ зеркалѣ находить себя? Я думаю, что тотъ напередъ будетъ долженъ признаться, что онъ сходенъ образцу.... Однако жъ я объ закладъ ударюсь, что хоть въ свѣтѣ и есть дураки, но, по самолюбію,

Некопѣйковъ

никто на свой счет не возьметъ, а будетъ находить чегонибудь другаго.

Таларикинъ. Что объ этомъ говорить. Комедія представляетъ дурные нравы и осмѣхаетъ то, что смѣха достойно, а отнюдь лично не вредить никому. Потому, еслибъ я примѣтилъ въ ней себя самого представленна и узналъ бы чрезъ то, что смѣшное во мнѣ есть, то бъ я старался исправиться и побѣдить мои пороки; не сердился бы я за это, но, напротивъ того, почиталъ бы себя обязаннымъ.

Ворчалкина. Хорошо вамъ такъ говорить для того, что васъ не трогаютъ; а намъ, бѣднымъ, спасибо! довольно достается. Что дѣлать, вступиться не кому, и....“ (1)

Этой сценой Екатерина, очевидно, хотѣла отвѣтить на тѣ толки, какіе слышались по поводу первой комедіи, которую многіе приняли за личную себѣ обиду, и указать ея истинное значеніе. Ворчалкина, какъ показываетъ ея фамилія, представляетъ собою типъ людей брюзгливыхъ и недовольныхъ современнымъ положеніемъ дѣлъ, на которыхъ указано и въ комедіи „О время“. „Она, рассказываетъ слуга ея Антипъ, имѣетъ склонность поправлять нынѣшніе обычаи. Все, что гдѣ дѣлается, ей извѣстно, все у ней на памяти; знаетъ твердо и прошедшее и настоящее время, и своими разговорами можетъ много помогать намъ ко оулученію того, что намъ не нравится, и къ возвышенію того, что мы придумать похотимъ“. У ней всегда собирается множество такихъ людей, „кои весь свѣтъ на словахъ перелить въ состояніи“. Впрочемъ, ближайшимъ поводомъ къ собраніямъ у Ворчалкиной служатъ то, что у ней есть двѣ дочери, Олимпиада и Христина, за которыхъ сватаются нѣсколько жениховъ: Фирлюфюшковъ, Спесовъ, Геркуловъ, Гремухинъ, Таларикинъ. Фирлюфюшковъ—фать и враль, находящій особенное удовольствіе въ разговорахъ смѣшивать русскій языкъ съ французскимъ, зародышъ того типа, который въ послѣдствіи изображенъ въ Репетиловѣ. Вотъ въ какомъ видѣ онъ является въ самой первой сценѣ, въ разговорѣ съ служанкой Прасковьей:

Фирлюфюшковъ. Не опоздалъ ли я? Госпожа Ворчалкина, я чаю, уже обѣдаетъ.

Прасковья. Нѣтъ еще. Только скоро за столъ сядутъ.

Фирлюфюшковъ. Сударушка этотъ домъ! Сокровище, право: никогда въ немъ не опоздаешь. Какъ онъ милъ! ша foi, какъ онъ милъ! Какъ не пріѣдешь.... все еще во-время.

(1) Соч. II, стр. 183—186.

Спесовъ
Геркуловъ
Гремухинъ. 4

Прасковья. Да гдѣ вы такъ долго пробыли? Дѣла за вами, я думаю, не много, а теперь ужъ очень вѣдь поздно.

Фирлюфюшковъ. Belle demande! Гдѣ я пробылъ. А ma toilette... голубка, à ma toilette.... Гдѣ можно такъ рано индѣ быть.—Вчера послѣ ужина я всю ночь проигралъ въ карты. Легъ me coucher въ шестомъ часу après minuit. Всталъ сегодня въ часъ и теперь такая мигрена, и такъ въ носу грустно, что сказать не можно. Нѣтъ ли eau de luce понюхать? боюсь.... чтобъ отъ слабости не упасть.... Поддержите меня....

Антипъ. Не извольте ли на стулъ сѣсть? Вотъ....

Фирлюфюшковъ. Ужъ мнѣ сидѣть на стулѣ! да въ такой еще слабости! по крайней мѣрѣ подай мнѣ хоть кресла.

Прасковья. Я чаю, изъ прихоти вы еще захотите канapé или кровать.

Фирлюфюшковъ. Это бы и не худо. Какъ не стыдно хозяйкѣ этого дома, что нѣтъ у ней въ каждой комнатѣ по крайней мѣрѣ по одной chaise longue; здѣсь и обмереть съ благопристойностью нельзя, ah! mon Dieu, quel temps et quelles gens! (1).

За неплатежъ долговъ Геркуловъ бьетъ Фирлюфюшкова палкой.

Геркуловъ и Спесовъ постоянно хвалятся своей знатной породой, но оба они промотались и хотятъ поправить свое состояніе женитьбой. Не надѣясь, что Ворчалкина добровольно согласится отдать за нихъ своихъ дочерей, они распускаютъ слухъ, что въ скоромъ времени на десять лѣтъ будетъ запрещено вступать въ бракъ; но обманъ ихъ открывается, и Ворчалкина отдаетъ младшую дочь Христину за Таларикина. Это дѣло устриваетъ дядя Таларикина, Дремовъ, который въ комедіи играетъ ту роль, какую Фонтъ-Визинъ далъ Стародуму. Дремовъ направляетъ ходомъ пьесы, даетъ наставленія, разрѣшаетъ разные вопросы и вообще служить выразителемъ мыслей самого автора. Когда Ворчалкина сказала: „Видишь ты, каковъ нынѣ свѣтъ-ать развратенъ: подкидышковь... что ужъ этого больше?... подкидышковь подбираютъ, да кормятъ, да за ними ходятъ, какъ будто за благородными: такъ можно ли уже въ чемъ сомнѣваться?“ Дремовъ замѣчаетъ: „Перестанемъ, сударыня, о подкидышкахъ говорить. Сколько чрезъ сіе благое постановленіе почти погибшихъ душъ въ живыхъ остается!“ (2) Обо всѣхъ гостяхъ Ворчалкиной онъ говоритъ: „Какая пропасть наѣхала гостей! полна горница, такъ что и мѣста инымъ нѣтъ. Всѣ болтаютъ, никто не слуша-

(1) Стр. 176—177. (2) Стр. 199.

еть; а разума и не спрашивай, такъ что если бъ всѣхъ ихъ можно скласть въ котель и сварить, то бы не выварилось и золотника здраваго разсудка.“⁽¹⁾ Изъ другихъ лицъ комедіи болѣе удачно очерчены Фирлюфюшковъ и Некопѣйковъ. Фирлюфюшковъ, мы видѣли, представляетъ черты Иванушки Фонъ-Визина и въ тоже время зародышъ Грибоѣдовскаго Репетилова. На него подходитъ и старшая дочь Ворчалкиной, Олимпиада, которая отказывается отъ замужества и просить у матери только позволенія постоянно ѣздить на балы и въ театръ. Некопѣйковъ—раззорившійся купецъ, думающій поправить свои дѣла разными проектами, напр. объ учреженіи почты посредствомъ голубей; объ употребленіи крысыихъ хвостовъ на корабляхъ, вмѣсто тонкихъ веревокъ; объ извозѣ зимою въ степныхъ мѣстахъ на куропахъ; о построеніи секретнаго флота.

Посылая объ эти комедіи къ Вольтеру во французскомъ переводѣ, Екатерина писала къ нему: „у автора много недостатковъ; онъ не знаетъ театра; интриги его піесъ слабы. Нельзя того же сказать о характерахъ: они взяты изъ природы и выдержаны. Кромѣ того, у него есть комическія выходки; онъ заставляетъ смѣяться; мораль его чиста, и ему хорошо извѣстенъ народъ“... Русскимъ обществомъ онѣ были приняты съ восторгомъ, а литературная критика комедію „О время“ признала началомъ русской общественной комедіи и критики общественныхъ нравовъ. Новиковъ въ своемъ „Живописцѣ“ сдѣлалъ ея автору посвященіе съ такимъ обращеніемъ: „Вы первый съ такимъ удовольствіемъ и острою заставили слушать ѣдкость сатиры съ пріятностію и удовольствіемъ; вы первый съ такою благородною смѣлостію напали на пороки, въ Россіи господствовавшіе“. Авторъ на это посвященіе отвѣтилъ: „При сочиненіи комедіи не бралъ я находящихся въ ней умоначертаній ни откуда, кромѣ собственной моей семьи (т. е. Россіи), слѣд. не выходя изъ дому своего, нашелъ въ немъ одномъ къ составленію забавнаго позорища довольно обширное поле для искуснѣйшаго пера, а не для такого, каковымъ я свое почитаю“.

Другія комедіи Екатерины: „Недоразумѣнія“; „Госпожа Вѣстникова съ семьею“; „Разстроенная семья осторожками и подозрѣніями“; „Вотъ каково имѣть корзину и бѣлье“; „Смутникъ“; „Глупое пристрастіе къ пословицамъ“; „Лъстецъ и обольщенный“; „Не можетъ быть зла безъ добра“; „Путешествіе Промѣтаева“ не имѣютъ особеннаго значенія. Въ нихъ часто повторяются тѣже темы и тѣже характеры, какъ и въ первыхъ двухъ комедіяхъ.

⁽¹⁾ Стр. 206.

Въ комедіи „Недоразумѣнія“ выведена госпожа Гостякова, помѣшанная на разныхъ проэктахъ, для улучшенія хозяйства; всѣ ея проэкты оказываются совершенно непрактичными и ведутъ къ раззоренію. Она устроила „Румянный заводъ“, но румяны ея нейдутъ съ рукъ; по деревнямъ ихъ не разбираютъ, говорятъ дороги... по городамъ не покупаютъ для того, что не заморскія. Полотняная фабрика ея не дѣйствуетъ, потому что не достаетъ пряжи; дворовыя дѣвки день и ночь прядутъ, но всетаки пряжи мало, а купить ее денегъ нѣтъ. Гостякова хочетъ развести на своихъ поляхъ ревенъ и хлопчатникъ; но ихъ побиваютъ русскіе морозы. Чтобы спасти ихъ отъ мороза, она приказываетъ отобрать у крестьянъ старыя шубы и покрыть отrostки. Дворецкій Гостяковой характеризуетъ свою госпожу такимъ образомъ: „Затѣи новыя всякій часъ... запросто судить... онѣ не прочнаго основанія.... вчера съ приказала лень и пеньку сѣять на лучшихъ земляхъ... тутъ прежде росла рожь... а на изнуренныхъ десятинахъ безъ удобренія велѣла сѣять рожь... кто слыхалъ подобное!... потомъ будетъ дивиться неурожаю... Ея бы дѣло принимать гостей... въ хозяйствѣ разумѣніе у насъ еще скудно... въ городѣ, сидя съ гостями, выучишься ли знать, что и когда сѣять, и какъ пахать, и гдѣ выгоднѣе!“⁽¹⁾ Въ комедіи „Вѣстникова съ семьей“ Екатерина осмѣиваетъ страсть къ пересудамъ и сплетнямъ, изображая происхождение и распространение разныхъ нелѣпныхъ слуховъ въ слѣдующей смѣшной формѣ. Вѣстникова спрашиваетъ торговку Терентьевну: „Не слыхала-ли ты еще какихъ нибудь вѣстей? Терентьевна. Какъ не слыхать, матушка! По городу-та шатаешься, такъ наслышишься всего. У насъ половъ ушатъ всегда вѣстей. Вотъ-таки сказываютъ, что у большихъ бояръ какія-то затѣи есть“. Вѣстникова. „Да отъ кого ты это слыхала?“ Терентьевна. „Отъ кого? отъ человѣка, правда, не знакомаго: онъ пьяной проврался, лежа на улицѣ, а племянникъ кума кумы моей на ту пору шелъ и слыхалъ, да имъ сказалъ, а они мнѣ. Сказываютъ, что пьяный, какъ протрезвился, такъ сталъ запирагься, говоря, что онъ не знаетъ, съ пьяна ли это ему пригрезилось, или отъ кого пьяный слыхалъ. Только это неспроста“. Вѣстникова. „И сомнѣнія нѣтъ: сколько людей говорили, какъ въ этомъ сомнѣваться. Охти мнѣ! Какія-то у насъ затѣи? Свѣтушка, свѣтушка, что-то изъ этого будетъ?“⁽²⁾ Кроме того, въ этой комедіи Екатерина касается недостатковъ домашняго воспитанія. Дочь Вѣстниковой вышла совсѣмъ „полоумною“, потому что мать „бывало, за дѣло и не за дѣло безпрестанно ея тузила въ голову“.

(1) Сочин. II, 78—82. (2) Тамъже стр. 263.

А учителемъ у внучки Вѣстниковой былъ одинъ изъ такихъ учителей, каковы были у Митрофанушки Фонъ-Визина. Сама Вѣстникова говоритъ о немъ: „Ужась, какъ мнѣ хочется выгнать эту харю изъ дому (указываетъ на учителя). Да ужъ и обѣщали мнѣ достать какова-то другава учителя, который гдѣ то былъ прежде скороходомъ; а этотъ пусть себѣ попрежнему опять пойдетъ въ кучера къ кому-нибудь“⁽¹⁾.—Комедія „Вотъ каково имѣть корзину и бѣлье“ составляетъ передѣлку комедіи Шекспира: „Виндзорскія кумушки“. Герой ея Фальстафъ названъ Полкадовымъ. Полкадовъ — гуляка и повѣса, который промотался во время путешествія по Европѣ и хочетъ поправить свое состояніе волокитствомъ; но это ему не удается; за волокитство свое онъ платится своими боками и попадаетъ въ самыя обидныя положенія. Въ піесѣ „Путешествіе Промотаева“ также изображается вредъ, какой приносятъ путешествія по Европѣ людямъ, которые отправляются туда не съ тѣмъ, чтобы поучиться всему хорошему, но чтобы весело пожить и покутить.—Всѣ эти комедіи Екатерины не имѣютъ художественнаго значенія, не отличаются ни полнотою и окончанностію идеи, ни цѣлостностію и выдержанностію характеровъ, но во всѣхъ ихъ есть интересныя отдѣльныя мѣста или сцены, рѣзкія характерныя черты, меткія выраженія; въ нихъ тѣже темы и сюжеты, которые только въ болѣе художественныхъ формахъ развиваются у Фонъ-Визина и другихъ писателей.

Историческія драмы Екатерины. Двѣ историческія драмы: „Историческое представленіе изъ жизни Рюрика“ и „Начальное управленіе Олега“ Екатерина написала въ то время, когда занималась русской исторіей. Въ нихъ она хотѣла наглядно, въ лицахъ и событіяхъ, взятыхъ изъ русской исторіи, изобразить свои идеи о власти и управленіи. Она называетъ эти драмы подражаніемъ Шекспиру, котораго она, вмѣстѣ съ своими сотрудниками по эрмитажному театру, читала по нѣмецки, въ переводѣ Эшенбурга. „Эти подражанія Шекспиру, говоритъ она, очень удобны, потому что, не будучи ни комедіями, ни трагедіями, и не имѣя другихъ правилъ, кромѣ чувства, своснаго для зрителя, я считаю ихъ ко всему подходящими“⁽²⁾.

Историческое представленіе изъ жизни Рюрика. Подражаніе Шекспиру. Содержаніе этой драмы взято изъ первыхъ страницъ русской лѣтописи. Въ ней изображается начало рус-

⁽¹⁾ Тамъже стр. 281.

⁽²⁾ Переписка импер. Екатерины II съ Гриммомъ Я. К. Грота стр. 255.

скаго государства, или призваніе на Русь Варяжскихъ князей. Дѣйствіе 1-е. Глубоко скорбя о несогласіи и раздорахъ между славянами, Новгородскій славянскій князь Гостомысль, предъ своею смертію, завѣщаетъ призвать, для управленія Русью, трехъ сыновей зятя своего, финскаго короля, Людбрата, Рюрика, Синеуса и Трувора. Это были его внуки, родившіеся отъ дочери, Умилы. Вадимъ и нѣкоторые изъ старѣйшинъ, послѣ смерти Гостомысла, возражали противъ его завѣщанія, говоря: „Варяги не знаютъ ни нашего языка, ни нашихъ законовъ и обычаевъ; намъ морскіе начальники не столько нужны, какъ добрые предводители, кои бы ратное наше дѣло знали“; но большинство старѣйшинъ однако же постановило исполнить волю Гостомысла. Во 2-мъ дѣйствиіи изображается прибытіе пословъ отъ славянъ къ Финскому королю Людбрату. Обращаясь къ его сыновьямъ, послы говорятъ: „Князь Рюрикъ Варягорусскій, и вы, князи Синеусъ и Труворъ, единоутробные братья, внуки Гостомысла! земля наша велика и обильна, а порядку въ ней нѣтъ; придите владѣти нами, установите согласіе, правосудіе; избавьте великій Новгородъ отъ разоренья; вы разумомъ и храбростію славны“⁽¹⁾. Съ согласія Людбрата князья принимаютъ приглашеніе; вмѣстѣ съ ними въ Русь отправляются Олегъ, князь Урманскій, Оскольдъ, пасынокъ Рюрика, и Рохвольдъ, вельможа Варяжскій. Дѣйствіа 3-е и 4-е. Прибывъ въ Русь, Рюрикъ, по совѣту Новгородскаго посадника, Добрынина, отправляетъ брата своего Синеуса править на Бѣлоозеро, а Трувора въ Изборскъ, князя же Урманскаго Олега въ Ижору или Ингрію; Осколда съ войскомъ отправляетъ въ Кіевъ, чтобы избавить этотъ городъ отъ угнетающихъ его казаръ; Рохвольду поручаетъ начальство въ Полоцкѣ. Дѣйствіе 5-е. Между тѣмъ младшій внукъ Гостомысла, Новгородскій князь Вадимъ, не хочетъ подчиняться пришельцамъ Варягамъ и производитъ возстаніе противъ Рюрика. Это возстаніе, впрочемъ, тотчасъ же было подавлено; Вадимъ былъ схваченъ и приведенъ на судъ къ Рюрику. Рюрикъ является государемъ мудрымъ и въ высшей степени гуманнымъ; онъ произноситъ судъ надъ Вадимомъ самый милостивый, по началамъ Наказа. „Но пусть Рюрикъ, говоритъ онъ, въ сей день окажется, каковъ онъ есть: онъ, видя виновныхъ предъ собою, съ горячею ревностію возмется всегда за изслѣдованіе общему добру причиненнаго ущерба или обиды; но кой часъ вина уже извѣстна, виновной изобличенъ, и надлежитъ, вынувъ мечъ, приступить ко мщенію (вынимаетъ мечъ изъ ноженъ), тогда мечъ тотъ, который не выпалъ никогда

(1) Сочин. I, 314—315.

изъ моей десницы, благодаря боговъ, противу общихъ непріятелей (уронить мечъ), падаетъ изъ дрожащихъ рукъ моихъ, и въ винномъ вижу я лишь человѣка. Теперь судите сами, отдамъ ли я на осужденіе брата моего двоюроднаго, князя Вадима. Бодрость духа его, предприимчивость, неустрашимость и прочія изъ того истекающія качества могутъ быть полезны государству впередъ. Вадимъ (становясь на колѣни). О Государь! ты къ побѣдамъ рожденъ, ты милосердіемъ враговъ всѣхъ побѣдиши, ты дерзость тѣмъ же обуздаешь.... Я вѣрный твой подданный вѣчно⁴ (1).

Начальное управленіе Олега. Подражаніе Шекспиру.

Князь Олегъ, управляющій Русью во время малолѣтства Игоря, объѣзжаетъ русскія области и при этомъ закладываетъ города въ разныхъ мѣстахъ. Піеса начинается описаніемъ закладки города Москвы на томъ мѣстѣ, гдѣ рѣка Смородина, или Москва, Яуза и Негливная соединяются. При закладкѣ происходятъ гаданія жрецовъ.

Второй жрецъ: „По всѣмъ примѣтамъ сей градъ будетъ вѣкогда обширенъ и знаменитъ. Олегъ. Не всегда вѣру подавать можно примѣтамъ, онѣ обманчивы. Первый жрецъ. Однако дождь шель отъ заката солнечнаго во всю ночь, при восходѣ же видны были стаи разныхъ птицъ, кои слетѣлись отовсюду и сѣли на луга, гдѣ клевали непрестанно насѣкомыхъ, выходящихъ отъ мокроты изъ подземныхъ своихъ жилищъ. Олегъ. Что же это значитъ? Второй жрецъ. Дождь значитъ богатство, изобиліе, но великое разлитіе оказываетъ затрудненіе; стаи птицъ родовъ разныхъ знаменуютъ, что сіе мѣсто служить имѣетъ народнымъ убѣжищемъ и соединеніемъ во времена опасныя. Олегъ. Хорошо.... въ добрый часъ приступимъ къ начальному созиданію“.

Въ то время, какъ жрецы клали первый камень въ основаніе города, надъ ними пролетѣлъ орель.

Первый жрецъ. Орель летитъ чрезъ градъ сей не понапрасну.

Стеמידъ. О, коль пріятно видѣть, что здѣсь держатся древняго обычая!

Добрынинъ (Стемиду). Развѣ у васъ оный перемѣняютъ? Лидуль. Не безъ того.

Стеמידъ. Отъ того возстало народное роптаніе“ (2).

Въ это время являютъ къ Олегу послы изъ Кіева и приносятъ отъ кіевлянъ жалобу, что князь Оскольдъ перемѣняетъ у нихъ древніе обычаи, что во время похода въ Царь-Градъ онъ

(1) Тамъ же стр. 337—338. (2) I, 348—349.

едва ли не присталъ къ тамошнему закону. Олегъ отправляется въ Кіевъ, и, узнавъ отъ самого Оскольда, что онъ, дѣйствительно, находится въ такомъ „умоположеніи“, лишаетъ его власти. Оскольдъ однакожъ находитъ пріютъ у Угровъ, которые въ это время проходили мимо Кіева. — Между тѣмъ въ Кіевъ привозятъ изъ Изборска невѣсту Игоря. Прекрасу, правнучку Гостомысла. Происходитъ свадьба Игоря. При этомъ Прекраса, по ея желанію, называется, въ честь Олега, Ольгою. Послѣ свадьбы Игоря, Олегъ отправляется въ походъ къ Царь-граду. Одержавъ побѣду и заключивъ миръ, онъ посѣщаетъ Царь-градъ, гдѣ послѣ всякаго рода угощеній, въ честь его даны были игры въ Ипподромѣ. По окончаніи игръ, Олегъ прибываетъ щить Игоря къ столбу Ипподрома. — Сочиненіе этой драмы относится къ тому времени, когда Екатерина и Потемкинъ были заняты такъ называемымъ восточнымъ вопросомъ, или греческимъ проэктомъ. Всѣ слышавшіе объ этомъ проэктѣ, конечно, не могли не интересоваться этой драмой, гдѣ изображался побѣдоносный походъ Олега въ Царь-градъ; а при представленіи драмы въ театрѣ публику особенно увлекало 3-е дѣйствіе, гдѣ представлена свадьба Игоря и Ольги по древнимъ русскимъ обычаямъ, съ русскими народными пѣснями.

Оперы Екатерины. Екатерина составила нѣсколько комическихъ оперъ для своего эрмитажнаго театра: „Новгородскій богатырь Боеслаевичъ“ (1786), „Февей“ (1786), „Храбрый и смѣлый витязь Архидѣвичъ“ (1786), „Федуль съ дѣтьми“ (1790), „Горе богатырь Косометовичъ“ (1788). Содержаніе первой оперы „Новгородскій богатырь Боеслаевичъ“ заимствовано было изъ былины о Василии Буслаевѣ, которая въ ней и изложена, съ нѣкоторыми измѣненіями и дополненіями. Основа оперы „Февей“ взята изъ сказки о царевичѣ Февеѣ; въ оперѣ изображена женитьба Февея на Лійской царевнѣ, Данѣ. Опера „Смѣлый витязь Архидѣвичъ“ составлена изъ разныхъ сказокъ объ Иванѣ царевичѣ и цардѣвицѣ. Опера „Федуль съ дѣтьми“ вся состоитъ изъ пѣсенъ и отличается особенною веселостію. Нѣкоторыя изъ ея пѣсенъ, какъ-то дуэтъ: „Слушай, радость, одно слово, гдѣ ты, свѣтикъ мой, живешь“... и пѣсня Дуняши: „Во селѣ, селѣ Покровскомъ, среди улицы большой, развигралась, расплясалась красна дѣвица душа“.. долго пѣли еще и въ нынѣшнемъ столѣтіи. Особенный характеръ и смыслъ имѣетъ опера „Горе богатырь Косометовичъ“. Думаютъ, что она написана во время войны Россіи съ Швеціей въ 1788—1790 г. и составляетъ сатиру на шведскаго короля Гу-

става III⁽¹⁾. Она составлена по подражанію Донъ-Кихоту Сервантеса; Горе-богатырь—пародія Донъ-Кихота. Подобно Донъ-Кихоту, Горе-богатырь говоритъ о себѣ: „Я нынѣ много наслышался отъ сказальщиковъ о рыцарскихъ и богатырскихъ дѣлахъ, я самъ хочу такovýchъ же предпринять“.

«Геройствомъ надуваясь
И славою прельщаясь,
Лобъ спрячу подъ шишакъ,
Надѣну рыцарски доспѣхи,
И сильный мой кулакъ
Въ бою доставить мнѣ успѣхи.
Для богатырскихъ дѣлъ
Я много думалъ и потѣлъ;
Хотя же сталъ я храбръ недавно,
Но будетъ имя славно;
Пойду я бодръ теперь и гордъ,
На вѣсть, на зюйдъ, на остъ и нордъ».

Не въ состояніи будучи сладить съ вооруженіемъ прежнихъ богатырей, онъ надѣваетъ на себя латы изъ картонной бумаги и въ этомъ видѣ, съ своими оруженосцами, Кривомозгомъ и Торопомъ, выѣзжаетъ на подвиги. Въ одной деревенской избѣ безрукій старикъ побиваетъ ихъ ухватомъ и спускаетъ на нихъ цѣпную собаку. Испугавшись звуковъ медвѣжьей травли, Горе-богатырь взлѣзаетъ на дерево. Послѣ такихъ подвиговъ всѣ трое—богатырь и оруженосцы—возвращаются домой въ вѣнцахъ, какъ побѣдители. Горе-богатырь поетъ:

«Могу безъ хвастовства сказать,
Дѣлъ кучу храбрыхъ доказать:
Низаринулъ множество оплотовъ,
Ведѣ и всѣхъ я побѣдилъ,
Прогналъ, рассыпалъ и побилъ
Медвѣдей, Костоготовъ,
И лѣшихъ съ колдунями».

Наконецъ, Горе-богатырь женится на красавицѣ, Гремилѣ Шумиловнѣ. Хоръ при этомъ поетъ:

«Пословица сбылась:
Синица поднялась,
Вспорхнула полетѣла,
И море зажигать хотѣла,
Но моря не зажгла,
А шуму сдѣлала довольно!»⁽²⁾.

(¹) Смолр. Журн. Мин. Народ. Просв. 1870; декабрь. Комическая опера Екатерины II «Горе-богатырь». А. Брикнера.

(²) Сочин. I, 431—459.

Сочиненія Екатерины противъ масонства: „Тайна противу-нелѣпаго общества (anti—absurde), открытая непричастнымъ оному“; „Шаманъ Сибирскій“; „Обманщикъ“ и „Обольщенный“. Какъ замкнутое и тайное общество, масонство казалось Екатеринѣ опаснымъ для спокойствія государства и вообще вреднымъ въ политическомъ отношеніи; а по своимъ страннымъ и нелѣпымъ обрядамъ—нелѣпымъ шарлатанствомъ, имѣющимъ цѣлю морочить людей и посредствомъ обмана, прикрываемаго разными фокусъ—покусами, выманивать у людей деньги. Такой именно взглядъ на него и выражается въ указанныхъ сочиненіяхъ. Игнорируя гуманную и нравственную сторону масонства, которая привлекала къ нему всѣхъ лучшихъ людей, Екатерина изображаетъ только дурныя стороны масонства, на основаніи тѣхъ разсказовъ, которые ходили о немъ въ обществѣ. Она представляетъ масоновъ обманутыми и обманщиками, людьми, дѣлающими золото и продающими жизненный элексірь, алхимиками, теософами, духовидцами. „Тайна противу-нелѣпаго общества, открытая непричастнымъ оному“. Противу-нелѣпымъ называется общество, противоположное масонству, которое признается нелѣпымъ. Въ противоположность тому, что масонство начало свое относило къ временамъ построенія храма Соломонова, о новомъ обществѣ говорится: „Оно начало свое воспріяло въ то время, въ которое общій разумъ въ свѣтъ вошелъ“.... Начальствующая ложа его находится на горѣ истины, лежащей къ сѣверу отъ горы шутокъ“. Далѣе описывается обрядъ принятія въ члены этого общества, противоположный масонскимъ обрядамъ и составляющій сатиру на эти обряды. Въ противоположность тому, что при посвященіи въ масоны, новопосвящаемому завязывали глаза, поступающій въ новое общество „входитъ съ своимъ вводителемъ, не имѣя глазъ завязанныхъ и во всей одеждѣ для того, что почитается неучтиво и неблагопристойно въ честной бесѣдѣ быть обнаженнымъ. Его подводятъ потомъ къ начальнику общества, который, указывая на корзину съ тетрадами, приказываетъ ему вынимать одну тетрадь за другою и прочитывать ихъ заглавія. Принимаемый членъ беретъ одну тетрадь и читаетъ: „Орвіепатъ“. Что вы объ этомъ думаете, спрашиваетъ начальникъ. Это такая нелѣпость, отвѣчаетъ онъ, которую должно бросить.—Ну, такъ бросьте же ее, говоритъ начальникъ, указывая на каминь, и возьмите другую. Послѣ пересмотра всѣхъ масонскихъ тетрадей, заключавшихся въ корзину, принимаемому члену объясняются эмблемы противу-нелѣпаго общества. Эти эмблемы: 1) Вѣникъ, орудіе, какимъ исправляютъ дѣтей. Сіе орудіе, говоритъ авторъ, напоминаетъ новопринятому, что всѣ тѣ, кои, не слѣдуя по стезямъ здраваго разсудка, совращаютъ его съ пути примаго ра-

зума, подобны дѣтямъ. 2) Родъ широкой и длинной простыни для качанія, посрединѣ которой написано № 1-й non plus ultra (предѣлъ, его же не преидеши). Сіе новопринятымъ напоминаетъ, что тотъ, кто дозволяетъ себя тѣлеснымъ или душевнымъ образомъ качать, подаетъ худое мнѣніе о своемъ благоразуміи. 3) Ротъ зѣвающій. Сіе значитъ, что таже сказка, а особливо, если она нелѣпа, скучна и безъ вкуса, конечно произведетъ зѣвоту. Наконецъ излагается краткій катихизисъ общества, состоящій изъ нѣсколькихъ вопросовъ начальника и отвѣтовъ принимаемаго члена. „В. Въ какую игру дѣти съ завязанными глазами играютъ? О. Въ жмурки. В. Надобно ли имѣть завязанные глаза или помраченное зрѣніе, чтобы видѣть яснѣе дневное и ночное свѣтло, или чтобы пріобрѣсти какое человѣческое познаніе? О. Какъ для одного, такъ и для другаго нѣтъ ничего лишняго ни въ самихъ глазахъ ни въ разумѣніи человѣческомъ“.— Подъ дѣтьми, играющими въ жмурки съ завязанными глазами, разумѣются масоны. Они раздѣляются на большихъ и малыхъ дѣтей. Малыя дѣти тѣ, которыхъ обманываютъ, большія дѣти тѣ, которыя безпрестанно обманываютъ другихъ, многократно сами въ обманъ вдаются. Ученіе масоновъ похоже на сказки кормилицы о домовыхъ дѣдушкахъ, кикиморахъ и химерахъ привидѣнія и иступленія; а всѣ масонскіе обряды, „необычныя и странныя тѣлодвиженія“ походятъ на обезьянство.— Исповѣдавшему все это новому члену общества начальникъ говоритъ, а за нимъ все собраніе повторяетъ: dignus es intrare in nostram societatem (достоинъ впити въ наше общество) (1).

Шаманъ Сибирскій. Содержаніе этой пьесы состоитъ въ слѣдующемъ. Семейство Бобиныхъ (отецъ, мать и дочь) пріѣхало изъ Сибири въ Петербургъ и привезло съ собою, въ качествѣ лѣкаря, шамана Амбанъ-Лая, о которомъ вскорѣ распространился „шумъ великій... будто по лицу узнаетъ умоначертаніе человѣка“. Между тѣмъ, это былъ хитрый шарлатанъ, который „умѣлъ ослѣплять и обманывать тѣхъ, которые сами хотятъ обманываться, которыхъ глупость и невѣжество видитъ колдовство тутъ, гдѣ смыслъ обыкновенный ихъ кратокъ находится“. Репутація его, какъ искуснаго лѣкаря, объясняется въ комедіи слѣдующимъ случаемъ: „Барыня, говоритъ служанка Бобина, Мавра, занемогла.... запросто переязбла. Онъ принесъ къ ней какую-то травную воду. Но склянка съ водою разбилась, а прислуга, не смѣя сказать объ этомъ, подмѣнила ее другой склян-

(1) Сочин. III, 169—181.

вой съ простой водой. Барыня не зная подмѣны, начала пить эту воду поминутно маленькою ложечкой и выздоровѣла. И слухъ пошелъ повсюду, что она выздоровѣла отъ Амбанскихъ дорогихъ составовъ“. Шаманъ въ Петербургѣ принялся за разныя штуки: „купеческую жену обманулъ, показывалъ ей мертваго мужа и для того, живыхъ людей нарядилъ, завелъ маленькую школу; своими фанти—фантами не только привлекъ народу много, но и предсказаніями и угадками выманилъ у всѣхъ денегъ, koliko могъ“. Но полиція, узнавъ объ этихъ его продѣлкахъ, взяла его подъ караулъ. Шаманъ однакожь успѣлъ устроить свадьбу дочери Бобина, Прелесты съ Пернатовымъ ⁽¹⁾. Объясняя смыслъ этой комедіи, Екатерина писала Гримму: „Шаманъ—это теозофъ (богомудрый), который продѣлываетъ всѣ шарлатанства собратій Парацельса. Посмотрите на статью „Теозофъ“ въ энциклопедіи, и вы получите секретъ нашихъ комедій масонства и модныхъ сектъ ⁽²⁾“.

„Обманщикъ“ и „Обольщенный“. Въ комедіи „Обманщикъ“, въ лицѣ Калифалкжерстона, изображенъ извѣстный Калиостро, который былъ въ Петербургѣ и Москвѣ и оставилъ послѣ себя многихъ послѣдователей. Калифалкжерстонъ говоритъ, что онъ малые алмазы передѣлываетъ въ большіе и можетъ дѣлать золото, что онъ знаетъ средства противъ всѣхъ болѣзней, что онъ имѣетъ силу вызывать духовъ, что еще недавно съ того свѣта являлся къ нему Александръ Македонскій. Вкравшись въ довѣренность простака Самблина, онъ выманилъ у него для алхимическихъ производствъ 4000 червонцевъ и нѣсколько алмазовъ и хотѣлъ убѣжать съ ними, но былъ пойманъ ⁽³⁾. Въ комедіи „Обольщенный“ изображается отецъ семейства Радотовъ, попавшій въ общество обманщиковъ, которыхъ зовутъ мартышками (т. е. мартинистами), которые находятся въ сношеніяхъ съ духами, дѣлаютъ золото и алмазы и проч. „Сначала, говоритъ онъ, я былъ влекомъ любопытствомъ... Стремленіе двухъ трехъ знакомыхъ меня убѣдило... Потомъ самолюбіе мое находило удовольствіе отличиться, инако думать, какъ домашніе, какъ знакомые, притомъ легко вѣрие льстило!.. авось либо увижу, услышу то, что почитаютъ за невозможное; только по истинѣ внутренно терпѣлъ я—несказанную скузу!“ ⁽⁴⁾ Такъ рассказывалъ онъ о себѣ, когда обманъ открылся и когда увлекшіе его обманщики обокрали его; но сна-

⁽¹⁾ Сочин. II, 437—513.

⁽²⁾ Екатерина въ перепискѣ съ Гриммомъ стр. 254.

⁽³⁾ Сочин. I, 549—600. ⁽⁴⁾ Сочин. I, 663.

чала онъ вѣрилъ всему, что ему они говорили, и распространялъ ихъ ученіе въ своемъ семействѣ. Вотъ что говоритъ мать Радотова о своей внучкѣ: „пришла ко мнѣ въ горницу внучка моя Таисія, увидала на столѣ передо мною стоитъ стаканъ съ цвѣтами; она начала цѣловать листочки; я спросила на что? она, на то, сказала, что на каждомъ листѣ душокъ обитаетъ!... и будто на булавошномъ концѣ нѣсколько тысячъ умѣщается!... Въ комедіи всего интереснѣе разсужденія нѣкоторыхъ лицъ, и особенно Бритягина, устами котораго Екатерина высказываетъ свой взглядъ на масонство. Бритягинъ о Радотовѣ говоритъ: „я его почитаю обманутымъ... Онъ доискивается вещей такихъ, кои давно въ свѣтѣ извѣстны, что найти нѣтъ возможности, и точно всего того, что изстари замыкалось подъ разумнымъ словомъ сумудрія!... Онъ варитъ золото, алмазы, составляетъ изъ росы металлы, изъ травъ ни вѣсь что; домогается притомъ имѣть свиданіе съ какими-то невидимками, посредствомъ разныхъ шалостей и сущихъ ребячествъ, коимъ разумный свѣтъ прежнихъ вѣковъ и нынѣшняго смѣется“. Но въ масонствѣ была привлекательная сторона; оно стремилось къ всеобщей благодетельности и просвѣщенію массъ народныхъ. Екатерина заподозривала эти стремленія на томъ основаніи, что масоны хотятъ достигнуть своихъ благотворительныхъ и просвѣтительныхъ цѣлей своимъ особеннымъ ученіемъ, своими особенными путями, а не тѣми, которые уже всѣми признаны и указаны правительствомъ. Когда Бритягинъ указалъ на то, что масоны „въ намѣреніи имѣютъ потаенно заводить благотворительныя разныя заведенія, какъ то школы, больницы и тому подобное, и для того стараются привлекать къ себѣ людей богатыхъ“, Бритягинъ возражаетъ: „Дѣла такого рода на что производить совершенно, когда благимъ узаконеніемъ открыты всевозможныя у насъ къ таковымъ установленіямъ удобства?.. Всякій изъ нихъ, по своевольному хотѣнію, выдумывая, прибавляетъ правила и словечушки! Но почему оныя предпочтительны суть издревле принятымъ и славнымъ законодательствамъ, утвержденнымъ для общей и частной пользы, сего никто мнѣ не докажетъ“..... „Неужто, прибавляетъ онъ потомъ Радотову, есть добродѣтели болѣе числомъ и выше тѣхъ, коихъ отъ насъ требуетъ издревле установленный у насъ законъ и неужто развращенный какой ни есть толкъ замыкаетъ въ себѣ иныя и лучшія добродѣтели? И наконецъ, въ заключеніе всей комедіи, Бритягинъ говоритъ, что масонство отнюдь не можетъ принести чести или похвалы нашему вѣку: „По умствованію каждаго вѣка слѣдующіе за нимъ о немъ судятъ... Вообще столѣтіямъ похвалы приписываютъ однимъ тѣмъ, кои не бредомъ, но здравымъ разсудкомъ, отъ прочихъ отличались... Надѣяніе бесспорно въ рукахъ

начальства... благодарить мы должны Провидѣніе, что живемъ въ такое время, гдѣ кроткіе способы избираются ко исправленію“ (1). Можно представить себѣ, какое сильное впечатлѣніе должны были производить эти комедіи съ такими животрепещущими сюжетами, съ такими горячими и такъ прямо и неопровержимо рѣшаемыми вопросами. „Обманщикъ“ и „Обольщенный“, писала Екатерина къ Гримму, имѣли громаднй успѣхъ: московская публика въ концѣ масляницы не хотѣла видѣть другихъ піесъ, и когда объявили другую, то громко требовала одну изъ вышеупомянутыхъ. Всего забавнѣе было то, что на первомъ представленіи вызывали автора, который у насъ сохранялъ строжайшій инкогнито, не смотря на свой огромный успѣхъ! Каждая изъ этихъ піесъ принесла въ Москвѣ предпринимателю 10,000 въ три представленія“ (2).

Сатирическія статьи Екатерины во Всякой Всячинѣ и Собесѣдникѣ любителей россійскаго слова. Выше замѣчено, что участіе Екатерины въ литературѣ прежде всего выразилось въ журналѣ „Всякая Всячина“, который, подъ ея руководствомъ, издавался въ 1769 году кабинетъ-секретаремъ Козицкимъ. Между мелкими статьями и отрывками, писанными Екатериной, сохранилось нѣсколько отрывковъ, приготовленныхъ для Всякой Всячины, но почему-то не напечатанныхъ. Вотъ одинъ изъ нихъ въ формѣ письма, обращеннаго ко Всякой Всячинѣ: „Госпожа, бумагомарательница Всякая Всячина! По милости вашей нынѣшній годъ отмѣнно изобилуетъ недѣльными изданіями. Лучше бы мы любили изобиліе плодовъ земли, нежели жатву словъ, которую вы причинили. Ълибы вы кашу, да оставили бы людей въ покоѣ; вѣдь и профессора Рихмана бы громъ не убилъ, еслибы онъ сидѣлъ за щами, а не выдумалъ шутить съ громомъ.. Хрѣнъ бы васъ всѣхъ съѣлъ! даже и намъ старикамъ спуска нѣту. Для чего вы меня съ сестрою обижаете? Я васъ въ лицо не знаю. Не она, а вы насъ описываете. Ну, хорошо ли это, я у васъ спрашиваю? Вѣдь я знаю тетку—она ея сосѣдъ. Ругатели какіе! Ну, развѣ вы не попадетесь за городомъ, гдѣ ни наестъ на встрѣчу“. Во Всякой Всячинѣ помѣщено письмо Екатерины, подписанное Патрикѣемъ Правдомысловымъ, въ которомъ защищается существующій порядокъ и опровергаются толки, что въ Россіи нѣтъ правосудія. „Мы всѣ, говоритъ Патрикѣй Правдо-

(1) Сочин. I, 607; 624—625; 651; 659; 663; 666.

(2) Екатерина въ перепискѣ съ Гриммомъ стр. 253.

мысловъ, сомнѣваться не можемъ, что нашей великой государы-нѣ пріятно правосудіе, что она сама справедлива“.... Ниже будетъ показано, что Всякая Всячина, вызвавъ своимъ примѣромъ множество сатирическихъ журналовъ, впоследствии возстала на нихъ, когда они начали писать сатиры не на пороки только, но и на лица дѣйствительныя, описывая знатныхъ господъ, и въ свою очередь возбудила противъ себя со стороны ихъ сильныя нападенія. Особенно нападалъ на Всякую Всячину „Трутень“ Новикова. Противъ него „Всякая Всячина“ помѣстила отъ имени одного придворнаго господчика такое замѣчаніе: „Не въ свои-де этотъ авторъ (авторъ статьи въ Трутѣ) сами садится. Онъ-де зачинаетъ писать сатиры на придворныхъ господъ, знатныхъ бояръ, дамъ, судей именитыхъ и на всѣхъ. Такая-де смѣлость есть ничто иное какъ дерзновеніе. Полно-де его отпряла Всякая Всячина очень хорошо; да это еще ничего; въ старыя времена послали бы его потрудиться для пользы государственной описывать нравы какого ни на естъ царства русскаго владѣнія (намекъ на Сибирь), но нынче-де дали волю писать и за такія сатиры не наказываютъ“ (1).

Были и Небылицы. Всѣ сочиненія Екатерины написаны въ веселомъ и шутливомъ тонѣ или, какъ она сама выражается, „въ улыбательномъ духѣ“. Этотъ стиль, согласный съ тогдашними воззрѣніями на сатиру, по которому она *ridendo castigat mores*, былъ въ то же время и выраженіемъ личнаго характера Екатерины, живаго, веселаго и остроумнаго. Екатерина не любила, замѣчаетъ принцъ-де-Линъ, ни слишкомъ печальнаго, ни слишкомъ ученаго, ни чувствительнаго. Ей нравились романы Лесажа, Мольеръ и Корнель. Самое увлеченіе Екатерины сочиненіями Вольтера объясняется также ея природнымъ расположеніемъ къ веселости и остроумію. „Мой дѣдушка, говоритъ Екатерина въ Былахъ и Небылицахъ, ничего такъ не любитъ, какъ смѣшить кого, и если не удастся ему возбудить смѣха, то онъ старается произвести по крайней мѣрѣ легкую улыбку, подобно, какъ искусный врачъ производитъ испарину“.... „Дѣдушка говоритъ, прибавляетъ она въ другомъ мѣстѣ, что прекрасно писанное, полезное, нравоучительное, однимъ словомъ преумное теряетъ дѣбу, буде лишено пріятства. Онъ требуетъ, чтобы у повятія въ всякомъ сочиненіи украдено было все то, что ему скуку приключить

(1) Матеріалы для исторіи журнальной дѣятельности Екатерины II. П. Пекарскаго. Приложение къ III тому записокъ Академіи наукъ Спб. 1863 г.

можетъ, а прибавлено было все то, что оную можетъ убавить“ (1). Такимъ стилемъ особенно отличаются „Были и Небылицы“. „Изъ оныхъ строго исключается все то, что не въ улыбательномъ духѣ и не по вкусу прародителя моего, либо скуку возбудить могущее и плачь разогрѣвающія драмы“ (2). Были и Небылицы представляютъ рядъ самыхъ легкихъ и веселыхъ размышлений и очерковъ, въ которые заносилось все, что „приходило въ голову“, все, что „попадало на языкъ“. „Начавши писать, говоритъ авторъ, не знаю никогда, что напишу, а какъ рукою поведу по бумагѣ, то мысль сматывается, какъ нитка съ клубка; но какъ пряжа не всегда ровна, то попадаетса и потолще и потонѣе, а иногда и узелокъ, или что-нибудь и совсѣмъ не принадлежащее къ пряжѣ, ниткѣ и клубку, но совсѣмъ постороннее и къ другимъ вещамъ слѣдующее“ (3). Начатое размышленіе иногда вдругъ прерывается безъ всякой причины: „НВ. Здѣсь мнѣ муха сѣла на носъ и перервала мои мысли, такъ что письма окончатъ не могъ; съ другой стороны признаться должно, что она ко времени присѣла, ибо страница ужъ приходила къ концу“ (4). А иногда наскоро набросанный рассказъ разрастается и чѣмъ дальше идетъ мысль, тѣмъ становится серьезнѣе. „Когда начинаю писать, говоритъ авторъ, обыкновенно мнѣ кажется, что я коротокъ умомъ и мыслями, а потомъ, слово къ слову приставливая, мало по малу строки наполняю; иногда самому мнѣ не въ догадъ, какъ страница исписана и очутится на бумагѣ мысль кратковременная, да и еще съ такимъ хвостомъ, что умные люди въ ней изыскиваютъ тонкомысліе, глубокомысліе, густомысліе и полвомысліе; но, съ позволенія сказать, все сіе въ собственныхъ ихъ умахъ, а не въ моихъ строкахъ кроется; ибо неумные въ нихъ ни ума, ни всего вышписаннаго не находятъ. Да чему тутъ и быть? всякъ вѣдаетъ или не вѣдаетъ (хотя то часто было объявлено), что я первоначальныхъ правилъ грамматики отнюдь не знаю, а еще менѣе (не бывъ ни чему ученъ) возмogu порядочно мысли и умъ настроить, аки клавикорды либо скрипицу“ (5).

Содержаніе Былей и Небылицъ заимствовано изъ современной жизни. По поводу разнесшейся молвы о томъ, что въ нихъ описываются извѣстные лица, авторъ пишетъ Угадаеву: „Буде вы и семья ваша, между знакомыми вашими, нашли сходство съ предложенными описаніями въ Быляхъ и Небылицахъ, то сіе доказываетъ, что Были и Небылицы вытаснены изъ обширнаго моря естества. Хотя не имѣю чести знать ни васъ ни семью,

(1) Сочинен. Екзер. III, 9—10; 39. (2) Тамъ же стр. 57.

(3) Стр. 23. (4) Стр. 92. (5) Стр. 121—122.

ни знакомцевъ вашихъ, но какъ они, равноѣрно, какъ и всѣ, плаваютъ въ той же стихіи, то статья можетъ, попались нѣкоторые изъ васъ ненарокомъ въ рукавъ. Были и Небылицы наполнены тѣмъ, что въ людяхъ водится, но люди тутъ безъ имени, а описывается умоположеніе человѣческое; до Карна и Сидора тутъ дѣла нѣтъ“ (1). Не смотря на то, современники въ нѣкоторыхъ типахъ угадывали извѣстныя лица: въ типѣ человѣка самолюбиваго, который „любитъ только себя и никого болѣе и хвалить только то, что ему принадлежитъ“, видѣли Чоголова, мужа бывшей гофмейстерши Екатерины, когда она была еще великой княгиней; въ лицѣ человѣка нерѣшительнаго, который, слѣлавъ два шага направо, одумавшись пойдеть на лѣво, который пяти словъ не выговаривалъ безъ раскаянія потомъ, который вообще счастливъ не бываетъ, потому что слѣдуетъ всѣмъ своимъ мыслямъ на часть, и не имѣеть ни единой, которая бы не перебита была другой, видѣли графа И. И. Шувалова; въ лицѣ человѣка, который „такъ плохо выражается порусски, что его сочиненіе похоже на плохой переводъ съ иностраннаго“, графа Н. П. Румянцева, который тогда только что возвратился изъ за границы. Само собою разумѣется, что Екатерина не сама является въ Быляхъ и Небылицахъ своею личностію, но высказываетъ свои мысли чрезъ разныя вымышленныя лица. Это во 1-хъ дѣдушка, человѣкъ, „глубоко мыслящій“ и „словоохотливый“; двоюродный братъ автора, человѣкъ „веселый и проказливый“; дѣдушкина кума, дочь архангельскаго купца, воспитанная на иностранный манеръ въ пансіонѣ, гдѣ она „обвертки съ двѣ ума получила“; другъ И. И. И., который болѣе плачетъ, нежели смѣется, и другъ А. А. А., который болѣе смѣется, нежели плачетъ. Отъ имени этихъ лицъ авторъ осмѣиваетъ современные недостатки — самолюбіе, чванство, тщеславіе и безвкусное щегольство, пристрастіе къ французскимъ нравамъ и языку и проч. Особенно часто въ Быляхъ и Небылицахъ выводится дѣдушка, который играетъ въ нихъ ту же роль, какую Фонъ-Визинъ далъ Стародуму въ „Недоросль“. Устами дѣдушки Екатерина высказываетъ свои задумываемыя мысли. Въ этомъ отношеніи весьма интересно сравненіе прежняго времени съ современной эпохой. Какъ ни любитъ дѣдушка похвалить свое прежнее время, однакожъ не можетъ не отдать предпочтенія предъ нимъ современной эпохѣ. „Понеже казалось, что въ свѣтѣ кое что поправки требовало, то люди охотѣе упражнялись нынѣшняго въ разговорахъ, касающихся до поправленія того-сего; разговоры же сіи вели въ полголоса,

(1) Стр. 27.

или на ушко, дабы лишней какой бѣды оныя кому изъ насъ не навесли; слѣд. громогласіе рѣдко между нами слышно было; бесѣды же получали отъ того нѣкоторый блескъ и видъ вѣжливости, которой слѣды не столь примѣтны нынѣ; ибо разговоры, смѣхъ, горе, и все, что вздумать можемъ, открыто и громогласно отправляется. Дѣдушка примѣчаетъ, что вообще чистосердечіе отъ того въ людяхъ выиграло, потому что скрытаго за пазухой мало остается; для изъясненія своей мысли употребляетъ онъ сравненіе, говоря, будто мысли и умы, долго бывъ угнетены подъ тягостію тайны, вдругъ, яко плотина отъ сильной водополы, прорвались, и накопленная вода стекаетъ до тѣхъ поръ, пока, не осушивъ дна, онаго не откроетъ. Выговоря сіе, дѣдушка имѣлъ, мнѣ казалось, голову разгоряченную, взглядъ его казался мнѣ быстрѣе обыкновеннаго, на щекахъ его игралъ румянецъ. Онъ всталъ съ кресель своихъ и, возвысивъ голосъ, сказалъ: припомните мои слова; всѣ теперешніе пороки ничего не значатъ; они схожи на стекающее полноводіе, вода же, пришедъ въ прежнія границы и берега свои, возымѣетъ теченіе естественнѣе прежняго; берега суть воспитаніе... Ничему я такъ не радовался послѣдніе сіи годы, какъ тому, что къ совѣстному разбирательству повсюду оказалось много охотниковъ. Майтникъ сей подаетъ объ общемъ расположеніи добрую надежду, подобно какъ пульсъ врачу о состояніи больнаго... Примѣчаніе. Дѣдушка посредствомъ совѣстнаго суда въ семи намѣстничествахъ помирился съ сосѣдями своими, съ коими тягался лѣтъ болѣе 30". При этомъ Екатерина разумѣетъ совѣстные суды, явившіеся вмѣстѣ съ учрежденіемъ о губерніяхъ, которыми она особенно гордилась. Отъ лица дѣдушки также помѣщены въ Былахъ и Небылицахъ замѣчанія на извѣстные вопросы Фонъ-Визина. „Молокососы! не знаете вы, что я знаю. Въ наши времена никто не любилъ вопросовъ, ибо съ оными и мысленно соединены были неприятныя обстоятельства; намъ подобные обороты кажутся не умѣстны, шуточные отвѣты на подобные вопросы не суть нашего вѣка; тогда каждый, поджавъ хвостъ, отъ оныхъ бѣгалъ“. Особенно разсердилъ дѣдушку 14-й вопросъ: отъ чего въ прежнія времена шпыни и балагуры чиновъ не имѣли, а нынѣ имѣютъ и весьма большіе? Отъ чего?... отъ чего?... Ясно отъ того, что въ прежнія времена врать не смѣли, а паче письменно безъ... хемъ, хемъ, хемъ, (дѣдушка сильно кашлялъ) опасенія... Когда дѣдушка дошелъ до шпыней, тогда разворчался необычайно и крупно, говоря: шпынь безъ ума быть не можетъ, въ шпынствѣ есть острота; за то, продолжалъ онъ, что человѣкъ остро что скажетъ, вѣдь не лишитъ его выгодъ тѣхъ, кои даются въ обществѣ живущимъ, или обществу служащимъ. Всѣ сіи, такъ же какъ и

первыя произнесенія перемѣшаны были хемъ-хемами; потомъ дѣло дошло до балагуровъ, кои, по сказкамъ дѣдушкинымъ, бываютъ не скучны, когда къ словоохотию присоединяютъ природный умъ или знаніе пріобрѣтеннаго смысла, либо знаніе старины, или что ни есть подобное, а скучны лишь, говоритъ прародитель, Мареміаны плачущія и о всемъ мірѣ криво и косо пекущіяся, отъ коихъ обыкновенно въ десяти шагахъ слышешь уже духъ скрытой зависти противъ ближняго⁽¹⁾.—Затѣмъ изъ другихъ статей, помѣщенныхъ въ Быляхъ и Небылицахъ особеннаго вниманія заслуживаетъ „Общества незнающихъ ежедневная записка, подписанная: „скрѣпилъ извѣстный каноникъ“. Въ этой статьѣ осмѣиваются засѣданія Россійской Академіи, которая разумѣется подѣ обществомъ незнающихъ. Общество раздѣляется на двѣ палаты: первая палата съ чутьемъ, вторая палата безъ чутья. Палатѣ безъ чутья дана привиллегія чинить предложенія, палатѣ же съ чутьемъ предоставлены рѣшенія. Въ засѣданіяхъ дѣлаются самыя пустыя предложенія, теряется время въ нелѣпыхъ разсужденіяхъ, или въ молчаніи, а рѣшенія обыкновенно заключаются въ одномъ словѣ: „мимо“⁽²⁾.

Были и Небылицы печатались въ Собесѣдникѣ въ теченіе полутора года. Прекращая ихъ изданіе, Екатерина, подѣ предложомъ передачи его другимъ, написала „Завѣщаніе“, въ которомъ изображенъ идеалъ писателя, какъ онъ ей представлялся и которому она старалась слѣдовать. Изъ 19 пунктовъ этого Завѣщанія указываемъ на слѣдующіе, какъ на особенно интересные. 4) Кто писать будетъ, тому думать по русски. Всякая вещь имѣетъ свое названіе. 5) Иностранныя слова замѣнить русскими, а изъ иностранныхъ языковъ не занимать словъ; ибо нашъ языкъ и безъ того довольно богатъ. 6) Краснорѣчія не употреблять нигдѣ, развѣ само собою на концѣ пера явится. 7) Слова власть асныя и буде можно самотеки. 8) Скуки не вплетать нигдѣ, напиаче же умяничаньемъ безвременнымъ. 9) Веселое всего лучше; улыбательное же предпочесть плачевнымъ дѣйствіямъ. 11) Ходулей не употреблять, гдѣ ноги могутъ носить т. е. надутыхъ и высокопарныхъ словъ не употреблять, гдѣ пристойнѣе, пригожѣе, пріятнѣе и звучнѣе обыкновенныя будутъ. 12) Врача, лекаря, аптекаря не употреблять для писанія Былей и Небылицъ, дабы не получили врачебнаго запаха. 13) Проповѣдей не списывать и нарочно оныхъ не сочинять. 14) Гдѣ индѣ воснется до нравоченія, тутъ оныя смѣшивать напиаче съ пріятными оборотами, кои бы отвращали скуку... 15) Глубокомысліе окутать ясностію,

(1) Стр. 44—46. (2) Стр. 98—101.

а полномысліе мягкостію слога, дабы всѣмъ сносными учиниться. 18) Стихотворческія изображенія и воображенія не употребляютъ, дабы не входить въ чужія межи. 19) Желается, чтобы сочинитель скрылъ свое бытіе, и вездѣ было бы его сочиненіе, а его самого не видно было“....

Современники, зная, гдѣмъ писались Были и Небылицы, съ нетерпѣніемъ ожидали каждаго новаго ихъ листа. Сама Екатерина признавала ихъ весьма полезными. Подъ 30 іюля 1783 г. было замѣчено: „отъ самаго дня изданія Собесѣдника примѣчена повсюду великая переменѣна и поправление во нравахъ. Да и какъ тому и быть иначе. Прибавилось въ рукахъ покупающихъ рубля на полтора шутки, проповѣди, правоученія“. „Веселія въ оныхъ повѣствованія, сказано о Быляхъ и Небылицахъ въ другомъ мѣстѣ, возбуждающія въ читателѣ желаніе найти истину, скрывающуюся подъ замысловатыми разказами, изоцряютъ разумъ; однако не говорятъ въ нихъ ни птицы, ни скоты, ни другія безумныя твари. Цѣль ихъ, кажется, забавою исправлять нравы, castigat ridendo mores, за то нѣтъ въ нихъ ученыхъ и мудреныхъ разсужденій; словомъ, всѣ тонкія, острыя, иногда и глубокія мысли, разсыпанныя въ Быляхъ и Небылицахъ, ни мало не украпены слогомъ громкимъ, важнымъ и высокимъ, каковымъ, слѣдуя правиламъ риторическимъ, изъяснить ихъ долженствовало“ (1).

Главные литературные дѣятели въ Екатерининскую эпоху. Примѣръ Екатерины, которая не только поощряла всякую ученую и литературную дѣятельность, но и сама принимала живое участіе въ литературѣ, имѣлъ весьма сильное и благодѣтельное вліяніе. Императрицѣ стремились подражать ея приближенныя лица, богатые и знатные вельможи, которые если сами ничего не писали, то старались заявить себя любителями и покровителями литературы, наукъ и искусствъ, заводили у себя библіотеки, устраивали театры, содержали хоры музыки и пѣнія. Въ 1765 г. въ Петербургѣ открылся даже народный театръ. Это былъ родъ амфитеатра изъ досокъ, въ которомъ могло помѣститься довольно много народу и въ которомъ представленія открылись со втораго дня Пасхи. Рассказывая объ этомъ театрѣ, Лукинъ замѣчаетъ: „Нашъ низкія степени народъ толь великую жадность къ нему показалъ, что, оставя другія свои забавы, ежедневно на оное зрѣлище собирался. Играютъ тутъ охотники, изъ разныхъ мѣстъ собранные, и между оными есть два три довольно способностей имѣющіе, а склонность чрезмѣрную. Сія народная потѣха можетъ произвести у насъ не только зрителей, но со временемъ и писцовъ (т. е. писателей), которые сперва хотя и

(1) Стр. 18, 80.

не удачны будутъ, но впоследствии исправятся“ (1). Что дѣлалось въ столицахъ, тоже хотѣли дѣлать и въ провинціяхъ; и здѣсь вмѣсто кулачныхъ боевъ, травли зайцевъ и медвѣдей, драки шутовъ и скомороховъ, начали появляться театральныя представленія, концерты, клубы и проч. Весьма интересное извѣстіе объ этомъ мы находимъ въ „Драматическомъ Словарѣ 1774 г.“, гдѣ, между прочимъ, сказано: „Каждый знаетъ, что въ десятилѣтнее время и меньше, начальники, управляющіе отдаленными городами отъ столицъ Россіи, придумали съ корпусомъ тамошняго дворянства заводить благородныя и полезныя забавы; вездѣ слышимъ театры построенныя и строющіеся, на которыхъ заведены довольно изрядные актеры. Во многихъ благородные люди стараются къ забавѣ своей и общей пользѣ писать и переводить драматическія сочиненія; и примѣтно, что дѣти благородныхъ людей и даже разночинцевъ восхищаются болѣе зрѣніемъ театрального представленія, нежели гоняніемъ голубей, конскими рысканіями, или травлей зайцевъ, и входятъ въ разсужденіе о шѣсахъ, чему я самъ бывалъ въ провинціяхъ свидѣтель“. Указавъ затѣмъ, что въ прежнія времена всѣ удовольствія состояли въ травлѣ звѣрей и въ кулачныхъ бояхъ, которые пріучали сердце только къ ожесточенію съ малыхъ лѣтъ, авторъ замѣчаетъ, что въ послѣдней четверти XVIII в. все это исчезло: „Благородное російское дворянство, вошедшее во вкусъ благонарымъ воспитаніемъ, находитъ свою забаву вмѣсто отдохновенія въ зрѣніи театра и въ протчихъ безбуйственныхъ удовольствіяхъ. Просвѣщеніе торжествуетъ, благонарие и вѣжность въ обхожденіи; жестокость исчезаетъ, забавы буйственныя оставлены вездѣ, даже въ отдаленныхъ російскихъ провинціяхъ“. Если это извѣстіе автора словаря, такъ сильно восхищающагося успѣхами просвѣщенія своего времени, и преувеличено, то всеже оно слѣдано не безъ основанія; были по крайней мѣрѣ начатки и стремленія, подававшія хорошія надежды. Указомъ 15 января 1783 г. повелѣвалось „типографіи для печатанія книгъ не различать отъ прочихъ фабрикъ и рукодѣлій“ и въ слѣдствіе того позволено, какъ въ столицахъ, такъ и во всѣхъ городахъ имперіи каждому, по своей собственной волѣ, заводить типографіи, не требуя ни отъ кого дозволенія. Что же касается въ частности литературы, то значеніе ея несомнѣнно значительно возвысилось. Поэзія признается уже не только какъ хорошій декорумъ, нужный для украшенія придворныхъ и торжественныхъ праздниковъ, но и

(1) Сочиненія Лукина. Изд. 1868. Спб. стр. 184.

какъ необходимый органъ для проведенія въ общество разныхъ просвѣтительныхъ идей. Если она и продолжаетъ еще по прежнему воскурять лестный еиміамъ и не сняла еще съ себя придворнаго костюма; то она и въ этомъ костюмѣ, хотя „въ шуткахъ“ стремится „возвыщать правду и говорить истину царямъ“, хотя „съ улыбкой“. Фонъ-Визинъ вступаетъ въ совопросничество съ самой императрицей и хотя за свою смѣлость и прямоту получаетъ упрекъ „въ свободоязычїи“; но всетаки, какъ писатель, онъ сознаетъ свое общественное значеніе и считаетъ обязанностію въ важныхъ и необходимыхъ случаяхъ возвышать свой голосъ. „Я думаю, говоритъ Стародумъ, что такая свобода писать, каковую пользуют нынѣ Россїяне, поставлетъ человѣка съ дарованіемъ, такъ сказать, стражемъ общаго блага. Въ томъ государствѣ, гдѣ писатели наслаждаются дарованною намъ свободою, имѣютъ они долгъ возвысить громкій гласъ свой противъ злоупотребленій и предразсудковъ, вредящихъ отечеству, такъ что человѣкъ съ дарованіемъ можетъ въ своей комнатѣ, съ перомъ въ рукахъ, быть полезнымъ совѣтодателемъ государю, а иногда и спасителемъ согражданъ своихъ и отечества“⁽¹⁾. Если опять такая свобода мысли и слова изображается въ преувеличенномъ видѣ и продолжалась не долго, потому что Екатерина и ея правительство, испуганная ужасами начинавшейся во Франціи революціи, стали строго относиться ко всякому свободному проявленію мысли и слова, что привелось испытать и самому Фонъ-Визину; то все-же хотя не долго и въ извѣстной степени она была и несомнѣнно принесла большую пользу литературѣ и обществу.

Главными представителями литературы въ Екатерининскую эпоху служатъ Державинъ и Фонъ-Визинъ. Впрочемъ, пѣснь Державина, прославлявшая подвиги Екатерины и Екатерининскихъ орловъ, начала раздаваться уже спустя много времени по вступленіе ея на престолъ; первыми по времени литературными явленіями въ царствованіе Екатерины были сатирическіе журналы, начавшіе выходить съ 1769 г. Какъ реформа Петра В., раскрывъ множество темныхъ сторонъ въ русской жизни, вызвала сатиру Кантемира, такъ при свѣтѣ Наказа и вообще философскихъ идей XVIII в. прежде и сильнѣе всего поражали современниковъ разныя суевѣрія и пороки и послужили предметомъ журнальной сатиры Новикова, комедій Фонъ-Визина и самой Екатерины. Изображая разные недостатки и пороки, сатира и комедія проводили при этомъ въ общество здравыя начала жизни, новыя гу-

(1) Сочиненія Фонъ-Визина. Изд. 1866 г.; стр. 230.

манныя идеи въ сферахъ воспитанія, образованія и управленія. Затѣмъ Державинъ, Костровъ, Петровъ и Капнистъ въ одѣ рисовали идеаль честнаго и правдиваго мужа, истинно полезнаго слуги отечества на всѣхъ поприщахъ службы; Херасковъ въ поэмахъ, Княжнинъ въ трагедіяхъ выводили типы „великихъ душъ“, проникнутыхъ стремленіями къ высокимъ подвигамъ самоотверженія и патріотизма.

Д. И. ФОНЪ-ВИЗИНЪ.

Біографическія свѣдѣнія о Фонѣ-Визинѣ ⁽¹⁾. Родъ Фонъ-Визиныхъ происходилъ отъ нѣмецкихъ рыцарей ордена меченосцевъ. Въ царствованіе Грознаго, во время войны съ Ливоніей, былъ взятъ въ плѣнъ баронъ Петръ Володиміровъ сынъ Фонъ-Визинъ, съ сыномъ его Денисомъ. Потомки этого барона Петра Фонъ-Визина при Алексѣѣ Михайловичѣ приняли православіе и совершенно обрусѣли. Отецъ Дениса Ивановича, Иванъ Андреевичъ, служилъ въ ревизіонной коллегіи и жилъ въ Москвѣ. Здѣсь и родился Денисъ Ивановичъ въ 1744 г. Свѣдѣнія о воспитаніи, образованіи и первой порѣ литературной дѣятельности Фонъ-Визина мы находимъ въ его автобіографіи, къ сожалѣнію не оконченной ⁽²⁾. „Въ четыре года, говоритъ онъ здѣсь, начали учить

⁽¹⁾ Последнее полное изданіе сочиненій Фонъ-Визина сдѣлано И. И. Глазуновымъ, подъ редакціей П. А. Ефремова въ 1866 г. При этомъ изданіи приложена обширная біографія и характеристика литературной дѣятельности Фонъ-Визина А. П. Патковского, указаны всѣ прежнія изданія сочиненій Фонъ-Визина и перечислены въ хронологическомъ порядкѣ всѣ статьи и изслѣдованія о Фонѣ-Визинѣ и его сочиненіяхъ. Изъ прежнихъ изданій сочиненій Фонъ-Визина здѣсь достаточно указать: Полное собраніе сочиненій Фонъ-Визина 4 части, Москва въ типографіи С. Селивановскаго 1830 г.; второе изданіе, совершенный списокъ съ этого, въ 1838 г.; два изданія Смирдина въ 1846 и 1852 г. Спб.; изданіе П. М. Перевлѣсскаго въ IV выпускѣ собранія сочиненій русскихъ писателей, Спб. 1858 г. Лучшія изъ статей и изслѣдованій о сочиненіяхъ Фонъ-Визина: Статьи С. С. Дудышкина въ Отеч. Зап. 1847 г. №№ 8 и 9; Фонъ-Визинъ, монографія П. А. Вяземскаго Спб. 1848 г. и въ полномъ собраніи сочиненій Вяземскаго томъ V, Спб. 1880 г. Забѣтки по поводу Смирдинскаго изданія сочиненій Фонъ-Визина Н. Тихонравова. Моск. Вѣд. 1853 г. № 6; жизнь Д. И. Фонъ-Визина и значеніе его сочиненій при изданіи Перевлѣсскаго; А. Д. Галахова: Идеаль нравственнаго достоинства человѣка, по понятіямъ Фонъ-Визина: Библ. Зап. 1858. № 13; избранныя сочиненія Фонъ-Визина изд. П. Перевлѣсскаго. Атеней 1858 г. № 47.

⁽²⁾ Частосердечное признаніе въ дѣлахъ монашъ и помышленіяхъ. Сочиненія изд. Ефремова, стр. 527—552.

меня грамотѣ, такъ что я не помню себя безграмотнымъ... Родители мои были люди набожные, но какъ въ младенчествѣ напьемъ не будили насъ къ заутренямъ, то въ каждый церковный праздникъ отправляемо было въ домѣ всенощное служеніе, равно какъ на первой и послѣднихъ недѣляхъ великаго поста дома же моленіе отправлялось. Какъ скоро выучился я читать, такъ отецъ мой у Крестовъ заставлялъ меня читать. Сему обязанъ я, если имѣю въ російскомъ языкѣ нѣкоторое знаніе. Ибо, читая церковныя книги, ознакомился я съ славянскимъ языкомъ, безъ котораго російскаго языка и знать невозможно. Еще въ дѣтствѣ стала обнаруживаться въ Фонѣ-Визинѣ особенная впечатлительность. Однажды отецъ его рассказывалъ дѣтямъ исторію Іосифа прекраснаго; она такъ сильно подѣйствовала на Фонѣ-Визина, что онъ началъ рыдать неутѣшно. „Странно, замѣчаетъ онъ, рассказывая объ этомъ, что сія повѣсть, тронувшая столько мое младенчество, послужила мнѣ самому къ извлеченію слезъ у людей чувствительныхъ. Ибо я знаю многихъ, кои, читая „Іосифа“, мною переведеннаго, проливали слезы.“ Переводъ поэмы Витобе „Іосифъ“, какъ извѣстно, былъ однимъ изъ раннихъ литературныхъ трудовъ Фонѣ-Визина. Не въ состояніи будучи нанимать учителей для иностранныхъ языковъ, отецъ тотчасъ отдалъ Дениса, вмѣстѣ съ братомъ, въ московскій университетъ (т. е. сначала въ гимназію при московскомъ университетѣ), какъ только онъ открылся. Такимъ образомъ, Фонѣ-Визинъ былъ однимъ изъ первыхъ воспитанниковъ въ московскомъ университетѣ. Хотя на первыхъ порахъ ученіе въ гимназіи и университетѣ имѣло въ себѣ много недостатковъ, которые Фонѣ-Визинъ и осмѣиваетъ въ своей автобіографіи; однакожъ все таки онъ вспоминаетъ объ университетѣ съ благодарностію: „въ немъ, говоритъ онъ, обучаясь по латыни, я положилъ основаніе нѣкоторымъ моимъ знаніямъ. Въ немъ научился я довольно нѣмецкому языку, а паче всего въ немъ получилъ я вкусъ къ словеснымъ наукамъ“⁽¹⁾. Литературныя дарованія начали обнаруживаться въ Фонѣ-Визинѣ очень рано и въ той самой сатирической формѣ, въ какой выразилась вся его послѣдующая литературная дѣятельность... „Острыя слова мои, говоритъ онъ, носились по Москвѣ, а какъ они были для многихъ язвительны, то обиженные огласили меня злымъ и опаснымъ мальчишкой; всѣ же тѣ, коихъ острые слова мои лишь только забавляли, прославили меня любезнымъ и въ обществѣ пріятнымъ“. Между товарищами—соучениками онъ прослылъ великимъ критикомъ. Директоръ университета И. И. Мелиссино

(1) Чистосердечное признаніе стр. 530—534.

вздумалъ представить университетскихъ питомцевъ Императрицѣ и съ этою цѣлью десять изъ нихъ, въ томъ числѣ и Фонъ-Визина, привезъ въ Петербургъ. Пребываніе въ Петербургѣ имѣло для Фонъ-Визина чрезвычайно важное значеніе; здѣсь онъ былъ представленъ Ломоносову, который похвалилъ его за изученіе латинскаго языка; здѣсь онъ въ первый разъ увидѣлъ театръ и познакомился съ Волковымъ, Дмитревскимъ и Шумскимъ. „Дѣйствія, произведеннаго во мнѣ театромъ, говоритъ онъ, почти описать невозможно: комедію, видѣнную мною, довольно глупую, считалъ я произведеніемъ величайшаго разума, а актеровъ—великими людьми, коихъ знакомство, думалъ я, составило бы мое благополучіе“ (1). (Замѣчательно, что эта комедія была „Генрихъ и Пернилла“ Гольберга, басни котораго Фонъ-Визинъ вскорѣ перевелъ на русскій языкъ и драматическія сочиненія котораго имѣли потомъ значительное вліяніе на его собственныя комедіи.) По возвращеніи въ Москву, Фонъ-Визинъ продолжалъ ученіе въ университетѣ, гдѣ, между прочимъ, съ особеннымъ вниманіемъ и успѣхомъ слушалъ логику у профессора Шадена, занимался переводами съ нѣмецкаго языка и перевелъ „Сиса, царя Египетскаго“; при помощи латинскаго языка изучилъ языкъ французскій и началъ переводить стихами „Альзиру“ Вольтера. Къ этому времени, вѣроятно, относится тотъ случай, о которомъ Фонъ-Визинъ рассказываетъ въ своей автобіографіи и которому онъ приписываетъ роковое вліяніе на всю свою жизнь. „Въ Университетѣ, говоритъ онъ, былъ тогда книгопродавецъ, который услышалъ отъ моихъ учителей, что я способенъ переводить книги. Сей книгопродавецъ предложилъ мнѣ переводить Гольберговы басни; за труды обѣщаль чужестранныхъ книгъ на пятьдесятъ рублей. Сіе подало мнѣ надежду имѣть современемъ нужныя книги за одни мои труды. Книгопродавецъ сдержалъ слово и книги на условенныя деньги мнѣ отдалъ. Но какія книги! Онъ, видя меня въ лѣтахъ бурныхъ страстей, отобралъ для меня цѣлое собраніе книгъ соблазнительныхъ, украшенныхъ скверными эстампами, кои развратили мое воображеніе и возмутили мою душу. И кто знаетъ, не отъ сего ли времени началась скапливаться та болѣзнь, которою я столько лѣтъ стражду“ (2)? Въ 1762 г., въ годъ возшествія Екатерины на престоль, Фонъ-Визинъ былъ уже сержантомъ гвардіи; но онъ недолго оставался въ военной службѣ и вскорѣ поступилъ въ иностранную коллегію переводчикомъ, подъ начальство канцлера графа Воронцова, а въ слѣдующемъ 1763 г., сдѣлался секретаремъ у кабинетъ - министра И. П. Елагина.

(1) Тамъ же 539. (2) Тамъ же 535.

Здѣсь онъ имѣлъ непріятныя столкновенія съ Лукинымъ, который, по его словамъ, былъ „безпримѣрнаго высокомерія и правомъ тяжелъ пренесносно“. Въ тоже самое время онъ познакомился съ однимъ молодымъ княземъ и писателемъ (Θ. А. Козловскимъ), который ввелъ его въ общество тогдашнихъ русскихъ вольнодумцевъ. „Лучшее препровожденіе времени этого общества, говоритъ онъ, состояло въ богохуленіи и кощунствѣ. Въ первомъ не принималъ я никакого участія и содрогался, слыша ругательства безбожниковъ, а въ кощунствѣ я и самъ игралъ не послѣднюю роль, ибо всего легче шутить надъ святыней и обращать въ смѣхъ то, что должно быть почтено. Въ сіе время сочинилъ я посланіе къ Шумилу, въ коемъ нѣкоторые стихи являютъ тогдашнее мое заблужденіе, такъ что отъ сего сочиненія у многихъ прослылъ я безбожникомъ“ (¹).—Въ 1766 году Фонъ-Визинъ написалъ „Бригадира“. Комедія эта произвела такое впечатлѣніе, что Фонъ-Визина наперерывъ приглашали читать ее къ разнымъ вѣлможамъ: къ Бибикову, Орлову, Н. И. и П. И. Панинымъ, Строганову, наконецъ къ самой Императрицѣ и къ великому князю. Весь Петербургъ заговорилъ о Бригадирѣ и Фонъ-Визинѣ. Особенно нравилась комедія графу Н. И. Панину. „Поздравляю васъ съ успѣхомъ комедіи вашей, говорилъ онъ ему; я васъ увѣряю, что нынѣ во всемъ Петербургѣ ни о чемъ другомъ не говорятъ, какъ о комедіи и о чтеніи вашемъ“ (²). Но сдѣлавъ имя Фонъ-Визина извѣстнымъ Императрицѣ и познакомивъ его съ первыми сановниками государства, комедія познакомила его и съ разными вольнодумцами и безбожниками въ этихъ высшихъ сферахъ Петербургскаго общества. Такимъ былъ между прочимъ одинъ старшій графъ, у котораго Фонъ-Визину привелось быть однажды на обѣдѣ и о которомъ онъ говоритъ въ своей исповѣди: „сей старшій грѣшникъ отвергалъ даже бытіе Всевышняго Существа. Ему вздумалось за обѣдомъ открыть свой образъ мыслей, или лучше сказать, свое безбожіе при молодыхъ людяхъ, за столомъ бывшихъ, и при слугахъ. Разсужденія его были софистическія и безуміе явное; но со всѣмъ тѣмъ поколебали душу мою“ (³). Здѣсь же Фонъ-Визинъ упоминаетъ о другомъ подобномъ атеистѣ, о которомъ разсказывалъ ему Г. Н. Тепловъ. Это былъ тогдашній Оберъ-Прокуроръ Св. Синода, Чебышевъ, который до того былъ погруженъ въ безбожіе, что не стыдился проповѣдывать его открыто, на гостинномъ дворѣ, попавшемуся ему на встрѣчу унтеръ-офицеру гвардіи. Узнавъ о религиозныхъ колебаніяхъ Фонъ-Визина, Тепловъ посовѣтовалъ ему прочитать сочиненіе англійскаго писателя,

(¹) Тамъ же 542. (²) Тамъ же 544. (³) 547.

Самуэля Кларка (1675—1729), который писалъ противъ Гоббеса, Спинозы и ихъ послѣдователей. Фонъ-Визину такъ понравились „Доказательства бытія Божія и истинныя Христіанской вѣры“ Кларка, что лучшія мѣста изъ этого сочиненія онъ перевелъ на русскій языкъ. Это сочиненіе Кларка и религіозныя впечатлѣнія дѣтства, вынесенныя изъ домашняго религіознаго воспитанія, спасли Фонъ-Визина отъ невѣрія.

Въ 1769 г. Фонъ-Визинъ поступилъ на службу подъ начальство графа Н. И. Панина, который былъ министромъ иностранныхъ дѣлъ и воспитателемъ наслѣдника В. К. Павла Петровича. Съ этого времени, началось настоящее политическое поприще Фонъ-Визина. Всѣ письменныя дѣла, сосредоточивавшіяся въ министерствѣ Панина, переходили чрезъ его руки; несомнѣнно также, что Фонъ-Визинъ принималъ и непосредственное участіе въ дѣлахъ. Переписка его со многими лицами тогдашней дипломатіи показываетъ, что онъ пользовался всеобщимъ уваженіемъ. Вращаясь въ этой средѣ, Фонъ-Визинъ приобрѣлъ то знаніе придворной жизни и высшаго свѣта, которое выразилось въ его сочиненіяхъ. Наконецъ служба подъ начальствомъ Панина сдѣлалась для Фонъ-Визина и источникомъ вѣшняго благосостоянія. Въ 1773 г., по случаю окончанія воспитанія и совершеннолѣтія князя наслѣдника, Екатерина подарила въ награду Панину 9000 душъ крестьянъ. Панинъ оставилъ себѣ изъ нихъ только 5000, а остальные 4000 раздѣлил между своими секретарями, (Фонъ-Визинимъ, Бакунинимъ и Убри;) на долю Фонъ-Визина досталось 1180 душъ. Это обстоятельство и женитьба на одной богатой вдовѣ давали ему возможность устроить свою жизнь самымъ довольнымъ и спокойнымъ образомъ. Но начавшіяся вскорѣ болѣзни, разстроившія его здоровье, разстроили и все его довольство и благосостояніе. Фонъ-Визинъ четыре раза былъ за границей. Въ первый разъ онъ ѣздилъ туда по порученію начальства; во второй разъ въ 1778 г. по случаю нездоровья своей жены. Плодомъ этого путешествія были его письма къ П. И. Панину изъ Лейпцига, Ліона и Монпелье, гдѣ онъ пробылъ около двухъ мѣсяцевъ, и изъ Парижа, гдѣ онъ также жилъ нѣсколько мѣсяцевъ. Въ Парижѣ онъ познакомился со многими учеными людьми и писателями, особенно съ Мармонтелемъ и членомъ Французской Академіи, Томасомъ. Онъ видѣлъ и описалъ, въ письмахъ къ графу Панину, триумфъ, сдѣланный въ Парижѣ Вольтеру, встрѣчу его на улицахъ города, пріемъ его въ Академіи наукъ и въ театрѣ и торжественныя проводы его изъ театра въ домъ съ факелами. — Въ 1782 г. 24 сентября дана была въ первый разъ въ театрѣ комедія „Недоросль“, поставившая Фонъ-Визина выше всѣхъ современныхъ литературныхъ знаменитостей. „При представленіи

сей комедіи, по свидѣтельству Драматическаго Словаря, театръ былъ несравненно наполненъ и публика аплодировала сію піесу метаніемъ кошелевъ, а князь Потемкинъ, по рассказамъ современниковъ, послѣ ея представленія, сказалъ Фонъ-Визину: „умри, Денисъ, или больше уже ничего не пиши“. Въ этомъ же году были напечатаны въ „Собесѣдникѣ любителей россійскаго слова“ знаменитые „Вопросы“ Фонъ-Визина къ сочинителю Былей и Небылицъ.—Смерть графа Панина въ 1783 г., котораго онъ любилъ и почиталъ искренно, какъ перваго своего благодѣтеля, вредно подѣйствовала на его здоровье, которое уже давно было разстроено разными увлеченіями, излишествами въ наслажденіяхъ и вообще неумѣренной жизнію. Онъ вышелъ въ отставку и для леченія отправился въ Италію и прожилъ здѣсь около 8 мѣсяцевъ. Это путешествіе описано имъ въ письмахъ изъ Рима. Но здоровье его не поправилось; въ 1785 г. съ нимъ сдѣлался параличъ, который лишилъ его свободнаго употребленія языка, лѣвой руки и ноги. Для леченія онъ опять въ 1786 г. отправился въ Европу, былъ въ Вѣнѣ, Карлсбадѣ и Тренцигѣ (въ Венгріи). Хотя и это путешествіе не поправило его здоровья, однакожь онъ 1788 г. собирался издавать журналъ, подъ названіемъ „Другъ честныхъ людей, или Стародумъ“, и приготовилъ для него нѣсколько статей; но цензура не разрѣшила его изданія. Послѣдніе годы его жизни были постояннымъ страданіемъ. Умеръ Фонъ-Визинъ въ 1792 г.—Всѣ преданія о Фонъ-Визинѣ, говоритъ Вяземскій, удостоверяютъ, что онъ былъ характера пріятнаго, разговора живаго и остраго, любезности веселой и увлекательной, надежный въ дружбѣ, въ поведеніи прямой, чистосердечный, безкорыстный и незлопамятный.... Онъ много имѣлъ дарованій сценическихъ, хорошо передразнивалъ и читалъ съ большимъ искусствомъ. Кажется, онъ въ дружескихъ обществахъ игрывалъ или собирался играть роль Стародума въ своемъ „Недорослѣ“... Онъ былъ очень общителенъ, любилъ быть съ людьми дома и въ гостяхъ... Литературное общество его составляли всѣ лучшіе писатели и образованные люди того времени: Державинъ, Домашневъ, Богдановичъ, Козодавлевъ, Дмитревскій... Болѣзненное состояніе, особенно въ послѣдніе годы жизни, и тяжелыя страданія развили въ немъ религіозное настроеніе, которое располагало его къ духовнымъ размышленіямъ, смиренію духомъ и раскаянію въ прежнихъ заблужденіяхъ“. Въ разсужденіи о суетной жизни человѣческой, на случай смерти князя Потемкина, онъ между прочимъ говоритъ: „Всѣмъ знающимъ меня извѣстно, что я страдаю самъ отъ слѣдствія удара апоплексическаго; не болѣе, какъ въ теченіе года, поразили меня четыре таковыхъ удара, но Господь, защитникъ живота моего, всегда отвращалъ вознесшюся на меня злобу смер-

ти; Его святой волѣ угодно было лишить меня руки, ноги и части употребленія языка: наказуя, наказа мя Господь, смерти же не предаде. Но сіе лишеніе почитаю я дѣйствиємъ безконечнаго ко мнѣ Его милосердія. Съ благоговѣніемъ ношу я наложенный на меня крестъ и не престану до конца жизни моей восклицать: Господи! благо мнѣ, яко смирилъ мя еси ⁽¹⁾. Рассказываютъ, что, сидя однажды въ университетской церкви, онъ говорилъ университетскимъ питомцамъ, указывая на себя: „Дѣти! возьмите меня въ примѣръ! Я наказанъ за свое вольнодумство; не оскорбляйте Бога ни словами, ни мыслию“. Въ доказательство, что сіе смиреніе духа не было вѣ немъ ни ханжествомъ, ни робкимъ уныніемъ, должно прибавить, что онъ и въ самое то время сохранилъ по возможности живость мыслей и веселость разговора ⁽²⁾.

Сочиненія Фонъ-Визина. Значеніе Фонъ-Визина въ исторіи русскаго просвѣщенія, какъ передоваго мыслителя въ Екатерининскую эпоху, и въ исторіи русской литературы, какъ образцоваго писателя, выразившаго основныя идеи и стремленія этой эпохи, основывается главнымъ образомъ на двухъ комедіяхъ— „Бригадиръ“ и „Недоросль“.

Содержаніе и значеніе „Бригадира“. Основная мысль „Бригадира“—мысль о вредныхъ послѣдствіяхъ ложнаго иностраннаго образованія, получаемаго чрезъ французскихъ гувернеровъ и посредствомъ путешествій за границей. Для выраженія этой мысли представлено нѣсколько сценъ изъ жизни помѣщиковъ XVIII в. стараго поколѣнія, которое не хотѣло знать никакого образованія и жило по старымъ русскимъ привычкамъ, и новаго поколѣнія, которое также не знало никакого образованія, но, отвергая все русское, хотѣло жить по новому французскому образцу. Идеаломъ для перваго служилъ большой крупный чинъ, который можетъ дать помѣстье въ нѣсколько тысячъ душъ и хорошую т. е. выгодную должность, съ хорошими доходами, позволявшими жить въ свою волю; идеаломъ для послѣдняго—распущенная жизнь, свободная отъ всякихъ правилъ, законовъ и приличій. Представителями перваго поколѣнія въ комедіи служатъ Бригадиръ, Бригадирша и Совѣтникъ; представителями послѣдняго — сынъ Бригадира, Иванушка, и Совѣтница. Тѣ и другія лица — чисто отрицательнаго, сатирическаго характера; идеальныя лица, долженствующія явиться на сцѣну этихъ лицъ, выставлены только въ Софьѣ и Добролюбовѣ. Завязка комедіи, согласно съ обычаями тогдашней французской комедіи, основана на любви. Заслуженный отставной Брига-

(1) Стр. 263—64. (2) Сочин. Вяземскаго V, 165—168.

дирь, на пути изъ Петербурга въ свои деревни, заѣхалъ съ своей женой и сыномъ въ деревню живущаго также въ отставкѣ совѣтника коллегіи. У этого совѣтника была дочь Софья. У Софьи былъ уже женихъ Добролюбовъ; но Бригадирь посваталъ ее за сына своего, Иванушку, и Совѣтникъ и Совѣтница согласились войти въ такую знатную родню, тѣмъ болѣе, что Добролюбовъ, какъ человѣкъ бѣдный, представлялся имъ плохой партіей для Софьи. Вотъ какою сценой открывается комедія:

Совѣтникъ (смотря въ календарь). Такъ, ежели Богъ благословить, то 26-е число быть свадьбѣ.

Сынъ. Hélas!

Бригадирь. Очень изрядно, добрый сосѣдь. Мы хотя другъ друга и недавно узнали, однако это не помѣшало мнѣ, проѣзжая изъ Петербурга домой, заѣхать къ вамъ въ деревню съ женою и сыномъ. Такой совѣтникъ, какъ ты, достоинъ быть другомъ отъ арміи Бригадиру, и я началъ уже со всѣми вами обходиться безъ чиновъ.

Совѣтница. Для насъ, сударь, фасоны не нужны. Мы сами въ деревнѣ обходимся со всѣми безъ церемоній.

Бригадирша. Ахъ, мать моя! да какая церемонія межъ нами, когда (указывая на Совѣтника) хочетъ онъ выдать за нашего Иванушку дочь свою, а ты свою падчерицу, съ Божиимъ благословіемъ. А чтобъ лучше на него, Господа, положиться было можно, то даеъ ей и родительское свое награжденіе. На что тутъ церемонія?⁽¹⁾

Свадьба, однакожъ, не состоялась. Ей помѣшали любовныя интриги, въ которыя запутались Бригадирь и сынъ его съ Совѣтницей, а Совѣтникъ съ Бригадиршей. Вслѣдствіе чего и Софья вышла за прежняго жениха, Добролюбова, который притомъ вдругъ получилъ богатое имѣніе. Въ комедіи нѣтъ настоящаго драматическаго дѣйствія; весь интересъ ея заключается въ характерахъ дѣйствующихъ лицъ, ихъ смѣшныхъ положеніяхъ и забавныхъ разговорахъ.

Въ лицѣ Бригадира изображенъ отставной военный — человѣкъ властный. Дослужившись до высокаго чина на военной службѣ, онъ ничего не цѣнитъ, кромѣ этого чина и военной службы: Онъ никогда не читалъ и не хочетъ читать ничего, кромѣ военнаго артикула, военнаго устава и межевой инструкціи. Обходится онъ со всѣми также по военному. Совѣтникъ говоритъ о немъ: „военный человѣкъ, а притомъ и кавалеристъ не столько иногда любить жену свою, сколько лошадь“. Дѣйствительно, жена его,

(1) Сочин. Фонъ-Визина, изд. Евремова. Сиб. 1866 г. стр. 1.

Бригадирша, жалуется, что онъ всегда „вымещалъ на ней вину каждаго рядоваго“. — „Жена, замѣчаетъ ей Бригадиръ, по поводу этой жалобы, не все ври, что знаешь“. — „Ай, жена! я тебѣ говорю, не вступайся. Или я скоро сдѣлаю то, что и впрямь на твоей головѣ нечего считать будетъ, говорить онъ Бригадиршѣ, въ спорѣ о табели о рангахъ. Точно также онъ обращается и съ сыномъ: „Иванъ, не бѣси меня! Ты знаешь, что я разомъ ребра два у тебя выхвачу. Ты знаешь, каковъ я?“

Бригадирша, по представленію мужа, набитая дура, внѣ хозяйства и скопидомства не понимающая никакихъ; самыхъ простыхъ, вещей. Скопидомство и скупость — основныя черты въ ея характерѣ, составляющія главные мотивы всѣхъ ея дѣйствій. Бригадиршѣ „скучны всѣ тѣ рѣчи, отъ которыхъ нѣтъ никакого барыша“. Она можетъ говорить только объ овсѣ, о сѣнѣ, о кормѣ людей и лошадей. Книгъ она также не любитъ. Заслышавъ разговоръ о грамматикѣ, она замѣчаетъ: „конечно, грамматика не надобна; прежде нежели учить ее станешь, такъ вѣдь ее купить еще надобно, заплатить за нее гривенъ восемь, а выучишь ли, нѣтъ ли, Богъ знаетъ“. Вообще она такъ скупа, что, по выраженію ея сына, Иванушки, „за рубль рада вытерпѣть горячку съ пятнами“. Въ обращеніи она была сварлива и неуживчива. Ея характеръ въ этомъ отношеніи очень мѣтко опредѣляетъ тотъ же Иванушка, когда говоритъ, „что отецъ его, Бригадиръ, до женитьбы не вѣрилъ, что и чортъ есть; однакоже, женился на матушкѣ, скоро повѣрилъ, что нечистый духъ экзистируетъ“ (1).

Совѣтникъ — типъ стараго взяточника и лихоимца и въ то же время страшнаго ханжи. Съ безцеремонною наглостію, не ожидающею никакихъ осужденій и возраженій, онъ говоритъ о своей службѣ: „Я самъ бывалъ судьей: виноватый, бывало, платить за вину свою, а правый за свою правду; и такъ въ мое время всѣ довольны были: и судья, и истецъ, и отвѣтчикъ... Когда правый по приговору судейскому обвиненъ, тогда онъ уже сталъ не правый, а виноватый; такъ ему нечего тутъ умничать. У насъ указы потверже, нежели у челобитчиковъ. Челобитчикъ толкуетъ указъ на одинъ манеръ, то есть на свой, а нашъ братъ, судья, для общей пользы, манеровъ на двадцать одинъ указъ толковать можетъ“ (2). „Я такъ всегда говорилъ, что взятки и запрещать невозможно. Какъ рѣшить дѣло за одно свое жалованье? Этого мы, какъ родились, и не слыживали! Это противъ природы человѣческой“... И говоря такимъ образомъ, онъ прибав-

(1) Сочин. стр. 6. 8. (2) Сочин. стр. 13.

ляетъ, что всѣ „грѣшныя человѣцы“ и является настоящимъ ханжей, со смиреннымъ вздохомъ оправдывающимъ свои грѣхи. Но ханжество Совѣтника, составляющее, дѣйствительно, основную черту въ его характерѣ, вполне выражается въ разговорѣ его съ Бригадиршей (¹), который напоминаетъ сцену Тартюфа съ Ельвирой и, можетъ быть, написанъ Фонъ-Визинимъ по подражанію этой сценѣ. Раскрывая тайну своего грязнаго вологитства, Совѣтникъ цитуетъ тексты свящ. писанія, кощунствуетъ и такимъ образомъ играетъ роль русскаго Тартюфа самаго грубаго вида. Сцена эта, непріятная и въ простомъ чтеніи, особенно оскорбительною для нравственнаго чувства выходитъ на театрѣ. Конечно, она представлена авторомъ для характеристики нравственной распущенности того вѣка; но, въ сожалѣнію, рисуя ее, авторъ отнесся къ ней слишкомъ легко, въ такомъ веселомъ и шутовскомъ тонѣ, который скорѣе можетъ потворствовать грубому вкусу, чѣмъ исправлять нравы. Вообще надобно сказать, что въ комедіи „Бригадиръ“, по справедливому замѣчанію Вяземскаго, нѣтъ настоящей vis comica, являющейся слѣдствіемъ глубокаго сатирическаго негодованія на пороки, а повсюду преобладаетъ веселая насмѣшка, какъ выраженіе шутовскаго настроенія духа автора, который рисуетъ сцены распущенности, по видимому, съ удовольствіемъ.

Сынъ Бригадира Иванушка — образецъ новомоднаго французскаго воспитанія. „Дура, мать его, а моя жена, говоритъ Бригадиръ, причиною тому, что сдѣлался онъ повѣсою, и тѣмъ хуже, что сдѣлался онъ повѣсою французскою. Худы русскіе, а французскіе еще гаже“. До отбѣзда въ Парижъ онъ былъ въ пансіонѣ какого-то бывшаго французскаго кучера. Въ Парижѣ онъ не приобрѣлъ ничего, кромѣ глупаго либеральничанья, нѣсколькихъ французскихъ фразъ, которыя онъ вставляетъ въ русскій разговоръ, и презрѣнія ко всему русскому. „Все мое несчастіе, говоритъ онъ Совѣтницѣ, состоитъ только въ томъ, что ты русская. Это такой default, котораго ничѣмъ загладить уже нельзя“... „Тѣло мое родилось въ Россіи — это правда, однако духъ мой принадлежитъ коронѣ французской“. Объ образованіи Иванушка говоритъ: „педанты думаютъ, что надобно украшать голову снутри, а не снаружи. Какая пустота! Чортъ ли видитъ то, что скрыто, а наружное всякъ видитъ“. Нахватавшись матеріалистическихъ воззрѣній во Франціи, онъ ко всему относится съ нахальнымъ кощунствомъ. Услышавъ замѣчаніе Совѣтника о разводѣ: Богъ сочетаетъ, человѣкъ не разлучаетъ, онъ говоритъ: „Развѣ

(¹) Стр. 15—17.

въ Россіи Богъ въ такія дѣла мѣшается? По крайней мѣрѣ, государи мои, во Франціи онъ оставилъ на людское произволеніе— любить, измѣнять, жениться и разводиться.—Объ отцѣ своемъ и матери онъ выражается Совѣтницѣ: „Вы знаете, каково жить и съ добрыми отцами; а я, чертъ меня возьми, я живу съ животными“. Узнавъ о любви отца къ Совѣтницѣ, онъ хочетъ вызвать его на дуэль. „Я читалъ, говоритъ онъ, въ прекрасной книгѣ, какъ бишь ее зовутъ. . le nom m'est echappé, да... въ книгѣ les sottises du temps, что одинъ сынъ въ Парижѣ вызывалъ отца своего на дуэль... а я, али я скотъ, чтобъ не послѣдовать тому, что хотя одинъ разъ случилось въ Парижѣ? Наконецъ въ одной ссорѣ съ отцемъ онъ говоритъ ему, что „какъ щенокъ не обязанъ уважать того пса, кто былъ его отецъ, то и онъ не долженъ ему хотя малѣйшимъ уважением“ (1).

Совѣтница — глупая кокетка щеголиха, воспитанная на французскихъ романахъ — типъ тѣхъ русскихъ женщинъ моднаго иностраннаго воспитанія въ XVIII в., которыя усваивали отъ иностранцевъ только одну внѣшность, страсть къ нарядамъ, къ щегольству и мотовству, а изъ книгъ вычитывали не гуманныя идеи о правахъ и обязанностяхъ человѣка, а примѣры чувственной распущенности, по которымъ вольное поведеніе и развратъ считались признаками образованности, а супружеская вѣрность предразсудкомъ. Естественно, что она увлеклась такимъ образчикомъ французскаго воспитанія, каковъ былъ Иванушка. „Боже тебя сохрани, говоритъ она ему, чтобъ голова твоя была наполнена инымъ чѣмъ, кромѣ любезныхъ романовъ. Кивъ, душа моя, всѣ на свѣтѣ науки. Не повѣришь, какъ такія книги просвѣщаютъ. Я, не читавъ ихъ, рисковала бы остаться на вѣки дураю“. „Чертъ меня возьми, ежели грамматика къ чему нибудь нужна, а особливо въ деревнѣ. Въ городѣ по крайней мѣрѣ изорвала я одну на папильоты“. Къ французскому языку она питаетъ благоговѣніе и постоянно въ свой разговоръ вставляетъ французскія слова. „Я ~~капальна~~ ревестись съ тобою, говоритъ она своему мужу, ежели ты меня такъ шпейт станешь“. „Мой мужъ, говоритъ она Иванушкѣ, думаетъ, что будто Богъ столько комплезанъ, что за всеобщую простить ему то, что наворовано днемъ“. „Для меня нѣтъ ничего комоднѣ свободы“. И когда Иванушка сказалъ ей, что „осторожность, постоянство, терпѣливость (въ любви) похвальны были тогда, когда люди не знали, какъ должны жить въ свѣтѣ; а мы, которые знаемъ, что это такое, que de vivre dans le grand monde, мы, конечно, были бы съ постоянствомъ

(1) Сочин. стр. 20; 22—23; 37.

очень смѣшны въ глазахъ всѣхъ такихъ же разумныхъ людей, какъ мы“, она съ радостію восклицаетъ: „Вотъ прямая правила жизни! душа моя! Я не была въ Парижѣ, однако чувствуетъ сердце мое, что ты говоришь самую истину. Сердце человѣческое есть всегда сердце и въ Парижѣ и въ Россіи, оно обмануть не можетъ“. По поводу приведенныхъ выше глупыхъ и грубыхъ выходокъ Иванушки противъ отца, она говоритъ ему: „Ахъ, радость моя! мнѣ мило твое чистосердечіе. Ты не щадишь отца своего! Вотъ прямая добродѣтель нашего вѣка!“⁽¹⁾

Причиной всѣхъ пороковъ выведенныхъ лицъ служатъ невѣжество и дурное воспитаніе. На смѣну этихъ лицъ должны явиться люди образованные и нравственно воспитанные. Зачатки такихъ лицъ указываются въ Добролюбовѣ и Софьѣ. Добролюбовъ — лице совершенно противоположное Иванушкѣ. Уважал иностранное просвѣщеніе, онъ однакожь хочетъ быть русскимъ и заступаетъ за все русское. Во всемъ онъ хочетъ поступать благородно и честно. Онъ находитъ невозможнымъ начинать дѣло въ судѣ, если оно не справедливо. Софья — лице противоположное Совѣтницѣ; она также честная и благородная дѣвушка. Она покорная дочь и почитаетъ своего отца, хотя и видитъ и знаетъ его пороки; она искренно любитъ своего жениха и остается вѣрна ему, не смотря на всѣ препятствія. Но эти идеальныя лица только выставлены, намѣчены, но нисколько не обрисованы. (Съ болѣе опредѣленной фізіономіей они выведены Фонъ-Визинымъ въ „Недорослѣ“. Здѣсь рѣшается и вопросъ о воспитаніи, на которое въ „Бригадирѣ“ только сдѣлано указаніе. Добролюбовъ только указываетъ, что причиною дурныхъ дѣтей, составляющихъ безчестіе для родителей, служитъ воспитаніе; но онъ не объясняетъ, каково должно быть воспитаніе, и каковы должны быть люди истинно образованные. Это указываютъ Стародумъ, Милонъ и Софья въ „Недорослѣ“).

Основной недостатокъ „Бригадира“ составляетъ преувеличеніе, доходящее до каррикатуры. На этомъ основаніи Вяземскій справедливо сказалъ, что „Бригадиръ“ болѣе комическая каррикатура, нежели комическая картина, хотя здѣсь, по его словамъ, каррикатурный отпечатокъ не признакъ безвкусія, а выраженіе ума оригинальнаго. Портретный живописецъ, говоритъ онъ, нѣсколько идеализируетъ свой подлинникъ съ цѣлью изящнаго; каррикатурный мастеръ идеализируетъ свой въ смѣшномъ и уродливомъ видѣ; но и тотъ и другой не измѣняютъ истинѣ⁽²⁾. Дѣйствительно, въ основѣ каррикатуры у Фонъ-Визина лежатъ

(1) Сочин. стр. 3. 6. 19. (2) Сочин. Вязем. V, 133.

черты, глубоко вѣрныя. Особенно типичнымъ и вѣрнымъ дѣйствительности современники находили характеръ Бригадирши. „Я вижу, сказалъ Фонъ-Визину графъ Н. И. Панинъ, выслушавъ въ первый разъ „Бригадиря“, что вы очень хорошо нравы наши знаете, ибо Бригадирша ваша всемъ родня; никто сказать не можетъ, что такую же Акулину Тимоеевну не имѣть или бабушку или тетушку, или какую-нибудь свойственницу. Это въ нашихъ нравахъ первая комедія, и я удивляюсь вашему искусству, какъ вы, заставляя говорить такую дурицу во все пять актовъ, сдѣлали однакожь роль ея столь интересною, что все хочется ее слушать. Я не удивляюсь, если сія комедія столь много имѣть успѣха“ (1). „Въ Бригадирѣ, говоритъ Вяземскій, въ первый разъ услышали на нашей сценѣ языкъ натуральный, остроумный.“ Въ разговорѣ дѣйствующихъ лицъ можно замѣтить нѣсколько натяжекъ, нѣсколько эпиграммъ слишкомъ увѣсистыхъ, не отлетающихъ отъ разговора, но брошенныхъ наперекъ его самимъ авторомъ. Кое-гдѣ встрѣчаются шутки, такъ сказать, слишкомъ заряженные: шутка, слишкомъ туго набитая, какъ орудіе, не попадаетъ въ цѣль, а разрывается въ сторону (2).

„Недоросль“. Комедія „Недоросль“ написана Фонъ-Визинимъ чрезъ 16 лѣтъ послѣ „Бригадиря“, въ 1782 г., ^{своимъ собственнымъ} ~~своимъ~~ въ эпоху полной зрѣлости литературнаго таланта Фонъ-Визина и во время наибольшаго распространенія въ обществѣ просвѣдительныхъ идей Наказа о воспитаніи, образованіи и управленіи. Подъ вліяніемъ этихъ идей составлена вся комедія, нѣкоторыя же сцены ея почти буквально повторяютъ правила Наказа. — И въ „Недорослѣ“ точно также, какъ въ „Бригадирѣ“, противопоставляются другъ другу два поколѣнія, старое и новое, изображаются съ одной стороны примѣры домашняго воспитанія, подъ вліяніемъ грубыхъ и невѣжественныхъ родителей, а съ другой — образцы новаго воспитанія, но только уже не съ отрицательной стороны, какъ въ „Бригадирѣ“, а со стороны идеальной. Сюжетъ комедіи не сложенъ. Въ семействѣ помѣщиковъ Простаковыхъ воспитывается ихъ родственница, сиротка Софья, у которой, однакожь, есть свое недвижимое имѣніе, состоящее изъ нѣсколькихъ деревень. Чтобы не уступить на сторону этого имѣнія, Простакова свачала хотѣла выдать Софью насильно за роднаго брата своего, Тараса Скотинина, котораго она съ этою цѣлью и вызвала къ себѣ въ деревню, а потомъ, когда узнала, что дядя Софьи, Стародумъ, считавшійся погибшимъ, живъ и возвратился изъ Сибири съ большимъ состояніемъ, которое отдаетъ въ

(1) Соч. Фонъ-Визина. Автобіогр. стр. 345. (2) Соч. Вязем. V, 134

приданое за племянницей, измѣнила свое намѣреніе, и вздумала женить на Софѣ сына своего, недоросля Митрофанушку. Но сдѣлать это ей не удалось. Возвратившійся изъ Сибири Стародумъ, увидѣвъ грубую невѣжественную жизнь Простаковыхъ и глупость Недоросля, тотчасъ же рѣшился увести племянницу изъ ихъ дома и выдать ее за-мужъ за умнаго и добраго офицера, Милона, который и прежде былъ извѣстенъ Софѣ. Простакова не только не приобрѣла новыхъ деревень, но и лишилась своего собственнаго имѣнія, потому что чиновникъ Правдинъ, наблюдающій за обращеніемъ помѣщиковъ съ крестьянами, узнавъ о грубыхъ и безчеловѣчныхъ поступкахъ ея съ людьми, отдалъ имѣніе ея въ опеку, а сына ея, Недоросля, отправилъ на службу. Комедія названа по имени Недоросля потому, что въ Недорослѣ выражена основная ея идея и представленъ образчикъ невѣжественнаго домашняго воспитанія, подѣ влияніемъ грубыхъ невѣжественныхъ родителей. Главными же дѣйствующими лицами въ ней служатъ Простакова и Стародумъ.

I Въ лицѣ Простаковой представлена вслалмошная женщина-самодуръ. Простакова хвалится тѣмъ, что она происходитъ изъ рода Скотининыхъ, въ которомъ ничему не учили. „Бывало, говоритъ она, добры люди приступать къ батюшкѣ, убажжаютъ, убажжаютъ, чтобы хотъ братца отдать въ школу, — кстати ли? Покойникъ - свѣтъ и руками, и ногами, царство ему небесное! Бывало, изволить закричать: проклянѹ ребенка, который что-нибудь перейметъ у басурмановъ, и де будъ тотъ Скотининъ, кто чему нибудъ учиться захочетъ“ (1). Покойникъ батюшка воеводою былъ пятнадцать лѣтъ, а съ тѣмъ и скончаться изволилъ, что не умѣлъ грамотѣ, а умѣлъ достаточекъ нажить и сохранить. Челобитчииковъ принималъ, бывало, всегда сидя на желѣзномъ сундукѣ. Послѣ всякаго сундукъ отворить и что-нибудь положить“ (2). Въ семействѣ, какъ мать и хозяйка, Простакова была, по словамъ Правдина, презлая фурия, которой адскій нравъ дѣлаетъ несчастье пѣтаго дома“ (3). Жалуясь на неспособность мужа, она говоритъ Правдину: „Все сама управляюсь, батюшка! Съ утра до вечера какъ за языкъ повѣшена, рукъ не покладываю: то бравюсь, то дерусь; тѣмъ и домъ держится, мой батюшка!“ (4). Самоуправный, бѣшенный характеръ ея особенно рельефно изображается въ сценахъ съ портвымъ Трипшкой, который, по ея мнѣнію, обузилъ кафтанъ Митрофанушкѣ; съ няней Еремѣвной, не защитившей Митрофанушку отъ Скотинина, и самимъ Скотининымъ: „Ахъ, батюшка, сердце взяло! дай додраться!... Нѣтъ,

(1) Стр. 78. (2) Стр. 98. (3) Стр. 58. 64.

братецъ, ты долженъ образъ вымѣнять господина офицера; а кабы не онъ, то бѣ ты отъ меня не заслонился“ (1). Съ какимъ также бѣшенымъ негодованіемъ Простакова накидывается на Софью, когда та сказала, что получила письмо отъ дяди Стародума, котораго считали умершимъ, но который оказался живъ и не умиралъ: „Не умиралъ! а развѣ ему и умереть нельзя? Нѣтъ, сударыня, это твои вымыслы... Какъ не умиралъ? Развѣ ты не знаешь, говоритъ она мужу, что ужъ нѣсколько лѣтъ отъ меня его и въ памяткахъ за упокой помицали? Не ужъ-то таки и грѣшныя-то мои молитвы не доходили?... Да которая бестія, говоритъ она обращаясь къ Софьѣ, безъ моего спросу отдастъ тебѣ письма?... Вотъ до чего дожили: къ дѣвушкамъ письма пишутъ. Дѣвушки грамотъ умѣютъ!... Нѣтъ, сударыня, я благодаря Бога, не такъ воспитана! Я могу письма получать, а читать ихъ велю всегда другому“ (2) — Какъ помѣщица, Простакова — „госпожа безчеловѣчная, которой злонавіе въ благоустроенномъ государствѣ терпимо быть не можетъ“ (3). Своихъ людей или прислугу, она и не называетъ иначе, какъ „скотъ“, „бестія“, „воровская твоя харя“ и прочъ. Когда ей сказали, что ея горничная, Палашка, захворала и лежитъ, она закричала: „Лежитъ!... Ахъ, она бестія! Лежитъ, какъ будто она благородная!“. Она даже не понимаетъ другаго человѣческаго обращенія съ своими людьми, и бить и тиранить ихъ считаетъ своимъ дворянскимъ правомъ. На вопросъ Правдина „за что вы хотите наказывать людей вашихъ“, она отвѣчаетъ рядомъ вопросовъ, вполне характеризующихъ ея деспотическія воззрѣнія: „Ахъ, батюшка! Это что за вопросъ? Развѣ я не властна въ своихъ людяхъ?.. Да развѣ дворянинъ не воленъ поколотить своего слугу, когда захочетъ?... Да на что жъ данъ намъ указъ-отъ о вольности дворянства? Грубая и дерзкая, когда сознаетъ свою силу, она прибѣгаетъ къ лести и униженію въ случаѣ нужды, неудачи или несчастія. Узнавъ, что Стародумъ дѣлаетъ Софью своей наслѣдницей, оставляя ей десять тысячъ, она вдругъ перемѣняетъ съ ней обращеніе, начинаетъ хвалить ея дядю и вообще изъ грубой и бранчивой, дѣлается ласковой и льстивой. Но какъ неожиданны у ней переходы отъ грубости къ лести, отъ дерзости къ униженію, также быстро она переходитъ отъ крайняго униженія къ бѣшеной дерзости и самодурству. Она на колѣняхъ умаливаетъ Софью и Стародума простить ея вину — намѣреніе похитить Софью и сильно обвѣнчать ее на Митрофанушкѣ. „Мой грѣхъ! Не погубите меня!.. Мать ты моя родная, прости меня, умилосердись

(1) Стр. 49—50. 67. 73—74, (2) Стр. 54. (3) Стр. 105.

надо мною!... Батюшка! Прости и ты меня, грѣшную! Вѣдь я человекъ, не ангелъ! Но когда Софья сказала, что она забываетъ сдѣланное ей оскорбленіе, и Стародумъ прощаетъ ее, она быстро вскакиваетъ и съ радостию предается бѣшеному гнѣву: „Простилъ! Ахъ, батюшка!... Ну, теперь-то я дамъ зорю канальямъ своимъ людямъ! Теперь-то я всѣхъ переберу по одиночкѣ! Теперь-то допытаюсь, кто изъ рукъ ее выпустилъ! Нѣтъ мошенники! Нѣтъ воры! Вѣкъ не прощу этой насмѣшки“ (1). Обращеніе Простаковой съ своими людьми возмутительно. Но немного лучше обращается она и съ мужемъ. Мужъ ея безхарактерный дуракъ и находится совершенно во власти ея. На вопросъ Стародума „кто онъ такой?“ онъ рекомендуетъ себя: „я женивъ мужъ“. Онъ одинъ самъ собою ничего не можетъ ни разсудить, ни разобрать... „При твоихъ глазахъ, говоритъ онъ женѣ, мой ничего не видать“. „Ужъ такъ рохлей уродился, говоритъ она Милону. На него, мой батюшка, находить, по здѣшнему сказать, столбнякъ. Иногда выпуча глаза стоитъ битый часъ, какъ вкопанный. Ужъ чего-то я съ нимъ не дѣлала, чего только онъ у меня не вытерпѣлъ! Ничѣмъ не проймешь. Ежели столбнякъ и пройдетъ, то занесетъ, мой батюшка, такую дичь, что у Бога просишь опять столбняка“ (2).

Можно представить, какой сынъ могъ воспитаться подъ вліяніемъ такихъ грубыхъ и невѣжественныхъ родителей. Митрофанушка — „матушкинъ сынокъ“; избалованный матерью, которая любитъ его чисто животною любовью, заботясь только о томъ, чтобы онъ былъ сыто накормленъ, онъ вышелъ такимъ глупымъ и лѣнливымъ животнымъ, что „не умѣетъ трехъ перечесть, хотя ему уже 16 лѣтъ; читать онъ можетъ только по складамъ, а между тѣмъ уже собирается жениться. „Грѣхъ сказать, говоритъ Простакова Скотинину, чтобы мы не старались воспитывать Митрофанушку: троимъ учителямъ денежки платимъ. Для грамоты ходитъ къ нему дьячекъ отъ Покрова — Кутейкинъ. Арихметикѣ учить его, батюшка, одинъ отставной сержантъ Цыфиркинъ. Оба они приходятъ сюда изъ города. Вѣдь отъ насъ и городъ въ трехъ верстахъ, батюшка. По-французски и всѣмъ наукамъ обучаетъ его нѣмецъ Адамъ Адамычъ, Вральманъ. Этому по триста рубликовъ на годъ... Правду сказать, и мы имъ довольны, батюшка братецъ: онъ ребенка не неволитъ. Вѣдь, мой батюшка, пока Митрофанушка еще въ недоросляхъ, пота его и поивъжить; а тамъ, лѣтъ черезъ десятокъ, какъ войдетъ, избави Боже, въ службу, всего натерпится“ (3). Все невѣжество

(1) Стр. 105. (2) Стр. 63. (3) Стр. 55.

этихъ учителей и вся глупость ученика весьма хорошо изображены въ извѣстной, хотя каррикатурной, но въ тоже время весьма характерной сценѣ ученія, которую устроила Простакова для того, чтобы зарекомендовать Митрофанушку предъ Стародумомъ. Вотъ эта сцена.

Простакова. Пока онъ (т. е. Стародумъ) отдыхаетъ, другъ мой, ты хоть для виду поучись, чтобъ дошло до ушей его, какъ ты трудишься, Митрофанушка.

Митрофанъ. Ну, а тамъ что?

Простакова. А тамъ и женишься.

Митрофанъ. Слушай, матушка, я тебя потѣшу, поучусь; только чтобъ это былъ послѣдній разъ и чтобъ сегодня жъ быть сговору.

Простакова. Прійдетъ часъ воли Божіей.

Митрофанъ. Часъ моей воли пришелъ: не хочу учиться, хочу жениться. Ты жъ меня взманила, пеняй на себя. Вотъ я съѣлъ. (Цыфиркинъ очиниваетъ грифель).

Простакова. А я тутъ же присяду. Кошелекъ повяжу для тебя, другъ мой! Софьюшкины денежки было бъ куда влать.

Митрофанъ. Ну, давай доску, гарнизонная крыса! Задавай, что писать.

Цыфиркинъ. Ваше благородіе завсегда безъ дѣла лаяться изволите.

Простакова (работая). Ахъ, Господи Боже мой? Ужъ ребенокъ не смѣй и избравить Пафнутьича! Ужъ и разгнѣвался.

Цыфиркинъ. За что разгнѣваться, ваше благородіе! У насъ російская пословица: собака лаетъ, вѣтеръ носить.

Митрофанъ. Задавай же зады, поворачивайся.

Цыфиркинъ. Все зады, ваше благородіе. Вѣдь съ задями-то вѣкъ назади оставешься.

Простакова. Не твое дѣло, Пафнутьичъ. Мнѣ очень мило, что Митрофанушка вперёдъ шагать не любитъ. Съ его умомъ, да залетѣтъ далеко, да и Боже избави!

Цыфиркинъ. Задача. Изволилъ ты, на прикладъ, илти по дорогѣ со мною; ну, хоть возьмемъ съ собою Сидорыча. Нашли мы трое...

Митрофанъ (пишетъ) Трос.

Цыфиркинъ. На дорогѣ, на прикладъ же, триста рублей.

Митрофанъ (пишетъ) Триста.

Цыфиркинъ. Дошло дѣло до дѣлежа. Смякнитко, по чему на брата?

Митрофанъ (вычисляя, шепчетъ) Единжды три — три, единжды нуль — нуль.

Простакова. Что, что до дѣлежа?

Митрофанъ. Вишь триста рублей, что нашли, тронимъ раздѣлить.

Простакова. Вретъ онъ, другъ мой сердечный! Нашедъ деньги, ни съ кѣмъ не дѣлись: всё себѣ возьми, Митрофанушка! Не учись этой дурацкой наукѣ.

Митрофанъ. Слышь, Пафнугъичъ, задавай другую.

Цыфиркинъ. Пиши, ваше благородіе. За ученье жалуете мнѣ въ годъ десять рублей.

Митрофанъ. Десять.

Цыфиркинъ. Теперь, правда, не за что; а кабы ты, баринъ, что-нибудь у меня перенялъ, не грѣхъ бы тогда было и еще прибавить десять.

Митрофанъ. (Пишетъ) Ну, ну, десять.

Цыфиркинъ. Сколько жъ бы на годъ?

Митрофанъ (вычисляя, шепчетъ) Нуль да нуль—нуль, одинъ да одинъ... (задумался).

Простакова. Не трудись по пустому, другъ мой, гроша не прибавлю, да и не за что, наука не такая: лишь тебѣ мученье; а все вижу пустота. Денегъ нѣтъ — что считать, деньги есть — сочтемъ и безъ Пафнугъича хорошохонько.

Кутейкинъ. Шабашъ, право, Пафнугъичъ. Двѣ задачи рѣшены. Вѣдь, на повѣрку приводить не стануть.

Митрофанъ. Не бось, братъ. Матушка тутъ сама не ошибется. Ступай-ка ты теперь, Кутейкинъ, проучи вчерашнее.

Кутейкинъ (открываетъ часословъ. Митрофанъ беретъ указку). Начнемъ благословясь. За мною со вниманіемъ. Азъ же есмь червь...

Митрофанъ. Азъ же есмь червь...

Кутейкинъ. Червь, сирѣчь животина, скоть. Сирѣчь: азъ есмь скоть.

Митрофанъ. Азъ есмь скоть.

Кутейкинъ. (учебнымъ голосомъ) А не человѣкъ.

Митрофанъ. (также) А не человѣкъ.

Кутейкинъ. Поношеніе человѣковъ.

Митрофанъ. Поношеніе человѣковъ.

Кутейкинъ. И уни... (¹)

Что могло выйти изъ Митрофанушки при такомъ воспитаніи, какихъ плодовъ можно было ожидать не только чужимъ людямъ, но и самой матерп, которая для него готова была рѣшиться на всякое несправедливое дѣло, показываетъ заключительная сцена комедіи. Когда осужденная и лишенная всего, особенно

(¹) Стр. 80—82.

деспотической власти дѣлать зло, Простакова бросается къ нему и, обнимая его, говоритъ: „одинъ ты остался у меня, мой сердечный другъ, Митрофанушка“, онъ отвѣчаетъ ей: „Да отвяжись, матушка, какъ навизалась“. Болѣе сильнаго удара не могло быть для Простаковой. Очлувшись отъ обморока, она въ отчаяніи говоритъ: „Погибла я совсѣмъ! Отнята у меня власть! Отъ стыда куда глазъ показать нельзя! Нѣтъ у меня сына!“⁽¹⁾.

Характеристику грубыхъ невѣжественныхъ людей стараго воспитанія дополняетъ собою братъ Простаковой, Тарасъ Скотининъ. Онъ такой же деспотъ и самодуръ, какъ Простакова. „Не будь я Тарасъ Скотининъ, если у меня не всякая вина виновата. У меня въ этомъ, сестрица, одинъ обычай съ тобою“⁽²⁾. О своемъ обращеніи съ людьми онъ замѣчаетъ: „я ни на кого не билъ челомъ, а всякій убытокъ, чѣмъ за нимъ ходить, сдѣру съ своихъ крестьянъ, и концы въ воду“. Правдинъ не безъ основанія говоритъ ему: „я слыхалъ, что ты съ свиньями не въ примѣръ лучше обходишься, чѣмъ съ людьми“⁽³⁾. Скотининъ и къ сестрѣ своей обращается съ такой угрозой: „Отвяжись, сестра; дойдетъ дѣло до ломки: погну, такъ затрещишь“. Скотининъ ни къ чему не имѣетъ расположенія. Единственная у него привязанность—любовь къ свиньямъ. Онъ и на Софьѣ вздумалъ жениться потому, что въ деревенькахъ ея водятся свиньи, до которыхъ у него „смертная охота“: „Люблю свиней, сестрица; а у насъ въ околоткѣ такія крупныя свиньи, что нѣтъ изъ нихъ ни одной, котора, ставъ на задни ноги, не была бы выше насъ цѣлой головою“⁽⁴⁾.

Основные идеи и идеалы въ „Недоросль“. Простаковымъ, Скотинину и Митрофанушкѣ противопоставляются Милонъ и Софья — образцы новаго воспитанія. О Милонѣ Стародумъ говоритъ: „Въ тебѣ вижу и почитаю добродѣтель, украшенную разсудкомъ просвѣщеннымъ“. Софья — дѣвушка умная и истинно образованная. Она любитъ читать хорошія книги и между прочимъ читаетъ книгу Фенелова о воспитаніи. „Мое сердце, говоритъ ей Стародумъ, восхищается, видя твою чувствительность... Богъ далъ тебѣ всѣ пріятности твоего пола. Вижу въ тебѣ сердце честнаго человѣка. Ты... соединяешь въ себѣ обоихъ половъ совершенства“⁽⁵⁾. Однимъ словомъ, Милонъ и Софья — образцовые люди, представляющіе идеалы Фонъ-Визина. Впрочемъ, для полнаго представленія идей и идеаловъ Фонъ-Визина и въ тоже время идей или „умоположенія“ тогдашняго правительства и обще-

(1) Стр. 110. (2) Стр. 50. (3) Стр. 106. (4) Стр. 53. (5) Стр. 90.

ства служатъ въ комедіи спеціально два особья лица, Правдинъ и Стародумъ. Правдинъ — лице правительственное, членъ отъ намѣстничества, наблюдающій за обращеніемъ помѣщиковъ съ крестьянами. Название Стародума, повидимому, противорѣчитъ той роли, какая ему дана. Стародумъ означаетъ человѣка, думающаго по старому. Авторъ относитъ его воспитаніе и службу къ эпохѣ Петра В., но въ ту эпоху не было тѣхъ возрѣній, которыя высказываетъ Стародумъ; эти возрѣнія принадлежатъ Екатерининской эпохѣ. Стародумъ, очевидно, такъ названъ не потому, будто выражаетъ старья или уже устарѣвшія думы, но потому, что въ его рѣчахъ, съ выраженіемъ новыхъ идей правительства и общества, заключается и оппозиція или протестъ противъ тѣхъ новомодныхъ идей, которыя хотя вышли изъ современнаго же „умоположенія“ правительства и общества, но приняли крайнее — одностороннее и ложное направленіе, и которыя, слѣд., не могутъ уже быть одобренны ни правительствомъ, ни обществомъ. По отношенію къ этимъ новомоднымъ идеямъ и къ людямъ, ихъ проповѣдующимъ, онъ и представляется Стародумомъ.

Въ настоящее время, при представленіи „Недоросль“ въ театрѣ, длинные разговоры Стародума съ Правдинымъ, Милономъ и Софьей иногда выпускаются, или сокращаются, какъ скучные и неинтересные; но въ то время они считались самыми интересными, какъ выражавшіе идеи и стремленія вѣка. Самъ Фонъ-Визинъ говоритъ, что его „Недоросль“ своимъ чрезвычайнымъ успѣхомъ всего больше былъ обязанъ именно рѣчамъ Стародума. Въ разговорахъ Стародума выражаются идеи о воспитаніи и образованіи, о должности и службѣ, и рисуется идеаль чловѣка истинно образованнаго, любящаго свое отечество и стремящагося всѣми мѣрами быть ему полезнымъ. Въ вопросѣ о воспитаніи и образованіи Стародумъ прежде всего указываетъ на плоды ложнаго образованія, на вредное вліяніе философіи энциклопедистовъ. Узнавъ, что Софья читаетъ книгу Фенелона о воспитаніи, Стародумъ говоритъ: „Я не знаю твоей книжки, однако читай ее, читай. Кто написалъ Телемака, тотъ перомъ своимъ нравовъ развращать не станетъ. Я боюсь для васъ нынѣшнихъ мудрецовъ. Мнѣ случилось читать изъ нихъ все то, что переведено порусски. Они, правда, искореняютъ сильно предрасудки, да воротятъ съ корня добродѣтель“ (1). „Ты входишь теперь въ свѣтъ, гдѣ первый шагъ рѣшить часто судьбу цѣлой жизни, гдѣ всего чаще первая встрѣча бываетъ: умы развращенныя въ своихъ понятіяхъ, сердца развращенныя въ своихъ чувствахъ. О, мой другъ! умѣй

(1) Стр. 85—86.

различить, умѣй остановиться съ тѣми, которыхъ дружба къ тебѣ была бы надежною порукою за твой разумъ и сердце“. „Люди не одному богатству, не одной знатности завидуютъ: и добродѣтель также своихъ завистниковъ имѣетъ. Они всею силою стараются развратить невинное сердце, чтобы унизить его до себя самихъ, и разумъ, не имѣвшій испытанія, обольщаютъ до того, чтобъ полагать свое счастье не въ томъ, въ чемъ надобно“⁽¹⁾. Въ основу воспитанія и образованія должно быть положено нравственное развитіе или „благодравіе“, безъ котораго развитіе ума и обогащеніе однимъ познаніемъ приносятъ больше вреда, нежели пользы.

Стародумъ. Отецъ мой непрестанно твердилъ мнѣ одно и то же: имѣй сердце, имѣй душу,—и будешь человѣкъ во всякое время. На все прочее мода: на умы мода, на знанія мода, какъ на пряжки, на пуговицы.

Правдинъ. Вы говорите истину. Прямое достоинство въ человѣкѣ есть душа.

Стародумъ. Безъ нея просвѣщеннѣйшая умница жалкая тварь. (Съ чувствомъ) Невѣжда безъ души—звѣрь. Самый мелкій подвигъ вводитъ его во всякое преступленіе. Между тѣмъ, что онъ дѣлаетъ, и тѣмъ, для чего онъ дѣлаетъ, никакихъ вѣсковъ у него нѣтъ⁽²⁾...

Стародумъ. Воспитаніе должно быть залогомъ благосостоянія государства. Мы видимъ всѣ несчастныя слѣдствія дурнаго воспитанія. Ну, что для отечества можетъ выйти изъ Митрофанушки, за котораго невѣжды родители платятъ еще и деньги невѣждамъ - учителямъ! Сколько дворянъ - отцевъ, которые нравственное воспитаніе сына своего поручаютъ своему рабу крѣпостному! Лѣтъ черезъ пятнадцать и выходятъ вмѣсто одного раба двое: старшій дядька да молодой баринъ.

Правдинъ. Но особы высшаго состоянія просвѣщаютъ дѣтей своихъ....

Стародумъ. Такъ, мой другъ; да я желалъ бы, чтобы при всѣхъ наукахъ не забывалась главная цѣль всѣхъ знаній человѣческихъ—благодравіе. Вѣрь мнѣ, что наука въ развращенномъ человѣкѣ есть лютое оружіе дѣлать зло. Просвѣщеніе возвышаетъ одну добродѣтельную душу. Я хотѣлъ бы, напр., чтобъ при воспитаніи сына знатнаго господина паставникъ его всякій день разогнулъ ему исторію и указалъ въ ней два мѣста: въ одномъ, какъ великіе люди способствовали благу своего отечества; въ

(1) Стр. 86. (2) Стр. 68—69.

другомъ, какъ вельможа недостойный, употребившій во зло свою довѣренность и силу, съ высоты пышной своей знатности визвергся въ бездну презрѣнія и поношенія.

Правдинъ. Надобно дѣйствительно, чтобъ всякое состояніе людей имѣло приличное себѣ воспитаніе⁽¹⁾.

Идеаль нравственнаго достоинства заимствованъ Фонъ-Визинъ у Монтескьё и другихъ современныхъ европейскихъ писателей и не отличается ни особенною высотою, ни твердостью и опредѣленностью. Основой нравственнаго характера, по мнѣнію Фонъ-Визина, служить честность, честь, которая у него не только смѣшивается съ добродѣтелью вообще, но и ставится выше всякой добродѣтели и нравственной чистоты: самый лучший человѣкъ есть человѣкъ честный. Стародумъ, желая объяснить свой характеръ, называетъ себя другомъ честныхъ людей. Въ Софьѣ и Милонѣ ему всего болѣе нравится ихъ честность; восхваляя графа Н. И. Панина (въ его біографіи), лучшимъ титуломъ его Фонъ-Визинъ считаетъ титулъ честнаго человѣка; говоря о Екатеринѣ онъ выражается: „имѣя монархиню честнаго человѣка“... Однимъ словомъ, честность Фонъ-Визинъ внушаетъ всѣмъ и каждому во всѣхъ своихъ сочиненіяхъ; но особенно существенно-необходимою чертою честность ставится для дворянскаго сословія, которое, какъ высшее и передовое сословіе въ государствѣ, должно быть образцемъ честности.... Честность, совмѣщающая въ себѣ всѣ хорошія качества и особенно исполненіе долга и всѣхъ своихъ обязанностей, и составляетъ и истинную знатность и истинное достоинство человѣка. Объясняя Софьѣ, въ чемъ заключаются знатность и богатство, Стародумъ говоритъ: „Степени знатности разсчитываю я по числу дѣлъ, которыя большой господинъ сдѣлалъ для отечества, а не по числу дѣлъ, которыя нахваталъ на себя изъ высокоумія; не по числу людей, которые шатаются въ его передней, а по числу людей, довольныхъ его поведеніемъ и дѣлами. Мой знатный человѣкъ, конечно, счастливъ; богачъ мой тоже. По моему разсчету не тотъ богатъ, который отсчитываетъ деньги, чтобъ прятать ихъ въ сундукъ, а тотъ, который отсчитываетъ у себя лишнее, чтобъ помочь тому, у кого нѣтъ нужнаго“. Указывая причины разныхъ несчастій въ семейной жизни, Фонъ-Визинъ говоритъ, что эти несчастія происходятъ „отъ того, что при пышныхъ супружествахъ рѣдко съ сердцемъ совѣтуются. Дѣло о томъ: знатенъ ли, богатъ ли женихъ, хороша ли, богата ли невѣста; о благоправіи вопросу нѣтъ. Никому и въ голову не входитъ, что въ

(1) Стр. 102—103.

глазах мыслящих людей честный человекъ безъ большаго чина прензатная особа; что добродѣтель все замѣняетъ, а добродѣтели ничто замѣнить не можетъ“⁽¹⁾. Главная обязанность честнаго человека состоитъ въ исполненіи своего долга, той обязанности или должности, въ которой онъ поставленъ. Исполняя свою должность, каждый человекъ служить и отечеству и всему человѣчеству. „Подумай, говоритъ Стародумъ, что такое должность. Это тотъ священный обѣтъ, которымъ обязаны мы всѣмъ тѣмъ, съ кѣмъ живемъ и отъ кого зависимъ. Если бы такъ должность исполняли, какъ объ ней твердятъ: всякое состояніе людей осталось бы при своемъ любочестіи и было бы совершенно счастливо. Дворянинъ, напримѣръ, считалъ бы за первое безчестье не дѣлать ничего, когда ему столько дѣла; есть люди, которымъ помогать, есть отечество, которому служить. Тогда не было бы такихъ дворянъ, которыхъ благородство, можно сказать, погребено съ ихъ предками. Дворянинъ, недостойный быть дворяниномъ— подлѣе его ничего на свѣтѣ не знаю!“... „У каждого свои должности. Посмотримъ, какъ онѣ исполняются. Каковы, напр., большею частію мужья вышшняго свѣта; не забудемъ, каковы и жены. О, мой сердечный другъ! теперь мнѣ все твое вниманіе потребно. Возьмемъ въ примѣръ несчастный домъ, каковыхъ множество, гдѣ жена не имѣетъ никакой сердечной дружбы къ мужу, ни онъ къ женѣ довѣренности; гдѣ каждый съ своей стороны своротили съ пути добродѣтели. Въмѣсто искренняго и снисходительнаго друга, жена видитъ въ мужѣ своемъ грубаго и развращеннаго тирана. Съ другой стороны, вмѣсто кротости, чистосердечія, свойствъ жены добродѣтельной, мужъ видитъ въ душѣ своей жены одну своеравную наглость, а наглость въ женщинѣ есть вывѣска порочнаго поведенія. Оба стали другъ другу въ несносную тягость; оба ни во что уже не ставятъ доброе имя, потому что у обоихъ оно потеряно. Можно ль быть ужаснѣе ихъ состоянія? Домъ брошенъ; люди забываютъ долгъ повинновенія, видя въ самомъ господинѣ раба гнусныхъ страстей его; имѣніе расточается: оно сдѣлалось ничье, когда хозяинъ его самъ не свой. Дѣти, несчастныя ихъ дѣти, при жизни отца и матери, уже осиротѣли. Отецъ, не имѣя почтенія къ женѣ своей, едва смѣетъ ихъ обнять, едва смѣетъ отдаться нѣжнѣйшимъ чувстваваніямъ человѣческаго сердца. Невинные младенцы лишены также и горячности матери. Она, недостойная имѣть дѣтей, уклоняется ихъ ласки, видя въ нихъ или причины безпокойствъ своихъ, или упрекъ своего развращенія. И какого воспитанія ожидать дѣтямъ отъ матери, по-

(¹) Стр. 90.

терявшей добродѣтель? Какъ ей учить ихъ благоправію, котораго въ ней нѣтъ?“⁽¹⁾. — Наконецъ, въ разговорѣ Стародума съ Правдинымъ, изображается идеаль государя-правителя съ ясными намеками на Екатерину.

Стародумъ. Благодареніе Богу, что человѣчество найти защиту можетъ! Повѣрь мнѣ, другъ мой, гдѣ государь мыслить, гдѣ знаетъ онъ, въ чемъ его истинная слава, тамъ человѣчеству не могутъ не возвращаться его права; тамъ всѣ скоро ощутятъ, что каждый долженъ искать своего счастья и выгодъ въ томъ одномъ, что законно, и что угнетать рабствомъ себѣ подобныхъ беззаконно.

Правдинъ. Я въ этомъ согласенъ съ вами; да, какъ мудро истреблять закоренѣлыя предрасудки, въ которыхъ низкія души находятъ свои выгоды!

Стародумъ. Слушай, другъ мой! Великій государь есть государь премудрый. Его дѣло показать людямъ прямое ихъ благо. Слава премудрости его та, чтобъ править людьми, потому что управляться съ истуканами нѣтъ премудрости. Крестьянинъ, который плоше всѣхъ въ деревнѣ, выбирается, обыкновенно, пасти стадо, потому что немного надобно ума пасти скотину. Достойный престола государь стремится возвысить души своихъ подданныхъ. Мы это видимъ своими глазами.

Правдинъ. Несчастіямъ людскимъ, конечно, причиною собственное ихъ возвращеніе; но способы сдѣлать людей добрыми...

Стародумъ. Они въ рукахъ государя. Какъ скоро всѣ увидятъ, что безъ благоправія никто не можетъ выйти въ люди; что ни подлой выслугой и ни за какія деньги нельзя купить того, чѣмъ награждается заслуга; что люди выбираютъ для мѣсты, а не мѣста похищаются людьми, — тогда всякій найдетъ свою выгоду быть благоправнымъ и всякій хорошъ будетъ“⁽²⁾. Изображая характеръ службы и людей истинно полезныхъ на службѣ, Фонъ-Визинъ касается большаго свѣта и придворной жизни. Рассказывая о своемъ пребываніи при дворѣ и высшемъ свѣтѣ, Стародумъ говоритъ: „Тутъ увидѣлъ я, что между людьми случайными и людьми почтенными бываетъ иногда неизмѣримая разница, что въ большомъ свѣтѣ водятся премелкія души и что съ великимъ просвѣщеніемъ можно быть великому скареду“.... „Въ этой сторонѣ (при дворѣ) по большой прямой дорогѣ никто почти не ѣздитъ, а всѣ объѣзжаютъ крюкомъ, надѣясь доѣхать поскорѣе... Двое, встрѣтятся, разойтись не могутъ. Одинъ другаго сваливаетъ, и

⁽¹⁾ Стр. 89—90. ⁽²⁾ Стр. 101—102.

тотъ, кто на ногахъ, не поднимаетъ уже никогда того, кто на земли“ (1).

Комедія „Недоросль“ была принята современной публикой съ восторгомъ. Выше мы уже привели изъ драматическаго словаря свидѣтельство, что при первомъ представленіи ея въ Петербургѣ въ бенефисъ Дмитревскаго „театръ былъ несравненно наполненъ и публика аплодировала пьесу метаніемъ кошельковъ“, и преданіе, что князь Потемкинъ, послѣ перваго представленія „Недоросля“, сказалъ Фовъ-Визину: „умри, Денисъ, или больше ничего не пиши“. Нѣкоторыя изъ именъ дѣйствующихъ лицъ сдѣлались нарицательными и стали употребляться въ народномъ обращеніи. И по содержанію и по изложенію „Недоросль“ гораздо выше и серьезнѣе „Бригадира“. Основной тонъ ея, конечно, также смѣшной, какъ и „Бригадира“; но смѣшное здѣсь не только не закрываетъ собою гнуснаго и ненавистнаго, но еще рѣзче его отбѣиваетъ; комическія сцены не только смѣшать, но и производить глубокія и прискорбныя впечатлѣнія; сквозь смѣхъ автора слышится сильное негодованіе на порокъ и часто раздаются звуки истинно трагическіе. Это особенно надобно сказать о послѣднихъ сценахъ комедіи, гдѣ вполне обнаруживаются гибельные плоды невѣжества, дурнаго воспитанія, и домашней и помѣщичьей тирании Простаковой. Въ семействахъ Простаковыхъ, говоритъ Вяземскій, трагическія развязки нерѣдки. Архивы уголовныхъ дѣлъ нашихъ могутъ представить тому многочисленныя доказательства. Вотъ нравственная сторона творенія сего, и патриотическая мысль, его одушевляющая, достойна уваженія и признательности. Можно сказать, что подобное исполненіе не только хорошее сочиненіе, но и доброе дѣло“ (2). Лучше всѣхъ дѣйствующихъ лицъ изображена госпожа Простакова, которая въ комедіи служитъ главнымъ дѣйствующимъ лицомъ; на ней преимущественно сосредоточивается интересъ пьесы. „Всѣ сцены, въ которыхъ является Простакова, исполнены жизни и вѣрности, характеръ ея выдержанъ до конца съ неослабѣвающимъ искусствомъ, и неизмѣняющеюся истиною. Смѣхъ наглости и низости, трусости и злобы, гнуснаго безчеловѣчія ко всѣмъ, и нѣжности равно гнусной къ сыну, при всемъ томъ невѣжество, изъ котораго, какъ изъ мутнаго источника, истекають всѣ сіи свойства, согласованы въ характерѣ ея живописцемъ смѣтливимъ и наблюдательнымъ. Особенно великое искусство и глубокое знаніе человѣческой природы показались авторъ въ послѣднихъ сценахъ, изображающихъ плоды дурнаго воспитанія, напр., въ той сценѣ, когда Митрофанушка, отталкивая отъ себя свою мать,

(1) Стр. 70—71. (2) Сочин. Вяземскаго V, 135—136.

бросившуюся обнимать его, как единственную надежду свою и утѣшеніе, говоритъ: „Да отвѣжись, матушка, какъ павязалась“. „Признаюсь, говоритъ Вяземскій, въ этой чертѣ такъ много истины, эта истина такъ прискорбна, почерпнута изъ такой глубины сердца человѣческаго, что, по невольному движенію, точно жалѣешь о виновной, какъ при казни преступника, забывая о преступленіи, сострадательно вздрагиваешь за несчастнаго“ (1). Другія лица комедіи далеко не такъ полно очерчены; но нѣкоторыя черты въ нихъ отличаются удивительною меткостью и вѣрностію жизни. Таково напр., изображеніе мамы Митрофанушки, Еремѣвны. „Передаютъ со словъ самого автора, что, приступая къ описанію сцены ея схватки за Митрофанушку со Скотининимъ, онъ пошелъ гулять, чтобъ въ прогулкѣ обдумать ее. У мясницкихъ воротъ набрелъ онъ на драку двухъ бабъ, остановился и началъ сторожить природу. Возвратившись домой съ добычею наблюденій, начерталъ онъ явленіе свое и помѣстилъ въ него слово „защипы“, подслушанное имъ на полѣ битвы“. — Нѣкоторыя лица изображены слабо, блѣдно; таковы лица Софьи и Милона. Наконецъ въ „Недорослѣ“ точно также, какъ въ „Бригадирѣ“, есть много преувеличеній и каррикатуръ. Особенно каррикатурны изображенія учителей Митрофанушки — Кутейкина, Цыфиркина и Вральмана. Изъ другихъ лицъ въ этомъ отношеніи больше всего страдаетъ этимъ недостаткомъ характеръ Скотинина. „Скотининъ, говоритъ Вяземскій, каррикатура; онъ въ родѣ театральныхъ тирановъ классической трагедіи и говоритъ о любви своей къ свиньямъ, какъ Дмитрій Самозванецъ Сумарокова о любви къ злодѣйствамъ“. Выше замѣчено, что нѣкоторыя сцены въ „Недорослѣ“ повторяютъ идеи и правила „Наказа“; но кромѣ „Наказа“, въ разговорахъ Стародума съ Софьей о воспитаніи и истинномъ достоинствѣ чело-вѣка, съ Милономъ и Правдинимъ объ управленіи, объ обязанностяхъ, долгахъ и службѣ, въ характеристикѣ придворной жизни есть заимствованія и подражанія сочиненіямъ Дюфрени, Лабрюйера (Характеры) и Жирана (Словарь синонимовъ). Отзывъ Простаковой о бесполезности географіи взятъ изъ одной повѣсти Вольтера (2).

(1) Тамъ же стр. 137—141.

(2) Всѣ подражанія и заимствованія какъ въ Недорослѣ такъ и другихъ сочиненіяхъ Фонъ-Визина указаны: въ монографіи Вяземскаго о Фонъ-Визинѣ; въ статьѣ г. Галахова: «Идеалъ нравственнаго достоинства чело-вѣка, по понятію Фонъ-Визина». Библиогр. Записки 1858. № 13, въ книгѣ г. А. Веселовскаго: «Западное вліяніе въ новой русской литературѣ. М. 1883. стр. 71—76.

Другія сочиненія Фонъ-Визина. „Бригадиръ“ и „Недоросль“ были полнымъ выраженіемъ, какъ авторскаго таланта, такъ и міросозерцанія Фонъ-Визина. Тотъ кругъ идей и образовъ, какой возникъ въ его воображеніи, при составленіи этихъ комедій, остался навсегда его неизмѣннымъ міромъ, въ которомъ онъ жилъ постоянно, какъ въ дѣйствительномъ мірѣ, и изъ котораго онъ не дѣлалъ дальше ни одного шагу. Во всѣхъ другихъ его произведеніяхъ повторяются, съ нѣкоторыми вариантами, тѣже идеи и тѣже лица. Въ неоконченномъ отрывкѣ комедіи, въ типѣ жены Простосерда, Невилы, повторяется госпожа Простакова. Ненила недовольна, что мужъ ея переводитъ деньги на книги: „Купилъ бы себѣ книжку другую хорошенькихъ, да и полно; прочиталъ до доски, да опять съизнова. Вѣдь, я чай, что въ одной книжкѣ написано, то есть и въ тридцати... Благодарю Творца, что не люблю читать книгъ: а то бы, пожалуй, плуты и меня обманули“. Въ дочери ея, Юліи, представлена любительница чтенія французскихъ книгъ, подобная Совѣтницѣ въ „Бригадирѣ“ (¹). Въ другомъ отрывкѣ „Добрый наставникъ“, въ книгѣ слышится таже Простакова, упоминается умный Праводумъ, который, очевидно, тотъ же Стародумъ (²). Въ письмѣ помѣщика Дурькина къ Стародуму изображается, какія требованія тогда помѣщики предъявляли отъ домашнихъ учителей и какъ они смотрѣли на воспитаніе. Взгляды на учителей и на воспитаніе тѣже самыя, какъ у Простаковой: „Кто возьметъ дешевле, того и я беру“, говоритъ Дурькинъ; онъ не хочетъ взять нѣмца, ибо боится напасть на Вральмана, но, желая взять русскаго, даже изъ студентовъ университета, онъ однакожь смотритъ на учителя не выше Простаковой. Въ своихъ коядиціяхъ съ учителемъ онъ требуетъ, чтобы учитель обѣдалъ не съ нимъ, а съ его камердинеромъ, чтобы въ присутствіи его при гостяхъ онъ не садился; чтобы въ разговорахъ съ нимъ и его женой чаще употреблялъ титулъ его превосходительства; чтобы онъ велъ его приходорасходныя книги, поправлялъ ему парикъ, причесывалъ ребятамъ волосы. Кандидаты въ учителя, представленные Дурькину московскимъ профессоромъ, также не далеко ушли отъ учителей Митрофанушки: Керасинъ, хотя и хвалится, что знаетъ по еврейски и по гречески, не знаетъ по русски; піита Цезуркинъ обѣщаетъ каждый разъ для именинъ его превосходительства и каждаго изъ чадъ его, въ стихахъ своихъ, сводить всѣхъ боговъ съ Олимпа, и просить по копѣйкѣ за стихъ; щеголеватый Красоткинъ думаетъ, какъ кукла, и во всемъ походитъ на куклу, берется причесывать волосы, умѣетъ

(¹) Сочин. 124—125. (²) Тамъ же 125—127.

выводить пятна изъ платья и вырѣзывать изъ бумаги разные фигуры“ (1). Въ разговорѣ у княгини Халдивой, въ лицѣ княгини, изображена одна изъ модныхъ великосиѣтскихъ госпожъ, хвалящаяся тѣмъ, что она всегда одѣвается при мужчинахъ; судья Сорванцовъ — образчикъ тогдашняго воспитанія, подъ руководствомъ пустоголоваго француза, шеваляе Какаду, и папоминаетъ тѣхъ судей, о которыхъ говоритъ Совѣтникъ въ „Бригадирѣ“; Здравомысль играетъ роль Стародума (2). Почти всѣ эти статьи и неоконченные отрывки были приготовлены Фонъ-Визинимъ для журнала „Стародумъ“, который онъ хотѣлъ издавать въ 1788 г., но который былъ остановленъ цензурою (3). Оконченный видъ имѣють только двѣ комедіи: „Коріонъ“ и „Выборъ гувернера“. „Коріонъ“, комедія въ 3-хъ дѣйствіяхъ и стихахъ, составляетъ передѣлку одной французской пьесы Грессе (1709—1777) *Дворянинъ Коріонъ*, мучимый совѣстью, что онъ обманулъ свою возлюбленную, Зиновію, уѣзжаетъ въ деревню, и въ тоскѣ хочетъ лишиться себя жизни; но его спасаютъ другъ его Менандръ и сама Зиновія, которая, забывъ оскорбленіе Коріона, пріѣхала къ нему въ деревню. Коріонъ уже выпилъ ядъ, но оказалось, что слуга Андрей замѣнилъ ядъ въ стаканѣ простой водой (4). „Выборъ Гувернера“ есть подражаніе Фонъ-Визина своей собственной комедіи „Недоросль“. Содержаніе его состоитъ въ слѣдующемъ. Князь и княгиня Слабоумовы, непомѣрно зараженные княжеской спесью, ищутъ гувернера для своего сына князь - Василья, и обратились съ просьбой объ этомъ къ дворянскому предводителю, Сеуму. Сеумъ не очень высоко смотритъ „на породу“, считая ее самымъ меньшимъ изъ всѣхъ человѣческихъ достоинствъ. „Родиться княземъ, говоритъ онъ, не мудрено и можно по праву породы называться сіятельствомъ, не сіяя почтенными качествами, какъ-то ревностію быть полезнымъ отечеству. Онъ рекомендуетъ въ учителя русскаго штабъ-офицера, Нельстецова, который не думаетъ набивать голову молодого князя однимъ „сіятельствомъ“, а хочетъ поселить въ его голову и сердце, чтобы онъ, будучи благороднымъ, имѣлъ и благородную душу“. Но Нельстецовъ не пра-

(1) Сочин. 230—233. (2) Тамъ же, 249—258.

(3) Другъ честныхъ людей или Стародумъ. Периодическое сочиненіе, посвященное истинѣ. Кромѣ объявленія объ изданіи и упомянутыхъ статей Стародума, были еще приготовлены: «Наставленіе дяди своему племяннику»; «Письма Софьи къ Стародуму и Стародума къ Софьѣ»; «Письма Тараса Скотинина къ Простаковой»; «Всеобщая придворная грамматика».

(4) Сочин. 128—160.

вится княгиня своей прямою и смѣлыми сужденіями. Одна графиня порекомендовала ей француза Пеликана: „сей французъ, говорила графиня, наполненъ достоинствами, рветъ зубы мастерски и вырѣзываетъ мозоли, цѣну возьметъ умѣренную, и вась, княгиня, такъ какъ и князя, звать будетъ: votre altesse! Но когда Сеумъ увидѣлъ Пеликана, то узналъ въ немъ извѣстнаго ему „пустоголоваго“ француза, который во Франціи былъ въ какой-нибудь богалѣльнѣ поллекаремъ, умѣетъ рвать зубы и вырѣзывать мозоли, но больше не знаетъ ничего, и какъ побродягу, зловреднаго Россіи, повелѣлъ выпроводить его изъ уѣзда въ 24 часа.— Въ комедіи есть рѣзкія сужденія о современномъ состояніи Франціи, вложенныя въ уста Сеума и Нельстецова: „Равенство состояній, говоритъ Нельстецовъ, есть вымысль ложныхъ философовъ, кой краснорѣчивыми своими умствованіями довели французовъ до настоящаго ихъ положенія. Они, желая отвратить злоупотребленія власти, стараются истребить тотъ образъ правленія, коимъ Франція всей славы своей достигла. Со всѣмъ тѣмъ, сколько имъ покушеніе сіе ни много стоитъ и стоитъ будетъ, но равенства состояній никогда достигнуть не могутъ, какіе бы законы они не сдѣлали“... (1). — „Читая эту комедію, говоритъ Вяземскій, можно подумать, что она служила основаніемъ „Недорослю“, но между тѣмъ извѣстно, что она написана послѣ. Странно, что авторъ подражалъ въ ней самому себѣ и подражалъ слабо“ (2).

Кромѣ этихъ сочиненій, которыя почти всѣ (кромѣ Коріона) имѣютъ, по своему содержанію, непосредственную связь съ „Бригадиромъ“ и „Недорослемъ“, Фопъ-Визинъ написалъ нѣсколько другихъ сочиненій, касающихся разныхъ предметовъ. Впрочемъ, большая часть изъ нихъ — также или краткія статьи или неоконченныя отрывки. Полныя сочиненія, кромѣ писемъ и переводовъ, о которыхъ будетъ сказано отдѣльно, составляютъ только жизнь графа Н. И. Панина и слово на выздоровленіе в. к. Павла Петровича. Изъ критическихъ статей и неоконченныхъ отрывковъ особенно замѣчательны слѣдующіе.

Челобитная російской Минервѣ отъ російскихъ писателей. Челобитная написана въ защиту писателей отъ нареканій тѣхъ русскихъ вельможъ, которые считали ихъ неспособными на къ какой службѣ. Такими нареканіями особенно извѣстенъ былъ князь А. А. Вяземскій, который не жаловалъ Державина за то, что онъ писалъ стихи, и вообще о поэтахъ говорилъ: „когда имъ заниматься дѣломъ, когда у нихъ рѣшмы на умѣ“. Челобитная

(1) Сочин. 120. (2) Сочин. V, 173.

составлена въ приказной формѣ и начинается словами: „Бьютъ челомъ россійскіе писатели... на людей, которые высочайшею милостію достигли знаменитости, не будучи сами умомъ и знаніемъ знамениты... Сіи знаменитые невѣжды, возвышась на степени, забыли совершенно, что умы ихъ суть умы жалованные, а не родовые, и что по статнымъ спискамъ всегда справиться можно, кто изъ нихъ и въ какой торжественный день пожалованъ въ умные люди. Реченные невѣжды вообразили, что къ отправленію дѣлъ ни въ какихъ знаніяхъ нужды нѣтъ, ибо де мы сами въ дѣлахъ безъ малѣйшаго въ нихъ знанія... Они употребляютъ во зло знаменитость своего положенія, къ тяжкому предосужденію словесныхъ наукъ и къ нестерпимому притѣсненію насъ именованныхъ. Они, исповѣдуя другъ другу невѣдѣніе свое въ вещахъ, которыхъ невѣдать стыдно во всякомъ состояніи, постановили между собою условіе: всякое знаніе, а особливо словесныя науки, почитать не иначе, какъ уголовнымъ дѣломъ... Въ слѣдствіе чего учинили они между собою опредѣленіе: 1) всѣхъ, упражняющихся въ словесныхъ наукахъ, къ дѣламъ не употреблять; 2) всѣхъ таковыхъ, при дѣлахъ уже находящихся, отъ дѣлъ отрѣшати“. Протестуя противъ такого обиднаго положенія въ обществѣ науки и литературы, писатели говорятъ: „и дабы вашего божественнаго величества указомъ повелѣно было сіе наше прошеніе принять и таковое незаконное и вѣкъ нашъ ругающее опредѣленіе отмѣнить; насъ же, яко грамотныхъ людей, повелѣть по способностямъ къ дѣламъ употреблять, дабы мы, именованные, служа россійскимъ музамъ на досугѣ, могли главное жизни нашей время посвятить на дѣло для службы вашего величества... Къ поданію надлежитъ въ Собесѣдникъ любителей россійскаго слова“⁽¹⁾. Характеризуя взглядъ тогдашняго общества на писателей, сочиненіе это показываетъ, что и писатели свои занятія литературою ставили ниже занятій по службѣ, и думали, что заниматься ими прилично только „на досугѣ“. Впрочемъ, въ другомъ сочиненіи Фонъ-Визинъ высказываетъ мысль, что писатель, сидя въ своемъ кабинетѣ, своимъ перомъ можетъ приносить великую пользу отечеству.

Вопросы къ сочинителю Былой и Небылицъ. Вопросы были написаны Фонъ-Визинымъ, вѣроятно, въ слѣдствіе вызова на критику, съ каковымъ редакція Собесѣдника любителей россійскаго слова обратилась къ публикѣ въ самомъ началѣ его изданія. Екатерина, прочитавъ ихъ въ рукописи, представленной княги-

(1) Сочин. 207—208.

ней Дашковой, сильно разсердилась, думая, что они написаны И. И. Шуваловымъ въ отмщеніе лично ей за портретъ Нерѣшительнаго, написанный во 2-й части Собесѣдника, но потомъ разрѣшила отпечатать ихъ въ 3-й части этого журнала, вмѣстѣ съ своими отвѣтами. Всѣхъ вопросовъ 21. Самыми интересными, возбуждившими множество толковъ въ современномъ обществѣ, были слѣдующіе вопросы. Вопр. 1. Отчего у насъ спорять сильно въ такихъ истинахъ, кои нигдѣ уже не встрѣчаютъ ни малѣйшаго сомнѣнія? Отв. У насъ, какъ и вездѣ, всякій спорить о томъ, что ему не нравится, или не понятно. Вопр. 2. Отъ чего многихъ добрыхъ людей видимъ въ отставкѣ? Отв. Многие добрые люди вышли изъ службы, вѣроятно; для того, что нашли выгоду быть въ отставкѣ. Вопр. 5. Отъ чего у насъ тяжущіеся не печатаютъ тяжбъ своихъ и рѣшеній правительства? Отв. Для того, что вольныхъ типографій до 1782 года не было. Вопр. 8. Отъ чего въ нашихъ бесѣдахъ слушать нечего? Отв. Отъ того, что говорить небылицу. Вопр. 9. Отъ чего извѣстные и явные бездѣльники принимаются вездѣ равно съ честными людьми? Отв. Отъ того, что на судѣ не изблечены. Вопр. 12. Отъ чего у насъ не стыдно не дѣлать ничего? Отв. Сіе не ясно; стыдно дѣлать дурно, а въ обществѣ жить не есть не дѣлать ничего. Вопр. 14. Имѣя монархию честнаго человѣка, что бы мѣшало взять всеобщимъ правиломъ: удостоиваться ея милостей одними честными дѣлами, а не отваживаться проискивать ихъ обманомъ и коварствомъ? Отв. Для того, что вездѣ, во всякой землѣ, и во всякое время родъ человѣческой совершеннымъ не родится. Вопр. 15. Отъ чего въ прежнія времена шуты, щпыни и балагуры чиновъ не имѣли, а нынче имѣютъ и весьма большіе? Отв. Предки наши не всѣ грамотѣ умѣли. НВ. Сей вопросъ родился отъ свободозвчія, котораго предки наши не имѣли; буде же бы имѣли, то начали бы на вышшняго одного десять преждебывшихъ. Вопр. 19. Отъ чего у насъ начинаются дѣла съ великимъ жаромъ и пылостію, потомъ же оставляются, а перѣдко и совсѣмъ забываются? Отв. По той же причинѣ, по которой человѣкъ старѣется. Вопр. 20. Какъ истребить два сопротивные и оба вреднѣйшіе предразсудки: первый, будто у насъ все дурно, а въ чужихъ краяхъ все хорошо, второй, будто въ чужихъ краяхъ все дурно, а у насъ все хорошо? Отв. Временемъ и званіемъ. Вопр. 21. Въ чемъ состоитъ нашъ національный характеръ? Отв. Въ остромъ и скоромъ понятіи всего, въ образцовомъ послушаніи и въ корени всѣхъ добродѣтелей, отъ Творца человѣку данныхъ (1). На всѣ вопросы, кромѣ 15, Екатерина отвѣча-

(1) Сочин. стр. 203—206.

еть сдержанно и уклончиво; но 15-й вопросъ о шпыняхъ и балаурахъ не могъ не оскорбить ее, потому что въ этомъ вопросѣ прямо ей было высказано, что она приближаетъ къ себѣ и награждаетъ людей недостойныхъ (разумѣлся известный тогда при дворѣ шутикъ, князь Нарышкинъ). За этотъ вопросъ Екатерина обвинила автора въ неприличномъ свободоязычїи. Но всѣ отвѣты были сдѣланы, очевидно, на скоро, чтобы не задерживать на-долго печатанїя самихъ вопросовъ. Съ усиленнымъ вниманїемъ она остановилась на нихъ, какъ мы видѣли, въ Быляхъ и Небылицахъ. Здѣсь она не разбираетъ вопросы отдѣльно каждый, но устами дѣдушки выразила грозное или угрожающее негодованїе противъ свободоязычїя вообще и рѣзко осудила самую склонность возражать и дѣлать вопросы, которые, по ее словамъ, въ старину не любили дѣлать, „ибо съ опыми и мысленно соединены были неприятыя обстоятельства, и каждый, поджавъ хвостъ, отъ оныхъ бѣгалъ“. Чтобы утишить негодованїе императрицы, Фонъ-Визинъ написалъ „Объясненїе“, въ которомъ, признавая себя виновнымъ, онъ говоритъ, что дѣлая вопросы, имѣлъ доброе намѣренїе, но не умѣлъ его выполнить, „не могъ внятно поставить вопросы и дать имъ приличный оборотъ. Это принуждаетъ меня, прибавляетъ онъ, заготовленные еще вопросы отмѣнить не столько для того, чтобы невиннымъ образомъ не быть обвиняемымъ въ свободоязычїи, ибо у меня совѣсть спокойна, сколько для того, чтобы не дать повода другимъ къ дерзкому свободоязычїю, котораго всею душою ненавижу“. Но, отказываясь отъ вопросовъ на будущее время, онъ позволяетъ себѣ выразить государынѣ, съ надеждою на лучшее будущее, благодарность за отвѣтъ на 5-й вопросъ: Отъ чего у насъ тяжущіеся не печатаютъ тяжбы своихъ и рѣшенїй правительства? „Отвѣтъ вашъ, говоритъ онъ, подаетъ надежду, что размноженїе типографїй послужитъ не только къ распространенїю знанїй чловѣческихъ, но и къ подрѣвленїю правосудїя... (способомъ печатанїя тяжбы и рѣшенїй гласъ обиженнаго достигнетъ во всѣ концы отечества. Многие постыдятся дѣлать то, чего дѣлать не страшатся. Всякое дѣло, содержащее въ себѣ судьбу имѣнїя, чести и жизни гражданина, куно съ рѣшенїемъ судившихъ, можетъ быть известно всей безпристрастной публикѣ; воздастся достойная хвала праведнымъ судїямъ; возгнушаются честныя сердца неправдою судей безсовѣстныхъ и алячыхъ“ (1).

Опытъ росїйскаго гословника. При составленїи этого опыта Фонъ-Визинъ руководствовался французскимъ словаремъ

(1) Сочин. 203—206; 209—211.

Жирана (Dictionaire universel de synonymes de la langue française). Объясненія словъ очень умныя и точныя и указываютъ большею частію на настоящій смыслъ словъ. Нѣкоторыя объясненія представляютъ собою хотя краткія, но довольно меткія литературныя характеристики разныхъ свойствъ, достоинствъ и недостатковъ разныхъ людей, какъ напр. объясненія словъ, „добродѣтельный и честный, лѣнивый и праздный, хапжа, пустосвятъ и суевѣръ“ и друг. (1).

Всеобщая придворная грамматика. Хотя Фонъ-Визинъ говоритъ, что идея этого сочиненія совѣмъ новая; но первую мысль о немъ можно находить, по словамъ Виземскаго, еще въ „Истолкованіи личныхъ мѣстоименій“ Сумарокова. Въ грамматикѣ, къ сожалѣнію далеко не оконченной, много веселости и остроумія; много характернаго; но есть также преувеличенія, доходящія до карикатуры (2).

Поученіе въ Духовъ день, говоренное іереемъ Василюмъ. Въ предисловіи къ этому поученію Фонъ-Визинъ говоритъ, что онъ хотѣлъ въ немъ указать образчикъ того, какъ сельскіе священники должны учить простой народъ. Поученіе, дѣйствительно, отличается простотою, которая должна составлять существенную принадлежность сельской проповѣди; но эта простота, къ сожалѣнію, доходитъ до шутовства, которое противно важности церковной проповѣди и лишаетъ ее серьезнаго значенія. Авторъ опустилъ изъ вниманія различіе между театральной сценою и проповѣдью; и написалъ не проповѣдь противъ пьянства, а въ формѣ проповѣди комическую сцену, изображающую, какъ крестьяне упиваются въ праздники. Какъ комическая картинка, поученіе очень характерно, хотя мѣстами карикатурно и грубо (3).

Посланіе къ слугамъ. Оно написано, по сознанію самого Фонъ-Визина, въ молодости, когда онъ пошелъ въ среду вольнодумцевъ, и самъ увлекался вольнодумствомъ. Въ немъ выражается скептическій взглядъ на міръ, по которому все въ мірѣ представляется не дѣломъ премудраго промысла, а дѣломъ простаго случая, и весь міръ исполненнымъ глупости и неразумія. Кучеръ Ванька, разсматривающій все въ мірѣ съ козелъ кареты, говоритъ:

Куда ни обернусь, вездѣ я вижу глупость.
Да сверхъ того еще примѣтилъ я, что свѣтъ

(1) Тамъ же 187—199. (2) Тамъ же 238. (3) Сочин. 212—215.

Столь много времени неправдою живеть,¹⁾
Что нѣтъ уже такихъ кашеевъ на примѣтъ.
Которы бѣ истину запомнили на свѣтъ.
Попы стараются обманывать народъ,
Слуги дворцоваго, дворецкіе господъ.
Другъ друга господа, а знатные бояря
Нерѣдко обмануть хотятъ и Государя.

Что дурень здѣшній свѣтъ, то всякій понимаетъ,
Да для чего онъ есть, того никто не знаетъ.

Другой слуга лакей Петрушка говоритъ:

Весь свѣтъ, мнѣ кажется, ребятская игрушка:
Лишь только надобно подтверже то узнать,
Какъ лучше живучи игрушкой той играть.
Что нужды, хоть потомъ и возьмутъ душу черти,
Лишь только бѣ удалось получше жить до смерти!

Создатель твари всей, себѣ на похвалу,
По свѣту насъ пустилъ, какъ куколь по столу.
Иные рѣзвятся, хохочутъ, пляшутъ, скачутъ,
Другіе морщатся, грустятъ, тоскуютъ, плачутъ.
Вотъ какъ вертится свѣтъ, а для чего онъ такъ,
Не вѣдаетъ того ни умный, ни дуракъ»⁽¹⁾, 17/5.

Къ уму моему. Этотъ отрывокъ, составляетъ, повидимому, подражаніе первой сатирѣ Кантеміра. Подобно Кантеміру, Фонъ Визинъ здѣсь такъ же обращается къ уму своему съ упреками что онъ нападаетъ на людскія глупости и хочетъ ихъ исправить

Но лъзя ль успѣху быть въ намѣренъ такомъ?
Останется дуракъ на вѣки дуракомъ.

Ты хочешь здѣшніе обычаи исправить;
Ты хочешь дураковъ въ Россіи поубавить,
И хочешь убавлять ты ихъ въ такіе дни.
Когда со всѣхъ сторонъ стекаются они,
Когда безъ твоего полезнаго совѣта
Возами ихъ везутъ со всѣхъ предѣловъ свѣта⁽¹⁾.

Письма Фонъ-Визина изъ за границы. Фонъ-Визинъ, какъ указано выше, нѣсколько разъ былъ за границей и въ пѣ- которыхъ мѣстахъ жилъ по долгу. Памятникомъ этой жизни за

(1) Тамъ же 164—167. (2) Тамъ же 168—169.

границей служатъ письма къ роднымъ и графу П. И. Панину. Особенно замѣчательны письма изъ Монпелье, Парижа и Рима въ 1777—1778 годахъ. Въ нихъ чрезвычайно много интересныхъ описаній, замѣтокъ, разсужденій и характеристикъ, показывающихъ въ авторѣ глубокую наблюдательность и тонкій критическій умъ. Особенную черту Фонтъ-Визина, какъ путешественника, составляетъ то, что онъ не увлекается безотчетно, подобно другимъ русскимъ путешественникамъ, заранѣе рѣшившимъ, что за границей непременно все хорошо, но строго, хотя и не всегда справедливо, разбираетъ хорошую и дурную сторону. Въ Монпелье, напр., Фонтъ-Визина поразило то, что „при невѣроятномъ множествѣ способовъ къ просвѣщенію, глубокое невѣжество весьма перѣдко, что оно сопровождается еще и ужаснымъ суевѣріемъ... Впрочемъ тѣ, прибавляетъ онъ, кои предупредили какъ нибудь свергнуть съ себя иго суевѣрія, почти все попали въ другую крайность и заразились новою философіею. Рѣдкаго встрѣчаю, въ комъ бы не примѣтна была которая-нибудь изъ двухъ крайностей, или рабство или наглость разума“. Похваливъ систему французскихъ законовъ, какъ зданіе премудрое, сооруженное многими вѣками и рѣдкими умамъ, онъ въ другомъ письмѣ изъ того же Монпелье говоритъ: „наилучшіе законы не значать ничего, когда исчезъ въ людскихъ сердцахъ первый законъ, первый между людьми союзъ — добрая вѣра. У насъ ея не много, а здѣсь нѣтъ и головою. Вся честность на словахъ, и чѣмъ складнѣе у кого фразы, тѣмъ больше остерегаться должно какого-нибудь обмана... Развращеніе нравовъ дошло до такой степени, что подлый поступокъ не наказывается уже и презрѣніемъ; честнѣйшіе дѣйствительно люди не имѣютъ ни мало твердости отличить бездѣльника отъ честнаго человѣка, считая, что таковая отличность была бы *contre la politesse française* (1). Въ письмахъ изъ Парижа онъ говоритъ: „надобно отречься вовсе отъ общаго смысла и истины, если сказать, что итъ здѣсь весьма много чрезвычайно хорошаго и подражанія достойнаго. Все сіе однакожъ не ослѣпляетъ меня до того, чтобы не видѣть здѣсь столько же или и больше совершенно дурнаго, и такого, отъ чего насъ Боже избави. Словомъ, сравнивая это и другое, осмѣлюсь... чистосердечно признаться, что если кто изъ молодыхъ моихъ согражданъ, имѣющій здравый разумъ, вознегодуетъ, видя въ Россіи злоупотребленія и неустройства, и начнетъ въ сердцѣ своемъ отъ нея отчуждаться, то для обращенія его на должную любовь къ отечеству, пѣтъ вѣрнѣе способа, какъ скорѣе послать его во Францію. Здѣсь, конечно, узнаетъ онъ самымъ опытомъ

(1) Сочин. стр. 325—328.

очень скоро, что всё рассказы о здѣшнемъ совершенствѣ суцая ложь, что люди вездѣ люди, что прямо умный и достойный человекъ вездѣ рѣдокъ, и что въ нашемъ отечествѣ, какъ ни плохо иногда къ немъ бываетъ, можно однако быть столько же счастливу, сколько и во всякой другой землѣ, если совѣсть спокойна и разумъ править воображеніемъ, а не воображеніе разумомъ“⁽¹⁾. „Пребываніе мое въ семь государствъ, говоритъ онъ въ другомъ письмѣ о Фравціи, убавило сильно цѣну его въ моемъ мнѣніи. Я нашель доброе гораздо въ меньшей мѣрѣ, нежели воображалъ; а худое въ такой большой степени, которой и вообразить не могъ“⁽²⁾. „Много пользы приобрѣлъ я отъ путешествія, говоритъ онъ въ письмѣ къ сестрѣ. Кромѣ поправленія здоровья, научился я быть снисходительнѣе къ тѣмъ недостаткамъ, которые оскорбляли меня въ моемъ отечествѣ. Я увидѣлъ, что во всякой землѣ худаго гораздо больше, нежели добраго; что люди вездѣ люди; что умные люди вездѣ рѣдки, что дураковъ вездѣ изобильно, и словомъ, что наша нація ни хуже ни которой и что мы дома можемъ наслаждаться истиннымъ счастіемъ, за которымъ нѣтъ нужды шататься въ чужихъ краяхъ“⁽³⁾. Но, съ другой стороны, нельзя не замѣтить, къ сожалѣнію, что въ описаніи французской жизни Фонъ-Визинъ многое представляетъ уже въ слишкомъ черномъ видѣ и увлекается во многія преувеличенія. Совершенно справедливо, что въ это время Франція находилась въ страшномъ разстройствѣ, и въ этомъ отношеніи рѣзкія обвиненія французскихъ пороковъ и вообще страшной распущенности нравовъ оправдываются страшными фактами послѣдовавшей вскорѣ революціи; но трудно оправдать тѣ рѣзкіе и часто грубые отзывы, какіе Фонъ-Визинъ дѣлаеть о характерѣ французовъ вообще и особенно о Дидро, Даламберѣ и другихъ французскихъ ученыхъ и писателяхъ. Въ ревнителѣ науки и просвѣщенія, какимъ былъ Фонъ-Визинъ, они могутъ быть объяснены только глубокимъ негодованіемъ противъ того ложнаго просвѣщенія, со всѣми его, уже такъ ясно обнаружившимися тогда, гибельными послѣдствіями, какое распространила философія энциклопедистовъ. Съ нимъ, очевидно, произошло тоже самое, что, какъ мы замѣтили, случилось съ императрицей Екатериной, которая послѣ французской революціи также рѣзко стала отзываться о Даламберѣ и Дидро, къ которымъ она сначала выражала глубокое уваженіе. Весьма интересны письма Фонъ-Визина изъ Рима въ 1785 году. Въ нихъ, между прочимъ, весьма характеристично изображеніе папскаго богослуженія Фонъ-Визина, привычнаго дома видѣть простое и скром-

(1) Сочин. 331. (2) Тамъ же 342. (3) Тамъ же 444.

ное служеніе православной церкви, чрезвычайно непріятно поразила пышная театральная обстановка католическаго, особенно папскаго, служенія (1).

Переводныя сочиненія Фонъ-Визина: Басни Гольберга, перев. въ 1761 г.; Альзира или Америкапцы Вольтера, перев. въ 1762 г.; Господина Мевандра мудраго изысканіе о зеркалахъ древнихъ въ 1762 г.; Торгъ семи музъ, изъ Кригеровыхъ словъ; Разсужденіе Ретштейна о приращеніи рисовальнаго художества, съ наставленіемъ въ начальныхъ основаніяхъ оного; Господина Ярта разсужденіе о дѣйствіи и существѣ стихотворства — изъ книги *Magazin français*; Овидіевы превращенія, переводъ, сдѣланный въ 1761—62 гг., не сохранился, указанъ у Рейхеля; Геройская добродѣтель или жизнь Спѣа, царя Египетскаго, Аббата Террасона; Любовь Коринты и Полидора, Бартеlemi (1716—1795); Торгующее дворянство, противоположное дворянству военному, Аббата Куайя; Сидней и Силли, или благодареніе и благодарность, англійская повѣсть въ 1769 году; Иосифъ, поэма въ девяти пѣсняхъ, Витобе въ 1769 г.; Каллисеенъ греческая повѣсть, написана, вѣроятно, въ 70-хъ годахъ; Та-гіо, или великая наука, заключающая въ себѣ высокую китайскую философію, напечат. въ 1801 г. Обманчивая наружность, или человекъ нынѣшняго свѣта, франц. Буасси; О вольности французскаго дворянства и о пользѣ третьяго чина, не издано; Слово похвальное Марку Аврелію, Томаса въ 1777 г.; отрывокъ перевода изъ Иліады; отрывокъ перевода изъ поэмы Геспера „Смерть Авеля“.

Обзоръ сочиненій Фонъ-Визина показываетъ, что, стоя по своему образованію и развитію на уровнѣ своего вѣка, Фонъ-Визинъ глубоко сочувствовалъ всѣмъ лучшимъ его стремленіямъ, не только подавалъ свой голосъ на всѣ возникавшіе въ то время вопросы, но и самъ поднималъ новые вопросы. Онъ всегда ратовалъ за свободу мысли и слова. „Вѣкъ Екатерины II, говоритъ онъ въ письмѣ къ Старолуму, ознаменованъ даровашемъ россиянамъ свободы мыслить и изъясняться. Недоросль мой, между прочимъ, служить тому доказательствомъ, ибо назадъ тому лѣтъ за 30 ваша собственная роль могла ли бы быть представлена и напечатана?... Благодареніе Богу, мы живемъ въ томъ вѣкѣ, въ которомъ чест-

(1) Стр. 489—490.

ный человекъ можетъ мысль свою сказать безобязанно... Екатерина, отверзая пути къ просвѣщенію, сняла съ рукъ писателей оковы и позволила вездѣ охотникамъ заводить вольныя типографіи, дабы умы имѣли повсюду способы выдавать въ свѣтъ свои творенія. И такъ, россійскіе писатели, какое обширное поле предстоить вашимъ дарованіямъ!... Я думаю, что таковая свобода писать, какою пользуются нынѣ россіяне, поставляетъ человекъ съ дарованіемъ, такъ сказать, стражемъ общаго блага. Въ томъ государствѣ, гдѣ писатели наслаждаются дарованною имъ свободою, имѣютъ они долгъ возвысить громкій голосъ свой противъ злоупотребленій и предразсудковъ, вредящихъ отечеству, такъ что человекъ съ дарованіемъ, можетъ въ своей комнатѣ съ перомъ въ рукахъ быть полезнымъ совѣтодателемъ государю, а иногда и спасителемъ согражданъ своихъ и отечества“ (1). Но Фонъ-Визинъ не довольствуется свободой слова литературной, но и поднимаетъ вопросъ о свободѣ мысли и слова въ области политической и административной. Объясняя слабое развитіе краснорѣчія, онъ говоритъ: „мы не имѣемъ тѣхъ народныхъ собраній, кои вити большую дверь къ славѣ отворяютъ и гдѣ побѣда краснорѣчія не пустою хвалою, но претурою, архонціями и консульствами награждается. Демосеенъ и Цицеронъ въ той землѣ, гдѣ даръ краснорѣчія въ однихъ похвальныхъ словахъ ограниченъ, были бы риторы не лучше Максима Тирянина“. Фонъ-Визинъ говоритъ, что и мы могли бы видѣть такихъ же знаменитыхъ ораторовъ, „если бы имѣли мы гдѣ разсуждать о законѣ и податяхъ и гдѣ судить поведенія министровъ, государственнымъ рулемъ управляющихъ“ (2). Объясняя неправосудіе и мздоимство въ судахъ сколько безсовѣстностію, столько же невѣжествомъ судей, онъ требуетъ для чиновниковъ основательнаго образованія въ университетахъ. „И хотѣлъ бы, говоритъ онъ, чтобы въ университетахъ нашихъ преподавалась особенно политическая наука... Разумѣю науку, поучающую насъ правиламъ благочинія, науку коммерческую и науку о государственныхъ доходахъ. Я хотѣлъ бы, чтобы у насъ по симъ предметамъ сочинены были на каждую часть особенныя книжки, по коимъ бы преподавалась въ университетахъ политическая наука. Симъ способомъ будетъ Россія имѣть во всѣхъ частяхъ гражданской службы людей годныхъ и просвѣщенныхъ“ (3). Въ вопросахъ Фонъ-Визина Екатеринбургъ, какъ указано выше, такъже есть нѣсколько весьма важныхъ

(1) Стр. 228—230. (2) Стр. 248—249.

(3) Разговоръ у княгини Халдиной стр. 254.

вопросовъ общественнаго характера, напр., вопросъ: отъ чего тяжущіеся не печатаютъ своихъ тяжбъ и рѣшеній правительства?... Наконецъ, всѣ стремленія Фонъ-Визина отличались разумнымъ патріотизмомъ, въ силу котораго онъ, ратуя за свободу и истинное просвѣщеніе Россіи, старался отклонить ее отъ джепросвѣщенія, рабской подражательности иноземному, и всего, что могло быть вредно для ея благосостоянія.)

Г. Р. Державинъ.

Значеніе Державина въ исторіи русской литературы.

Не только у современниковъ, но и у потомковъ, Державинъ, и какъ поэтъ и какъ общественный дѣятель, пользовался безусловнымъ уваженіемъ. Только въ началѣ 40-хъ годовъ Бѣлинскій первый осмѣлился указать на нѣкоторыя слабыя стороны въ его сочиненіяхъ: на невыдержанность въ цѣломъ ихъ и частностяхъ, преобладаніе дидактики, отсутствіе художественности въ отдѣлѣ и примѣсъ реторики. Но, указывая на эти слабыя стороны, Бѣлинскій въ тоже время говорилъ: „Нечего жалѣть, что Державинъ не былъ поэтомъ художникомъ; лучше подивиться тѣмъ свѣтозарнымъ проблескамъ поэзіи и художественности, которыми такъ часто и такъ ярко вспыхиваетъ дидактическая, по своему преобладающему элементу, поэзія этого могучаго таланта.... Талантъ Державина великъ, но онъ не могъ сдѣлать больше того, что позволили ему его отношенія къ историческому положенію общества въ Россіи.... Богатырь поэзіи, по своему природному таланту, Державинъ, со стороны содержанія и формы своей поэзіи, замѣчательнъ и важенъ для насъ, его соотечественниковъ: мы видимъ въ немъ блестящую зарю нашей поэзіи“⁽¹⁾. Взглядъ на Державина измѣнился въ концѣ 50-хъ годовъ, когда появились въ печати его Записки о своей жизни⁽²⁾. Въ этихъ запискахъ Державинъ съ удивительною откровенностію и наивностію рассказываетъ о всѣхъ фактахъ своей жизни, не исключая и такихъ, которые прямо служатъ къ его осужденію. Развившаяся въ это время съ особенною силою обличительная критика воспользовалась нѣкоторыми изъ этихъ фактовъ, и начала его развѣнчивать. Въ немъ стали отрицать всякое достоинство и находить всякіе недостатки. Но недавно академикъ Я. К. Гротъ въ сво-

(1) Сочиненія Бѣлинскаго, ч. VII, стр. 79—80; 83, 93, 150.

(2) Напечатаны въ Русской Бесѣдѣ 1859 г. кн. I—V.

емъ превосходномъ классическомъ трудѣ⁽¹⁾ совершенно возстановилъ въ исторіи прежнюю репутацію Державина и какъ поэта и какъ общественнаго дѣятеля. „Въ ряду русскихъ людей всѣхъ вѣковъ, говорить Гротъ, онъ всегда останется знаменитымъ историческимъ лицомъ. По силѣ и самобитности таланта онъ былъ, конечно, первымъ русскимъ поэтомъ XVIII в. и однимъ изъ самыхъ крупныхъ представителей поэзіи во всѣ времена и у всѣхъ народовъ..... Очаровывая читателей, онъ пробуждалъ въ нихъ возвышенныя чувства и ставилъ предъ ними идеалы въ живыхъ примѣрахъ отечественныхъ героевъ и сановниковъ, напоминая въ яркихъ образахъ святая истины, вѣчно законы добра и чести... Онъ безспорно отвѣчалъ потребностямъ своего времени, и вотъ въ чемъ, можетъ быть, заключалась одна изъ главныхъ причинъ его необычайнаго успѣха... Конечно, для насъ поэзія Державина

(1) Жизнь Державина, по его сочиненіямъ и письмамъ и по историческимъ документамъ, описанная Я. Гротомъ. Изданіе императорской Академіи наукъ. Сиб. 1880. Это составляетъ VIII-й томъ (съ дополненіями къ нему въ IX-мъ томѣ Сиб. 1883) великольнаго академическаго изданія сочиненій Державина, съ объяснительными примѣчаніями Я. К. Грота, въ девяти огромныхъ томахъ, Санктпетербургъ 1864—1883. Здѣсь указаны и прежнія изданія сочиненій Державина и всѣ замѣчательныя біографіи, изслѣдованія и статьи о немъ. Прежнихъ изданій было восемь; первая часть собранія сочиненій сдѣлана Карамзинымъ въ Москвѣ въ 1797; второе изданіе въ 1808 г.; 4-ре изданія сдѣланы (1831, 1833—34, 1847, 1851) Смирдинымъ, другія Глазуновымъ (1843 г.) съ біографіею Савельева - Ростиславича, Штукинымъ (1845 г.) съ біографіей Полеваго. О жизни и сочиненіяхъ Державина писали: митр. Евгений въ 1-й части Словаря свѣтскихъ писателей, Мерзляковъ въ Трудахъ общ. люб. росс. словесности 1818 г. Кн. Цертелевъ о нравственно философическихъ одахъ Державина въ Благонамѣренномъ 1823 г. Н. Полевой въ Очеркахъ русск. литер. ч. I; Шевыревъ въ Москов. Вѣдом. 1838 г. № 16; Блинскій въ VII томѣ сочиненій; К. Фойхтъ: Рѣчь при открытіи въ Казани памятника Державину. Кромѣ того, нѣкоторыя біографическія свѣдѣнія и критическія замѣчанія есть въ Запискахъ Дмитріева и Храповицкаго, въ Семейной Хроникѣ Аксакова и др. Академикъ Я. К. Гротъ еще съ 1860 г. началъ печатать матеріалы для біографіи Державина (въ Русскомъ Вѣстникѣ 1860 № 7 и 8 и въ Учен. Зап. Академіи наукъ т. 2), которые и вошли въ указанную монографію о Державинѣ. Изслѣдованія Я. К. Грота, обнимающія не только Екатерининскую, но и Александровскую эпохи, и наполненныя множествомъ богатыхъ матеріаловъ для исторіи образованія, науки и литературы въ эти эпохи, служили источникомъ и руководствомъ для нашего изложенія не только о Державинѣ, но и другихъ писателяхъ.

утратила значительную долю своего обаянія; но съ исторической точки зрѣнія мы должны цѣнить его тѣмъ выше, что школьное его образованіе было крайне плохо, что вся обстановка его, съ самаго вступленія въ свѣтъ, была въ рѣзкомъ противорѣчій съ его наклонностями и могла бы подавить ихъ, если бы онѣ были слабѣе... Какъ государственннй человѣкъ, онъ, конечно, не приобрѣлъ значенія для потомства, оставилъ менѣе слѣдовъ своего существованія; но и на этомъ поприщѣ онъ памятенъ по своей энергіи, честности, человѣчности и государственному мужеству“ (1).

Биографическія свѣдѣнія о Державинѣ. Его воспитаніе, образованіе и служебная дѣятельность. Державинъ называетъ себя въ своихъ сочиненіяхъ потомкомъ татарскаго мурзы, Багрима, который въ XV в. въ княженіе Василя Васильевича Темнаго, выѣхалъ изъ Золотой Орды въ Россію. Внукъ этого мурзы, Держава, далъ начало роду и фамиліи Державиныхъ. Уже въ половинѣ XVII в. Державины являютъ владѣльцами помѣстьевъ на берегахъ рѣки Мѣши, по ногайской дорогѣ, верстахъ въ 35 или 40 отъ Казани. Гавріилъ Романовичъ Державинъ родился 3 іюля 1743 г. въ Кармачахъ или Сокурахъ, верстахъ въ 40 отъ Казани. Читать онъ выучился на пятомъ году у матери своей, Оеклы Андреевны, и у одного церковника. Съ малыхъ лѣтъ ему, вмѣстѣ съ отцемъ, привелось странствовать по разнымъ мѣстамъ Россіи, когда отецъ его былъ на службѣ въ Иранскѣ (Вятской губ.), Ставрополѣ (Симб. губ.) и Оренбургѣ. Въ Оренбургѣ, въ школѣ ссыльнаго нѣмца Розе, Державинъ получилъ свое первое образованіе. Розе былъ своего рода Вральманъ Фопъ-Визипа, человѣкъ развратный и жестокой и въ тоже время круглой невѣжда. Не зная грамматики, онъ заставлялъ своихъ учениковъ только затверживать нѣмецкіе вокабулы; но всетаки Державинъ здѣсь научился читать, писать и говорить нѣсколько по нѣмецки. Въ это же время у Державина обнаружилась особенная любовь къ черченію и рисованію перомъ, которая въ послѣдствіи больше всего обратила на него вниманіе учителей и наставниковъ и выдвинула его изъ ряда другихъ учениковъ. Всѣ стѣны его комнаты были оклеены и увѣшаны лубочными картинками, купленными у ходебщиковъ, и его собственными рисунками. По смерти отца, часть родовой собственности Державина была захвачена сосѣдними помѣщиками; мать его должна была вести съ ними продолжительную тяжбу, во время которой

(1) Жизнь Державина стр. 9—10.

испытала много тяжелыхъ хлопотъ и нравственныхъ страданій, посѣщая судей съ своими малолѣтними сыновьями. Простоявъ напрасно по нѣсколько часовъ сряду въ ихъ переднихъ, она часто не могла ничего отъ нихъ добиться и возвращалась домой въ слезахъ. Впечатлѣнія эти глубоко запали въ душу Державина, и онъ въ послѣдствіи выразилъ ихъ въ извѣстныхъ стихахъ въ одѣ „Вельможа“:

«А тамъ вдова стоитъ въ сѣняхъ
И горьки слезы проливаетъ,
Съ груднымъ младенцемъ на рукахъ,
Покрова твоего желаетъ»...⁽¹⁾

Въ своихъ Запискахъ онъ замѣчаетъ, что съ тѣхъ поръ, подобно Руссо, онъ никогда не могъ смотрѣть равнодушно ни на какую несправедливость, особенно на притѣсненіе вдовъ и сиротъ. — Для обученія ариметикѣ и геометріи Державина мать наняла сначала гарнизоннаго школьника Лебедева, а потомъ артиллерійскій юнкера Полежаева; но они сами не знали этихъ наукъ и конечно не могли ничему научить и своего ученика. Въ 1759 г. была открыта первая гимназія въ Казани; Державинъ тотчасъ же былъ отданъ въ эту гимназію. Рассказывая о своемъ ученіи въ гимназіи въ своихъ Запискахъ, Державинъ говоритъ: „Недостатокъ мой исповѣдую въ томъ, что я былъ воспитанъ въ то время и въ тѣхъ предѣлахъ имперіи, куда и когда не проникало еще въ полной мѣрѣ просвѣщеніе наукъ не только на умы народа, но и на то состояніе, къ которому принадлежу. Намъ учили тогда вѣрѣ безъ катихизиса, языкамъ — безъ грамматики, числамъ и измѣренію безъ доказательствъ, музыкѣ безъ нотъ и тому подобное“. (Изъ учителей онъ называетъ, между прочимъ, пастора Гельтергофа, который училъ нѣмецкому языку. Изученіе нѣмецкаго языка, начатое еще въ школѣ Розе, дало въ послѣдствіи Державину возможность познакомиться въ подлинникъ съ сочиненіями Геллерта, Гагедорна, Галлера, Клейста, Гердера и Клопштока. Особенные успѣхи Державинъ оказывалъ въ рисованіи; его чертежи и рисунки перомъ до того нравились директору, что онъ вздумалъ представить ихъ въ 1759—60 г. Шувалову, вмѣстѣ съ чертежами и картами Казанской губерніи отличнѣйшихъ изъ учениковъ своихъ.) Въ гимназіи Державинъ познакомился съ одами Ломоносова, трагедіями Сумарокова, съ переводомъ „Телемака“ и „Аргениды“ Тредьяковскаго, и, подражая имъ, началъ самъ пробовать писать стихи.

⁽¹⁾ Сочиненія Державина I, 631.

Но въ гимназіи Державинъ учился только три года. Въ 1762 г. онъ былъ вызванъ въ Петербургъ на службу въ преображенскій полкъ. Двѣнадцатилѣтняя военная служба въ полку была самымъ печальнымъ и тяжелымъ временемъ во всей жизни Державина, когда ему привелось жить въ грубой и невѣжественной средѣ и испытать тяжкіе тѣлесные труды и нравственное паденіе. Не имѣя другаго пристанища, онъ долженъ былъ жить въ казармахъ, вмѣстѣ съ другими солдатами. При тѣсотѣ и неудобствахъ такого помѣщенія, ему только по ночамъ удавалось читать случайно добываемыя книги и писать стихи. Узнавъ въ немъ человѣка грамотнаго, его товарищи по казармѣ и жены ихъ заставляли его писать письма къ ихъ роднымъ и за это вмѣсто него соглашались отправлять тяжелую очередную работу и службу. Это давало ему нѣсколько свободнаго времени и возможности заниматься чтеніемъ книгъ и сочиненіемъ стиховъ. Но никому, разумѣется, въ это время и въ голову не приходило, что въ лицѣ этого солдата преображенскаго полка готовится знаменитый русскій поэтъ. Къ 3-ей ротѣ этого полка, между прочимъ, принадлежалъ прапорщикъ князь А. А. Козловскій, извѣстный нѣсколькими литературными трудами и потомъ погибшій геройскою смертію въ чесменскомъ бою. Къ этому Козловскому припелъ однажды по дѣламъ службы Державинъ въ то время, когда онъ читалъ въ слухъ какую-то трагедію извѣстному въ то время писателю В. И. Майкову. Отдавъ принесенный приказъ, Державинъ изъ любопытства приостановился въ дверяхъ послушать. „Поди, братецъ служивый, съ Богомъ, сказалъ ему Козловскій; что тебѣ здѣсь попусту звать? вѣдь ты ничего не смыслишь“. И бѣдный поэтъ долженъ былъ смиренно удалиться. Во время отпуски въ Москву въ 1767 г. онъ увлекся въ карточную игру, проигралъ данныя ему матерью на покушку имѣнія деньги, и чтобы отыгратъся, вошелъ въ сношеніе съ игроками шулерами и самъ сдѣлался было шулеромъ. Къ счастью, какъ онъ самъ говоритъ, никакой выигрышъ не служилъ ему въ прокъ, и потому онъ не могъ сердечно прилѣпиться къ игрѣ, а игралъ по нуждѣ. „Когда же не на что было не только играть, но и жить, то, запершись дома, онъ ѣлъ хлѣбъ съ водою и „маралъ стихи“, при слабомъ иногда свѣтѣ полусвѣчной сальной свѣчки, или при сіяніи солнечномъ сквозь щелки затворенныхъ ставней“. Въ 1770 г., когда въ Москвѣ уже началась моровая язва, Державинъ отправился въ Петербургъ. Чтобы избавиться отъ карантина, онъ на заставѣ предъ Петербургомъ, въ присутствіи караульщиковъ, сжегъ находившійся при немъ сундукъ съ бумагами, большую часть которыхъ составляли его юношескіе опыты

въ стихотворствѣ, накопившіеся въ теченіе многихъ лѣтъ, начиная со времени ученія въ Казанской гимназіи.

Трудно сказать, что случилось бы далѣе съ поэтомъ, если бы не явились особенныя обстоятельства, которыя вывели его изъ темной неизвѣстности и проложили путь къ первымъ его успѣхамъ въ службѣ и литературѣ. Въ 1773 г. въ поволжскомъ краѣ разразилась Пугачевщина. Для усмиренія этого страшнаго бунта были назначены Бибииковъ, который взялъ къ себѣ въ комиссію Державина, какъ уроженца Казани и хорошо знавшаго казанскую и оренбургскую сторону. Исполняя разныя порученія Бибиикова въ Казани, Державинъ обратилъ на себя особенное вниманіе тѣмъ, что отъ имени казанскаго дворянства написалъ импер. Екатеринѣ рѣчь въ отвѣтъ на ея рескриптъ дворянству, въ которомъ она, назвавъ себя помѣщицей казанской губерніи, объявила, что, слѣдуя примѣру дворянства, такъ же дастъ по рекруту съ каждаго 200 душъ въ тамошнихъ дворцовыхъ волостяхъ своихъ. Рѣчь эта была тогда же напечатана въ Петербургскихъ Вѣдомостяхъ. Замѣтивъ выдающіяся способности Державина, Бибииковъ отправилъ его въ окрестности Саратова. Исполняя разныя порученія, Державинъ прожилъ здѣсь два года. Здѣсь онъ сочинилъ такъ называемыя читалагайскія оды (отъ горы Читалагай, противъ колоніи Шафгаузенъ), большая часть которыхъ, впрочемъ, состояла изъ перевода стихотвореній Фридриха II. Къ этому же времени относятся нѣсколько и оригинальныхъ стихотвореній Державина: На смерть Бибиикова; На знатность; На день рожденія Ея Величества. Къ эпохѣ же Пугачевщины относятся „Эпистола къ Михельсону“ — начало большаго стихотворенія, въ родѣ эпической поэмы, въ которой онъ хотѣлъ представить картину ужасовъ пугачевщины и воспѣть заслуги главныхъ дѣятелей въ этой борьбѣ и особенно Михельсона. — За службу же свою онъ былъ награжденъ чиномъ коллежскаго совѣтника и 300 душъ въ Бѣлоруссіи.

Въ 1777 г. Державинъ поступилъ на службу въ сенатъ подъ начальство генераль-прокурора Вяземскаго и служилъ здѣсь семь лѣтъ. Самымъ важнымъ дѣломъ Державина во время этой службы въ сенатѣ было составленіе проекта экспедиціи о государственныхъ доходахъ и расходахъ. (Весьма замѣчательно, говоритъ Гротъ, что человѣкъ, такъ мало учившійся, проведеншій столько лѣтъ въ самыхъ неблагопріятныхъ для умственной дѣятельности обстоятельствахъ и такъ недавно вступившій на поприще гражданской службы, могъ въ короткое время достаточно ознакомиться съ законами и положеніемъ финансовой части въ Россіи, чтобы составить такой уставъ. Естественно, что Державинъ гордился въ по-

слѣдствіи этимъ трудомъ⁽¹⁾. Въ домѣ Вяземскаго Державинъ познакомился со многими знатными лицами. Самыми же близкими людьми къ нему въ это время были А. Н. Львовъ, Капнистъ и Хемницеръ. Въ это время Державинъ женился на Екаторинѣ Яковлевнѣ Бастидонѣ (дочери камердинера Петра III, португальца Бастидонъ), которая была молочной сестрой в. к. Павла Петровича, и которую Державинъ воспѣвалъ въ своихъ стихахъ подъ именемъ Шлѣвиры. — Съ 1778 г. Державинъ сдѣлался сотрудникомъ С.-Петербургскаго Вѣстника, который издавалъ Брайко. Здѣсь были напечатаны: двѣ пѣсни Петру В., по случаю постановленія статуи его, сдѣланной Фалконетомъ; въ 1779 г. Эпистола къ Шувалову; На смерть князя Мещерскаго; — Ключъ; На рожденіе порфиророднаго отрока (в. к. Александра Павловича); въ 1780 г. ода на отсутствіе импер. Екаторины въ Бѣлоруссію; Къ первому сосѣду; застольная пѣсня „Кружка“. Сказка Екаторины о царевичѣ Хлорѣ, напечатанная въ 1781 г., подала Державину мысль написать знаменитую „Фелицу“, гдѣ онъ изобразилъ Екаторину и ея приближенныхъ вельможъ. Екаторина наградила его за эту оду золотой табакеркой, въ которую было вложено 500 червонцевъ. Въ благодарность за этотъ подарокъ Державинъ еще написалъ два стихотворенія въ похвалу Екаторины: „Изображеніе Фелицы“ и „Видѣніе мурзы“. Эти оды прославили Державина, но такъ же и вызвали противъ него многихъ завистниковъ и враговъ. Въ числѣ послѣднихъ оказался и князь Вяземскій, подъ начальствомъ котораго онъ служилъ въ сенатѣ. Вяземскій вообще не любилъ поэтовъ и говорилъ, что они не способны заниматься дѣлами; послѣ же Фелицы, гдѣ задѣтъ былъ и его характеръ, онъ еще больше не взлюбилъ Державина, какъ выскочку, своими стихами, безъ его помощи, пробравшагося въ милость къ императрицѣ. Ближайшимъ же поводомъ къ непріязненнымъ отношеніямъ между ними служило личное поведеніе Державина. Во время службы въ сенатѣ, въ Державинѣ вполнѣ стала раскрываться та черта въ его характерѣ, которая была причиной всѣхъ непріятностей и несчастій въ его жизни и которую онъ самъ очень мѣтко выразилъ въ своихъ Запискахъ, сказавши, что онъ „горячъ и въ правдѣ чортъ“. Человѣкъ по своимъ стремленіямъ въ высшей степени честный и справедливый, онъ при своей горячности, часто не могъ разглядѣть справедливую сторону дѣла, не всегда могъ отличить правду отъ неправды, и, стремясь къ правдѣ, нерѣдко поступалъ несправедливо; въ справедливомъ же дѣлѣ не зналъ никакой мѣры, и,

(1) Жизнеописаніе, стр. 248—249.

дѣйствуя рѣзко и запальчиво, вооружалъ противъ себя и противъ дѣла не только своихъ враговъ, но и друзей. Въ 1784 г. онъ долженъ былъ оставить службу въ сенатѣ.

Но Екатерина въ то время была еще не знакома съ этой чертой характера Державина, а знала его только какъ поэта, и хотя сама не любила и не могла писать стиховъ, не считала, однакожъ, поэзію и стихотворство помѣхой къ отправленію должности. Въ томъ же 1784 г. она назначила Державина губернаторомъ въ Олонецкѣ. Но Державинъ не пробылъ и году въ должности губернатора. Онъ не поладилъ съ намѣстникомъ Олонецкимъ, Тутолминнымъ, котораго онъ называетъ въ своихъ Запискахъ надменнымъ, но низкимъ человѣкомъ, угодникомъ случая. Главная же вина заключалась въ томъ, что предѣлы власти намѣстника и губернатора и ихъ взаимныя отношенія не были опредѣлены ясно, а это должно было служить поводомъ къ постояннымъ недоразумѣніямъ, столкновеніямъ и раздорамъ двухъ властей. Впрочемъ, въ краткое время губернаторства, Державинъ успѣлъ обозрѣть нѣкоторыя части губерніи, посѣтилъ кончезерскіе заводы, видѣлъ водопадъ Кивачъ при впаденіи рѣки Суны въ Онежское озеро, который онъ потомъ изобразилъ въ одѣ „Водопадъ“, на смерть Потемкина. На пути къ Соловецкому монастырю, Державина застала страшная буря съ грозою, во время которой онъ чуть не потонулъ; страшныя впечатлѣнія отъ этого случая онъ изобразилъ въ стихотвореніи „Буря“⁽¹⁾. 15 декабря 1785 г. Державинъ былъ переведенъ губернаторомъ въ Тамбовъ. Въ Тамбовѣ онъ такъ же оставался не долго, около трехъ лѣтъ, но въ это время онъ успѣлъ сдѣлать весьма много для устройства города и губерніи, для распространенія образованія и развитія общественной жизни. Онъ открылъ у себя въ домѣ уроки для приходящихъ мальчиковъ и дѣвочекъ, нанявъ учителей для обученія грамотѣ, ариметикѣ и танцованію. Для развитія общественной жизни Державинъ устраивалъ у себя въ домѣ два раза въ недѣлю вечернія собранія съ танцами и концертами. Потомъ въ его же домѣ открылись любительскіе спектакли. По примѣру губернатора, и другіе дворяне стали давать у себя подобныя спектакли, на которыхъ представлялись, между прочимъ, трагедіи Сумарокова и Недоросль Фонъ-Визина. Въ 1787 г. Державинъ испросилъ у намѣстника разрѣшеніе построить въ Тамбовѣ особый театръ. Въ 1788 г. въ Тамбовѣ было открыто первое народное училище; при этомъ Державинъ сочинилъ рѣчь, сказанную однодворцемъ Захарынымъ. Черезъ два мѣсяца, въ память открытія этого учи-

(1) Соч. I, 561.

лица 24 ноября (въ день ангела императрицы) былъ устроенъ въ домѣ Державина (такъ какъ театръ еще не былъ готовъ) спектакль, на которомъ дана была комедія Веревкина: „Такъ и должно“. Но интересъ заключался не въ этой комедіи, а въ томъ прологѣ, представленномъ предъ комедіей, который аллегорически изображалъ главную идею торжества. Въ видѣ дремучаго лѣса было представлено малообразованное тамбовское общество; чтобы разогнать мракъ въ этомъ лѣсу, является просвѣщеніе въ видѣ тенія; орудіемъ просвѣщенія долженъ служить театръ, который олицетворяли Мельпомена и Талія. Геній, приглашая на помощь себя Мельпомену и Талію, говоритъ:

«Гдѣ грубы головы, сердца не смягчены,
Законы кроткіе тамъ тщетно изданы:
Вы умягчайте ихъ игрой своей и тономъ,
И просвѣщенію, наукамъ и законамъ
Подпорой будьте здѣсь».

При этихъ словахъ онъ подаетъ Мельпоменѣ княжаль, а Талію маску. Принимая маску, Талія отвѣчаетъ:

«Я знаю, должность въ чемъ моя.
Подъ ней сокрывшись, я, какъ будто не нарочно,
Все то, что скредно и гнусно и порочно,
И такъ и сякъ ни въ комъ никакъ не потерплю.
Не въ бровь, а въ самый глазъ я страсти уязвлю
И буду только тѣхъ хвалою прославлять,
Кто будетъ нравами благими удивлять,
Себѣ и обществу окажется полезенъ....
Будь баринъ, будь слуга, но будетъ мнѣ любезенъ»⁽¹⁾.

Но особенно много заботливости показалъ Державинъ въ управленіи Тамбовомъ и губерніей. Въ тамбовскихъ архивахъ еще до сихъ поръ сохранилась масса бумагъ, писанныхъ рукою самого Державина; во всемъ онъ показывалъ свое личное непосредственное участіе; вездѣ отражается его заботливость о всѣхъ сторонахъ управленія. Между прочимъ, для сокращенія переписки въ дѣлахъ, онъ учредилъ типографію, которая и была первой типографіей въ Тамбовѣ. — При такой административной дѣятельности, Державину, очевидно, мало оставалось времени заниматься поэзіей; ко времени тамбовскаго губернаторства относятся только три оды: „На смерть графа Румянцева“; „Осень во время осады Очакова“ и „Властителямъ и судіямъ“. Но не столько служебныя

(1) Жизнеописаніе Державина 460—461.

дѣла въ Тамбовѣ отнимали у Державина время заниматься литературой, сколько разныхъ служебныхъ непріятности, которыхъ здѣсь ему привелось испытать еще гораздо больше, чѣмъ въ Олонекѣ. Въ Тамбовѣ онъ также вошелъ въ столкновение съ намѣстникомъ, Гудовичемъ. Гудовичъ, частію по своему легкомыслію и распущенности, частію въ противорѣчіе Державину, защищалъ всѣхъ чиновниковъ, которыхъ преслѣдовалъ Державинъ за взяточничество и другіе противозаконные поступки, принималъ ихъ доносы на Державина и отсылалъ ихъ въ Петербургъ и при своихъ обширныхъ связяхъ въ сенатѣ и при дворѣ успѣлъ довести дѣло до того, что Державинъ въ 1788 г. былъ удаленъ отъ должности губернатора и отданъ подъ судъ, подъ предлогомъ различныхъ будто бы опущеній по службѣ. Дѣло разсматривалось въ сенатѣ въ Москвѣ, куда и Державинъ долженъ былъ явиться для представленія нужныхъ объясненій. Благодаря защитѣ знатныхъ покровителей и въ томъ числѣ Потемкина, Державинъ не былъ осужденъ и по окончаніи суда, чтобы доказать свою невинность предъ самой императрицей подробнымъ объясненіемъ всѣхъ взведенныхъ на него обвиненій, отправился въ Петербургъ. Екатерина, при представленіи ей дѣла Державина, сказала, что она не можетъ обвинить автора „Фелицы“ и даже не стала разсматривать дѣла; но на аудіенціи, которую Державинъ испросилъ себѣ у нея по этому случаю, она спросила его: „Не имѣете ли вы въ нравѣ чего нибудь строптиваго, что ни съ кѣмъ не уживаетесь? — Я началъ службу свою, отвѣчалъ Державинъ, простымъ солдатомъ и самъ собой возвысился до почетнаго чина губернаторства; никто не жаловался на мое управленіе“. — „Но отъ чего же вы неладили съ Тутолминымъ?“ — „Онъ издавалъ свои законы, а я привыкъ исполнять только ваши“. — „Отъ чего вы разошлись съ Вяземскимъ?“ — „Ему не понравилась моя ода Фелицѣ; онъ началъ осмѣивать и притѣснять меня“. — „А какая была причина ссоры вашей съ Гудовичемъ?“ — „Онъ не соблюдалъ Вашихъ интересовъ; въ доказательство могу представить цѣлую книгу, которая со мною“. — „Хорошо, сказала она, послѣ“. — Послѣ, по свидѣтельству Храповицкаго, Екатерина такъ отзывалась объ этомъ разговорѣ: „Я ему сказала, что чинъ чина почитается. Въ третьемъ мѣстѣ не могъ ужиться; надобно искать причинъ въ себѣ самомъ. Онъ горячился и при мнѣ. Пусть пишетъ стихи“ (1). — Приказано было выдать Державину неполученное во время суда жалованье и выдавать его впредь до назначенія на новое мѣсто. Но новаго мѣста ему не давали два года съ половиной, такъ что, соскучивъ

(1) Тамъ же 580.—581.

шись ждать, онъ рѣшился обратиться къ Зубову. Написавъ стихотворную оду Екатеринѣ „Изображеніе Фелицы“, онъ представилъ ее Зубову. Екатеринѣ понравилась ода, и Державину было открытъ доступъ ко двору. Еще болѣе имѣла успѣха ода „На взятіе Измаила“. Императрица пожаловала ему за нее осыпанную брильянтами табакерку въ 2000 рублей, и, увидѣвъ его во дворцѣ, сказала ему: „Я по сіе время не знала, что труба ваша такъ же громка, какъ и лира пріятна“. Въ 1791 г. Потемкинъ далъ Екатеринѣ въ своемъ дворцѣ великолѣпный праздникъ. Державинъ написалъ для этого праздника знаменитую пѣснь:

«Громъ побѣды, раздавайся!
Веселися, храбрый Россѣ!»

которую пѣли во время самаго праздника, а потомъ, по просьбѣ Потемкина, описалъ самый праздникъ. Все это возвратило Державину прежнее расположеніе Екатерины, и она въ 1791 г. назначила его своимъ кабинетъ-секретаремъ. Это была такая должность, на которой, по видимому, никто не могъ повредить Державину; но и на этой должности онъ не могъ долго удержаться; при своей прямотѣ и горячности онъ не могъ угодить Екатеринѣ. „Онъ со всякимъ вздоромъ ко мнѣ лѣзетъ“... „Онъ такъ новъ, что ходить съ дѣлами, до меня не принадлежащими“, жаловалась она Храповицкому. (Дѣйствительно, по нѣкоторымъ дѣламъ Державинъ для доклада привозилъ съ собою въ комнаты императрицы огромныя кипы бумагъ и обременялъ ее чтеніемъ ихъ. Особенно онъ наскучилъ Екатеринѣ своими докладами по двумъ дѣламъ — о бывшемъ генераль-губернаторѣ Якоби, обвинявшемся въ возбужденіи китайцевъ къ войнѣ съ Россіей, и о злоупотребленіяхъ придворнаго банкира Сутерланда. Оба эти дѣла были весьма щекотливыя, такъ какъ въ нихъ были замѣшаны многія знатныя и придворныя лица, особенно дѣло Сутерланда. Поэтому всё уклонялось въ сенатъ отъ разбора этихъ дѣлъ, зная, что и сама Екатерина не желаетъ ихъ строгаго разслѣдованія. Одинъ Державинъ, не боясь никакихъ непріятностей, взялся за нихъ съ обычною своею ревностію. На разсмотрѣніе дѣла Якоби онъ употребилъ цѣлый годъ и явился для доклада о немъ къ императрицѣ съ такими большими кипами бумагъ, что она пришла въ ужасъ. Для чтенія дѣла она приказала ему являться во дворецъ каждый день послѣ обѣда часа на два. Потерявъ терпѣніе заниматься съ нимъ, она нерѣдко отсылала его, и однажды, когда онъ пріѣхалъ въ глухую осень, не смотря на страшную погоду, велѣла сказать ему: „удивляюсь, какъ такая стужа вамъ гортани не захватила“. — Во время доклада о дѣлѣ Сутерланда онъ также

привозилъ множество бумагъ и такъ горячился при объясненіи своихъ мнѣній, что однажды въ забывчивости схватилъ императрицу за конецъ мантильи. Императрица велѣла позвать дожидавагоса въ сосѣдней комнатѣ Попова и сказала ему: „побудь здѣсь, Василій Степановичъ; а то этотъ господинъ много даетъ воли рукамъ своимъ“. Однакоже, какъ всегда великодушная и незлопамятная, Екатерина приказала Державину быть на другой день, приняла его милостиво и даже извинилась, что вчера горячо поступила, промолвя: „ты и самъ горячъ, все споришь со мною“. Державинъ указывалъ Екатеринѣ на законъ и говорилъ, что онъ долженъ исполняться неизмѣнно, а Екатерина часто сообразовалась въ нѣкоторыхъ дѣлахъ съ политикой. Она, замѣчаетъ Державинъ, управляла государствомъ и даже правосудіемъ политически, полагая своимъ вельможамъ, снисходя ихъ слабостямъ. Она часто говаривала: „живи и жить давай другимъ“. При такихъ отношеніяхъ, Державинъ, конечно, не могъ долго оставаться кабинетъ-секретаремъ. Онъ скоро наскучилъ Екатеринѣ какъ своей горячностью и грубой прямою, такъ и строгою и неуклонною правдою. Да и ему самому, при его воззрѣніяхъ, было тяжело и неловко жить въ придворной средѣ. „По догадкамъ Державина, замѣчаетъ Гротъ, неблаговоленіе къ нему Екатерины происходило отъ того, что онъ не могъ болѣе хвалить ее въ стихахъ, хотя она часто выражала ему намеками желаніе, чтобы онъ писалъ оды въ родѣ Фелицы. Онъ сознается, что высокій идеалъ, который прежде издали представлялся ему въ Екатеринѣ, помутился, когда онъ вблизи увидѣлъ ея человѣческія слабости, и не было никакихъ особенныхъ дѣлъ, которыя бы воспламенили его. Много разъ онъ брался за перо, запирался по недѣлѣ дома, но не былъ въ состояніи ничего произвести, чѣмъ бы и самъ могъ быть доволенъ: все выходило слабо, холодно, натянуто, какъ у цеховыхъ стихотворцевъ, у коихъ слышны только слова, а не мысли“ (1). Въ должности кабинетъ-секретаря Державинъ пробылъ менѣе двухъ лѣтъ. Къ этому времени относятся слѣдующія его стихотворенія: „Моя ласточка“ (памяти первой жены); „Мой истуканъ“; „Вельможа“ (ода, передѣланная изъ оды на знатность); „На взятіе Варшавы“; „Приглашеніе къ обѣду“; „На рожденіе царицы Гремиславы“ (Л. А. Нарышкину); „На кончину графа Орлова“ (Федора); „Аѳинейскому вождю“ (А. Орлову); „Памятникъ“. Пользуясь близостію къ императрицѣ, Державинъ горячо заступался за подвергавшихся опалѣ поэтовъ и писателей, Хераскова, Веревкина, Коцебу и др.) Въ 1793 г. онъ былъ назначенъ сена-

(1) Жизнь Державина, 617—626.

торомъ. „Въ Запискахъ своихъ онъ говоритъ, что во все время служенія въ Сенатѣ, онъ, не взирая ни на какія лица и обстоятельства, строго стоялъ за соблюденіе закона и велъ постоянную борьбу со всѣми. Онъ ѣздилъ въ Сенатъ даже по воскресеньямъ и праздникамъ и тамъ наединѣ прочитывалъ кипы бумагъ... Къ сожалѣнію, и здѣсь правдолюбіе и усердіе его выражались въ самыхъ рѣзкихъ, а иногда и грубыхъ формахъ и подавали поводъ къ бурнымъ сценамъ“⁽¹⁾.

По кончинѣ Екатерины въ 1796 г. импер. Павелъ сдѣлалъ Державина правителемъ канцеляріи государственнаго совѣта, но вскорѣ „за необузданность языка“ отослалъ его опять въ сенатъ. Въ 1800 г. Державинъ былъ опредѣленъ президентомъ коммерцъ-коллегіи и въ томъ же году государственнымъ казначеемъ. При импер. Александрѣ I, во время учрежденія министерствъ, въ 1802 г., онъ былъ назначенъ министромъ юстиціи. Это, конечно, былъ самый высшій постъ, какого только могъ достигнуть Державинъ; но этотъ постъ оказался уже совершенно ему не по силамъ. Тогда Державину было уже 60 лѣтъ. Да и время въ политикѣ настало другое, съ такими новыми идеями и стремленіями, съ которыми никакъ не могъ помириться Державинъ. (Разсказывая объ этомъ времени въ своихъ Запискахъ, онъ сознается, что смѣло противорѣча и возражая даже на своихъ докладахъ „сталъ приходить часъ отъ часу у императора въ остуду, а у министровъ во вражду“. Завадовскій говорилъ о Державинѣ: „вовсе голова министра не по мѣсту; школа Аполлона требуетъ воображенія, вѣсы Феиды держатся здравымъ разсудкомъ“. „Въ здоровомъ разсудкѣ, замѣчаетъ при этомъ Гротъ, у Державина не было недостатка, но бѣда была въ томъ, что въ критическія минуты онъ легко уступалъ страстнымъ порывамъ своего пылаго права. Не соглашаясь во многихъ случаяхъ не только съ министрами, но и съ государемъ, Державинъ особенно сильно возсталъ противъ освобожденія крѣпостныхъ крестьянъ. Первымъ шагомъ въ этомъ дѣлѣ, какъ извѣстно, былъ указъ о свободныхъ хлѣбопашцахъ. Узнавъ о немъ, Державинъ немедленно отправился во дворецъ для объясненія съ государемъ. Возраженія его противъ освобожденія крестьянъ были почти тѣже самыя, какія дѣлали и другіе его современники, какъ напр. княгиня Дашкова, И. В. Лопухинъ и др. и какія слышались и въ наше время, при окончательной отмѣнѣ крѣпостнаго состоянія. Это, конечно, при обвиненіи его можетъ служить смягчающимъ обстоятельствомъ; но все же „нельзя не скорбѣть, что пѣвецъ Фелицы, такъ хорошо оцѣнившій чело-

⁽¹⁾ Тамъ же, 649.

въколюбивыя стремленія Екатерины, ея кроткіе законы и учрежденія, не умѣлъ стать выше понятій своего времени, и вмѣсто того, чтобы всѣми средствами своего характера и положенія поддерживать одинъ изъ самыхъ великодушныхъ плановъ Александра, настойчиво противодѣйствовалъ его намѣренію „освободить народъ отъ рабства“ и называлъ эту мысль „предрасудкомъ“ (1). По этому поводу онъ написалъ стихотвореніе „Голубка“, гдѣ проводится та мысль, что крестьянамъ гораздо лучше подъ властію помѣщиковъ, нежели можетъ быть на волѣ“ (2). При постоянныхъ столкновеніяхъ не только съ господствовавшей правительственной партіей, но и съ самимъ императоромъ Державинъ, конечно, не могъ оставаться на службѣ; въ 1803 г. онъ былъ уволенъ отъ должности министра. На аудіенціи по этому случаю государь знаменательно замѣтилъ ему, что онъ „слишкомъ ревностно служить“. Дѣйствительно, Державинъ въ продолженіе всей своей службы, на всѣхъ мѣстахъ отличался необыкновенною ревностію, смѣлой откровенностію, неуклонной прямою и стремленіемъ къ тому, что считалъ справедливымъ. Поэтому напрасно называли его придворнымъ стихотворцемъ. Настоящимъ придворнымъ стихотворцемъ онъ не могъ быть по самой натурѣ своей. Еслибы онъ болѣе дорожилъ внѣшними выгодами, то, конечно, сумѣлъ бы удержаться по крайней мѣрѣ въ милости Екатерины II и императора Александра, къ которымъ былъ близокъ“ (3). — „Прославляя славныхъ людей своего времени, говорить Добролюбовъ, Державинъ дѣлалъ это съ величайшимъ благородствомъ, слѣдуя только влеченію своего сердца, умѣвшаго цѣнить добро“... Если при этомъ въ похвалахъ своихъ Державинъ вдавался часто въ преувеличеніе, льстивыя слова и громкія фразы, то это было совершенно во вкусъ и обычаѣ того времени, и такой гиперболическій приѣмъ въ поэзіи не считался предосудительнымъ; слова въ поэзіи отдѣлялись отъ дѣла въ дѣйствительной жизни. Въ этомъ отношеніи весьма замѣчательно посланіе Державина къ Храповицкому. Оно написано въ отвѣтъ на стихи, въ которыхъ Храповицкій, между прочимъ, говорилъ ему:

„Люблю твои я стихотворства:
 Въ нихъ мало лести и притворства,
 Но иногда—попы лощишь....
 Я твой же стихъ напоминаю

(1) Жизнеописаніе Державина, стр. 822—826.

(2) Сочиненія. II, 391—394.

(3) Жизнеописаніе Державина, стр. 1023

И самъ по истинѣ не знаю,
Зачѣмъ ты такъ, мой другъ, грѣшишь....

Отвѣчая на этотъ упрекъ, Державинъ въ своемъ посланіи сказалъ:

«Извини жъ, мой другъ, коль лестно
Я кого гдѣ воспѣвалъ:
Днесъ скрывать мнѣ тѣхъ безчестно,
Разъ кого я похвалялъ.
За слова—меня пусть гложетъ,
За дѣла—сатирикъ читеть».

Извѣстно, что по поводу послѣднихъ стиховъ Пушкинъ замѣтилъ: „слова поэта суть тѣже дѣла“. Гоголь подтвердилъ это замѣчаніе. Жуковскій же прибавилъ, что „ошибки писателя не извиняются его человѣческими добродѣтелями“. Но Державинъ отдѣляетъ стихотворное слово отъ дѣла, и, сознавая, что въ своихъ стихахъ иногда допускалъ лезть и тѣмъ заслужилъ упрекъ сатирика, говорить, что въ дѣлахъ своихъ остался безукоризненъ т. е. не кривилъ душой изъ угодливости и не измѣвлялъ своимъ обязанностямъ и убѣжденіямъ. Вотъ какъ самъ онъ характеризуетъ себя въ своемъ „Признаніи“:

«Не умѣлъ я притворяться,
На святаго походить,
Важнымъ саномъ надуваться
И философа брать видъ.
Я любилъ чистосердечье,
Думалъ нравиться лишь имъ;
Умъ и сердце человѣче
Были гениемъ моимъ.

.....
Падалъ я, вставалъ въ мой вѣкъ,
Брось, мудрецъ, на гробъ мой камень,
Если ты не человѣкъ»⁽¹⁾.

Послѣдніе 13 лѣтъ своей жизни Державинъ провелъ въ отставкѣ, въ своемъ имѣніи, Званьѣ (Новгор. губ.). Привыкнувъ къ трудамъ съ малыхъ лѣтъ, онъ и въ это время постоянно занимался. Въ 1809—1810 г. онъ составилъ комментарий къ своимъ стихотвореніямъ въ томъ порядкѣ, какъ они были напечатаны. На этотъ комментарий онъ смотрѣлъ, какъ на нѣкоторый отчетъ

(1) Сочиненія II, 646—647.

въ своей литературной дѣятельности (1). Отчетъ же въ своей служебной дѣятельности онъ представилъ въ своихъ „Запискахъ“, которыя онъ, по совѣту Капниста, написалъ въ 1812 г. „Эти „Записки“, говоритъ Гротъ, дошли до насъ въ томъ самомъ видѣ, какъ онѣ вылились изъ подъ пера Державина, при сѣбшней черновой редакціи, со всѣми погрѣшностями и неисправностями горячей первоначальной работы. Вотъ что необходимо имѣть въ виду при оцѣнкѣ его Записокъ и что не было принято въ соображеніе нашей критикой, при появленіи ихъ въ 1859 г. въ Московскомъ журналѣ „Русская Бесѣда“ (2). Въ 1805 г. Державинъ познакомился съ преосвященнымъ Евгеніемъ Болховитиновымъ, который въ это время, будучи старорусскимъ епископомъ и викаріемъ Новгородскимъ, жилъ въ Хутынскомъ монастырѣ и не далеко отъ имѣнія Державина, Званки. Зная греческій языкъ, Евгений переводилъ для Державина Пиндара, напечаталъ въ словарѣ автобіографическую записку Державина, а Державинъ посвятилъ Евгению нѣсколько стихотвореній и между прочимъ обширное стихотвореніе „Жизнь званская“, въ которомъ описалъ свою жизнь въ деревнѣ. Въ 1811 г. Державинъ вмѣстѣ съ А. С. Шишковымъ учредилъ въ Петербургѣ литературное общество, подъ названіемъ „Бесѣда любителей русскаго слова“, и участвовалъ въ изданіи трудовъ этого общества, которые печатались въ журналѣ „Что-нія въ Бесѣдѣ любителей русскаго слова“. Сочувствуя Шишкову, онъ однакоже не былъ заклятымъ врагомъ реформы Карамзина; уважая его и находясь издавна въ дружбѣ съ Дмитріевымъ, не оставался вполнѣ чуждъ и новому направленію современной литературы. Продолжая писать разныя стихотворенія до своей смерти, Державинъ въ послѣднее десятилѣтіе особенно пристрастился къ драматической формѣ и написалъ много трагедій, драмъ, оперъ и легкихъ пѣснь. За годъ до смерти, въ 1815 г. присутствуя на экзаменѣ въ царскосельскомъ лицей, Державинъ увидѣлъ Пушкина, который прочиталъ предъ нимъ приготовленное къ экзамену стихотвореніе: „Воспоминаніе о Царскомъ селѣ“. Это стихотвореніе Пушкина такъ поразило Державина, что, познакомившись вскорѣ съ С. Т. Аксаковымъ, онъ откровенно сказалъ

(1) Въ 1821 г. Остолоповъ сдѣлалъ въ этомъ комментарий разныя измѣненія и издалъ его отъ своего имени подъ заглавіемъ: «Ключъ къ сочиненіямъ Державина». Вторая редакція Комментарія, названная «объясненія къ сочиненіямъ Державина» и писанная г-жею Львовой, была издана также съ измѣненіями въ 1834 г. Во всей точности Комментарій возстановленъ въ III томѣ изданія Грота.

(2) Жизнеописаніе, стр. 899—900.

ему: „Мое время прошло. Теперь ваше время. Теперь многие пишут славные стихи, такие гладкие, что относительно версификации уже ничего не остается желать. Скоро явится свѣту второй Державинъ — это Пушкинъ, который уже въ лицѣ перещеголялъ всѣхъ писателей“. Въ своихъ воспоминаніяхъ Аксаковъ рассказываетъ, что Державинъ часто заставлялъ его читать свои стихотворенія, особенно драматическія, и дѣлаетъ о немъ такой отзывъ за это послѣднее время: „Волканъ потухалъ, но между грудями камней, угля и пепла мелькали иногда свѣтлыя искры прежняго огня. Дарованія драматическаго Державинъ рѣшительно не имѣлъ; у него не было разговора; все была пѣснь; но увь! онъ думалъ, что имѣеть; часто онъ говорилъ мнѣ съ неуваженіемъ о своихъ одахъ и жалѣлъ, что въ самомъ началѣ своего литературнаго поприща не посвятилъ себя исключительно трагедіи и вообще драмѣ“. За три дня до кончины Державинъ началъ стихотвореніе „На тлѣнность“, которое внушила ему висѣвшая въ его кабинетѣ карта „Рѣка времени“, но успѣлъ написать на аспидной доскѣ только слѣдующіе стихи, которые и были его послѣдними стихами:

«Рѣка времени въ своемъ стремленіи

Уносить всѣ дѣла людей,

И топить въ пропасти забвенья

Народы, царства и царей.

А если что и остается

Черезъ звуки лиры и трубы,

То вѣчности жерломъ пожрется

И общей не уйдетъ судьбы».

9 іюня 1816 г. Державинъ скончался. Въ Казани ему поставленъ памятникъ.

Общій характеръ и направленіе поэзіи Державина.

Поэтическую дѣятельность Державина можно раздѣлить на два періода. Къ первому періоду относятся всѣ стихотворенія, написанныя до „Фелицы“, съ которой началась настоящая громкая слава Державина; лучшія изъ нихъ, подготовившія его славу, были: Пѣснь Петру В. (1776), на памятникъ, сдѣланный Фальконетомъ; На рожденіе на сѣверѣ порфиророднаго отрока (Александра I); На смерть князя Мещерскаго (1779); Къ первому сосѣду (1780) и Властителямъ (1780). Ко второму періоду относятся всѣ стихотворенія, написанныя для прославленія Екатерины и ея сподвижниковъ, и послѣ Екатерины при Павлѣ и Александрѣ I. Въ началѣ перваго періода направленіе поэзіи Державина было строго классическое въ томъ видѣ, какъ оно было

утверждено въ русской литературѣ Тредьяковскимъ, Ломоносовымъ и Сумароковымъ. „Правила поэзіи, говоритъ самъ Державинъ, почерпаль я изъ сочиненій Тредьяковскаго, а въ выраженіи и слогѣ старался подражать Ломоносову; но такъ какъ не имѣлъ его таланта, то это и не удавалось мнѣ. Я хотѣлъ парить, но не могъ постоянно выдерживать изящнымъ подборомъ словъ, свойственныхъ одному Ломоносову, великолѣпія и пышности рѣчи. Поэтому, съ 1779 г. избрѣлъ я совершенно особый путь, руководствуясь наставленіями Баттѣ и совѣтами друзей моихъ Н. А. Львова, В. В. Капниста и Хемницера, причемъ наиболѣе подражалъ Горацию“ (1). Почти всѣ эти писатели (кромѣ ровесника Хемницера) были моложе Державина и не имѣли равныхъ ему талантовъ; но за то всѣ они получили гораздо лучшее образованіе и потому могли быть его руководителями. Изъ рукописей Державина видно, что они часто исправляли его сочиненія. Особенно постояннымъ совѣтникомъ и руководителемъ его долго былъ Львовъ, которому Державинъ показывалъ прежде выпуска большую часть своихъ стихотвореній. Къ этимъ совѣтникамъ и руководителямъ въ послѣдствіи присоединился еще Дмитріевъ. Надобно замѣтить, впрочемъ, что Державинъ былъ очень самоувѣренъ и самостоятеленъ, и потому не всегда слушалъ своихъ руководителей, а часто настаивалъ на своемъ: руководство не могло вредить его оригинальности. Всего осязательнѣе вліяніе ихъ обнаружилось въ томъ, что они содѣйствовали къ развитію въ его поэзіи простоты и естественности, которыя составляютъ отличительную черту его произведеній особенно втораго періода. Съ начала 90-хъ годовъ въ одахъ Державина встрѣчаются черты оссиановской поэзіи. Таковы оды: „Водопадъ“, На взятіе Измаила и Варшавы; оды на побѣды Суворова въ Италіи и на переходъ альпійскихъ горъ. Какъ въ молодые годы и въ пору зрѣлости образцомъ для Державина были Ломоносовъ и Гораций, такъ въ старые годы сталъ привлекать его къ себѣ преимущественно Анакреонъ. Подражая Анакреону, Державинъ написалъ весьма много эротическихъ стихотвореній. Наконецъ, на послѣднихъ стихотвореніяхъ Державина отразилось новое литературное направленіе Карамзина. Но, при всѣхъ указанныхъ направленіяхъ, въ поэзіи Державина постоянно и рѣзко выражаются народныя элементы, черты народнаго языка, народной поэзіи и народной жизни. Въ послѣдніе же годы онъ писалъ почти исключительно въ народномъ духѣ.

(1) Жизнеописаніе Грота стр. 275—276.

//Общія начала своей поэзіи Державинъ высказалъ въ своемъ разсужденіи о Лирической поэзіи. Здѣсь онъ, между прочимъ, говоритъ: „Величіе, блескъ и слава міра сего проходятъ; но правда, гремящая въ псалмопѣніяхъ славословіе Всевышнему, пребываетъ и будетъ во вѣки. По сему-то, думаю я, болѣе, а не по чему другому дошли до насъ оды Пиндара и Горація, что и въ первомъ блещутъ искры богопочтенія и наставленія царямъ, а во второмъ — при сладости жизни, правила любомудрія. Въ разсужденіе чего, нравоученіе, кратко, кстати и хорошо сказанное, не только не портитъ высокихъ лирическихъ пѣсней, но даже ихъ и украшаетъ“ (1). „Эти слова, замѣчаетъ Гротъ, объясняютъ намъ тотъ съ одной стороны возвышенный, а съ другой сатирической характеръ, которымъ отличается поэзія Державина. Торжество вѣчнаго и духовнаго надъ преходящимъ и тлѣннымъ — вотъ главная тема ея. // Мысль о поученіи какъ ^{не} одномъ изъ элементовъ поэзіи, конечно, согласовалась съ природнымъ настроеніемъ ума нашего лирика и могла развиться особенно подъ вліяніемъ Горація; другое же требованіе питици Державина — блестящія, живыя картины — какъ нельзя болѣе отвѣчали его богатому воображенію, и мы не можемъ не признать справедливымъ замѣчанія, давно сдѣланнаго нашею критикой, что онъ въ своихъ одахъ является по преимуществу поэтомъ - философомъ и живописцемъ. У него избранная тема служитъ по большей части только поводомъ къ развитію тѣхъ мыслей и картинъ, въ которыхъ заключается настоящее содержаніе его одъ; такъ напр. въ одѣ на смерть князя Мещерскаго лишь нѣсколько стиховъ относятся къ умершему, сущность же стихотворенія составляютъ остальные девять строфъ“ (2).

Такимъ образомъ, дидактизмъ, нравоученіе составляетъ основной элементъ поэзіи Державина; но въ тотъ вѣкъ нравоученіе не могло явиться въ чистомъ своемъ видѣ; его не стали бы слушать. Оно могло быть принято только въ какой-нибудь веселой, забавной или шутливой формѣ. Выше замѣчено, что Еватерина и сама любила писать только въ „улыбательномъ“ духѣ, да и другимъ рекомендовала также веселый стиль; согласно съ этимъ направленіемъ и вообще „умоначертаніемъ“ того вѣка, любившаго жить и говорить весело, и Державинъ самыя высокія и серьезныя истины облакалъ въ шуточную форму, надѣвая на себя шапку татарскаго мурзы или какую-нибудь аллегорическую оде-

(1) Сочин. Державина VII, 569.

(2) Жизнеописаніе Державина, стр. 292.

жду, напр. въ Фелицѣ, въ Одѣ на счастье и др. Впрочемъ, начало такого направленія лежитъ гораздо дальше, не въ русской и даже не въ европейской поэзіи, подъ вліяніемъ которой развивалась русская поэзія, но въ древней римской поэзіи. Только въ Греціи высокій и комическій элементы поэзіи строго отдѣлялись другъ отъ друга, и ода и драма считались совершенно противоположными сатирѣ и комедіи. Въ Римѣ мы видимъ уже соединеніе того и другаго элемента и той и другой формы. Высокій элементъ, явившійся здѣсь въ видѣ дидактики, соединился съ комическимъ въ формѣ сатиры, о которой поэтому и говорилось, что она *ridendo castigat mores*. Это понятіе въ послѣдствіи перенесено было и на другія формы поэзіи, особенно лирической.

У Державина былъ талантъ лирической, и главною формою его поэзіи была ода. Вслѣдствіе указаннаго направленія облакать важное поученіе въ шутивную, забавную форму, въ одѣ Державина рядомъ съ высокими мыслями является элементъ комической или сатирической; она представляетъ въ себѣ смѣшеніе важнаго съ шутивнымъ: она не просто ода, но ода-сатира, соединеніе оды и сатиры. Это составляетъ отличительную черту, отличающую оду Державина отъ оды Ломоносова и его послѣдователей. Фелица, въ которой особенно выразилось это свойство, сдѣлалась образцомъ новой оды и положила начало новому ея направленію, по которому она, спустившись съ классическихъ и миеологическихъ высотъ на обыкновенную земную почву, стала сближаться съ настоящею человѣческою жизнію, сдѣлалась проще и естественнѣе. — Но самую удобною формою для развитія поученія, для выраженія разныхъ высокихъ и важныхъ истинъ, было „посланіе“, заимствованное также изъ Римской поэзіи. Поэтому послѣ оды Державинъ чаще всего писалъ посланія и написалъ ихъ очень много. Кромѣ того, онъ писалъ и въ другихъ родахъ; подъ старость же онъ пристрастился къ драматической формѣ. — Сначала Державинъ помѣщалъ свои стихотворенія въ С.-Петербургскомъ Вѣстникѣ, издав. Брайко, а потомъ въ Собесѣдникѣ любителей русскаго слова, издав. кн. Дашковой; со времени же знакомства съ Карамзинымъ — „въ Московскомъ журналѣ“.

Ода „Богъ“ и другія духовныя стихотворенія Державина. Писать гимны и духовныя оды было въ обыкновеніи у всѣхъ европейскихъ поэтовъ XVIII в. Даже Вольтеръ въ молодости написалъ оду: „Истинный Богъ“. Послѣдуя имъ, и русскіе поэты, начиная съ Ломоносова, писали гимны и оды для прославленія Бога. Но ни одно изъ множества замѣчательныхъ, какъ европейскихъ, такъ и русскихъ, подобнаго рода сочиненій, не приобрѣло такой славы, какъ ода „Богъ“ Державина. У Державина.

вина еще изъ самаго ранняго дѣтства его сохранилось одно воспоминаніе, по которому онъ считалъ себя особенно призваннымъ къ прославленію Бога: мать ему рассказывала, что на другой годъ послѣ его рожденія была комета, и что, глядя на нее, онъ произнесъ первое слово „Богъ“. Самая же идея оды, какъ онъ рассказываетъ, возникла у него въ головѣ во время заутрени въ свѣтлое Христово Воскресеніе въ 1780 г. Пришедши домой, онъ тотчасъ же написалъ первыя строфы оды; по служба и разныя дѣла долго не давали ему времени окончить ее. Уже выпедши въ отставку въ 1784 г., онъ уѣхалъ въ Нарву, и здѣсь, нанявъ на время у одной старухи нѣмки маленькую комнату, въ продолженіи нѣсколькихъ дней писалъ оду. Доказательствомъ, какъ сильно въ это время было возбуждено его воображеніе, можетъ служить разсказъ его объ окончаніи оды. Не дописавъ послѣдней строфы, уже ночью, онъ заснулъ передъ зарею; вдругъ ему показалось, что кругомъ по стѣнамъ бѣгаетъ яркій свѣтъ; слезы ручьями полились у него изъ глазъ; онъ всталъ и при свѣтѣ лампы написалъ послѣднюю строфу:

«Неизъяснимый, Непостижный!

Я знаю, что души моей

Воображеніа безсилны

И тѣни начертать Твоеи;

Но если славословить должно,

То слабымъ смертнымъ невозможно

Тебя ничѣмъ инымъ почитать,

Какъ имъ къ Тебѣ лишь возвышаться.

Въ безмѣрной разности теряться

И благодарны слезы лить».

Ода была напечатана въ XIII книжкѣ Собесѣдника любителей россійскаго слова и произвела всеобщій восторгъ. Ее нѣсколько разъ перепечатавали, выучивали наизусть, переводили на всѣ почти языки, нѣмецкій, французскій, англійскій, итальянскій, испанскій, польскій, чешскій, латинскій и японскій. Въ новое время, какъ извѣстно, стали оспаривать оригинальность оды „Богъ“ и указывая на то, что въ ней есть мысли, встрѣчаемыя въ стихотвореніяхъ Юнга, Галлера и Клопштока, называли ее подражаніемъ. Но, послѣ тщательнаго изслѣдованія Грота, сличившаго оду „Богъ“ со всѣми подобными стихотвореніями, это мнѣніе оказывается совершенно несправедливымъ. „Сравненіе оды Державина, говоритъ онъ, съ другими произведеніями одинаковаго содержанія убѣждаетъ насъ, что это — созданіе совершенно оригинальное въ цѣломъ и сходное съ нѣкоторыми изъ нихъ только въ немногихъ

отдѣльныхъ чертахъ, такъ какъ писатели, разрабатывающіе тотъ же предметъ, не могутъ иногда не встрѣчаться въ однѣхъ мысляхъ. Но сверхъ того, въ частностяхъ ода „Богъ“ представляетъ отголоски чтеній Державина, воспоминанія изъ другихъ, особенно нѣмецкихъ поэтовъ. Подобныя такъ называемыя реминисценціи, большею частію безсознательныя, встрѣчаются у самыхъ замѣчательныхъ поэтовъ и не могутъ почитаться заимствованіями⁽¹⁾. Сущность и достоинство произведенія заключается въ основной его идеѣ, въ общемъ содержаніи, въ главныхъ мысляхъ и образахъ, а не въ нѣкоторыхъ второстепенныхъ отдѣльныхъ чертахъ.

Послѣ воззванія къ Богу, составляющаго первую строфу оды:

«О Ты, пространствомъ безконечный,
Живый въ движеніи вещества,
Теченьемъ времени превѣчный,
Безъ лицъ въ трехъ лицахъ Божества!»

Державинъ изображаетъ безконечность, всемогущество, премудрость, благость и другія свойства божественныя. Весь міръ и самъ человѣкъ являюся ничтожествомъ предъ безконечнымъ совершенствомъ Божіимъ:

«Какъ капля въ море опущенна,
Вся твердь передъ Тобой сія;
Но что мной зримая вселенна?
И что передъ Тобою я?
Въ воздушномъ океанѣ ономъ
Міры умножа миллиономъ
Стократъ другихъ міровъ, и то,
Когда сравнить дерзну съ Тобою,
Лишь будетъ точкою одною,
А я передъ Тобой — ничто».

Но какъ въ каплѣ воды отражается солнце, такъ въ человѣкѣ отразился образъ Божества. Будучи образомъ Божества, человѣкъ перестаетъ быть ничтожествомъ: онъ сознаетъ свое происхожденіе отъ Бога и родство со всеѣмъ божественнымъ, свое высокое положеніе въ мірѣ между другими тварями и увѣренность въ безсмертіи и загробной жизни:

«Частица цѣлой я вселенной,
Поставленъ, мнится мнѣ, въ почтенной

(1) Въ примѣчаніяхъ къ одѣ «Богъ» г. Гротъ указалъ тѣ мѣста ея, въ которыхъ можно признать дѣйствительное вліаніе другихъ поэтовъ. Сочин. Державина. I, 189—194.

Срединѣ естества я той,
Гдѣ кончилъ тварей ты тѣлесныхъ,
Гдѣ началъ ты духовъ небесныхъ
И цѣнь существъ связалъ всѣхъ мной.

Я связь міровъ повсюду сущихъ,
Я крайня степень вещества,
Я средоточіе живущихъ,
Черта начальна Божества.
Я тѣломъ въ прахъ истлѣваю,
Умомъ громамъ повелѣваю,
Я царь — я рабъ, я червь — я Богъ!
Но будучи я столь чудесенъ,
Отколъ произошелъ? — безвѣстенъ.
А самъ собой я быть не могъ.

Твое созданье я, Создатель!
Твоей премудрости я тварь,
Источникъ жизни, благъ податель,
Душа души моей и царь!
Твоей то правдѣ нужно было,
Чтобъ смертну бездну переходило
Мое бессмертно бытіе,
Чтобъ духъ мой въ смертность облачился
И чтобъ чрезъ смерть я возвратился,
Отецъ! въ бессмертіе Твое».

Глубокое лирическое одушевленіе и искренность религіознаго чувства, возвышенныя мысли и блестящія картины природы составляютъ неотъемлемое достоинство оды „Богъ“.

Но высочайшимъ образцомъ духовной поэзіи во всѣ времена считались псалмы царя и пророка Давида. Всѣ поэты писали подражанія псалмамъ, заимствуя изъ нихъ мысли и образы, или же прямо дѣлая переложеніе ихъ въ стихи. Державинъ также любилъ писать такія подражанія и переложенія. Къ нимъ относятся: „Величество Божіе“, стихотвореніе, заимствованное изъ 103 псалма: Благослови, душе моя, Господа; „Доказательство творческаго бытія“, заимствованное изъ 18-го псалма: Небеса повѣдаютъ славу Божію; „Умиленіе“, подражаніе 70-му псалму; „Благодарность“, подражаніе 137 псалму: „Исповѣмся всѣмъ сердцемъ моимъ“; „Провѣдь“, подражаніе 91 псалму: Благо есть исповѣдаться Господеви; „Сѣтованіе“, подражаніе 101 псалму; „Надежда на Бога“, подражаніе 45 псалму: Богъ намъ приближище и сила; „Громъ“ стихотвореніе противъ безбожниковъ; „Желаніе въ горнія“, подражаніе 83-му псалму: О коль возлюбленна селенія твоя, Боже; „Утѣшеніе добрымъ“, заимствовано изъ 36 псалма: Не ревнуй лукавнующимъ; „Покаяніе“, переложеніе 50 псалма: Помилуй мя, Боже; „На тщету земной славы“ (1796), заим-

ствовано изъ 48 псалма; „Властителемъ и судимъ“, заимствовано изъ 81 псалма. Последнее стихотвореніе (написанное въ 1780 г.), какъ извѣстно, послужило въ 1795 г. поводомъ къ осужденію Державина въ яacobинствѣ и негодованію на него Екатерины, такъ что Державинъ долженъ былъ объяснять его смыслъ и оправдывать его сочиненіе. „Проповѣдь священнаго писанія, говорить онъ въ своемъ объясненіи, въ прямомъ разумѣ и съ добрымъ намѣреніемъ вездѣ и никогда не была опасна. Ежели оно въ однихъ мѣстахъ напоминаетъ земнымъ владыкамъ судить людей своихъ въ правду, то въ другихъ съ такою же силою повелѣваетъ народамъ почитать ихъ избранными отъ Бога и повиноваться имъ не только за страхъ, но и за совѣсть. Яcobинцы, поправшіе вѣру и законы, такого рода стиховъ не писали“⁽¹⁾. Державинъ не только не сочувствовалъ революціоннымъ идеямъ, но и прямо и рѣзко осуждалъ ихъ въ своихъ стихотвореніяхъ: „Колесница“ (написан. въ 1793 г. по полученіи въ Петербургѣ извѣстія о убійствѣ Людовика XVI) и „На панихиду Людовика XVI“.—Къ религиознымъ же стихотвореніямъ Державина еще относятся: „Безсмертіе души“ (1785—96); „Молитва“; „Успокоенное невѣріе“, внушенное Державину произведеніями тогдашней нѣмецкой литературы, направленными противъ вольнодумства, и „Гимнъ Богу“, переводъ греческаго гимна, приписываемаго Клеаву. Подъ старость религиозное настроеніе у Державина получило мистическій характеръ. Такимъ характеромъ отличаются: „лироэпическій гимнъ на прогнаніе французовъ“, гдѣ Наполеонъ называется люциферомъ и апокалипсическимъ звѣремъ, а императоръ Александръ — агнцемъ бѣлоруннымъ, и стихотвореніе „Христосъ“, гдѣ къ Кутузову примѣнены слова пророка Давида: „Возстанетъ Михаилъ, князь великій“....

„Фелица“ и другія оды въ честь Екатерины. Въ „Памятникѣ“ и піесѣ „Приношеніе Монархинѣ“, составляющей дополненіе къ „Памятнику“, Державинъ приписываетъ своей поэзии значеніе потому, что, прославляя Бога и поучая царей, онъ въ ней изображаетъ дѣла Екатерины, говорить, что его поэзия будетъ почитаться до тѣхъ поръ и настолько, пока и насколько будутъ почитаться дѣла Екатерины.

«Всякъ будетъ помнить то въ народахъ несчастныхъ,
Какъ изъ безвѣстности я тѣмъ извѣстенъ сталъ,
Что первый я дерзнулъ въ забавномъ русскомъ слогѣ

⁽¹⁾ Сочин. I, 115.

О добродѣтеляхъ Фелицы возгласить,
Въ сердечной простотѣ бесѣдовать о Богѣ
И истину царямъ съ улыбкой говорить»⁽¹⁾.

«Но лира коль моя въ пыли гдѣ будетъ зрима
И древнихъ струнъ ея гдѣ голось прозвенить,
Подъ именемъ твоимъ громка она пребудеть;
Ты славою,—твоимъ я эхомъ буду жить.
Героевъ и пѣвцовъ вселенна не забудеть;
Въ могилахъ буду я, но буду говорить»⁽²⁾.

Позднѣйшая литературная критика признала эту оцѣнку Державина своей поэзіи совершенно справедливою. Бѣлинскій говоритъ, что „поэзія Державина есть прекрасный памятникъ царствованія Екатерины“. — „Когда началась литературная извѣстность Державина, говоритъ Гротъ, прошло уже около 20 лѣтъ съ воцаренія Екатерины: уже давно славился ея Наказъ; учреждены были банки и воспитательные дома; присоединена Бѣлоруссія; заключенъ миръ въ Кучукъ-Кайнарджи; устраивались намѣстничества. Государыня успѣла уже поразить воображеніе своихъ подданныхъ блескомъ славныхъ дѣлъ и внушить имъ довѣріе къ ея мудрости и величію; уже всѣ сознавали кроткій и благотворный духъ ея царствованія. Много было попытокъ воздать ей стихами заслуженную похвалу; но всѣ эти напыщенные оды, не имѣвшія никакого отношенія къ жизни, оставались незамѣченными. Тогда раздался голось поэта, который облекъ въ живое и игривое слово то, что многіе чувствовали, но не умѣли выразить“. Идея „Фелицы“, какъ выше замѣчено, была внушена Державину сказкой Екатерины о царевичѣ Хлорѣ, напечатанной въ 1780 г. Въ этой сказкѣ киргизская царица Фелица помогаетъ царевичу Хлору отыскать розу безъ шиповъ. Державину пришло на мысль изобразить Екатерину подъ именемъ Фелицы, а себя и всѣхъ, окружавшихъ ее вельможъ представить татарскими мурзами. Такъ образовалось начало или первая строфа оды:

«Богopodobная царица
Киргизъ-кайсацкія орды,
Которой мудрость несравненна
Открыла вѣрные слѣды
Царевичу младому Хлору

⁽¹⁾ Сочин. I, 785—788. ⁽²⁾ Сочин. I, 715—717.

Взойти на ту высокую гору,
Гдѣ роза безъ шиповъ растетъ.
Гдѣ добродѣтель обитаетъ!
Она мой духъ и умъ плѣняетъ;
Подай найти ее совѣтъ.
 Подай, Фелица, наставленье,
Какъ пышно и правдиво жить,
Какъ укрощать страстей волненье
И счастливымъ на свѣтѣ быть...

Затѣмъ поэтъ изображаетъ качества Фелицы — Екатерины, ея простоту въ образѣ жизни, ея постоянныя занятія въ тишинѣ кабинета, удаленіе отъ всего страннаго и непохвальнаго:

«Мурзамъ твоимъ не подражая,
Почасту ходишь ты пѣшкомъ,
И пища самая простая
Бываетъ за твоимъ столомъ;
Не дорожа твоимъ покоемъ,
Читаешь, пишешь предъ намомъ
И всѣмъ изъ твоего пера
Блаженство смертнымъ проливаешь».

Въ противоположность такой простой, но въ высшей степени плодотворной жизни Екатерины, Державинъ изображаетъ, описывая будто себя самого, изнѣженную и полную разныхъ причудъ и странностей, разныхъ глупостей и пороковъ жизнь ея придворныхъ вельможъ.

«А я, проспавши до полудня,
Курю табакъ и кофе пью,
Преображая въ праздникъ будни,
Кружу въ химерахъ мысль мою»....
.

Далѣе обрисовываются сибаритъ и мечтатель-чудакъ князь Г. А. Потемкинъ; графъ А. Г. Орловъ, охотникъ до конскихъ скачекъ, любитель русскихъ пѣсень, кулачныхъ боевъ и вообще всякаго молодчества; графъ П. И. Панинъ, любитель псовой охоты; С. К. Нарышкинъ, бывший тогда оберъ-егермейстеръ, который первый завелъ роговую музыку и любилъ съ этой музыкой кататься по Невѣ; князь Вяземскій, любившій читать сказки и романы (онъ же разумѣется подъ Брюзгой, какъ подъ Лѣвтягомъ разумѣется Потемкинъ).

Обрисовавъ въ краткихъ чертахъ роскошную, но лѣживую и распущенную жизнь вельможъ, Державинъ изображаетъ дѣятельную жизнь Екатерины, ея любовь къ литературѣ, ея кро-

тость, челоѡколюбіе, правосудіе и вообще гуманнѡй и кроткѡй характеръ ея царствованія, противопологая его прежнимъ царствованіямъ Анны и Елисаветы.

Тебѣ единой лишь пристойно,
Царевна, свѣтъ изъ тѣмы творить;
Дѣля хаосъ на сферы стройно,
Союзомъ цѣлостъ ихъ крѣпить;
Изъ разногласія согласье
И изъ страстей свирѣпныхъ счастье
Ты можешь только созидать.
Такъ кормщикъ, черезъ понтъ плывущій,
Ловя подъ парусъ вѣтръ ревущій,
Умѣетъ судномъ управлять.

Ты здраво о заслугахъ мыслишь,
Достойнымъ воздаешь ты честь;
Пророкомъ ты того не числишь,
Кто только риемы можетъ плестъ.
А что сія ума забава—
Калифовъ добрыхъ честь и слава,
Снисходишь ты на лирный ладъ:
Поэзія тебѣ любезна,
Пріятна, сладостна, полезна,
Какъ лѣтомъ вкусный лимонадъ.

Слухъ идетъ о твоихъ поступкахъ,
Что ты нимало не горда,
Любезна и въ дѣлахъ и въ шуткахъ,
Пріятна въ дружбѣ и тверда;
Что ты въ напастяхъ равнодушна;
А въ славѣ такъ великодушна,
Что отрекалась и мудрой слыть.
Еще же говорить не ложно,
Что будто завсегда возможно
Тебѣ и правду говорить.

Неслыханное также дѣло,
Достойное тебя одной,
Что будто ты народу смѣло
О всемъ, и въ явь и подъ рукой,
И знать и мыслить позволяешь
И о себѣ не запрещаешь
И быль и небыль говорить;
Что будто самымъ крокодиламъ,
Твоихъ всѣхъ милостей зоиламъ,
Всегда склоняешься простить.

Стыдишься слыть ты тѣмъ великой,
Чтобъ страшной, нелюбимой быть;

Медвѣдицѣ прилично дикой
Животныхъ рвать и кровь ихъ пить.

Фелицы слава—слава Бога,
Который брани усмирилъ,
Который сира и убога
Покрылъ, одѣлъ и накормилъ;
Который окомъ лучезарнымъ
Шутамъ, трусамъ, неблагодарнымъ
И праведнымъ свой свѣтъ дарить,
Равно всѣхъ смертныхъ просвѣщаетъ,
Больныхъ покоить, исцѣляетъ,
Добро лишь для добра творить;
Который даровалъ свободу
Въ чужія области скакать,
Позволилъ своему народу
Сребра и золота искать;
Который воду разрѣшаетъ
И лѣсъ рубить не запрещаетъ;
Велитъ и ткать и прѣсть и шить;
Развязывая умъ и руки,
Велитъ любить торги, науки,
И счастье дома находить»⁽¹⁾.

Прочитавъ Фелицу, Екатерина послала, какъ указано выше, богатый подарокъ Державину и, принявъ его въ Зимнемъ дворцѣ, лично бесѣдовала съ нимъ. Въ благодарность за такое вниманіе Державинъ написалъ оду: „Благодарность Фелицѣ“, замѣчательную поэтическими картинами природы. Онъ общается въ этой одѣ воспѣвать всегда Екатерину: „Когда отъ бреми дѣль случится... свободный часъ имѣть“. Но, приблизивъ Державина къ императрицѣ, Фелица произвела ему много враговъ. Одни вельможи оскорбились намеками, сдѣланными на нихъ въ Фелицѣ; другіе просто завидовали возвышенію Державина; сама Екатерина говорила, что онъ ей льститъ или ужъ черезчуръ хвалитъ. Для оправданія отъ всѣхъ такихъ обвиненій Державинъ написалъ оду: „Видѣніе Мурзы“ (1783 г.). Въ этомъ „Видѣніи“ Екатерина представлена въ томъ видѣ, въ какомъ она была изображена на портретѣ Левицкимъ для графа Безбородко. Какъ богиня, Фелица сонла съ облаковъ и говоритъ поэту:

«Когда
Поэзія не сумасбродство,
Но вышній даръ боговъ, тогда

(1) Соч. I, 129—149.

Сей даръ боговъ лишь къ чести
И къ поученю ихъ путей
Быть долженъ обращенъ, не къ лести
И тлѣнной похвалѣ людей.
Владыки свѣта—люди тѣ же;
Въ нихъ страсти, хоть на нихъ вѣнцы:
Идъ лести ихъ вредить не рѣже,
А гдѣ поэты не льстецы?

Оправдываясь отъ обвиненія въ лести, поэтъ говоритъ:

«Возможно ль, кроткая царевна,
И ты къ мурзѣ чтобъ своему
Была сурова столь и гнѣвна,

Довольно безъ тебя людей,
Довольно безъ тебя поэту
За каждую мысль, за каждый стихъ
Отвѣтствовать лихому свѣту!

Но пусть имъ здѣсь докажетъ Муза,
Что я не изъ числа льстецовъ;
Что сердца моего товаровъ
За деньги я не продаю
И что не изъ чужихъ амбаровъ
Тебѣ наряды я крою.
Но, вѣнценосна добродѣтель!
Не леть я пѣлъ и не мечты,
А то, чему весь мѣръ свидѣтель:
Твои дѣла суть красоты.
Я пѣлъ, пою и пѣть ихъ буду,
И въ шуткахъ правду возвѣщу;
Татарски пѣсни изъ-подъ спуду,
Какъ лучъ, потомству сообщу;
Какъ солнце, какъ луну, поставлю
Твой образъ будущимъ вѣкамъ;
Превознесу тебя, прославлю,
Тобой безсмертенъ буду самъ»⁽¹⁾.

По рѣзкости нѣкоторыхъ выходовъ противъ сильныхъ людей,
„Видѣнне Мурзы“ не могло быть напечатано тогда же; притомъ
оно оставалось долго неоконченнымъ.

„Изображеніе Феллицы“ Державинъ написалъ въ 1789 г.,
когда, какъ выше замѣчено, онъ находился въ удаленіи отъ двора,
послѣ дѣла съ Тамбовскимъ намѣстникомъ, Гудовичемъ. Ода на-

(1) Сочин. I, 157—168.

писана по подражанію извѣстной одѣ Ломоносова, который также въ своей одѣ подражалъ 28-й одѣ Анакреона. Анакреонъ проситъ живописца написать ему портретъ его возлюбленной; подражая ему, Ломоносовъ также проситъ живописца изобразить ему Россію, разумѣя подъ нею императрицу Елисавету. Державинъ, обращаясь къ Рафаэлю, проситъ начертать образъ богоподобной царевны Фелицы:

«Представь въ лицѣ ея геройство,
Въ очахъ величіе души;
Премилосердо, нѣжно свойство
И снисхожденіе напиши;
Не позабудь пріятность въ нравѣ
И кроткій гласъ ея рѣчей;
Во всей изобрази ты славу
Владычицу души моеи!

Припомни, чтобъ она вѣщала
Безчисленнымъ ея ордамъ:
«Я счастья вашего искала—
И въ васъ его нашла я вамъ;
Ставь сами вы себѣ послушны,
Живите, славьтесь въ мой вѣкъ
И будьте столь благополучны,
Колико можетъ человѣкъ.

«Я вамъ даю свободу мыслить
И разумѣть себя, цѣнить,
Не въ рабствѣ, а въ подданствѣ числить
И въ ноги мнѣ челомъ не бить;
Даю вамъ право безъ препоны
Мнѣ ваши нужды представлять,
Читать и знать мои законы,
И въ нихъ ошибки замѣчать.

«Даю вамъ право собираться
И въ думахъ золото копить,
Ко мнѣ послами отправляться
И не всегда меня хвалить;
Даю вамъ право безпристрастно
Въ судьи другъ друга выбирать,
Самимъ дѣла свои всевластно
И начинать и окончать.

«Не воспрещу я стихотворцамъ
Писать и чепуху и лесть,
Халдеямъ, новымъ чудотворцамъ,
Махать съ духами, пить и ѣсть;
Но я во всемъ, что лишь не злобно,
Потщуся равнодушной быть,
Великолѣпно и спокойно
Мои благодѣянья лить».

Въ концѣ оды онъ представляетъ Екатерину молящуюся къ Богу:

«Наставь меня, міровъ Содѣтель,
 Да, воля слѣдуя Твоей,
 Тебя люблю и добродѣтель
 И зижду счастье людей;
 Да вѣкъ мой на дѣла полезны
 И славу ихъ я посвящу,
 Самодержавства скиптръ желѣзный
 Моей щедротой позлащу» (1)!

Надежды, возбужденныя началомъ царствованія Павла I, выразились въ одахъ: „На новый годъ; Къ музѣ; на мальтійскій орденъ“. Возшествіе на престолъ импер. Александра I въ 1801 г. Державинъ встрѣтилъ особенной одой: „Вѣкъ новый, царь молодой прекрасный“... (2). Въ слѣдующемъ году онъ, по подражанію Фелицѣ, написалъ оду „Къ царевичу Хлору“, гдѣ изобразилъ новыя стремленія Александра (3).

Оды и другія стихотворенія Державина, изображающія главныхъ дѣятелей и сотрудниковъ Екатерины. вмѣстѣ съ дѣлами Екатерины, Державинъ изображалъ въ своихъ стихотвореніяхъ и дѣла ея сотрудниковъ на всѣхъ поприщахъ — военномъ, гражданскомъ, просвѣтительномъ и др. Почти во все царствованіе Екатерины „раздавался громъ побѣды“ и славныхъ завоеваній, вызвавшій въ Державинѣ множество торжественныхъ одъ. Изъ этихъ одъ особенно замѣчательны: ода Рѣшмыслу (Потемкину въ 1783); ода На приобрѣтеніе Крыма (1784), написанная вскорѣ по полученіи извѣстія о заключеніи трактата по этому предмету съ Турціею (4); Осень во время осады Очакова (1788); Побѣдителю (1789, Потемкину); На взятіе Измаила (1790); Памятникъ герою (Репнину 1791 г.); Водопадъ (1791); Вельможа (1794 г. Румянцеву); На взятіе Варшавы (1794); На кончину графа Орлова (1796); На покореніе Дербента (1796 г. графу В. А. Зубову); На побѣды въ Италіи Суворова (1799); На переходѣ Альпійскихъ горъ Суворова (1799); „Свигирь“ на кончину Суворова (1800). Въ нихъ изображаются Потемкинъ, Орловъ, Репнинъ, Румянцевъ, Суворовъ. Потемкинъ изображается въ трехъ одахъ: „Рѣшмыслу“, На взятіе Очакова и Измаила и въ Водопадѣ. Какъ сказка о царевичѣ Хлорѣ подала мысль Державину изобразить Екатерину въ образѣ

(1) Сочин. I, 270—299. (2) Тамъ же II, 355. (3) Тамъ же II, 405.

(4) Тамъ же I, 181—186.

киргизской царевны, Фелицы, такъ сказка о царевичѣ Феверѣ, гдѣ подъ именемъ китайскаго воеводы, Рѣшемысла, выведенъ Потемкинъ, послужила поводомъ Державину назвать его Рѣшемысломъ. Обращаясь къ музѣ, Державинъ просить ее воспѣть

«Рѣшемысла,
Великаго вельможу смысла.

Бывали прежде дни такіе,
Что люди самые честные
Страшились близь трона быть,
Любимцевъ царскихъ убѣгали
И не могли тѣхъ змѣй любить,
Которыя ихъ кровь сосали.

А онъ хоть выше всѣхъ главою,
Какъ лавръ цвѣтетъ надъ муравою;
Повсюду всѣмъ бросаетъ тѣнь:
Однимъ онъ милъ, другимъ любезенъ;
Едва прохаживалъ ли день,
Кому бы не былъ онъ полезенъ»⁽¹⁾.

По случаю взятія Очакова 8 декабря 1788 г. Потемкинымъ Державинъ написалъ двѣ оды: „Побѣдителя“⁽²⁾ и „Осень во время осады Очакова“. Последняя ода начинается описаніемъ осени, за которымъ слѣдуетъ превосходная картина наступленія зимы:

«Спустилъ съдой Эоль Борей
Съ цѣпей чугунныхъ изъ пещеръ;
Ужасная криль расширя,
Махнулъ по свѣту богатырь;
Погналъ стадами воздухъ синій,
Сгустилъ туманы въ облака,
Давнулъ—и облака разсѣлись,
Пустился дождь и восшумѣлъ.

Борей на осень хмурить брови
И зиму съ сѣвера зоветъ.
Идетъ съдая чародѣйка,
Косматымъ машетъ рукавомъ,
И снѣгъ и мразъ и иней сыплетъ
И воды претворяетъ въ льды;
Отъ хладнаго ея дыханья
Природы взоръ оцѣпенѣлъ.

На мѣсто радугъ испещренныхъ
Виситъ по небу мгла вокругъ,

(1) Сочин. I, 170—177. (2) Тамъ же I, 231.

А на коврахъ полей зеленыхъ
Лежить разсыпанъ бѣлый пухъ».

Потемкинъ вмѣстѣ съ русскимъ войскомъ изображается въ видѣ „россійскаго Марса“:

«Россійскій только Марсъ, Потемкинъ.
Не ужасается зимы;
По развѣвающимъ знаменамъ
Полковъ, водимыхъ имъ, Орелъ
Надъ древнимъ царствомъ Митридата
Летаетъ и темнитъ луну»⁽¹⁾

При штурмѣ Очакова русское войско оказало чрезвычайное мужество и храбрость; но подвиги при взятіи Измаила затмили собою славу очаковского штурма. Крѣпость стояла упорно и защищалась отчаянно. Вотъ въ какой страшной картинѣ описывается взятіе Измаила Суворовымъ, по приказанію Потемкина:

«Везувій пламя изрыгаетъ;
Столпъ огненный во тмѣ стоитъ;
Багрово зарево сіяетъ;
Дымъ черный клубомъ вверхъ летитъ;
Краснѣетъ понгъ, реветъ громъ ярый,
Ударамъ вслѣдъ звучать удары;
Дрожитъ земля, дождь искръ течетъ;
Клокочуть рѣки ядовитой лавы;
О Россѣ! таковъ твой образъ славы,
Что зрѣлъ подъ Измаиломъ свѣтъ!

.....
Представъ: по свѣтлости лазура,
По наклоненію небесъ,
Взошла чернобагрова буря
И грозно возлегла на лѣсъ,
.....

.....
Представъ послѣдній день природы,
Что пролилася звѣздъ рѣка,
На огонь пошла стѣною воды,
Бугры взвились за облака,
.....

Ни о Потемкинѣ, ни о Суворовѣ въ одѣ не говорится, но въ концѣ оды упоминается объ извѣстномъ проэктѣ, главнымъ

⁽¹⁾ Тамъ же I, 222—223.

виновникомъ и ревнителемъ котораго былъ Потемкинъ. Россіи суждено, говоритъ поэтъ,

«Отмстить крестовые походы,
Очистить Иордански воды,
Священный гробъ освободить,
Аѳинамъ возвратить Аѳину,
Градъ Константиновъ Константину
И миръ Афету водворить»⁽¹⁾.

По случаю взятія Измаила, Потемкинъ далъ великолѣпный праздникъ въ Таврическомъ дворцѣ (28 апрѣля 1791), описаніе котораго потомъ было сдѣлано Державинымъ. Существенную часть праздника составляли четыре хора, написанные также Державинымъ для концерта, кадрили, польскаго и балета. Одинъ изъ этихъ хоровъ получилъ особенную популярность и долго послѣ этого распѣвался по всей Россіи при разныхъ праздникахъ и торжественныхъ случаяхъ. Это извѣстный хоръ, воспѣвающій покореніе Крыма:

«Громъ побѣды, раздавайся!
Веселися, храбрый Россѣ!
Звучной славой украшайся:
Магомета ты потрещъ.
Славься симъ, Екатерина,
Славься нѣжная къ намъ мать»⁽²⁾!

Но особенно превосходно изображенъ Державинымъ въ этомъ описаніи ужинъ послѣ бала въ слѣдующей роскошной картилкѣ:

«Богатая Сибирь, наклоншись надъ столами,
Разсыпала по нимъ и злато и серебро;
Восточный, западный, сѣдые океаны,
Трясяся челами, держали рѣдкихъ рыбъ;
Чернокудрявый лѣсъ и бѣловласы степи,
Украйна, Холмогоръ несли тельцовъ и дичь;
Вѣнчанна класами, хлѣбъ Волга подавала,
Съ плодами сладкими принесъ кошницу Тавръ;
Рифей, нагнувшись, въ топазны, аметистны
Лилъ въ кубки медь златый, дровъ искрометный сокъ,
И съ Дона сладкія и крымски вкусны вина»⁽³⁾.

Казалось, говоритъ поэтъ, вся Россія со всеми своими богатствами, собралась на праздникъ, для угощенія своей государыни.

(1) Тамъ же I, 341—353. (2) Тамъ же I, 396. (3) Тамъ же I, 417.

Но одну из самых оригинальных одъ Державинъ написать на смерть Потемкина; она называется „Водопадомъ“, потому что начинается величественною картиною водопада, изображающаго жизнь человѣческую. Черты для этого водопада сняты Державинымъ съ водопада Кивачъ, видѣннаго имъ въ Олонецкой губерніи (на рѣкѣ Суаѣ, впадающей въ Онежское озеро) въ 1785 г., когда онъ былъ оловецкимъ губернаторомъ.

«Алмазна сыплется гора
Съ высотъ четырема скалами;
Жемчугу бездна и сребра
Кипитъ внизу, бьетъ вверхъ буграми;
Отъ брызговъ синій холмъ стоитъ,
Далече ревъ въ лѣсу гремитъ».

У водопада „на утломъ пнѣ, который свисъ съ утеса горъ на яры воды“, сидитъ престарѣлый воинъ и разсуждаетъ:

«Не жизнь ли человѣковъ намъ
Сей водопадъ изображаетъ?
Онъ также благомъ струй своихъ
Понтъ надменныхъ, кроткихъ, злыхъ.
Не такъ ли съ неба время летяся,
Кипитъ стремленіе страстей,
Честъ блещетъ, слава раздается,
Мелькаетъ счастье нашихъ дней,
Которыхъ красоту и радость
Мрачатъ печали, скорби, старость?
Не зримъ ли всякій день гробовъ,
Съединъ дряхлѣющей вселенной?
Не слышимъ ли въ бою часовъ
Гласъ смерти, двери скрипъ подземной?
Не упадетъ ли въ сей звѣвъ
Съ престола царь и другъ царевъ?»

Самымъ поразительнымъ свидѣтельствомъ непрочности всякаго земнаго величія служитъ судьба Потемкина, который умеръ одинокимъ въ стени на дорогѣ.

Х «Чей трупъ, какъ на распутии мгла,
Лежитъ на темномъ лонѣ ночи?
Простое рубище чресла,
Два лепта покрываютъ очи;
Прижаты къ холодной груди персты,
Уста безмолвствуютъ отверсты!
Чей одръ—земля; кровь—воздухъ синь;
Чертоги—вкругъ пустынный видъ?
Не ты ли счастья, славы сынъ,

Великолѣпный князь Тавриды?

Не ты ли съ высоты честей

Внезапно палъ среди степей?

Не ты ль наперстникомъ близъ трона

У сѣверной Минервы былъ:

Во храмъ музъ другъ Аполлона,

На полъ Марса вождемъ слылъ:

Рѣшитель думъ въ войнѣ и мирѣ,

Могущъ—хотя и не въ порфирѣ?

Не ты ль, который взвѣсить смѣлъ

Мощь Росса, духъ Екатерины,

И, опершись на нихъ, хотѣлъ

Вознестъ твой громъ на тѣ стремнины,

На коихъ древній Римъ стоялъ

И всей вселенной колебалъ?

Се ты отважнѣйшій изъ смертныхъ!

Царящій замыслами умъ!

Не шелъ ты средь путей извѣстныхъ,

Но проложилъ ихъ самъ — и шумъ

Оставилъ по себѣ въ потомки;

Се ты, о чудный вожь Потемкинъ!

Эта поразительная картина произвела въ поэтѣ глубокую скорбь, которая стихаетъ только при мысли о дѣлахъ героев, которыя не умираютъ:

«Героевъ нѣтъ. Но ихъ дѣла
Изъ мрака и вѣковъ блистаютъ;
Негнѣнна память, похвала
И изъ развалинъ вылетаютъ;
Какъ холмы, гробы ихъ цвѣтутъ:
Напишется Потемкинъ трудъ»⁽¹⁾.

Водопадъ, замѣтилъ Бѣлинскій, столько же благородный, какъ и поэтическій подвигъ. Но никто не опредѣлилъ такъ оригинально и мѣтко отличительнаго характера этой оригинальной оды, какъ Гоголь, сказавъ: „въ Водопадѣ, кажется, цѣлая эпопея слилась въ одну стремящуюся оду. Здѣсь предъ Державиннымъ пигмеемъ другіе поэты. Природа тамъ какъ бы высшая пами зримой природы; люди мугучѣе памъ знакомыхъ людей, а наша обыкновенная жизнь, предъ величественною жизнію, тамъ изображенною, только муравейникъ, который гдѣ-то далеко копошится

(1) Сочин. I, 457—488.

внизу“ (1). Изображеніе октябрьской ночи (на 5-е октября), въ которую скончался Потемкинъ, напоминаетъ картину октябрьской ночи въ Шотландіи въ пѣсняхъ Оссіана.

Ода „Памятникъ герою“ написана князю Н. В. Репнину, по случаю его блистательной побѣды надъ турками при Мачинѣ, 28 іюня 1791 г. Прославляя Репнина, Державинъ изображаетъ здѣсь идеаль истиннаго героя:

«Прямой герой страстьми недвижимъ,
Онъ строгъ къ себѣ и благъ ко ближнимъ,
Къ богатствамъ, титламъ, власти, славы
Внутри онъ сердца не приверженъ;
Сокровище его любезно —
Спокойный духъ и чиста совѣсть» (2).

Ода „Вельможа“ написана въ честь Румянцева. Она передѣлана изъ прежде написанной оды „На знатность“ и изображаетъ свойства истиннаго величія въ противоположность ложной знатности.

Въ одѣ „На взятіе Варшавы“ (въ 1794 г.) изображены подвиги Суворова при усмирении польскаго мятежа въ слѣдующихъ чертахъ:

«Пошелъ — и гдѣ тристаты злобы?
Чему коснулся, все сразилъ!
Поля и грады стали гробы;
Шагнулъ — и царство покорилъ!

Черная туча, мрачныя крыла
Съ цѣпи сорвавъ, весь воздухъ покрыла;
Вихрь полуночный, летитъ богатырь!
Тьма отъ чела его, съ посвиста пыль!
Молнии отъ взоровъ бѣгутъ впереди.
Дубы грядою лежатъ позади.
Ступить на горы — горы трещать.
Ляжетъ на воды — воды кипятъ,
Граду коснется — градъ упадетъ,
Башни рукою за облакъ кидаетъ».

Ода написана подъ влияніемъ пѣсень Оссіана. Подобно тому, какъ Оссіанъ изображаетъ своихъ героевъ въ облакахъ, и Дер-

(1) Сочин. и письма III, 441. (2) Сочин. I. 433—434.

жавинъ говоритъ:

«И се — въ небесномъ вертоградѣ
На значныхъ вижу я холмахъ,
Благоуханныхъ роць въ прохладѣ,
Въ прозрачныхъ, радужныхъ шатрахъ,
Предъ сонмами блаженныхъ Россовъ,
Въ бесѣдѣ ихъ вождей, царей,—
Нашъ звучный Пиндаръ, Ломоносовъ
Сидитъ и лирою своей
Безплотный слухъ ихъ утѣшаетъ,
Поетъ безсмертныя дѣла»⁽¹⁾

Точно также подъ вліяніемъ Оссіана написаны и двѣ другія оды Суворову: „На побѣды въ Италіи“ (1799 г.) и „На переходъ альпійскихъ горъ“ (1799 г.). Первая изъ нихъ начинается слѣдующими стихами:

«Ударь во серебряный, священный,
Далеко звонкій, Валка! щить:
Да громъ твой, эхомъ повторенный,
Въ жилищѣ бардовъ восшумитъ»⁽²⁾.

Во второй одѣ упоминается Оссіанъ, „пѣвецъ тумановъ и морей“⁽³⁾. Въ одѣ „Снигирь“, написанной на кончину Суворова, Державинъ кратко и мѣтко очертилъ оригинальный характеръ героя:

«Кто теперь вождь нашъ? кто богатырь?»⁽⁴⁾

.

Не одними громкими побѣдами и завоеваніями былъ славенъ вѣкъ Екатерины; онъ столько же былъ славенъ дѣлами просвѣщенія. Бецкій, Строгановъ и Безбородко были такими же славными меценатами науки и искусства въ Екатерининскую эпоху, какъ Шуваловъ въ Елисаветинскую. Впрочемъ, Шуваловъ хотя сначала царствованія Екатерины долго жилъ за границей и по возвращеніи отсюда въ 1777 г. не имѣлъ прежняго значенія, однакожь до конца своей продолжительной жизни былъ другомъ просвѣщенія. Державинъ, воспитанный въ казанской гимназіи въ то время, какъ Шуваловъ былъ ея кураторомъ, считалъ его своимъ благодѣтелемъ. На возвращеніе его изъ-за границы онъ написалъ эпи-

(1) Тамъ же I, 636—650. (2) Тамъ же II, 270—275.

(3) Тамъ же II, 287. (4) Тамъ же II, 344—348.

столу. По случаю выздоровленія его отъ сильной болѣзни 1781 г. онъ написалъ оду, въ которой прославлялъ его за покровительство наукамъ:

«Живи, наукамъ благодѣтель!
Твоя жизнь ввѣкъ цвѣсти должна!
Не умираетъ добродѣтель:
Безсмертна Музами она!
Безсмертны Музами Церквы,
И меценаты ввѣкъ живутъ:
Подобно память, славы, титлы
Твои, Шуваловъ, не умрутъ.
Великій Петръ къ намъ ввелъ науки,
А дочь его ввела къ намъ вкусъ;
Ты, къ знаньямъ простирая руки,
У ней предстателемъ былъ Музъ.
Досель гремитъ намъ въ Иліадѣ
О Несторахъ, Улиссахъ громъ;
Равно безсмертенъ въ Петріадѣ
Ты Ломоносовымъ перомъ»⁽¹⁾.

Когда Шуваловъ умеръ въ 1797 г. Державинъ написалъ стихотвореніе „Урна“, въ которомъ представляетъ, какъ „въ лазурныхъ высотахъ полки блаженныхъ душъ“, встрѣчая душу мецената, прославляютъ его заслуги просвѣщенію.

Подобно Шувалову, графъ Александръ Сергѣевичъ Строгановъ отличался любовью къ наукамъ и искусствамъ и также заслужилъ названіе русскаго мецената. Въ домѣ его, открытомъ для всѣхъ писателей, была картинная галлерей. Въ саду его загородной дачи была устроена библіотека; всѣ посѣтители сада имѣли право пользоваться ею. При импер. Павлѣ онъ былъ назначенъ президентомъ Академіи Художествъ. Покровительство Строганова наукамъ и искусствамъ Державинъ изобразилъ въ одѣ „Любителю Художествъ“:

«Науки смертныхъ просвѣщаютъ,
Питаютъ, облегчаютъ трудъ;
Художества ихъ украшаютъ
И къ вѣчной славы ихъ ведутъ.
Благополучны тѣ народы,
Которы красотамъ природы
Искусствомъ могутъ подражать,
Какъ пчелы, медъ съ цвѣтовъ собирать!
Блаженъ тотъ мужъ, блаженъ стократно,

(1) Тамъ же I, 120—125.

Кто покровительствуетъ имъ!
Вознаградятъ его обратно,
Онъ безсмертїемъ своимъ⁽¹⁾.

Иванъ Ивановичъ Бецкій (1704—1795) въ теченіе всего царствованія Екатерины былъ главнымъ дѣятелемъ во всѣхъ воспитательныхъ и образовательныхъ учрежденіяхъ. По его идеѣ и плану, какъ выше указано, были устроены воспитательныя и сиротскіе дома въ Москвѣ и Петербургѣ; онъ былъ шефомъ сухопутнаго шляхетнаго кадетскаго корпуса и президентомъ академіи художествъ. Державинъ изобразилъ его благотворную дѣятельность въ одѣ „На кончину благотворителя“.

Возрѣмъ ли зданій на громады,
На храмы Музъ, на храмъ Паллады,
На брегъ, на домъ Петровъ, на садъ:
И камни о тебѣ гласятъ!

Но коль живые монументы,
Краснѣйши памятниковъ сихъ,
Которыхъ сгладить элементы
Не могутъ дланью силъ своихъ,
Я вижу! Вижу въ челоукахъ,
Въ различныхъ состояньяхъ, лѣтахъ,
Ты сколько обязалъ сердецъ!
Коликихъ счастья былъ творецъ!

Лучъ милости былъ, Бецкій, ты!
Кто въ браняхъ лилъ потоки крови,
Кто грады въ прахъ преобращалъ,—
Ты милосердья полнъ, любви,
Спасалъ, хранилъ, училъ, питалъ;
Кто блескъ любилъ,—ты устранился;
Кто богатѣлъ,—ты ущедрялся;
Кто расточалъ,—ты жизнь берегъ;
Кто для себя,—ты жилъ для всѣхъ.

Почій покойно, персть почтенна!
Мірская слава только дымъ;
Небесна истина священна
Надъ гробомъ вопіетъ твоимъ:
„О смертны! добро творите
И души ваши освятите,
Доколѣ не прешли сей свѣтъ:
Безъ добрыхъ дѣлъ блаженства нѣтъ.“⁽²⁾

(1) Тамъ же I, 369. (2) Тамъ же I, 701—708.

Въ ряду стихотвореній, прославляющихъ сподвижниковъ Екатерины, замѣчательна еще піеса „Монументъ Милосердію“ (1805), написанная на память генераль-майора Наумова, который посвѣтовалъ Екатеринѣ отмѣнить пытки (1).

Стихотворенія Державина, изображающія современные нравы. Фортуна была главнымъ божествомъ, которому поклонялись и служили образованные люди всѣхъ классовъ второй половины XVIII в. Стремленія ухватиться за ея колесо и подняться, сколько возможно, выше, добиться крупнаго чина, высокаго и богатаго положенія, которое давало бы возможность проводить все время въ ширяхъ и наслажденіяхъ, и удовлетворять всѣмъ своимъ страстямъ, были главными стремленіями, для которыхъ жертвовали всѣми высшими, умственными и нравственными интересами. Общую характеристику этой эпохи Державинъ сдѣлалъ въ одѣ „На счастье“, составляющей подражаніе частію одѣ Горация *Ad fortunam*, частію одѣ Жанъ-Батиста Руссо *A la fortune*. Обращаясь здѣсь къ богинѣ счастья, онъ говоритъ, что взываетъ къ ней во дни ея полного и всеильнаго господства,

«Въ тѣ дни, какъ все вездѣ въ разгульѣ,
Политика и правосудье,
Умъ, совѣсть и законъ святой
И логика пиры пируютъ,
На карты ставятъ вѣкъ златой,
Судьбами смертныхъ пунтируютъ,
Вселенну въ трантелево гнутъ;
Какъ полюсы, меридіаны,
Науки, музы, боги пьяны,
Всѣ скачутъ, пляшутъ и поютъ;
Въ тѣ дни, какъ всюду Ерихонцы
Не съютъ, но лишь жнутъ червонцы,
Ихъ денегъ куры не клюютъ;
Какъ вкусъ и нравы распестрились,
Весь міръ сталъ полосатый шутъ,
Мартышки въ воздухѣ явились,
По свѣту свѣтять фонари;
Витійствуютъ уранги въ школахъ,
На пышныхъ карточныхъ престолахъ
Сидятъ мишурные цари» (2).

Сама Екатерина любила жить широко, весело и свободно. Любимымъ ея изреченіемъ было: „Живи и жить давай другимъ“.

(1) Тамъ же II, 521. (2) I, 243—249.

Но широкая и роскошная жизнь не только не давала жить другимъ, но и неизбежно происходила на счетъ другихъ, сопровождалась притѣсненіями и раззореніями слабыхъ и бѣдныхъ со стороны сильныхъ и богатыхъ. Поэтому Державинъ въ посланіи къ Л. А. Нарышкину „На рожденіе царицы Гремиславы“ т. е. Екатерины говорить:

«Живи и жить давай другимъ,
Но только не на счетъ другаго;
Всегда доволенъ будь своимъ,
Не трогай ничего чужаго:
Вотъ правило, стезя прямая
Для счастья каждаго и всѣхъ» (1).

Пышной придворной жизни подражалъ каждый богатый и знатный вельможа, который въ столицѣ или въ своемъ помѣстьѣ устраивалъ своего рода дворець, окружалъ его всѣмъ великолѣпнѣмъ и роскошью, заводилъ театр, хоры пѣвчихъ, устраивалъ праздники и пиры. Приемамъ и церемоніямъ столичныхъ властей подражали намѣстники и губернаторы въ провинціяхъ, а намѣстникамъ и губернаторамъ другія власти. Особенно и въ столицѣ и въ провинціяхъ богатые и знатные люди любили щеголять гостепріимствомъ и хлѣбосольствомъ. О Львѣ Александровичѣ Нарышкинѣ рассказываютъ, что каждый дворянинъ хорошаго поведенія, каждый заслуженный офицеръ имѣлъ право быть представленнымъ ему и послѣ могъ хоть ежедневно обѣдать и ужинать въ его домѣ. Литераторовъ, обратившихъ на себя вниманіе публики, остряковъ, людей даровитыхъ, отличныхъ музыкантовъ, художниковъ Нарышкинъ самъ отыскивалъ, чтобы украсить ими свое общество. Въ 9 часовъ утра можно было узнать отъ швейцара, обѣдаетъ ли Л. А. дома, и что будетъ вечеромъ, и послѣ того безъ приглашенія явиться къ нему... Ежедневно столъ накрывался на 50 и болѣе особъ. Являлись гости, изъ числа которыхъ хозяинъ многихъ не зналъ по фамиліи, а всѣ принимаемы были съ одинаковымъ радушіемъ. Тоже самое рассказываютъ и о графѣ А. С. Строгановѣ. Любили задавать роскошные пиры и угощенія князь Мещерскій и другъ его Перфильевъ, графъ Безбородко и др. (2). Картины этой жизни парисованы во многихъ стихотвореніяхъ, но преимущественно въ одахъ: „На счастье“, „На знатность“, „Вельможа“, „Приглашеніе къ обѣду“, „Къ пер-

(1) I, 729. (2) Сочин. Державина I, 730—732.

вому и второму сосѣду“. Вотъ одна изъ такихъ картинъ въ одѣ „Вельможа“:

«А ты, второй Сарданапалъ!
Къ чему стремишь всѣхъ мыслей бѣги?
На толь, чтобъ вѣкъ твой протекалъ
Средь игръ, средь праздности и нѣги?
Чтобъ пурпуръ, злато всюду взоръ
Въ твоихъ чертогахъ восхищали,
Картины въ зеркалахъ дышали,
Мусія, мраморъ и фарфоръ?»

На то ль тебѣ пространный свѣтъ,
Простерши раболѣпны дани,
На прихотливый твой обѣдъ
Вкуснѣйшихъ яствъ приносить дани,
Токай густое льеть вино,
Левантъ — съ звѣздами кофе жирный,
Чтобъ не хотѣлъ за трудъ всемірный
Мгновенье бросить ты одно?

Тамъ воды въ просѣкахъ текутъ
И, съ шумомъ вверхъ стремясь, сверкаютъ,
Тамъ розы средь зимы цвѣтутъ,
И въ рощахъ нимфы воспѣваютъ,
На толь, чтобы на все взиралъ
Ты окомъ мрачнымъ, равнодушнымъ,
Средь радостей казался скучнымъ
И въ пресыщеніи зѣвалъ»⁽¹⁾?

Въ противоположность такой изнѣженной, роскошной и суетливой жизни, посреди праздниковъ, пировъ, обѣдовъ и ужиновъ, Державинъ рисуетъ плѣнительный идеалъ благочестивой семейной жизни въ одѣ „Счастливое семейство“, составляющей подражаніе 127 псалму.

«Блаженъ, кто Господа боится
И по путямъ Его идетъ!
Своимъ достаткомъ насладится
И въ благоденствѣ поживетъ.

Въ дому его нѣтъ ссоръ, разврата,
Но миръ покой и тишина:
Какъ маслина плодомъ богата,
Красой и нравами — жена.

Какъ розы, кисти винограда
Румянцемъ веселятъ своимъ,
Его благословенны чада
Такъ милы вокругъ трапезы съ нимъ»⁽²⁾.

(1) Сочин. I, 629—633. (2) Тамъ же I, 107—108.

Въ одѣ „Похвала сельской жизни“, по подражанію Горацию, онъ рисуетъ идеаль простой семейной жизни ⁽¹⁾, или въ одѣ „На умѣренность“, идеаль вообще скромной умѣренности и золотой середины во всякомъ состояніи:

«Завиденъ тотъ лишь состоянсьемъ,
Кто среднею стезей идетъ.
Ни блажь не восхищенъ мечтансьемъ,
Ни тмой не ужааемъ бѣлъ;
Умѣренъ въ хижинѣ, чертогѣ,
Равенъ въ покоѣ и тревогѣ;
Собрать не ачуетъ миллионъ,
Не скалится на жирный столъ,
Не требуетъ ни чьихъ поклонъ
И не мощитъ ни чей самъ полъ;
Не вьется въ душу къ царску другу,
Не ловитъ тайствъ и не льститъ,
Готовъ на трудъ и на услугу
И добродѣтель токмо чтить.
Хотя и царь его ласкаетъ,
Онъ носа вверхъ не поднимаетъ» ⁽²⁾.

Но чаще всего Державинъ, при изображеніи современной жизни, любилъ указывать на тлѣнность земныхъ благъ, на скоропроходимость и обманъ земныхъ наслажденій и удовольствій, на краткость жизни и неизбѣжность смерти, вообще отъ временнаго и тлѣннаго міра переносить мысль современниковъ къ вѣчной жизни, указывая, что можетъ приготовить человѣка къ этой жизни. Мы видѣли, какую поразительную картину противоположности между великолѣпіемъ и пышностію человѣка при жизни, и его бѣдностію и ничтожествомъ по смерти онъ нарисовалъ въ Водопадѣ, по случаю внезапной смерти Потемкина.

«Гдѣ слава? гдѣ великолѣпье?
Гдѣ ты, о сильный человѣкъ?
Маѳусаила долголѣтье
Лишь было бѣ сонъ, лишь тѣнь нашъ вѣкъ:
Вся наша жизнь не что иное,
Какъ лишь мечтаніе пустое...
Цль вѣтъ! — тяжелый вѣкій шаръ,
На вѣжномъ волосѣ висящій,
Въ который бурь, громовъ ударъ
И молніи небесъ ярящи
Отсюду безпрестанно бьютъ
И, ахъ! зефиръ легки рвутъ» ⁽³⁾.

⁽¹⁾ Тамъ же II, 165—171. ⁽²⁾ Тамъ же I, 489—499.

⁽³⁾ Тамъ же I, 482—483.

Въ одѣ на смерть князя Мещерскаго, который любилъ давать роскошные пиры и скончался также неожиданно, опъ говорить:

«Сынъ роскоши, прохлада и нѣтъ,
Куда Мещерскій ты сокрылся?

Утѣхи, радость и любовь
Гдѣ купно съ здравіемъ блистали,
У всѣхъ тамъ цѣпенѣтъ кровь
И духъ мятется отъ печали.
Гдѣ столъ былъ яствъ, тамъ гробъ стоитъ;
Гдѣ пиршествъ раздавались клики,
Надгробные тамъ воютъ дики...
И блѣдна Смерть на всѣхъ глядитъ.
Глядитъ на всѣхъ— и на царей,
Кому въ державу тѣсны міры;
Глядитъ на пышныхъ богачей,
Что въ златѣ и сребрѣ кумиры;
Глядитъ на прелесть и красоты,
Глядитъ на разумъ возвышенный,
Глядитъ на силы дерзновенны
И точить лезвее косы»⁽¹⁾.

Нажившій огромное состояніе, управитель Потемкина, Гарновскій, подлѣ дома Державина, построилъ великолѣпный домъ, похожій на дворець. Державинъ, въ одѣ „Ко второму сосѣду“, указываетъ ему на непрочность земнаго счастья и человѣческихъ замысловъ.

«Кто вѣсть, что рокъ готовитъ намъ?
Быть можетъ, что сіи чертоги,
Назначенны тобою царямъ,
Жестоки времена и строги
Во стоила конски обратять.

Надежнѣй гроба дома нѣтъ:
Богатымъ онъ отъ отверсть и бѣднымъ,
И царь и рабъ въ него придетъ;
Къ чему жъ съ столь рвеніемъ ты безмѣрнымъ
Свой постоянный строишь дворъ?

Любовь гражданъ и слава намъ
Лишь воздвигаютъ прочны дома:
Они, подобно небесамъ,

⁽¹⁾ Тамъ же I, 87—94.

Стоять и презирають громы.
Зри, хижина Петра доднесь,
Какъ храмъ, нетлѣнна средь столицы!
Святъ домъ, подъ кой народъ гробницы
Матвѣву принесъ» (1)!

Изображая непрочность всего пышнаго, шумнаго, Державинъ указываетъ на то, что составляетъ прочную славу человѣка, на тѣ дѣла, которыя, дѣйствительно, возвышаютъ человѣка, и рисуется идеаль истиннаго величія и достоинства человѣческаго. Изображая въ указанной выше одѣ „Памятникъ герою“, достоинства князя Репнина, онъ рисуется образъ истиннаго героя вообще, на какомъ бы поприщѣ онъ ни дѣйствовалъ:

«Всѣми ль гдѣ, мечемъ ли править,
Ни тамъ, ни тутъ онъ не лукавитъ,
Его царь—долгъ, его богъ—правда,
Лишь имъ онъ жертвуетъ собою» (2).

Въ одѣ „Вельможа“, въ противоположность гордости, чванству, лѣности, извѣженности вельможъ, онъ рисуется идеаль истиннаго величія и истинной знатности:

«Кумиръ, поставленный въ позоръ,
Несмысленную чернь прельщаетъ;
Но коль художниковъ въ немъ взоръ
Прямыхъ красоть не ощущаетъ:
Се образъ ложныя молвы,
Се глыба грязи позлащенной!
И вы, безъ благодсти душевной,
Не всѣ ль, вельможи, таковы?

Оставя скипетръ, тронъ, чертогъ,
Бывъ странникомъ, въ пыли и въ потъ,
Великій Петръ, какъ нѣкій богъ,
Блисталъ величествомъ въ работѣ:
Почтенъ и въ рубищѣ герой!
Екатерина въ низкой долѣ
И не на царскомъ бы престолѣ
Была великою женой.

Чтѣ наше благородство, честь,
Какъ не изящности душевны?
Я князь—коль мой сіяетъ духъ;

(1) Тамъ же I, 440—443. (2) I, 433—434.

Владѣлецъ—коль страстьми владѣю;
Боляринъ—коль за всѣхъ болѣю,
Царю, закону, церкви другъ.

Вельможу должны составлять
Умъ здравый, сердце просвѣщенно;
Собой примѣръ онъ долженъ дать,
Что званіе его священо,
Что онъ орудіе власти есть,
Подпора царственнаго зданья.
Вся мысль его, слова, дѣянья
Должны быть—польза, слава, честь»⁽¹⁾.

Отъ этого идеала истинной знатности поэтъ обращается къ современнымъ вельможамъ и изображаетъ ихъ гордость, чванство, лѣнь, изнѣженную и распущенную жизнь, ихъ жестокость и грубость къ окружающимъ ихъ людямъ. Вельможѣ, который вѣжится на постели, онъ говорить:

«А тамъ израненный герой,
Какъ лунь во браняхъ посѣдѣвший,
Начальникъ прежде бывшій твой,
Въ переднюю къ тебѣ пришедшій
Принять по службѣ твоей приказъ,
Межъ челядью твоею златою,
Поникнувъ лавровой главою,
Сидитъ и ждетъ тебя ужъ часъ!

А тамъ — вдова стоитъ въ сѣняхъ
И горьки слезы проливаетъ,
Съ груднымъ младенцемъ на рукахъ
Покрова твоего желаетъ:
За выгоды твои, за честь
Она лишилася супруга;
Въ тебѣ его знавъ прежде друга,
Пришла мольбу свою принести.

А тамъ — на лѣстничный восходъ
Прибрелъ на костыляхъ согбенный,
Безстрашный, старый воинъ тотъ,
Тремя медалями украшенный,
Котораго въ бою рука
Избавила тебя отъ смерти:
Онъ хочетъ руку ту простерти
Для хлѣба отъ тебя куска.

А тамъ — гдѣ жирный песь лежитъ,
Гордится вратникъ галунами,—
Займодавецъ полкъ стоитъ,
Къ тебѣ пришедшихъ за долгами»⁽²⁾.

(1) I, 622—629. (2) Тамъ же I, 630—632.

Такимъ образомъ, какое бы положеніе ни занималъ человѣкъ въ обществѣ, какого бы чина, званія и состоянія ни былъ, онъ прежде всего долженъ быть истиннымъ человѣкомъ, всегда и вездѣ блюсти человѣческое достоинство и быть поборникомъ истины и правды. Въ піесѣ „На рожденіе въ сѣверѣ порфиророднаго отрока“ (1779 г.), т. е. В. К. Александра Павловича, онъ говоритъ:

«Будь страстей твоихъ владѣтель,
Будь на тронѣ человѣкъ»⁽¹⁾

По случаю введенія въ Сенатъ Александра Павловича въ 1799 г. онъ переложилъ въ стихи 71 псаломъ: Боже, судъ твой царевнѣ даждь и правду твою сыну цареву⁽²⁾.... Идея правды—основная идея, которую Державинъ постоянно проводитъ въ своихъ сочиненіяхъ и которой онъ хотѣлъ слѣдовать въ своей жизни. Въ піесѣ „Мой истуканъ“, перебирая разные роды славы, онъ отказывается отъ всякой громкой славы и говоритъ:

«Мнѣ добрая пріятна слава;
Хочу я человѣкомъ быть,
Котораго страстей отравя
Безсильна сердце развратить;
Кого ни мзда не ослѣпляетъ,
Ни санъ, ни месть, ни блескъ порфиръ;
Кого лишь правда научаетъ,
Любя себя, любить весь міръ
Любовью мудрой, просвѣщенной,
По добродѣтели священной»⁽³⁾.

Посланія Державина. Почти всѣ оды Державина имѣютъ дидактическій или поучительный характеръ. Изображаемыя въ нихъ лица и событія служатъ часто только внѣшнимъ поводомъ къ развитію разныхъ философскихъ и нравственныхъ истинъ. Поэтому большую часть его одъ и называли въ риторикахъ нравственно-философскими, или дидактическими. Но особенно такимъ характеромъ отличаются его посланія къ разнымъ лицамъ. Таковы посланія къ Шувалову, Нарышкину, Храповицкому, Капнисту, Львову, Тончию, Оленину, преосв. Евгенію, атаману Платову. Кромѣ характеристики тѣхъ лицъ, къ которымъ они написаны, и общаго настроенія той эпохи, они содержатъ въ себѣ и много чертъ для характеристики самого Державина.

(1) I, 84. (2) II, 311—315. (3) I, 611—612.

Анакреонтическія стихотворенія. Особый большой отдѣлъ составляютъ такъ пазываемыя анакреонтическія стихотворенія Державина. Державинъ самъ не зналъ древнихъ языковъ; какъ Горацию въ одахъ и посланіяхъ онъ подражалъ по переводамъ Капниста, такъ и съ пѣснями Анакреона онъ познакомился по переводамъ и изданіямъ Львова, Эмина и Мартынова. Впрочемъ, подъ анакреонтическими стихотвореніями у Державина разумѣются не тѣ только, которыя внушены Анакреономъ, или составляютъ подражаніе пѣснямъ Анакреона, или пѣснямъ другихъ поэтовъ, древнихъ и новыхъ, написаннымъ по подражанію Анакреону, но стихотворенія самаго разнообразнаго содержанія, веселаго и легкаго и преимущественно эротическаго характера. Между ними помѣщались подражанія Пѣсни пѣсней Соломона, Сафо, Платону, Діонисію Сиракузскому, Горацию, Петраркѣ и народнымъ пѣснямъ. Во всѣхъ такихъ стихотвореніяхъ господствуетъ эпикурейскій взглядъ на жизнь, который былъ преобладающимъ въ тогдашнемъ богатомъ и знатномъ обществѣ и противъ котораго въ другихъ стихотвореніяхъ, какъ мы видѣли, сильно возставалъ самъ Державинъ. Полнѣе, чѣмъ въ другихъ, этотъ взглядъ выраженъ въ пѣсѣ „Аристиппова баня“, гдѣ рисуется идеаль счастливаго человѣка, полагающаго высшее благо въ пріятностяхъ жизни:

„Жизнь мудраго—жизнь наслажденья
Всѣмъ тѣмъ, природа что даетъ,
Не спать въ свой вѣкъ⁽¹⁾ и съ попеченья
Не чахнуть, коль богатства нѣтъ;
Знать малымъ пробавляться скромно.
Жить съ беззаконными законно,
Чтить доблесть, не любить порокъ,
Со всѣми и всегда ужиться,
Но только съ добрыми дружиться:
Вотъ въ чемъ былъ Аристипповъ толкъ!

Многія изъ анакреонтическихъ стихотвореній отличаются легкостью стиха и простымъ, отчасти народнымъ языкомъ; но въ нѣкоторыхъ содержаніе слишкомъ тривиально, легкомысленно и даже имѣетъ циническій характеръ. Какъ на лучшія изъ множества можно указать на слѣдующія: „Горячій ключъ“, „Геркулесъ“, „Стрѣловъ“, „Птицеловъ“, „Мальчикъ“, „Разлука“, „Хариты“, „Пчелка“, „Цѣпи“, „Рожденіе красоты“, „Кружка“, „Русскія дѣвушки“. По замѣчанію Бѣлинскаго, Державинъ является въ нихъ тѣмъ

(1) Сочин. III, 86—87. По первоначальной редакціи стиха въ рукописи: Не вѣшать рукъ...

же, чѣмъ и въ одѣ, человѣкомъ одареннымъ большими поэтическими силами, но не умѣвшимъ управляться съ ними, по недостатку вкуса и художественнаго такта. Указавъ на лучшую піэсу „Рожденіе красоты“, замѣчательную по мысли и отличающуюся необыкновенными красотами, онъ прибавляетъ: „Вотъ ужъ подлинно глыба грубой руды съ яркими блестками чистаго самороднаго золота. И таковы-то всѣ анакреонтическія сочиненія Державина: они больше, нежели все прочее, служатъ ручательствомъ его громаднаго таланта, а вмѣстѣ съ тѣмъ и того, что онъ былъ только поэтъ, а отнюдь не художникъ“ (1). Какъ выраженіе современнаго веселаго взгляда на жизнь и вообще того легкомысленнаго эпикурейскаго вѣка, они приходились по вкусу современникамъ и весьма нравились. Нѣкоторыя изъ нихъ были положены на музыку и распѣвались не только въ прошломъ, но и въ настоящемъ вѣкѣ; таковы піэсы: „Кружка“ (Краса пирующихъ друзей, забавъ и радостей подружка), „Стрѣлокъ“ (Я охотникъ былъ измлада за дичиною гулять), „Пчелка“ (Пчелка золотая, что ты жужжишь), „Малороссійская пѣсня“ (На бережку у станка, на дощечкѣ у млинка). Изъ анакреонтическихъ піесъ съ русскимъ народнымъ содержаніемъ рѣзко отличается піеса „Русскія дѣвушки“, замѣчательная по граціозному описанію русской пляски:

Зрѣлъ ли ты, пѣвецъ тисскій,
Какъ въ лугу весной бычка
Пляшутъ дѣвушки россійски
Подъ свирѣлью пастушка» (2).

.

Драматическія сочиненія Державина. Талантъ Державина былъ лирической и главными формами его поэзіи были ода и посланіе; но онъ писалъ и въ другихъ родахъ. Выше замѣчено, что онъ дѣлалъ попытки написать эпическую поэму въ честь Михельсона и поэму „Пожарскій“; писалъ басни, эпиграммы, сатирическія стихотворенія; но особенно много написалъ драматическихъ сочиненій. Первыми опытами его въ этомъ родѣ были прологи, написанные во время губернаторства въ Тамбовѣ (Горжество восшествія импер. Екатерины II; Прологъ на открытіе въ Тамбовѣ театра и народнаго училища). Въ 1790-хъ годахъ онъ написалъ оперу „Батмендій“, въ 1804 г. оперу „Добрыня“ и проическое представленіе „Пожарскій“; въ 1806 г. трагедію „Иродъ и Маріамна“. Съ тѣхъ поръ, въ послѣдніе 10 лѣтъ жиз-

(1) Сочин. Бѣлинскаго IV, 469—471. (2) Сочин. II, 245.

ни, онъ не переставалъ сочинять и переводить трагедіи, оперы, комедіи. Изъ нихъ извѣстны трагедіи: „Темный“, „Евпраксія“, опера „Грозный, или покореніе Казани“, „Аталибо или разрушеніе перуанской имперіи“, трагедія съ хорами; опера „Рудокопы“, „Дурочка умнѣ умныхъ“, комическая народная опера. Драматическаго дарованія у Державина не было. Піесы имѣютъ только форму драматическую; дѣйствующія лица ведутъ разговоры; но эти разговоры не имѣютъ драматическаго характера; это тѣже пѣсни, думы, размышленія, изъ коихъ состоятъ его оды и посланія. Въ этомъ лирическомъ родѣ въ нихъ не рѣдко попадаются сильныя стихи и мѣткіе поэтическіе образы. Они интересны, какъ выраженіе міросозерцанія поэта и въ частности его взглядовъ на значеніе и характеръ драматическихъ произведеній. Драматическую форму, и особенно форму оперы, которая была тогда въ модѣ, Державинъ считалъ лучшимъ средствомъ къ тому, чтобы дѣйствовать на общество въ воспитательномъ смыслѣ. „Она, мнѣ кажется, замѣчено въ его разсужденіи „о лирической поэзіи“ перечень, или сокращеніе всего зримаго міра. Скажу болѣе: она есть живое царство поэзіи; касательно же моральной ея цѣли, то что препятствуетъ возвести ее на ту же степень достоинства и уваженія, въ коемъ была греческая трагедія? Извѣстно, что въ Аѣинахъ театръ былъ политическое учрежденіе. Имъ Греція поддерживала долгое время великодушныя чувствованія своего народа, превосходство ея надъ варварами доказывающія.... Нигдѣ не можно лучше и пристойнѣе воспѣвать высокія и сильныя оды, препровожденныя ареою въ безсмертную память героевъ отечества и въ славу добрыхъ государей, какъ въ оперѣ на театрѣ“.

Въ предисловіи къ трагедіи „Темный“ Державинъ говоритъ: „Напоминать исторію, а особливо отечественную, думаю, не бесполезно. Выводитъ изъ ея мрака на зрѣлице порока и добродѣтель — первый для возбужденія ужаса и отвращенія отъ него; а вторую для подражанія ей и состраданія о ея злополучіяхъ,— главная, кажется, обязанность драматическихъ писателей. Забавы однѣ, а паче примѣры развратовъ, не достойны Мельпомены“⁽¹⁾. Подобнымъ образомъ, въ предисловіи къ трагедіи „Пожарскій“, онъ говоритъ... „Когда Пожарскій, пренебрегнуши свое спокойствіе и не смотря на раны свои, въ смутное время, принявъ на себя главное предводительство собраннаго войска.... не принявъ короны ему поднесенной отъ народа, какъ нѣкоторые иностранныя писатели и всѣ обстоятельства утверждаютъ, а возложилъ ее на наследника крови царской, учредя монархическое правленіе: то

(1) Сочин. Державина IV, 383.

не былъ ли онъ герой высшей степени, человѣкъ самый добродѣтельный, великій, каковыхъ мало исторія представляетъ, и каковымъ я его представляю, придавъ ему слабости, не побѣдя которыхъ никто великимъ почитаться не можетъ“⁽¹⁾. Содержаніе трагедіи „Евпраксія“ взято изъ исторіи татарскаго ига во время Батюя и относится къ 1237 г. Евпраксія — супруга князя Теодора Рязанскаго, умерщвленнаго Батыемъ за то, что онъ на предложеніе Батюя: отдать ему жену, Евпраксію, отвѣчалъ: „побѣди прежде Россію, умертви всѣхъ насъ, и тогда возмешь женъ нашихъ“. Узнавъ о смерти супруга, Евпраксія бросилась изъ окна терема, вмѣстѣ съ своимъ сыномъ, младенцемъ Іоанномъ, чтобы не достаться живою въ плѣнъ Батюю. „Зрѣлицемъ симъ, говоритъ Державинъ въ предисловіи къ этой трагедіи, желалъ я папомянуть доблесть и непорочность нравовъ нашихъ предковъ обоюга пола. Ежели они и были побѣждены, то не инымъ чѣмъ, какъ своимъ несогласіемъ. Поучительный примѣръ для потомства! Но поелику не измѣнили они ни вѣрѣ, ни отечеству, то симъ бѣдствіемъ своимъ дали намъ образъ, достойный подражанія.... Но если бы предки наши отступились отъ вѣры, охладѣли въ любви къ отечеству и вѣрности къ государямъ, тогда уже Россія давно бы не была Россіею“⁽²⁾.

Произведенія въ народномъ духѣ. Такимъ образомъ, Державинъ хотѣлъ придать драмѣ такое же высокое воспитательное и образовательное значеніе, какое она имѣла у грековъ, а для этого требовалъ, чтобы она, подобно греческой трагедіи, имѣла національное содержаніе; сюжеты свои заимствовала изъ народной исторіи и народной поэзіи. Державинъ былъ глубокимъ патриотомъ, и народный элементъ въ поэзіи всегда признавалъ самымъ важнымъ и существеннымъ элементомъ и употреблялъ его въ своихъ произведеніяхъ особенно въ послѣдній періодъ своей поэтической дѣятельности. Изданіе Ключаревымъ въ 1804 г. древнихъ былинъ возбудило въ немъ желаніе написать „театральное представленіе „Добрыня“. Четвертое дѣйствіе этого представленія начинается извѣстнымъ хоромъ дѣвушекъ:

«Что по гриднѣ князь,
Что по свѣтлой князь
Наше солнышко Владиміръ князь похаживаетъ...»⁽³⁾.

⁽¹⁾ Тамъ же IV, 131—132. ⁽²⁾ Тамъ же IV, 297—298.

⁽³⁾ Тамъ же IV, 98.

Въ 1807 г. онъ написалъ характерное произведеніе „Крестьянскій праздникъ“⁽¹⁾. Въ 1812 г. онъ составилъ, подражая балладамъ Жуковскаго, Людмилѣ и Свѣтлавѣ, родъ баллады „Царь-дѣвица“, совокупивъ въ этой сказочной личности черты характера и образа жизни императрицы Елисаветы Петровны. Піеса начинается граціознымъ описаніемъ „Царь-дѣвицы“:

Царь жила - была дѣвица.
Шепчетъ русска старина:
Будто солнце свѣтлолица,
Будто тихая весна⁽²⁾.

Въ 1813 г. Державинъ написалъ піесу „Новгородскій вохвъ Злогорь“, содержаніе которой заимствовано также изъ народной поэзіи и народныхъ преданій. Къ сожалѣнію, разработка народной поэзіи и вообще народной старины тогда только еще начиналась и взглядъ на нихъ еще не установился. Сознавали важность народной поэзіи, но еще не понимали, въ чемъ заключается надлежащее достоинство. Признавали народный элементъ необходимымъ элементомъ литературы, но еще не знали, въ какомъ видѣ онъ долженъ въ ней употребляться. Еще продолжалъ господствовать нурстическій взглядъ, перешедшій изъ французской литературы, что народныя произведенія въ чистомъ своемъ необработанномъ видѣ, не могутъ явиться въ литературѣ образованной, что они должны быть очищены и измѣнены, согласно съ образованнымъ вкусомъ. Поэтому, къ народнымъ былинамъ Ключарева Державинъ отнесся неодобрительно. Его непріятно поразило въ нихъ „гигантскъ, богатырское хвастовство, какъ въ хлѣбосольствѣ, такъ и въ выраженіяхъ безъ всякаго вкуса, что они выпиваютъ однимъ духомъ по ушату вина, побиваютъ тысячи бусурмаповъ трупомъ одного, схваченнаго за ноги, и тому подобная целѣпица, варварство и грубое неуваженіе женскому полу изъясняющая“⁽³⁾. Въ своихъ, указанныхъ выше, піесахъ изъ народной старины, Державинъ измѣняетъ народныя сказанія или смѣшиваетъ ихъ съ иностранными, не русскими сказаніями. У него богатырь Добрыня изображается въ видѣ рыцаря; даже на самой сценѣ принимаетъ рыцарское посвященіе. Героиня піесы Прелѣпа, по примѣру французской комедіи, имѣетъ наперсницу Способу, за которой ухаживаетъ плутоватый слуга, Торопъ⁽⁴⁾.

(1) Тамъ же III, 398. (2) III, 122—130. (3) Тамъ же VII, 607.

(4) Тамъ же IV, 47—128.

Въ піесѣ „Волхвъ Злогоръ“, рядомъ съ славянскими Велесомъ и Баяномъ, являются скандинавскіе Одинъ и Скальдъ. Впрочемъ, народность Державина выражается не въ томъ только, что онъ бралъ сюжеты для своихъ произведеній изъ народной поэзіи, но во всемъ его міросозерцаніи, которое сложилось подъ вліяніемъ народной жизни и народной поэзіи. Во всѣхъ произведеніяхъ, не только шуточныхъ, но и серьезныхъ одахъ, постоянно встрѣчаются сцены, образы и выраженія, взятые изъ народныхъ пословицъ, пѣсенъ и сказокъ, напр. въ одахъ Фелица, На счастье, Вельможа, Похвала сельской жизни, Кружка, Хоръ русскихъ дѣвушекъ. Лучшимъ стихотвореніемъ въ народномъ духѣ надобно признать піесу „Атаману и войску Донскому на подвиги Платова въ 1807 г.“ по чисто народному тону, складу и языку ⁽¹⁾.

Дѣлая обзоръ сочиненій Державина, мы указывали на хорошія и слабыя ихъ стороны. Въ заключеніе укажемъ еще вообще на достоинство его поэзіи и значеніе всей его авторской дѣятельности въ исторіи русскаго образованія и русской литературы. При этомъ мы не можемъ оставить безъ вниманія извѣстный отзывъ Пушкина, какой онъ сдѣлалъ въ 1825 г. въ одномъ письмѣ къ Дельвигу. „По твоёмъ отъѣздѣ, говоритъ онъ здѣсь, перечелъ я Державина всего, — и вотъ мое окончательное мнѣніе. Этотъ чудакъ не зналъ ни русской грамоты, ни духа русскаго языка (вотъ почему онъ ниже Ломоносова). Онъ не имѣлъ понятія ни

⁽¹⁾ О языкѣ и слогѣ въ сочиненіяхъ Державина смотр Отдѣльное изслѣдованіе Я. К. Грота въ IX томѣ Сочиненій Державина стр. 333—444. При всей неправильности и небрежности выраженія, часто замѣчаемыхъ въ стихахъ Державина, говоритъ Гротъ, сочиненія его и со стороны языка заслуживаютъ изученія... Не успѣвъ приобрести литературнаго образованія, которое отвѣчало бы силѣ его таланта, Державинъ, для выраженія своей поэтической мысли, обращается съ языкомъ самовластно: онъ не боится ошибокъ противъ грамматики и синтаксиса, лишь бы воплотить свою идею въ яркій и рѣзкій образъ, и дѣйствительно, такимъ способомъ онъ часто достигаетъ своей цѣли вѣрнѣе, чѣмъ если бы гонялся за безукоризненною чистотою рѣчи, охлаждая тѣмъ полетъ своей пылкой фантазіи. Его языкъ при всемъ видимомъ своемъ своенравіи, есть языкъ выразительный, сильный и пластическій. Его слогъ мужественъ и полонъ энергіи. Еще при первомъ появленіи стиховъ Державина, Дмитріевъ, не зная, кто ихъ авторъ, былъ пораженъ его «благородною смѣлостью и рѣзкостью въ выраженіяхъ»... Затѣмъ въ изслѣдованіи Грота указаны всѣ отличительныя свойства и народныя черты въ языкѣ и слогѣ Державина и наконецъ приложенъ «Словарь словъ и выраженій къ стихотвореніямъ Державина».

о слогахъ, ни о гармоніи, ни даже о правилахъ стихосложенія: вотъ почему онъ и долженъ бѣсить всякое разборчивое ухо. Онъ не только не выдерживаетъ оды, но не можетъ выдержать и строфы. Что же въ немъ? Мысли, картины и движенія истинно поэтическія. Читая его, кажется, читаешь дурной вольный переводъ съ какого-то чудеснаго подлинника. Ей Богу, его гений думалъ по татарски, а русской грамоты не зналъ за недосугомъ. Державинъ, со временемъ переведенный, изумить Европу, а мы изъ гордости народной не скажемъ всего, что мы знаемъ объ немъ (не говоря уже о его министерствѣ)⁽¹⁾.... (1). Этотъ отзывъ, касающійся главнымъ образомъ внѣшней художественной стороны стихотвореній Державина, рѣзокъ и преувеличенъ, но очень характеренъ. Пушкинъ осуждаетъ внѣшнюю форму стихотвореній Державина, но восхваляетъ достоинствомъ ихъ содержанія. Дѣйствительно, у Державина былъ могучій талантъ, но онъ не получилъ ни научнаго, ни художественнаго образованія: это былъ самоучка и самородокъ, поражающій блескомъ, цѣлостію своей природы и грубостію внѣшней формы. Отсюда въ его сочиненіяхъ совершенно объясняются невыдержанность, даже противорѣчіе и постоянное смѣшеніе высокаго и превосходнаго не только съ посредственнымъ, но и дурнымъ. Природное чутье часто помогло Державину глубоко проникать въ сущность вещей, это были откровенія генія; но недостатокъ образованія былъ причиною того, что онъ не могъ иногда разобраться въ разныхъ недоумѣніяхъ и впадалъ въ противорѣчія. Глубоко религіозный и вѣрующій человекъ, онъ иногда невѣдомо для себя высказывалъ скептическія мысли (наприм. въ одѣ на смерть князя Мещерскаго); строгій моралистъ, онъ рисовалъ часто эпикурейскія картины жизни. Особенно поражаетъ въ сочиненіяхъ Державина невыдержанность языка и слога. Подлѣ величественныхъ образовъ встрѣчаются картины вульгарныя, рядомъ съ пластическими выраженіями, плавными, мягкими и звучными стихами, тяжелыя, запутанныя и неуклюжія выраженія. Всего же рѣзче обнаруживается въ сочиненіяхъ Державина наклонность къ гиперболизму, къ преувеличеніямъ; его изображенія часто до того преувеличены, что теряютъ всякую мѣру дѣйствительности и переходятъ въ область невѣроятнаго, небывалаго, сказочнаго. Таково напр. въ одѣ „На взятіе Варшавы“ изображеніе подвиговъ Суворова:

«Пошелъ—и гдѣ тристаты злобы?
Чему коснулся, все сразилъ»....

(1) Соврем. 1863 г. ХСѢІІ, 374; Гаевского, Пушкинъ въ Лицеѣ.

Часто также встрѣчаются картины грубоватыя и мѣста слишкомъ растянутыя. Но эти недостатки художественной стороны, бросая такую сильную тѣнь на сочиненія Державина, не уничтожаютъ однакожъ высокихъ достоинствъ содержанія его поэзи. Державинъ является въ своихъ сочиненіяхъ съ одной стороны проповѣдникомъ высшихъ общечеловѣческихъ идей, каковы идеи Бога, безсмертія души, идеи правды, закона и долга, а съ другой—выразителемъ вѣдшей силы и внутренняго величія Россіи въ царствованіе Екатерины. „Какъ ни полонъ онъ противорѣчіями, говоритъ Гротъ, мы не можемъ не видѣть въ немъ въ высшей степени замѣчательнаго кореннаго русскаго по воспитанію, быту, уму и праву.... Своенравіе его воображенія уже давно оцѣнено; но въ умѣ его было еще одно замѣчательное свойство: это какая-то насмѣшливость, или, какъ ее тогда называли, какая-то издѣвка, которая иногда прорывалась у него посреди самаго торжественнаго настроенія и за которую Екатерина въ душѣ не любила его. Слѣдуя современнымъ литературнымъ обычаямъ, Державинъ хвалитъ; но посреди похвалъ онъ готовъ былъ какъ будто невзначай разразиться (брякнуть въ слухъ) какимъ-нибудь смѣлымъ словомъ истины. Этимъ Державинъ особенно гордился, какъ выраженіемъ своего правдолюбія.... Но что еще болѣе обѣщаетъ прочности его славы, это тотъ великій, нравственный и общественный идеалъ, который онъ постоянно стремится выставить предъ своими согражданами.... Силою своего пламеннаго воображенія, своей здравой мысли и рѣзкаго слова, онъ переноситъ насъ въ тотъ высшій нравственный міръ, гдѣ умолкають страсти, гдѣ мы невольно сознаемъ ничтожество всего житейскаго и преклоняемся предъ духовнымъ величіемъ. Таково содержаніе главныхъ одъ Державина. Не смотря ни на какія измѣненія времени, ни на какіе успѣхи просвѣщенія и языка, образы, имъ начертанные, сохранятъ навсегда свою яркость, и до тѣхъ поръ, пока идеи Бога, безсмертія души, правды, закона и долга будутъ жить не пустыми звуками на языкѣ русскаго народа, до тѣхъ поръ имя Державина, какъ общественнаго дѣятеля и поэта, не утратить въ потомствѣ своего значенія“ (1).

Около Державина, какъ мы видѣли, постоянно сосредоточивался большой кружокъ поэтовъ и писателей. Нѣкоторые изъ нихъ, какъ Херасковъ, были старше его лѣтами и раньше его выступили на литературное поприще, другіе же были большою

(1) Жизнь Державина Грота, стр. 1022—1043.

частью его современниками и вмѣстѣ съ нимъ прославляли Екатерину и ея сотрудниковъ. Таковы были Костровъ, Капнистъ, Петровъ, Богдановичъ, Майковъ, Княжнинъ и др.

Ермилъ Ивановичъ Костровъ (ум. 1796 г.) происходилъ изъ крестьянъ вятской губерніи, учился въ вятской семинаріи, московской академіи и московскомъ университетѣ⁽¹⁾. Онъ еще раньше Державина началъ писать оды и подражалъ въ нихъ Ломоносову; но когда явилась Фелица, онъ понялъ, что время высокой и торжественной оды прошло и, отнесясь къ ней сатирически, призналъ законность направленія Державина. Обращаясь къ Державину, Костровъ говорилъ:

«Скажи пожалуй, какъ безъ миры, безъ скрипцы,
И не сдѣлавъ при томъ парнаска бѣгунца,
Воспѣлъ ты сладостно дѣянія Фелицы
И животворные лучи ея вѣнца?»

Путь непротоптаннй и новый ты обрѣлъ.
Обрѣлъ и въ бѣгъ по немъ пускаешься удачно;
Пи пень, ни камень ногъ твоихъ не повредилъ,
Тебѣ явилось все какъ будто поле злачно,
Нигдѣ кафтаномъ ты за тернъ не зацѣпилъ.

Царевнѣ похвалы вѣщая,
Цашей затѣи исчисляя,
Ты на гудкѣ гудилъ.....

Нашъ слухъ почти оглохъ отъ громкихъ мирныхъ тоновъ,
И полно, кажется, за облака летать;
Чтобъ, равновѣсія не соблюдя законовъ,
Лета съ высоты, и рукъ и ногъ не изломать.

Признаться видно, что изъ моды
Ужъ вывелись парящи оды
Ты простотой умѣлъ себя средь насъ вознестъ⁽²⁾.

Кромѣ одъ въ похвалу Екатерины, изъ которыхъ лучшею надо признать оду На открытіе губерніи въ Москвѣ въ 1782 г., Костровъ написалъ оды въ честь Шувалова, Суворова (на взятіе

⁽¹⁾ Сочиненія Кострова и Аблесимова. Изд. Смирдина 1849 г. О сочиненіяхъ Кострова и Аблесимова г. Галахова въ Отеч. Зап. 1851, № 9. Жизнь и литературная дѣятельность Е. И. Кострова П. О. Морозова. Филол. Зап. 1875 г. Вып. III и VI; 1876 г. Вып. II и III.

⁽²⁾ Сочин. 107—109.

Измаила), митр. Платона, графа А. Гр. Орлова; по всё эти оды не интересны и не имѣють художественнаго значенія. Гораздо важнѣе переводы Кострова: Десять пѣсенъ Иліады (конецъ 9-й пѣсни и слѣдующія не отыскавы) александрійскими стихами; Превращеніе, или золотой осель Апулея; Пѣсни Оссіана, сына Фингалова, барда III в.

Василій Петровичъ Петровъ (ум. 1800 г.) изъ московскихъ духовныхъ, воспитывался въ московской академіи и потомъ былъ здѣсь учителемъ. Благодаря знакомству съ Потемкинымъ, онъ получилъ мѣсто кабинетнаго переводчика и чтеца при Екатеринѣ. Для окончательнаго образованія онъ былъ отправленъ на пять лѣтъ въ Англію, по возвращеніи откуда былъ сдѣланъ придворнымъ бібліотекаремъ. Ода „На побѣду російскаго флота надъ турецкимъ при Чесмѣ въ 1770 г.“ прославила его, какъ поэта, но другія его оды На взятіе Очакова въ 1788 г., На взятіе Измаила въ 1790 г., Плачь на кончину Потемкина, На коронацію импер. Павла I не пользовались особеннымъ уваженіемъ у современной критики. Въ „Опытѣ истор. словаря“ о нихъ было сказано: „Въ сочиненіяхъ своихъ Петровъ напругается идти по слѣдамъ російскаго лирика (Ломоносова), и хотя нѣкоторые и называютъ его вторымъ Ломоносовымъ, но для сего сравненія надлежитъ ожидать важнаго какого-нибудь сочиненія, и послѣ того заключительно сказать, будетъ ли онъ второй Ломоносовъ, или останется только Петровымъ, и будетъ имѣть честь слыть подражателемъ Ломоносова“. Болѣе интересны нѣкоторыя посланія и сатиры Петрова, написанныя уже подъ влияніемъ англійскихъ писателей и особенно Адиссона. Пятилѣтнее пребываніе Петрова въ Англіи познакомило его съ англійской литературой; онъ хорошо изучилъ англійскій языкъ, такъ что могъ перевести поэму Мильтона „Потерянный рай“. Въ Русской Старинѣ за 1878 г. напечатано еще сатирическое стихотвореніе Петрова: „Приключеніе Густава, короля Шведскаго“, написанное по случаю войны со шведами въ 1788 г.

Василій Яковлевичъ Капнистъ (1757—1824) извѣстенъ въ исторіи литературы главнымъ образомъ, какъ авторъ знаменитой въ свое время комедіи „Ябеда“. Онъ былъ, какъ выше указано, другомъ Державина и подобно ему писалъ при Екатеринѣ оды, сатиры и эпиграммы. Изъ одъ его болѣе другихъ извѣстны были: ода по случаю Кайнарджійскаго мира съ турками въ 1774 г.; ода на уничтоженіе въ Россіи Екатериною званія раба въ 1786 г. Капнистъ былъ знакомъ съ римскою литерату-

рою, особенно любилъ Горація и въ подражаніе ему и Анакреону писалъ гораціанскія и анакреонтическія стихотворенія.

„Ябеда“ Капниста. Ближайшимъ поводомъ къ сочиненію „Ябеды“ послужила для Капниста его личная тяжба съ своимъ сосѣдомъ, помѣщикомъ Тарновскимъ (1). Важность содержанія, касающагося самыхъ вредныхъ и въ тоже время самыхъ распространенныхъ во всемъ обществѣ пороковъ, ябеды и взяточничества, и рѣзкое изображеніе этихъ пороковъ поставили эту комедію въ разрядъ такъ называемыхъ общественныхъ комедій, изображающихъ общественныя язвы, каковы Недоросль Фонъ-Визина, Горе отъ ума Грибоедова и Ревизоръ Гоголя. Вотъ ея содержаніе. Злой сутяга и ябедникъ Праволовъ хочетъ оттягать имѣніе у честнаго помѣщика, Прямикова. Прямиковъ является въ гражданскую палату искать противъ него защиты. Но повѣтчикъ палаты Добровъ не подаетъ ему никакой надежды на хорошій исходъ дѣла во 1-хъ потому, что Праволовъ извѣстный и опытный во всѣхъ черныхъ дѣлахъ сутяга, а во 2-хъ потому, что всѣ члены гражданской палаты страшные взяточники. Вотъ какъ онъ характеризуетъ всѣхъ ихъ. О Праволовѣ онъ говоритъ:

«Онъ ябедникъ: вотъ все ужъ этимъ вамъ сказали.
Но чтобъ его, сударь, лучше вы узнали,
То я здѣсь коротко его вамъ очерчу:
Въ дѣлахъ, сударь, ему самъ чортъ не по плечу.
Въ Гражданской ужъ давно веду я протоколы;
Такъ видны всѣ его тутъ шашни и крамолы.

Притомъ, какъ знаетъ онъ всѣхъ стряпчихъ наоцаль!
Какъ регламентъ нагнуть, какъ вывернуть указы!
Какъ всѣ подъячески онъ вѣдаетъ пролазы!
Какъ забѣжать къ судѣ, съ котораго крыльца;
Кому бумажекъ пукъ, кому пудъ серебра;
Шестиорку проиграть, четверку гдѣ, иль тройку;
Какъ залучить кого въ пирушку, на попойку;
И словомъ: дивное онъ знаетъ ремесло,
Неправду мрачную такъ чистить, какъ стекло».

(1) предсѣдатель палаты, Кривосудовъ, Добровъ говоритъ:

«Извольте-жъ про себя, сударь, вы вѣдать то,
Что дому господинъ, гражданскій предсѣдатель,
Есть сущій истины Іуда и предатель».

(1) Жизнь Державина. Я. К. Грота, стр. 278.

Что и ошибкой онъ дѣлъ прямо не вершилъ;

Что съ кривды пошлиной карманы начинилъ;

Что онъ законами лишь беззаконье удить;

(Показывая, будто считаетъ деньги)

И безъ наличнаго довода дѣлъ не судить.

Однако хоть и самъ всей пятерней беретъ,

Но вящую его супруга дань дереть:

Съѣстное, питейцо, предъ нею нѣтъ чужаго;

И только что твердить: даянье всяко благо.

А Прокуроръ? Ужъ-ли и онъ...

О! Прокуроръ,

Чтобъ въ рифму мнѣ сказать, существеннѣйшій воръ.

Вотъ прямо въ точности всевидящее око:

Гдѣ плохо что лежитъ, тамъ зѣтитъ онъ далеко.

Не цапнетъ лишь того, чего не досягнетъ.

За праведный доносъ, за ложный, онъ беретъ;

Щечить за пропускъ дѣлъ, за гомось, предложенья.

За нерѣшеніе рѣшимаго сомнѣнья,

За позданой въ судъ приходъ, за пропущенный срокъ,

И даже онъ дереть съ колодниковъ оброкъ.

А о секретарѣ?..

Дуракъ, кто слово тратить,

Хоть голъ будь какъ ладонь, онъ что-нибудь да схватить.

Указы знаетъ всѣ, какъ пальцевъ пять своихъ.

Экстрактцеъ сочинить безъ точекъ, заятыхъ,

Подчистить протоколъ, иль листъ прибавить смѣло,

Иль стибрить документъ, его все это дѣло.

Чтобы не проиграть дѣла, Добровъ совѣтуетъ Прямикову задарить всѣхъ членовъ палаты и на слова Прямикова, что его правое дѣло защитить законъ, замѣчаетъ:

«Законы святы,

Но исполнители лихіе суцостаты»⁽¹⁾.

Но Праволовъ уже успѣлъ сдѣлать то, что совѣтовалъ Прямикову Добровъ. Воспользовавшись именинами жены предѣдателя Кривосудова, онъ отправилъ къ нему множество разныхъ подарковъ, винъ, припасовъ, матерій на платье и наконецъ далъ ему денегъ 3000 рублей на покупку имѣнія. Послалъ также подарки и другимъ членамъ палаты. На именинномъ праздникѣ у Кривосудова и обнаруживается вся безсовѣстность, пизость и подлость этихъ продажныхъ представителей правосудія и предателей закона, когда они, задаренные и подгулявшіе, сговариваютъ

(1) Ябеда. Комедія въ пяти дѣйствіяхъ. Спб. 1798. Стр. 1—10.

ся рѣшить дѣло Прямикова въ пользу Праволова. Пиръ оканчивается карточной игрой, во время которой прокуроръ Хватайко, по просьбѣ Кривосудова, поетъ слѣдующую характерную пѣсню:

«Бери, большой тутъ нѣтъ науки;
Бери, что только можно взять.
На что жъ привѣшены намъ руки,
Какъ не на то, чтобъ брать?
Всѣ повторяютъ: брать, брать, брать...»

Вѣдь безъ указа намъ не стать
Пословицу ломать,
Котора говоритъ: что взято,
То свято!
Всѣ повторяютъ: то свято....»

Кривосудовъ поетъ:

Но нада, чтобъ уйти прижимки,
И чтобъ не оплошать;
Перчатки невидимки
На мигъ не скидывать».

Хватайко опять поетъ и всѣ аккомпанируютъ:

«Бери, большой тутъ нѣтъ науки»⁽¹⁾...

Судейскій пиръ, наконецъ, превратился въ бахусовъ кагалъ. Предсѣдательская зала, бывшая въ тоже время присутственной залой, на другой день представляла изъ себя настоящую „трак-тирную стойку“. Когда служанка стала уничтожать слѣды судейскаго безобразія, и поливать залу водой, Добровъ сказалъ:

«Напрасные труды! Не токмо что простыя,
Но цѣлой хотъ ушатъ разлей воды святыя,
То ябедничьихъ здѣсь не смоешь ты проказъ.
Послушай; окрестонъ кто ужъ въ чернидахъ разъ,
Тотъ чернь останется, хотъ мой во Іорданѣ»⁽²⁾.

Но едва только чиновники опредѣлили отобрать у Прямикова имѣнье и отдать Праволову, какъ получается указъ изъ Сената. Узнавъ о ябедахъ и различныхъ незаконныхъ дѣлахъ Праволова, Сенатъ приказалъ посадить его въ острогъ, а чиновниковъ за взяточничество и несправедливое рѣшене дѣлъ предать уголовно-

(1) Тамъ же 84—85. (2) Тамъ же 110.

му суду. Добровъ, впрочемъ, не вѣрить, чтобы чиновники за свои преступленія повесили, дѣйствительно, заслуженную кару. На замѣчанье служанки:

«Авось либо и все намъ съ рукъ сойдетъ съ легка,

онъ говоритъ:

Впрямь: моешь, говорятъ вѣдь, руку де рука;

А съ уголовною гражданская палата.

Ей, ей, частіохонько живетъ за панибрата.

Не то, при торжествѣ уже какомъ ни есть,

Подъ милостивый васъ подвинуть манить!» (1).

По тогдашнимъ обычаямъ, по которымъ ни одна пѣса не могла обходиться безъ любви, и въ Ябеду введена любовная интрига. У предсѣдателя Кривосудова есть дочь Софья, въ которую влюбленъ Прямиковъ, но которую хотятъ отдать за Праволова; но когда Праволова посадили въ острогъ, то Софья выходитъ за Прямикова.

Ябеда въ современномъ обществѣ производила такой же фуроръ, какъ Недоросль Фонъ-Визина. Нарисованные въ ней судейскіе типы сдѣлались нарицательными именами; многія мѣста выучивались наизусть, а нѣкоторые отдѣльные стихи превратились въ пословицы. Комедию долго не соглашались представить на сценѣ; она была дана только по приказанію импер. Павла I. Не смотря на такую защиту комедіи, жизни ея автора, однакожь, говорятъ, долго угрожала опасность отъ осмѣянныхъ имъ ябедниковъ и взяточниковъ, такъ что онъ долго боялся по вечерамъ выходить изъ своего дома.

Неслыханное диво или честный секретарь Судовщикова.

По подражанію Ябедѣ Капниста, Судовщикова написалъ комедию: „Неслыханное диво, или честный секретарь“. Въ ней также осмѣивается взяточничество. Нѣкоторые дѣйствующія лица носятъ тѣже названія, напр. предсѣдатель Кривосудовъ и Прямиковъ; другія лица напоминаютъ лица Капниста: мѣсто Праволова занимаетъ кварталный Крюкострой; мѣсто повытчика Доброва секретарь Правдинъ. У Кривосудова также есть дочь Милена, напоминающая Софью Капниста. Комедія написана легко, богата мѣтками и сильными выраженіями и потому часто давалась на сценѣ.)

(1) Тамъ же 135.

И. И. Хемницеръ. Вмѣстѣ съ Капнистомъ, къ кружку Державина принадлежалъ Хемницеръ. Съ Хемницера началась въ нашей литературѣ настоящая басня. Правда, подражая европейскимъ писателямъ и пробуя разныя литературныя формы, и русскіе писатели, начиная съ Кантемира, пытались писать басни; Кантемиръ написалъ 6 басенъ; Тредьяковскій перевелъ 16 Эзоповыхъ басенъ, а Сумароковъ написалъ 6 книгъ басенъ и притчей. Но, не говоря о другихъ писателяхъ, и Сумароковъ не можетъ быть названъ баснописцемъ; его басни и притчи проникнуты тѣмъ же сатирическимъ элементомъ, который былъ существеннымъ элементомъ въ талантѣ Сумарокова; его басни и притчи такъ же небольшія сатиры и не походятъ на настоящія басни. Образецъ настоящей басни первый далъ Хемницеръ.

Отецъ Хемницера при Петрѣ В. пріѣхалъ въ Россію изъ Саксоніи, изъ города Хемница (Chemnitz, отъ котораго и происходитъ его фамилія) и занималъ должность военнаго штабъ-лѣкаря въ Энотаевской крѣпости (нынѣ городъ Энотаевскъ въ астраханской губерніи). Здѣсь и родился Иванъ Ивановичъ въ 1745 г. Сынъ медика, онъ и самъ, по желанію отца, готовился сначала къ медицинской службѣ, но потомъ, почувствовавъ нерасположеніе къ анатомическимъ занятіямъ, вздумалъ поступить въ военную службу. Въ военной службѣ онъ находился 12 лѣтъ, былъ въ походахъ въ семилѣтнюю войну, но въ сраженіяхъ не участвовалъ. Любя заниматься минералогіей, онъ изъ военнаго вѣдомства перешелъ въ горное и вмѣстѣ съ своимъ начальникомъ, Соймоновымъ, и другомъ Львовымъ, ѣздилъ за границу, былъ въ Германіи, Голландіи и Франціи. Состоя на службѣ при горномъ училищѣ и занимаясь минералогіей, онъ перевелъ сочиненіе Лемана „Кобальтословіе, или описаніе красильнаго кобальта“. Наконецъ онъ получилъ мѣсто русскаго консула въ Смирнѣ; но здѣсь онъ пробылъ только полтора года. Перемѣна климата, тяжелые труды и разныя непріятности скоро совершенно изнурили его, и онъ въ 1784 г. скончался. — Судьба Хемницера напоминаетъ нѣсколько судьбу Кантемира. Иностранецъ по происхожденію, онъ такъ же какъ Кантемиръ любилъ Россію и стремился къ ея просвѣщенію; такъ же какъ Кантемиръ заявилъ себя замѣчательнымъ писателемъ, но такъ же преждевременно умеръ на службѣ, вдали отъ Россіи. Хемницеръ началъ заниматься литературой по возбужденію и подъ руководствомъ друзей своихъ, Львова и Капниста. Сначала онъ писалъ нѣмецкіе стихи, но потомъ принялся за изученіе русскаго языка и изучилъ его такъ хорошо, что могъ писать на немъ, какъ природный русскій. Первымъ стихотвореніемъ Хемницера была ода на взятіе Турецкой крѣпости Журжи (въ 1770 г.); по у него способность была не

къ одѣ а къ баснѣ, на которую обратилъ его вниманіе другъ его Львовъ. Первое изданіе басенъ Хемницера вышло безъ означенія года и имени автора; въ 1779 г. было сдѣлано другое изданіе, но такъ же безъ имени автора. Кромѣ басенъ (въ количествѣ 91), отъ Хемницера сохранились еще двѣ сатиры (въ неоконченномъ видѣ) „на худыхъ судей и на подъячихъ“, письма къ разнымъ лицамъ и памятная книжка, заключающая разные замѣтки и между прочимъ о путешествіи по Европѣ⁽¹⁾.

Басни Хемницера. Образцами для басенъ Хемницеру служили басни Лафонтена и Геллерта, у которыхъ онъ часто бралъ и сюжеты и фабулу⁽²⁾; но, подражая этимъ баснописцамъ, онъ умѣлъ избѣгать ихъ недостатковъ — сантиментальности перваго и длинныхъ и скучныхъ поученій послѣдняго. Басни Хемницера отличаются особенною простотою и безыскусственностію какъ въ составѣ, такъ и въ изложеніи и языкѣ; но при этой простотѣ онѣ въ тоже время проникнуты тонкой ироніей, легкой и веселой насмѣшкой и заключаютъ въ себѣ столько ума, здраваго смысла и знанія жизни, что невольно привлекаютъ къ себѣ вниманіе читателя. Въ басняхъ можно находить нѣкоторыя указанія и на обстоятельства жизни Хемницера и на современныя событія; по всего лучше отразился въ нихъ симпатичный характеръ автора, простой и скромный, но добрый, честный и правдивый.

При простотѣ и скромности, доходившей до робости, Хемницеръ не могъ пріобрѣсти выгоднаго положенія въ свѣтѣ, гдѣ имѣютъ успѣхъ только богатые и знатные, но гдѣ трудно жить умнымъ, но скромнымъ и бѣднымъ людемъ. Испытавъ эту истину на себѣ, онъ выразилъ ее и въ своихъ басняхъ. Въ баснѣ „Гадатель“, старикъ гадатель, на вопросъ молодаго человѣка, какова будетъ его жизнь, печально отвѣчаетъ:

«Не много жизнь твоя добра предвзвѣщаетъ.

Ты къ счастью, кажется, на свѣтѣ не рожденъ:

Ты честенъ, другъ, да ты-жъ уменъ.

(1) И. И. Хемницеръ. Новыя о немъ извѣстія по рукописнымъ источникамъ. Я. К. Грота Басни и сказки Хемницера по подлинной рукописи. Сообщилъ Г. П. Надхинъ. По подлинной рукописи Хемницера напечатано 12 басенъ. Памятная записная книжка Хемницера. Сообщилъ Г. П. Надхинъ. Замѣчанія объ этой памятной книжкѣ Я. К. Грота. Русск. Старина 1872 г.; томъ V.

(2) Впрочемъ, у Лафонтена Хемницеръ заимствовалъ только 5 басенъ, изъ Геллерта 18; всего заимствованныхъ или переводныхъ до 30 басенъ; остальные 60 оригинальныя.

Не смотря, однакоже, на такое грустное сознание, что въ свѣтѣ имѣють успѣхъ больше богатство и знатность, нежели умъ и честность, Хемницеръ въ своихъ басняхъ восхваляетъ умъ, знаніе, трудъ, честность и правду, какъ лучшія достоинства и украшенія человѣка. Въ баснѣ „Совѣтъ старика“, на вопросъ дѣтныи, что пужно для того, чтобы сдѣлаться знатымъ, старикъ отвѣчаетъ:

«Будь храбръ, мой другъ! Иной
Прославился войной, 10/10
Все отложивъ тогда—спокойство и забаву.
Другой же знаніемъ глубокимъ,
Не родомъ знатымъ и высокимъ,
Себя на свѣтѣ отличалъ;
Въ судахъ и при дворѣ великъ и славенъ был.
Трудами все приобрѣтають»...

Во время путешествія по Европѣ Хемницеру особенно понравилась учепая и трудолюбивая Германія, и онъ сравнивалъ ее съ ульемъ, въ которомъ живутъ трудолюбивыя пчелы. Точно такъ же въ баснѣ „Пчела и Курица“, онъ изобразилъ науку въ образѣ пчелы, которая скромно, но неутомимо трудится для общей пользы. Въ отвѣтъ Курицѣ, громко объявляющей каждый разъ, какъ только удается ей спести яйцо, и изображающей въ баснѣ хвастливаго невѣжду, Пчела говоритъ:

«Мы нашей матери наставлены умомъ,
Прилежностью, трудомъ,
Себѣ уютный строимъ домъ
И пищу со цвѣтовъ собираемъ.
Избытокъ нашъ съ людьми дѣлимъ,
Ихъ яствы услаждаемъ,
Во гнѣ ихъ освѣщаемъ;
А жало для враговъ и трутней лишь хранимъ».

с) * Въ баснѣ „Биронъ“, рассказывающей о биронѣ, котораго всѣ почитали только до тѣхъ поръ, пока онъ не прожилъ оставленнаго ему отцемъ милліона, показывается,

«Что дѣтямъ только зло родители желаютъ,
Когда имъ лишь одно богатство оставляютъ,
Богатство пагуба и вредъ
Тому, въ комъ воспитанья нѣтъ»

Но восхваляя знаніе, умъ, Хемницеръ возстаетъ противъ умствованія, или хитраго умничанья, и въ баснѣ „Метафизикъ“

осмѣиваетъ скучное и безплодное резонерство „школьныхъ тѣхъ вралей“,

«Которые съ ума не разъ людей сводили.
Неистолкуемымъ давая толкъ вещамъ».

Точно такъ же въ баснѣ „Буквы“, онъ осмѣиваетъ тѣхъ ученыхъ, которые любятъ „въ словахъ смыслъ тайный находить“, толкуя ихъ хитрымъ и насильственнымъ способомъ.

Въ баснѣ „Лисица и Сорока“, гдѣ Сорока доказываетъ Лисицѣ, что у нея надобно считать пять ногъ (прибавляя хвостъ), а не четыре, какъ обыкновенно считаютъ, онъ нападаетъ на тѣхъ педантовъ, которые, какъ важную и несомнѣнную истину, доказываютъ разные софизмы и парадоксы.

2) Скромный и осторожный, Хемпицеръ не любилъ ни спускаться въ какія-нибудь глубины, ни заноситься въ высоту. Положительная сторона предмета, прямая осязательная сущность дѣла служить для него главнымъ девизомъ и единственною цѣлью. Умѣренность, осторожность и разсудительность онъ совѣтуетъ соблюдать во всѣхъ дѣлахъ и обстоятельствахъ жизни. Въ баснѣ „Дворовая собака“ онъ говоритъ:

«Собаки добрыя съ двора на дворъ не рыщутъ
И отъ добра добра не ищутъ».

Въ баснѣ „Ребята своевольные“, онъ показываетъ, какими несчастіями сопровождается неразсудительность и увлеченіе молодости, не слушающей совѣтовъ опытной старости:

«Кто пожилыхъ людей слова пренебрегаетъ
И пылкой юности стремленно покорится,
Тамъ часто со вредомъ и поздно вразумится,
Сколь справедливъ людей испытанныхъ совѣтъ».

Не смотря на простоту формы, въ басняхъ Хемпицера встрѣчаются важныя истины и наставленія, касающіяся общественнаго или государственнаго быта. И на этихъ наставленіяхъ лежитъ тотъ же характеръ осторожности и разсудительности. Въ баснѣ „Привязанная собака“ онъ говоритъ:

«Въ неволѣ неутѣшно быть:
Какъ не стараться
Свободу получить?
Да надобно за все подумавъ приниматься,
Чтобы бѣды большой отъ малой не нажить».

Въ баснѣ „Лѣстница“, указывая на то, что лѣстницу метуть не снизу, а сверху, онъ говоритъ:

•Все надобно стараться
Съ потребной стороны за дѣло приниматься.
А если иначе, все будетъ безъ пути

На что бы походило.
Когда-бъ въ правленіи, въ какомъ-бы то ни было,
Не съ высшихъ степеней, а съ низшихъ начинать
Порядокъ наблюдать.

Общественный же характеръ и значеніе имѣютъ басни: „Паукъ и Мухи“, „Волчье разсужденіе“, „Поборъ львиный“, „Дѣлежь львиный“, „Орлы“, „Левъ, учредившій совѣтъ“, „Лѣнвые и ретивые кони“. — Въ баснѣ „Паукъ и Мухи“ показывается, какъ большая муха свободно прорываетъ ту паутину, въ которой запутываются маленькія мухи:

Воръ, напримѣръ, большой, хоть въ кражѣ попадется.
Выходить правъ изъ подъ суда;
А маленькой наказанъ остается!

Въ баснѣ „Поборъ львиный“ говорится:

Гдѣ сборы,
Тутъ и воры.
И дѣло это таково:
Чѣмъ больше сборщиковъ, тѣмъ больше воровство.

Въ баснѣ „Волчье разсужденіе“ слонъ волку говоритъ:

•Съ тебя, да и съ господъ иныхъ примѣры брать,
Не будетъ, наконецъ, съ кого и шерсть снимать.

Существенное достоинство басенъ Хемницера составляютъ простота и естественность и замѣчательный по своей чистотѣ и народному складу языкъ. Какъ на лучшій образецъ этихъ качествъ у Хемницера можно указать на басни: „Богачъ и Бѣднякъ“, „Друзья“, „Дворовая собака“, „Лисица и Ворона“, „Метафизикъ“, „Поборъ львиный“.

М. М. ХЕРАСКОВЪ.

Русская литература была богата лирическими поэтами. Въ лицѣ Державина она считала уже втораго, послѣ Ломоносова, Пиндара и Горація, какъ въ лицѣ Сумарокова видѣла Расина;

по у нея до сихъ поръ еще не было ни Гомера, ни Виргилія, ни даже Тасса, хотя попытки произвести русскій эпосъ начались еще со времени Кантемира и Ломоносова, изъ коихъ каждый написалъ по нѣскольку пѣсень „Петриады“. Создать русскій эпосъ суждено было Хераскову, который сочинилъ двѣ эпическія поэмы „Россиаду“ и „Владиміра“, пользовавшіяся у современниковъ большою славою. Извѣстно, что Дмитріевъ къ портрету Хераскова сдѣлалъ такую надпись:

«Пускай отъ зависти сердца злиловъ поютъ!
Хераскову они вреда не принесутъ;
Владиміръ, Іоаннъ щитомъ его покроютъ
И въ храмъ безсмертья проведутъ».

Хотя это предсказаніе относительно безсмертія не вполне оправдалось, однакожъ поэмы Хераскова, какъ и вообще вся его литературная дѣятельность, заслуживаютъ глубокаго уваженія.

Біографическія свѣдѣнія о Херасковѣ ⁽¹⁾. Предки Хераскова происходили отъ Валахскихъ бояръ Хереско. Отецъ его, Матвѣй Андреевичъ Херасковъ, переселился въ Россію при Петрѣ В. Михайлъ Матвѣевичъ родился въ Переяславлѣ (въ Полтавской губ.) въ 1733 г. Онъ воспитывался въ сухопутномъ кадетскомъ корпусѣ и еще здѣсь началъ писать стихи. Послѣ окончанія курса въ корпусѣ и послѣ непродолжительной службы въ арміи, онъ поступилъ ассессоромъ въ московскій университетъ, при самомъ открытіи его въ 1755 г. Здѣсь онъ и провелъ почти всю свою жизнь въ литературныхъ занятіяхъ и въ служеніи университету въ разныхъ должностяхъ. Сначала онъ управлялъ университетскою типографіей, потомъ въ 1763 г. былъ назначенъ директоромъ университета, а съ 1778 по 1801 г. былъ его кураторомъ. У Хераскова не было большого поэтическаго таланта; но у него были просвѣщенный умъ, благородный характеръ и глубокая симпатія къ наукѣ и литературѣ. Еще находясь при типографіи, онъ привлекалъ къ себѣ образованныхъ людей изъ университетской молодежи, и около него составилъ своего рода литературный кружокъ, къ которому принадлежали: Богдановичъ, бывшіе тогда студентами братья Фоль-Визины, До-

(1) Эти свѣдѣнія заимствованы изъ слѣдующихъ статей: Очеркъ жизни и дѣятельности Хераскова въ словарѣ митр. Евгенія; Черты частной жизни Хераскова. Москвит. 1850, № 4; Краткая біографія Хераскова и списокъ его сочиненій М. Лонгинова. Русск. Архивъ 1873 г. Разказы о Херасковѣ Ю. Бертенева. Русск. Арх. 1879. кн. 3.

машневъ, Булгаковъ, И. С. Потемкинъ, Санковскій и др. Въ началѣ 60-хъ годовъ Херасковъ издавалъ два журнала: „Полезное увеселеніе“ (1760—1761) и „Свободные часы“, въ которыхъ участвовали упомянутые писатели. Подъ его же, вѣроятно, руководствомъ выходили сначала и „Невинное Упражненіе“ Богдановича (1763 г.) и „Доброе Намѣреніе“ Санковскаго (1764 г., тогда Санковскій былъ студентомъ). Въ 1775 г. Херасковъ вступилъ въ Масонское общество и тогда же познакомился съ Новиковымъ и Шварцемъ, котораго онъ припаялъ въ профессору университета. Будучи назначенъ въ 1778 г. кураторомъ университета, онъ открылъ „Благородный Пансіонъ“, отдалъ Новикову на 10 лѣтъ въ аренду университетскую типографію и изданіе Московскихъ Вѣдомостей; разрѣшилъ Шварцу открыть при университетѣ съ 1779 г. „Педагогическую Семинарію“, а въ 1781 г. „Собраніе университетскихъ питомцевъ“, изъ которыхъ въ 1782 г. образовалось „Дружеское ученое общество, преобразованное потомъ въ „Типографическую Компанію“. Благодаря такой благотворной дѣятельности и многочисленнымъ своимъ сочиненіямъ, Херасковъ пользовался всеобщимъ уваженіемъ. Россійская Академія при самомъ открытіи своемъ въ 1783 г. сдѣлала его своимъ членомъ и одну изъ его трагедій „Зорейда и Ростиславъ“ увѣнчала своей преміей (уже послѣ его смерти, въ 1807 г.). Въ кругу ученыхъ и писателей онъ имѣлъ такой авторитетъ, что рѣдкій изъ нихъ не обращался къ нему за совѣтами въ своихъ литературныхъ трудахъ; его обыкновенно называли старостой россійской литературы. Въ такомъ видѣ, въ видѣ совѣтника и руководителя, онъ и самъ изображаетъ себя въ VII книгѣ Полидора, гдѣ, перечисливъ и похваливъ „достошныхъ своихъ современниковъ, Державина, Карамзина, Богдановича, Нелединскаго-Мелецкаго и Петрова, онъ обращается къ молодымъ писателямъ съ наставленіемъ, въ которомъ выразились начала его собственной дѣятельности: „Памятайте, что ядовитость, самолюбіе и тщеславіе музамъ не приличны суть; онѣ дѣвы и любятъ непорочность правоты, любятъ пѣхвое сердце, сердце чувствующее, душу мыслящую. Не имѣющіе правилъ добродѣтели, главнымъ своимъ видомъ вольнодумцы, горделивые стопослагатели, блага общаго парушители—друзьями ихъ наречься не могутъ“⁽¹⁾. Умеръ Херасковъ въ 1807 г. на 74 году.

Поэмы Хераскова. Литературная дѣятельность Хераскова продолжалась очень долго, и онъ написалъ очень много сочине-

(1) Сочин. XI, 2—3.

ній во всѣхъ родахъ — эпическомъ, лирическомъ и драматическомъ; но славу у современниковъ, какъ выше указано, онъ приобрѣлъ себѣ преимущественно двумя эпическими поэмами: „Россиадою“ и „Владиміромъ“.

Россиада. Предметъ „Россиады“ составляетъ покореніе Казани. Объясняя, почему поэму, изображающую такое частное событіе, какъ покореніе Казани, онъ назвалъ „Россиадою“, Херасковъ указываетъ на то великое значеніе, какое, по его мнѣнію, имѣло это событіе для всей Россіи. „Воспѣвая разрушеніе царства Казанскаго со властію державцевъ Ордынскихъ, говоритъ онъ, я имѣлъ въ виду успокоеніе, славу и благосостояніе всего російскаго государства; знаменитые подвиги не только одного государя, но и всего російскаго войства, и возвращенное благоденствіе, почему сіе твореніе и „Россиадою“ названо.... Важно ли сіе приключеніе въ російской исторіи? Истинные сыны отечества, обозрѣвъ умомъ бѣдственное тогдашнее Россіи состояніе, сами почувствовать могутъ, достойно ли оно эпопеи... а моя поэма сіе оправдать обязана“ (1). Если это объясненіе съ строгой исторической точки зрѣнія является одностороннимъ, то оно вполне согласно съ народными воззрѣніями какъ вообще на татарскую эпоху, такъ и въ частности на покореніе Казани. Народныя быліны показываютъ, что татарское иго заслонило въ памяти русскаго народа всѣ прежнія бѣдствія и всѣхъ прежнихъ враговъ Россіи и сдѣлало татаръ символомъ всякой враждебной силы, а покореніе Казани, какъ окончательное уничтоженіе татарскаго царства, представлялось народу началомъ славы царя и послѣдующаго благоденствія московскаго царства.

«И въ то время князь воцарился,
И насѣлъ въ московское царство,
Что тогда-де Москва основалася,
И съ тѣхъ поръ великая слава» (2).

И Херасковъ, защищая свою поэму, говоритъ: „Горе тому россианину, который не почувствуетъ, сколь важную пользу, сколь сладкую тишину и сколь великую славу приобрѣло наше отечество отъ разрушенія казанскаго царства. Надобно перейти въ тѣ страшныя времена, когда Россія была поработчена татарскому игу, надобно вообразить набѣги и нагосги Ордынцовъ, внутрь нашего государства чинимые, представить себѣ князей російскихъ, раболѣпствующихъ и зависящихъ отъ гордаго или уничижительнаго

(1) Сочин. I, XII. (2) Собрн. Киршы Данилова, стр. 284.

самовластія царей казанскихъ, видѣть правителей татарскихъ не только по городамъ, но и по всѣмъ селамъ учрежденныхъ, и даже кумировъ своихъ, въ самую Москву присылающихъ, для поклоненія имъ князей обладающихъ—надобно прочесть внимательно всю исторію страданія нашего отечества, во время его порабощенія ордынцамъ, и вдругъ вообразить Россію надъ врагами своими торжествующую, иго мучителей своихъ свергнутою, отечество наше побѣдоносными лаврами увѣнчанное — читатель, ожеле, преходя всѣ сн бѣдства нашего отечества, сердце твое кровію не обливається, духъ твой не возмутится и въ сладостный восторгъ не придетъ — не читай мою Россіяду, она не для тебя написана; написана она для умѣющихъ чувствовать, любить свою отчизну и дивиться знаменитымъ подвигамъ своихъ предковъ, безопасность и спокойство своему потомству доставившихъ“ (1). Такимъ образомъ, предметъ Россіады, взятый изъ исторіи борьбы съ татарами и представляющій послѣдній славный актъ ея, былъ самый національный. Но вмѣстѣ съ тѣмъ этотъ предметъ былъ и самый близкій къ интересамъ того времени. Въ то время все вниманіе русскаго общества было поглощено турецкими войнами, на которыя истинно русскіе люди смотрѣли какъ на продолженіе борьбы съ татарами. Магомстане турки такъ же какъ татары были врагами христіанства и христіанскаго просвѣщенія. Во власти турокъ находилась колыбель христіанской вѣры, святая земля, Іерусалимъ и гробъ Господень; въ ихъ рукахъ былъ Константинополь, откуда возсіялъ въ Россіи свѣтъ вѣры православной; подъ ихъ игомъ страдали единовѣрныя и единоплеменныя намъ славянскія страны, Болгарія и Сербія, сообщившія намъ первыя начала христіанскаго просвѣщенія и славянской письменности. Все это придавало особенное значеніе турецкимъ войнамъ и вызвало тогда извѣстный „Восточный проэктъ“, по которому предназначалось изгнать турокъ изъ Европы и возстановить греческую имперію. Восточному проэктору сочувствовали всѣ истинные патріоты и православные русскіе люди, къ которымъ принадлежалъ и Херасковъ. Еще въ 1771 г. по случаю уничтоженія турецкаго флота при Чесмѣ, онъ написалъ поэму „Чесменскій бой“, въ которой, изображая страданія грековъ отъ турокъ, онъ говоритъ:

«Во славу гдѣ сіялъ божественный законъ
И вѣра на столпахъ воздвигла свѣтлый тронъ,
Гдѣ храмы вознесли главы свои златыя,
Курился енимамъ и съ нимъ мольбы святая;

(1) Сочин. I, XVII—XVIII.

Гдѣ музъ божественныхъ былъ слышатъ гласъ,
Гдѣ зрѣлся Геликонъ, гдѣ древній звѣлъ Парнасъ...
Не пѣсни сладкія вспѣвають музъ днесъ

На грекахъ тяжкія оковы тамъ звучатъ;
Святыя зданія въ пустыни превращены;
Изъ материныхъ рукъ ихъ дочери похищены.
Въ чужихъ рукахъ теперь ахейскій славный градъ;
Гдѣ зрѣли греки рай, тамъ видятъ нынѣ адъ.

Изобразивъ страданія грековъ, Херасковъ оканчиваетъ поему такими словами:

«Но близокъ, можетъ быть, приходъ златыхъ вѣковъ,
И греки изъ своихъ изторгнутся оковъ» (1).

Въ композиціи и стилѣ Россіады Херасковъ слѣдовалъ известной ложноклассической теории эпопеи и подражалъ всѣмъ эпическимъ поэмамъ, составленнымъ по этой теории, на что онъ и указываетъ въ концѣ предисловія къ поэмѣ: „Повѣствовательное сіе твореніе расположилъ я на исторической истинѣ, сколько могъ отыскать печатныхъ и письменныхъ извѣстій, къ моему намѣренію принадлежащихъ; присовокупилъ къ тому небольшіе анекдоты, доставленные мнѣ изъ Казани.... Но да памятуютъ мои читатели, что какъ въ эпической поэмѣ вѣрности исторической, такъ въ дѣписаніяхъ поэмы искать не должно. Многосметалъ я, переносилъ изъ одного времени въ другое, изобрѣталъ, украшалъ, творилъ и созидалъ. Успѣлъ-ли я въ предпріятіи моемъ, о томъ не мнѣ судить; но то неоспоримо, что эпическія поэмы, имѣющія въ виду своемъ иногда особливья намѣренія, обыкновенно по таковымъ, какъ сія, правиламъ сочиняются“ (2). Изъ этихъ словъ Хераскова объясняются какъ общій характеръ, такъ и всѣ недостатки его поэмы, которые сколько зависѣли отъ его таланта, столько же были и недостатками теории и образцовъ, которымъ онъ подражалъ. Правила теории эпической, какъ указано выше, были изложены еще Тредьяковскимъ въ предисловіи къ переводу „Приключеній Телемака“ (3); Херасковъ не повторяетъ этихъ правилъ, а дѣлаетъ только общій обзоръ образцовыхъ эпическихъ поэмъ.

(1) Сочин. III, 96—97; 155. (2) Сочин. I, XIII.

(3) См. Ист. Русск. Словесности. Новый періодъ. Отд. I, стр. 137—139.

Подобно другимъ поэмамъ, Херасковъ и свою поэму начинаетъ словами „пою“ и обращеніемъ, вмѣсто Аполлона и музъ, къ духу стихотворенія и къ вѣчности:

«Пою отъ варваровъ Россію свободенну;
Попранну власть татаръ и гордость низложенну;
Движеніе древнихъ силъ, труды, кроваву брань,
Россіи торжество, разрушенну Казань.
Изъ круга сихъ временъ спокойныхъ лѣтъ начало,
Какъ свѣтлая заря, въ Россіи возсіало.»

Первая пѣснь начинается описаніемъ бѣдственнаго положенія Москвы, послѣ большаго московскаго пожара. Всевышній обращаетъ взоры на страдающую Россію и посылаетъ съ неба князя Александра Тверскаго возвѣститъ во снѣ царю Іоанну волю Божию спасти Россію. Получивъ видѣніе во снѣ, въ которомъ ему были показаны всѣ князья - предки, пострадавшіе отъ татаръ, Іоаннъ рассказываетъ объ этомъ видѣніи Адашеву, а потомъ, подобно Дмитрію Донскому, отправляется за благословеніемъ на войну противъ Казани въ Лавру преп. Сергія:

«Мужъ святой! Ты Дмитрію помогъ
Татарскія луны сломить кичливый рогъ.
И мнѣ ты помощи, дерзнувъ противъ Казани
Россію оправдать во подлежащей брани;
Мое отечество, о Сергій, и твое....
Возносить предъ тебя моленіе сіе!»

Это составляетъ содержаніе 1-й пѣсни.

Во 2-й пѣсни изображается собраніе царской думы. Царь Іоаннъ говоритъ рѣчь, на которую отвѣчаютъ своими рѣчами бояре Кубенскій, Глинскій, Курбскій, Адашевъ, Хилковъ. Царь рѣшается отправиться въ походъ противъ Казани. Услышавъ объ этомъ рѣшеніи, является царица съ младенцемъ на рукахъ, и подобно княгинѣ Евдокии, провожающей плачемъ своего супруга Дмитрія на войну противъ Мамаю, плачетъ и проситъ Іоанна или отмѣнить свое рѣшеніе, или взять ее вмѣстѣ съ собою въ походъ.

Начиная съ 3-й пѣсни и до 6-й описывается страшно разстроенное придворными интригами и внутренними смутами состояніе Казанскаго царства предъ началомъ войны. Царицей въ Казани въ это время была Сумбека, вышедшая во второй разъ замужъ за царевича Алея. Чтобы узнать о будущей судьбѣ своего царствованія, Сумбека отправляется въ очарованный казанскій лѣсъ на могилу прежняго своего супруга, Сафагирея. Опи-

саніе очарованнаго казанскаго лѣса сдѣлано по образцу очарованнаго лѣса въ Освобожденномъ Іерусалимѣ Тасса:

«Подъ тѣнью горъ крутыхъ казанскихъ видѣнъ лѣсъ,
Въ который входа нѣтъ сіянію небесъ;
На вѣтвяхъ вѣчные лежатъ густые мраки.
Проходимъ дивные являющіе призраки;
Тамъ, кажется, простеръ покровы томный сонъ;
Трепещущи листы даютъ печальчій стонъ;
Зефиры нѣжные среди весны не вѣютъ.
Тамъ вянуть вкругъ цвѣты, кустарники желтѣютъ.
Когда усыплетъ ночь звѣздами небеса,
Тамъ кажутся въ огнѣ ходящіе дресеса;
Изъ мрачныхъ нѣдръ земныхъ изходитъ бурный пламень;
Кустарники дрожатъ, о камень бьется камень;
Не молкнетъ шумъ и стукъ, тамъ вѣчно страхъ не спитъ,
И молнія древа колеблетъ, жжетъ, разитъ...»

Вѣщаютъ, что духовъ въ печально царство то
Безъ казни отъ небесъ не смѣлъ вступать никто;
Издравле для прохладѣ природою основанъ,
Но послѣ оный лѣсъ волхвами очарованъ»⁽¹⁾.

Въ долину этого очарованнаго лѣса находятся могилы прежнихъ татарскихъ царей. Нашедши могилу Сафагирея, Сумбека, какъ волшебница, вызываетъ тѣнь его и спрашиваетъ о будущей судьбѣ Казанскаго царства. Тѣнь Сафагирея предсказываетъ разрушеніе Казани и паденіе магометанства:

«Увы!.. Ордынску власть Россія изтребитъ,
Меча ея ничто отъ насъ не отвратитъ.»

Ахъ, вскорѣ новый здѣсь сіяти будетъ свѣтъ,
И воздрусится крестъ, гдѣ нашъ пророкъ живетъ»⁽²⁾.

Съ 6-й пѣсни начинается описаніе похода Іоанна Грознаго противъ Казани. Когда всѣ войска, назначенныя въ походъ, собрались въ Коломну, явился и самъ Іоаннъ, чтобы вести ихъ. Въ качествѣ вождя посреди русскихъ войскъ, онъ сравнивается съ Агамемнономъ въ Іліадѣ, когда онъ явился съ греческимъ войскомъ подъ стѣнами Трои. Между тѣмъ, когда уже все было готово къ походу, приходитъ извѣстіе о набѣгѣ крымскихъ татаръ на Рязань. Грозный отправляетъ противъ нихъ князя Курбскаго, говоря:

«Тебѣ спасеніе отечества вручаю,
Въ тебѣ любви къ нему всѣхъ больше примѣчаю;

⁽¹⁾ Пѣснь IV; сочин. I, 53. ⁽²⁾ Стр. 70.

Грабителей казнить, на крымцовъ ты иди,
Взявъ третью войска часть, ступай и побѣди»⁽¹⁾.

На помощь Курбскому противъ крымцевъ Богъ посылаетъ св. мучениковъ, Бориса и Глѣба, которые, по Сказанію о Мамаевомъ побоищѣ, сражались противъ татаръ и во время Куликовской битвы.

Описаніе похода русскаго войска противъ Казани довольно живописно:

«Какъ туча, молніи въ груди своей несуща,
Перунамъ пламеннымъ свободы не дающа,
Высокимъ зданіямъ и хижинамъ грозитъ,
Но, въ нѣдрахъ кроя смерть, идетъ и не разитъ:
Толикій гнѣвъ несетъ и молніи такія
Къ Казани съ пламенемъ парящая Россія;
Отважность, кроясь среди ея полковъ,
Ведетъ къ сраженію ихъ внизъ волжскихъ береговъ»⁽²⁾.

Какъ въ поэмѣ Тасса магометанамъ въ борьбѣ съ крестоносцами помогаютъ адскія силы, такъ и въ Россіадѣ изображается „Олицетворенное Безбожіе“, источникъ всѣхъ золъ, для котораго несправедливы успѣхи русскихъ войскъ и которое, боясь потерять свою власть въ странѣ казанской, поднимаетъ противъ нихъ всѣ силы ада. Между прочимъ оно возмущаетъ противъ русскихъ черемисъ и обращается съ мольбою къ ихъ владыкѣ, Киреметю:

«А ты, который здѣсь изъ самыхъ древнихъ лѣтъ
Перуномъ нареченъ, о грозный Киреметь,
Который устрашалъ полночные народы!
И нынѣ устраши, взбунтуй огонь и воды...
Свирѣпостью дыша и пагубу твоя,
Я въ сѣти уловлю россійскаго царя»⁽³⁾.

Киреметь волнуетъ Волгу и возбуждаетъ ее разбить русскія суда. Затѣмъ описываются разныя другія препятствія, какія русскія войска встрѣчаютъ на пути своемъ къ Казани.

Въ Энеидѣ Виргилія (VI пѣснь) описывается схождение Энея въ адъ, гдѣ ему отецъ его Анхизъ предсказываетъ будущую судьбу его потомковъ до импер. Августа; подобно этому въ Генриадѣ Вольтера св. Людовикъ Генриху IV въ сповидѣніи показываетъ всѣхъ будущихъ королей Франціи; точно также и въ Россіадѣ пустынный Вассіанъ возводитъ Іоанна Грознаго на какую-то „Гору пророчествъ“ и указавъ на „Градъ Божій“ въ видѣніи по-

(1) Сочин. III, 104. (2) III, 118. (3) 134.

казываетъ ему сначала его славныхъ предковъ св. князя Владимира, на третьемъ небѣ, мудрую Ольгу, Бориса и Глѣба, храброго Александра Невского, дѣда Иоанна, мать Грознаго, которую Грозный хотѣлъ „облобызать, но тѣла не возмогъ устами осязать“, а потомъ показываетъ послѣдующія событія его царствованія и наконецъ будущую судьбу Россіи при его преемникахъ.

«Ты видишь, старецъ рекъ, божественну судьбину;
Колѣна преклони! се книга предлежитъ;
Зри буквы тайныя. И царь на книгу зреть.
Крестообразно вкругъ нее лучи спиральсь,
Въ ней сами отъ себя листы перебирались,
Какъ чистою брега наполнены водой
Являютъ небеса свѣтлаци надъ рѣкой:
Во книгѣ ясно такъ изображенно зрится,
Чему назначено въ грядуще время сбытися.

Грозный смотритъ и говоритъ:

«Врата отверзлися мнѣ гордыя Казани;
Ордынскій сильный царь у ногъ моихъ лежитъ,
Приноситъ Волга дань, Кавказъ отъ стрѣлъ дрожитъ;
Смущена Астрахань упала на колѣни;
Уже моихъ знаменъ въ Сибирь простерлись тѣни».

Перечисляя преемниковъ Грознаго, Вассіанъ съ великимъ восхищеніемъ останавливается на Петрѣ В. и Екатеринѣ:

..... «Се твой потомокъ Петръ!
Онъ людямъ дастъ умы, дастъ образъ нравамъ дикимъ,
Россіи нову жизнь, и будетъ слыть великимъ».
Се! лучшая времена, пустынный рекъ, судьбина,
Пріемлетъ царствія вожди Екатерина;
Премудрость съ небеси въ полночный край сойдетъ,
Блаженство на престолъ въ лицѣ ся взведетъ.

.....
Екатерина вѣкъ Астрейнъ возвратитъ,
Что въ мысляхъ Петръ имѣлъ, то дѣломъ совершитъ» (1).

Въ 10-й пѣсни, приступая къ изображенію осады Казани, авторъ дѣлаетъ перечисленіе главныхъ вождей русскаго войска, напоминающее перечисленіе въ Илиадѣ греческихъ кораблей, приплывшихъ подъ Трою. Затѣмъ изображаются битвы русскихъ съ татарами:

«Какъ волны предъ собой Борей въ пучинѣ гонитъ,
Или къ лицу земли древа на сушѣ клонитъ;
Такъ гонятъ Россы ихъ, въ толпу соединясь»....

(1) Сочин. I, 62—63; 74.

Въ 11-й пѣсни описывается приготовленіе Розмыслѣмъ подкоповъ подъ стѣны крѣпости казанской. Въ поэмѣ Тасса, при осадѣ Иерусалима, весьма сильно вредитъ крестоносцамъ своими чарами волшебникъ Исменъ; въ Россіадѣ такую же роль играетъ волхвъ Нигринъ, который наводитъ на русское войско страшную зиму. Въ 12-й пѣсни поэтъ помѣщаетъ очень живописное описаніе царства зимы:

«Въ пещерахъ внутреннихъ кавказскихъ льдистыхъ горъ,
Куда не достягалъ отважный смертныхъ взоръ,
Гдѣ мразы вѣчный сводъ прозрачный составляетъ.
И солнечныхъ лучей паденье притупляютъ,
Гдѣ молнія мертва, гдѣ цѣпенѣтъ громъ,
Изсѣченъ изо льда стоитъ обширный домъ:
Тамъ бури, тамо хладъ, тамъ выюги, непогоды,
Тамъ царствуетъ зима, снѣдающая годы.
Сія жестокая другихъ временъ сестра,
Покрыта сѣдиной, проворна и бодра;
Соперница весны и осени и лѣта,
Изъ снѣга сотканной порфирою одѣта;
Виссономъ служатъ ей замерзлыя пары;
Престолъ имѣетъ видъ алмазныя горы;
Великіе столбы, изъ льда сооруженны;
Сребристый мечутъ блескъ, лучами озаренны;
По сводамъ солнечно сіяніе скользять,
И кажется тогда, громада льдовъ горитъ.

Тамъ зримы въ воздухѣ вѣщаемы слова,
Но все застужено, натура вся мертва;
Единый трепеть, дрожь и знобы жизнь имѣютъ,
Гуляютъ иніи, зефиры тамъ нѣмѣютъ,
Мители вылетя вкругъ и производятъ бѣгъ.
Морозы царствуютъ намѣсто лѣтнихъ нѣгъ;
Развалины градовъ тамъ льды изображаютъ,
Единымъ видомъ кровь которы застужаютъ.

Отголѣ къ намъ зима державу простираетъ,
На кладныхъ крыліяхъ морозы къ намъ несутъ;
День гонитъ прочь отъ насъ, печальныя дитя ночи
И солнцу отвращать велитъ свѣтѣи очи;
Ее со трепетомъ лѣса и рѣки ждуть.
И стужи ей ковры изъ бѣлыхъ волнъ прядутъ;
На всю натуру сонъ и страхъ она наводитъ» (1)

Наконецъ, послѣ взрыва подкоповъ, описывается самое взятіе Казани.

(1) Стр. 247—248.

Изъ представленнаго обзора содержанія Россіады видно, что, за немногими счастливыми исключеніями, почти всѣ сцены въ пей составляютъ подражаніе разнымъ сценамъ Илиады, Энеиды, освобожденнаго Іерусалима и Геприады. Русскій міръ освѣщенъ чужимъ свѣтомъ; русскія лица и событія изображаются или въ древне-классической или въ средневѣковой, рыцарской обстановкѣ. При описаніи „обвороженаго казанскаго лѣса упоминаются „вѣющіе зефиры, подъ тѣнью пляшущія дриады, гесперидскіе сады, гдѣ „тысящи пріятствъ для флоры и помыны“; „на ялы, выпырпувъ, руками восплескали, граціи токъ слезный проливали“. Да и вообще въ поэмѣ часто встрѣчаются разныя языческія божества, разные духи и волшебники, аллегорическія изображенія стихій и явленій природы, человѣческихъ добродѣтелей и пороковъ. Русскій царь и русскіе воеводы и бояре изображаются то въ видѣ троянскихъ героевъ, то въ видѣ средневѣковыхъ рыцарей. Въ характерѣ Юанна Грознаго совмѣщены черты Агамемнона, Готфрида; Курбскій напоминаетъ собою рыцаря Ринальда Тасса и даже говоритъ о сохраненіи рыцарскаго чина; Троекуровъ походитъ на Тапкрета; татарскій витязь Гидромиръ также наблюдаетъ рыцарскій уставъ; казанская царица Сумбека „красотой Киприды, а хитростью Цирцея“ изображается въ видѣ Дидоны, Цирцеи и Армилы. Такія несообразности, такъ сильно поражающія въ настоящее время, нисколько, однакоже, не поражали современниковъ Хераскова, которые потому имѣли и признавали Россіаду настоящей эпопеей, что находили въ ней тоже самое, что видѣли во всѣхъ образцовыхъ эпическихъ поэмкахъ, находили тѣже приемы и формы и такія же сцены и лица. Всѣми было признано, что поэма должна имѣть народный характеръ; но еще не было уяснено, въ чемъ должна состоять народность и какъ должны быть изображаемы заимствованныя изъ народной исторіи лица и событія. Національное чувство вполне удовлетворялось тѣми патріотическими стремленіями, какими проникнута вся Россіада; событія русской исторіи изображены въ достойномъ русскаго народа свѣтѣ; русскіе люди представлены съ такими же высокими качествами, съ какими являются герои и рыцари въ другихъ поэмкахъ. Чтоже касается требованія исторической вѣрности, строгаго согласія изображеній съ древними возрѣніями, нравами и обычаями, то это требованіе тогда еще не входило въ число правилъ литературной теоріи. Мы уже указали выше, какое относительно этого замѣчаніе Херасковъ сдѣлалъ въ предисловіи къ своей Россіадѣ: „Да памятуютъ мои читатели, что какъ въ эпической поэмѣ вѣрности исторической, такъ въ дѣйствіяхъ поэмы искать не должно“.

Поэма „Владиміръ“. Тѣже недостатки и еще въ большей степени мы встрѣчаемъ и въ другой поэмѣ Хераскова „Владиміръ“, хотя эта поэма имѣетъ другой характеръ. Преобладающимъ въ пей элементомъ является не эпическій, а лирическій, или вѣрнѣе, дидактическій элементъ. Херасковъ написалъ „Владиміра“ уже послѣ того, какъ поступилъ въ общество масоновъ, подъ вліяніемъ котораго въ немъ развилося мистическое направленіе. Этимъ направленіемъ и проникнута вся поэма. „Совѣтую, говоритъ онъ, читать оную (поэму) не какъ обыкновенное эпическое твореніе, гдѣ по большей части битвы, рыцарскіе подвиги и чудесности воспѣваются; но читать какъ страствованіе внимательнаго челоѣка путемъ истины, на которомъ срътается онъ съ мірскими соблазнами, подвергается многимъ искушеніямъ, впадаетъ во мракъ сомнѣнія, борется со врожденными страстями своими, наконецъ преодоѣлываетъ самъ себя, находитъ стезю правды и, достигнувъ просвѣщенія, возрождается“ (1).

Предметомъ поэмы служитъ принятіе христіанской вѣры св. Владиміромъ. Послѣ обращенія къ музѣ, къ Богу и къ самому Владиміру, въ поэмѣ спачала изображается въ краткихъ чертахъ славное побѣдами царствованіе князя Владиміра.

«Но, славой окруживъ и вышностію тронъ,
Владиміръ подъ вѣнцомъ былъ падшій Соломонъ».

Въ Кіевѣ, среди языческой чувственной жизни, „какъ будто среди дремучія дубровы“, жили два христіанина варяга, сынъ и отецъ, славившіеся благочестивою жизнію. Къ нимъ прилетаетъ съ неба херувимъ и приказываетъ старцу отцу идти къ князю Владиміру съ проповѣдью и просвѣтитъ его свѣтомъ христіанской вѣры. Владиміръ выслушалъ проповѣдь, но отъ принятія вѣры уклонился, сказавъ, что для этого еще не настало время. Между тѣмъ, „Духъ безбожія“, жившій въ Перунѣ, противъ варяговъ возбудилъ жрецовъ, и они потребовали отъ народа принесенія ихъ въ жертву Перуну. Мученическая смерть варяговъ страшно поразила Владиміра, который присутствовалъ при принесеніи ихъ въ жертву, и привела его къ раскаянію. Въ это время на небесахъ св. апостолъ Андрей, „полночный сей пророкъ, исполненный любви къ россиянамъ“, обратился къ Богу съ молитвою о просвѣщеніи Россіи свѣтомъ истинной вѣры,— и благодать Божія коснулась души Владиміра; Владиміръ созналъ заблужденіе язычества. Но онъ не вдругъ и не скоро могъ принять

(1) Сочин. II, II.

крещеніе, а долженъ былъ перенести множество искушеній и преодолѣть множество препятствій. Изъ описанія этихъ искушеній и препятствій, которыя занимаютъ мѣсто приключеній, испытываемыхъ героями и рыцарями въ эпическихъ поэмахъ, и состоитъ поэма „Владиміръ“.

Главнымъ врагомъ Владиміра былъ представитель адскихъ силъ, волхвъ Зломиръ, устроившій всѣ искушенія и препятствія; главнымъ помощникомъ, покровителемъ и защитникомъ—св. апостолъ Андрей, дѣйствовавшій чрезъ одного греческаго старца, Кира (¹). Волхвъ Зломиръ, живущій въ кремнистой пещерѣ на берегу Днѣпра, приходитъ къ главному жрецу Перуна, Пламиду, и ведетъ его въ храмъ Перуна спросить боговъ, что нужно дѣлать, чтобы удержать Владиміра отъ принятія новой вѣры. Кромѣ Перуна, въ храмѣ были Чернобогъ, Кій, Хорсъ, Купало, Усладь, Лада, Зничъ, Посвистъ, Волосъ, Дажьбогъ. Разные боги предлагаютъ разныя мѣры для удержанія князя въ прежней вѣрѣ; но верхъ между ними одерживаетъ совѣтъ Услава (бога пріятствъ и любви)—„связать Владиміра путами женской любви“. Согласно съ этимъ совѣтомъ, Пламидъ на праздникъ Лады приводитъ въ храмъ Перуна дочь одной жрицы, красавицу Версону. Владиміръ плѣнился Версоной; но оказывается, что Версона уже невѣста Законеста, и оба они христіане. Владиміръ пришелъ въ страшное затрудненіе; но къ нему явилась „Благочестивая вѣра“ и убѣдила его сдѣлаться христіаниномъ (²). Въ это время приходятъ къ Владиміру послы отъ разныхъ вѣръ; Владиміръ выслушиваетъ ихъ предложенія и рѣшается самъ отправиться въ Херсонъ, чтобы увидѣть христіанскую вѣру. Между тѣмъ, жрецъ Пламидъ, узнавъ, что Законестъ христіанинъ, назначилъ принести его въ жертву Перуну; но Версона, услышавъ объ этомъ, явилась въ храмъ и защитила Законеста своею грудью (исторія Законеста и Версоны напоминаетъ собою исторію Олинды и Софроніи въ поэмѣ Тасса). При этомъ выходитъ изъ толпы народа старецъ Идолемъ и объявляетъ, что Законестъ сынъ Пламида; не смотря на это, однакожь, Пламидъ хочетъ заколотъ Законеста. Но Владиміръ беретъ его и Версону подъ свою защиту и дѣлается ученикомъ Идолема, который былъ христіанинъ и воспитанъ въ христіанской вѣрѣ Законеста и Версону (³).

Въ это время „отъ Византійскихъ стѣпъ идетъ къ Кіеву старецъ Киръ—пастырь вѣрныхъ душъ и древній философъ“. Діаволь всячески ему мѣшаетъ и хочетъ погубить; но Кира защи-

(¹) Пѣсни 1 и 2. (²) Пѣснь 3-я. (³) Пѣснь 5.

щаетъ и спасаетъ св. апостоль славянскій, Андрей первоуказанный. Онъ приводитъ Кира къ дому Законоста. Туда же приходитъ и Владиміръ ⁽¹⁾. Киръ излагаетъ Владиміру исторію домостроительства спасенія людей отъ начала міра, показываетъ два пути, какими идутъ въ мірѣ люди, и наконецъ развѣртываетъ предъ нимъ картину страшнаго суда, изображающую блаженство праведниковъ и мученія грѣшниковъ ⁽²⁾. Въ 10-й пѣсни олицетворяется „Сомнѣніе“, которое, по дѣйствию діавола, овладѣваетъ душою Владиміра. Рогдай, главный полководецъ, упрекаетъ его въ томъ, что онъ, познакомившись съ христіанами, впалъ въ разслабленіе и забылъ военныя дѣла, и совѣтуетъ ему идти на Херсонъ противъ грековъ ⁽³⁾. Этотъ совѣтъ былъ совершенно согласенъ съ внутреннимъ желаніемъ самого Владиміра, и онъ отправляется съ войскомъ въ Херсонъ. Но волхвъ Зломиръ увлекаетъ изъ его войска полководца Рогдая и вмѣстѣ съ нимъ четырехъ лучшихъ рыцарей, подобно тому, какъ волшебница Армида въ поэмѣ Тасса увлекаетъ изъ стана крестоносцевъ Ринальда и другихъ рыцарей ⁽⁴⁾. „Раздоръ“ возбуждаетъ печенеговъ напасть на русское войско. Происходитъ битва, оканчивающаяся пораженіемъ печенеговъ. Затѣмъ описываются приключенія Рогдая, по подобію приключеній рыцаря Ринальда въ поэмѣ Тасса ⁽⁵⁾. Пришедши къ Херсону, Владиміръ требуетъ, чтобы ему выдали русскихъ плѣнныхъ и сдали городъ. Киръ совѣтуетъ херсонскому правителю Ферекилу отправить къ Владиміру царевну Анну. Черезъ нее въ Совѣтѣ Вожіемъ опредѣлено совершить просвѣщеніе Россіи христіанской вѣрою и заключить вѣчный союзъ грековъ съ русскими ⁽⁶⁾.

Начиная съ 16-й и до конца 18 пѣсни описываются битвы подъ Херсономъ, взятіе его, прибытіе царевны Анны и крещеніе Владиміра. Описывая битвы подъ Херсономъ, Херасковъ обращается къ полному пѣвцу Осіану и древнему Бояну:

«О древнихъ лѣтъ пѣвецъ, полночный Осіанъ!
 Въ развалинахъ вѣковъ погребшійся Баянъ!
 Тебя намъ возвѣстилъ незнаемый писатель ⁽⁷⁾;
 Когда онъ былъ твоихъ напѣвовъ подражатель;
 Такъ Игоревъ пѣснь изображаетъ намъ,
 Что душу подавалъ Гомеръ твоимъ стихамъ;
 Въ нихъ слышны, кажется мнѣ, пѣсни соловьины,

⁽¹⁾ Пѣснь 6. ⁽²⁾ Пѣсни 7, 8 и 9. ⁽³⁾ Пѣснь 10. ⁽⁴⁾ Пѣснь 11.

⁽⁵⁾ Пѣсни 12, 13 и 14. ⁽⁶⁾ Пѣснь 15.

⁽⁷⁾ Разумѣется авторъ Слова о полку Игоревѣ, которое тогда было только что открыто.

Отважный львиный ходъ, паренія орлины;
Ты, можегь быть, Баянъ тому свидѣтель былъ,
Когда Владиміръ въ Тавръ законъ пріять ходилъ,
Твой духъ еще когда витаетъ въ здѣшнемъ мірѣ!
Води моямъ перомъ, учи играть на лирѣ!»...

Послѣ битвы и разныхъ искушеній, Владиміръ овладѣваетъ Херсономъ и, получивъ руку греческой царевны Анны, принимаетъ крещеніе отъ старца Кира.

«Владиміръ, жизнь водой дающею омылся,
Очистился, воскресъ, Владиміръ возродился.

Отпала твердая отъ глазъ его кора,
Сіонская ему отверзлася гора,
На коей, какъ Мойсей, онъ видитъ Бога въ славѣ;
Восторги чувствуетъ всей сущности въ составѣ».

Разсказывая затѣмъ о бракѣ Владиміра съ царевною Анною, Херасковъ заключаетъ свою поэмъ о немъ слѣдующими словами:

«Онъ солнцемъ подлинно явился Россамъ вскорѣ,
Простерлась благодать по сѣверу какъ море.
Все воинство его, вельможи и сыны,
И духомъ и водой въ Херсонѣ крещены...
Изчезъ въ Россіи мракъ, разрушились кумиры,
Побѣдоносну пѣснь зыграли райски лиры,
Владиміръ въ вѣчности вѣнцами покровенъ,
Доколѣ свѣтъ стоитъ, не можетъ быть забвенъ;
Онъ подвигомъ святымъ во вѣки будетъ славенъ,
Россію просвѣтилъ, апостоламъ онъ равенъ» (1).

Новѣсти Хераскова. Въ „Россіадѣ“ и „Владиміръ“ Херасковъ воспѣлъ самыя знаменитыя событія изъ древней русской исторіи; въ повѣстяхъ „Нума Помпилій или Прочиѣтающій Римъ“, „Кадмъ и Гармонія“ и „Полидоръ, сынъ Кадма и Гармонія“ онъ изображаетъ характеръ новаго времени въ царствованіе Екатерины, которая въ законодательствѣ и управленіи, въ воспитаніи и образованіи народа стремилась распространить туманныя пачала новой философіи и сама на престолѣ явилась государемъ философомъ. Всѣ названныя повѣсти относятся, по своему характеру, къ тому роду литературныхъ произведеній, въ которыхъ писатели XVIII вѣка, подъ именами разныхъ знаменитыхъ мужей

(1) Сочин. II, 292—294.

древности, любили изображать современныхъ государственныхъ дѣятелей, или отъ лица древнихъ мужей предлагать имъ уроки новой политической мудрости, рисовать новые идеалы и планы государственнаго управления. Таковы были: „Приключенія Телемака“ Фенелона и „Аргопиды“ Юанна Баркляя, переведенныя на русскій языкъ еще Тредьяковскимъ (1751); „Жизнь Сифа, царя Египетскаго“ аббата Террасона, переведенная Фонъ-Визинимъ (1762—1768); „Велисарій“ Мармонтеля и „Нума Помпилій“ Флоріана. Херасковъ въ своихъ повѣстяхъ подражалъ всѣмъ этимъ сочиненіямъ. Повѣсть „Нума Помпилій“ передѣлана изъ повѣсти Флоріана. Въ предисловіи къ ней онъ говоритъ: „Сладкорѣчивый Цицеронъ, удивляясь Нумѣ, почиталъ его великимъ потому, что онъ произвелъ въ дѣйство науку царствовать, когда еще греки никакаго понятія о томъ не имѣли“. Съ этой именно стороны — какъ государственный правитель, и изображается въ повѣсти Нума, который, пользуясь совѣтами нимфы Эгеріи, сдѣлалъ римлянъ счастливыми, буйный хищническій народъ преобразовалъ своими законами въ честный и трудолюбивый, и такимъ образомъ положилъ твердую основу для будущаго могущества и величія римскаго государства. Въ Нумѣ представленъ идеалъ государя (подъ нимъ разумеется Екатерина), стремящагося сдѣлать свой народъ счастливымъ, но философскимъ воззрѣніемъ XVIII в. Потому и самъ Нума въ началѣ повѣсти называется философомъ, а въ концѣ, послѣ изображенія его счастливаго и благодѣтельнаго царствованія, замѣчено: „Можно теперь сказать съ божественнымъ Платономъ: счастливы тѣ народы, у которыхъ философъ государемъ бываетъ, или государь философомъ дѣлается! И можно увѣриться, что слава не однимъ оружіемъ и по одиѣмъ войнами пріобрѣтасма бываетъ“⁽¹⁾. Вотъ въ какихъ чертахъ изображается философскій идеалъ государя. „Помню, говоритъ Нума, что я современникамъ и потомству, а паче всего богамъ за правленіе мое отвѣчать обяжамъ; помню, что мое благополучіе соединено съ благополучіемъ общимъ. Не ради единой роскоши, чести и вѣги цари на престолы восходятъ; царскій вѣнецъ тогда служитъ украшеніемъ, когда подданные его добродѣтелями украшаются, и престолы только тѣ спокойны и тверды, гдѣ народъ, огражденный безопасностію, въ сладкой тишинѣ безопасности поконится“.... „Должно-ли тебѣ опасаться частныхъ погрѣшностей, когда цѣлое общество къ добру преклопится намъреваньясь? Встрѣчающіеся кампи, мѣли и проасти не препятствуютъ рѣкѣ простираться быстро вдалѣ теченія; дѣлай бла-

(1) Сочин. XII, 162.

гополучными достойныхъ быть таковыми, оставь пороки собственному ихъ наказанію и злыя совѣсти внутреннему ихъ угрызенію. Когда ты дѣлаешь общее добро, то можешь ли сожалѣть, ежели кто отъ своихъ беззаконій погибнетъ и не имѣетъ участія въ общей пользѣ? „Ты безпокоишься, опасался обмановъ отъ своихъ вельможей; есть удобныя средства узнавать сокровенныя ихъ склонности: изъ домовой и частной жизни усматривай способности начальниковъ и правителей; ибо тотъ, кто съ ближними жить не умѣетъ, благоразумно пачальствовать не можетъ; а тотъ еще меньше, кто свое отечество ненавидитъ“. „Касательно твоихъ законовъ, они все будутъ отъ тебя даны народу, какъ бы благоразумны ни были, ежели напередъ не привлечешь римлянъ къ любви своего отечества, къ любви своего ближняго, и къ любви боговъ, главнѣйшей добродѣтели человѣческой; безъ того строгость законовъ будетъ ужасать ихъ, но не приведетъ къ точному исправленію: щедроты не могутъ умягчать сердце ихъ. Ни ясное толкованіе законовъ, ни видимая польза, ни общее спокойствіе не содѣлаютъ ихъ лучшими, ежели умы ихъ не будутъ приуготованы къ познанію истины, ни души богопочитаніемъ воспламенены не будутъ“... „Сдѣлать людей счастливыми иначе не можно, какъ отнять у нихъ все вредныя предразсудки и злоупотребленія. На сихъ столпахъ должны законы основаться, ежели желать, чтобы они впечатлѣлись въ сердца человѣческія и сдѣлали ихъ полезными самимъ себѣ, отечеству и государю“... „Человѣкъ не знающій Бога, или не чувствующій его существованія въ сердцѣ своемъ, люте хищнаго звѣря. Сей извергъ природы недостоинъ въ обществѣ участія имѣть; ибо, не зная Бога, и правилъ добродѣтели знать не можетъ. Опъ возмутитъ общее спокойство, и на подобіе смертопоснаго яда, все, до чего ни коснется, заражаетъ“ (1)... „Мудрый государь, который умѣетъ самъ подавать совѣты, не постыдится принять опытъ отъ другаго. Для справедливаго монарха нѣтъ стыда, по своимъ ли мнѣніямъ, или по чужимъ онъ законы учреждаетъ, только бы они полезны были общему добру“... „Истинное блаженство человѣческаго рода отъ благоразумныхъ законовъ пристекаетъ. Но законы суть одно начертаніе, на которомъ щастіе и благополучіе общества утверждается; они требуютъ исполненія, а исполненіе зависитъ отъ людей просвѣщенныхъ и добродѣтельныхъ; ибо законы сами собою дѣйствовать не могутъ“... „Не страшилища и не казни чистую совѣсть въ насъ производятъ, но производятъ ее добрыя примѣры и награждаемыя добродѣтели“... „Любовь къ

(1) Сочин. XII, 36—39; 40; 42; 45; 79—80.

Богу главнѣйшая должность человѣческая, и безъ сего чувства никакіе законы сильны быть не могутъ"... „Не великолѣпіемъ, не расточеніемъ злата и сребра, не сильными войсками прибрѣль сію славу, сіе удивленіе, почтеніе и любовь Нума отъ своихъ подданныхъ и отъ сосѣдей; прибрѣль онъ все сіе своимъ благо-разуміемъ, мудрымъ попеченіемъ о своемъ отечествѣ, соблюденіемъ свято дружества съ своими сосѣдами и союзниками и цѣлому-дренною жизнію“. — Оглыскивая въ исторіи государей, подобныхъ изображенному въ „Нумѣ“, авторъ останавливается на Петрѣ В. и Екатеринѣ:

«Но въ поздны времена восходитъ, будто кедръ,
 Превыше всѣхъ царей законодавецъ Петръ.
 Трудится, бодрствуегь, Россію оживляетъ,
 И новы небеса и новый міръ являетъ;
 Разсудкамъ свѣтъ даетъ, чувствительность сердцамъ;
 Прославилъ подданныхъ и сталъ безсмертенъ самъ.
 По немъ является краснѣ райска крина
 Цвѣтущая въ очахъ у насъ Екатерина.
 Не нужны нимфы ей, не нужны чудеса;
 Нѣтъ празднаго для ней въ правленіи часа;
 Россіянъ милуетъ, покоитъ, просвѣщаетъ;
 То пишетъ имъ въ законъ, что истинна вѣщаетъ;
 Не гордость намъ вдохнуть, не къ злату приманить,
 Она спокойными насъ хочетъ учинить...»

Почтенья къ тѣмъ святымъ словамъ я ввѣкъ не рущу:
 Петръ Россамъ далъ тѣла, Екатерина душу» (¹)...

Съ повѣстью „Нума Помпилій“ находится въ тѣсной связи повѣсть „Кадмъ и Гармонія“. Въ первой изображены плоды истинной философіи; въ послѣдней—послѣдствія ложной философіи. Показывая отношеніе этой повѣсти къ „Нумѣ Помпилію“, Херасковъ въ предисловіи къ ней говоритъ: „Тамъ изображенъ истинный философъ, изъ уединенія и пріятнаго жизни извлеченный, на римскій престолъ возведенный и благоденствію своихъ подданныхъ споспѣшествующій. Здѣсь описывается сынъ царскій, самъ государствующій въ Беогіи, но по нѣкому злему року, а паче по его собственнымъ душевнымъ развлеченіямъ, престола отчужденный и бѣдственную жизнь въ міръ влекущій“. Изгнанный изъ Беогіи, Кадмъ странствуетъ по разнымъ странамъ, испытывая самыя разнообразныя приключенія, описаніе которыхъ и составляетъ предметъ повѣсти. Главный интересъ ея, впрочемъ, заклю-

(¹) Сочин. XII, 94; 135; 153—154; 157; 165.

чается не въ самыхъ приключеніяхъ, взятыхъ изъ античныхъ, мифическихъ и легендарныхъ сказаній, а въ тѣхъ идеяхъ, которыя при этомъ высказываются относительно воспитанія, законодательства и управленія. Подобно предыдущей повѣсти, и повѣсть „Кадмъ и Гармонія“ имѣетъ характеръ политической и написана по подражанію „Телемаку“ Фенелона. Какъ при описаніи путешествія Телемака рѣшаются важнѣйшіе государственные вопросы, такъ и въ „Кадмѣ“, при изображеніи нравовъ и обычаевъ разныхъ странъ, постоянно помѣщаются размышленія о томъ, какъ лучше можно устроить счастье людей въ обществѣ и государствѣ. Кадмъ учитъ государей и правителей, какъ нужно управлять подданными, какъ заставить ихъ трудиться съ пользою для себя и для другихъ. Есть много размышленій о томъ, въ какихъ гибельнымъ послѣдствіямъ ведутъ невѣріе и своеволие, размышленій, вызванныхъ современнымъ революціоннымъ состояніемъ Франціи. Такъ, во 2-й книгѣ повѣсти старецъ Гифанъ разсказываетъ Кадму: „Видѣлъ я безумцевъ, совсѣмъ боговъ уничтожающихъ, но философиами нарицающихся и послѣдователей имѣющихъ: то были слѣпцы, другихъ слѣпцовъ провождающіе и во мракѣ душевной нечувствительности засыпающіе. Камни вопіяли имъ, небеса вѣщали, бури гласили, воды, земля, громы и молніи повторяли, сердце говорило: есть Богъ, есть Богъ всемогущій! оглушены и слѣпцы, они ничему не внимали; сонъ ихъ заблужденій былъ крѣпокъ, и наконецъ или самоубійствомъ, или умоизступленіемъ жизнь они оканчивали. Таковы слѣдствія суть упомянутаго невѣрія“.... „Всѣ джефилософы суть несчастны; они сами бытіемъ своимъ наслаждаться не умѣютъ, ни въ обществѣ съ сомышленниками своими ужитья не могутъ. Вольнодумство есть родъ пьянственнаго состоянія: они, заимствуя образъ понятія другъ у друга, въ неистовомъ восторгѣ объемяются; но гордостью упоены, за отличныя малѣйшія мнѣнія, за несходственные правила, какъ въ буйственномъ пиршествѣ, другъ друга порицаютъ, язвятъ, убиваютъ и торжествуютъ“ (1).... Но особенно въ мрачныхъ чертахъ описывается состояніе Франціи во время революціи въ другой повѣсти „Полидоръ, сынъ Кадма и Гармонія“, составляющей продолженіе „Кадма и Гармонія“. Въ повѣсти изображаются приключенія Полидора, сына Кадмова, между которыми, въ указанномъ отношеніи, особенно замѣчательно пребываніе его на островѣ Терзитанъ. Подъ этимъ островомъ разумѣется современная Франція. Во время плаванія по атлантическому океану, Полидоръ увидѣлъ островъ Терзитъ, и приставъ къ нему,

(1) Сочин. VIII, 62—64.

встрѣтилъ на берегу нѣсколько старцевъ, которые плавали и умоляли его посѣтить ихъ землю и спасти ее отъ страшнаго междоусобія. Взошедши на одну изъ береговыхъ скалъ, Полидоръ увидѣлъ „села и веси дымящіяся, грады пылающіе, поля кровію обогренныя; страшные вопли въ слухъ его доходятъ; народъ повсюду какъ стадо безъ пастыря толпящійся, въ наглому буйствѣ вопіеть: вольность, вольность! На вопросъ: кто сіи изверги, отечество ваше опустошающіе, старцы отвѣчали: Увы, не тартаръ породилъ нашего отечества грабителей и злодѣевъ; земля наша сихъ враговъ, сихъ мучителей воспитала; жены и дщери наши сихъ лютыхъ губителей млекою своимъ воздоили; въ нѣдрахъ нашего отечества сіи драконы, терзающіе носившую ихъ утробу, зачались; словомъ, они братія наши суть, сыны, родственники наши—они терзитяне.... Буйствомъ водимые, не уважаютъ они ни родствомъ, ни дружествомъ, ни благомъ общимъ; попрали святню, пренебрегли боговъ, поругались престоломъ; дивно ли, что дрожащему гласу родителей они не внемлютъ, слезами рыдающихъ сестеръ и братій не трогаются, увѣщаніями друзей ругаются и самую добродѣтельную возгнушались? О, государь! люди, утратившіе уваженіе къ божествамъ, могутъ ли что ни есть признавать священнымъ“⁽¹⁾? Затѣмъ старцы рассказываютъ о началѣ и причинахъ этихъ страшныхъ бѣдствій. „Дерзновенные вольнодумцы, говорили они, издавна начали подрывать основаніе священныхъ преданій, терзитянами воспріятыхъ и чтимыхъ; кощунство ихъ вравилось наглой юности и празднолюбцамъ; оно обольстило строптивую младость, къ новостямъ преклонную, обольстило острыми изреченіями; дерзновенные духи возторжествовали, и удачею упоены, простерли буйство свое на всѣ состоянія, на всякое установленіе, на связи общежитія... Неразсудительные чловѣки къ развратамъ всегда преклонны суть. Появились тысячи послѣдователей наглому лжетолкователей ученію, — тогда искры возпаленнаго на всесозженіе пламенника посыпались надъ капищами боговъ, надъ самою святостію и наконецъ надъ царскимъ престоломъ.... Мятежники простерли темную ночь надъ отечествомъ; они стали подобны хищнымъ звѣрямъ, или кровожаждущимъ убійцамъ, во мракѣ пресмыкающимся; древніе законы потрясшіе, изверги всякую власть попрали, но сами самовластными содѣлались; они сбросили съ себя личину любомудрія, любви, кротости и явились намъ въ адскомъ своемъ образѣ, явились люты, хищны, кровожаждущи. Первое ихъ разглашеніе повѣстило безначальство и бѣшеное равенство людей, ни съ кѣмъ

(1) Сочин. X, 91—92.

равенства недостойныхъ. Новость сія, или чародѣйное ослѣпленіе соблазнили веразумную толпу народа, собственнаго ея блага, ни естественныхъ правилъ непонимающую, — и повиновеніе исчезло⁽¹⁾! Полидоръ усмиряетъ Терзитянь, водворяетъ въ странѣ порядокъ, вводитъ мудрые законы и твердое управленіе.

Такой же характеръ и направленіе имѣетъ и повѣсть или поэма Хераскова „Царь, или спасенный Новгородъ“ (1800 г.). Въ ней съ одной стороны, какъ въ Полидорѣ, изображены „ужасъ безначалія, бѣшенство мнимой свободы и безумно-алканіе равенства“, а съ другой, какъ въ „Нумѣ Помпили“ — счастье государствъ и народовъ. Какъ Полидоръ усмиряетъ Терзитянь и даетъ имъ новое государственное устройство, такъ Рюрикъ усмиряетъ новгородцевъ, возставшихъ противъ его власти, и устрояетъ порядокъ, спокойствіе и благоденствіе въ Новгородѣ.

Къ драматическимъ произведеніямъ Хераскова относятся 1) трагедіи: „Мартезія и Фалестра“. Дѣйствіе ея происходитъ въ столичномъ славянскомъ градѣ, въ чертогахъ Амазонской царицы, Мартезіи. „Пламена“: главные лица въ ней князья Мстиславъ и Позвиздъ — дѣти князя Владиміра. „Горислава“; въ ней изображается судьба Полоцкой княжны Рогнѣды; „Бориславъ, царь Богемскій“, дѣйствіе ея происходитъ въ столичномъ городѣ Богеміи; „Цидъ“, трагедія, передѣланная изъ трагедіи Корнелія; „Юліанъ отступникъ“; „Венеціанская монахиня“ и „Освобожденная Москва“. Последняя трагедія, изображающая освобожденіе Москвы отъ поляковъ во время междуцарствія, какъ проникнутая глубокимъ патріотическимъ чувствомъ, пользовалась у современниковъ особеннымъ уваженіемъ и весьма часто давалась на сценѣ. 2) Слезныя драмы: „Другъ несчастныхъ“; „Понимье“; „Милана, драма съ пѣснями“; „Школа добродѣтели“; „Извинительная ревность“; комедія „Ненавистникъ“.

Наконецъ у Хераскова есть цѣлый томъ (VII) мелкихъ, лирическихъ или лучше дидактическихъ стихотвореній. Это оды духовнаго содержанія, между которыми есть ода Богъ, явно написанная по подражанію Державину, оды торжественныя и похвальныя въ честь Екатерины и Павла I; оды поучительныя и оды анакреонтическія, подъ которыми, впрочемъ, разумѣются не любовныя или веселыя стихотворенія, но дидактическія или назидательныя размышленія въ стихахъ о самыхъ разнообразныхъ предметахъ. По страсти къ стихотворству и по обычаю вѣка, Херасковъ любилъ излагать въ стихахъ всякую болѣе или менѣе замѣчательную мысль, какая только приходила ему въ голову. Для характеристики дидактическаго стихотворства Хераскова

(1) Тамъ же, 134—136.

вообще можно указать на его дидактическую поэму: „Плоды наукъ“, въ которой проводится параллель между древними временами невѣжества и современными вѣкомъ просвѣщенія.

«Но что науки суть? Разсудковъ нашихъ свѣтъ.
Тамъ тма безднная, наукъ гдѣ свѣта нѣтъ;
Какъ быліе въ поляхъ, такъ вьнутъ чловѣки,
И гибли какъ трава въ непросвѣщенны вѣки.
Безъ пользы въ мѣрѣ жить, безъ пользы изчезать,
Возможно-ль жизнью таую жизнь назвать?
.....

И. О. Богдановичъ. Къ обществу Хераскова, мы замѣтили, принадлежало много поэтовъ и литераторовъ; однимъ изъ болѣе близкихъ къ нему и болѣе даровитыхъ былъ Богдановичъ (1). Исполить Ѳедоровичъ Богдановичъ (1743 — 1803) родился въ Малороссіи (въ мѣстечкѣ Переволочнѣ); но еще мальчикомъ (10 лѣтъ) былъ привезенъ въ Москву. Здѣсь, посѣщая театръ, онъ такъ пристрастился къ нему, что явился просить себѣ мѣсто актера къ Хераскову, который тогда былъ директоромъ театра; но Херасковъ, замѣтивъ способности въ мальчикѣ, вмѣсто театра записалъ его гольнымъ слушателемъ въ Московскій университетъ, принявъ къ себѣ въ домъ и ставъ руководить его въ образованіи, а потомъ опредѣлилъ его надзирателемъ при университетскихъ классахъ. Въ 1760 г. Богдановичъ уже участвовалъ въ издававшихся Херасковымъ журналахъ „Полезное увеселеніе“ и „Свободные Часы“. Въ 1763 г. онъ самъ издавалъ „Невинное Упражненіе“, гдѣ помѣщала свои стихотворенія. Квягиня Дашкова, узнавъ о литературныхъ трудахъ Богдановича помѣстила его переводчикомъ въ иностранную коллегію. Потомъ онъ занималъ разныя должности и между прочимъ нѣсколько времени былъ секретаремъ при посольствѣ въ Дрезденѣ. По возвращеніи въ Россію, онъ участвовалъ въ „Собесѣдникѣ“ кн. Дашковой, въ „С.-Петербургскомъ Вѣстникѣ“ Брайко, въ изданіи „Сочиненій и переводовъ Россійской Академіи“. Богдановичъ писалъ оды (ода на новый 1763 годъ, гимнъ на бракосочетаніе В. К. Павла Петровича), поэмы („Душенька“, „Сугубое блаженство“), драмы и комедіи (драма „Славяне“, комедія „Радость Душеньки“); переводилъ статьи изъ французской Энциклопедіи, французскіе стихи, писанные въ честь Екатерины Вольтеромъ и Мармонтелемъ, перевелъ поэму Вольтера на разрушеніе Лиссабона и проч., по порученію Екатерины, сдѣлать небольшой сборникъ русскихъ

(1) Краткая автобіографія Богдановича напечатана Геннадіи въ Отеч. Зап. 1853; № 4. Объ изданіи сочиненій Богдановича смотр. также у Геннадіи: Справочный словарь о русскихъ писателяхъ и ученыхъ въ XVIII и XIX ст. О сочиненіяхъ Богдановича Галахова Отеч. Зап. 1849; № 4.

пословицъ, переложивъ нѣкоторыя изъ нихъ въ стихи. Но всего болѣе онъ былъ извѣстенъ между современниками, какъ авторъ „Душеньки“.

Въ началѣ поэмы Богдановичъ говоритъ:

• Не Ахиллесовъ гнѣвъ и не осаду Трои.
Гдѣ въ шумѣ вѣчныхъ ссоръ кончали дни герои,
Но Душеньку пою.
Тебя, о Душенька, на помощь призываю
Украсить пѣснь мою,
Котору въ простотѣ и вольности слагаю!

Издравле Апулей, потомъ де-ла-Фонтенъ,
На вѣчну память ихъ именъ,

Воспѣли Душеньку, и въ прозѣ и стихами,
Другимъ языкомъ съ нами.
Въ сей повѣсти они

Острѣйшихъ разумовъ пріятности явили,
Перомъ ихъ кажется что Грація водили,
Иль сами Грація писали то одни.
Но естли подражать ихъ слогу невозможно,
Потщусь за ними въ слѣдъ, хотя въ чертахъ простыхъ,
Тому подобну тѣмъ представить осторожно,
И въ повѣсть иногда вмѣстятъ забавный стихъ» (1).

„Душенька, дѣйствительно, составляетъ передѣлку повѣсти Лафонтена „Les Amours de Psyché et de Cupidon“, который содержаніе для нея заимствовалъ изъ романа Апулея „Превращенія, или Золотой Оселъ“. Самый мифъ о Психеѣ явился еще на Востоцѣ и имѣетъ глубокой религіозный смыслъ. Подъ Психеей разумѣется душа человѣка; въ ея странствованіяхъ и приключеніяхъ изображаются стремленія души къ высочайшему благу—Любви, Эросу. Съ Востока мифъ о Психеѣ перешелъ въ Грецію и далъ содержаніе греческимъ мистеріямъ, которыя изображали его въ разныхъ таинственныхъ обрядахъ. Платоническій философъ Апулей, жившій въ Римѣ во II вѣкѣ по Р. Х., изложилъ его въ своемъ романѣ: „Превращенія, или Золотой Оселъ“. Въ основѣ всѣхъ превращеній „Золотаго Осла“ выражается идея души, погруженной въ чувственности, матеріи, и потомъ, посвященіемъ въ таинства очищенной и преображенной. Вмѣстѣ съ тѣмъ, въ исторіи Психеи изображается душа женщины, которая, утративъ свою невинность, должна была, какъ невольница любви (Венеры), пройти рядъ суровыхъ испытаній, чтобы сдѣлаться достойной невѣстой Эроса или Купидона. — У одного царя было

(1) Душенька. Древняя повѣсть въ вольныхъ стихахъ. Сиб. 1794; стр. 1—3.

три дочери. Старшія двѣ дочери не отличались красотою, но младшая Психея была такъ прекрасна, что всѣхъ привлекала къ себѣ и повсюду прославилась. Ей какъ Венерѣ воздавали божескія почести, приносили жертвы. Такое почтеніе, воздаваемое смертной, страшно разгнѣвало настоящую богиню красоты, Венеру, и она приказала сыну своему, Купидону, наказать Психею; но, увидѣвъ Психею, Купидонъ самъ почувствовалъ къ ней любовь. Между тѣмъ, отецъ и мать Психеи, по повелѣнію оракула, отвозятъ ее на вершину одной высокой горы, гдѣ живетъ таинственное существо, которому Психея судьбою назначена въ супруги. Но лишь только Психею оставили на горѣ, какъ Зефиръ, по приказанію Купидона, немедленно переноситъ ее въ богатый чертогъ. Здѣсь каждую ночь посѣщаетъ ее самъ Купидонъ, не открывая ей ни своего имени, ни своего вида. Живя въ великолѣпномъ чертогѣ, въ полномъ довольствѣ, царица глубоко сожалѣла о своихъ сестрахъ, которыя, ничего не зная о такой ея судьбѣ, оплакивали ее, какъ погибшую, и чрезъ Зефира извѣстила ихъ о своемъ мѣстопребываніи и пригласила къ себѣ. Сестры позавидовали ея счастью и внушили ей, что супругъ ея, не открывающій ей своего вида и прилетающій къ ней только ночью, есть никто другой, какъ страшный драконъ, и посоветовали ей убить его. Но, намѣреваясь совершить это убійство, Психея, вмѣсто дракона, при свѣтѣ лампы, увидѣла спящаго Купидона и такъ была поражена этимъ, что въ волненіи пролила на него горячее масло изъ лампы. Пробужденный Купидонъ такъ сильно разсердился на Психею, что совершенно оставилъ ее. И вотъ Психея отправляется странствовать и отыскивать Купидона. Послѣ разныхъ приключеній, она является наконецъ къ самой Венерѣ. Оскорбленная богиня осуждаетъ Психею на разные испытанія, которыя она преодолеваетъ всѣ благополучно, кромѣ послѣдняго. Послѣднее испытаніе состояло въ томъ, что Психея должна была сходить въ адъ къ Прозерпинѣ и принести отъ нея ящикъ съ благоуханіемъ красоты, не открывая этого ящика, во время путешествія. Психея не могла воздержаться отъ любопытства и открыла ящикъ; изъ ящика тотчасъ вылетѣло смертоносное испареніе и умервило Психею. Но Купидонъ однимъ прикосновеніемъ стрѣлы оживилъ Психею, а Зевесъ, за всѣ ея страданія, возвелъ на Олимпъ и сдѣлалъ безсмертною. Послѣ этого Купидонъ и Психея вступаютъ въ брачный союзъ на вѣки. Французскій поэтъ Лафонтенъ (1627—1695), оставивъ въ сторонѣ внутренній смыслъ мифа, взялъ только внѣшнія событія и приключенія и изложилъ ихъ въ веселомъ и игривомъ стилѣ, согласно съ современнымъ вкусомъ, который стремился къ шуткѣ и любезничавью, который требовалъ отъ писателей, чтобы они въ

своихъ сочиненіяхъ смѣшивали „полезное съ пріятнымъ“, поучали забавляя; чтобы всѣ сюжеты, заимствованныя изъ области древней мифологіи и исторіи, были освѣщаемы современнымъ свѣтомъ, приспособлялись къ современнымъ нравамъ. Точно также поступилъ и Богдановичъ. Если въ повѣсти Лафонтена греческая царевна Психея сдѣлалась современною поэтѣ французженкой, то въ поэмѣ Богдановича Душенька явилась чисто русской дѣвицей, въ обстановкѣ русскихъ нравовъ, и ея приключенія рассказываются на манеръ русскихъ сказокъ, съ соблюденіемъ разныхъ сказочныхъ мотивовъ и приемовъ. Описывая отправленіе Душеньки къ назначенному оракуломъ супругу, Богдановичъ говоритъ:

.... «Амуръ, Судьбы и Боги,
Оракуль и жрецы, родня, отецъ и дочь
Велѣли сухари готовить для дороги»⁽¹⁾.

Какъ въ сказкахъ дѣйствіе происходитъ за тридцать земель, въ тридцатомъ царствѣ, такъ и Душеньку везутъ „за тридцать земель на вершину невѣдомой горы“⁽²⁾. Затѣмъ, какъ въ сказкахъ же, упоминаются летающій змѣй, змѣй Горыничъ, Чудо-Юдо, Кощей безсмертный и Кощеевъ арсеналь, гдѣ хранится мечъ Геракла „самосѣкъ“, которымъ онъ поразилъ гидру⁽³⁾, упоминаются „шелковые луга, бытовая вода, кисельныя берега“⁽⁴⁾. Въ храмъ Венеры Душенька приходитъ „подъ дливною фатой и въ длинномъ сафьянѣ“⁽⁵⁾, Венера заставляетъ Душеньку принести чрезъ три часа „воды живой и мертвой“⁽⁶⁾. Отправившись по приказанію Венеры къ Прозерпинѣ, Душенька встрѣчаетъ въ лѣсу „избушку, а въ избушкѣ той старушку“, папоминающую Бабу-Ягу⁽⁷⁾. Въ одномъ мѣстѣ говорится, что Душенька прислуживавшему ей амуру „изъ своихъ рукъ пол-рюмки нектару изволила поднести“; въ другомъ замѣчается, что Душенькѣ „пѣли многа лѣта“⁽⁸⁾. Если Лафонтенъ, изъ желанія сдѣлать повѣсть болѣе веселой и интересной, многія простыя и строгія черты древняго мифа прикрасилъ и преувеличилъ, то Богдановичъ, по тѣмъ же побужденіямъ, такихъ прикрасъ и преувеличеній допустилъ еще больше. Въ этихъ случаяхъ, то, что у Лафонтена имѣетъ видъ граціозный или забавный, у Богдановича не рѣдко получаетъ тяжелый и грубоватый характеръ. Вотъ напр. какъ, изображая поѣздъ Венеры въ раковинѣ на двухъ дельфинахъ, онъ описываетъ сопровождавшихъ ее тритоновъ и другихъ морскихъ чудовищъ:

«Узя Венеру, рѣзвы волны
Текутъ за ней, весельемъ полны.

(1) Сочин. стр. 24. (2) Стр. 21. (3) Соч. стр. 68. (4) Стр. 100.

(5) Стр. 103—104. (6) Стр. 308. (7) Стр. 113. (8) Стр. 38—39.

Тритоновъ водяной народъ
Выходить къ ней изъ бездны водъ:
Иной вокругъ ея ныряетъ,
И дерзски волны усмиряетъ;
Другой, крутясь во глубинѣ,
Собираетъ жемчуги на днѣ.

Другой, на козлы съѣвъ проворно,
Со встрѣчными бранится вздорно,
Раздаться въ стороны велить,
Вожжами гордо шевелить,
Отъ камней далѣ путь свой править,
И дерзостныхъ чудовищъ давить.
Иной съ трезубчатымъ жезломъ,
На Китѣ въпереди верьхомъ,
Гоня далече всѣхъ съ дороги,
Вокругъ кидаетъ взоры строги,
И чтобы всякъ то вѣдать могъ,
Въ коральный громко трубить рогъ;
Другой, изъ краевъ самыхъ дальныхъ,
Успѣвъ приплыть къ богинѣ сей,
Несетъ отломокъ горъ хрустальныхъ,
На мѣсто зеркала предъ ней.

Сирены, сладкія пѣвицы,
Межъ тѣмъ поютъ стихи ей въ честь
Мѣшаютъ съ быльми небылицы,
Ее стараясь превознестъ.
Иныя передъ нею пляшутъ,
Другія во услугахъ тутъ,
Предупреждая всякой трудъ,
Богиню опахаломъ машутъ;
Другія жъ на струяхъ несясь,
Пышата въ трудахъ по почтѣ скорой,
И отъ луговъ, любимыхъ Флорой,
Подносятъ ей цвѣточну вязъ (¹)....

Такимъ образомъ, мифъ о Психеѣ, имѣвшій въ древнія времена религиозное значеніе, превратился въ сказку и сталъ служить забавой и развлеченіемъ. Его глубокая идея въ передѣлкахъ совсѣмъ исчезла; въ нихъ остался только рядъ веселыхъ картинъ. Ни Лафонтенъ, ни Богдановичъ, конечно, не имѣли намѣренія написать пародію на древній мифъ, но, изложивъ его въ веселомъ тонѣ, въ шутливой формѣ, они написали пародію. Не смотря, однакоже, на такое искаженіе мифа, Душенька чрезвычайно правилась

(¹) Сочин. стр. 13—16.

русскимъ читателямъ. Большинство ихъ, конечно, и не догадывалось объ этомъ искаженіи, потому что подлиннаго мѣта совѣмъ не знало (да подлинный мѣтъ безъ приспособленія къ современнымъ нравамъ едвали и могъ нравиться имъ). Повѣсть еще въ рукописи распространилась повсюду. Первую ея книгу свачала напечаталъ графъ Каменскій на свой счетъ, а Карамзинъ, сравнивая ее съ повѣстью Лафонтена, поставилъ ее выше послѣдней (1). Что же было причиною такого вниманія? „Непринужденность стилия, говоритъ издатель ея, другъ Богдановича, Ржевскій, чистота стиховъ, удачливый выборъ приличныхъ словъ по роду сей поэмы, а паче изобиліе поэтическихъ воображеній мнѣ столько понравились, что я просилъ сочинителя отдать сію поэму въ мою волю... а я разсудилъ издать и въ печать. Я думаю, что многимъ она понравится тѣмъ, что вѣтъ на нашемъ языкѣ подобнаго рода стихотвореній, но и щастливымъ успѣхомъ сочинителя“ (2). Дѣйствительно, это былъ у насъ первый хорошій опытъ въ такъ называемой легкой поэзіи, противоположной тяжелому складу классическихъ поэмъ; но издатель опустилъ еще одну черту, которою повѣсть, можетъ быть, гораздо болѣе нравилась читателямъ, чѣмъ указанными имъ свойствами: это множество вольныхъ и нескромныхъ картинъ, которыя были написаны совершенно во вкусъ XVIII вѣка, любившаго улаждаться подобными картинами.

Настоящую пародію, или оборотную сторону героической поэмы или эпопеи составляетъ комическая или героикомическая поэма. Предметомъ ея служитъ или представленіе важныхъ героическихъ событій, дѣйствій и рѣчей героевъ въ смѣшномъ и забавномъ стилѣ, въ прозаической обстановкѣ обыденной жизни и престопаднаго быта, или же наоборотъ въ громкомъ и высокомъ тонѣ, съ соблюденіемъ правилъ, приемовъ и формъ, употреблявшихся въ героическихъ поэмахъ, изображеніе самыхъ простыхъ, низшихъ и смѣшныхъ явленій, взятыхъ изъ жизни низшаго сословія. Примѣры первой формы комическаго эпоса, или такъ называемой „перелицевки“, „переворачиванія на изнанку“ представляютъ: „Энеида, вывороченная на изнанку“ Осипова (1751—1799) и Котельницкаго (3); „Энеида, перелицованная на малороссійскій языкъ Котляревскимъ“ (пародія первыхъ трехъ

(1) Въ Вѣстн. Европы 1803. № 10.

(2) Смолр. у Губерти: Хронологическое обзорѣніе книгъ, стр. 128.

(3) 8 пѣсенъ Энеиды Н. П. Осипова нашеч. въ 1791 и вторично съ продолженіемъ Котельницкаго въ 1803 г.

пѣсней Энеиды, 1789); „Похищеніе Прозерпины“ Котельницкаго (1795). Примѣръ второй формы—поэмы Майкова: „Игрокъ Ломбера“ (1763) и „Елисей, или раздраженный Вахъ“ (1769). X

В. И. Майковъ. ('). Василий Ивановичъ Майковъ (1728—1778) былъ сынъ одного Ярославскаго помѣщика. Послѣ домашняго воспитанія, онъ прямо вышелъ на службу и служилъ сначала въ Москвѣ, а потомъ въ Петербургѣ. Онъ не получилъ никакого училищнаго образованія и всѣмъ своимъ развитіемъ литературнымъ былъ обязанъ тому кружку писателей, съ которыми сталкивали его жизнь и служба. Очень рано онъ познакомился съ Волковымъ и Дмитревскимъ, потомъ подружился съ Сумароковымъ, и наконецъ вступилъ въ кружокъ Хераскова. Первые стихи его и появились въ журналахъ Хераскова „Полезное увеселеніе“ и „Свободные часы“. Настоящая же литературная извѣстность его началась съ поэмы „Игрокъ Ломбера“, которая имѣла необыкновенный успѣхъ между прочимъ потому, что содержаніе ея было взято изъ области, близко знакомой тогдашнему обществу. Майковъ былъ членъ „Вольнаго російскаго собранія“, существовавшаго при московскомъ университетѣ, подъ предсѣдательствомъ Мелиссино. Есть извѣстіе, что въ 1755 г. Майковъ былъ секретаремъ Великой провинціальной масонской ложи; начиная съ 1777 г. его стихотворенія, дѣйствительно, выражаютъ въ себѣ основныя идеи масонскаго ученія и печатаются въ „Утреннемъ Свѣтѣ“ Новикова.

Майковъ не зналъ ни одного иностраннаго языка и могъ читать только сочиненія на русскомъ языкѣ. Поэтому, говоря, Дидро, бывши въ Петербургѣ, особенно интересовался его сочиненіями, ибо они, по его словамъ, „должны быть чисто творческія“. Не зная иностранныхъ языковъ, Майковъ, однакоже, любилъ перелагать иностранныя сочиненія въ стихи съ русскихъ переводовъ. Такъ онъ переложилъ „съ російской прозы“ въ стихи Вольтеру Меропу, и вѣроятно подобнымъ же образомъ перевелъ стихами „Овидіевы превращенія“ и „Военную науку“ Фридриха II. Самъ Майковъ писалъ въ разныхъ родахъ: оды (Импер. Екатеринѣ, В. К. Павлу Петровичу, гр. Чернышеву, на рожденіе В. К. Александра Павловича), трагедіи и драмы („Агриона“, „Фемистъ и Иеронима“, „Деревенскій праздникъ, или увѣнчанная добродѣтель“, пастушеская драма съ музыкой; „Пиг-

(') Сочиненія и переводы В. И. Майкова. Съ портретомъ, со статьєю о его жизни и сочиненіяхъ и примѣчаніями Л. П. Майкова. Редакция П. А. Егрямова. Изданіе Глазунова 1867 г.

маліонъ, или сила любви“), басни и сказки и разныя стихотворенія. Но лучше всѣхъ его произведеній были двѣ комическія поэмы: „Игрокъ Ломбера“ и „Елисей, или раздраженный Вакхъ“. Содержаніе „Игрока“ взято изъ области карточной игры; интересъ поэмы заключается въ олицетвореніи главныхъ или старшихъ картъ. Герой поэмы „Елисей“ — ящикъ изъ Зимогорья; содержаніе ея составляютъ самыя ниснія явленія простонароднаго быта; но оно изложено высокимъ тономъ, по образцу героическихъ поэмъ, Илиады, Одиссеи и Энеиды. Подобно этимъ поэмамъ, „Елисей“ начинается словомъ пою и обращеніемъ къ лирѣ и Скаррону, который своею „Энеидой“, вывороченной на изнанку, далъ образецъ для комическихъ поэмъ. Какъ въ Илиадѣ причиною всѣхъ несчастій, постигшихъ грековъ во время троянской войны, былъ гнѣвъ Ахиллеса; такъ въ „Елисеѣ“ исходнымъ пунктомъ всѣхъ приключеній служитъ гнѣвъ Бахуса. Раздраженный на откупщиковъ за дороговизну вина и пива, Бахусъ избираетъ орудіемъ своего мщенія ящика Елисея и вводитъ его въ домъ одного откупщика. Елисей здѣсь начинаетъ всячески безобразничать, оскорбляетъ честь жены откупщика, опустошаетъ его погребъ и потомъ принимается за раззореніе другихъ откупщиковъ. Эти безобразія приводятъ въ гнѣвъ Зевеса, который собираетъ боговъ на совѣтъ. Боги на совѣтѣ положили отдать Елисея въ солдаты. Поэма оканчивается исполненіемъ этого приговора боговъ. Какъ въ Илиадѣ описываются битвы грековъ съ троянами, такъ въ „Елисеѣ“ изображаются драки и бои зимогорцевъ съ валдайцами за сѣвокосъ. Какъ въ поэмѣ Виргилія Эней рассказываетъ о своихъ приключеніяхъ карфагенской царицѣ, Дидонѣ, такъ Елисей о битвахъ зимогорцевъ съ валдайцами рассказываетъ начальницѣ прядильнаго дома. Вообще во всей поэмѣ проводится постоянная пародія на героическія поэмы. Въ поэмѣ много сценъ грубыхъ и грязныхъ. — Басни и сказки Майкова написаны по образцу притчъ Сумарокова и подобно притчамъ имѣютъ сатирическій характеръ; въ нихъ въ формѣ аллегорическаго разсказа проводятся разныя нравственныя наставленія.

Я. В. КВЯЖНИНЪ.

Яковъ Борисовичъ Квяжнинъ считается представителемъ трагедіи въ Екатерининскую эпоху. Онъ родился въ Псковѣ въ 1742 г. До 15-ти лѣтъ воспитывался дома, подъ руководствомъ своего отца, который обращалъ особенное вниманіе на нравственное его развитіе. Потомъ онъ былъ отданъ въ ученіе въ

Петербургъ, къ профессору Академіи наукъ, Модераху. У Модераха Княжнинъ учился математикѣ, исторіи, географіи, но особенно хорошо познакомился съ языками итальянскимъ, французскимъ и нѣмецкимъ. Изученіе языковъ дало ему возможность тотчасъ по окончаніи образованія поступить переводчикомъ въ Иностранную Коллегію, изъ которой онъ потомъ перешелъ въ военную службу, подъ начальство графа К. Гр. Разумовскаго. Литературные труды, оригинальные и переводные, обратили на него вниманіе И. И. Бецкаго, который сдѣлалъ его своимъ секретаремъ и въ тоже время поручилъ ему преподаваніе русской словесности въ Кадетскомъ корпусѣ. Состоя въ должности секретаря Бецкаго, Княжнинъ помогалъ ему при устройствѣ Воспитательныхъ заведеній.

На литературномъ поприщѣ Княжнинъ былъ ученикомъ и послѣдователемъ Сумарокова и подобно Сумарокову держался французской драматической системы. Первымъ его произведеніемъ была трагедія „Дидона“, которая сначала была представлена въ Москвѣ, а потомъ въ Петербургѣ, на придворномъ театрѣ, въ присутствіи самой импер. Екатерины. Вниманіе императрицы, а особенно одобреніе перваго тогдашняго авторитета драматическаго, Сумарокова, побудили его сосредоточить свою литературную дѣятельность преимущественно въ области драмы. Принятый благосклонно Сумароковымъ, Княжнинъ искренно подружился съ нимъ, женился на его дочери, которая сама также занималась литературой, и сдѣлался его истиннымъ почитателемъ и послѣдователемъ. Но, будучи другомъ и подражателемъ Сумарокова, Княжнинъ, по характеру своему, составлялъ совершенную противоположность Сумарокову. Онъ совсѣмъ не имѣлъ того непомѣрнаго самолюбія и тщеславія, которыя составляли самыя рѣзкія черты въ характерѣ Сумарокова. Напротивъ, онъ отличался необыкновенною скромностію и застѣнчивостію. Когда, послѣ перваго представленія Дидоны, кто-то, по обыкновенію, сказалъ ему: „Вы нашъ Расинъ“, Княжнинъ отвѣчалъ: „ради Бога, тише говорите; кто-нибудь услышитъ ваши слова и впредь вамъ ни въ чемъ вѣрить не будетъ“. Во время перваго представленія „Росслава“ аплодисменты не прекращались, а по окончаніи его, публика неистово вызывала автора трагедіи; но Княжнинъ, по застѣнчивости, не рѣшился явиться передъ нею, и вмѣсто него долженъ былъ выйти благодарить ее игравшій Росслава актеръ Дмитревскій. Этому знаменитому актеру Княжнинъ и въ послѣдствіи приписывалъ большую часть успѣха своихъ трагедій на сценѣ, особенно „Тита“. Въ посвященіи своемъ „Росслава“ княгинѣ Дашковой, отклоняя отъ себя всякое подозрѣніе въ низкой

лести, онъ замѣчаетъ:

«Однѣ заслуги чтя, моя неподла муза,
Бѣжа порочнаго со лестію союза,
Въ терпѣніи своемъ несчастна, но тверда,
Не приносила жертвъ фортуны никогда».

Скромный характеръ, дружелюбное со всѣми обращеніе, многостороннее образованіе и симпатія къ наукамъ и искусствамъ Княжнина столько же благотворно дѣйствовали на окружающее его современное общество, какъ и самыя его сочиненія. Домъ его былъ всегда мѣстомъ собранія для всѣхъ ученыхъ и писателей. Любители искусства и молодые поэты находили здѣсь самый теплый пріютъ. Уважая заслуги Княжнина, Россійская Академія сдѣлала его своимъ членомъ, и онъ участвовалъ въ составленіи академическаго лексикона русскаго языка, а также въ издававшемся при Академіи „Собесѣдникѣ любителей русскаго слова“. Умеръ Княжнинъ въ 1791 г. ⁽¹⁾.

Трагедія Княжнина. Въ надписи къ портрету Княжнина было сказано о немъ:

«Напрасно мыслимъ мы, что въ Греціи Парнассъ;
Онъ здѣсь воздвигъ его своимъ Росславомъ и Дидоной».

Дѣйствительно, „Дидоной“, какъ замѣчено выше, Княжнинъ обратилъ на себя первое вниманіе, а „Росславъ“ считался лучшей его трагедіей и всего больше утвердилъ его репутацію, какъ трагика. Изъ другихъ трагедій особенно часто представлялось на сценѣ еще „Титово милосердіе“.

„Дидона“ написана по подражанію „Дидонѣ“ итальянскаго поэта Метастазіо и во многихъ мѣстахъ составляетъ ея передѣлку. Согласно съ античной легендой, въ Дидонѣ изображена неистовая страсть любви къ Энею, приведшая ее къ самосож-

⁽¹⁾ При обзорѣ сочиненій Княжнина мы пользовались третьимъ ихъ изданіемъ. Спб. 1817—1818 г. Ч. I—V. Лучшія изслѣдованія о Княжнинѣ: В. Я. Стоюнина: Я. Б. Княжнинъ. Библ. для чтен. 1850; №№ 5, 6 и 7; Еще о Княжнинѣ и трагедіи его «Вадимъ». Русск. Вѣстн. 1860, № 10. Княжнинъ—писатель, Историч. Вѣстн. 1881, июнь; Галяхова: «О сочиненіяхъ Княжнина, Отеч. Зап. 1850, №№ 4, 8 и 12; М. Лонгинова: Княжнинъ и трагедія его «Вадимъ». Русск. Вѣстн. 1860, № 4. Матеріалы для полного собранія сочиненій Княжнина. Русск. Архивъ 1866, №№ 11 и 12.

женію. Трагическое положеніе Энея заключается въ борьбѣ между любовью къ Дидонѣ и чувствомъ долга и обязанности повиноваться богамъ, которые повелѣваютъ ему оставить Дидону и отправиться въ Лаціумъ, для основанія новаго государства во славу Трои и народа троянскаго. Сопутнику своему Антенору Эней говоритъ:

«Не чувствовалъ бы я, не зная Дидоны въ вѣкъ,
Какъ можетъ счастливъ быть на свѣтѣ человекъ!

Увы! какой любви я долженъ отрицаться!

Антеноръ. Славна сія любовь, но честь велитъ разстаться
Рѣши, рѣши судьбу отечества въ сей часъ.

Эней. О должностъ! о любовь! О Трои жалкіи гласи!

Терпѣль-ли кто когда подобное мученье?

Антеноръ. Еще-ли чувствуешь о Троѣ сожалѣнье?

Та страсть великихъ душъ, къ отечеству любовь,
Днесъ можетъ-ли еще твою тревожить кровь?

Тотъ счастливъ, кто любви отравы не вкушаетъ;

Но тотъ великъ, ея кто узы разрушаетъ:

И оставляючи Эней страну сію,

Любовью славу днесъ величишь ты свою» (1).

Это величіе души, торжествующей надъ страстью, и проповѣдуетъ Княжнинъ въ трагедіи: „Достойная великихъ душъ страсть — къ отечеству любовь“. Въ жертву любви къ отечеству, состоящей въ томъ, чтобы прославить имя Трои и троянцевъ и основавъ новое государство, навсегда утвердить его въ памяти народовъ, Эней приноситъ свою страсть къ Дидонѣ и свое счастье. Въ такомъ представленіи Энея выразились какъ глубокое патріотическое чувство поэта, такъ и господствовавшее тогда возрѣніе на патріотизмъ, по которому любовь къ отечеству должна состоять именно въ ревности о славѣ своего народа, въ заботахъ о силѣ и величіи своего государства. На этой мысли и чувствѣ утверждается и любовь Дидоны къ Энею, о которомъ она говоритъ:

«Постыдно-ль мнѣ горѣть къ великому герою.

Который защищалъ съ толикой славой Трою,

Который Гектору геройствомъ равенъ былъ,

Который грековъ всѣхъ мечемъ своимъ страшилъ?» (2)

(1) Сочиненія Княжнина I, 6—7. (2) Сочин. I, 19.

Кромѣ страсти Энея и Дидоны, въ трагедіи изображена мстительная ревность соперника Энеева, Гетульскаго царя, Ярба. Но какъ любовь такъ и ревность представлены крайне искусственно и преувеличенно. Въ приемахъ и стилѣ трагическомъ, Княжнинъ подражалъ Сумарокову. Это подражаніе замѣчается даже въ мелкихъ подробностяхъ. Какъ Димитрій Самозванецъ Сумарокова умирая желаетъ, чтобы Москва досталась послѣ него такому же, какъ онъ, злодѣю, такъ Дидона, бросаясь въ огонь, говорить:

«Весь градъ кончаяся, падеть съ своей царицей.
Да будетъ Кароагенъ Дидоной гробницей!»⁽¹⁾.

Княжнинъ былъ умный и образованный писатель, но не такъ талантливъ, какъ Сумароковъ. Картины въ трагедіяхъ Сумарокова часто аляповаты и недодѣланы, но въ нихъ много жара и одушевленія, драматическаго движенія и бойкости; картины Княжнина правильнѣе и болѣе отдѣланы, но зато онѣ холоднѣе и напыщеннѣе, и страсти въ нихъ изображаются еще въ болѣе преувеличенномъ и неестественномъ видѣ. Не смотря, однакоже, на такіе недостатки, Дидона, благодаря указанному патріотическому направленію, въ продолженіе 40 лѣтъ почти постоянно давалась на сценѣ.

На ту же тему о любви къ отечеству написана и трагедія „Рославъ“. Посвящая эту трагедію княгинѣ Дашковой, Княжнинъ говоритъ, что въ ней изображена „не обыкновенная страсть любви, которая на російскихъ театрахъ только одна была представляема, но страсть великихъ душъ, любовь къ отечеству“. Выразителемъ этой страсти въ трагедіи представляется російскій полководецъ Рославъ, находящійся въ плѣну у Датскаго и Шведскаго короля Христіерна. Находясь въ плѣну, Рославъ подружился съ Кеदारомъ, главнымъ полководцемъ Христіерна, и возбудилъ къ себѣ любовь княжны Зафиры, происходящей изъ рода прежнихъ шведскихъ владѣтелей. И самого его увлекаютъ красота и добродѣтель Зафиры; но онъ не допускаетъ и мысли о томъ, чтобы поддаться этому влеченію. Когда указалъ ему на это Кедаръ и предостерегалъ его, что Зафиру уже любитъ самъ Христіернъ, онъ говоритъ ему:

«Спокоенъ будь! Кедаръ Рослава мало чтить,
Коль страстію его лишена мнить покоя.
Тиранка слабыхъ душъ, любовь, раба героя
Коль счастья съ должностью неможно согласить.

⁽¹⁾ Тамъ же I, 60.

Тогда пороченъ тотъ, кто хочетъ счастливъ быть.
Се добродѣтели единые законы.
Неодолимыя межъ нами суть препоны:
Я помню честь и долгъ; хоть смертно я горю,
Въ Зафирѣ я князю враговъ россійскихъ зрю,
И еслибъ днесъ ея и было сердце вольно,
Чтобъ пламень погасить, я Россѣ, сего довольно»⁽¹⁾!

Вотъ что онъ отвѣчаетъ самой Зафирѣ, когда она, открывшись ему въ своей любви, предлагаетъ возвести его съ собой на шведскій престолъ:

«Чтобъ я забылъ въ себѣ россійска гражданина,
Порочнымъ сдѣлался для царска пышна чина!
Отечество мое чтя выше и тебя,
Могу-ль его забыть я, троны возлюбя?
Пускай престола блескъ гордыню оболъщаетъ;
Безъ добродѣтели корона помрачаетъ,
Росславу царскій тронъ безславыю навлечетъ,
Вселенна обо мнѣ съ презрѣніемъ речетъ:
Се царь, любовію на чуждый тронъ взнесенный,
Невѣрный гражданинъ и властелинъ презрѣнный,
Ни Готѣ, ни Россѣ; любви не могли одолѣть,
И столько твердости души не могъ имѣть,
Чтобы, презря вѣнецъ, быть обществу полезнымъ»⁽²⁾.

Желая спасти Росслава, русскій князь присылаетъ въ Христиерну своего посла Любомира, съ предложеніемъ ему, въ выкупъ за Росслава, нѣсколько русскихъ городовъ; но Рославъ приходитъ въ негодованіе отъ такого предложенія, считая его со стороны русскаго князя измѣной отечеству. Онъ говоритъ Любомиру:

«Ты россъ, а ты тогожъ не можешь ощущать.
Ты россъ, а князю ты сего не могъ представить,
Какоко можетъ тѣмъ онъ тронъ свой обезславить.
О стыдъ отечества! Монархъ, свой долгъ забывъ
И санъ величія пристрастьемъ помрачивъ,
Блаженству общества меня предпочитаетъ
И вредъ Россіи всей въ очахъ вельможъ свершаетъ.

Но князь меня за что такъ мало чтить,
Что въ даръ отечеству мнѣ жизнь отдать претить?
Иль мыслить онъ, что такъ мой духъ ослабъ въ плѣнени,
Что дни мои могу влачить въ униженни;

(1) Сочин. I, 141—142. (2) Тамъ же I, 146—147.

Что жизни могу сносить, отечество предавъ?
Рославъ я въ лаврахъ былъ, и въ узахъ я Рославъ.

Не можетъ повелѣть мой князь мнѣ подлымъ быти.
Жалѣетъ друга онъ, ввергая друга въ стыдъ,
Онъ жизнь даетъ.... Почто умрети не велитъ!
Тогда бы я, сіе услыша повелѣнье,
Къ Рославу бы его познати могъ почтенье,
Когда бъ мой князь мнѣ рекъ: умри ты такъ, какъ жилъ;
Тогда бъ онъ мнѣ, тогда бъ по царски другомъ былъ» (1).

Впрочемъ, Христіернъ не хочетъ принимать предлагаемыхъ отъ русскаго князя городовъ; онъ соглашается освободить Рослава изъ плѣна только подъ тѣмъ условіемъ, если онъ откроетъ тайну, только ему извѣстную, гдѣ скрывается противникъ его, шведскій король, Густавъ. Съ этимъ условіемъ онъ сначала посылаетъ къ нему Зафиру, а потомъ приходитъ къ нему самъ, угрожая ему смертію въ случаѣ отказа. Зафиръ Рославъ говоритъ:

«Когда бы знала ты, что въ тайнѣ страшной сей
Спасеніе страны заключено моею;
Тогда ты, жизни честь мою предпочитаая
И добродѣтелью любовь превозмогая,
Велѣла бъ мнѣ сама позорну жизнь презрѣть,
И въ гробъ тайну скрывъ, со славой умереть.
Сомнѣніемъ твоимъ я только отягчаюсь;
Люблю тебя, люблю... но я не ослѣпляюсь.
По долгу, счастья противникъ моего,
Достоинъ жалости, не гнѣва твоего.
Жалѣй несчастнаго, кто все съ тобою тратитъ,
Но выше, кто любви отечеству долгъ платитъ,
Жалѣй несчастнаго, но подражай ему;
Отважся въ слѣдъ идти Рославу твоему» (2).

На предложеніе Христіерна и его угрозы онъ отвѣчаетъ:

«Оставь твое серебро, сіи тиранновъ сѣти,
Ко удержанію на ихъ главѣ вѣнца,
Могущи уловлять лишь подлыя сердца;
Будь троновъ ты и всѣхъ сокровищей владѣтель;
Возми и жизнь, но мнѣ остави добродѣтель» (3).

(1) Тамъ же I, 152—153. (2) Тамъ же I, 169—170.

(3) Тамъ же I, 171.

Раздраженный такимъ сопротивленіемъ, Христіернъ заключаетъ Росслава въ оковы въ темницѣ. Сидя въ темницѣ, Рославъ утѣшаетъ себя:

«Съ какимъ спокойствомъ тотъ, о смерть, тебя встрѣчаетъ,
Кого гласъ совѣсти ни въ чемъ не уличаетъ...
О добродѣтель! Все заключено въ тебѣ,
Что праведна душа въ награду ждетъ себя;
Отрадъ предвѣчныхъ тѣхъ еще не постигая,
Тобой предчувствуетъ она блаженство рая;
Надежды чистая лучемъ себя являя,
Смерть тихій вечеръ ей прошедша свѣтла дня»⁽¹⁾.

Онъ отвергаетъ предложеніе Зафиръ и Любомира спастись бѣгствомъ изъ темницы, считая это постыднымъ:

«Мнѣ бѣжать.
Какой я гнусный даръ Зафиръ принесу,
Когда безчестьемъ жизнь и робостью спасу:
Когда, позорный бѣгъ предпочитая гробу,
Подвигну варвара несытую я злобу
Плѣннымъ россамъ здѣсь за стыдъ мой отомщать
И кровь гражданъ моихъ невинну проливать.
.
Предатель низкій благъ отечества драгаго,
Преступникъ долга я, толико мнѣ святаго,
Ты хочешь, чтобъ я все у ногъ твоихъ забылъ
И цѣлой жизни честь въ минуту погубилъ»⁽²⁾.

Собираясь идти на смерть, онъ обращается къ послу русскаго князя, Любомиру, съ слѣдующими словами:

«А ты, отеческа, мой другъ, достигнувъ града,
Вѣщай мою, вѣщай къ отечеству любовь.
.
Напомни Россамъ, какъ я долгъ хранить умѣлъ;
Что польза ихъ виной моихъ всѣхъ славныхъ дѣлъ.
Блаженъ и всѣхъ желаній тѣмъ достигну,
Коль смертію моей ихъ къ ревности подвигну
Стремиться достигать безсмертія вѣнца»⁽³⁾.

Но въ то самое время, какъ готова была совершиться казнь надъ Рославомъ, является въ Стокгольмъ съ своимъ войскомъ Густавъ, свергаетъ съ престола Христіерна и освобождаетъ Рос-

(1) Тамъ же I, 180. (2) Тамъ же I, 183. (3) Тамъ же I, 190.

слава. Освобожденный Рославъ соединяется съ Зафирой узамі брака, а Кедаръ, бывшій главнымъ врагомъ Рослава, былъ растерзанъ народомъ.

Такимъ образомъ, отъ начала до конца трагедіи преобладающею страстію въ Рославѣ служитъ любовь къ отечеству; но вслѣдствіе этого преобладанія самъ Рославъ становится не живымъ лицомъ, а чисто отвлеченной идеей. Въ немъ нѣтъ никакихъ другихъ человѣческихъ чувствъ и стремленій; онъ такъ же постоянно говоритъ о любви къ отечеству, какъ Димитрій Самозванецъ Сумарокова о своихъ злодѣяніяхъ.

«Тиранка слабыхъ душъ, любовь, раба героя..

„Довольствуйся и тѣмъ, что я поколебался“, отвѣчаетъ онъ Зафирѣ, когда она напоминаетъ ему о его любви къ ней. Есть въ трагедіи и прямое подражаніе „Самозванцу“ Сумарокова. Какъ Самозванецъ, погибая, выражаетъ желаніе, чтобы съ нимъ „погибла вся вселенна“, такъ, подобно этому, Христіернъ, въ минуту сверженія его съ престола, восклицаетъ:

«Почто не возмогу въ сей часъ во гнѣвъ яромъ,
Весь городъ истребить однимъ ударомъ»⁽¹⁾?

Величіе духа въ Рославѣ изображается съ крайнимъ превеличеніемъ. Когда Кедаръ проситъ его умѣрить отчаяніе, онъ говоритъ:

«Кто? Я отчаянъ? Я?.. кто честенъ, тотъ спокоенъ.
Одинъ порочный духъ растерзанъ и разстроенъ,
Не могли въ совѣсти убѣжища сыскать,
Не смѣетъ самъ къ себѣ въ несчастіи прибѣгать»⁽²⁾.

Любомиру, предложившему спастись бѣгствомъ, онъ отвѣчаетъ:

«Не сдѣлайте того, явилъ чтобъ слабость я;
Чтобы тираннъ, меня со свѣтомъ разлучая,
Утѣшился, во мнѣ унынье примѣчая;
Чтобъ въ ярости своей хвалиться онъ возмогъ,
Что Росса онъ своимъ терзаніемъ содрогъ»⁽³⁾.

Надобно замѣтить, впрочемъ, что такой идеаль величія и доблести, изображенный въ Рославѣ, не русскаго происхожде-

(1) Тамъ же I, 201. (2) Тамъ же I, 179. (3) Тамъ же I, 187.

нія, а взять Княжнинымъ изъ римскаго классическаго міра, герои котораго въ то время считались идеалами для всего міра, и притомъ взять не прямо изъ римскихъ сочиненій, а чрезъ посредство классическихъ трагедій Корнелія, Расина, Вольтера и Метастазіо, въ которыхъ онъ представляется. Какъ въ монологахъ Росслава, такъ и въ трагедіяхъ этихъ трагиковъ, рѣзко слышится тотъ же декламаторско-стопческій тонъ, на который настроены были и трагедія Сенеки и дидактическая лирика Горация, изобразившаго идеаль великаго мужа и героя въ извѣстной одѣ:

Iustum et tenacem propositi virum
Non civium ardor prava jubentium
Non vultus instantis tyranni
Mente quatit solida...

Horatii Od. lib. III, 3.

Если уже въ Дидонѣ этотъ идеаль, въ лицѣ чуждаго русскому слуху Энея, такъ сильно увлекалъ русскую публику, то еще сильнѣе, конечно, онъ долженъ былъ восхищать ее въ лицѣ русскаго героя Росслава, хотя русскаго въ немъ, кромѣ имени, ничего не было.

Трагедія „Титово милосердіе“ составляетъ передѣлку оперы Метастазіо, входящую во многихъ мѣстахъ до буквального заимствованія. Она была написана по желанію Екатерины. Призванный Екатериной изобразить „Тита“, Княжнинъ, при его изображеніи, имѣлъ въ виду саму Екатерину и характеръ ея гуманнаго царствованія, и, говоря о Титѣ, разумѣлъ Екатерину, которая, подобно Титу, отказавшемуся отъ предложеннаго ему сенатомъ храма въ честь его, отказалась отъ поднесеннаго ей титула „Великой“, и подобно Титу, отличалась благостію и милосердіемъ.

Въ Титѣ представленъ образецъ гуманнаго государя, по философскимъ идеямъ XVIII в. Сенаторъ Публій, отъ лица сената и народа римскаго говоритъ Титу:

Чѣмъ болѣе кто на тронѣ человекъ,
Тѣмъ болѣе тотъ богамъ подобенъ.
Римъ чувствовать сіе удобенъ;
И въ Титѣ хочетъ Римъ безсмертныхъ обожать,
Тобою хочетъ ихъ снискать щедроты,
И образъ ихъ въ тебѣ явятъ твои доброты.
Во всемъ ты имъ стремишься подражать:
Стремишься смертныхъ ты счастливить и покоить,
Свое ты счастье зришь въ блаженствѣ ихъ:
За бездну благостей твоихъ
Римъ хочетъ храмъ тебѣ устроить.

Но Титъ отказывается отъ храма и говоритъ, что храмомъ для него долженъ быть Римъ, а алтаремъ — сердца гражданъ:

«Народы! за всѣ свои труды
Титъ вашу лишь любовь наградою почитаетъ;

Отечества отца
Дражайше нареченье
Есть Титова вѣнца
Верховно украшенье.

Оставимъ гордости и рабской лести
Одной примать
Другой давать
Неподлежащи чести.
Пріятнѣй мнѣ стократъ
На тронѣ имя человѣка;
Оно мня творить не такъ далеко
Отъ васъ, которыхъ я люблю какъ чадъ.
И если я любимъ подобно вами,
Престаньте друга вы равнять съ богами,
И удалить его отъ васъ до горнихъ странъ.
Да будетъ храмъ мой—Римъ, алтарь—сердца гражданъ»⁽¹⁾

Чтобы сильнѣе соединить себя съ народомъ, Титъ жертвуетъ своей любовью къ Беренисѣ и хочетъ жениться и возвести на римскій тронъ римлянку Сервиллію, сестру сенатора и друга своего, Секста.

«Название заслуживъ я подданныхъ отца,
Надѣюся Сервиллія прекрасна,
Вспомоществуючи мнѣ иго власти несть.
И должности всегда подвластна,
Название матери пощитяся приобрѣсть.
Властители такіе-жъ человѣки;
Что должно видѣть имъ, не могутъ зрѣть всего.
Старайся просвѣщать супруга твоего;
Вѣщай примѣтивъ, гдѣ слезъ бѣдныхъ льются рѣки;
Гдѣ правосудіе, затмѣнное сребромъ,
Наклонъ своихъ вѣсовъ корысти уступаетъ;
Гдѣ лютой пышности подъ тягостнымъ жезломъ,
Стѣсненно робкое достоинство страдаетъ.
Спомощствуй ты мнѣ, чтобъ счастливыхъ число
Подъ властью нашею надежды превзошло,
Чтобъ Титъ съ тобою на престолѣ,
Зря человѣчество богамъ въ завидной долѣ,
Вселенной счастиемъ въ коронѣ упоенъ,
Забылъ весь тяжкій трудъ, которымъ отягченъ»⁽²⁾.

⁽¹⁾ Сочин. I, 64—66. ⁽²⁾ Тамъ же I, 82.

Между тѣмъ, Вителлія, по зависти къ Сервилліи и въ то же время желая отмстить за смерть своего отца, бывшаго императора Вителлія, убитаго отцемъ Тита, составила заговоръ съ цѣлю умертвить Тита, и склопила къ этому перваго друга его, сенатора Секста. Къ счастью, заговоръ былъ открытъ. Страшно поразило Тита это событіе. Сначала онъ не хотѣлъ вѣрить, чтобы его подданные, для которыхъ онъ такъ много сдѣлалъ добра, и во главѣ ихъ его другъ Секстъ, рѣшились посягнуть на его жизнь. Онъ призвалъ Секста къ себѣ и спрашивалъ, что заставило его сдѣлаться врагомъ ему:

«Такъ правда то, что Секстъ возненавидѣлъ Тита?

... О юный Секстъ! какою ты судьбой
Хотѣлъ, чтобъ я погибъ, благотворитель твой?
Блаженства твоего усерднѣйшій рачитель,
Я чѣмъ возмогъ тебѣ несносенъ быть?
И если позабыть тобой во мнѣ властитель,
Какъ друга ты во мнѣ возмогъ забыть?»⁽²⁾

Но какъ ни велика была неблагодарность Секста и его соучастниковъ, она не поколебала доброй души Тита и не побѣдила его милосердія. Онъ простилъ всѣхъ заговорщиковъ, а Секста, когда Вителлія сама открыла причину его измѣны, принялъ снова въ свое дружество.

«Судьбы, стремясь меня со всѣхъ сторонъ разить,
Хотятъ принудити меня жестокимъ быть?

Стремитесь боги
Еще ко мнѣ быть долѣ строги!
Но, чтобы Титовъ духъ немилосердымъ зрѣть,
Не можете сея побѣды вы имѣть.

Или когда того хотите,
Чтобъ кровь лилася въ сей странѣ,
Иное сердце дайте мнѣ,
Или мою корону отнимите.

Но нѣтъ; я лучше смерть хочу вкусить,
Какъ сердце лютое въ себѣ носить.
Въ единомъ лишь благотворенѣ
Я славу зрю себѣ и честь и утѣшенье.

Живи, о Секстъ! и вамъ, врагамъ моимъ,
И жизнь и вольность возвращаю
Да вѣдаетъ то Римъ,
Что Титъ всегда здѣсь Титомъ будетъ зримъ;
Что я все вѣдаю и все прощаю
И оскорбленія мои позабываю»⁽¹⁾.

(1) Тамъ же I. 120—121.

Трагедія „Вадимъ Новгородскій“. Не смотря на такой возвышенный строй и патриотическое направление изложенныхъ трагедій Княжнина, память его вскорѣ послѣ смерти подверглась осужденію. Виною этого была его трагедія „Вадимъ Новгородскій“⁽¹⁾, которая была написана еще въ 1783 г., но до 1793 г. не была напечатана. Въ ней признано было республиканское направление. Содержаніе трагедіи составляетъ возстаніе новгородскаго посадника и полководца Вадима противъ князя Рюрика. Въ то время, какъ Вадимъ былъ на войнѣ, новгородцы, по совѣту старѣйшины Гостомысла, призвали на княженіе къ себѣ Рюрика. Возвратившись съ войны, Вадимъ составилъ заговоръ и возсталъ противъ Рюрика. Въ рѣчахъ этого Вадима и его соучастниковъ, посадниковъ Пренеста и Вигора, есть, дѣйствительно, нѣсколько рѣзкихъ мѣстъ, выражающихъ республиканскія идеи, такъ какъ эти лица представляются противниками власти Рюрика, глубоко проникнутыми духомъ прежней новгородской вольности.

Но сила и значеніе этихъ мѣстъ если не уничтожается, то совершенно ослабляется какъ рѣчами другихъ дѣйствующихъ лицъ, такъ и основной идеей и всѣмъ строемъ пьесы. Основная идея пьесы чисто монархическая. Пьеса рѣзко выставляетъ гибельныя слѣдствія прежней новгородской вольности и прославляетъ монархическое правленіе Рюрика, который представляется спасителемъ Новгорода, возстановившимъ въ немъ своею властію порядокъ и спокойствіе, правителемъ мудрымъ, украшеннымъ всѣми возможными добродѣтелями. Вотъ что говоритъ Вадиму одинъ изъ соучастниковъ возстанія, Пренестъ, указывая на трудность свергнуть Рюрика съ престола:

«Познаешь самъ Вадимъ, сколь трудно рушить тронъ,
Который Рюрикъ здѣсь воздвигнулъ безъ пренонъ,
Прошеньемъ призванный отъ цѣлаго народа;
Увѣдаешь, какъ имъ огъята свобода
Прелестной властію его замѣнена;
Узнаешь, какъ его держава почтена».

А другой соучастникъ возстанія Вадима, Вигоръ, объясняетъ ему обстоятельства призванія Рюрика на княженіе слѣдующимъ образомъ:

«Едва предъ войскомъ ты разстался съ сей страной,
Вельможи многие, къ злодѣйству видя средство
И только сильные отечества на бѣдство,

⁽¹⁾ Напечатана въ Русск. Старинѣ 1871; III, 723—781.

Гордыню, зависть, злость, мятежъ ввели во градъ,
Жилище тишины преобразилосьъ въ адъ;
Святая истина отсемъ удалилась.
Свобода, вострепетавъ, къ паденью наклонилась;
Междоусобіе со дерзостнымъ челомъ
На трупахъ согражданъ воздвигло смерти домъ.

Почтенный Гостомысль, украсишьъ съдинами,
Лишился всѣхъ сыновъ подъ здѣшними стѣнами,
И плача не о нихъ, о бѣдствѣ согражданъ,
Единъ къ отрадѣ намъ безсмертными былъ данъ.
Онъ Рюрика сего на помощь приглашаетъ:
Его мечемъ онъ намъ блаженство возвращаетъ⁽¹⁾.

Призванный на княженіе самимъ народомъ, Рюрикъ и пользуется властію для блага народа. Развязкой трагедіи служитъ полное торжество Рюрика. Усмиривъ возстаніе, онъ обращается къ народу и говоритъ, что онъ возвращаетъ ему свой вѣнецъ, и что новгородцы могутъ его надѣть на Вадима. Но Вадимъ отвергаетъ вѣнецъ, а народъ на колѣнахъ проситъ Рюрика управлять Новгородомъ по прежнему.

За шесть лѣтъ до изданія „Вадима“ въ 1786 г. явилась трагедія Николева „Сорена и Замиръ“, въ которой были болѣе рѣзкія республиканскія мѣста, такъ что московскій главнокомандующій графъ Брюсъ запретилъ представленіе этой трагедіи и донесъ о томъ Екатеринѣ; но Екатерина замѣтила ему, что этого дѣлать не слѣдовало, ибо „авторъ, сказала она, возстаетъ противъ самовластиа тиранновъ, а Екатерину вы называете матерью“, и велѣла княгинѣ Дашковой напечатать трагедію Николева „въ Россійскомъ театрѣ“ (ч. V). Дашкова же напечатала и „Вадима“ Княжнина сначала отдѣльно, а потомъ также въ „Россійскомъ театрѣ“ (ч. XXXIX); но это было уже въ 1793 г. т. е. въ самый разгаръ французской революціи, и Екатерина, испуганная ея ужасами, приказала конфисковать трагедію, какъ опасную для власти и порядка.

Кромѣ этихъ трагедій, Княжнинъ написалъ еще трагедіи: „Владиміръ и Ярополкъ“ (1772), „Софонисба“ (1786), „Владисанъ“ (1786) и перевелъ бѣлыми стихами трагедіи Расина: „Сидъ“, „Смерть Помпея“ и „Цинна“. Всѣ эти трагедіи, подобно изложеннымъ выше, составляютъ передѣлки и подражанія французскимъ трагедіямъ—„Владиміръ и Ярополкъ“—„Андромахѣ“ Расина, „Софонисба“ и „Владисанъ“—трагедіямъ Вольтера. Въ нихъ много

(1) Тамъ же стр. 736—737.

недостатковъ, между которыми особенно поражаютъ читателя непомѣрная длиннота діалоговъ, напыщенность и риторичность монологовъ и разныя преувеличенія, доходящія до каррикатуры; но въ нихъ въ тоже время постоянно представляются образцы величія души, патріотизма и разныхъ добродѣтелей; высказываются идеи чловѣколюбія и милосердія, долга и правды, одушевляющія какъ самого поэта, такъ и лучшихъ людей его времени. Поэтому, не смотря на всѣ недостатки, они съ удовольствіемъ слушались публикой и имѣли на нее благотворное образовательное вліаніе.

Комедіи и оперы Княжнина. Комедіи Княжнина, подобно трагедіямъ, не отличаются большею оригинальностью ни по сюжетамъ, ни по выведеннымъ въ нихъ лицамъ и характерамъ; но заимствованные сюжеты въ нихъ передѣланы на русскіе нравы. И потому онѣ весьма интересны для характеристики современной русской жизни. Княжнинъ написалъ нѣсколько комедій: „Хвастунъ“, „Чудаки“, „Неудачный примиритель“, „Трауръ“ и нѣсколько комическихъ оперъ: „Несчастіе отъ кареты“, „Сбитеньщикъ“, „Притворно сумасшедшая“, „Мужья, женихи своихъ женъ“, „Мелодрама Ореей“. Изъ комедій лучшими считались „Хвастунъ“ и „Чудаки“, а изъ оперъ—„Несчастіе отъ кареты“ и „Сбитеньщикъ“.

Комедія „Хвастунъ“ написана по образцу комедіи де-Брюей *L'important de Cour*. Главное лице въ ней Хвастунъ Верхолеть изъ породы тѣхъ вралей и обманщиковъ, которыхъ въ послѣдствіи Гоголь такъ превосходно изобразилъ въ типѣ Хлестакова. Ничтожный чловѣкъ, Верхолеть выдаетъ себя за графа, хвалится тѣмъ, что ѣздитъ ко двору и находится въ перепискѣ съ разными дворами и королями, общается возвести въ сенаторы всякаго, кого только захочетъ, раздастъ всѣмъ губернаторства, „какъ щепки“, представляетъ себя владѣльцемъ такихъ огромныхъ селъ, которыя больше большихъ городовъ. О такомъ важномъ значеніи Верхолета твердитъ всѣмъ слуга его Полистъ. Совершенный невѣжда, незнающій даже грамоты, Полистъ выдаетъ себя за секретаря самозваннаго графа и такъ же хвалится, что и онъ можетъ раздавать „мелкіе чины“.

Явленіе и усилкіи такихъ вралей и обманщиковъ совершенно понятны въ томъ обществѣ, которое, при страшномъ невѣжествѣ и лѣни, выше всего на свѣтѣ ставило чины, служившіе для него источникомъ власти и богатства. Полистъ говорить:

«Люди всѣ рѣхнулись на чинахъ.

Портные, столяры, всѣ одинакой вѣры;

Купцы, сапожники, всѣ мѣтятъ въ офицеры;

И кто безъ чина свой проводить темный вѣкъ,
Тотъ кажется у насъ совсѣмъ не человѣкъ.
Портной что былъ, теперь стараніемъ Полиста
Желаеть чинъ достать себѣ протоколиста»⁽¹⁾.

На обманъ Верхолета попадаетъ его дядя, сельскій дворянинъ, Простодумъ, который пріѣхалъ изъ деревни въ столицу также поискать чиновъ. Онъ узнаеть отъ Полиста, что племянникъ его Верхолеть, получивъ графское достоинство, сдѣлался такимъ сильнымъ при дворѣ, что можетъ возвести своего дядю въ сенаторы. Что за личность Простодумъ, это можно видѣть изъ слѣдующихъ его разсужденій. Предлагая Верхолету свои деньги, онъ говоритъ:

«Три тысячи скопилъ я дома лѣтъ въ десятокъ,
Не хлѣбомъ, не скотомъ, не выводомъ телятокъ,
Но кстати въ рекруты торгуючи людьми.
Сіятельныйшій граць! пожалуй все возьми,
Я послѣ получу».

А получить эти деньги онъ надѣется тогда, когда самъ сдѣлается сенаторомъ и будетъ имѣть возможность такъ же величаться надъ деревенскими сосѣдями, властвовать и прижимать другихъ, какъ до сихъ поръ его прижимали.

«А у меня весь умъ о сенаторствѣ бредить.
Когда у насъ о томъ услышать въ деревняхъ,
Всплеснувъ руками, всѣ дворяне скажутъ, ахъ!
Которые себѣ въ богатствѣ мѣръ не ставятъ,
Которые меня своею спесью давятъ,
Увидя пыхи тамъ вельможески мои,
Опустятъ крылышки, какъ мокры воробьи».

Я сердцемъ лишь на тѣхъ дворяней мѣчу,
Которы вкругъ меня по деревнямъ живутъ;
Которые меня равно какъ скоть мой жмутъ.
Я также ихъ пожму во время сенаторства.
И покажу мои имъ разныя проворства.
Покрѣпче буду ихъ держать въ моихъ рукахъ.
И какъ на собственныхъ на ихъ косить лугахъ»⁽²⁾.

Такимъ же честолюбіемъ и стремленіемъ къ вельможеству и знатности страдаетъ Чванкина, пріѣхавшая изъ деревни богатая дворянка. Она хочетъ выдать за самозваннаго графа Верхо-

(1) Сочин. III, 15. (2) Сочин. III, 21. 25. 81.

лета свою дочь Милену, не смотря на то, что Милена любить Замира и говорить, что скорѣе согласится умереть, чѣмъ выйти за Верхолета. Чванкина говорить Миленѣ:

«Что ты ни говори, а графство твой удѣлъ.
Ты слышишь-ли, хочу, чтобъ ты была графиней.
Милена. Я умру.
Чванкина. Пожалуй ты умри,
Да только лишь умри графиней»⁽¹⁾.

Чванкину поддерживаетъ въ ея планахъ служанка ея Марина, которая сама также желая и надѣясь быть дворянкой, хочетъ выйти за Полиста, и обѣ онѣ вмѣстѣ интригуютъ противъ Милены и Замира.

Но обманъ Верхолета и возни слуги и служанки обнаруживаетъ отецъ Замира, Честонъ. Честонъ составляетъ подражаніе Стародуму и въ комедіи Княжнина играетъ такую же роль, какъ Стародумъ въ Недорослѣ. Вотъ какъ онъ рекомендуетъ себя Верхолету:

«А я вотъ слышалъ такъ, что говорить онъ вольно,
И если бы когда и графъ какой сталъ лгать,
Въ глаза бы онъ сказалъ, что графъ изволитъ врать...
Онъ сухъ, лице его ни мало не широко,
И хвастуновъ его далеко видитъ око.
А впрочемъ онъ во всемъ походить на меня.
Но чтобы все сказать, Честонъ, сударь, самъ я»⁽²⁾.

Подобно Стародуму, Честонъ всѣхъ поучаетъ и объясняетъ Замиру, въ чемъ заключается истинная знатность и дворянство:

«И всякій человѣкъ, породой отличный
Быть долженъ гражданинъ, заслугами отмѣнный;
А впрочемъ родъ мечта, и что дворянство есть?
Лишь обязательство любить прямую честь.
Но въ чемъ она? мой сынъ, ты это точно знаешь:
Чтобъ должность исполнять, а ты не исполняешь.
Ступай въ свой полкъ, служи ты, взявъ съ меня примѣръ
.....
Чтобы намъ съ честію во власти показаться,
Такъ надо напередъ умѣть повиноваться»⁽³⁾.

⁽¹⁾ Сочин. III, 39. ⁽²⁾ Тамъ же III, 74. ⁽³⁾ Тамъ же III, 64—65.

Честонъ открываетъ всѣмъ, кто такой Верхолеть:

«Не знатный баринъ онъ: нѣтъ, нѣтъ! а онъ притворщикъ
И наглый съ глупостей людскихъ онъ попливъ сборщикъ,
Какихъ и много есть, которы тѣмъ живутъ»⁽¹⁾.

И чтобы спасти отъ Верхолета Милену и Замира, Честонъ призываетъ чиновника отъ управы благочинія, который объявляетъ, что Верхолеть

.... «не графъ, дворянчикъ плутоватый
И только хвастовствомъ, обманами богатой,
Который здѣсь давно живетъ на счетъ другихъ,
Сбираючи всегда оброкъ съ головъ плохихъ»⁽²⁾

Въ комедіи очень многое подмѣчено вѣрно и изображено характерно, напр. страсть къ чинамъ и свойства деревенскаго вельможества и знатности; но многое вышло и преувеличенно. Нѣкоторыя сцены напоминаютъ Фонъ-визиновскія каррикатуры, хотя въ художественномъ отношеніи стоятъ гораздо ниже ихъ. Напр. на замѣчаніе Полиста о Миленѣ: „какъ видно, то съ пути ее романы сбили“, Чванкина съ сердцемъ говоритъ:

«Романы!.. Я ее поотучу отъ нихъ!
Романы!.. слушаться такихъ людей дурныхъ!
А гдѣ они живутъ? и гдѣ она видалась?
Марина, отъ тебя и дочь избаловалась».

Верхолеть, упрекая Милену въ ея нелюбви къ нему, говорить, что онъ оставилъ для нея

..... различныхъ здѣсь госпожъ,
Блестящихъ знатностью и красотой рожъ.

Я вашей нелюбви ни мало не боюся,
И не смотря на васъ, на васъ тотчасъ женюся»⁽³⁾.

Нѣкоторыя мѣста и выраженія хотя и грубоваты, но довольно характерны. Напр.

Кто прежде звался плутъ,
Того уже теперь искусникомъ зовуть».

⁽¹⁾ Тамъ же III, 77. ⁽²⁾ Тамъ же III, 130. ⁽³⁾ Тамъ же III, 52.

Замѣчаніе Верхолета о просьбѣ танцора на мѣсто судьи:

«Вотъ на еще какой! онъ мастеръ танцовать,
За то въ судьи; нѣтъ, другъ, тутъ надо разсуждать
И дѣло головой вертѣть, а не ногами».

Просьба стихотворца:

«Я разными стихами
Лѣтъ сорокъ всѣмъ служу; вельможей тѣшу, дворъ.
Я старѣ всѣхъ теперь въ Россіи стихотворѣ;
А старшинство мое другіе отнимаютъ
И болѣе меня ужъ нравиться дерзаютъ.
Нельзя-ли, государь, мнѣ выходить указъ,
Чтобъ мнѣ лишь одному принадлежалъ Парнасъ» (1).

Комедія „Чудаки“. Чудаками Княжнинъ называетъ въ комедіи такихъ людей, которыхъ литература нашего времени охарактеризовала именемъ самодуровъ. Главныя лица въ комедіи Лентягинъ — мужъ и жена. Лентягинъ — разбогатѣвшій кузнецъ и выпешій въ люди чрезъ женитьбу на дворянкѣ. Наслушавшись современныхъ разсужденій о свободѣ и равенствѣ всѣхъ людей и о чести, какъ основѣ человѣческихъ дѣйствій, онъ самъ хочетъ быть философомъ, возстаетъ противъ всѣхъ людскихъ правилъ и обычаевъ и во всемъ поступаетъ „иначе отъ другихъ“. Своему слугѣ, Пролазу, онъ такъ себя рекомендуетъ:

«Я чудный господинъ,
Я странный человѣкъ, такъ свѣтъ о мнѣ болтаетъ;
Но философія тѣ враки презираетъ.
Кажуся страннымъ я за то, что я одинъ
Таковъ, какъ должно быть. Скажи, кому мѣшаю,
Что я по дудочкѣ всемірной не пляшу».

Главнымъ достоинствомъ въ человѣкѣ онъ считаетъ честь:

«Кто честный человѣкъ, тотъ равенъ мнѣ во всемъ» (2).

Этого принципа Лентягинъ держится въ обращеніи со всѣми людьми, во всѣхъ дѣлахъ и отношеніяхъ, и простираетъ его до того, что хочетъ выдать за слугу своего Пролаза, съ которымъ онъ также обращается, какъ съ равнымъ себѣ, свою собственную дочь.

(1) III, 41. (2) Тамъ же III, 135—138.

Совершенно противоположныхъ возрѣній на все держится его жена. Лентягина по происхожденію дворянка. Хотя она такъ же постоянно твердитъ о чести; но подъ честію она разумѣетъ знатность рода, значеніе въ большомъ свѣтѣ и конечно и слышать не хочетъ о какомъ нибудь равенствѣ съ другими:

«Я будто всѣмъ равна! Какъ можно то сказать?
Я дочь, племянница князей и генераловъ,
Могу-ль я быть равна съ женами всѣхъ капраловъ?»

Упрекая своего мужа въ низкой породѣ, она говоритъ ему:

«А я всегда была въ надеждѣ,
Что сдѣлала я честь, унизясь до тебя.»⁽¹⁾

Можно судить поэтому, въ какое негодованіе Лентягина приходитъ, когда Пролазъ, слѣдуя философіи своего барина, началъ вести себя и съ нею, какъ съ равною. Такое поведеніе Пролаза она сочла оскорбленіемъ для себя и готова была „велѣтъ влѣпить ему тысячу ударовъ“. И когда мужъ замѣтилъ ей, что такія жестокости и не законны и неприличны и упомянулъ о философѣ Сенекѣ, она разразилась бранью:

«Плюю я на всѣхъ твоихъ Сенекъ»⁽²⁾.

Лентягина пріѣхала въ столицу затѣмъ, чтобы выдать замужъ дочь свою, Улиньку. Улинька воспитана своей мамашей, которая о воспитаніи ея говоритъ:

«Признаться я должна,
Что воспитаніе дано пристойно роду
.....
Отъ низостей, сударь, она весьма далека;
И крѣпко все храня, что такъ велитъ намъ честь,
Она не знаетъ, что такое шить и плестъ;
То все для чернаго оставя челоуѣка,
Танцуетъ какъ павлинъ, какъ соловей поетъ;
И какъ француженка умѣя по французски,
Желала бы забыть совсѣмъ она по русски;
Ложится въ три часа, въ двѣнадцатомъ встаетъ;
Проводитъ два часа всегда у туалета».

За Улиньку сватаются два жениха, Пріятъ и Вѣтромахъ. Въ Пріятѣ представленъ образчикъ тѣхъ сантиментальныхъ ге-

⁽¹⁾ III, 146—148. ⁽²⁾ III, 144.

роевъ, которые въ это время начали появляться въ нашей литературѣ. Пріять, по описанію Улиньки, именно сентиментальный герой,

•Который все изподтишка вздыхаетъ;
Который робкими шагами подступаетъ;
Котораго любовь какъ будто хочетъ красть.
Онъ сердца не беретъ, а щиплетъ все по точкѣ:
Во фракѣ Мердоа и въ розовомъ платочкѣ,
По вечерамъ задумчивъ и смущенъ.
Такъ томень и уныль, какъ будто Селадонъ,
По роцамъ и лугамъ съ овечками гуляетъ;
Иль подъ окномъ моимъ по холодку пылаетъ.

Вѣтромахъ совершенно другаго характера. Онъ модный кавалеръ, воспитанный во французскомъ вкусѣ:

•И ловокъ и остеръ, и веселъ и пригожъ,
Что былъ вчера, на то сегодня не похожъ.

Своимъ пристрастіемъ къ французскому языку и презрѣніемъ къ русскому онъ напоминаетъ Иванушку Фонъ-Визина.

•Щитаю нашъ языкъ за подлинный jargon.
И экспримировать на немъ всего не можно.
Чтобъ мысль свою сыскать, замучишься безбожно.
По нуждѣ говорю я этимъ языкомъ
Съ лакеемъ, съ кучеромъ, со всѣмъ простымъ народомъ,
Гдѣ думать нужды нѣтъ. А съ нашимъ знатнымъ родомъ,
Не знавъ французскаго, я былъ бы дуракомъ.

На вопросъ Лентягина: „кто онъ такой, русской или французъ“, онъ отвѣчаетъ:

•Hélas! я не французъ!
Я русский! — у меня на сердцѣ это грузъ⁽¹⁾.

Само собою разумѣется, что Улинька и мать предпочитаютъ Вѣтромаха, а самъ Лентягинъ Пріята, а потомъ слугу своего Пролаза. Происходитъ сильное разногласіе и борьба. Впрочемъ главными заправителями и рѣшителями дѣла въ этой борьбѣ являются не отецъ и мать, или дочь, а опять такъ же, какъ въ предыдущей комедіи, слуги—Пролазъ и Высоносъ и служанка Марина. Пролазъ, подобно своему барину, также хочетъ быть философомъ; но онъ понимаетъ только философію практическую и

(1) Сочин. III, 161, 164, 165, 169—170.

недовѣряетъ никакой теоріи, умѣетъ вездѣ пролѣзть, всѣхъ обойти и все обратить въ свою пользу. Нанимаясь въ слуги Лентягина, онъ говоритъ:

«Доселѣ я служилъ профессору морали;
Хотя профессоръ онъ, предъ вами ничего:
Предъ вашею, сударь, его мораль пустая;
На языкъ была лишь у него,
Ребятамъ казанья сухія соплетая,
На дѣлѣ точно такъ жила, какъ всѣ живутъ;
Твердила всѣмъ одно, а дѣлала другое.
Безъ практики, сударь, теорія пустое.
Чтобъ словомъ то сказать, мораль его преплутъ.
Она себѣ одной на пользу все клонила,
И жалованья мнѣ мораль не доплатила»⁽¹⁾.

Свою собственную философію Пролазъ выражаетъ очень прямо и рельефно въ слѣдующемъ монологѣ:

«Вотъ такъ то надобно ловить людей на уду.
Хвали ихъ мнѣнія, ихъ вкусы принимай;
И сколько бъ ни были дѣла ихъ плохи, странны,
Гляди ты барамъ въ ротъ и только потакай;
И будешь человекъ и лучшей и избранный.
Вотъ все достоинство нерѣдко тѣхъ людей,
Которы, вышедъ въ свѣтъ, черезъ грязныя дороги,
Надъ нижними себѣ величатся какъ боги»⁽²⁾.

Подчинившись совершенно вліянію Пролаза, Лентягинъ хочетъ выдать за него свою дочь, но встрѣчаетъ неодолимое сопротивление въ женѣ, которая рѣшилась выдать ее за Вѣтромаха. Кромѣ того „всемирный пріятель Трусимъ, охотникъ всѣмъ услуживать безъ просьбы“, приводитъ къ Лентягину еще нѣсколько жениховъ. Эти женихи: отставной майоръ, который, не узнавъ еще, кто такая невѣста, говоритъ Лентягину:

«И я и сердце ужъ мое давно безъ мѣста,
То есть безъ службы я и безъ жены
И я совсѣмъ готовъ сей день, сей часъ, коль хошь».

Другой женихъ также отставной судья.

«Онъ въ ябедѣ себѣ находитъ содержанье,
Изъ одного въ другой переходя приказъ».

⁽¹⁾ III, 141—142. ⁽²⁾ III, 177.

Иной даетъ ему хлѣбъ, мясо, соль, указъ;
Иной вино, его нужнѣйше пропитанье.

Онъ о себѣ говорить:

«Чтобъ я дрался, того въ судахъ вы не найдете,
А многожды былъ битъ и бралъ съ того доходъ» (1).

Наконецъ два стихотворца—Тромпетинъ одописецъ, въ громкихъ одахъ котораго „и молнія и громъ“, другой идиллическій писатель Свирѣлкинъ, въ элегіяхъ котораго „плачевнѣйшій содомъ“. Но Прозазъ своими хитростями и проворствомъ отстраняетъ всѣхъ жениховъ и достигаетъ того, что Лентягины соглашаются выдать свою дочь за Пріята.

Въ комедіи, какъ видно изъ представленнаго ея изложенія, есть много сценъ интересныхъ, характеризующихъ тогдашніе нравы и возрѣнія, много мѣткихъ выраженій, показывающихъ въ авторѣ наблюдательнаго и остроумнаго челоуѣка; но въ ней много и несообразностей, какъ въ общемъ ходѣ дѣйствія, такъ и въ характерахъ и поступкахъ дѣйствующихъ лицъ, напр. Лентягина и его жены, Вѣтромаха и др. Особенно несообразна роль слугъ Прозаза, Высогоса и служапки Марины, которые вертятъ всѣми другими лицами, какъ пѣшками, въ продолженіи цѣлыхъ актовъ бранятся между собою и даютъ другъ другу оплеухи. Авторъ, кажется, самъ сознавалъ эти несообразности и хотѣлъ, повидимому, указать оправданіе для нихъ въ томъ, что всѣ дѣйствующія лица въ его комедіи чудаки, и заключилъ ее замѣчаніемъ,

«Что и всякой много ли, иль мало, но чудакъ,
И глупость, предстоитъ при каждомъ рожденіи,
Намъ всѣмъ дурачиться даетъ благословенье» (2).

Комическая опера „Несчастіе отъ кареты“. Сюжетъ оперы взятъ изъ помѣщичьяго крѣпостнаго быта. Помѣщики Фирюлины, мужъ и жена, побывавши во Франціи, вывели оттуда только глупое пристрастіе къ французскому языку и презрѣніе къ Россіи и всему русскому. Вотъ какъ они разсуждаютъ о Россіи.

Фирюлинъ. Варварскій народъ! дикая сторона! Какое невѣжество! какія грубыя имена! какъ ими деликатесъ моего слуха повреждается! Видно, что мнѣ самому принятъ за экономію и перемѣнить всѣ названія, которыя портятъ уши; это первое мое дѣло будетъ.

(1) Сочин. III, 216. 219. (2) III, 274.

Фирюлина. Я удивляюсь, душа моя, наша деревня такъ близко отъ столицы, а никто здѣсь по французски не умѣетъ; а во Франціи, отъ столицы верстъ за сто, всѣ по французски говорятъ (1).

Вотъ содержаніе и ходъ всей пѣсы. Помѣщику Фирюлину понадобилась къ празднику новая карета, и онъ пишетъ въ деревню къ прикащику своему Клементію: „О ты, котораго глупымъ и варварскимъ именемъ Клементія донинѣ безчестили, изъ особенной къ тебѣ милости за то, что ты большую часть крестьянъ одѣлъ по французски, жалую тебя Клеманомъ, и впредъ повелѣваю всѣмъ не офансировать тебя словомъ Клементія, а называть Клеманомъ.... Между тѣмъ знай, что мнѣ крайняя нужда въ деньгахъ. Къ празднику мнѣ надобна необходимо новая карета. Хотя у меня и много ихъ, но эта вывезена изъ Парижа. Вообрази себѣ, господинъ Клеманъ, какое безчестіе не только мнѣ, да и вамъ всѣмъ, что вашъ баринъ не будетъ ѣздить въ этой прекрасной каретѣ, а барыня ваша не купать себѣ тѣхъ прекрасныхъ головныхъ уборовъ, которые такъ же прямо изъ Парижа привезены. Отъ такого стыда честный человекъ долженъ удавиться. Ты мнѣ писалъ, что хлѣбъ не родился; это дѣло не мое, и я не виноватъ, что и земля у насъ хуже французской. Я тебѣ приказываю и прошу, не погуби меня; найди, гдѣ хочешь, денегъ. Теперь уже ты Клеманъ и носишь по моей сеньіорской милости платье французскаго балли, и такъ должно быть тебѣ умнѣе и проворнѣе. Мало-ли есть способовъ достать денегъ. Напр. нѣтъ ли у васъ на продажу годныхъ людей въ рекруты. Итакъ нахватай и продай“ (2). Пользуясь такимъ приказаніемъ, прикащикъ схватываетъ одного молодого крестьянина, Лукьяна, чтобы отдать его въ солдаты и отнять у него невѣсту, на которой онъ собирается жениться. Такое насиліе привело Лукьяна, Анюту и отца ея Трофима въ страшное негодованіе. „Боже мой, говорить Лукьянъ, какъ мы несчастливы! Намъ должно пить, ѣсть и жениться по волѣ тѣхъ, которые нашимъ мученіемъ веселятся и которые безъ насъ бы съ голоду померли“ (3). Въ этихъ словахъ, выражающихъ горькій протестъ противъ крѣпостнаго права, заключается смыслъ всей пѣсы, который и придавалъ ей весьма важное значеніе въ то время.

Не зная, какъ помочь своему горю, Лукьянъ и Анюта обращаются за совѣтомъ къ шуту помѣщика, и, даривая его разными подарками, просятъ заступиться за нихъ предъ господами. Шуту пришло на мысль воспользоваться пристрастіемъ гос-

(1) Сочин. IV, 121. (2) Сочин. IV, 110—111. (3) IV, 108.

подъ къ французскому языку. Когда они прѣхали въ деревню на охоту, то онъ, указывая на Лукьяна, который былъ скованъ, какъ назначенный для продажи въ солдаты, сказалъ помѣщику, что этотъ молодецъ назначенъ въ солдаты, а между тѣмъ онъ знаетъ по французски (Лукьянъ и Анюта, живя при старомъ баринѣ, запомнили нѣсколько французскихъ словъ).

Фирюлинъ. И по французски? Mon Dieu! что я слышу?

Фирюлина. Ахъ, mon coeur! онъ по французски знаетъ, а скованъ! Это никакъ нейдетъ.

Фирюлинъ. Это ужасно, horrible! Снимите съ него цѣпи. Mon ami! я передъ тобою виноватъ.

Увидавъ потомъ Анюту и узнавъ, что она невѣста Лукьяна и сильно любитъ его, Фирюлинъ удивляется:

„Parbleu! Я этому бѣ не повѣрилъ, чтобы и русскіе люди могли такъ нѣжно любить. Я внѣ себя отъ удовольствія! Да не во Франціи ли я? Что онъ чувствуетъ любовь, тому не такъ дивлюсь; онъ говоритъ по французски; а ты дѣвченокка, а ты?

Шутъ. И она разумѣетъ.

Фирюлинъ. И она. Теперь меньше дивлюсь.

Лукьянъ (на колѣнахъ). Monseigneur! сжальтесь надъ нами.

Анюта (на колѣнахъ). Madame! Вступитесь за насъ!

Фирюлинъ. Mon seigneur! Madame! встаньте, вы меня этими словами въ такую жалость привели, что я отъ слезъ удержаться не могу.

Фирюлина. Mon cher! соединимъ ихъ; они достойны другъ друга, и достойны жить при насъ“.

Такимъ образомъ, въ крѣпостномъ быту отъ одной прихоти или извѣстнаго пристрастія помѣщиковъ зависѣло все счастье и несчастье крестьянъ. Эта мысль, составляющая основную идею пьесы, и выражена въ заключительныхъ ея словахъ, которыя поютъ дѣйствующія лица:

«Насъ бездѣлка погубила,
Но бездѣлка и спасла»⁽¹⁾.

Очень долго держалась на сценѣ также опера Княгинина „Сбитеньщикъ“. Она правилась всѣмъ простою, веселостью и разными пѣснями. Нѣкоторые изъ нихъ изъ театра перешли въ жизнь и распѣвались въ домашнихъ собраніяхъ. Таковы напр.

«Кажется не ложно,
Все на свѣтѣ можно
Покупать,
Продавать,

(1) Сочин. IV. 123—125. 128.

Только должно
Осторожно
Поступать».

И другая арія:

Щастье строитъ все на свѣтъ,
Безъ него куды съ умомъ.
Бздитъ щастіе въ каретѣ;
А съ умомъ идешь пѣшкомъ» (1).

Разныя мелкія сочиненія Княжнина. Княжнинъ былъ одиѣ изъ передовыхъ образованныхъ людей Екатерининской эпохи. Въ его сочиненіяхъ отражаются всѣ гуманныя стремленія этой эпохи и проводятся основныя ея начала о воспитаніи, образованіи и управленіи. Какъ секретаря Бецкаго и ближайшаго его сотрудника по воспитательнымъ учрежденіямъ, Княжнина особенно занимали постоянно вопросы о правильномъ воспитаніи и образованіи. Въ этомъ отношеніи преимущественно замѣчательны „Посланіе къ россійскимъ питомцамъ свободныхъ художествъ“ „Рѣчь въ публичномъ собраніи Академіи Художествъ въ 1779 г.“ и „Рѣчь къ кадетамъ“. Въ посланіи къ Россійскимъ питомцамъ онъ такъ разсуждаетъ о необходимости образованія талантовъ:

«Талантъ единый слабъ къ свершенію пути,
Когда не озаренъ пространнымъ просвѣщеніемъ
.....
Онъ въ дикости своей пребудетъ укрѣпленъ
Не видѣнъ въ грубости небесный оный пламень;
И самъ алмазъ въ корѣ есть тотъ же дикій камень
.....
Безъ просвѣщенія напрасно все старанье:
Скульптура кукольство, а живопись маранье.
И чтобъ достигнуть вамъ до славной высоты,
Искусства видны гдѣ безсмертны красоты,
И гдѣ духъ творческій натурою владѣетъ,
Гдѣ мраморъ говоритъ, и душу холстъ имѣетъ,
Сравняйтесь съ знаніемъ великихъ вы людей.
А безъ того иныхъ къ успѣху нѣтъ путей.
Художникъ завсегда останется безславенъ;
Художникъ безъ наукъ ремесленнику равенъ» (2).

Въ публичной рѣчи въ Академіи Художествъ онъ говоритъ: „Вольность, почтеннѣйшіи слушатели, подобна тѣмъ крѣпкимъ питіямъ, которыя съ умѣренностію употребляемыя привык-

(1) IV, 9 и 34. (2) Сочин. V, 35—36.

шимъ къ тому сильнымъ и добрымъ сложеніямъ тѣль служатъ укрѣпленіемъ, а слабыхъ и непривычныхъ обуяютъ разумъ, приводятъ въ истощеніе и разрушаютъ; итакъ, чтобы дать вкусить свободу, сію небесную пищу, укрѣпляющую душу, надлежитъ, чтобы душа была достойна наслаждаться оною. Чтожъ удобнѣе можетъ ее возвысить на сію чреду человѣчества? Безъ сомнѣнія единое воспитаніе. Оно отъ самыхъ нѣжныхъ отроческихъ лѣтъ упоеніемъ добродѣтели приводитъ въ созрѣніе духъ, и сильными начертаніями на сердцѣ, умягченномъ благопріеміемъ, изображая все, чѣмъ чловѣкъ обязанъ монархамъ и отечеству, производитъ въ немъ, если онъ и не имѣетъ отличныхъ дарованій, хотя не великаго, но конечно полезнаго гражданина, и дѣлаетъ его въ занимаемомъ по мѣрѣ силъ его окружѣ достойнымъ членомъ общества.... Благопріеіе съ великими талантами должно тѣсно сопряжено быть.... Славолюбіе, поддерживаемое добродѣтелию, есть та лѣстница, по которой чловѣкъ, одаренный способностями, превышаетъ и само чловѣчество. Сія страсть великихъ и благородныхъ душъ, очищенная благопріеміемъ, производила смертныхъ, коихъ имена, вписанныя въ храмъ вѣчности, остались безсмертными; она даровала вселенной Апеллесовъ и Праксителевъ въ древнія и новѣйшія времена; она оныхъ и Россіи даруетъ" (1). Та же необходимость нравственнаго образованія доказыаается и въ рѣчи къ кадетамъ: „Остроумный и развращенный чловѣкъ, когда сіе можетъ быть совмѣстно, говоритъ здѣсь Княжнинъ, пагубнѣе невѣжи простодушнаго. И для того нравоученіе, священное и свѣтское, спѣшитъ вознести и сердце столь же высоко, какъ умъ; въ чемъ ему исторія великими примѣрами спомоществуетъ“ (2).

Изъ другихъ мелкихъ сочиненій Княжнина пужно упомянуть еще: „Нѣсколько басенъ и сказокъ“; „Письма къ княгинѣ Дашковой, на случай открытія Академіи россійской“; „Отрывокъ тольковаго сатирическаго словаря“; „Исповѣданіе Жемапихи, пославіе къ сочинителю Былей и небылицъ“; „Отъ дяди стихотворца Риемоскрыпа“. Всѣ ови сатирическаго характера. Въ послѣднемъ стихотвореніи заключается сатира на плохихъ стихотворцевъ. Дядя совѣтуетъ стихотворцу Риемоскрыпу „не страмить“ себя своими бездарными стихами:

«Не лучше ли, скажи, честному чловѣку
Поденщикомъ копать каналъ, иль чистить рѣку?
Не лучшеъ улицу камнями мостить?
Не лучшеъ агурцы или морковь садить,

(1) Сочин. V, 120—121. (2) Тамъ же 127.

Чѣмъ глупой стихъ точа, какъ деревянну пѣшку,
Разсудку здравому его казать въ насмѣшку?

Но Риemosкрыпъ на этотъ совѣтъ отвѣчаетъ:

«Узнай же, что на то я только и родился,
Дабы вселенную въ стихи переложить.
Кто можетъ такъ легко, какъ я, производить» (1)?

Мѣщанская драма. Оды Державина, поэмы Хераскова и трагедіи Княжнина были написаны по формамъ прежняго ложво-классическаго направленія. Между тѣмъ, въ европейскихъ литературахъ еще въ началѣ XVIII в. явились зачатки уже новаго литературнаго направленія, которое стало формироваться вслѣдствіе новыхъ условій жизни европейскихъ народовъ. Съ паденіемъ феодализма, на мѣсто дворянства и аристократіи, возвысилось среднее сословіе и естественно обратило на себя вниманіе литературы. Въ прежнія времена, какъ въ дѣйствительной жизни, такъ и въ литературѣ, на первомъ планѣ стояли всегда лица придворныя и аристократическія, или миоическія и героическія лица древняго греко-римскаго міра, который во многихъ отношеніяхъ служилъ идеаломъ для двора и аристократіи; лица же изъ средняго и высшаго сословія могли играть только служебныя роли и выводились на сцену большею частію для посмѣянія. Теперь самые сюжеты для литературныхъ произведеній стали брать изъ жизни этихъ сословій, изображать нравы и обычаи мѣщанъ, купцовъ, ремесленниковъ и чиновниковъ. Новое содержаніе литературы неизбѣжно должно было сообщить ей и новое направленіе и измѣнить ея формы. Жизнь мѣщанства сначала совсѣмъ не имѣла того высокаго тона, той роскоши и пышности, какими отличалась жизнь двора и аристократіи; естественно, что литературныя изображенія этой жизни выходили несравненно проще прежнихъ классическихъ картинъ. Недостатокъ громкихъ и важныхъ событій въ этой жизни замѣняли явленія внутренней жизни, жизни сердца, разныя чувствованія и ощущенія. Изображеніе такихъ ощущеній и чувствованій, составляющихъ главный интересъ въ жизни простыхъ людей, сдѣлалось главнымъ предметомъ литературы, которая поэтому въ послѣдствіи и получила названіе „сантиментальной“. Въ противоположность и въ отличіе испорченности великоsvѣтской аристократической жизни, литература стала рисовать картины честнаго и степеннаго образа жизни простыхъ, еще неиспорченныхъ роскошью и извѣ-

(1) Тамъ же 62; 64.

женностию людей, и нравственное поучительное направлѣніе сдѣлалось въ ней господствующимъ. Всѣ эти особенности новаго литературнаго направлѣнія, развившагося вслѣдствіе новыхъ элементовъ, внесенныхъ въ литературу, сначала обнаружались въ англійской литературѣ въ еженедѣльныхъ нравственныхъ изданіяхъ Стиля (1676—1729) и Адиссона (1672—1719), а потомъ въ семейныхъ и нравоучительныхъ романахъ Ричардсона (1689—1761). Но всего ощутительнѣе онѣ выразились въ драмѣ. Здѣсь новое направлѣніе сказалось прежде всего въ смѣшеніи элементовъ трагическаго и комическаго, которые прежде такъ рѣзко раздѣлялись, что ни въ области трагедіи не могло быть ничего комическаго, ни въ области комедіи ничего печальнаго или трагическаго. Какъ въ дѣйствительной жизни важное и смѣшное, печальное и веселое идутъ вмѣстѣ и рядомъ, такъ и драма, долженствующая быть вѣрнымъ отраженіемъ жизни, стала допускать смѣшеніе того и другаго элемента. Вмѣстѣ съ тѣмъ она освободилась отъ строгихъ и стѣснительныхъ правилъ классицизма, отъ такъ называемыхъ трехъ единствъ времени, мѣста и дѣйствія, высокаго слога и витіеватаго языка и стала употреблять вмѣсто стихотворнаго языка прозаическій. Заимствуя сюжеты преимущественно изъ мѣщанской жизни, она сама получила названіе „мѣщанской“ (bourgeoise) драмы, или „слезной“ (larmoyante) комедіи, такъ какъ содержаніе ея производило трогательныя, или какъ говорили тогда, „жалостныя впечатлѣнія“.

Первые образцы мѣщанской драмы представили въ Англии Лилло въ своей драмѣ „Георгъ Барневель, или лондонскій купецъ“ (1731) и Муръ въ драмѣ „Игрокъ“ (1753); во Франціи Дидро — въ драмахъ „Побочный сынъ“ (1757) и „Отецъ семейства“ (1758); Бомарше — въ драмахъ „Евгенія“ (1767) и „Мать преступница“, Мариво, Детушъ и др.; въ Германіи Лессингъ — въ драмахъ „Сара Сампсонъ“, „Минна Фонъ-Барнгельмъ“ (1767) и „Эмилидъ Галотти“ (1772). Дидро составилъ и теорію новой драмы; онъ назначилъ ей среднее мѣсто между трагедіей и комедіей и раздѣлилъ ее на два вида — слезную комедію и мѣщанскую трагедію; а Бомарше въ предисловіи къ „Евгеніи“ слезную комедію назвалъ драмой, каковое названіе перешло въ теорію словесности и стало означать третій видъ драматической поэзіи, занимающій средину между героической трагедіей и шутливой комедіей. Всѣ указанныя драмы Лилло, Мура, Дидро и Лессинга скоро появились и у насъ въ русскомъ переводѣ и вызвали много передѣлокъ и подражаній. У насъ, конечно, не было тѣхъ обстоятельствъ, въ слѣдствіе которыхъ въ Европѣ развилась мѣщанская драма; дворянство и при Екатеринѣ занимало такое же положеніе, какъ и прежде; средняго сословія, или такъ называемаго „третьяго чина“,

у васъ такъ же не образовалось, хотя о созданіи его и говорилось въ „Наказѣ“ Екатерины и „Докладахъ“ Бецкаго; но самыя драмы, изображающія жизнь средняго сословія, не могли не нравиться русскому обществу какъ простотою и естественностію своей формы, такъ особенно новостію, разнообразіемъ и занимательностію сюжетовъ, изображающихъ нравы настоящихъ людей, а не вымышленныхъ героевъ. „Несчастія близкихъ къ намъ людей, говоритъ Лессингъ, сильнѣе дѣйствуютъ на душу; имена полубоговъ и царей сообщаютъ піесѣ блескъ и величіе, но не производятъ такого трогательнаго впечатлѣнія“. Переводчикъ „Побочнаго сына“ Дидро, въ своемъ предисловіи къ переводу, говоритъ читателю: „неужели несчастія однихъ только знатныхъ людей, героевъ, завоевателей имперій, или разорителей многихъ народовъ заслуживаютъ общую чувствительность, а участь прочихъ добрыхъ людей нашего вниманія недостойна и никакихъ впечатлѣній въ насъ произвести не можетъ? Предразсужденіе управляетъ нравами; но не должно ли, чтобы разумъ когда нибудь хотя слегка просвѣщалъ оныя“. Поэтому переводомъ и передѣлкой указанныхъ выше мѣщанскихъ драмъ занимались многіе и лучшіе писатели, а нѣкоторыя драмы были переводимы по два, по три раза. „Игрокъ“ Мура, во французской передѣлкѣ, подъ заглавіемъ „Бевверлей“ былъ переведенъ извѣстнымъ актеромъ Дмитревскимъ, а одинъ изъ переводовъ „Эмили Галотти“ Лессинга (1788) былъ сдѣланъ Карамзинымъ. Были переведены такъ же и другія мѣщанскія драмы: „Лондонскій купецъ, или приключенія Георга Барневеля“ Лилло (1764); „Притворная Агнеса“ Детуша (1764), „Чадолубивый отецъ“ и „Побочный сынъ“ (1765) Дидро; „Игра любви и случая“ (1769) и „Вторично вкрапшаяся любовь“ (1773) Мариво; „Женевиль, или французскій Барневель“ (1778) Мерсье. За переводами начались передѣлки и подражанія. Между драмами Хераскова мы уже указали на двѣ слезныя драмы: „Другъ несчастныхъ“ и „Гонимые“; піесы Княжнина: „Несчастіе отъ кареты“ и „Сбитеньщикъ“ были написаны такъ же по подражанію новымъ драмамъ. Вообще мѣщанская драма произвела значительное оживленіе въ русской драмѣ. Отрывая постепенно отъ стѣснительныхъ правилъ и формъ ложноклассической теоріи, она повела къ попыткамъ создать новую русскую драму и комедію на національныхъ началахъ. Къ такимъ попыткамъ прежде всего относятся комедіи Лукина.

Комедіи Лукина. Въ исторіи русской драмы Лукинъ извѣстенъ главнымъ образомъ тѣми воззрѣніями и требованіями, какія онъ высказывалъ относительно русской комедіи и русскаго театра вообще. Онъ первый возсталъ противъ перенесенія на рус-

скую сцену иностранныхъ пiесъ и чужихъ нравовъ и вообще противъ рабскаго подражательнаго направленiя драмы и указалъ на необходимость своего національнаго театра (¹). Владимiръ Игнатьевичъ Лукинъ (1737—1794) происходилъ изъ небогатаго и не знатнаго состоянiя. Своимъ возвышенiемъ онъ былъ обязанъ извѣстному кабинетъ-министру Екатерины II. П. Елагину, у котораго онъ состоялъ въ должности секретаря. Подъ руководствомъ Елагина и вмѣстѣ съ нимъ, Лукинъ началъ и свою литературную дѣятельность переводомъ „Приключенiй Маркиза Г.“ Елагинъ ввелъ Лукина въ высшее придворное общество, такъ что онъ могъ бывать даже у наслѣдника престола. Свѣдѣнiя о характерѣ Лукина мы получаемъ изъ „Признанiй“ Фонъ-Визина, который служилъ такъ же у Елагина вмѣстѣ съ Лукинымъ и кажется въ качествѣ помощника Лукина. Фонъ-Визинъ представляетъ Лукина человѣкомъ безпримѣрнаго высокоумiя и тяжелаго нрава. „Сей человѣкъ, имѣющiй, впрочемъ, разумъ, говоритъ онъ о Лукинѣ, былъ безпримѣрнаго высокоумiя и нравомъ тяжелъ пренесносно“. Этотъ высокоумѣнный и тяжелый характеръ Лукина и его рѣзкiе отзывы о современныхъ писателяхъ, которые онъ высказывалъ не стѣсняясь никакими авторитетами (даже такимъ авторитетомъ, какимъ тогда былъ Сумароковъ, на котораго есть ясныя намеки въ сочиненiяхъ Лукина), и были, конечно, причиною той вражды къ нему, которую онъ испытывалъ и на которую постоянно жаловался въ своихъ сочиненiяхъ. Сумароковъ не могъ равнодушно слышать одного имени Лукина. Въ современныхъ журналахъ Лукинъ и его сочиненiя подвергались такимъ же обиднымъ насмѣшкамъ, какимъ прежде подвергались только Тредьяковскiй и его стихотворенiя (²). Во „Всеякой Всячинѣ“ комедiи Лукина и сравнивались съ „Телемахидой“ Тредьяковскаго. Изъ всѣхъ современниковъ Лукинъ былъ въ дружескихъ отношенiяхъ только съ однимъ молодымъ писателемъ, Ельчаниновымъ. Затѣмъ, изъ жизни Лукина извѣстно еще то, что онъ нѣсколько времени былъ страстнымъ игрокомъ въ карты, о чемъ онъ сообщилъ въ предисловiи къ своей комедiи „Мотъ, любовiю исправ-

(¹) Владимiръ Лукинъ. А. Н. Пыпина Отеч. Зап. 1853 т. LXXXIX и XC. Эта статья, передѣланная и дополненная, помѣщена при новомъ изданiи сочиненiй Лукина: Сочиненiя и переводы Владимiра Игнатьевича Лукина и Богдана Егоровича Ельчанинова. Редакцiя П. А. Ефремова Спб. 1868.

(²) Журнальная полемика противъ Лукина весьма подробно изложена въ указанной выше статьѣ о Лукинѣ А. Н. Пыпина, стр. XLVII—XLV.

ленный“. Наконецъ, есть указаніе, что онъ принадлежалъ къ масонскому обществу и въ 70-хъ годахъ былъ великимъ мастеромъ въ ложѣ „Ураніа“.

Послѣ перевода, вмѣстѣ съ Елагинымъ, „Приключеній Маркиза Г.“ (въ этомъ переводѣ Лукину принадлежать 5 и 6 части), Лукинъ перевелъ комедію Реньяра „Менехмы, или Близнецы“, комедію Кампистрона „Ревнивый, изъ заблужденія выведенный“, передѣлалъ изъ комедіи Буасси „Babillard“ комедію „Пустомела“, изъ комедіи Кампистрона „L'amante amant“ комедію „Награжденное постоянство“, изъ французской пьесы „Boutique de Bijoutier“ комедію „Щепетильникъ“, изъ комедіи Колле „Depuis et Deronnais“ комедію „Тестъ и зять“, изъ комедіи Буасси „Le sage etourdi“ комедію „Разумный вертопрахъ“, изъ комедіи Реньяра „Le Distrait“ комедію „Задумчивый“, изъ комедіи Мариво „La seconde surprise de l'amour“ комедію „Вторично вкрапяшая любовь“. Оригинальнымъ же произведеніемъ Лукина была только одна комедія „Мотъ, любовью исправленный“.

Герой комедіи „Мотъ—Добросердовъ.“ (Это легкомысленный молодой человекъ, по неопытности страстно увлекшійся карточной игрой и готовый совершенно погибнуть; но его спасаетъ добродѣтельная его любовница, Клеопатра. Въ предисловіи къ комедіи Лукинъ говоритъ, что онъ самъ былъ страстно преданъ карточной игрѣ и освободившись отъ этого порока, для назиданія другихъ, вздумалъ написать комедію. При этомъ онъ изображаетъ то общество игроковъ, въ которомъ онъ обращался. „Вообрази читатель, говоритъ онъ, но такой, который никогда самъ не игрывалъ, вообрази толпу людей, нерѣдко больше ста человекъ составляющую. Обычайно, собираются оные художники въ большую палату. Иные изъ нихъ сидятъ за столомъ, иные ходятъ по комнатамъ, но всѣ сооружаютъ разные, достойные наказанія, вымыслы къ обыгранію своихъ соперниковъ. Хитрѣйшіе изъ нихъ скопомъ условливаются ограбить простачковъ, вновъ появившихся. Но можно общественно объ нихъ сказать, что всѣ они съ одѣми приходятъ мыслями, дабы каждому у прочихъ отнять до послѣдней полушки и лишить не только пропитанія, но и самую чести. Вотъ причины ихъ собранія!... Изъ сотни обыкновенно одинъ или двое, подобно Крезу или Мидасу, имѣютъ предъ собою золотыя горы, возвышенныя изъ иждивенія несчастныхъ ихъ противоборниковъ, или лучше сказать изъ крови и жизни ихъ. Выигрывающіе богачи сидятъ кичливо, о столъ облокотятся и имѣя видъ веселый, изъявляютъ неописанное удовольствіе, грабя звѣрски свою братію. А злосчастные игроки, истощающіе послѣднія силы, разные имѣютъ виды. Иные подобны блѣдностію лицъ мертвецамъ, изъ гробовъ встающимъ; иные кровавыми очами—ужас-

нымъ фуріямъ; иные увлостію духа—преступникамъ, на казнь ведущимся; иные необычайнымъ румянцемъ — ягодъ клюквѣ; а съ иныхъ течетъ потъ ручьями, будто бы они претрудное и полезное дѣло съ поспѣшностію исполняютъ. Большая часть оныхъ мотовъ, пришедъ въ изступленіе, клянуть день своего рожденія и родителей, бьютъ по столу, терзаютъ волосы, дерутъ карты, какъ гибельныя несчастія своего орудія“.... „Все вышеписанное принудило меня сдѣлать „Мота“, потому что у насъ карточная игра главное мотовство составляетъ. Герой мой Добросердовъ, какъ мнѣ кажется, вполнину имѣетъ доброе сердце и съ нимъ соединенное легковѣріе, что и погибель его составило.... Я показавъ въ немъ большую часть молодыхъ людей, и желаю, чтобы большая часть ежели не лучшими, такъ хотя бы такими же средствами исправлялись“ (¹).... Комедія обратила на себя вниманіе публики. „Она принята была, говоритъ Новиковъ въ своемъ словарѣ, изрядно; но сочинитель сей комедіи весьма много былъ одолженъ актерамъ, ее представлявшимъ, какъ о томъ и самъ онъ въ предисловіи на сію комедію изъясняетъ. Сочинитель ввелъ въ свою комедію два смѣшныхъ подлинника, которыхъ представлявшіе актеры весьма искуснымъ и живымъ подражаніемъ, такъ же и сходственнымъ къ тому платьемъ зрителей весьма много смѣшили“ (²). А Порошинъ рассказываетъ, что Павелъ Петровичъ, послѣ представленія комедіи на придворномъ театрѣ, изволилъ автора приглашать къ себѣ въ ложу, пожаловалъ его къ рукѣ и похвалилъ его за труды.

Всѣ другія комедіи Лукина, какъ переводы и передѣлки чужихъ комедій, сами по себѣ мало интересны, но весьма интересны и важны тѣ предисловія, которыя къ нимъ приложены. Въ этихъ предисловіяхъ, особенно къ комедіямъ „Мотъ“, „Награжденное постоянство“ и „Щепетильникъ“, и выражены какъ критика Лукина на современную русскую комедію, такъ и его собственныя воззрѣнія и требованія относительно русскаго театра. Новость въ комедіяхъ Лукина, которую онѣ отличались отъ прежней комедіи Сумарокова, и причислялись къ новой мѣщанской драмѣ, составляло уже то, что въ нихъ введены были „жалостныя вещи“, чего въ прежнихъ комедіяхъ не допускалось. Извѣстно, что Сумароковъ сильно возсталъ противъ „Евгеніи“ Бомарше, когда она въ первый разъ была представлена на московскомъ театрѣ, и весь родъ мѣщан-

(¹) Сочин. стр. 8—11.

(²) Матеріалы для исторіи русской литературы. Изд. Етремова, стр. 67.

ской комедіи называлъ „накостнымъ родомъ“. Но главною заслугою Лукина стало то, что онъ объявилъ протестъ противъ подражательнаго направленія русской комедіи и требовалъ для нея національнаго содержанія. Онъ возмущался тѣмъ, что на русской сценѣ, для русскихъ людей представляются пьесы съ иностранными именами и нравами и вообще пьесы, „не наше поведеніе знаменующія“. Мнѣ всегда несвойственно казалось, говорить онъ, слышать чужестранныя рѣченія въ такихъ сочиненіяхъ, которыя должны изображеніемъ нашихъ нравовъ исправлять не только общіе всего свѣта, но болѣе частные нашего народа пороки; и неоднократно слыхалъ я отъ нѣкоторыхъ зрителей, что не только ихъ разсудку, но и слуху противно бываетъ, ежели лица, хотя по нѣскольку на наши нравы походящія, называются въ представленіи Клитандромъ, Дорантомъ, Циталидою и Кладиною и говорятъ рѣчи, не наши поведеніи знаменующія. Негодованіе сихъ зрителей давно почиталъ я правильнымъ и всегда съ онымъ былъ согласенъ; но вдругъ на передѣльваніе комедіи не смѣлъ я пуститься. И если говорить истину, то всякій не вычищенный то есть на нравы того народа, предъ коимъ онъ представляется, не склоненный къ драмѣ образецъ покажется на театрѣ не что иное, какъ смѣсъ — иногда русской, иногда французской, а иногда обоихъ сихъ народовъ характеры вдругъ на себѣ имѣющій“... (1) „Кажется, что въ зрителѣ, прямое понятіе имѣющемъ, къ произведенію скуки и сего довольно, если онъ однажды услышитъ, что русской подъячій, пришедъ въ какой ни есть домъ, будетъ спрашивать: здѣсь ли имѣется квартира господина Оронга? Здѣсь, скажутъ ему, да чего жъ ты отъ него хочешь? Свадебный написать контрактъ, скажетъ въ отвѣтъ подъячій. Сіе вскружитъ у знающаго зрителя голову (2). Въ подлинной русской комедіи имя Оронгово, старику данное, и написаніе брачнаго контракта подъячему вовсе не свойственно. Однако иные говорятъ, что и сіе имъ не противно. Я же чрезмѣрно дивлюсь, какъ можетъ русскому человѣку, дѣлающему подлинную комедію, придти въ мысли включить въ нее нотаріуса, или подъячего для сдѣланія брачнаго контракта, вовсе намъ неизвѣстнаго. Первый у насъ только вексели протестуетъ, а другой только на должности своей дѣла въ

(1) Предисловіе къ «Награжденному постоянству» стр. 112.

(2) Разумѣется комедія Сумарокова «Трессотиниусъ, гдѣ дѣйствительно выводится подъячій съ свадебною записью и спрашиваетъ: «Кто здѣсь имѣется господинъ Оронгъ?»

томъ приказѣ исправляетъ, откуда даютъ ему жалованье“ (1). Но возставая противъ такого подражанія иностраннымъ комедіямъ, которое цѣликомъ переносило на русскую сцену иностранные нравы, Лукинъ совѣтовалъ передѣлывать чужія пьесы, или какъ онъ выражался, „склонять на русскіе нравы“. „Подражать и передѣлывать, говоритъ онъ, великая разница. Подражать значитъ брать или характеръ, или нѣкоторую часть содержанія, или нѣчто весьма малое и отдѣленное и такъ нѣсколько заимствовать; а передѣлывать значитъ вѣчто включить, или исключить, а прочее т. е. главное оставить и склонять на свои нравы... Слышали вы, читатели, что за передѣлываніе комедіи многіе бранятся, но не слышали вы правильнаго опроверженія, что можетъ быть и никогда къ слуху вашему не достигаеть. Но я, не взирая на сихъ ненавистниковъ, буду всё шуточные театральныя сочиненія всевозможно склонять на наши обычаи, потому что многіе зрители отъ комедіи въ чужихъ нравахъ не получаютъ никакого поправленія. Они мыслятъ, что не ихъ, а чужестранцевъ осмѣиваютъ. Тому причиною, что они слышатъ Парижъ, Версалію, Тюллерію и прочія, для многихъ изъ нихъ незнакомыя рѣченія; да и то имъ примѣтно, что осмѣиваемыя образцы не только не свойственно нашимъ нравамъ изъясняются, но что они и одѣты въ незнакомыя имъ одежды... Есть много такихъ комедій, которыя общественныя только осмѣиваютъ пороки, какъ то гордость, клевету, неблагодарность и прочее; и казалось бы, что въ оныхъ ничего отмѣнять не должно; такъ думалъ и я, не входя прямо въ свойство театра; а какъ скоро вошелъ, то много противнаго прежнему моему мнѣнію увидѣлъ. И въ оныхъ комедіяхъ есть много шутокъ и острыхъ словъ, которыя душею и украшеніемъ сего рода сочиненій называются и которыя не только не остры, но и вздорны будутъ, если ихъ переведемъ словесно, а не замѣнимъ своими; а если замѣнимъ, то уже будетъ тогда вольный переводъ, отъ котораго къ предложенію одинъ шагъ ступить надлежитъ, а ступивши, украсить цѣлое сочиненіе и онымъ пользу сдѣлать“ (2). Такимъ образомъ Лукинъ желалъ, чтобы русская комедія получила національный характеръ. Когда въ 1765 г. открылся народный театръ, онъ съ радостію писалъ къ другу своему Ельчавинову: „Сія народная потѣха можетъ произвестъ у насъ не только зрителей, но современемъ и писцовъ (т. е. писателей), которые сперва хотя и неудачны будутъ, но въ послѣдствіи исправятся. Словомъ, я искренно тебя увѣряю, что сіе для народа упражненіе весьма полезно, и потому великія похвалы

(1) Тамъ же, 118—119. (2) Тамъ же, стр. 115—116.

достойно“ (1). Народности Лукинъ желалъ не только въ содержаніи, сюжетѣ комедіи, но и въ языкѣ. Онъ не считалъ простой народный языкъ, какъ Сумароковъ, подлымъ и недостойнымъ вкуса образованныхъ людей. Въ предисловіи къ комедіи, передѣланной изъ піесы „La boutique de bijoutier“ онъ говоритъ: „Издавая сію комедію на русскомъ языкѣ, не захотѣлось французское слово тиснуть русскими буквами. Чего ради, не взирая на то, что подвергнуся хулѣ, несмѣтному числу мнимыхъ въ нашемъ языкѣ знатоковъ, взялъ къ тому старинное слово „Щепетильника“, потому что всѣ наши купцы, торгующіе перстнями, серьгами, кольцами, запонками и прочимъ мелочнымъ товаромъ, назывались и нынѣ называются щепетильниками“ (2). Въ эту комедію Лукинъ ввелъ два новыя лица, которыхъ нѣтъ въ подлинникѣ, и заставилъ ихъ говорить мѣстнымъ нарѣчіемъ.

Такія замѣчательныя воззрѣнія на театръ и въ частности на комедію высказалъ Лукинъ; къ сожалѣнію, у него не было необходимаго драматическаго таланта, чтобы осуществить на дѣлѣ то, что онъ представлялъ теоретически. Его судьба въ этомъ отношеніи была очень сходна съ судьбой Тредьяковскаго, который такъ же въ своихъ стихотвореніяхъ не могъ выполнить тѣхъ требованій, которыя ясно сознавалъ и высказывалъ въ теоріи. Но важно было уже и то, что онъ другимъ указалъ на фальшивыя стороны тогдашней русской комедіи и на необходимость въ ней національнаго направленія.

По примѣру Лукина, и другіе писатели стали иностранныя піесы „склонять на русскія нравы“ или изображать прямо русскія сцены изъ народной жизни. Особенно въ большую моду вошли комическія оперы въ народномъ духѣ, которыя служили переходомъ отъ подражаній и передѣлокъ къ оригинальнымъ русскимъ піесамъ. Выше указано на оперы импер. Екатерины: „Февей“, „Новгородскій богатырь Боеславичъ“, „Одеулъ съ дѣтьми“ и др. Очень часто давались на сценѣ: „Анюта“ (1772) Михайлы Попова; „Любовникъ колдунъ“ (1774); піесы Матинскаго (бывшаго крѣпостнаго человѣка гр. Ягужинскаго); „Перерожденіе“ (1777); „Гостинный дворъ“ (напеч. въ 1792 г.); „Мельникъ“ Аблесимова (1779); „Розана и Любимъ“ (1781) Николава; „Судьба деревенская“ (1772) Прокудина-Горскаго; „Колдунъ, ворожея и сваха“ (1786) Юкина; „Счастливая тоня“ (1786), „Баба-Яга“ (1788) и „Калифъ на часъ“ (1786) вн. Д. Горчакова. Но какъ лучшія во всей этой области новой русской драмы отдѣльно должны быть указаны только нѣкоторыя піесы Аблесимова, Веревкина, Ефимьева, Клушина и Плавильщикова.

(1) Тамъ же, 184. (2) Тамъ же, стр. 190.

Комедіи и оперы Аблесимова, Веревкина, Клушина, Фоймьева и Плавильщикова. Александръ Описимовичъ Аблесимовъ (1742—1784) былъ сынъ одного галичскаго помѣщика. Состоя на службѣ въ лейбъ-компанской канцеляріи при Сумароковѣ и часто переписывая на бѣло его стихотворенія, онъ и самъ получилъ наклонность къ стихотворству. Первымъ стихотворнымъ опытомъ его были сказки въ стихахъ, напеч. въ 1769 г. Затѣмъ онъ написалъ двѣ оперы: „Мельникъ“ и „Счастіе по жеребью“; двѣ комедіи: „Польяческая пирушка“ и „Походъ съ непремѣнныхъ квартиръ“, „Диалогъ странники“, на открытіе петровскаго театра, и нѣсколько мелкихъ стихотвореній. Особенную извѣстность доставила Аблесимову его небольшая комическая опера „Мельникъ колдунъ, обманщикъ и сватъ“. Вотъ ея содержаніе. Мельникъ Фаддей, подобно другимъ мельникамъ, слыветъ въ народѣ колдуномъ и пользуется этой славой для своихъ выгодъ. Онъ говоритъ: „Смѣшно, право, какъ я вздумаю: говорятъ, будто мельница безъ колдуна стоять не можетъ, и уже де мельникъ всякой не простъ: они де знаются съ домовыми, и домовые-то у нихъ на мельницахъ какъ черти ворочаютъ... ха! ха! ха!.. какой сумбуръ мелютъ. А я, кажется, самъ коренной мельникъ: родился, выросъ и состарился на мельницѣ, а ни одного домовова съ-роду въ глаза не видывалъ. А коли молвить мату-правду, то кто смышленъ и гораздъ обманывать, такъ вотъ все и колдовство тутъ.... Да пускай што хотятъ они, то и бредятъ; а мы наживаемъ этимъ ремесломъ себѣ хлѣбецъ.

«Кто умѣетъ жить обманомъ,
Всѣ зовутъ того цыганомъ,
А цыганскою ухваткой
Прослыветъ колдунъ угадкой.
И колдовки колотовки
Тѣже дѣлаютъ уловки.
Много всякаго есть сброду:
Наговариваютъ воду,
Рышетомъ вертятъ мірянамъ
И живутъ такимъ обманомъ» (1).

Къ этому мельнику приходитъ однодворецъ Филимонъ и проситъ его помочь ему въ бѣдѣ: у него есть невѣста Анюта, но онъ не надѣется жениться на ней, потому что отецъ и мать ея несогласны между собою на счетъ жениха: отецъ хочетъ выдать свою дочь за крестьянина, а мать сама „дворянскаго отродья“—

(1) Сочиненія Аблесимова. Изд. Смирдина. Спб. 1849 стр. 4.

за дворянина. Мельникъ обѣщаетъ устроить дѣло и устраиваетъ его тѣмъ, что доказываетъ отцу и матери Аняты, что его женихъ Филимонъ и дворянинъ и крестьянинъ, что онъ „однодворецъ“.

•Еще вотъ да что оно
 На Руси у насъ давно:
 Самъ помѣщикъ, самъ крестьянинъ,
 Самъ холопъ и самъ бояринъ,
 Самъ и пашетъ, самъ оретъ
 И съ крестьянъ оброкъ беретъ.

Это знайте,

Это знайте.

Не вступайте

Больше въ спорецъ;

Ево знаютъ

Называютъ

Однодворецъ. (¹).

Въ первый разъ опера была представлена на московскомъ театрѣ въ 1779 г. и весьма понравилась. „Сія пѣса, сказано о ней въ Драматическомъ словарѣ 1787 г. столько возбудила вниманія отъ публики, что много разъ сряду была играна и за- всегда театръ наполнялся, а потомъ въ Петербургѣ была представлена много разъ у Двора и въ случившемся на тогдaшнее время вольномъ театрѣ у содержателя Книпера была играна сряду 27 разъ, не только отъ національныхъ слушана была съ удовольствіемъ, но и иностранцы любопытствовали довольно; коротко сказать, что едвали не первая русская опера имѣла столько восхитительныхъ спектакеровъ и плесканія“. Опера нравилась всѣмъ простотою сюжета въ чисто народномъ духѣ и особенно народными пѣснями.

Михаилъ Ивановичъ Веревкинъ (ум. 1795 г.), бывший первымъ директоромъ первой русской гимназіи въ Казани, извѣстенъ какъ одинъ изъ замѣчательныхъ литераторовъ и общественныхъ дѣятелей во 2-й половинѣ XVIII в. Исполняя разныя должности на разныхъ мѣстахъ службы, онъ въ тоже время любилъ заниматься переводомъ книгъ съ иностранныхъ языковъ (нѣсколько времени онъ былъ переводчикомъ книгъ при Кабинетѣ) и писалъ свои сочиненія. Изъ сочиненій его всего извѣстнѣе комедіи: „Такъ и должно“ (1773), „Именинникъ“ (1774) и „Точь въ точь“ (1785). Дѣйствіе комедіи „Такъ и должно“ про-

(¹) Тамъ же, стр. 50.

исходить, по словамъ автора, „въ одномъ изъ самыхъ отдаленнѣйшихъ отъ столицы городовъ“. Молодой Доблестинъ влюбленъ въ Софью, ввучку уѣздной дворянки, Афросиньи Сысоевны, которая походитъ на Ханжахину въ комедіи Екатерины, и подобно Ханжахиной такъ же недовольна своимъ временемъ, въ которомъ она видитъ только мотовъ, безбожниковъ и фармазоновъ. Софья такъ же любитъ Доблестина и свадьба должна была состояться. Но вотъ является изъ турецкаго плѣна, какъ Стародумъ изъ Сибири, дядя жениха, старый Доблестинъ, но только совсѣмъ не такимъ богатымъ, какъ Стародумъ, а въ самомъ нищенскомъ видѣ, такъ что его приняли за бродягу и посадили въ тюрьму. Чтобы устроить своего дядю, молодой Доблестинъ хочетъ уступить ему половину своего имѣнія. Это обстоятельство едва совсѣмъ не разстроило свадьбы. Скупая Афросинья Сысоевна, узнавъ о пожертвованіи жениха въ пользу дяди, не хотѣла отдать за него свою внучку и согласилась на это только тогда, когда самъ Доблестинъ отказался отъ приданого Софьи. Въ комедіи отразился живой и острый умъ, которымъ отличался Веревкинъ въ современномъ образованномъ обществѣ; нѣкоторыя лица, какъ старуха Афросинья, воевода Протазанъ Безчастный, Урываи Алтынниковъ, съ приписью подъячій изображены характерно и доказываютъ въ авторѣ несомнѣнный драматическій талантъ. Сцены, въ которыхъ молодой Доблестинъ встрѣчаетъ своего дядю въ видѣ нищаго колодника и потомъ требуетъ его освобожденія изъ тюрьмы, написаны трогательно и должны были производить сильное впечатлѣніе. По этимъ сценамъ комедія и была причислена къ слезнымъ комедіямъ.

Дмитрій Владиміровичъ Ефимьевъ (1768 - 1804), воспитанникъ кадетскаго корпуса, сочинилъ три трагедіи: „Преступникъ отъ игры, или братомъ проданная сестра“; „Слѣдствіе братомъ проданной сестры“; „Волжоръ, или воспитаніе безъ успѣха“. Первая комедія часто давалась съ успѣхомъ на театрахъ. Она написана подъ вліяніемъ „Игрока“ Мура. Содержаніе ея слѣдующее. Молодой офицеръ Безразсудовъ, страстный игрокъ, проигравъ въ карты все свое имущество, рѣшился продать сестру свою Прелесту, выдавъ ее за крѣпостную дѣвку, которую будто мать его любила, какъ родную, и по смерти своей поручила его надзору. Къ счастью, покупщикомъ явился знакомый Безразсудова, Честонъ, который былъ влюбленъ въ Прелесту; онъ заплатилъ долгъ Безразсудова и женился на Прелестѣ. Другія двѣ пѣсы Ефимьева такъ же давались на сценѣ, но не были напечатаны.

Александръ Ивановичъ Клушинъ (1780—1801), издатель сатирическаго журнала, „С.-Петербургскій Меркурій“, напечаталъ нѣсколько пьесъ, изъ коихъ лучшею считалась пьеса „Смѣхъ и Горе“, такъ названная потому, что въ ней дѣйствующими лицами являются Хохоталкинъ, который на все въ мирѣ смотритъ глазами Демокрита, и Плаксинъ, который обо всемъ сокрушается и плачетъ, подобно Гераклиту.

Петръ Алексѣевичъ Плавильщиковъ (1759—1812) извѣстенъ какъ знаменитый драматическій артистъ и какъ образованный писатель. По окончаніи курса въ московскомъ университетѣ, онъ поступилъ актеромъ въ петербургскій театръ, гдѣ славились въ это время Волковъ, Дмитревскій и Шумскій, потомъ онъ перешелъ въ московскій театръ и здѣсь игралъ вмѣстѣ съ Шушеринымъ. Состоя въ должности драматическаго артиста въ театрѣ, онъ въ тоже время занимался литературой. Онъ помѣщалъ разныя статьи въ стихахъ и прозѣ въ журналѣ „Зритель“ и писалъ трагедіи, драмы и комедіи, изъ которыхъ болшую извѣстностію пользовались: „Бобыль“, „Мельникъ и сбитенщикъ“, соперники“ и „Сговоръ Кутейкина“. На послѣдней комедіи видно сильное вліяніе „Недоросля“ Фонъ-Визина. Няня Митрофанушки, Еремѣевна сватаетъ за Кутейкина купеческую дочь Прасковью, у которой есть другой женихъ, молодой купецъ, Эрастъ. Отецъ невѣсты, Власъ, на сторонѣ Кутейкина; мать же ея, Соломанида, на сторонѣ Эраста. Эрастъ одерживаетъ верхъ надъ Кутейкинымъ тѣмъ, что у него есть вексель Власа, по которому Власъ заплатитъ ему не въ состояніи, и потому долженъ согласиться выдать свою дочь за Эраста.

ПЕРЕВОДНАЯ ЛИТЕРАТУРА.

Изъ представленнаго обзора русской литературы въ Екатерининскую эпоху видно, что литература эта развивалась подъ сильнымъ вліяніемъ литературъ европейскихъ. Это вліяніе мы замѣтили на произведеніяхъ не только второстепенныхъ, но и образцовыхъ писателей; въ сочиненіяхъ Фонъ-Визина, Державина, Княжнина, Хераскова встрѣчаются постоянно не только подражаніе въ формѣ, но и заимствованіе сюжетовъ, передѣлки и буквальные отдѣльныя мѣста. Съ произведеніями иностранныхъ литературъ наши писатели и читающая публика знакомились частію по подлинникамъ, но всего больше по переводамъ. Сознавая важность и необходимость переводовъ для успѣховъ образованія и литературы импер. Екатерина, чтобы поощрить къ этому

дѣлу, въ 176 г. назначила ежегодно выдавать по пяти тысячъ рублей „изъ собственной шкатулки“. Составившаяся по этому случаю при Академіи наукъ переводческая коммиссія, называемая переводческимъ департаментомъ, придавала особенную цѣну переводамъ сочиненій греческихъ и римскихъ писателей и предлагала вновь переводить тѣ сочиненія, которыя были уже переведены, но не съ подлинника, а съ иностраннаго переложенія. Коммиссія эта, впрочемъ, перевела не особенно много книгъ и существовала только 11 лѣтъ⁽¹⁾. Съ учрежденіемъ Россійской Академіи, она была закрыта, и всѣ суммы, принадлежавшія ей, были переданы Академіи. Княгиня Дашкова при Россійской Академіи въ 1790 г. снова открыла „Переводческій департаментъ“, который замѣнилъ собою „Собраніе переводчиковъ“, или Россійское собраніе при Академіи наукъ“. При московскомъ университетѣ въ 1771 г. составилось учено-литературное общество, подъ названіемъ „Вольнаго Россійскаго Собранія“. Главною цѣлію этого общества поставлено было исправленіе и обогащеніе русскаго языка, а вѣрнѣйшимъ средствомъ для достиженія этой цѣли признано было изданіе сочиненій и переводовъ, стихотворныхъ и прозаическихъ, и составленіе словаря. Труды этого общества печатались въ особомъ изданіи, подъ заглавіемъ: „Опытъ переводовъ Вольнаго Россійскаго Собранія“. — Занимались переводами разные писатели, которые обыкновенно и начинали свою литературную дѣятельность съ переводовъ. Фонъ-Визинъ, какъ мы видѣли, началъ съ переводовъ басней Гольбера и Сена, царя Египетскаго аббата Террасона; Державинъ принимался переводить Телемака, Мессіаду Клопштока, Федру Расина; Княжнинъ переводилъ Генріаду Вольтера, трагедіи Расина; Костровъ—Иліаду, Золотаго осла, пѣсни Оссіана; Львовъ и Мартыновъ—пѣсни Анакреона; съ англійскаго языка переводили Петровъ и Муравьевъ. Кромѣ отдѣльныхъ изданій, переводы помѣщались въ журналахъ. Большая часть издателей журналовъ были и сами извѣстны, какъ переводчики. Та-

(1) Вотъ, между прочимъ, какія книги были переведены въ это время: Омирова Ватрахоміомахія т. е. брань лягушекъ и мышей; Дюдора Сицилійскаго историческая Вивлюэника ч. I—VI; Виргиліевой Энеиды три книги; Размышленія о великости и упадкѣ Римлянъ; Кандидъ Вольтера; Торквато Тасса Освобожденный Іерусалимъ; Свѣта Гулливеровы Путешествія; изъ романовъ Фильдинга: Приключеніе Юсифа Андревса и Авраама Адамса; Дѣянія Вильда великаго; Амелія; Корнелія: Печальное зрѣлище: Смерть Помпеева; его же Позорище: Цидъ; Омирова Иліада; Вольтерова Генріада; Твореній велемудраго Платона часть I. Смotr. Истор. рос. Академіи М. И. Сухомлинова. Вып. I. 346—349.

ковы были: издатель „Невиннаго Увеселенія“ Богдановичъ; издатель „Добраго Намѣренія“ и другихъ журналовъ, Саянковскій; издатель „Адской Почты“ Эминъ, который зналъ нѣсколько азиатскихъ и европейскихъ языковъ и состоялъ переводчикомъ при кабинетѣ и министерствѣ иностранныхъ дѣлъ; издатель „Трудолюбиваго Муравья“ Рубанъ. Какъ переводчики извѣстны также Елагинъ и Лукинъ. Но особенно важное значеніе въ переводной и издательской дѣятельности имѣло „Дружеское Ученое Общество“ Новикова; при этомъ обществѣ существовала „Переводческая Семинарія“, главнымъ занятіемъ которой было переводить лучшія сочиненія съ иностранныхъ языковъ. Изъ литературныхъ сочиненій здѣсь были переведены, между прочимъ, „Юлій Цезарь“ Шекспира и „Эмилія Галотти“ Лессинга (Карамзиннымъ), „Потерянный рай“ Мильтона и „Мессіада“ Клопштока. — При развитіи вкуса къ театру, особенный запросъ былъ въ обществѣ на драматическія сочиненія, которыхъ, какъ показываетъ „Драматическій Словарь 1787 г., было переведено весьма много⁽¹⁾. Переводилось много и произведеній другихъ родовъ изъ древнихъ и новыхъ литературъ⁽²⁾.

(¹) Въ Драматическомъ Словарѣ, между прочимъ, указаны слѣдующія сочиненія. Изъ древней литературы: комедія Теренція (которая, впрочемъ, были только переведены, но не игрались на сценѣ): Адельфы; Андриянка; Еввонхъ; Екира, или Свекровъ; Форміонъ; изъ сочиненій Мольера: Амфитріонъ, Жоржъ Дандиъ, Мизантропъ, Мѣщанинъ во дворянствѣ, Принужденная женитьба, Сициліанецъ, Скапиновы обманы, Тартюфъ, Школа женъ, Школа мужей; изъ сочиненій Корнея: Сидъ, Смерть Помпея, Цинна; Расина: Аеалія, Есфиръ; Вольтера: Брутъ, Меровъ, Альзира, Заира, Магометъ; Бомарше: Евгенія, Севильскій цирюльникъ; Шекспира: Виндзорскія кумушки (Вотъ каково имѣтъ корзину и бѣлье), Гамлетъ, Жизнь и смерть Ричарда III, Юлій Цезарь; Лессинга: Эмилія Галотти, Миссъ Сара Сампсонъ, Молодой ученый, Минна фонъ-Барнгельмъ. Изъ другихъ переводныхъ пьесъ указаны комедіи Гольдони, Детуша, Мариво, Реньяра, Мармонтеля, Гольберга. Кромѣ того въ Драматическомъ Словарѣ указано много разныхъ оперъ, которыя тогда были въ большой модѣ и постоянно давались на сценѣ.

(²) Изъ древнихъ переводились сочиненія Демосфена, Діодора Сицилійскаго, Ксенофонта, Павзанія, Тацита, Плинія младшаго, Саллюстія, Светонія, Сенеки, Овидія, Теренція, Цицерона; изъ новыхъ сочиненій Бернардена де сенъ-Пьера, аббата Прево, Фенелона, Лесажа, Мармонтеля, Реньяра, Флоріана, Гольдсмита, Джонсона, Свифта, Стерна, Юма, Юнга, Геснера, Гольберга, Крамера, Циммермана, Боккачіо, Сервантеса (Донъ-Кихотъ въ переводѣ Осипова) и др.

Нѣкоторыя книги были переведены по повелѣнію самой императрицы. Къ такимъ книгамъ принадлежали: „Политическія наставленія“ Вильфельда (1768 — 1775), „Истолкованія англійскихъ законовъ“ Блэкстона, „Письма“ Эйлера о различныхъ предметахъ физики и философіи, „Естественная исторія челоуѣка и животныхъ“ Бюффона. Нѣкоторыя переводныя сочиненія пользовались особенною популярностію. Таковы были: Велисарій Мармонтеля, Путешествія Анахарсиса по Греціи Бартеlemi, Нума Помпилій Флоріана, нѣкоторыя сочиненія аббата Прево. Указывая выше на повѣсть „Нума Помпилій“ Флоріана, передѣланную Херасковымъ, мы замѣтили, что въ XVIII в. особенною популярностію пользовался тотъ родъ сочиненій, въ которыхъ, подъ именами разныхъ знаменитыхъ мужей древности, изображали современныхъ государственныхъ дѣятелей, или отъ лица древнихъ мужей предлагались уроки политической мудрости, изображались новые идеалы и планы государственнаго управленія. Къ такимъ сочиненіямъ принадлежала и повѣсть „Велисарій“. Это сочиненіе считалось въ то время смѣлымъ протестомъ противъ фанатизма и религіозной нетерпимости и во Франціи подверглось запрещенію и преслѣдованію католическаго духовенства. Но Екатерина, увлекавшаяся тогда гуманною стороною новыхъ либеральныхъ сочиненій, получивъ „Велисарія“ отъ Мармонтеля, вздумала перевести его на русскій языкъ, во время своего путешествія по Волгѣ въ 1766 г. вмѣстѣ со своими спутниками. Переводомъ занимались 11 челоуѣкъ; 12-му поручено было написать посвященіе перевода петерб. митрополиту Гавріилу, отличавшемуся особенною терпимостію и гуманностію взглядовъ. Сама Екатерина перевела 9-ю главу, не большую по объему, но замѣчательную по содержанію. „Нравоученіе, сказано было въ посвященіи, нужно всѣмъ народамъ и во всѣхъ состояніяхъ жизни. Блаженство общества зависть отъ добраго поведенія членовъ онаго; итакъ полезно имъ напоминать о долгѣ челоуѣка и гражданина, и представляя примѣры добродѣтели, воспламенять сердца ихъ ревностію подражать достойнымъ лицамъ, кои прежде ихъ жили. Велизаръ такого рода сочиненіе. Герой, гонимый Юстиніаномъ, окруженный всѣми возможными злополучіями, непоколебимое мужество и безпримѣрное великодушіе оказываетъ. Изъ устъ его исходяція слова столь премудры, сколь поведеніе его славно. Наставленія Тиверію можно именовать наставленіями всѣмъ государямъ и всему роду челоуѣческому“ ('). Въ Путешествіи Анахарсиса, въ формѣ учено-литературной повѣсти, изображается бытъ древней Греціи. Скиюъ

(') Ист. Росс. Акад. Вып. I, 117—125.

Анахарсисъ, поселившійся въ Аѳинахъ, весьма часто отправлялся изъ Аѳинъ въ различныя мѣста Греціи для изученія быта тамошнихъ жителей, ихъ повлѣй и вѣрованій, образа правленія, степени умственнаго развитія и т. д. Анахарсисъ бесѣдовалъ и переписывался съ Платономъ, Аристотелемъ, Демосоевомъ, Эпаминондомъ и проч. При описаніи всего этого постоянно имѣется въ виду современное состояніе Франціи и обличеніе современныхъ общественныхъ пороковъ и недостатковъ⁽¹⁾. Въ большомъ ходу были сочиненія аббата Прево: „Приключенія Маркиза Г... или жизнь благороднаго человѣка, оставившаго свѣтъ“ (въ переводѣ Елагина и Лукина 1756 — 1765); „Философъ англійскій, или житіе Клевеланда, побочнаго сына Кромвеля, имъ самимъ писанное“ (1760—1767); „Настоятель Киллеринской“ (1765—1787). Всѣ эти сочиненія, наполненныя разнообразными, запуганными приключеніями и картинами, проникнуты нравственнымъ направленіемъ. Содержаніе приключеній Маркиза Г. составляетъ исторія его жизни. Маркизь Г. странствуетъ и испытываетъ разнаго рода несчастія, потерю родныхъ, неволю и проч.; но и въ самыхъ горестныхъ обстоятельствахъ остается добродѣтельнымъ. Весь романъ наполненъ правоучительными размышленіями.

По подражанію сочиненіямъ Прево и особенно Приключеніямъ маркиза Г. или Глаголя, какъ его у насъ называли, явились и въ нашей литературѣ романы и повѣсти: „Непостоянная фортуна, или Похожденіе Мирамонда“ (1763) Эмина, который описалъ здѣсь разнообразныя приключенія своей собственной жизни, въ лицѣ Феридата, товарища Мирамонда, который представляется сыномъ министра турецкаго султана, отправленнымъ въ разныя государства, для ихъ изученія; „Несчастный Никаноръ, или Приключеніе жизни російскаго дворянина Н.“, „Странныя приключенія Могушкина, російскаго дворянина“ (1796). Значительно такъ же были распространены у насъ въ переводѣ „Приключенія Фоблаза“ Луве-де-Куврѣ, вызвавшія также нѣсколько подражаній, каковы: „Пригожая повариха“, повѣсть М. Чулкова (1770); „Евгеній или пагубныя слѣдствія дурнаго воспитанія и сообщества“ (1799—1801) А. Измайлова.

Сочиненія французскихъ философовъ и энциклопедистовъ.

Но во второй половинѣ XVIII в., когда повсюду господствовала французская философія, и у насъ особенно были распространены сочиненія французскихъ философовъ и энциклопедистовъ. Сочувствіе къ французской философіи и литературѣ, какъ замѣчено

(1) Тамъ же Вып. IV, 124—128.

выше, началось еще въ царствованіе Елисаветы. Въ одно время съ Сумароковымъ, переводившимъ и передѣлывавшимъ трагедіи Вольтера, увлекался его талантомъ И. И. Шуваловъ, который нѣсколько разъ писалъ къ нему, а потомъ ѣздилъ къ нему въ Ферней, для личнаго свиданія. Въ послѣдніе годы царствованія Елисаветы стали появляться сочиненія Вольтера въ русскомъ переводѣ. Но усиленное знакомство съ сочиненіями французскихъ философовъ и энциклопедистовъ началось въ царствованіе Екатерины, которая подала примѣръ въ этомъ отношеніи своими сношеніями съ Вольтеромъ, Дидро и Даламберомъ. Княгиня Дашкова говоритъ въ своихъ Запискахъ, что чтеніе энциклопедистовъ съ раннихъ лѣтъ составляло ея любимое занятіе и что книгу Гельвеція „О духѣ“ она прочитала два раза, чтобы глубже вникнуть въ смыслъ его философіи. И. В. Лопухинъ такъ же рассказываетъ въ своихъ Запискахъ, что онъ охотно читалъ „Вольтеровы насмѣшки, Руссовы опроверженія, Систему природы Гольбаха и что даже перевелъ приложенное къ ней сочиненіе Морелли „Уставъ природы“ (Code de la nature). Русскіе вельможи, путешествовавшіе по Европѣ, или жившіе тамъ по обязанностямъ службы, считали долгомъ знакомиться съ философами и энциклопедистами. Князь Д. Н. Голицынъ, бывший русскимъ посланникомъ въ Парижѣ, напечаталъ въ Гагѣ книгу Гельвеція и посвятилъ ее Екатеринѣ. Графъ Григорій Орловъ былъ почитателемъ Руссо и Гельвеція; онъ переписывался съ Руссо и предлагалъ ему любезное гостепріимство въ одномъ изъ своихъ помѣстій. Точно также братъ его, Владиміръ Орловъ, приглашалъ Руссо жить въ свои помѣстья въ Россіи. Графъ К. Г. Разумовскій имѣлъ намѣреніе предложить Руссо въ подарокъ свою огромную бібліотеку, дать ему пенсію и мѣстопробываніе въ одномъ изъ своихъ безчисленныхъ помѣстій въ Малороссіи. Въ сношеніяхъ съ Руссо находился князь А. М. Бѣлосельскій, который, живя во Франціи, ѣздилъ также и къ Вольтеру въ Ферней. Но всего сильнѣе подвергались вліянію философіи энциклопедистовъ молодые люди, отправлявшіеся для ученія въ заграничныя университеты. Какъ на печальную жертву этого вліянія и какъ вообще на примѣръ сильнаго увлеченія русскихъ юношей всѣмъ заграничнымъ, при этомъ можно указать на тѣхъ 12-тъ студентовъ, которые въ 1766 г. были отправлены Екатериной въ Лейпцигскій университетъ, для изученія науки правовѣдѣнія, и въ числѣ которыхъ находились извѣстные Ушаковъ, Радищевъ и Кутузовъ. Они до того увлекались всѣмъ иностраннымъ, что совсѣмъ забывали свой русскій языкъ. Они и мало говорили по русски и даже письма домой писали по нѣмецки. Одинъ изъ сыновей Радищева передаетъ, что когда студенты вернулись въ Россію, они постоянно въ русскомъ раз-

говорѣ вставляли латинскія, нѣмецкія, французскія слова. По разсказу того же сына Радищева плохое знаніе русскаго языка мѣшало даже службѣ Радищева и Кутузова въ сенатѣ. Радищевъ старался восполнить усердными запятіями свое знаніе русскаго языка и пользовался уроками А. В. Храповицкаго. Когда императрица узнала по возвратившимся студентамъ о томъ небреженіи, въ какомъ находится у нихъ въ Лейпцигѣ русскій языкъ, то къ оставшимся еще за границей русскимъ дворянамъ, былъ отправленъ, въ качествѣ учителя русскаго языка, нѣкій Сергѣй Подобѣдовъ⁽¹⁾. Но не одни знатные вельможи въ столицахъ, или жившіе за границей, увлекались сочиненіями французской философіи и литературы, но и люди, жившіе въ отдаленныхъ русскихъ провинціяхъ. Тамбовскій помѣщикъ Рахманиновъ переводилъ и печаталъ сочиненія Вольтера въ своей типографіи. Директоръ казанской гимназіи Веревкинъ, сдѣлавшій много переводовъ съ иностранныхъ языковъ, собирался перевести и напечатать всю Энциклопедію Дидро. Порошинъ въ своихъ Запискахъ разсказываетъ, что „Задига“ Вольтера, вмѣстѣ съ Генриадой, читали наслѣднику Павлу Петровичу, при его обученіи, а изъ другихъ источниковъ извѣстно, что Вольтера читали и воспитанники въ кадетскомъ корпусѣ. Всего болѣе читались и переводились сочиненія Вольтера⁽²⁾, Дидро, Даламбера, Руссо, Гельвеція, Рейналя, Даржанса, Волнея. Изъ переводчиковъ, кромѣ уже упомянутыхъ выше, извѣстны еще Харламовъ, Башиловъ, Тузовъ, Козельскій. Нѣкоторыя сочиненія указанныхъ писателей печатались отдѣльно, другія помѣщались въ журналахъ. Изъ сочиненій болѣе знаменитыхъ дѣлались извлечения и сборники, подъ заглавіемъ: Духъ Вольтера, Духъ Руссо, Духъ Гельвеція.— Какъ же понимались и какое вліяніе производили эти сочиненія на русскихъ читателей? — Характеризуя это вліяніе, историкъ Соловьевъ говоритъ: „Въ однихъ вліяніе прочитаннаго не было сильно; знакомство съ литературою служило имъ для вѣбшихъ только цѣлей, для наведенія лоска; обычное въ переходныя времена двувѣріе, поклоненіе новымъ богамъ безъ покинутія старыхъ видимъ и здѣсь; въ другихъ, отрицательное направленіе модной французской литературы поколебало религіозныя и нравственныя убѣжденія; въ третьихъ, произошла борьба, окончившаяся рано или поздно торжествомъ религіозныхъ убѣжденій, четвертые съ

(1) Сборн. истор. Общ. X, 114 и 126.

(2) О переводахъ сочиненій Вольтера на русскій языкъ смотр. статью Д. Д. Изыкова: «Вольтеръ въ русской литературѣ. Историко-библиограф. этюдъ». Древн. и Нов. Россія. 1878; № 9.

наслажденіемъ читали блестящія остроуміемъ произведенія отрицательной литературы, не слѣпо имъ вѣрили, но находили много правды и успокоивались тѣмъ, что отрицалось не свое, а чужое; нападки сыпались на католицизмъ, католическое духовенство. Наконецъ, какъ обыкновенно бываетъ, при господствѣ извѣстнаго направленія, переходящемъ большею частію въ деспотизмъ и употребляющемъ своего рода терроръ, мало находится людей, которые бы прямо высказали свои убѣжденія, свое неодобреніе господствующему направленію, неодобреніе тому или другому его представителю; такъ и въ Россіи въ описываемое время люди и несочувствующіе напр. Гельвецію, съ уваженіемъ отзывались о его книгѣ; не хотѣлось явиться обскурантомъ, казалось, что, давши неодобрительный отзывъ о знаменитой книгѣ, тѣмъ самымъ дѣлаютъ выходку вообще противъ просвѣщенія“ (1). Выше замѣчено, что при сужденіи о характерѣ и значеніи философіи и литературы XVIII в. надобно различать въ нихъ двѣ стороны—положительную, гуманную, и отрицательную, скептическую и революціонную. Гуманная сторона философіи и литературы, какъ мы видѣли, увлекала Екатерину и всѣхъ лучшихъ людей ея вѣка; въ сочиненіяхъ Екатерины, Фонъ-Визина, Державина, Хераскова, Княжнина и др. постоянно встрѣчаются новыя гуманныя идеи вѣротерпимости, свободы совѣсти и разумнаго отношенія къ предметамъ вѣры и нравственной дѣятельности, новыя челоуѣколюбивыя начала въ воспитаніи, образованіи, законодательствѣ и управленіи. Но проводимыя въ литературѣ, составлявшія предметъ разговоровъ въ обществѣ, бывшія темой разсужденій и рѣчей въ ученыхъ и другихъ собраніяхъ, эти идеи, однакоже, плохо усваивались умомъ и сердцемъ и туго проникали въ жизнь практическую. Какъ въ древнія времена русскій народъ и по принятіи христіанства долго не могъ забыть старыхъ своихъ боговъ, Перуна, Хорса и Волоса, такъ и въ новыя времена поклоненіе новымъ просвѣтительнымъ идеямъ не только не уничтожало господства стараго невѣжества, старыхъ предразсудковъ и пороковъ, но и легко мирилось и уживалось съ ними. Тѣже самыя лица, которыя читали либеральныя сочиненія и въ разсужденіяхъ и разговорахъ произносили громкія фразы о равенствѣ, братствѣ и свободѣ, въ практической жизни обнаруживали грубый произволъ, самовластіе и всякаго рода притѣсненія и несправедливости къ своимъ ближнимъ. Особенно рѣзко это противорѣчіе между словомъ и дѣломъ сказывалось въ области крѣпостнаго права. Тѣже лица, которыя ѣздили на поклонъ къ Воль-

(1) Истор. Россіи XXVI, 222—223.

теру и предлагали Руссо и Гельвецію любезное гостепрѣимство въ своихъ помѣстьяхъ, не могли отказаться отъ рабовладѣнія и допускали въ этихъ помѣстьяхъ разныя притѣсненія. Извѣстно, что въ Коммисіи Новаго Уложенія два члена, Коробинъ и Протасевъ, сдѣлали предложеніе объ освобожденіи крѣпостныхъ крестьянъ, но это предложеніе, не смотря на то, что оно было согласно съ намѣреніями самой императрицы, было отвергнуто. И послѣ Наказа, какъ и прежде, люди, читавшіе либеральныя сочиненія, продолжали покупать и продавать крѣпостныхъ крестьянъ. Селивановскій въ своихъ Запискахъ говоритъ о своемъ отцѣ: „Отецъ мой былъ купецъ и слѣд. не имѣлъ права владѣть себѣ подобными; но, не смотря на свободный образъ мыслей отца, любимымъ чтеніемъ котораго были издаваемые въ ту пору въ переводахъ и даже на его счетъ сочиненія Вольтера, не смотря на пріязнь съ извѣстнымъ либераломъ и минералогомъ, Ситниковымъ, духъ времени или понятія были таковы, что стыдно было порядочному человѣку не имѣть своихъ дворовыхъ. Приобрѣтеніе было дешево. Дворянство ежедневно продавало людей“⁽¹⁾.—Гораздо сильнѣе дѣйствовала на русскихъ читателей отрицательная, скептическая сторона французской философіи и литературы. Въ сочиненіяхъ Вольтера и энциклопедистовъ они вычитывали то вольнодумство, которымъ отличалось полуобразованное русское общество 2-й половины XVIII в. Изъ двухъ видовъ господствовавшего тогда въ Европѣ вольнодумства, вольнодумство религиозное, по замѣчанію Вяземскаго, у насъ скорѣе должно было имѣть послѣдователей, нежели политическое; оно отвлеченнѣе политическаго и не требовало ни размышленій, ни приготовленныхъ событій, ни предварительныхъ свѣдѣній⁽²⁾. Это вольнодумство у насъ состояло въ кощунствѣ надъ предметами вѣры и церкви и христіанскаго благочестія и было до того распространено, что сдѣлалось настоящею модою, слѣдовать которой считалось обязанностію для каждаго, желающаго прослыть образованнымъ человѣкомъ. Въ разговорѣ Фонъ-Визива съ Тепловымъ указаны два рода тогдашнихъ вольнодумцевъ, или „безбожниковъ“: „одни суть невѣжды и глупые люди. Они никогда ничего внимательно не разсматриваютъ, а прочитавъ Вольтера и не понявъ его, отвергаютъ бытіе Божіе для того, что полагаютъ себѣ славою почитаться выше всѣхъ предразсудковъ; ибо они считаютъ предразсудкомъ то, чего слабый ихъ разумъ понять не можетъ.... Другой родъ безбожниковъ составляютъ тѣ, кои умствуютъ и думаютъ доказать дово-

⁽¹⁾ Библ. Записки 1858, № 17, стр. 526—527.

⁽²⁾ Вязем. Сочин. V, стр. 27—28. Русское вольнодумство при Екатеринѣ II. Ф. А. Терновскаго. Труд. Кіев. Акад. 1868 г. кн. I.

дами, что Богъ не существуетъ“. Такое невѣріе или вольнодумство совершенно справедливо у насъ называлось „вольтерьянством“, потому что сочиненія Вольтера всего больше читались и даже списывались въ рукописи. „Письменный Вольтеръ, замѣчаетъ митр. Евгеній, распространенъ у насъ еще больше, чѣмъ печатный“. Фривольный и кощунственный скептицизмъ Вольтера всего больше приходился по плечу большинству полуобразованнаго русскаго общества. Особенно увлекали его такія повѣсти Вольтера, какъ Вавилонская принцесса, Задигъ, Кандидъ, Человѣкъ въ 40 талеровъ, которыя наполнены разными картинками, льстившими чувственнымъ страстямъ и поощрявшими распущенность нравовъ. — Наконецъ ученіемъ Вольтера и энциклопедистовъ, какъ мы видѣли, увлекались и серьезные люди и писатели; но одни изъ нихъ скоро раскаивались въ своихъ увлеченіяхъ, а нѣкоторые, какъ напр. Новиковъ и Лопухинъ, переходили въ противоположный лагерь, въ общество масоновъ, и объявляли борьбу противъ энциклопедистовъ. Всего полнѣе и рѣзче вліяніе ученія французскихъ философовъ и энциклопедистовъ отразилось на Радищевѣ.

Александръ Николаевичъ Радищевъ ⁽¹⁾ былъ сынъ одного помѣщика и родился въ 1749 г. Отличительными чертами въ его

⁽¹⁾ Свѣдѣнія о Радищевѣ и его сочиненіяхъ: въ статьѣ Пушкина: Александръ Радищевъ (Сочин. изд. Исакова том. V); въ Русск. Вѣстникѣ 1858, № 23; А. Н. Радищевъ, статья сына Радищева Павла; въ Чтен. общ. истор. и древн. 1865 кн. 3: Подлинныя документы, относящіяся къ дѣлу Радищева, именно: Замѣчанія импер. Екатерины на «Путешествіе изъ Петербурга въ Москву», вопросныя пункты Радищеву и его отвѣты на эти вопросы и нѣкоторыя признанія Радищева; эти документы напечатаны такъ же въ Архивѣ князя Воронцова кн. V и XII; въ Библ. Зап. 1859. № 17: Русскіе студенты въ Лейпцигскомъ университетѣ и о послѣднемъ проэктѣ Радищева, Лонгинова; въ Вѣстн. Европы 1868 № 5: «Крыловъ и Радищевъ» и № 7: Объ изданіи Путешествія Радищева въ 1868 г. А. Н. Пышина; въ Русской Старинѣ 1882, сентябрь: «Судъ надъ русскимъ писателемъ въ XVIII в.». Къ біографіи Радищева В. Е. Якушкина; въ Историч. Вѣстн. 1883, апрѣль; «А. Н. Радищевъ Литературная характеристика» А. И. Незеленова. Послѣднее изслѣдованіе, въ которомъ самымъ подробнымъ и обстоятельнымъ образомъ рассмотрѣна вся литература о Радищевѣ и разобраны всѣ свѣдѣнія и сужденія о немъ и его сочиненіяхъ, принадлежитъ академику М. И. Сухомлинову: «А. Н. Радищевъ, авторъ Путешествія изъ Петербурга въ Москву», въ Сборникѣ отд. русск. языка и словесности Акад. Наукъ т. XXXIII № 6, Спб. 1883 г. По поводу этого изслѣдованія—статья А. И. Незеленова въ Истор. Вѣстн. 1883; Декабрь.

характеръ, которыми весьма много объясняется его жизнь и литературная дѣятельность, были необыкновенная впечатлительность и восприимчивость. Поэтому на него несравненно сильнѣе, чѣмъ на другихъ, подѣйствовала та среда, въ которой онъ воспитывался, и рѣзче, не на словахъ только, а въ самыхъ дѣйствіяхъ, выразились тѣ идеи, подъ вліяніемъ которыхъ онъ находился, вмѣстѣ со многими другими. Первоначальное образованіе Радищевъ получилъ въ пажескомъ корпусѣ, а окончательное заграницей, въ лейпцигскомъ университетѣ, куда онъ былъ отправленъ въ 1766 г. для изученія науки правовѣдѣнія, вмѣстѣ съ Ушаковымъ, Кутузовымъ, Яновымъ и др. Въ Лейпцигѣ онъ пробылъ четыре года и слушалъ здѣсь словесныя науки у Геллерта, философію и фізіологію у Платнера. Геллертъ внушалъ своимъ слушателямъ, что призваніе писателя заключается въ томъ, чтобы перомъ своимъ служить истинѣ и добродѣтели. Платнеръ настаивалъ на общеніи науки съ жизнію, съ ея насущными потребностями и въ своихъ лекціяхъ затрогивалъ соціальныя вопросы. Но усерднѣе, чѣмъ слушаніемъ лекцій въ университетѣ, русскіе студенты въ Лейпцигѣ занимались чтеніемъ сочиненій французскихъ философовъ и энциклопедистовъ, Вольтера, Гельвеція, Мабли, Руссо, Рейналя и др. „Мы учились мыслить, говорить Радищевъ въ „Жизни Ушакова“, по книгѣ Гельвеція о разумѣ“ *de l'Esprit*“; а исторію они изучали по сочиненіямъ Мабли (*Droit publique de l'Europe; Observations sur l'histoire de France*), который въ исторіи искалъ не исторической истины, а идей и мотивовъ для переустройства современнаго общества. Мабли говорилъ, что главнѣйшая обязанность человѣка состоитъ въ стремленіи къ свободѣ и для доказательства своихъ либеральныхъ идей не стѣснялся извращеніями историческихъ фактовъ. Переводъ сочиненія Мабли *Observations sur l'histoire de la Grece* (Размышленія о греческой исторіи, или о причинахъ благоденствія и несчастія грековъ) былъ однимъ изъ первыхъ литературныхъ трудовъ Радищева.

По возвращеніи въ Россію въ 1771 г. Радищевъ служилъ въ разныхъ мѣстахъ и наконецъ получилъ должность совѣтника въ петербургской таможи. Состоя на службѣ, онъ продолжалъ читать сочиненія энциклопедистовъ и между прочимъ изучалъ „Исторію о Индіяхъ“ аббата Рейналя. Эта книга въ то время пользовалась особенною популярностію и производила сильное вліяніе. Она была наполнена рѣзкими обличеніями жестокаго обращенія европейцевъ съ черными людьми, горячими изображеніями несправедливости монополіи и ея враждебныхъ для человечества послѣдствій; всѣ рассказы и разсужденія автора были направлены къ освобожденію торговли, промышленности и ра-

бочихъ людей, которымъ достается только трудъ, а не прибыль. „Сію-то книгу, говоритъ Радищевъ въ своихъ отвѣтахъ на вопросы пункты слѣдственной комиссіи, могу я почитать началомъ нынѣшнему бѣдственному моему состоянію... Слогъ его (Рейналя) мнѣ понравился. Я высокопарный его штиль почиталъ краснорѣчіемъ, дерзновенныя его выраженія почиталъ истиннымъ вкусомъ, и, видя ее общечитаемою, я захотѣлъ подражать его слогу... Для упражненія въ слогу я въ сіе время (въ 1785 г.) началъ повѣсть о проданныхъ съ публичнаго торга. Въ слѣдующій годъ (1786), читая Гердера, я началъ писать о цензурѣ; началъ повѣсть Систеребецкую; но все не было окончено. А какъ случилось мнѣ читать переводъ нѣмецкій Горикова Путешествія, то и мнѣ на мысль пришло ему послѣдовать“ (1). Итакъ идею сочиненія подала Радищеву Исторія Индіи Рейналя, а форму— Путешествіе Стерна; такъ образовалось „Путешествіе изъ Петербурга въ Москву“. Внутреннее же побужденіе къ написанію его Радищевъ излагаетъ въ посвященіи его другу своему А. М. Кутузову, въ слѣдующихъ словахъ: „Я взглянулъ окрѣсть меня—душа моя страданіями человѣчества узвлена стала. Обратилъ взоры мои во внутренность мою—и узрѣлъ, что бѣдствія человѣка происходятъ отъ человѣка, и часто отъ того только, что онъ взираетъ не прямо на окружающіе его предметы. Ужели, вѣщаль я самъ себя, природа толико скупа была къ своимъ чадамъ, что отъ блудящаго невинно сокрыла истину на вѣки? Ужели сія грозная мачиха произвела насъ для того, чтобы чувствовали мы бѣдствія, а блаженство николи? Разумъ мой вострепеталъ отъ сей мысли и сердце мое далеко ее отъ себя оттолкнуло. Я человѣку нашель утѣшителя въ немъ самомъ. „Отъими завѣсу съ очей природнаго чувствованія — и блаженъ буди“. Сей гласъ природы раздавался громко въ сложеніи моемъ. Воспрянулъ я отъ унынія моего, въ которое повергла меня чувствительность и состраданіе; я ощутилъ въ себѣ довольно силъ, чтобы противиться заблужденію; и — веселіе неизреченное! я почувствовалъ, что возможно всякому соучастникомъ быть во благодѣйствіи себѣ подобнымъ. Се мысль, побудившая меня начертать, что читать будешь“. Радищева, какъ показываетъ потомъ самая книга, глубоко поражали страшныя бѣдствія крѣпостныхъ крестьянъ, злоупотребленія въ судахъ и администраціи и разныя нестроенія въ общественной и частной жизни Россіи, и онъ вздумалъ изобразить ихъ въ своемъ „Путешествіи“, будучи побужденъ къ этому,

(1) Документы, касающіеся дѣла Радищева. Чтен. Общ. истор. и древн. 1865; кн. 3. стр. 39.

съ одной стороны глубокимъ противъ нихъ негодованіемъ, а съ другой состраданіемъ и любовью къ угнетеннымъ и страдающимъ.

Все „Путешествіе“ Радищева ⁽¹⁾ состоитъ изъ 25 главъ, изъ коихъ первая называется „Выѣздъ“, а всѣ другія имѣютъ названія разныхъ станцій, находящихся на дорогѣ изъ Петербурга въ Москву: Софія, Тосна, Любани, Чудово, Спасская Полѣсть, Подберезье, Новгородъ, Бронницы, Зайцево, Крестьяцы и др. Изображеніе ужасовъ крѣпостнаго права, бѣдствій и страданій помѣщичьихъ крестьянъ составляетъ большую часть книги. Въ главѣ „Любани“ (стр. 14—20) описывается положеніе крестьянина, который на себя можетъ работать только въ воскресенье, потому что во всѣ другіе дни онъ долженъ работать на помѣщика. Въ главѣ „Зайцево“ (стр. 119—153), отъ лица чиновника, вышедшаго изъ крестьянъ, рисуется картина самовластия, жестокостей, распутства и другихъ пороковъ одного помѣщика. Это былъ „ассессоръ, который самъ вышелъ изъ низкаго состоянія и сдѣлался повелителемъ нѣсколькихъ сотенъ себѣ подобныхъ“. Вотъ какъ онъ обходился съ купленными крестьянами: „они у прежняго помѣщика были на оброкѣ, онъ ихъ посадилъ на пашню; отнялъ у нихъ всю землю... заставилъ всю недѣлю работать на себя, а дабы они не умирали съ голоду, то кормилъ ихъ на господскомъ дворѣ, и то по одному разу въ день, а инымъ давалъ изъ милости мѣсячину. Если который казался ему лѣнивъ, то сѣлъ розгами, плѣтьми, батожемъ, или кошками, смотря по мѣрѣ лѣности.... Его сожительница, сыновья и дочери поступали съ крестьянами такъ же варварски и позволяли себѣ дѣлать всякія насилія“. Въ главѣ „Мѣдное“ (стр. 341 — 349) представлена возмутительная сцена продажи съ аукціона дворовыхъ крѣпостныхъ людей. Это были: „старикъ лѣтъ 75; съ отцомъ господина своего онъ былъ въ крымскомъ походѣ при Минихѣ; во франкфуртскую компанію раненаго унесъ его съ поля сраженія; потомъ былъ дядькой молодаго барина и такъ же нѣсколько разъ спа-

(1) Послѣ заглавія «Путешествіе изъ Петербурга въ Москву» помѣщенъ эпиграфъ: «Чудище обло, озорно, огромно, стозѣвно, и лаяй». Тилемахида. Томъ II. кн. XVIII, сти. 514. 1790. Въ Санктпетербургѣ, На послѣдней 453-й страницѣ книги внизу напечатано: «съ дозволенія Управы Благочинія. — Второе изданіе «Путешествія» было сдѣлано въ Лондонѣ въ 1838 г.—Въ 1868 г. было сдѣлано изданіе «Путешествія» купцомъ Шигинимъ, но съ разными измѣненіями и большими пропусками и сокращеніями. Оба эти изданія, равно какъ и изданіе, приготовленное въ 1872 г. Ефремовымъ, но не выпущенное въ свѣтъ, указаны въ упомянутомъ выше изслѣдованіи М. И. Сухомлинова,

саль его отъ разныхъ несчастій. Старуха 80 лѣтъ, его жена, была кормилицею матери своего молодого барина, была его нянькою. Женщина лѣтъ въ 40, вдова, кормилица молодого своего барина. Молодица 18 лѣтъ, дочь ея и внучка стариковъ“. Въ главѣ „Городня“ (стр. 370—394), изобразивъ разныя несправедливости и жестокости, происходящія при рекрутскихъ наборахъ, авторъ излагаетъ исторію одного крѣпостнаго двороваго человѣка, который „былъ воспитанъ вмѣстѣ съ сыномъ барина, былъ отправленъ вмѣстѣ съ нимъ за границу и получилъ тамъ отличное образованіе; но по смерти барина, когда владѣльцемъ имѣнія сдѣлался его совоспитанникъ и женился на одной злой женщинѣ, — эта женщина стала его преслѣдовать и довела наконецъ до того, что его отдали въ солдаты. Въ главѣ „Черная грязь“ (стр. 417) изображается насильственный крестьянскій бракъ, по принужденію помѣщика: „они другъ друга ненавидятъ и властію господина своего влекутся на казнь къ олтарию Отца всѣхъ благъ, подателя нѣжныхъ чувствованій и веселій, Зиждителя истиннаго блаженства, Творца вселенныя. И служитель Его приметъ исторгнутую властію клятву и утвердитъ бракъ! И сіе назовется союзомъ божественнымъ!“... Вмѣстѣ съ такими картинками бѣдствій крѣпостныхъ крестьянъ, Радищевъ представилъ и проэктъ освобожденія ихъ отъ крѣпостной зависимости. Проэктъ этотъ изложенъ въ главѣ „Хотилловъ“ (стр. 236—267). Съ необыкновеннымъ одушевленіемъ, со всею силою разума и краснорѣчія, онъ прежде всего доказываетъ здѣсь незаконность рабства между людьми и гибельность его для государства, указывая на голосъ, раздающійся въ храмахъ Живаго Бога и на право естественное и гражданское: „Опомнитесь“ говоритъ онъ, заблудшіе, смягчитесь жестокосердые: разрушите оковы братіи вашей, отверзите темницу неволи и дайте подобнымъ вамъ вкусити сладости общежитія, къ нему же Всещедрымъ уготованы, якоже и вы. Они благодѣтельными лучами солнца равно съ вами наслаждаются, одинаковые съ вами у нихъ члены и чувства, и право въ употребленіи оныхъ должно быть одинаково... Но кто же между нами оковы носить, кто ощущаетъ тяготу неволи? Земледѣлецъ, кормилецъ наша тощеты, насытитель нашего глада, тотъ, кто даетъ намъ здравіе, кто житіе наше продолжаетъ, не имѣя права распоряжати ни тѣмъ, что обрабатываетъ, ни тѣмъ, что производитъ. Кто же къ нивѣ ближайшее имѣетъ право, буде не дѣлатель ея“?... Затѣмъ Радищевъ указываетъ путь постепеннаго освобожденія крѣпостныхъ крестьянъ, развивая свои мысли объ этомъ освобожденіи въ двухъ положеніяхъ о крестьянахъ. „Первое положеніе, говоритъ онъ, отъносится къ раздѣленію сельскаго рабства и рабства домашняго

Сіе послѣднее уничтожается прежде всего и запрещается поселянъ и всѣхъ по деревнямъ въ ревизіи написанныхъ брать въ дома. Буде помѣщикъ возьметъ земледѣльца въ домъ свой для услугъ или работы, то земледѣлецъ становится свободенъ. Дозволить крестьянамъ вступать въ супружество, не требуя на то согласія своего господина. Запретить брать выводныя деньги. Второе положеніе относится къ собственности и защитѣ земледѣльцевъ. Удѣлъ въ землѣ, ими обрабатываемой, должны они имѣть собственностію; ибо платятъ сами подушную подать. Приобрѣтенное крестьяниномъ имѣніе ему принадлежать долженствуетъ; никто его опаго да не лишитъ самопроизвольно! Возстановленіе земледѣльца во званіе гражданина. Надлежитъ ему судиму быть ему равными, то есть въ расправахъ, въ кои выбирать и изъ помѣщичьихъ крестьянъ. Дозволить крестьянину приобрѣтать недвижимое имѣніе т. е. покупать землю. Дозволить невозбранное приобрѣтеніе вольности, плата господину за отпускную известную сумму. Запретить произвольное наказаніе безъ суда“ (стр. 265—267). Этотъ умный проэктъ и приведенныя выше изображенія бѣдственнаго положенія крѣпостныхъ крестьянъ, проникнутыя глубокимъ негодованіемъ противъ рабства и горячею любовію къ угнетеннымъ и страдающимъ, тѣмъ болѣе замѣчательны и тѣмъ болѣе возвышаютъ значеніе Радищева, что въ это время освобожденіе крестьянъ не только образованные русскіе люди, но и европейскіе философы считали одни дѣломъ невозможнымъ, другіе труднымъ и опаснымъ. Вольтеръ говорилъ, что дворянъ не слѣдуетъ принуждать къ освобожденію крестьянъ, а надо предоставить это дѣло на ихъ волю. Даже Руссо говорилъ, что хотя освобожденіе крестьянъ есть дѣло прекрасное и великое, но вмѣстѣ смѣлое и опасное, и что прежде нужно приготовить крестьянъ къ принятію вольности посредствомъ образованія. „Позаботьтесь прежде всего объ этомъ, говорилъ онъ, не освобождайте ихъ тѣла прежде, нежели освободите ихъ душу. Безъ этого предварительнаго акта ваша операція будетъ имѣть дурной исходъ“.

Но бѣдствія крѣпостныхъ крестьянъ составляютъ хотя и главный, но не единственный предметъ „Путешествія“ Радищева; рядомъ съ картинами этихъ бѣдствій, въ немъ указываются разныя злоупотребленія въ судахъ и администраціи и разныя нестроенія въ общественной и частной жизни Россіи. Въ главѣ „Чудово“ (стр. 21—40) рассказывается о жестокосердіи чиновника, которій не подалъ помощи 20-ти утопавшимъ человакамъ; въ главѣ „Спасская Полѣсть“ (стр. 43—48) — о государевомъ намѣстникѣ, которій посылалъ въ Петербургъ „за устерсами“ казеннаго курьера, подъ предлогомъ отправки нужныхъ казен-

ныхъ бумагъ. Въ главѣ „Едрово“ (стр. 210—235) изображаются послѣствія неровныхъ браковъ 10-лѣтнихъ мальчиковъ съ 20-лѣтними дѣвушками; въ главѣ „Выдропускъ“ (стр. 278—288) — картины распущенной жизни придворныхъ и другихъ чиновниковъ; въ главѣ „Городня“ (стр. 370—394) — возмутительныя несправедливости и жестокости, происходящія при рекрутскихъ наборахъ; въ главѣ „Завидово“ (стр. 395—400) — грубое самоуправство гренадера на почтовой станціи съ плетью требующаго, чтобы немедленно были приготовлены для него лошади; въ главѣ „Пешки“ (стр. 410—416) нарисованы картины крестьянской бѣдности въ пищѣ, одеждѣ и во всей обстановкѣ въ параллель съ роскошной жизнію помѣщиковъ. Но особенно рѣзкими картинами разныхъ злоупотребленій и безпорядковъ наполнена обширная глава „Спасская Полѣсть“ (стр. 41—85). Здѣсь изображенъ „Сонъ“ царя, во время котораго ему является истина, въ видѣ убогой странницы, и раскрываетъ предъ нимъ страшное разстройство во всѣхъ сферахъ государственнаго управленія.

Оправдывая свое „Путешествіе“, Радищевъ въ послѣдствіи говоритъ, что если бы его книга вышла лѣтъ за десять, или за пятнадцать до французской революціи, то онъ, вмѣсто ссылки, могъ бы рассчитывать на награду, потому что въ книгѣ его есть полезныя указанія на многія злоупотребленія, неизвѣстныя правительству. Дѣйствительно, французская революція, несомнѣнно, имѣла вліяніе на осужденіе Радищева и его книги. Мы указали выше, что Екатерина разрѣшила къ печати трагедію Николаева „Сорену“, но трагедію Княжнина „Вадимъ“, написанную въ томъ же духѣ, но напечатанную послѣ французской революціи, подвергла запрещенію, что испуганная ужасами революціи, она вообще стала строго относиться ко всѣмъ свободнымъ проявленіямъ мысли и слова; но не въ одномъ этомъ заключалась причина осужденія „Путешествія“. Радищевъ забывалъ, что, кромѣ безспорно полезныхъ указаній на злоупотребленія, въ его книгѣ заключалось много такихъ мѣстъ, которыя были направлены не только противъ злоупотребленій власти, но и вообще противъ власти и противъ царской власти, и наполнены разными оскорбительными выраженіями, много такихъ мѣстъ, какія прежде никогда не появлялись въ печати и не могли рассчитывать на одобреніе и до французской революціи. Упомянутый выше „Сонъ“ въ главѣ „Спасская Полѣсть“, изображая разные злоупотребленія, содержитъ въ тоже время осужденіе всего государственнаго строя въ государствахъ монархическихъ; а въ главѣ „Тверь“ (стр. 356—369) помѣщена ода „Вольность“, наполненная оскорбительными выраженіями для царской власти и выражающая

сочувствіе автора къ революціи. Прочитавъ эту оду, Екатерина замѣтила: „сіи страницы суть криминальнаго намѣренія, совершенно бунтовскіи“. Эти и подобныя имъ страницы, конечно, и были причиною того, что, испуганная небывалою смѣлостію обличеній и оскорбленная грубымъ вызывающимъ тономъ книги, она осудила ее чрезвычайно строго, гораздо строже, чѣмъ можно было ожидать отъ Государыни, написавшей гуманныя правила Наказа, признала Радищева „мартинистомъ, бунтовщикомъ не хуже Пугачева“ и отдала его подъ судъ. „Намѣреніе сей книги, говоритъ она въ началѣ своего разбора „Путешествія“, на каждомъ листѣ видно. Сочинитель оной исполненъ и зараженъ французскимъ заблужденіемъ, ищетъ всячески и выщипываетъ все возможное къ умаленію почтенія къ власти и властямъ, къ приведенію народу въ негодованіе противу начальниковъ и начальства. Онъ же едвали не мартинистъ“; а въ концѣ разбора, указывая на подчеркнутыя въ книгѣ мѣста, она замѣчаетъ объ авторѣ: „видно изъ подчеркнутыхъ мѣстъ, что давно мысль его готовилась ко взятому пути, а французская революція рѣшила себя опредѣлить въ Россіи первымъ подвизателемъ⁽¹⁾... Чтобы понятны были какъ этотъ приговоръ о книгѣ Радищева, такъ и послѣдующая судьба его самого и его книги, надобно принять во вниманіе, кромѣ указанныхъ выше отдѣльныхъ мѣстъ, и все содержаніе книги въ цѣломъ ея составѣ, со всѣми ея идеями и стремленіями. Всѣ приведенныя выше картины бѣдствій крѣпостныхъ крестьянъ и злоупотребленій въ судахъ и администраціи, постоянно сопровождаются въ книгѣ разными „дерзновенными разсужденіями неприличной смѣлости“, заимствованными изъ разныхъ сочиненій французскихъ философовъ и энциклопедистовъ. Видно, что авторъ такъ сильно былъ увлеченъ и проникнутъ ихъ идеями, что не могъ воздержаться, чтобы не выразить ихъ въ своемъ сочиненіи, не смотря на то, что они противорѣчили всѣмъ возрѣніямъ русскаго народа, всему строю русской жизни и даже его собственному характеру. Въ слѣдствіе чего книга представила удивительную смѣсь благородныхъ стремленій и ложныхъ и „дерзновенныхъ“ мыслей, вѣжныхъ чувствованій и грубыхъ циническихъ картинъ. Человѣкъ кроткій и мирный, необыкновенно честный и образцовый чиновникъ, онъ въ то же время, изображая состояніе крѣпостныхъ крестьянъ въ

⁽¹⁾ Замѣчанія Екатерины на книгу Радищева. Чтен. общ. ист. и древн. 1865; кн. 3.

главъ „Зайцово“ (стр. 119—153), высказываетъ тѣже парадоксальныя идеи Руссо объ абсолютной свободѣ и равенствѣ, которыя во Франціи послужили однимъ изъ сильнѣйшихъ возбужденій къ революціи. „Если законъ не въ силахъ заступитъ чело-вѣка, или того не хочетъ, или власть его не можетъ мгновенное въ предстоящей бѣдѣ дать вспомошествованіе, тогда пользуется гражданинъ природнымъ правомъ защищенія, сохранности, благосостоянія.... (стр. 145—146). Считая себя христіаниномъ, онъ въ тоже время, въ главѣ „Бронницы“, по поводу преданія о стоявшемъ здѣсь на одной горѣ храмѣ Перуна, пускается въ разсужденіе, что во всѣхъ религіяхъ почитается одинъ и тотъ же Богъ, и при этомъ высказываетъ мнѣнія, составляющія сущность ученія деистовъ (стр. 113—118). Человѣкъ православыи и ставящій православіе выше католичества и протестантства, онъ въ главѣ „Торжокъ“ возстаетъ противъ вселенскихъ соборовъ и говоритъ: „Кто можетъ за то поручиться, что Несторій, Аріій, Евтихій и другіе еретики быть бы могли прѣдшественниками Лутера, и если бы вселенскіе соборы не были созваны, чтобы Декартъ родиться могъ десять столѣтій прежде? Какой шагъ вспять сдѣланъ ко тьмѣ и невѣжеству!“ (стр. 312—313). Почтительный къ родителямъ сынъ и чадолюбивый отецъ, онъ въ главѣ „Крестьянъ“, слѣдуя ученію матеріалистовъ, возстаетъ противъ обязанностей дѣтей къ родителямъ. Выведенный здѣсь отецъ, прощаясь съ дѣтьми, при отправленіи ихъ на службу, говоритъ имъ: „Не должны вы мнѣ ни за воскормленіе, ни за наставленіе, ни меньше всего за рожденіе. — За рожденіе? — Участники ли вы были въ немъ? Попрошаемы были ли, да рождени будете?“... И объясняя по системѣ Гельвеція, что источникомъ всѣхъ побужденій и дѣйствій человѣческихъ служитъ чувственное удовольствіе и себялюбіе, онъ изъ этого же источника производитъ и любовь отца къ дѣтямъ и заботу о ихъ воспитаніи. Наконецъ, преподавая разные совѣты дѣтямъ, отецъ разрѣшаетъ имъ, въ трудныхъ и несчастныхъ случаяхъ, прибѣгнуть къ самоубійству. „Если ненавистное щастіе (несчастіе?) источникъ надъ тобою всѣ стрѣлы свои, если добродѣтели твоей убѣжища на земли не останется если доведенну до крайности, не будетъ тебѣ покрова отъ угнетенія, тогда спомни, что ты человекъ, вспомни величество твое, восхити вѣнецъ блаженства, его же отыгн у тебя тщатся. — Умри. — Въ послѣдіе вамъ оставляю слова умирающаго Катона. — Но если въ добродѣтели умрети возможешь, умѣй умереть и въ порокѣ, и будь, такъ связать, добродѣтелевъ въ самомъ злѣ“ (стр. 162—193). Видно, что Радищевъ былъ воспитанъ на сочиненіяхъ энциклопедистовъ. Выражая такіа идеи, которыя въ то время

считались виною умственной и нравственной разнузданности, приведшей Францію къ революціи, онъ естественно и самъ могъ бытъ заподозрѣнъ въ революціонныхъ намѣреніяхъ и стремленіяхъ, хотя совѣмъ и не имѣлъ такихъ намѣреній, и вся жизнь его отличалась характеромъ, противоположнымъ указаннымъ идеямъ.

Изложеннымъ содержаніемъ „Путешествія“ Радищева объясняются какъ сочувственныя отношенія къ судьбѣ Радищева, такъ и строгія сужденія и приговоры о его книгѣ, и между ними самый строгій приговоръ Пушкина. Пушкина, какъ извѣстно, увлекала въ молодости гуманная сторона книги Радищева; онъ цѣнилъ въ Радищевѣ стремленіе къ свободѣ, признавалъ въ немъ искренность и честность убѣжденій, и дѣлая выписки изъ „Путешествія“ о положеніи крѣпостныхъ крестьянъ, во многомъ соглашался съ нимъ. Но Пушкина отталкивала другая сторона книги — ложныя и дерзновенныя мысли и сужденія, заимствованныя изъ энциклопедистовъ, и оскорбительный вызывающій тонъ книги, и потому онъ впоследствии сдѣлалъ о Радищевѣ и его книгѣ слѣдующій приговоръ: „Въ Радищевѣ отразилась вся французская философія его вѣка: скептицизмъ Вольтера, филантропія Руссо, политическій цинизмъ Дидро и Рейналя, но все въ нескладномъ и искаженномъ видѣ, какъ всѣ предметы криво отражаются въ кривомъ зеркалѣ. Онъ есть истинный представитель полупросвѣщенія. Невѣжественное презрѣніе ко всему прошедшему, слабоумное изумленіе передъ своимъ вѣкомъ, слѣпое пристрастіе къ новизнѣ, частныя поверхностныя свѣдѣнія, на обумъ принаровленные ко всему, вотъ что мы видимъ въ Радищевѣ. Какую цѣль имѣлъ Радищевъ? Чего именно желалъ онъ? На сіи вопросы врядъ ли могъ онъ самъ отвѣчать удовлетворительно. Вліяніе его было ничтожное. Всѣ прочли его книгу и забыли ее, не смотря на то, что въ ней есть нѣсколько благоразумныхъ мыслей, нѣсколько благонамѣренныхъ предположеній, которыя не имѣли никакой нужды быть облечены въ бранчивыя и напыщенные выраженія и незаконно тиснуты въ станкахъ тайной типографіи, съ примѣсъ пошлаго и преступнаго пустословія. Онѣ принесли бы истинную пользу, будучи представлены съ большей искренностію и благоволеніемъ; ибо нѣтъ убѣдительности въ поношеніяхъ и нѣтъ истины, гдѣ нѣтъ любви“. Въ другихъ мѣстахъ Пушкинъ не одобряетъ слогъ книги, называя его варварскимъ, порицаетъ растянучость изложенія, излишнюю чувствительность, высокопарность и надутость. При всей строгости этого приговора Пушкина, и критика новаго времени не находитъ возможности отвергнуть его. Статья „Александръ Радищевъ“, говоритъ г. Анненковъ, принадлежитъ,

по нашему мнѣнію, къ тому зрѣлому, здоровому и провицательному критическому такту, которымъ отличались сужденія Пушкина о людяхъ и предметахъ не задолго до его кончины. Пушкинъ въ своей статьѣ показываетъ, что никакія благія намѣренія не могутъ оправдать нарушенія узаконенныхъ постановленій, и никакія злоупотребленія, столь неизбѣжны въ каждомъ чловѣческомъ обществѣ, не могутъ извинить словъ гнѣва и враждебныхъ страстей. Для борьбы съ недостатками и пороками Пушкинъ прежде всего требуетъ отъ всякаго дѣятеля любви и пребыванія въ границахъ закона,—и это составляетъ высокую нравственную мысль его дѣльной и строгой статьи⁽¹⁾.

Путешествіе изъ Петербурга въ Москву главное, но не единственное сочиненіе Радищева. Въ томъ же году, когда написано было Путешествіе, Радищевъ напечаталъ „Житіе Ѳ. В. Ушакова“. Находясь въ крѣпости, онъ въ поученіе своимъ дѣтямъ написалъ „Повѣсть о Филаретѣ милостивомъ“⁽²⁾. Во время ссылки въ Сибирь онъ написалъ „Разсужденіе о чловѣкѣ, его смертности и безсмертіи; письмо о китайской торговлѣ въ Кяхтѣ; отрывокъ изъ сокращеннаго повѣствованія о приобрѣтеніи Сибири; нѣсколько мелкихъ стихотвореній; сказку въ стихахъ о Бовѣ, составленную по подражанію Орлеанской дѣвственницѣ Вольтера; отрывокъ изъ поэмы въ прозѣ „Ермакъ“. Но эти сочиненія не имѣютъ особеннаго интереса и значенія, кромѣ трехъ первыхъ, въ которыхъ находятся нѣкоторыя свѣдѣнія и факты, могущіе служить къ объясненію характера и судьбы Радищева и его Путешествія. Въ первомъ сочиненіи изображается жизнь товарища Радищева въ лейпцигскомъ университетѣ, Ѳ. В. Ушакова. Ушаковъ былъ даровитый и любознательный чловѣкъ и въ Лейпцигѣ готовилъ диссертацию „о смертной казни“, но не успѣлъ ее окончить и умеръ на 21 году жизни отъ слѣдствій неводержной жизни. Осужденный врачами на смерть, онъ равнодушно услышалъ свой приговоръ; но вскорѣ муки его сдѣлались нестерпимы, и онъ потребовалъ яду отъ одного изъ своихъ товарищей (Кутузова), но Радищевъ тому воспротивился. Думаютъ, что это обстоятельство сильно подѣйствовало на Радищева и имѣло вліяніе на его разсужденія о самоубійствѣ и на самую его кончину. Повѣсть о Филаретѣ милостивомъ служитъ къ объясненію чувствительнаго и сострадательнаго характера Радищева. Разсужденіе о чловѣкѣ, его смертности и безсмертіи составлено на

⁽¹⁾ Сочин. Пушкина, изд. П. В. Анненкова 1857; т. VII, часть II, стр. 3—4.

⁽²⁾ Она напечатана въ Изслѣдованіи Сухомлинова стр. 63—77.

основаніи разныхъ философскихъ сочиненій Гиббона, Лейбница, Руссо, Локка, Гельвеція и др. „Радищевъ, замѣчаетъ Пушкинъ объ этомъ сочиненіи, хотя и вооружается противъ матеріализма, но въ немъ все еще видѣнъ ученикъ Гельвеція. Онъ охотяѣе излагаетъ, нежели опровергаетъ доводы чистаго атеизма“.

За путешествіе изъ Петербурга въ Москву Екатерина опредѣлила сослать Радищева въ Сибирь, въ илимскій острогъ на 10 лѣтъ. Импер. Павелъ въ 1796 г., вскорѣ по возшествіи на престолъ, освободилъ его изъ ссылки и позволилъ ему жить въ его деревняхъ; а импер. Александръ I въ 1801 г. вызвалъ его въ Петербургъ и сдѣлалъ членомъ законодательной комиссіи. Находясь въ комиссіи, Радищевъ, по словамъ младшаго его сына Павла Александровича, составилъ будто бы „Проектъ гражданскаго уложенія“⁽¹⁾, который потомъ затерялся; но старшій сынъ Радищева, Николай Александровичъ, который лучше могъ знать обо всемъ происходившемъ въ комиссіи, не упоминаетъ о проектѣ, хотя и указываетъ на всѣ другіе труды своего отца. Въ архивѣ законодательной комиссіи сохранились только два мнѣнія, представленныя Радищевымъ въ эту комиссію: одно—по вопросу о неумышленномъ убійствѣ, другое—по вопросу о правѣ подсудимыхъ отводить судей, подозрѣваемыхъ въ пристрастіи⁽²⁾. Въ Комиссіи Радищевъ находился до своей смерти, послѣдовавшей 12 сентября 1802 г. Говорятъ, что однажды президентъ комиссіи Завадовскій, по поводу какого-то вопроса или разсужденія Радищева, дружески замѣтилъ ему: „Эхъ, Александръ Николаевичъ, охота тебѣ пустословить по прежнему! или мало тебѣ было Сибири?“ Въ этихъ словахъ Радищевъ увидѣлъ угрозу. Огорченный и испуганный, онъ возвратился домой; вспомнилъ о другѣ своей молодости, лейпцигскомъ студентѣ Ушаковѣ, подавшемъ ему вѣогда первую мысль о самоубійствѣ, и отравился.

МАСОНСТВО.

Противъ ученія французскихъ философовъ и энциклопедистовъ возставали не только Екатерина и ея правительство, но и многіе изъ тѣхъ писателей, которые сначала сами увлекались имъ; возставали противъ него и лица духовныя, пастыри церкви,

⁽¹⁾ Основныя положенія этого Проекта изложены въ Исслѣдованіи Сухомлинова стр. 84—85.

⁽²⁾ Эти мнѣнія напечатаны и разобраны такъ же въ Исслѣдованіи Сухомлинова, стр. 90—102.

которые говорили о немъ съ церковной каюедры, писали сочиненія, или переводили сочиненія, написанныя противъ него въ Европѣ; но съ особенною силою и ревностію, какъ въ Европѣ, такъ и у насъ, возстало противъ ученія энциклопедистовъ маонство.

Происхожденіе, общій характеръ и разные виды масонства въ Европѣ. Масонство⁽¹⁾, какъ тайное общество людей, преслѣдующихъ религіозно - нравственныя и филантропическія цѣли, появилось въ Европѣ въ началѣ XVIII в. Первой масонской ложей была англійская ложа, открытая въ Лондонѣ въ 1717 г.; во Франціи масонство явилось въ 1725 г., а въ Германіи въ 1740 г. Въ книгахъ же самихъ масоновъ начало масонства возводится къ древнѣйшимъ временамъ, за четыре тысячи лѣтъ до Р. Х., и при этомъ указывается на связь масонства съ построениемъ храма Соломонова Хирамомъ, съ элевзинскими таинствами, съ тайными ученіями Пифагорейцевъ и Эссеевъ, съ орденомъ тамплиеровъ, или рыцарей храма. Но все эти сказанія относятся къ области басни, а исторически вѣрнымъ остается только то, что масонскія общества въ XVIII в. выродились изъ цѣховыхъ строительныхъ обществъ, которыя существовали въ средніе вѣка для построенія храмовъ и разныхъ общественныхъ зданій во всѣхъ странахъ Европы. На это указываетъ какъ самое ихъ названіе, такъ и внутреннее ихъ устройство и внѣшніе символы и обряды. Члены средневѣковыхъ строительныхъ обществъ имѣли свои уставы и право собственнаго суда, и потому назывались свободными каменщиками *free masons, francs-maçons, freimauer*; мѣсто, гдѣ они собирались, называлось у англичанъ *lodge*, у французовъ

⁽¹⁾ Изслѣдованія о масонствѣ и масонскихъ дѣятеляхъ въ русской литературѣ: Русскіе масоны 80-хъ годовъ прошлаго столѣтія. Ешевскаго. Русск. Вѣстн. 1864—1865; Новиковъ и московскіе мартинисты М. Лонгина 1867 г. Русское масонство въ XVIII в. А. Пыпина. Вѣстн. Евр. 1867 №№ 2—4; Русское масонство до Новикова. Елагинская система А. Пыпина Вѣстн. Евр. 1868, №№ 6—7; Дополненія къ исторіи масонства въ Россіи въ XVIII в. П. Пекарскаго Сborn. 2-го Отд. Академіи наукъ т. VII. 1870. Русскіе вольнодумцы въ царствованіе Екатерины II. Секретно-вскрытая переписка нѣкоторыхъ масоновъ Новикова, Кутузова, Тургенева и др. въ 1790—1795 г. Русская Старина 1874; январь, февраль и мартъ. Принятіе въ масоны. Разсказъ А. П. Степанова. Русск. Старина 1870; т. I; Любопытное сообщеніе Н. Н. Селифонтова о проклятомъ сборищѣ франкмасонскомъ, Чтен. общ. ист. и древн. 1871; Матеріалы для исторіи масонскихъ ложъ. Воспоминаніе Батенкова. Вѣстн. Евр. 1872; № 7.

logis, у итальянцевъ loggia. Ложами свободныхъ каменщиковъ стали называться и собранія или общества масоновъ. Изъ строительныхъ же обществъ были заимствованы и символическіе знаки масонства: молотокъ, кожаный передникъ, циркуль, угломѣръ, или наугольникъ, ватерпасъ. Только то, что первоначально въ строительныхъ обществахъ имѣло прямой вещественный смыслъ, въ масонствѣ получило смыслъ духовный: ремесленный союзъ архитекторовъ, плотниковъ и каменщиковъ превратился въ духовный союзъ образованныхъ людей разныхъ сословій; явились общества духовныхъ свободныхъ каменщиковъ, трудящихся для созданія духовнаго храма Всевышнему, храма добродѣтели; орудія, употреблявшіяся при работѣ въ строительныхъ обществахъ, сдѣлались символическими знаками разныхъ свойствъ масоновъ и вообще характера масонской дѣятельности. Угломѣръ или наугольникъ училъ масона, что его дѣйствія должны быть соразмѣрены съ справедливостію; ватерпасъ показывалъ, что всѣ люди равны и между братьями должно быть полное согласіе; отвѣсъ обозначалъ твердость общества, основаннаго на добродѣтели; Евангеліе обозначало истину, циркуль — справедливость, а молотокъ, которымъ сохранялся порядокъ въ ложахъ, показывалъ, что члены общества должны слѣдовать ученію мудрости. Составъ членовъ масонскихъ обществъ также указываетъ на происхожденіе ихъ изъ строительныхъ обществъ. Въ нихъ также находились три степени или три класса членовъ — ученика, товарища и мастера. Символомъ первой степени ученика былъ грубый камень булыжникъ, который указывалъ члену, что главное его упражненіе должно состоять въ укрѣпленіи себя для того, чтобы сдѣлаться достойнымъ камнемъ для зданія храма Всевышнему; символомъ товарища былъ обтесанный кубическій камень для обозначенія того, что занятія членовъ этой второй степени должны состоять въ провѣркѣ пріобрѣтаемыхъ познаній и критикѣ собственныхъ дѣйствій. Третью высшую степень членовъ въ масонствѣ составляли мастера; имъ предписывалось заботиться о нравственномъ усовершенствованіи себя и другихъ членовъ; на ихъ обязанности лежало храненіе тайны или таинствъ масонства и передача ихъ отъ одного поколѣнія другому. Впрочемъ, о храненіи тайнъ общества доляны были заботиться всѣ члены. При принятіи каждаго члена въ масонство брали страшную клятву въ сохраненіи тайны ученія, символовъ и обрядовъ; при посвященіи въ новую высшую степень клятва эта повторялась; посвящаемый въ мастера давалъ особый обѣтъ молчанія и обязывался помогать всѣмъ мастерамъ противъ возстающихъ товарищей. Каждая степень членовъ должна была оберегать свои званія отъ высшихъ степеней. Отъ всѣхъ членовъ во всѣхъ сте-

пеняхъ требовалось безприскословное повиновеніе своимъ начальникамъ. Чтобы внушить членамъ уваженіе вообще къ обществу, заставить ихъ быть вѣрными ему и свято хранить его тайны, масонство прибѣгало, особенно при привітаніи новыхъ членовъ, къ разнымъ страшнымъ и ужасающимъ обрядамъ. Принимаемаго или посвящаемаго вводили въ ложу съ завязанными глазами; въ минуту снятія повязки съ глазъ, братья приставляли къ груди его острія мечей, требуя страшной клятвы о храненіи тайны ордена; неожиданно сильно ударяли — младшій надзиратель масштабомъ по шеѣ, старшій надзиратель — наугольникомъ въ лѣвую грудь, а мастеръ молоткомъ по головѣ. Въ позднѣйшія времена эти обряды въ нѣкоторыхъ ложахъ приняли характеръ настоящихъ трагическихъ представлений. Комната обивалась чернымъ сукномъ; вмѣсто стола устроился жертвенникъ, на которомъ ставились человѣческіе скелеты съ надписью: „memento mori“; показывались раскаленное желѣзо, разные провалы и пропасти и другіе ужасы. Вотъ какъ описывается обрядъ пріема въ ученическую степень въ Елагинскихъ ритуалахъ, напечатанныхъ Пекарскимъ: „Когда открывается требующему свѣтъ т. е. внезапно снимаютъ съ глазъ его повязку, тогда всѣ предстоящіе братья держатъ противъ него устремленныя шпаги, а одинъ изъ братьевъ стоитъ въ окровавленной сорочкѣ. Великій мастеръ объявляетъ принимаемому, что направленные на него мечи устремятся противъ него, если онъ нарушитъ клятву и союзъ. Затѣмъ великій мастеръ объясняетъ ему, что если онъ зашелъ уже такъ далеко, что не во власти его съ честью и безъ опасности оставить ложу, то пусть онъ „подвигнутый собственною волею и мужественнымъ намѣреніемъ запечатлѣетъ клятву свою смѣшеніемъ крови своей съ кровью братьевъ“. Посвящаемаго ставятъ на одно колѣно у жертвенника и велятъ ему положить одну руку на Евангеліе, а другою приставить къ груди своей циркуль. „Братъ ужасный, говоритъ великій мастеръ, гдѣ кровавая чаша? исполни свою должность!“ Братъ ужасный подходитъ съ кровавою чашей, и мастеръ ударяетъ трижды по приставленному къ груди принимаемаго циркулю; текущая въ чашу кровь соединяетъ новаго масона съ прежними братьями. Еще въ болѣе страшномъ видѣ описывается обрядъ пріема въ мастера ложи. Вся ложа обита чернымъ сукномъ, полъ покрытъ чернымъ покрываломъ, на которомъ разбѣянно нашиты золотыя слезы; на покрывалѣ поставляется черный гробъ.... въ головахъ гроба къ западу находится циркуль, а въ ногахъ прямоугольникъ; вмѣсто трехъ подсвѣчниковъ поставляются три скелета, изъ коихъ каждый держитъ тройной подсвѣчникъ съ тремя зажженными свѣчами; жертвенникъ также одѣтъ чернымъ сукномъ съ золотыми слеза-

ми и вышитою мертвою головою; вмѣсто трехъ подсвѣчниковъ на немъ стоятъ три серебряныя мертвыя головы на крестообразно сложенныхъ костяхъ. Всѣ чиновники и всѣ братья одѣты въ черныхъ эпанчахъ. Посвящаемога брата вводятъ въ ложу спиною и ставятъ его лицомъ къ стѣнѣ, „да не омрачится скорымъ и нечаяннымъ воззрѣнiемъ“. Затѣмъ начинаютъ его водить по комнатѣ; при этомъ онъ самъ держитъ лѣвою рукою у груди конецъ шпаги; ведущій его надзиратель останавливается съ нимъ у нарисованныхъ мертвыхъ головъ, причѣмъ проситъ его размышлять о смерти. „Во время путешествiя братья стоятъ окрестъ и близь гроба, наклонивъ голову на руку. Въ гробѣ лежитъ подъ окровавленную плащаницею единый изъ младшихъ мастеровъ“.... У жертвенника принимаемый приноситъ обѣтъ молчаливости. Послѣ того великій мастеръ три раза ударяетъ молоткомъ, съ произнесенiемъ словъ прiявiтiя. При третьемъ ударѣ, когда произносится слово „смерть“, принимаемый повергается во гробъ и прикрывается окровавленной плащаницею. Посемъ происходитъ великая тишина“. Тогда „великій мастеръ дѣлаетъ по эфесу шпаги своей 9 ударовъ, надзиратели ему отвѣчаютъ, а братья въ тоже время стремительно бѣгутъ къ гробу и концы шпагъ на лежащаго устремляютъ“.

Какъ внѣшняя организацiя масонства происходила по образцу строительныхъ обществъ, такъ внутреннiй характеръ его ученiя, его цѣлей и стремленiй образовался подъ влiянiемъ современныхъ деистическихъ и филантропическихъ идей XVIII в. Въ основу масонскаго ученiя вошелъ деизмъ, или естественная религiя разума, изложенная въ сочиненiяхъ англiйскихъ деистовъ Шефтсбери, Коллинза и Толанда. Для противодѣйствiя религiознымъ распрямъ, такъ долго угнетавшимъ Европу и приводившимъ къ кровавымъ религiознымъ войнамъ, масонство, подобно деизму, выставило идею самой широкой вѣротерпимости, и на началахъ этой вѣротерпимости хотѣло создать одну общую религiю, одно братство между людьми, основанное на ученiи о свободѣ совѣсти, братской любви и равенствѣ между людьми. Въ сторонѣ были оставлены всѣ догматическiя и вѣроисповѣдныя разности какъ въ христiанской, такъ и другихъ религiяхъ; отъ поступающихъ въ масонство требовались только основныя начала всякаго религiознаго ученiя — вѣра въ Бога, безсмертiе души, воздаянiе за гробомъ и начала нравственнаго закона. Требования нравственнаго закона ставились выше всего въ масонскомъ ученiи, или лучше сказать они и составляли главнымъ образомъ религiозное ученiе масоновъ; само христiанство если и ставилось выше другихъ религiй, то такъ же главнымъ образомъ за чистоту и высоту нравственнаго ученiя. Такъ какъ

основу нравственного закона составляет любовь къ ближнимъ, выражающаяся въ дѣлахъ благотворительности, то вся религіозно-нравственная дѣятельность масонская получила характеръ филантропическій и самыя общества масонскія часто имѣли видъ филантропическихъ обществъ. Съ религіознымъ индифферентизмомъ, легшимъ въ основу масонскаго ученія, естественно соединялся и совершенный индифферентизмъ въ національностяхъ и политическихъ учрежденіяхъ; въ масонскія общества могли быть принимаемы члены изъ всѣхъ странъ, безъ различія національностей и политическихъ доктринъ. Первоначальное масонство даже требовало отъ своихъ членовъ совершеннаго невмѣшательства въ политическія и соціальныя дѣла государства.

Такой организаціей масонства и основными началами его ученія объясняется вся послѣдующая судьба его, какъ быстрое его возвышеніе, такъ и паденіе, какъ возбужденная сначала къ нему симпатія повсюду, такъ и возникшія вскорѣ его преслѣдованія. Нравственная основа масонства и его человѣколюбивыя стремленія привлекали къ нему всѣхъ лучшихъ людей не только мірскихъ, но и духовныхъ; но масонская нравственность была не чисто христіанской; она вытекала не изъ откровеннаго христіанскаго ученія, а изъ естественныхъ свойствъ самого человѣка и слѣдовательно имѣла естественную человѣческую почву; кромѣ того, масонство безразлично относилось къ догматическому и церковно-обрядовому ученію христіанства, если не совсѣмъ отвергало его. Очень естественно, что съ теченіемъ времени оно встрѣтило сильную оппозицію противъ себя въ церкви и духовенствѣ. Религіозный, національный и политическій индифферентизмъ помогъ масонству быстро распространиться во всѣхъ странахъ; но, проповѣдая совершенное невмѣшательство въ дѣла религіозныя и государственныя, масонство съ своимъ замкнутымъ характеромъ, съ своими странными тайными знаками и обрядами, составляло своего рода отдѣльное тайное государство (*status in statu*), которое въ правительствахъ, естественно, должно было возбуждать разныя подозрѣнія и опасенія, и потому подверглось со стороны ихъ запрещеніямъ и преслѣдованіямъ. Эти преслѣдованія начались повсюду особенно съ того времени, когда масонство стало терять свой первоначальный характеръ, когда къ его возвышеннымъ нравственнымъ цѣлямъ начали присоединяться другія, не совсѣмъ чистыя побужденія, когда въ немъ явилось множество разныхъ орденовъ, получившихъ разное устройство, формы и названія. Къ первоначальнымъ цѣлямъ - заботиться о нравственномъ воспитаніи людей и ихъ вышшемъ благосостояніи, счастья и довольствѣ, съ теченіемъ времени, присоединились разныя стремленія и занятія, перешедшія изъ прежнихъ средне-

вѣковыхъ обществъ, какъ то: „испытаніе натуры вещей“ и чрезъ то пріобрѣтеніе силы и власти къ исправленію людей; занятія алхиміей, или искусствомъ превращать разные металлы въ золото и драгоценныя камни; занятія магіей, или искусствомъ вызывать духовъ для того, чтобы узнавать будущее; стремленія отыскать философскій камень, или средство продолжить жизнь человѣка на нѣсколько сотъ лѣтъ; разнаго рода хитрости и обманы для выманыванія денегъ и пріобрѣтенія богатствъ, и наконецъ политическія интриги, внесенныя въ масонство іезуитами. Ко всему этому присоединялось „сохраненіе и предавіе потомству нѣкакого важнаго таинства, будто бы отъ самыхъ древнѣйшихъ вѣковъ и даже отъ перваго человѣка до насъ дошедшаго, отъ котораго (таинства), можетъ быть, судьба цѣлаго человѣческаго рода зависить, доколѣ Богъ благоволитъ ко благу человѣчества открыть оное всему міру; но чтобы открыть это таинство, надобно заботиться о нравственномъ усовершенствованіи себя“. По мѣсту происхожденія различалось масонство „аглицкое“, которое было первоначально и вмѣстѣ самую простою формою, „шведское“, „берлинское“ и проч.; по характеру и цѣлямъ въ масонствѣ различались: „тампліерство“, или система строгаго наблюденія, „диннендорство“, система слабаго наблюденія, „розенкрейцерство“, „мартинизмъ“, „иллюминатство“. Два послѣднія названія указываютъ на связь масонскихъ обществъ съ мистицизмомъ. Масонскія общества получили особенный характеръ съ того времени, когда приняли въ себя ученіе мистиковъ и теософовъ XVIII в., каковы были Я. Бемъ, Пордечъ и Сень-Мартень. Ученіе мистиковъ было совершенно противоположно деизму, отъ котораго первоначально вышло масонство; деизмъ отвергалъ откровеніе и ставилъ на мѣсто его разумъ; а отличительную черту мистицизма составляло то, что въ дѣлѣ познанія истины мистики хотѣли руководствоваться не разумомъ и наукой, а внутреннимъ чувствомъ, непосредственнымъ вдохновеніемъ, или внутреннимъ откровеніемъ. Главнымъ предметомъ и цѣлюю всѣхъ изысканій для человѣка они поставляли познаніе самого себя, творенія и Творца, познаніе сущности всѣхъ вещей, божескихъ и человѣческихъ; но при этомъ къ научнымъ изслѣдованіямъ природы и жизни и къ выводамъ разума относились пренебрежительно и говорили, что нужно погружаться въ самого себя, во внутреннее святилище своей души, нужно прислушиваться только къ своему внутреннему голосу, чтобы понять сущность и всѣ высшія тайны бытія. Герлицкій башмачникъ Яковъ Бемъ (ум. въ 1625 г.), извѣстный подъ именемъ перваго тевтоническаго философа, былъ главнымъ представителемъ мистическаго ученія и написалъ множество мистическихъ сочиненій, заключающихъ въ се-

бѣ странную смѣсь богословія, метафизики, алхиміи и астрологіи. Послѣдователь Бема, англійскій доктор Пордечъ старался привести въ возможную систему его ученіе и съ этою цѣлію написалъ нѣсколько сочиненій. Ученіе Сенъ-Мартена такъ же было сходно съ ученіемъ Бема и произвело секту мартинистовъ (около 1768 г.), основателемъ которой, впрочемъ, былъ не самъ Сенъ Мартенъ, а одинъ португальскій еврей Мартинецъ Паскаль. Секта эта проповѣдывала чудеса и таинства теургіи т. е. различныя сверхъестественныя дѣйствія и явленія, сношенія съ міромъ невидимыхъ силъ и духовъ. Масонскія общества, принявшія ученіе этихъ мистиковъ, и сами назывались мистиками и въ частности мартинистами. Выше замѣчено, что въ масонскія общества проникали и политическія интриги. Таково было общество иллюминатовъ, которое было основано въ Ингольштадтѣ (въ Баваріи) профессоромъ каноническаго права Вейсгауптомъ (ум. въ 1822 г.). Возникнувъ на общихъ началахъ мистическаго ученія о внутреннемъ просвѣщеніи челоуѣка свыше (illuminatio) и подобно другимъ масонскимъ обществамъ первоначально имѣвшее филантропическія цѣли, иллюминатство стало стремиться къ вліянію на политическія дѣла въ Европѣ, вступило въ сношенія съ іезуитами и, усвоивъ ихъ начала, заводило повсюду политическія интриги; и потому, естественно, возбудило скоро противъ себя сильныя преслѣдованія.

Начало масонства въ Россіи. Въ Россіи масонство появилось еще въ царствованіе Елисаветы. Первые извѣстія о немъ относятся къ началу 30-хъ годовъ XVIII ст. Въ 1747 г. къ масонству принадлежали графъ Головинъ, два брата графовъ Чернышевыхъ, Иванъ и Захаръ; въ 1756 г. между масонами считались князь Михаилъ Щербатовъ, Иванъ Болтинъ и Мелиссино, а графъ Р. И. Воронцовъ, отецъ княгини Дашковой, занималъ гроссмейстерскій стулъ. Въ 1772 г. была открыта въ Петербургѣ первая русская „Великая Ложа“, гроссмейстеромъ которой былъ И. П. Елагинъ; по имени его и самая система этой ложи получила названіе Елагинской.

Иванъ Перфильевичъ Елагинъ (1725—1796) можетъ быть названъ представителемъ петербургскаго масонства въ первую его эпоху, какъ Новиковъ и Лопухинъ были представителями московскаго масонства. Въ своей Запискѣ о масонствѣ ⁽¹⁾ Ела-

(1) «Ученіе древняго любомудрія и богомудрія, или наука свободныхъ каменщиковъ, изъ разныхъ творцовъ свѣтскихъ, духовныхъ и

гинъ разсказываетъ, что онъ „съ самыхъ юныхъ лѣтъ“ вступилъ въ масонство; но ни въ ученіи его, ни въ обществѣ членовъ, его составляющихъ, не нашель ничего интереснаго, и потому оставилъ это общество. Но избѣжавъ одной опасности, онъ попалъ въ другую, „прилѣпился къ сочиненіямъ лестнымъ и заманчивымъ, къ писателямъ безбожнымъ“. „Симъ душепагубнымъ чтеніемъ, говоритъ онъ, спознался я со всѣми аеистами и деистами... Буланже, Даржансъ, Вольтерь, Руссо, Гельвецій и всѣ словаря Бэлева, какъ французскіе и аглицкіе, такъ латинскіе, итальянскіе лезаконники, плѣнивъ сердце мое сладкимъ краснорѣчія ядомъ, пагубнаго ада горькую вліяли въ него отраву“.... Но онъ не долго увлекался ученіемъ энциклопедистовъ, и опять вспомнивъ о масонствѣ, старался узнать, нѣтъ ли въ немъ чего нибудь „притягательнаго“, почему въ него вступаетъ множество людей умныхъ и хорошихъ. Одинъ англичанинъ указывалъ Елагину на старую аглицкую ложу, въ которой будто сохраняются настоящія масонскія тайнства. Другой масонъ объяснилъ ему, что „масонство есть древнѣйшая таинственная наука, святой премудростію называемая, что ова всѣ прочія науки и художества въ себѣ содержитъ... что она та самая премудрость, которая отъ начала міра у патриарховъ и отъ нихъ преданная въ тайнѣ священной хранилась въ храмахъ халдейскихъ, египетскихъ, персидскихъ, финикійскихъ, іудейскихъ, греческихъ и римскихъ и во всѣхъ мистеріяхъ или посвященіяхъ еллинскихъ; въ училищахъ соломоновыхъ, елейскомъ, синайскомъ, іоанновомъ въ пустынѣ и Іерусалимѣ, новою благодатію въ Откровеніи Спасителя преподавалась“.... Узнавъ, какъ ему казалось, истинное масонство (это было аглицкое масонство), Елагинъ сдѣлался его ревностнымъ послѣдователемъ, былъ мастеромъ „Великой провинціальной ложи“, переводилъ на русскій языкъ масонскія сочиненія и до конца жизни не оставлялъ масонства. Затѣмъ въ Москвѣ появилось нѣсколько масонскихъ ложъ, именно ложи „Латонъ“, „Блισταющей Звѣзды“, „Свѣтоноснаго Треугольника“, „Св. Моисея“ и „Девкалиона“. Изъ другихъ провинціальныхъ ложъ были извѣстны еще ложи въ Ярославлѣ и въ Казани, подъ именемъ „Восходящаго Солнца“. По показанію Новикова, у насъ было четыре вида масонства: аглицкое, подъ управленіемъ Елагина, шведское, подъ управленіемъ князя Куракина и Гагарина, рейхельское, подъ управленіемъ барона Рейхеля; но всего

мистическихъ собранія и въ 5-ти частяхъ предложенная И. Е. великимъ російскія провинціальная ложи мастеромъ Начато въ MDCCCLXXXVI г. Напечатано въ Русск. Архивѣ 1864 г. № 1.

больше распространено было масонство берлинское или „розен-крейцерство“, привезенное въ Россію изъ Берлина въ Москву профессоромъ Шварцемъ. Къ масонству принадлежали лучшіе русскіе люди изъ всѣхъ самыхъ высшихъ сословій. Масонство привлекало всѣхъ своимъ религіозно-нравственнымъ характеромъ, своими человѣколюбивыми стремленіями, заботами о народномъ образованіи и благосостояніи. Но, сходясь въ общихъ чертахъ съ западными масонами, русскіе масоны во многомъ отличались отъ нихъ. Правда, въ бумагахъ московскихъ масоновъ есть такъ же предположенія о дѣланіи золота, исканіи философскаго камня и прочихъ химическихъ работахъ. Кутузовъ былъ посланъ въ Берлинъ изучать алхімію; студенты Невзоровъ и Колокольниковъ въ 1788 г. такъ же были отправлены за границу, между прочимъ, для изученія химіи; но собственно всѣхъ этихъ работъ наши масоны сами, кажется, не производили и не знали, равно какъ въ магіи и кабалѣ сами они не упражнялись, ибо были еще въ нисшихъ градусахъ. Вообще русскому масонству. всего болѣе была извѣстна нравственная и филантропическая сторона масонства; какъ ученіе его такъ и дѣятельность отличались христіанскимъ характеромъ. Большая часть его лучшихъ дѣятелей такъ же едвали и догадывалась о первоначальной деистической основѣ масонства и принимая масонское ученіе и его разныя тайны и исполняя странные обряды, они думали, что все это вполне согласно съ христіанскимъ ученіемъ, считали себя истинными христіанами и дѣйствительно безпрекословно принимали всѣ догматы и обряды православной церкви. Лопухинъ въ своихъ запискахъ, стараясь показать различіе между западными тайными обществами и философскими системами и своимъ обществомъ и его ученіемъ, говоритъ: „тѣ общества и системы были совсѣмъ непохожи на наши. Нашего общества предметъ былъ добродѣтель и стараніе, исправляя себя достигать совершенства, при сердечномъ убѣжденіи о совершенномъ ея въ насъ недостаткѣ; а система наша, что Христосъ — начало и конецъ всякаго блаженства и добра въ здѣшней жизни и будущей. Той же философіи система — отвергать Христа, сомнѣваться въ безсмертіи души, едва вѣрить, что есть Богъ, и надуваться гордостію самолюбія“. Русское масонство требовало отъ своихъ послѣдователей истинно христіанской любви и благотворительности, сближало людей различныхъ сословій, положеній, и мѣстнѣй, во имя высшихъ цѣлей, религіозно-нравственнаго идеала, призывая всѣхъ къ самопознанію и нравственному усовершенствованію. Оно воспитало въ своей средѣ много свѣтлыхъ и благородныхъ личностей, которыя явились въ высшей степени полезными дѣятелями на различныхъ поприщахъ служенія Рос-

сн; оно объявило наконецъ борьбу съ философiей энциклопедистовъ и той нравственною распушенностию, которую произвела эта философiя въ русскомъ обществѣ. Таковымъ масонство русское мы встрѣчаемъ въ эпоху наибольшаго его развитiя и процвѣтанiя, когда во главѣ его стояли Новиковъ и Шварцъ и главными дѣятелями въ немъ были такiя замѣчательныя лица, какъ И. В. Лопухинъ, С. П. Гамалѣя, И. П. Тургеневъ и князя Ю. Н. и П. Н. Трубецкiе.

Николай Ивановичъ Новиковъ ⁽¹⁾ былъ однимъ изъ самыхъ замѣчательныхъ, литературныхъ и общественныхъ, дѣятелей въ Екатерининскую эпоху. Онъ происходилъ изъ дворянъ московской губернiи и родился въ 1744 г. въ селѣ Тихвинскомъ (Авдотьино тожъ) Бронницкаго уѣзда. Образование свое онъ получилъ въ московской университетской гимназiи, гдѣ, впрочемъ, учился не усердно и по неуспѣшности въ иностранныхъ языкахъ долженъ былъ даже оставить гимназiю, до окончанiя курса. Недостатки училищнаго образованiя Новиковъ старался потомъ восполнить самообразованiемъ, чтенiемъ книгъ и знакомствомъ съ образованными людьми. Изъ всѣхъ предметовъ онъ особенно любилъ и изучалъ русскую исторiю и русскую литературу; къ этимъ наукамъ и относится его литературная дѣятельность. Изъ всѣхъ современныхъ образованныхъ людей особенное влiянiе на него имѣли послѣдователи масонства И. П. Елагинъ и И. Е. Шварцъ, которые и сообщили особое направленiе его просвѣтительной и общественной дѣятельности. Время принятiя масонства Новиковымъ раздѣляетъ всю его дѣятельность на два перiода — петербургскiй до 1779 г., когда онъ занимался литературой вообще, какъ одинъ изъ передовыхъ образованныхъ людей, и московскiй съ 1779 г., когда онъ, принявши въ 1755 г. масонство, переселился въ Москву, гдѣ къ его литературной дѣятельности присоединилась широкая образовательная и филантропическая дѣятельность. ?/17:

Сначала, по выходѣ изъ гимназiи, Новиковъ поступилъ на службу въ гвардейскiй измайловскiй полкъ въ Петербургѣ и въ то же время прикомандированъ былъ къ Коммиссiи народныхъ депутатовъ, образованной Екатериной для составленiя проекта

(1) Исслѣдованiя о Новиковѣ: Н. И. Новиковъ. Биографическiй очеркъ А. Аванасьева. Библиограф. Записки 1858; № 5; Н. И. Новиковъ, издатель журналовъ 1769—1783 г. А. Незеленова. Спб. 1875; Новиковъ въ Шлиссельбургской крѣпости (по новымъ документамъ) А. И. Незеленова. Историч. Вѣстн. 1882; декабрь.

Новаго Уложенія. Въ качествѣ секретаря комиссіи, обязаннаго вести записки обо всемъ, что дѣлалось въ ея засѣданіяхъ, онъ находился въ 1767—68 г. Это было весьма важнымъ обстоятельствомъ для его развитія. Въ комиссіи онъ обращался въ обществѣ лучшихъ выборныхъ людей со всей Россіи; здѣсь онъ могъ узнать состояніе, нужды и потребности всего государства; здѣсь онъ слышалъ самыя разнообразныя сужденія о самыхъ разнообразныхъ предметахъ, которыя дали ему подготовку и матеріаль для его будущей дѣятельности. По выходѣ изъ Комиссіи, послѣ ея закрытія въ 1768 г., онъ оставилъ и военную службу, которая мѣшала ему заниматься науками, и посвятилъ себя исключительно литературѣ. Литературная дѣятельность Новикова началась съ изданія журналовъ. Свобода мысли и слова въ первое десятилѣтіе царствованія Екатерины, и примѣръ самой Екатерины, печатавшей во „Всякой Всячинѣ“ свои комедіи и Были и Небылицы, вызвали множество сатирическихъ журналовъ, въ которыхъ, съ одной стороны осмѣивались невѣжество, разныя суевѣрія, предразсудки и пороки, а съ другой проводились просвѣтительныя идеи Наказа. Лучшіе люди принялись за изданіе журналовъ, которые считались лучшими органами для проведенія въ общество всякаго рода идей. Но между всѣми издателями журналовъ Новиковъ отличался особеннымъ усердіемъ, талантливостію и добросовѣстностію. Первымъ его журналомъ былъ „Трутенъ“, издававшійся въ 1769—1770 г. Онъ обратилъ на себя вниманіе правительства и общества своей прямою и смѣлостію своей сатиры, а въ литературѣ возбудилъ сильную полемику. Новиковъ недовольствовался обличеніемъ пороковъ только въ общихъ чертахъ, не указывая на опредѣленные личности, а требовалъ, чтобы сатира была сатирой на лицо, если она не хочетъ быть безплодною. Противъ этого требованія возсталъ „Всякая Всячина“ и повела нападенія свои съ такою строгостію, что Новиковъ долженъ былъ отказаться отъ своей мысли о личной сатирѣ и сдѣлался осторожнѣе и умѣреннѣе въ своихъ обличеніяхъ. Основною темою большей части статей „Трутня“ служить порицаніе подражательности русскихъ всему иностранному, особенно французскому. „Отказавшись отъ всего прошлаго нашей жизни, отъ нравовъ и обычаевъ предковъ, сдѣлавшись слѣпыми подражателями всему французскому, мы, говорилъ Новиковъ, вмѣстѣ съ тѣмъ потеряли и добродѣтели нашихъ предковъ, въ большинствѣ случаевъ мы промѣняли наше старое родное добро на новое чужое зло“.... Но, нападавъ на подражательность французамъ и напоминая о забытыхъ добродѣтеляхъ предковъ, Новиковъ, конечно, вовсе не думалъ проповѣдывать совершенное от-

чужденіе отъ Европы, или національную исключительность. Напротивъ, вполне уважая европейское просвѣщеніе, онъ совѣтовалъ усвоивать отъ Европы все лучшее и сильно нападалъ на русское суевѣріе и невѣжество, грубость, жестокость и другіе пороки. Такое направленіе мы находимъ особенно въ другомъ журналѣ Новикова, въ „Живописецѣ“, который онъ издавалъ въ 1772—73 г. Глубоко сожалѣя, что добрыя начала и свойства русской народности заглушаются, или обезображиваются невѣжествомъ, онъ всячески старается возбудить любовь къ наукамъ, и укоряя русскихъ людей за то, что они перенимаютъ у иностранцевъ только ихъ недостатки и пороки, онъ въ тоже время не только совѣтуетъ путешествовать по чужимъ землямъ, но и заимствовать изъ нихъ науки и художества. При такомъ направленіи „Живописецъ“ пользовался особеннымъ сочувствіемъ русскаго общества; требованія на этотъ журналъ были такъ велики, что Новиковъ сдѣлалъ пять изданій „Живописца“; въ послѣднія три изданія были включены лучшіе сатирическіе очерки изъ „Трутня“. Въ 1774 г. Новиковъ началъ издавать третій сатирическій журналъ „Копелекъ“. Въ этомъ журналѣ онъ преслѣдовалъ тѣже цѣли, какъ и въ „Живописецѣ“, изображая разные русскіе пороки и недостатки; но этотъ журналъ по сатирѣ и по художественности былъ значительно слабѣе не только „Живописца“, но и „Трутня“. Во всѣхъ указанныхъ журналахъ Новиковъ касался разныхъ общественныхъ вопросовъ, возставалъ противъ крѣпостнаго права, противъ неправосудія и взяточничества судей, противъ недостатковъ домашняго воспитанія и школьнаго образованія.

Какъ глубокой патріотъ, возбуждая русскихъ людей къ образованію на началахъ національныхъ, Новиковъ стремился познакомить ихъ съ русской исторіей и съ этою цѣлю издалъ нѣсколько весьма важныхъ сочиненій, которыми онъ весьма много содѣйствовала разработкѣ русской исторіи вообще и исторіи русской литературы. Въ 1772 г. онъ издалъ „Опытъ историческаго словаря о русскіихъ писателяхъ, въ которомъ были собраны извѣстія о русскіихъ писателяхъ „изъ разныхъ печатныхъ и рукописныхъ книгъ и словесныхъ преданій“. Съ 1773 г. начала выходить въ свѣтъ его „Древняя русскія Вивліоекка“, содержащая описаніе русскіихъ посольствъ въ другія государства, свадебныхъ обрядовъ и другихъ историческихъ и географическихъ достопамятностей, рѣдкія грамоты и многія сочиненія древнихъ русскіихъ стихотворцевъ. Цѣлю изданія этой Вивліоекки, было, какъ говоритъ Новиковъ въ предисловіи къ читателю „начертаніе правовъ и обычаевъ нашихъ предковъ, чтобы мы познали ве-

дикость духа ихъ, украшеннаго простотою.... „Полезно знать нравы, обычаи и обряды древнихъ чужеземныхъ народовъ; но гораздо полезнѣе имѣть свѣдѣніе о своихъ прародителяхъ; похвально любить и отдавать справедливость достоинствамъ иностранныхъ; но стыдно презирать своихъ соотечественниковъ, а еще паче и гнушаться оными“. Въ первый годъ изданія русской Вивлюэики вышло старинное русское сочиненіе „Древняя российская гидрографія“, содержащая описаніе московскаго государства, рѣкъ, озеръ, протоковъ, кладязей, и какіе на нихъ города и урочища, и на какомъ оныя разстояніи“. Сочиненіе это было издано какъ памятникъ старины и какъ матеріаль для изученія древней русской исторіи, а паче всего, какъ говорится въ предисловіи къ нему, для обличенія несправедливаго мнѣнія тѣхъ людей, которые думали и писали, что до времени Петра В. Россія не имѣла никакихъ книгъ, окромѣ церковныхъ, да и то будто только служебныхъ“. Кромѣ того Новиковъ издалъ „Исторію о невинномъ заточеніи ближняго боярина, Артемона Сергіевича Матвѣева“, „Скиескую исторію стольника Андрея Лызлова“ и „Повѣствователь древностей российскихъ“ (ч. 1). Последнее изданіе, составляющее продолженіе Вивлюэики, включаетъ въ себѣ „собраніе разныхъ достопамятныхъ записокъ, служащихъ къ пользѣ исторіи и географіи“. При всѣхъ этихъ изданіяхъ Новиковъ руководился глубокимъ патріотическимъ чувствомъ, стараясь возбудить въ русскихъ людяхъ любовь къ родной странѣ, которая начинала ослабѣвать отъ иностраннаго воспитанія, иностранныхъ правовъ и обычаевъ.

Въ 1779 г. Новиковъ переселился въ Москву. Здѣсь его просвѣтительная дѣятельность получила болѣе широкіе размѣры и особенный филантропическій характеръ подъ влияніемъ масонства. Въ масонство Новиковъ вступилъ еще въ 1775 г. (естъ извѣстіе, что для него и друзей его была открыта ложа „Немезида“), когда онъ, какъ самъ говорилъ въ послѣдствіи, „находился на распутіи между вольтерьянствомъ и религіей и не имѣлъ точки опоры, или краеугольнаго камня, на которомъ могъ бы основать душевное спокойствіе“. Сначала онъ вступилъ въ англійское масонство на такихъ условіяхъ, чтобы не давать ему никакой присяги и обязательства, но потомъ скоро перешелъ въ ложу барона Рейхела, гдѣ все вниманіе членовъ, по его словамъ, было обращено на самопознаніе и нравственное усовершенствованіе. Но истиннымъ масономъ, въ лучшемъ смыслѣ этого слова, Новиковъ сдѣлался тогда, когда познакомился съ Шварцемемъ. „Въ одно утро, говоритъ Новиковъ, пришелъ ко мнѣ нѣмчикъ, съ которымъ я поговоря, сдѣлался во всю жизнь, до са-

мой его смерти, неразлучнымъ; этотъ нѣмчикъ былъ И. Е. Шварцъ“⁽¹⁾.

Иванъ Егоровичъ Шварцъ (ум. 1784 г.) былъ нѣмецъ-мистикъ и масонъ, воспитанный на сочиненіяхъ Бема. Въ Россію онъ пріѣхалъ въ 1776 г., подобно другимъ иностранцамъ, съ педагогическими цѣлями и поселился въ Москвѣ. Научившись русскому языку, онъ съ такою ревностію началъ заботиться объ образованіи молодыхъ людей, что вскорѣ возбудилъ къ себѣ глубокое сочувствіе и благодарность всего московскаго общества. Указывая на это сочувствіе, онъ говоритъ въ своей автобіографической запискѣ: „Все это исполнило меня райскими ощущеніями: я желалъ выразить благодарность свою народу столь благородному, столь жаждущему науки. Я приходилъ въ негодованіе, видя, что недостойные своекорыстные иностранцы обманываютъ многихъ благородныхъ отцевъ и матерей, которые горячо желаютъ дѣлать добра, но не имѣютъ настолько образованія, чтобы знать, какъ слѣдуетъ приняться за дѣло. Потому я рѣшился устроить общество, которое устранило бы это зло т. е. 1) по возможности распространяло бы въ публикѣ правила воспитанія; 2) поддерживало-бы типографское предпріятіе Новикова переводомъ и изданіемъ полезныхъ книгъ и 3) старалось бы или привлечь въ Россію иностранцевъ, которые были-бы способны давать воспитаніе, или, что еще лучше, воспитывать на свой счетъ учителей изъ русскихъ“⁽²⁾. Но такое общество удалось устроить ему только тогда, когда онъ лично познакомился съ Новиковымъ. Шварцу уже давно была извѣстна литературная дѣятельность Новикова и особенно нравилась его ревность къ просвѣщенію и горячая любовь къ народу; въ свою очередь и Новиковъ, узнавъ Шварца, увлекся его высокими просвѣтительными идеями и вполне усвоилъ ихъ, и оба они, сдѣлавшись друзьями, начали стремиться къ образованію народа на религіозно - нравственныхъ началахъ и къ улучшенію его матеріальнаго благосостоянія путемъ благотворительности. Открытіе училищъ для распространенія грамотности въ народѣ, изданіе учебниковъ и книгъ религіозно-нравственнаго содержанія, введеніе типографій и книжныхъ лавокъ, пригласеніе учителей для училищъ, поощреніе вообще молодыхъ даровитыхъ людей къ

(1) Н. И. Новиковъ. А. Аванасьева. Библиогр. Записки. 1858; № 6.

(2) Біографическій словарь профессоровъ и преподавателей московскаго университета II, 576.

образованію и отправленіе лучшихъ изъ нихъ для усовершенствованія въ наукахъ за границу, наконецъ устройство больницъ и аптекъ для бѣдныхъ — вотъ тѣ предметы, которые входили въ обширную программу просвѣдительной и филантропической дѣятельности Новикова и Шварца. Начало этой дѣятельности относится къ 1779 г., когда Новиковъ, переселившись въ Москву, взялъ въ аренду на 10 лѣтъ университетскую типографію. Въ этой типографіи онъ въ короткое время напечаталъ множество книгъ религіозно-нравственнаго и мистическаго содержанія и нѣсколько учебниковъ по разнымъ наукамъ; большую часть изъ этихъ книгъ онъ роздалъ безденежно духовнымъ семинаріямъ и другимъ училищамъ (всѣхъ книгъ было роздано почти на 3000 р.). Затѣмъ онъ открылъ нѣсколько книжныхъ лавокъ не только въ Москвѣ, но и въ другихъ городахъ, Ярославлѣ, Смоленскѣ, Вологдѣ, Твери, Казани, Тулѣ, Глуховѣ, Кіевѣ и др., а въ Москвѣ, кромѣ того, основалъ первую публичную бібліотеку, гдѣ бѣдные люди могли читать книги бесплатно. Вообще, какъ типографъ и книгопродавецъ, издатель и распространитель книгъ, Новиковъ обнаружилъ изумительную, небывалую до того времени дѣятельность. Въ первые три года въ университетской типографіи было напечатано гораздо болѣе книгъ, нежели сколько въ прежніе 24 года ея существованія. вмѣстѣ съ университетской типографіей находилось въ завѣдываніи Новикова и изданіе „Московскихъ Вѣдомостей“. Онъ такъ улучшилъ ихъ, что число подписчиковъ на нихъ, доходившее до 600, возвысилось до 4,000 человекъ. Между прочимъ, такому возвышенію и распространенію Московскихъ Вѣдомостей весьма много способствовало то, что при нихъ Новиковъ издавалъ съ 1783 по 1789 г., какъ прибавленіе, „Дѣтское Чтеніе“, которое у насъ было первымъ дѣтскимъ журналомъ. Между тѣмъ, Шварцъ дѣйствовалъ на педагогическомъ поприщѣ. Въ 1779 г. онъ былъ сдѣланъ профессоромъ нѣмецкаго языка въ университетѣ. Преподавая нѣмецкій языкъ, онъ знакомилъ въ тоже время студентовъ съ лучшими произведеніями нѣмецкой литературы. Въ томъ же 1779 г. была основана при университетѣ „Педагогическая семинарія“ и Шварцъ былъ назначенъ ея директоромъ. Прокофій Акинѣевичъ Демидовъ пожертвовалъ университету 20,000 рублей; на проценты этой суммы положено было готовить въ университетѣ шестерыхъ студентовъ къ учительскому и профессорскому званію, подъ руководствомъ Шварца. Самъ Шварцъ пожертвовалъ для этой цѣли 5000 рублей. Труды Шварца обратили на себя вниманіе. Онъ былъ сдѣланъ профессоромъ философіи и началъ преподавать исторію философіи студентамъ педагогической семинаріи; кромѣ того, у себя на дому, по воскреснымъ днямъ онъ читалъ

„для людей всякаго рола и званія“, лекціи о трехъ родахъ познаниа: любопытномъ, пріятномъ и полезномъ. „Любопытнымъ познаниемъ здѣсь, говоритъ онъ въ началѣ своего курса, пазвано такое, которое питаеть нашъ разумъ, но не есть необходимо для пользы вѣчной, будущей жизни, или спокойствія духа. Любопытное познание заставляеть насъ познавать напр. отъ чего громъ? что такое воздухъ? какимъ образомъ земля производитъ растенія? и прочее сему подобное.... Познание пріятное есть живопись, стихотворство, музыка и тому подобное. Оно удовлетворяеть нашъ слухъ, наше зрѣніе и воображеніемъ питаеть нашъ разумъ. Познание полезное есть необходимое для человѣка. Оно научаеть насъ истинной любви, молитвѣ и стремленію духа къ высшимъ понятіямъ. Къ симъ-то послѣднимъ познаніямъ человѣкъ стремиться долженъ для своего блага: ибо онъ въ сей жизни только путешественникъ, а въ будущей гражданинъ“ (1). Эта программа лекцій Шварца показываеть, что общій строй его міросозерцанія былъ религіозно-мистическій или масонскій; но его масонство не доходило однакожь до такихъ крайностей, въ какія вдавались другіе масоны. Рѣшая всѣ вопросы, оцѣнивая все въ мірѣ съ точки зрѣнія религіозно-нравственной и подчиняя знаніе вѣрѣ, онъ однакожь не отвергалъ значенія наукъ. „Я не отвергаю, говоритъ онъ, совершенно наукъ, преподаваемыхъ человѣками, хотя онѣ и не служатъ къ сооруженію блаженства нашего.... я отвергаю только совершеннѣйшую на нихъ надежду и забвеніе чрезъ то, что человѣкъ умствозаніемъ и надеждою на свои силы, отвращається отъ Бога и подвергаетъ себя проклятію: ибо самое паденіе не иное что есть, какъ отвращеніе себя отъ содѣйствія Бога и учипеніе самого себя средоточіемъ своихъ дѣйствій, чрезъ воззрѣніе на свои собственныя силы и надежду на оныя.... Проходя исторію жизни человѣческой можно примѣтить, что преподаваемыя науки безъ христіанства во зло и смертный ядъ обращаются“ (2). Какъ человѣка истинно религіознаго, Шварца глубоко возмущало скептическое и матеріалистическое ученіе энциклопедистовъ, которые хотѣли обойтись безъ вѣры въ Бога и всю жизнь, дѣятельность и счастье человѣка поставляли въ удовлетвореніи его физическимъ потребностямъ; Шварцъ поставилъ для себя задачуя противодѣйствовать распространенію такого ученія въ русскомъ обществѣ путемъ основательнаго религіозно-нравственнаго образованія русскаго юношества. Въ такомъ направленіи онъ преподавалъ исторію философіи и читалъ

(1) Біографич. словарь московскаго университета II, 594—595.

(2) Тамъ же, стр. 595—596.

свои частныя лекціи. Его лекціи чрезвычайно благотворно дѣйствовали на слушателей и спасали многихъ молодыхъ людей отъ невѣрія. Одинъ изъ учениковъ Шварца, Лабзинъ говоритъ, что Шварцъ „въ самое то время, когда модные писатели поглощались съ жадностію незрѣлыми умами, принявъ на себя благородный трудъ разсѣять сіи возстающіе мраки, и безъ всякаго инаго призыва, по сему единственно побужденію, въ партикулярномъ домѣ, открылъ лекціи новаго рода для всѣхъ желающихъ. Съ ними разбирались оны Гельвеція, Руссо, Спинозу, Ла-Метри и проч., сличалъ ихъ съ противными имъ философами и показывая разность между ними, училъ находить и достоинство каждаго. Какъ будто новый свѣтъ просіялъ тогда слушателямъ! Какое направление и умамъ и сердцамъ далъ сей благодѣтельный мужъ! Издатель (говоритъ о себѣ Лабзинъ) съ благодарными чувствованіями воспоминаетъ сію счастливую эпоху, составляющую и нынѣ первое благо его жизни. Главное и для того времени поразительное явленіе было то, съ какою силою простое слово его исторгло изъ рукъ многихъ соблазнительныя и безбожныя книги, въ которыхъ, казалось, тогда весь умъ заключался, и помѣстило на мѣсто ихъ святую Библію“. Другой слушатель Шварца, Левъ Максимовичъ, говоритъ: „Онъ одинъ могъ совратившееся съ пути истиннаго юношество наставить и убѣдить — исповѣсть свою слабость и признать свою зависимость отъ премудрѣйшаго Строителя вселенной. Все же сіе онъ учинилъ преподаваніями своихъ лекцій у себя на дому, допущеніемъ къ слушанію оныхъ всякаго рода и званія людей и изъясненіемъ отборнѣйшихъ мѣстъ какъ древнихъ, такъ и новѣйшихъ писателей, уразумительнѣйшимъ образомъ доказывающихъ истину Творца, и словъ священнаго Писанія, въ рукахъ его, въ душѣ и при дверяхъ смерти имъ читаемаго и обожаемаго“⁽¹⁾. Въ 1781 г. подъ руководствомъ Шварца было открыто при университетѣ „Собраніе университетскихъ питомцевъ“, а въ 1782 г. „Филологическая или Переводческая семинарія“. Въ „Собраніи“ студенты университета читали разныя свои сочиненія и подвергали ихъ критическому разбору; въ „Филологической семинаріи“ занимались переводами на русскій языкъ лучшихъ иностранныхъ сочиненій. Сочиненія и переводы студентовъ Новиковъ печатались въ своихъ журналахъ: „Московскомъ Изданіи“ (1781 г.), „Вечерней Зарѣ“ (1782 г.) и „Покоющемся Трудолюбцѣ“ (1784 г.).

Такая высокая дѣятельность Новикова и Шварца, естественно, привлекала къ нимъ множество послѣдователей, въ числѣ

⁽¹⁾ Тамъ же, стр. 592.

которыхъ были вліятельные и богатые люди, жертвовавшіе для просвѣдительныхъ и благотворительныхъ цѣлей значительныя суммы денегъ. Изъ этихъ людей и на ихъ средства въ 1782 г. было основано „Дружеское учевое общество“. Открытіе „Общества“ происходило торжественно въ присутствіи самого главнокомандующаго московскаго, графа З. Г. Чернышева, и московскаго митрополита, Платона, которые и приняли его подъ свое покровительство. Общество быстро увеличивалось и считало между своими членами лучшихъ и благороднѣйшихъ людей, каковы были И. В. Лопухинъ, Гамалѣя, Тургеневъ, Херасковъ, Чулковъ, Майковъ, князья Трубецкіе, и др. Задачею общества было: печатаніе разнаго рода книгъ, преимущественно учебныхъ, и разсылка ихъ по училищамъ; распространеніе въ обществѣ разныхъ полезныхъ знаній и особенно содѣйствіе успѣхамъ тѣхъ наукъ, въ которыхъ русскіе мало упражнялись: греческаго и латинскаго языковъ, знанія древностей, свѣдѣній о природѣ; занятія филологическою или переводческою семинаріей и вообще поощреніе къ образованію молодыхъ даровитыхъ людей. Лопухинъ въ своихъ запискахъ говоритъ, что на счетъ „Дружескаго общества“ воспитывалось болѣе 50 семинаристовъ, отданныхъ отъ самихъ епархіальныхъ архіереевъ въ филологическую семинарію; по окончаніи учевія предписаннымъ наукамъ, они, возвратясь къ своимъ мѣстамъ, поступали въ учительское званіе. Въ общество поступали и получали въ немъ образованіе и такія лица, которыя въ послѣдствіи заняли важныя мѣста на службѣ въ администраціи и въ наукѣ и литературѣ; здѣсь между прочимъ воспитались и начали литературную дѣятельность А. М. Кутузовъ, Подшиваловъ, Страховъ, другъ Карамзина Петровъ, Дмитріевъ и самъ Карамзинъ. Въ 1784 г., чрезъ два года по открытіи, „Дружеское учевое общество“ было преобразовано въ „Типографическую компанію“. Цѣли и задачи преобразованнаго общества остались тѣ же самыя; только его дѣятельность, вытекавшая и прежде изъ масонскихъ началъ, получила еще болѣе, чѣмъ прежде, масонскій характеръ. Въ видахъ большаго распространенія масонскаго ученія и въ тоже время противодѣйствія матеріалистическому учевію энциклопедистовъ, общество стало издавать преимущественно мистическія и масонскія книги и продавать ихъ по дешевой цѣнѣ. „Цѣлое море душеспасительныхъ книгъ было противопоставлено адской водѣ вольнодумческихъ и безбожныхъ сочиненій“, говоритъ Невзоровъ объ этомъ времени „Общества“. Усиленіе масонской дѣятельности началось еще съ 1782 г., когда въ Россію припесена была изъ Пруссіи новая система масонства, въ формѣ такъ называемаго Розепкрейцетства. Шварцл, котораго всѣ

его ученики называли „истиннымъ орудіемъ Божиимъ исправленія въ Россіи ордена каменщиковъ“, частію для поправленія разстроеннаго непомѣрными трудами здоровья, а главнымъ образомъ для „снисканія истиннаго масонства“ былъ отправленъ въ 1781 г. за границу. Въ Вильгелмсбаденѣ въ 1782 г. онъ присутствовалъ на масонскомъ конвентѣ, гдѣ, старавіемъ его, Россія была признана самостоятельной провинціей (осьмой) масонскаго ордена; въ Берлинѣ Шварцъ познакомился съ ученіемъ розенкрейцеровъ и привезши его въ Москву, сдѣлался жаркимъ его распространителемъ. Но ему недолго суждено было распространять это ученіе. Начавшіяся въ университетѣ его столкновенія съ кураторомъ Мелиссино и нѣкоторыми профессорами заставили его вскорѣ оставить университетъ. Въ наукѣ и литературѣ университетской преобладало французское направленіе; Шварцъ же не любилъ французской литературы, за ея философію, чуждавшуюся религіознаго направленія, и старался распространить между студентами знакомство съ нѣмецкой литературой и особенно мистической. По выходѣ изъ университета онъ почти постоянно хворалъ и въ 1784 г. скончался.

По смерти Шварца, Новиковъ сталъ во главѣ Дружескаго общества, которое и называлось Новиковскимъ обществомъ. Со времени указаннаго его преобразованія въ Типографическую Компанію, въ немъ началось особенное развитіе филантропической дѣятельности; ово повсюду заводило бесплатныя школы для народа, учреждало больницы и аптеки, оказывало помощь бѣднымъ раздачею хлѣба во время неурожая. Средства для этого доставляли Обществу его богатые и вліятельные члены. Во время неурожая и голода въ Москвѣ въ 1787 г. Новиковъ говорилъ въ собраніи Общества рѣчь и просилъ присутствующихъ оказать помощь страдающимъ. Богатый московскій купецъ Г. М. Походяшинъ такъ былъ тронутъ рѣчью Новикова, что тотчасъ же отдалъ въ распоряженіе Общества все свое миллионное состояніе, съ котораго одного годоваго дохода получалось 60,000 рублей. На суммы Походяшина была произведена безденежная задача хлѣба бѣднымъ въ Москвѣ и ея окрестностяхъ. Другой членъ Дружескаго общества, Лопухинъ, также почти все свое состояніе употребилъ на дѣла благотворительности и помощь бѣднымъ. Князь Репнинъ, будучи губернаторомъ въ Бѣлоруссіи, во время голода въ этой странѣ, содержалъ на собственный счетъ всѣхъ бѣдныхъ двухъ обширныхъ бѣлорусскихъ губерній. Лопухинъ въ своихъ запискахъ рассказываетъ объ одномъ священникѣ въ Орлѣ, который „стараніями своей христіанской любви завелъ больницу, богадѣльню, призрѣніе несчастнорожден-

ныхъ младенцевъ и училище“ (1). Не смотря на такую, въ высшей степени благотворную, дѣятельность, Новиковъ и его общество возбуждали неудовольствіе во многихъ людяхъ и вскорѣ подверглись преслѣдованіямъ. Причины этихъ преслѣдованій, окончившихся уничтоженіемъ всего общества, весьма обстоятельно изложены въ запискѣ Карамзина, поданной имъ въ защиту семейства Новикова, послѣ его смерти, императору Александру Павловичу и въ Запискахъ Лопухина. Какъ тайное общество, составлявшее своего рода *status in statu*, съ своими странными символическими знаками, обрядами и языкомъ, съ своими тайными собраніями и мистическими непонятными квігами, Общество Новикова, естественно, представлялось правительству всегда подозрительнымъ. „Порочили особливо, говоритъ Лопухинъ, тайность общества и его собраній. Для чего, говорили, тайно дѣлать хорошее?“... Эта „тайность“ масонства и странные его обычаи, какъ выше указано, всего сильнѣе возмущали и пугали импер. Екатерину, которая, преслѣдуя его въ своихъ комедіяхъ, называла его нелѣпнымъ обществомъ, а членовъ его мартышками“. По замѣчанію Лопухина, особенно вредило обществу то, что его смѣшивали съ сектой иллюминатовъ, „подлинно вредной и противной христіанству и властямъ“; въ народѣ же тайныя собранія масоновъ подавали поводъ къ самымъ нелѣпнымъ о нихъ слухамъ; на русскихъ масоновъ, которыхъ называли мартинистами, были перенесены всѣ и смѣшныя и ужасныя исторіи, какія рассказывались о разныхъ заграничныхъ масонскихъ обществахъ. „Одни представляли насъ, говоритъ Лопухинъ, совершенными святошами; другіе увѣряли, что у насъ въ системѣ заводитъ вольность; а это дѣлалось около времени французской революціи. Третьи, что мы привлекаемъ къ себѣ народъ и въ такомъ намѣреніи щедро раздаемъ милостыню“ (2). Державинъ въ своихъ Запискахъ говоритъ, что тетка его, Блулова считала масоновъ „отступниками отъ вѣры, еретиками, богохульниками, предавными антихристу; о нихъ разглашали невѣроятныя басни, что они заочно, за нѣсколько тысячъ верстъ, неприятелей своихъ умерщвляютъ и тому подобныя бредни. Просвѣтительныя стремленія общества привлекали къ нему любителей просвѣщенія; но заботясь о распространеніи просвѣщенія, масоны въ то же время холодно и часто пренебрежительно относились къ серьезнымъ научнымъ изслѣдованіямъ; стремясь проникнуть „во всѣ тайнства природы“, они не хотѣли однакоже изучать „природы“ серьезнымъ образомъ, путемъ научныхъ опытовъ. Извѣстно, что даже Новиковъ возста-

(1) Записки, стр. 53. (2) Тамъ же, стр. 20.

валь (въ письмахъ къ Карамзину) противъ современныхъ открытій въ области естественныхъ наукъ, физики и астрономіи, называя напр. новое ученіе о газахъ, воздухѣ и водѣ пустыми словами, а открытіе неподвижныхъ звѣздъ бреднями. Но, не уважая научной физики и химіи, масоны въ тоже время вѣрили въ разныя тайныя науки, въ теософическія мечтанія, герметическую философію, въ алхимію, магію и каббалу. Все это, конечно, не могло нравиться настоящимъ ученымъ людямъ; а приверженцы философіи энциклопедистовъ, на которыхъ они нападали въ своихъ сочиненіяхъ, естественно, смотрѣли на нихъ, какъ на личныхъ враговъ своихъ. „Много такъ же дѣйствовали, говорить Лопухинъ, предубѣжденіе и ненависть, которыми съ невѣжествомъ исполнены люди противъ строгой морали и всякой духовности, коими отличались издаваемые нами книги“ ('). Филантропическіе подвиги и вообще религіозно-нравственное направленіе всей дѣятельности общества всего больше, конечно, могло находить одобренія и защиты въ церкви и ея духовенствѣ, и мы, дѣйствительно, видимъ въ немъ это одобреніе и защиту; но, поставляя вѣру выше науки и считая священное Писаніе единственнымъ источникомъ всякаго знанія, масоны объясняли свящ. Писаніе по своему, отыскивая въ разныхъ его мѣстахъ особый смыслъ и къ чистому христіанскому ученію примѣшивали множество мистическихъ и каббалистическихъ бредней, представлявшихъ смѣсь стараго язычества и новаго іудейства. Если этого искаженія чистаго христіанскаго ученія въ масонствѣ разными мечтаніями, не замѣчали простые православные люди, какъ не сознавали его, можетъ быть, многіе и изъ поступавшихъ въ масонство или же просто расположенныхъ къ нему, то не могли не понимать этого образованные духовные и особенно представители церкви. Если митр. Платонъ, какъ увидимъ ниже, далъ Екатеривѣ такой прекрасный отзывъ о Новиковѣ, что представилъ его образцемъ истиннаго христіанина; то онъ же съ Лопухинымъ всегда спорилъ о масонствѣ и возставалъ противъ него. И самъ Лопухинъ, какъ увидимъ ниже, рассказываетъ въ своихъ Запискахъ, что за его книгу „О внутренней церкви“ нѣкоторые изъ духовныхъ намѣревались было воздвигнуть на него гоненіе. Высокая репутація Новикова и покровительство знатныхъ лицъ спасали „Дружеское общество“ отъ преслѣдованія, пока не разразилась французская революція. Начало этой революціи, говорить Лопухинъ, приписывали тогда вліянію тайныхъ обществъ, а однимъ изъ такихъ обществъ, на взглядъ Екатерины, было и

(') Стр. 21.

общество Новикова. Тогда, естественно, всѣ странности въ ма⁴сонствѣ стали выставляться рѣзче и получили особенный враждебный смыслъ. Лопухинъ, рассказывая о подозрѣнiяхъ противъ Дружескаго общества московскаго генераль-губернатора Прозоровскаго, прибавляетъ: „особливо подозрѣвалъ онъ раздачу милостыни; обо мнѣ отзывался между прочимъ, что я такъ много ее раздаю, что едвали не дѣлаю фальшивыхъ ассигнацій“ (1). Ближайшимъ поводомъ къ началу преслѣдованiй Дружескаго общества послужили незначительныя обстоятельства. Въ 1784 г. Новиковъ самовольно перепечаталъ въ своей типографiи нѣкоторыя изданiя Коммиссии о народныхъ училищахъ и въ „Прибавленiяхъ къ Московскимъ Вѣдомостямъ“ въ томъ же году началъ издавать „ругательную“ исторiю ордена иезуитовъ. Екатерина, покровительствовавшая иезуитамъ, тотчасъ же запретила это изданiе, приказавъ отобрать и уничтожить отпечатанные листы. Въ 1785 г. она предписала московскому генераль-губернатору, графу Брюсу, составить роспись книгамъ, вышедшимъ изъ типографiи Новикова, „наполненнымъ, по ея выраженiю, новымъ расколомъ, для обмана и уловленiя невѣждъ“, и самого Новикова, вмѣстѣ съ этими книгами, отослать къ московскому митрополиту Платону, для испытанiя его въ вѣрѣ. Платонъ, испытавъ Новикова въ вѣрѣ, далъ о немъ такой отзывъ Екатеринѣ: „Какъ предъ престоломъ Божиимъ, такъ и предъ престоломъ твоимъ, всемилостивѣйшая государыня, я одолжаюсь по совѣсти и сану моему донести тебѣ, что молю всецѣдраго Бога, чтобы не только въ словесной паствѣ, Богомъ и тобою мнѣ ввѣренной, но и во всемъ мiрѣ были христiане таковыя, какъ Новиковъ“. Книги же, напечатанныя въ типографiи Новикова, Платонъ раздѣлилъ на три разряда: литературныя, мистическiя и сочиненiя энциклопедистовъ. О литературныхъ онъ сказалъ: желательнo, чтобы онѣ болѣе и болѣе были распространяемы и содѣйствовали бы образованiю; о мистическихъ книгахъ замѣтилъ, что онѣ ихъ не понимаетъ и потому не можетъ судить о нихъ; сочиненiя же энциклопедистовъ призналъ за вредныя. Послѣ такого отзыва Платона, Новиковъ былъ оставленъ въ покоѣ и снова принялся за свою издательскую и книгопродавческую дѣятельность. Но вскорѣ случились обстоятельства, которыя болѣе прежняго усилили въ Екатеринѣ подозрѣнiе противъ Новикова и возбудили противъ него уже такое преслѣдованiе, которое окончилось закрытiемъ общества и осужденiемъ и наказанiемъ Новикова и всѣхъ его сотрудниковъ. Обстоятельства эти изложены въ упо-

(1) Стр. 35.

манутой выше Запискѣ Карамзина. 1) Одинъ изъ членовъ общества, архитекторъ Баженовъ писалъ изъ Петербурга своимъ друзьямъ въ Москвѣ, что онъ, говоря о масонахъ съ великимъ княземъ, Павломъ Петровичемъ, удостовѣрился въ его добромъ о нихъ мнѣнii. Екатерина, когда ей передали это письмо, подумала, что масоны хотятъ привлечь къ себѣ великаго князя. 2) Новиковъ, какъ выше замѣчено, во время неурожая, роздалъ много хлѣба бѣднымъ людямъ; не зная, что на покупку хлѣба давалъ деньги Походяшинъ, удивлялись богатству Новикова и такую щедрость приписывали его желанiю привлечь на свою сторону простой народъ. 3) Новиковъ велъ переписку съ прусскими масонами, хотя не политическую, но въ то время, когда русскiй дворъ находился въ явной неприязни съ берлинскимъ. 4) Наконецъ, было еще обстоятельство, неизвѣстное Карамзину. Одинъ изъ членовъ Новиковскаго общества, какой то баронъ Шредеръ, поссорившись съ Новиковымъ, уѣхалъ за границу и сталъ оттуда писать къ нему такіа письма (письма эти были перехвачены на почтѣ), которыа содержанiемъ своимъ должны были убѣдить правительство въ основательности его подозрѣнiя противъ Новикова. Но всѣ эти обстоятельства не получили бы такого важнаго значенiя въ глазахъ Екатерины и не повели бы къ такимъ печальнымъ послѣдствiямъ, если бы сама Екатерина въ это время уже не измѣнила своихъ прежнихъ взглядовъ на литературу и писателей и въ частности на Новикова. Въ просвѣтительной дѣятельности Новикова, которую она сначала такъ громко одобряла, она видѣла въ это время уже гораздо болѣе, чѣмъ „свободомысліе и свободозвѣчіе“, которыа осудила въ Фовъ-Визинѣ за его „Вопросы“. Ей уже не нравилась та смѣлая и подѣ часъ очень рѣзкая борьба, какую Новиковъ велъ въ своихъ журналахъ противъ разныхъ злоупотребленiй въ русской жизни, и то негодованiе, съ какимъ онъ возставалъ противъ крѣпостнаго права и вступался за угнетенный и страдающiй простой народъ. Такимъ негодованiемъ, какъ мы увидимъ ниже, были проникнуты многія статьи, особенно въ „Покоющемся Трудолюбцѣ“ и въ „Прибавленiяхъ къ Московскимъ Вѣдомостямъ“ за 1784 г. Съ запрещенiя нѣкоторыхъ изъ этихъ статей и начались преслѣдованiя Новикова. Когда, по истеченiи 10-лѣтняго срока, Новиковъ захотѣлъ возобновить контрактъ на дальнѣйшее содержанiе университетской типографіи и изданiе Московскихъ Вѣдомостей, Екатерина приказала: „Новикову не отдавать типографіи: c'est un fanatique“; въ другой разъ она отозвалась о немъ, какъ о человѣкѣ умномъ, но опасномъ. При такомъ положенiи дѣлъ, „Типографическая Компанiя“ не могла существовать и въ 1791 г. закрылась. За закрытіемъ „Компанiи“ послѣдовало

вскорѣ и совершенное уничтоженіе всего Новиковскаго общества.⁴ Объ этомъ уничтоженіи Лопухинъ такъ рассказываетъ въ своихъ Запискахъ: „Наконецъ въ апрѣлѣ 1792 г. рѣшилось много разъ предприемлемое пораженіе нашего общества. Вдругъ всѣ книжныя лавки въ Москвѣ запечатали, такъ же типографію, книжныя магазины Новикова и дома его наполнили солдатами, и онъ изъ подмосковной взятъ былъ подъ тайную стражу съ крайними предосторожностями и съ такими воинскими нарядами, какъ будто на волоскѣ тутъ висѣла цѣлость всей Москвы“ (1). Три недѣли Новиковъ содержался въ Москвѣ, а потомъ былъ отвезенъ въ Шлиссельбургскую крѣпость. Вмѣстѣ съ Новиковымъ подвергнуты были допросу и его товарищи по нарочно составленнымъ и просмотрѣннымъ самой Екатериной пунктамъ; И. П. Тургеневъ и князь Н. И. Трубецкой были сосланы на житье въ деревни, а Лопухинъ, представившій въ своихъ отвѣтахъ самое правдивое описаніе дѣйствій своего общества и самую смѣлую его защиту, оставленъ былъ въ Москвѣ, „ради дряхлаго и больного своего отца“. Все имѣніе Новикова и его Общества, дома, аптеки и типографіи были проданы съ публичнаго торга, а мистическія книги сожжены. Новиковъ находился въ крѣпости четыре года. По смерти Екатерины, въ 1795 г. импер. Павелъ Петровичъ въ первый же день своего царствованія освободилъ Новикова. Желая загладить обиды матери, онъ, по разсказу Витберга, просилъ у Новикова прощенія за нее и при этомъ будто бы всталъ даже на колѣни. Во время несчастнаго положенія Новикова вполнѣ обнаружались съ одной стороны всѣ его обширныя связи и значеніе въ обществѣ, а съ другой благоговѣйное уваженіе и самоотверженная любовь къ нему людей близкихъ и знавшихъ его. Другъ и домашній докторъ, Багрянскій испросилъ дозволеніе раздѣлить съ нимъ все время заключенія въ крѣпости; другой другъ его, Гамалѣя провелъ около него въ селѣ Тихвинскомъ послѣдніе годы его жизни. Рассказывая о возвращеніи Новикова изъ Шлиссельбургской крѣпости, Гамалѣя, между прочимъ, говоритъ: „Дивны дѣла милосердаго Господа Бога нашего.... Нѣкоторое отсвѣчиваніе лучей небесной радости видѣлъ я на здѣшнихъ поселявахъ, какъ они обнимали съ радостными слезами Николая Ивановича, вспоминая при томъ, что они въ годный годъ великую чрезъ него помощь получали; и то не только здѣшніе жители, но и отдаленные чужихъ селеній“.... Послѣдніе годы жизни Новиковъ провелъ въ бѣдности и страдая отъ разныхъ болѣзней, которыя были неизбѣжнымъ послѣдствіемъ его

(1) Зап. стр. 38.

заключенія въ крѣпости; но при физическихъ страданіяхъ онъ всегда сохранялъ свою бодрость духа и до смерти оставался вѣренъ своимъ убѣжденіямъ. „Помните, говорилъ онъ одному изъ своихъ знакомыхъ незадолго до своей кончины, слова хоть и глупаго по старика: всѣ науки сходятся въ Религіи; лишь въ ней разрѣшаются ихъ важнѣйшія проблемы; безъ нея никогда не доучитесь, а притомъ и не будете спокойны“. Новиковъ скончался 31 іюля 1778 года.

Такова была судьба одного изъ лучшихъ людей просвѣтительнаго вѣка Екатерины, всѣхъ больше заботившагося объ истинномъ просвѣщеніи русскаго народа. Какъ въ первый періодъ своей дѣятельности въ Петербургѣ Новиковъ былъ горячимъ ревнителемъ просвѣщенія, такъ и въ Москвѣ, сдѣлавшись масономъ, онъ не измѣнилъ своихъ убѣжденій и ратовалъ главнымъ образомъ не за интересы масонства, съ его тайными обрядами и мистическими мечтаніями, но за интересы просвѣщенія; только это просвѣщеніе во первыхъ основывалось уже не на общихъ, какъ прежде, раціоналистическихъ началахъ, но на религіозно-нравственныхъ началахъ масонскаго ученія, и во вторыхъ происходило не только въ народномъ духѣ, но и относилось непосредственно къ народу, имѣло въ виду духовныя и матеріальныя потребности народныхъ массъ. Этою чертою дѣятельность Новикова отличается отъ дѣятельности другихъ просвѣтителей этой эпохи. Всѣ эти просвѣтители имѣли въ виду просвѣщеніе аристократическое, выработанное въ Европѣ въ высшихъ аристократическихъ кружкахъ и философскихъ и литературныхъ салонахъ, съ аристократическими стремленіями, совершенно противоположными интересамъ народа. Новиковъ заботился собственно о просвѣщеніи и улучшеніи быта народныхъ массъ. Искорененіе народнаго невѣжества, народныхъ суевѣрій и пороковъ, распространеніе народныхъ школъ, книгъ для народнаго чтенія, народныхъ больницъ, аптекъ и другихъ благотворительныхъ заведеній — вотъ что, какъ мы видѣли, составляло программу просвѣтительной дѣятельности Новикова. Правда, народное направленіе стало выражаться въ литературѣ съ самаго начала царствованія Екатерины; но оно выражалось въ стремленіи изучить прошлую исторію народа, воскресить, въ поученіе и примѣръ современному русскому обществу, его подвиги, его добрыя качества. Въ такомъ общемъ направленіи народномъ сначала дѣйствовалъ на литературномъ поприщѣ и Новиковъ, когда онъ въ Петербургѣ издавалъ „Древнюю російскую Вивлюику“, „Опытъ словаря о російскихъ писателяхъ“, „Повѣствователю о російскихъ древностяхъ“ и проч.; но онъ не остановился на этомъ. Во второй періодъ своей дѣятельности въ Москвѣ, онъ обратилъ

вниманіе на русскую народность и русскій народъ въ настоящемъ его положеніи, на современныя нужды и потребности народа. Такимъ образомъ въ вопросѣ о народности, поднятѣмъ въ вѣкѣ Екатерины, Новиковъ первый указалъ на то, что недостаточно заботятся объ изученіи древней народной исторіи, о сохраненіи народнаго духа и народныхъ преданій, но надобно имѣть въ виду и настоящее состояніе народныхъ массъ, ихъ просвѣщеніе, ихъ нужды и потребности.

Масонскіе журналы Новикова. Какъ въ первый періодъ своей дѣятельности въ Петербургѣ, проводя въ своихъ журналахъ общія образовательныя идеи вѣка, Новиковъ, подобно другимъ журналистамъ, боролся съ разными предрассудками и пороками, препятствовавшими просвѣщенію, и потому преобладающимъ направлениемъ въ его журналахъ было направление сатирическое; такъ и во второй періодъ, проводя въ общество и народъ религіозно-нравственное ученіе, онъ боролся съ ученіемъ энциклопедистовъ, которое совершенно уничтожало религію и нравственность, и его дѣятельность имѣла полемическое направленіе. Это полемическое направленіе, смѣнившее собою сатирическое направленіе перваго періода, выразилось въ извѣстныхъ его журналахъ: „Утреннемъ Свѣтѣ“, „Московскомъ изданіи“, „Вечерней Зарѣ“ и „Покоющемся Трудолюбцѣ“. Большая часть статей во всѣхъ этихъ журналахъ дидактическаго, или, какъ тогда говорили, нравственно-философскаго характера; но во всѣхъ ихъ помѣщались статьи объ энциклопедистахъ и о масонствѣ. „Когда бывало болѣе въ употребленіи, говоритъ одна статья въ „Утреннемъ Свѣтѣ“, осмѣивать законъ учредителей и блаженныя учрежденія онаго, какъ не въ сіе время? Въ которое время равнодушіе къ вѣрѣ было всеобщее? Когда имѣли менѣе вѣры о Провидѣніи, вѣчности и Судѣ? Никогда, развѣ только во времена Ноя, когда уже духъ человѣковъ весь учинился плотію, и проповѣдникъ правосудія былъ осмѣянъ“⁽¹⁾. Главными виновниками такого упадка вѣры и нравственности Утренній Свѣтъ считаетъ философовъ XVIII в. „Все, что человѣкъ до сего времени писалъ въ пользу души своей, все то множествомъ чувственныхъ правоучителей сихъ днесь опровергается“⁽²⁾. Въ сочиненіи „Путешествіе добродѣтели“ перечислены писатели, достойные порицанія и между ними названы: „Свифтъ, унижающій природу человѣческую предъ конскою; Ропефукольтъ, учащій, что нравы человѣческіе состав-

(1) Утренній Свѣтъ ч. III, 324. (2) Ч. IV, 218—219.

лены изъ страстей, какъ тѣло изъ стихій; Руссо, Вольтеръ, Бэйль, Ламетри и Гельведій“. Опровергая матеріалистическое ученіе этихъ писателей, Утренній Свѣтъ повсюду старается показать духовность и безсмертіе души человѣческой. Въ предисловіи къ „Московскому ежемѣсячному изданію“ издатель говоритъ: „Причиною, побудившею насъ къ такому предпріятію, было состраданіе, которое всякой человѣкъ мыслящій человѣчески чувствуетъ, когда слышитъ, что люди, отъ природы великими способностями одаренные, въ воспитаніи ученостію украшенные и между людьми почтенные, говорятъ и худятъ съ надменнымъ и увѣрительнымъ видомъ законъ, ко спасенію рода человѣческаго первыми людьми свыше полученный и намъ преданіемъ доставленный, и когда взираетъ на простодушныхъ людей, внимающихъ прилежно умствованію оныхъ вольномысленныхъ мудрецовъ, почитающихъ себя побѣдившими всѣ народныя предрасудки и низкое суевѣріе искоренившими“. Подъ этими мудрецами разумѣются энциклопедисты. Возставая противъ этихъ ученыхъ, издатель не думаетъ винить ни науку, ни знаніе и указываетъ только на злоупотребленіе ими, на ложное ихъ направленіе. „Причина всѣхъ заблужденій человѣческихъ есть невѣжество, а совершенства — знаніе. Но, можетъ быть, скажутъ покровители и защитники необдѣланной грубости, что мы видимъ весьма многихъ ученыхъ, которые болѣе предаются порокамъ и заблужденію, нежели самые грубые невѣжды, и что вся мерзость, какая только находится на земномъ шарѣ, да и самое невѣріе, или безбожіе суть плоды учености. Такъ, конечно: но сіе не отъ наукъ происходитъ, но отъ невѣжества въ наукахъ. Хотя многіе между людьми прославились въ нѣкоторыхъ частяхъ учености и имена свои предали бессмертію; однако они при всей своей славѣ могутъ быть сущіе невѣжды. Всѣхъ познаній и наукъ предметъ есть тройкой: мы сами, природа или натура и Творецъ всяческихъ. Если ученый не соединитъ оныхъ трехъ предметовъ во едино и всѣ свои познанія не устремитъ къ совершенному разрѣшенію оной загадки: на какой конецъ человѣкъ родится, живетъ и умираетъ, и ежели онъ при учености своей злое имѣетъ сердце, то достоинъ сожалѣнія и со всѣмъ своимъ знаніемъ есть сущій невѣжда, вредный самому себѣ, ближнему и цѣлому обществу“. Авторъ жалуется далѣе, что „многіе вышшняго вѣка высокіе и купно низкіе любомудрцы философы“, вмѣсто истинной философіи, „прославляютъ систему, состоящую въ послѣдованіи склонностямъ своимъ, каковы-бы онѣ ни были, и куда бы ни стремились, говоря, что природа, естество или натура къ тому насъ побуждаетъ, и что безумно налагать оковы на природу, виновницу толикихъ удо-

вольствій и сладости“ (1). Въ „Вечерней Зарѣ“ почти всѣ статьи философскаго или дидактическаго характера направлены къ опроверженію ученія энциклопедистовъ. Но особенно такимъ свойствомъ отличается „Слово о вольнодумцахъ и невѣрующихъ“ Жака Сорена. „До какой неумѣренности, говоритъ авторъ этого слова, надобно дойти, чтобы опровергать вѣру, безъ которой ничего инаго ожидать не можно, какъ злосчастія! Кто изъ самыхъ счастливѣйшихъ людей не имѣеть нужды въ пособіи вѣры? Сколько превратовъ въ политикѣ! сколько досадъ въ военнослуженіи! сколько приключеній въ торговлѣ! сколько неизвѣстностей въ наукахъ!... Невѣрующій есть возмутитель общаго спокойствія, который тѣмъ самымъ, что предпріемлетъ разрушить основанія вѣры, предпринимаетъ разрушить и основанія общества. Общество не можетъ существовать безъ вѣры. Объяснить сіе предложеніе значить рѣшить предварительно хитросплетенія, оному противопологаемыя. Первое изъясненіе. Когда мы сказываемъ, что общество не можетъ существовать безъ вѣры: то мы въ семъ нашемъ предложеніи не включаемъ всѣхъ въ мірѣ вѣръ. Мы подъ тѣмъ разумѣемъ тѣ только первѣйшія вѣры начала, которыя суть основаніемъ добродѣтели, какъ-то созданіе и искупленіе міра, провидѣніе, безсмертіе души и будущій судъ. Но какъ вольнодумцы и невѣрующіе противопологаютъ намъ изъ зыческаго богослуженія послѣдовавшій обществу вредъ: то сіе ничего противу насъ не заключаетъ, но паче къ нашей пользѣ служить. Второе изъясненіе. Когда мы сказываемъ, что общество не можетъ существовать безъ вѣры: то мы не разумѣемъ, что спасительныя правила вѣры изъяты суть отъ всѣхъ злоупотребленій и несчастныхъ случаевъ, обществу вредныхъ. Итакъ противопологаемыя намъ войны, крестныя походы, гоненія, суетвѣріемъ причиненныя, къ нашему предложенію не касаются. Третіе изъясненіе. Когда мы сказываемъ, что общество не можетъ существовать безъ вѣры: то мы не утверждаемъ, что въ обществѣ вѣрныхъ не могутъ произойти непорядки; но мы только сказываемъ, что сіи непорядки, каковы бы они ни были, не могутъ быть соразмѣрны съ тѣми пользами, какія вѣра оному доставляетъ. И потому всѣ, противопологаемыя намъ возмущенія, какія произвела въ нѣкоторыхъ обстоятельствахъ ревность, предложенія нашего не затрасаютъ. Четвертое изъясненіе. Когда мы сказываемъ, что общество не можетъ существовать безъ вѣры: то мы не сказываемъ, что одна токмо вѣра производитъ добродѣтели, въ обществѣ сіаю-

(1) Моск.в. Ежемѣсяч. Изданіе 1781. Ч. I. Предисловіе, стр. V, VI, X, XI, XV.

щія, а побужденія человѣческія въ нашихъ сердцахъ не дѣйствительны; но полагаемъ только то, что вѣра сама въ себѣ есть бесконечно способнѣе, нежели побужденія человѣческія, ко благоустроению общества. И потому изчисленіе добродѣтелей, происходящихъ единственно отъ воспитанія, или отъ сложенія, не наноситъ никакого вреда основаніямъ, кои мы утвердить тщимся. Последнее изъясненіе. Когда мы говоримъ, что общество не можетъ существовать безъ вѣры, то не говоримъ, что всякой атеистъ и всякой деистъ долженъ по сему самому предаться всѣмъ родамъ пороковъ, и что впадшіе въ невѣріе изъ всѣхъ человѣковъ наизвратнѣйшіе суть; мы признаемъ, что многіе изъ такихъ людей жили порядочнымъ образомъ: но мы говоримъ токмо то, что невѣріе само въ себѣ отворяетъ дверь всѣмъ порокамъ, и что судя по образу, какимъ люди составлены, ежели бы они не вѣровали въ Бога, ежели бы не вѣрили никакому суду, никакому провидѣнію, то увидали бы мы, что безпорядки ихъ весьма бы умножились.... Ибо, ежели бы не было вѣры, то каждый членъ общества могъ бы дѣлать, что ему угодно; и тогда всякъ подалъ бы поводъ своимъ страстямъ, всякъ употреблялъ бы свою силу, чтобъ угнѣтать безсильнаго, свою хитрость, чтобы обмануть простодушнаго, свое краснорѣчіе, чтобы прельстить имовѣрнаго; свою довѣренность, чтобы разорить торговлю; свою власть, чтобы нанести вездѣ страхъ, ужасъ, мучительство, кровопролитіе. Непорядки ужасные по ихъ свойству, но необходимые по началамъ невѣрія! Ибо ежели вы предполагаете, что безъ помощи вѣры сіи безпорядки предупреждены быть могутъ: то должны вы приписать сіе дѣйствіе или пользѣ личной, или честности свѣтской, или законамъ человѣческимъ? Затѣмъ авторъ объясняетъ, что ни польза, ни честность, ни законы вѣры замѣнить не могутъ, потому что и существовать сами они могутъ только при вѣрѣ⁽¹⁾. Въ „Покоющемся Трудолюбцѣ“, издатель, возставая противъ фанатизма всякаго рода, говоритъ: „Этой неосновательной ревностію, этимъ духомъ лжесвятости и суевѣрія заражены и атеисты, ибо ихъ ученіе есть тоже фанатическая вѣра. Атеисты отвергаютъ все, въ чемъ есть только малѣйшее затрудненіе для пониманія; они отвергаютъ даже согласное съ здравымъ разсудкомъ и основывающееся на понятіи вѣковъ и народовъ; въ слѣдствіе этого ихъ системы требуютъ безразсуднѣйшей легковѣрности къ принятію ихъ“. „Пріемля всѣ главнѣйшія положенія атеизма, какъ-то: случайное и вѣчное міробытіе, мысленность вещества, смертность души, случайный составъ тѣла, подвижность

(1). Вечер. Заря 1781 ч. III, стр. 113—151.

матеріи и тому подобное, и составивъ изъ нихъ особый символъ вѣры славнѣйшихъ атеистовъ, я охотно бы спросилъ ихъ, гдѣ больше требуется вѣры: къ принятію ихъ ли символа, или символа вѣры? Ихъ ли изложенія вразумительнѣе и вѣроятнѣе, или каждый догматъ и каждое слово религіи? „Неувѣрившись по истинѣ, замѣнять ее еще меньше вѣроятія достойными видумками не значитъ объяснять вещь“. — Рядомъ съ статьями противъ энциклопедистовъ, во всѣхъ указанныхъ журналахъ помѣщаются и статьи масонскаго характера. Изъ нихъ болѣе замѣчательны: въ Утреннемъ Свѣтѣ двѣ статьи о терапевтахъ и эссеяхъ, которыхъ масоны считали своими предшественниками; статьи подъ заглавіемъ: „Списокъ съ одного весьма рѣдкаго манускрипта“, содержащія подробное описаніе мистическаго рисунка „храма природы и премудрости“; письмо къ издателямъ Утренняго Свѣта — о таинствахъ масонства и связи ихъ съ мистеріями древнихъ. Въ Московскомъ изданіи, въ статьяхъ „Празднаго времени упражненіе“ и „Состояніе человѣка предъ грѣхопадєніемъ“ изложены основныя начала масонства. Въ послѣдней изъ нихъ говорится о преемственной передачѣ таинственныхъ знаній со временъ Адама. „Адамъ понималъ сущность всѣхъ вещей, что для насъ недоступно. Съ падєніемъ и изгнаніемъ изъ рая умъ его затмился; у него явилась подозрительность къ очевидной истинѣ, и заключенія его стали основываться на наружности вещей. Но у Адама сохранилась память. Посредствомъ ея онъ и наставлялъ своихъ потомковъ въ наукахъ, почерпнутыхъ изъ Едема. Съ уменьшеніемъ продолжительности человѣческой жизни, съ размноженіемъ и населеніемъ людей, эти наставленія перестали переходить въ прежней чистотѣ; человѣчество пришло къ заблужденіямъ и почти совершенной гибели едемскихъ познаній, которыя и сохраняются теперь лишь у немногихъ въ прежней силѣ и совершенствѣ. Одно изъ такихъ познаній состоитъ въ умѣннйи приготовить универсальное или всеобщее лѣкарство... „Есть на землѣ, говорится въ статьѣ „Празднаго времени упражненіе“, нѣкоторые Богомъ избранные альхимисты адепты, могущіе внутреннѣи наши болѣзни и пороки поправить универсальнымъ или всеобщимъ лѣкарствомъ. Но то несчастіе наше, что таковыхъ праведныхъ весьма мало находится“ (1). Въ „Вечерней Зарѣ“ масонское направленіе выразилось въ „Предувѣдомленіи къ читателямъ“ и въ статьяхъ „о египетскомъ богословіи или египетскомъ ученіи“. Въ предувѣдомленіи къ читате-

(1) Москов. Изданіе 1781 ч. I стр. 136.

лямъ, указывая на то, что „Вечерняя Заря“ служитъ продолженіемъ „Утренняго Свѣта“, издатель говоритъ: „Сколько справедливо начало сего изданія, въ разсужденіи несовершенства человѣческихъ познаній, получило названіе „Утренняго Свѣта“, столько правильно причислуется ему и имя „Вечерней Зари“. Ибо, сравнивая теперешнее наше состояніе съ тѣмъ, въ которомъ нашъ праотецъ до паденія блисталъ полдневнымъ свѣтомъ мудрости, находимъ, что свѣтъ нашего разума едва можно уподобить и вечернему свѣту. Почему кажется, что прежнее утро согласно съ симъ вечеромъ. Имя же „Зари“ дали мы для того, что во время сіянія ея надъ нашимъ горизонтомъ мы обыкновенно отправляемъ наши работы, и притомъ служитъ оно намъ правоучительнымъ и прекраснымъ „гіероглифомъ“. „Премудрый Зиждатель вселенныя, соорудивъ сей видимый міръ, утвердилъ для освѣщенія онаго на тверди небесной безчисленное множество блистающихъ свѣтилъ; въ маломъ же мірѣ т. е. человѣкѣ, для освѣщенія его путей, возжегъ свѣтъ разума, который сначала такъ былъ великъ, что не было такой глубокой тайны, которой бы онъ не проникалъ. Но симъ свѣтомъ не долго пользовался нашъ праотецъ... Человѣческій разумъ несчастнымъ паденіемъ нашего праотца весьма потемнился, и сіе-то изображаетъ нашъ смутной и блѣдной свѣтъ „Вечерня Зари“. Но онъ гораздо умноженъ и почти въ прежнее состояніе приведенъ быть можетъ, когда воля наша въ дѣйствіяхъ, а разумъ въ познаніяхъ, подражая „Вечерней Зарѣ“, которая непрестанно слѣдуетъ за солнцемъ, будетъ теченіе свое править за великимъ свѣтомъ Божества“⁽¹⁾. Статьи: „Изъ таинственныхъ египетскія Богословія нѣчто о Богѣ“; „Изъ египетской Богословіи: для чего Богъ называется свѣтомъ и о связи міровъ“; „Египетское ученіе о познаніи душевнаго безобразія и красоты“; „Египетское ученіе: что душа, будучи погружена въ чувственномъ, не старается о мысленномъ; когда же возвысится къ мысленному, тогда презираетъ чувственное“⁽²⁾ не заключаютъ въ себѣ ничего особенно характернаго; египетскимъ же называется излагаемое въ нихъ ученіе потому, что масоны начало своихъ обществъ и своего таинственнаго ученія полагали въ древнихъ египетскихъ мистеріяхъ.

⁽¹⁾ Вечер. Заря 1782 г. ч. I, ⁽²⁾ Ч. I. стр. 79—80. 167—168
261—263.

Масонская литература, переводная и оригинальная.

Кромѣ статей въ указанныхъ журналахъ, о масонствѣ существовали въ литературѣ нашей и отдѣльныя сочиненія, не только переводныя, но и оригинальныя. Переводы сочиненій западныхъ мистиковъ, сообщившихъ особенную силу и движеніе масонскимъ обществамъ вообще, Якова Бема, Пордетча, Иоанна Арндта, Шведенборга, Сень-Мартена, Эккертгаузена, Юнга Штилинга и др. стали появляться у насъ очень рано. Лабзинъ видѣлъ русскій переводъ сочиненій Бема въ рукописи XVII в., въ заглавіи которой даже было написано: „Иже во святыхъ отца нашего Иакова Бемена“. Причиною такого уваженія къ Бему, до которому его ставили на ряду съ писаніями святыхъ отецъ, было, конечно, то, что въ нихъ находится очень много назидательныхъ размышленій и трогательныхъ молитвъ. Нѣкоторыя изъ этихъ молитвъ были напечатаны Новиковымъ отдѣльно для практическаго употребленія въ масонскихъ обществахъ. Девять отдѣльныхъ сочиненій Бема за границей были сокуплены въ одну книгу, подъ именемъ: „Путь ко Христу“. Эта книга была переведена на русскій языкъ и издана Лабзинымъ, подъ заглавіемъ: „Christosophia, или путь ко Христу, въ девяти книгахъ, твореніе Иакова Бема, прозваннаго тевтоническимъ философомъ, переводъ съ нѣмецкаго Спб. 1815“. Въ предисловіи къ этой книгѣ изложена біографія Бема и перечислены всѣ его сочиненія. Изъ рукописныхъ переводовъ сочиненій Бема извѣстны были: „О тройственной жизни“, „О благодатномъ избраніи“ и „Mysterium magnum“. Изъ сочиненій другаго мистика Сень-Мартена особенно извѣстностію пользовалась у насъ книга „О заблужденіяхъ и истинѣ, или возваніе челоѣческаго рода ко всеобщему началу знанія“. Въ книгѣ указывается путь, по которому должно шествовать къ пріобрѣтенію физической очевидности о происхожденіи добра и зла, о челоѣкѣ, о натурѣ вещественной и о натурѣ священнои, о основаніи политическихъ правленій, о власти государей, о правосудіи гражданскомъ и уголовномъ, о наукахъ, языкахъ и художествахъ. Философа неизвѣстнаго. Перев. съ французскаго П. И. Страхова (студента, въ послѣдствіи профессора физики въ Москов. унив.) М. 1785. Книга съ самаго начала своего воззванія обратила на себя вниманіе и вызвала сочиненіе: „Ключъ къ заблужденію и истинѣ или возваніе челоѣческаго рода ко всеобщему началу разсудка“, 1789 г. Противъ нея также вооружился и подвергъ строгой критикѣ Мерсе, въ своей книгѣ „Картина Парижа“, гдѣ между прочимъ послѣдователи Сень-Мартена и Бема въ первый разъ были названы мартинистами. Въ 1790 г. въ Туль было напечатано „Измѣдованіе книги о заблужденіяхъ и истинѣ“, заключающее очень серьезный

разборъ мечтательныхъ мнѣній Сенъ-Мартена. Въ 1787 г. была переведена и напечатана книга англійскаго мистика, доктора Пордетча „Божественная и истинная метафизика, или дивное и опытною приобрѣтенное вѣдѣніе невидимыхъ и вѣчныхъ вещей“, заключающее въ себѣ систематическое изложеніе ученія Бема (¹). Въ большомъ также употребленіи была книга Арндта „Объ истинномъ христіанствѣ“, переведенная И. Тургеневымъ въ 1783 г. Лопухинъ въ своихъ запискахъ замѣчаетъ, что книги Арндта и Сенъ-Мартена были первыми книгами, которыя родили въ немъ охоту къ чтенію духовныхъ сочиненій и отвлекли его отъ книгъ энциклопедистовъ, которыми онъ сначала увлекался. Изъ сочиненій собственно масонскихъ были переведены на русскій языкъ въ разныя времена: Духъ масонства. Нравоучительныя и изтолковательныя рѣчи Вильгельма Гучинсона 1783. Въ этомъ сочиненіи говорится „о происхожденіи вольнаго каменщикства, начало котораго относится ко времени Адама, объ обрядахъ, обыкновеніяхъ и учрежденіяхъ древнихъ; о ложахъ и клейнодахъ каменщиковъ; о тайнствахъ, о любви братской и проч.—Карманная книжка для В... К... и для тѣхъ, которые не принадлежать къ числу оныхъ“. Перевод. съ нѣм. Оболдуева. Спб. 1779. Не смотря на общій смыслъ философскихъ мыслей и нравственныхъ правилъ, содержащихся въ этой книжкѣ, она, видимо, была переведена и напечатана для того, чтобы служить проводникомъ масонства въ Россіи, что и подтверждается особенно нѣкоторыми разсужденіями, написанными въ мистическомъ направленіи. „Хризомандеръ—аллегорическая и сатирическая повѣсть различнаго весьма важнаго содержанія“. Съ нѣмецкаго перев. А. А. Петрова. М. 1783. Въ этой повѣсти, подъ видомъ приключеній и чудныхъ превращеній, совершающихся съ описываемыми лицами, открывается тайна алхиміи, состоящая въ процессѣ такъ называемаго великаго дѣла т. е. составленія философскаго камня“. „Химическая псалтырь о камнѣ мудрыхъ, Теофраста Парацельса. Перев. съ нѣм. А. М. Кутузова М. 1784. Книжка состоитъ изъ 157 приемовъ, служащихъ къ добыванію философскаго камня. „Апология“, или защищеніе ордена вольныхъ каменщиковъ. Перев. съ нѣм. М. 1784. Тайнство Креста Иисуса Христа и членовъ его. М. 1784. Книгу эту съ нѣмецкаго переводили Кутузовъ и докторъ Багрляскій.

(¹) Книга эта подробно описана у г. Губерти: «Хронологическое обозрѣніе рѣдкихъ и замѣчательныхъ русскихъ книгъ XVIII ст., напечатанныхъ въ Россіи гражданскимъ шрифтомъ 1725.—1800». Чт. Общ. истор. и древн. 1879. Кн. 4. Стр. 230.

Она состоитъ изъ XV главъ, содержащихъ въ себѣ мистическое объясненіе таинства креста ⁽¹⁾. Переводомъ масонскихъ и вообще мистическихъ сочиненій занимались студенты педагогической семинаріи и многіе члены Новиковскаго общества: Тургеневъ, Гамалѣя, Лопухинъ и др. — Кромѣ того, какъ изъ сочиненій энциклопедистовъ, Дидро, Даламбера и др. дѣлались сборники лучшихъ мѣстъ, такъ подобныя же сборники составлялись и изъ масонскихъ сочиненій. Изъ нихъ извѣстны: „Серафимскій цвѣтникъ, или духовный экстрактъ изъ всѣхъ сочиненій Іакова Бема, собранный (въ 1794 г. подъ руководствомъ Новикова) въ весьма полезную ручную книжку, могущую въ разсужденіи великаго таинства въ завѣтѣ соединенія души съ Богомъ возжигать сердце и умъ къ молитвѣ, воздыханію, благоговѣнію и возбуждать къ горячности посредствомъ непрестаннаго воспоминанія, поощренія и упражненія въ новомъ рожденіи“ ⁽²⁾. „Избранная Библіотека для христіанскаго чтенія М. 1784. Вышло четыре книжки или части. Въ первой части былъ помѣщенъ переводъ съ латинскаго сочиненія Томы Кемпійскаго „О подражаніи Іисусу Христу“. „Магазинъ свободно-каменьщическій“, содержащій въ себѣ рѣчи, говоренныя въ собраніяхъ, пѣсни, письма, разговоры и другія разныя краткія писанія стихами и прозою М. 1784. Вышло три части. Два послѣдніе сборника издавались въ типографіи Лопухина ⁽³⁾. Подъ вліяніемъ переводныхъ, писались и оригинальныя масонскія сочиненія; но такихъ сочиненій вообще появлялось не много. Въ нихъ упражнялись главнымъ образомъ тѣ же дѣятели въ масонскомъ обществѣ, на которыхъ уже указано выше: Тургеневъ, написавшій по наставленію Лопухина, книжку подъ заглавіемъ: „Кто можетъ быть добрымъ гражданиномъ и подданнымъ вѣрнымъ“, для оправданія масонства отъ того обвиненія, что оно, какъ тайное общество, можетъ быть опаснымъ и вреднымъ; Гамалѣя (1743—1822), славившійся своими поучительными письмами къ масонскимъ братьямъ (М. 1832) и особенно Лопухинъ, написавшій нѣсколько сочиненій по масонству.

⁽¹⁾ Подробное описаніе этихъ и другихъ масонскихъ книгъ, бывшихъ у насъ въ употребленіи, смотр. также въ книгѣ г. Губерти: Чтен. Общ. ист. и древн. 1879. кн. 4.]

⁽²⁾ Русскіе переводы. Я. Бема, С. П.—ва. Библиогр. Записки 1858 т. I, 131—132.

⁽³⁾ Описаніе ихъ смотр. у г. Неустрова: Историч. разысканіе о повременныхъ изданіяхъ и сборникахъ, стр. 357—359.

И. В. Лопухинъ (1756—1816). Послѣ Новикова и Шварца, Иванъ Владиміровичъ Лопухинъ былъ самымъ дѣятельнымъ членомъ въ масонскомъ обществѣ и можетъ быть названъ даже настоящимъ типомъ русскаго масона въ лучшемъ смыслѣ этого слова. Какъ въ сочиненіяхъ его полнѣе, чѣмъ у другихъ, изложено характеръ масонскаго ученія, такъ и въ его жизни и общественной дѣятельности весьма ясно выразились лучшія стороны нашего масонства, которое могло воспитывать въ своей средѣ замѣчательныя личности. Подобно многимъ другимъ русскимъ историческимъ дѣятелямъ, Лопухинъ былъ самоучка и не получилъ правильнаго образованія. „Воспитанъ я, говоритъ онъ въ своихъ Запискахъ, въ разсужденіи тѣла въ крайней нѣгѣ, а со стороны знаній въ большомъ небреженіи. Русской грамотѣ училъ меня домашній слуга; по французски училъ савояръ, незнавшій совсѣмъ правилъ языка; по нѣмецки—берлинецъ, который ненавидѣлъ языка нѣмецкаго и всячески старался сдѣлать мнѣ его противнымъ, а хвасталъ французскимъ и, сколько умѣлъ, училъ меня ему тихоцко, пользуясь охотою моею къ чтенію“⁽¹⁾. Съ такимъ образованіемъ, окончившимся на 17 году, Лопухинъ выступилъ въ жизнь и подвергся вліянію сначала энциклопедистовъ, а потомъ масонства. Подъ 1785 г. въ своихъ Запискахъ онъ замѣчаетъ: „Никогда не былъ еще я постояннымъ вольнодумцемъ, однако, кажется, больше старался утвердить себя въ вольнодумствѣ, нежели въ его безуміи, и охотно читывалъ Вольтеровы насмѣшки надъ религіею, Руссовы опроверженія и прочія подобныя сочиненія. Весьма замѣчательный со мною случай перемѣнилъ вкусъ моего чтенія и рѣшительно отвратилъ меня отъ вольнодумства. Читая извѣстную книгу, *Système de la Nature*, съ восхищеніемъ читалъ я въ концѣ ея извлеченіе книги, подъ именемъ „Уставъ природы“ (*Code de la nature*). Я перевелъ „Уставъ“ этотъ и любовался своимъ переводомъ, но напечатать его нельзя было. Я расположился разсвѣтать его въ рукописяхъ. Но только что дописали первую самымъ красивымъ письмомъ, какъ вдругъ почувствовалъ я неописанное раскаяніе. Не могъ заснуть ночью, прежде нежели сжегъ я и красивую мою тетрадку, и черную. Но все я не былъ спокоенъ, пока не написалъ, какъ бы въ очищеніе себя, разсужденія о злоупотребленіи разума нѣкоторыми новыми писа-

⁽¹⁾ Записки Лопухина. Чтен. Общ. истор. и древ. 1860; кн. 2 стр. 1—2. Другое изданіе Записокъ въ Русск. Архивѣ 1884, кн. 1: Записки Московскаго мартиниста, сенатора И. В. Лопухина, съ примѣчаніями и портретомъ.

телями и проч., которое въ первый разъ напечатано, помнится, въ 1780 г. Сіе происходило за два года до вступленія моего въ общество. Первыя же книги, родившія во мнѣ охоту къ чтенію духовныхъ, были: извѣстная „О заблужденіяхъ и истинѣ“ и Арндта „О истинномъ христіанствѣ“ (1). Чтеніе духовныхъ или мистическихъ книгъ, знакомство и дружба съ Новиковымъ и обращеніе въ его „Дружескомъ Обществѣ“ утвердили и развили въ Лопухинѣ тотъ духъ человѣколюбія, который присущъ былъ ему, какъ онъ говоритъ, отъ природы, и воспитали въ немъ ту непоколебимую честность, прямоту и неподкупную правду, тѣ высокія и благородныя стремленія, какими отличалась вся его дѣятельность какъ въ масонскомъ обществѣ, такъ и на службѣ. Послѣ непродолжительной военной службы, къ которой онъ, по слабости здоровья, оказался не способнымъ, онъ былъ назначенъ въ 1782 г. совѣтникомъ московской уголовной палаты, а потомъ ея предсѣдателемъ. Находясь въ этихъ должностяхъ, онъ неуклонно слѣдовалъ правилу—самымъ тщательнымъ образомъ разсматривать каждое дѣло, чтобы не осудить невиннаго, или не наказать виновнаго выше мѣры; при опредѣленіи наказанія виновнымъ держаться умѣренности и смягчать жестокость наказаній. „Въ должности сей, говоритъ онъ, я принялъ за правило наблюдать, чтобы какъ невинной не былъ никогда осужденъ, такъ бы и виноватой не избѣжалъ наказаній, но по человѣколюбію, сколько можно больше умѣреннаго, не удаляясь, однакожъ, отъ силы законовъ. Я думаю, что предметъ наказаній долженъ быть исправленіе наказуемыхъ и удержаніе отъ преступленій. Жестокость въ наказаніяхъ есть только плодъ злобнаго презрѣнія человѣчества и одно всегда бесполезное тиранство. Ненадежность избѣгать наказанія гораздо больше можетъ удерживать отъ преступленій, нежели ожиданіе жестокаго... Правила умѣренности въ наказаніяхъ держался я неотступно. Будучи старшимъ въ палатѣ, въ которую скоро опредѣленъ я былъ и предсѣдателемъ, гораздо удобнѣе мнѣ было сохранять его, ибо безспорно соглашались товарищи мои со мною въ томъ, что прежде я долженъ былъ одерживать спорами и часто самыми жаркими. Не охотники до меня и столькожъ, кажется, вообще до человѣчества, тамъ, гдѣ вѣтъ въ немъ ихъ интересовъ, вопіяли осужденіями такъ называвшагося ими милосердія моего. Говорили, что я развожу злодѣевъ и воровъ. Однако, по счастью моему что-ли, гораздо ихъ меньше стало съ открытія въ Москвѣ

(1) Записки, тамъ же, стр. 14—15.

уголовной палаты, при умѣренныхъ ея, какъ описываю, наказаніяхъ... Мнѣніе, какъ звѣрское свойство тиранства, ни одною каплею не должно вливаться въ наказанія. Вся ихъ цѣль должна быть исправленіе наказуемаго и примѣръ для отвращенія отъ преступленій. Все же, превосходящее сію мѣру, есть только бесплодное терзаніе человѣчества и дѣйствіе неуваженія къ нему, или лютоости... Думаю такъ же, что не должно опредѣлять наказаній безконечныхъ въ здѣшной жизни, потому что въ христіанскихъ правительствахъ исправленіе наказуемаго и внутреннее обращеніе его къ добру надлежитъ имѣть важнѣйшимъ при наказаніяхъ предметомъ... Что касается до смертной казни, то она, по моему мнѣнію, и бесполезна, кромѣ того, что одному только Творцу жизни извѣстна та минута, въ которую можно ее пресѣчь, не возмущая порядка его божественнаго строенія“⁽¹⁾. Такія человѣколюбивыя начала и дѣйствія Лопухина возбудили, однако-же, сначала неудовольствіе противъ него, а потомъ и преслѣдованіе со стороны главнокомандующаго московскаго, графа Брюса, такъ что Лопухинъ долженъ былъ оставить службу въ палатѣ. Въ 1785 г. онъ, какъ членъ Новиковскаго общества, подвергся суду, вмѣстѣ съ Новиковымъ и другими лицами, и избѣжалъ ссылки только благодаря своему смѣлому объясненію предъ Екатериной своей дѣятельности въ обществѣ и вообще характера и стремленій всего общества. По кончинѣ Екатерины, Лопухинъ былъ вызванъ импер. Павломъ въ Петербургъ и опредѣленъ статсъ-секретаремъ, но вскорѣ былъ уволенъ и назначенъ въ московскій Сенатъ. Во время службы въ Сенатѣ, онъ руководился тѣми же человѣколюбивыми правилами, какъ и въ палатѣ. Въ 1880 г. онъ, вмѣстѣ съ сенаторомъ Спиридовымъ былъ посланъ обрѣзывать казанскую, вятскую и оренбургскую губерніи. При этихъ ревизіяхъ Лопухинъ старался всячески узнать настоящее положеніе каждой губерніи, особенно вужды и потребности крестьянъ, открыть обиды и притѣсненія ихъ со стороны судей и разныхъ чиновниковъ, и при этомъ стремился не столько къ тому, чтобы отдать подъ судъ и наказать виновныхъ, сколько къ тому, чтобы изыскать средства предупредить обиды и притѣсненія. Вотъ что онъ говоритъ о ревизіяхъ въ своихъ Запискахъ: „Осмотры сіи, конечно, весьма полезны для сохраненія порядка и обузданія отъ злоупотребленій; хотя нѣкоторыя изъ сихъ послѣднихъ, и важнѣйшія суть такого рода, что рѣдко могутъ быть изобличены для нака-

(1) Тамъ же, стр. 3—8.

завія судомъ, а необходимо иногда исправлять ихъ слѣдствія и сколько можно, отвращать ихъ средствами, хотя гораздо меньше строгими, нежели бы по суду, основываясь единственно на довѣренности ревизорамъ. Почему, и выборъ ревизоровъ долженъ быть остороженъ. Сіе особливо въ разруженіи взятокъ, сей неизлѣчимой отравы суда. Чѣмъ большій вздоимецъ, тѣмъ труднѣе изболчить его. Кажется, справедливо сказать можно, что едва-ли не тщетны почти всѣ старанія о искорененіи взятокъ. Надобно сдѣлать прежде, еслии можно, чтобъ въ людяхъ лакомства не было, чтобъ они нуждъ и прихотей не имѣли, чтобъ, наконецъ, боялись Бога, какъ свидѣтеля всего, или бы страстно любили правду, что безъ любви къ небесному ея источнику невозможно, или весьма не надежно“... „Опредѣленіе хорошихъ начальниковъ есть лучшее средство къ благоустройству правленія и самое вѣрное врачеваніе корыстолюбія и лихоимства... Лучшее средство истребить взятки есть такъ дѣлать, чтобъ или совсѣмъ не за что или сколько меньше было за что давать взятки. Когда главные начальники будутъ хорошо разумѣть и сами отправлять дѣла своей должности, тогда нижнимъ чинамъ нельзя будетъ, или крайне трудно и рѣдко возможно, и то въ самыхъ неважныхъ случаяхъ, вредить пользѣ службы, еслии бы и хотѣли. Таковымъ средствомъ гораздо удобнѣе искоренить, или, по крайней мѣрѣ, сколько можно, умѣрить пагубное дѣйствіе лихоимства, нежели самымъ строгимъ за оное наказаніемъ, для коего способы къ изболченію весьма трудны, и, какъ давно извѣстно изъ опытовъ, тѣмъ труднѣе, чѣмъ важнѣе преступленія и лица“⁽¹⁾. Особенное вниманіе Лопухинъ обратилъ на себя ревизіей въ харьковской губерніи, гдѣ онъ, по порученію импер. Александра, разбиралъ дѣло о сектѣ духоборцевъ, къ которой онъ отнесся чрезвычайно человѣколюбиво, въ духѣ истинной вѣротерпимости. Вообще во всѣхъ дѣлахъ, какія ему поручались, онъ руководился чувствомъ правды, христіанской любви и состраданія къ ближнимъ. Послѣ всего этого нельзя не удивляться, что Лопухинъ, такъ высоко стоявшій по своимъ человѣколюбивымъ воззрѣніямъ и стремленіямъ, возставалъ противъ самаго человѣколюбиваго дѣла, освобожденія крѣпостныхъ крестьянъ, находя его преждевременнымъ и опаснымъ. Впрочемъ, вотъ что онъ говоритъ по этому предмету въ своихъ Запискахъ . . . „Я первой, можетъ быть, желаю, чтобъ не было на русской землѣ ни одного не свободнаго человѣка, есть-либъ только то безъ вреда для нея возмож-

(1) Тамъ же. стр. 73—74.

но было. Но народъ требуетъ обузданія и для собственной его пользы. Для сохраненія же общаго благоустройства нѣтъ надежнѣе полиціи, какъ управленіе помѣщиковъ... И еще скажу, что по сіе время въ Россіи ослабленіе связей подчиненности помѣщикамъ опаснѣе нашествія непріятельскаго. Свойственно мягкосердечію жалѣть и о томъ, когда не совсѣмъ еще отъ болѣзней справившіеся могутъ прогуливаться въ больничномъ саду и пить и ѣсть только то, что имъ велятъ лѣкари; свойственно доброму сердцу желать, чтобъ они, какъ можно скорѣе воспользовались полною для всѣхъ свободою; но дать ее имъ прежде времени было бы ихъ же уморить“ ('). Совершившееся въ недавнее время необыкновенно спокойное освобожденіе крестьянъ показало, что эти опасенія Лопухина, какъ и другихъ многихъ лицъ, желавшихъ, но боявшихся освобожденія, были совершенно напрасны.—Во время образованія милиціи (1807 г.) Лопухинъ былъ посланъ для надзора въ нѣкоторыя губерніи (Тул. Кал. Ряз. Влад.). Въ 1812 г. онъ уѣхалъ въ свое имѣніе Савинское, гдѣ и скончался въ 1816 г.

Въ исторіи литературы особенное значеніе, какъ уже замѣчено выше, имѣетъ масонская дѣятельность Лопухина, какъ лучшаго представителя русскаго масонства, одной изъ задачъ своихъ поставлявшаго борьбу съ философіей энциклопедистовъ и вольнодумствомъ и нравственною распущенностію, распространенными въ русскомъ обществѣ матеріалистическимъ ученіемъ этой философіи. Лопухинъ былъ великимъ мастеромъ въ одной изъ масонскихъ ложъ въ Москвѣ. Познакомившись съ Новиковымъ и сдѣлавшись членомъ Дружескаго общества, онъ велъ дирекцію и обширную переписку по всѣмъ дѣламъ общества; жертвовалъ большею частию своего состоянія для филантропическихъ его цѣлей; на свой счетъ онъ открылъ типографію въ Москвѣ; на свой счетъ отправлялъ за границу студентовъ, для усовершенствованія въ наукахъ (изъ нихъ извѣстны Колокольниковъ и Невзоровъ); на дому у себя онъ постоянно раздавалъ деньги бѣднымъ. Но преимущественно выдвигаютъ Лопухина на первый планъ въ ряду другихъ масонскихъ дѣятелей его литературные труды въ пользу масонства. Онъ переводилъ и издавалъ масонскія книги и самъ писалъ сочиненія. Въ своихъ сочиненіяхъ онъ старался объяснить стремленія и цѣли масонскаго общества, характеръ его ученія и защитить его отъ разныхъ нареканій и обвиненій, которымъ оно подвергалось. Первымъ сочи-

(') Записки, тамъ же стр. 158—159.

пеніемъ Лопухина было уже упомянутое выше „Разсужденіе о злоупотребленіи разума нѣкоторыми новыми писателями и опроверженіе ихъ вредныхъ правилъ“ (сочин. Россіяниномъ. М. 1780 и 1787), написанное имъ для очищенія совѣсти, при переходѣ отъ вольтерьянства въ масонство. Другимъ сочиненіемъ былъ „Нравоучительный катихизисъ истинныхъ Франкъ-Масоновъ“, составленный для ознакомленія общества съ основными началами масонскаго ученія. „Сіе мнѣ случилось, говоритъ Лопухинъ, нечаянно. Часто бывалъ я тогда у преосвященнаго Платона, митр. московскаго, котораго отличнѣйшимъ благорасположеніемъ я всегда пользовался. Онъ очень въ разговорахъ возставалъ противъ нашего общества, однакожь разставались мы всегда пріятелями. Однажды, разговаривая съ нимъ, при возраженіяхъ на его критику, родилась у меня мысль объ ономъ катихизисѣ, и я его тутъ же составилъ, такъ что, пріѣхавъ домой, тотчасъ его написалъ, и, переведа на французскій языкъ и напечатавъ его въ типографіи компаніи нашей, отдалъ знакомому книгопродавцу продавать, какъ новую книжку, полученную изъ чужихъ краевъ“. Вотъ главные вопросы и отвѣты масонскаго катихизиса.

1) Истинный ли ты Ф. М?—Мнѣ извѣстны та невидимая и неустроенная земля, и тѣ воды, на коихъ носилси духъ великаго строителя вселенной, при ея сотвореніи.

2) Чѣмъ наибаче отличается истинный Ф. М?—Духомъ собратства, который одинъ есть духъ съ христіанскимъ.

3) Какая цѣль ордена истинныхъ Ф. М?—Главная цѣль его таже, что и цѣль истиннаго христіанства.

4) Какой главный долгъ истиннаго Ф. М?—Любить Бога паче всего, и ближняго, какъ самого себя, или еще болѣе, по примѣру св. Павла, который желалъ даже быть анаѰма или отлученъ быть отъ Іисуса Христа, ради своихъ братій. Рим. IX, 3.

5) Какое должно быть главное упражненіе (работа) истинныхъ Ф. М?—Послѣдованіе Іисусу Христу.

6) Какія суть дѣйствительнѣйшія къ тому средства?—Молитва, упражненіе воли своей въ исполненіи заповѣдей евангельскихъ и умершвленіи чувствъ лишеніемъ того, что ихъ слаждаетъ; ибо истинный Ф. М. не въ иномъ чемъ долженъ находить свое удовольствіе, какъ только въ исполненіи воли небеснаго Отца.

7) Гдѣ истинный Ф. М. долженъ совершать свою работу?—Посреди сего міра, не прилагаяся сердцемъ къ суетамъ его, и въ томъ состояніи, въ которое каждый призванъ. 1 Кор. VII, 20.

8) Какія суть самыя вѣрныя знаки послѣдованія Іисусу Христу?—Чистая любовь, преданность и крестъ.

17) Какаѧ должность истиннаго Ф. М. въ разсужденіи

своего государя?—Онъ долженъ царя чтить и во всякомъ страхѣ повиноваться ему, не токмо доброму и кроткому, но и строитивому. I Петр. II, 17. 18. Еф. VI, 5. 7.

20) Какъ истинный Ф. М. долженъ поступать съ подвластными ему?—Наиболѣе онъ долженъ пещись о ихъ вѣчномъ блаженствѣ, воспитывая во страхѣ и ученіи Господнемъ; и обязанъ наблюдать между ними правду и уравненіе, оказывать имъ снисхожденіе и обходиться съ ними безъ жестокости, памятуя, что всѣ имѣютъ общаго Владыку на небѣ, у котораго нѣтъ лицепріятія. Еф. VI, 4. 9. Колос. IV, I.

21) Какъ долженъ онъ поступать со всѣми людьми вообще?—Всѣхъ долженъ любить для Бога; желать имъ всякаго въ немъ блага, и вспомоствовать имъ сколько ему возможно.

35) Какъ истинный Ф. М. долженъ употреблять свое имѣніе?—Считая себя токмо орудіемъ Божиимъ, долженъ онъ знать, что всякая полупка можетъ служить или къ строенію дѣла Его и прославленію святаго имени Его на землѣ, или къ умноженію того, что оному препятствуетъ, и по сему долженъ поступать со ввѣреннымъ ему имѣніемъ.

38) Когда начинается истинная работа въ нравственности?—Когда человѣкъ начнетъ совлекаться ветхаго Адама.

39) Когда она оканчивается?—Тогда, какъ ветхій Адамъ совлеченъ совершенно.

40) Когда престанетъ всякой трудъ и работа?—Когда не останется на земли ни единой воли, которая бы не совершенно предалась Богу; когда золотой вѣкъ, который Богъ хочетъ прежде внутренно возстановить въ маломъ своемъ избранномъ народѣ, распространится вездѣ и явится внѣшне, и когда царство самой природы освободится отъ проклятій и возвратится въ средоточіе солнца“ (1).

Этотъ катихизисъ Лопухинъ въ послѣдствіи присоединилъ къ двумъ своимъ сочиненіямъ: „Духовный рыцарь“ и „О внутренней церкви“. Въ первомъ сочиненіи „Духовный рыцарь, или ищущій премудрости“ (М. 1791) представлены, по словамъ его, въ краткихъ чертахъ, главные пункты герметической науки, образъ ея святилища, ходъ внутренняго обновленія человѣка и начала самопознанія и глубокой морали“. Подъ герметической наукой (такъ названной потому, что изобрѣтеніе ея приписывалось Гермесу Трисмегисту, египетскому Меркурію) разумѣется алхимія, которая учила претворять одни металлы въ другіе и всѣ естественныя явленія въ природѣ объясняла тремя

(1) Записки, стр. 24—30.

веществами—солью, сѣрой и ртутью. Другое сочиненіе: „Нѣкоторыя черты о внутренней церкви, о единомъ пути истины и о разныхъ путяхъ заблужденія и гибели“ было написано Лопухинымъ въ 1798 г. послѣ жестокой болѣзни. Оно, говоритъ Лопухинъ, навлекло мнѣ много неприятностей; нѣкоторые изъ духовныхъ памѣревались было воздвигнуть на него гоненіе, да время къ тому было неблагопріятно“; за то сочиненіе это получило особенное одобреніе Экквартсгаузена, что доставило Лопухину величайшее удовольствіе. Изъ другихъ сочиненій Лопухина самое важное—его Записки о своей жизни, на которыя мы уже нѣсколько разъ ссылались. Въ нихъ описана исторія всей его жизни и въ частности исторія масонскаго общества Новикова въ періодъ его преслѣдованія и уничтоженія. Къ тѣмъ выпискамъ, которыя приведены выше, мы считаемъ нужнымъ привести здѣсь изъ нихъ еще слѣдующія строки, въ которыхъ Лопухинъ указываетъ основной характеръ и существенныя цѣли и стремленія масонскаго общества: „Члены общества сего упражнялись въ познаніи самого себя, творенія и Творца, по правиламъ той науки, о которой говоритъ Соломонъ въ книгѣ Премудрости VII, 17—22., содержащимся въ Библии и въ писаніяхъ мужей, непосредственнымъ откровеніемъ просвѣщенныхъ отъ Бога, науки, открывающей начала всѣхъ вещей, безъ познанія коихъ никогда натура вещей истинно извѣстна быть не можетъ“... „Вотъ какое наше было упражненіе. Мы учились. Многимъ это казалось и покажется смѣшно, но простолюдинская пословица „Вѣкъ живи, вѣкъ учись“ гораздо умнѣе такого смѣха“... „Въ школахъ и на каедряхъ твердятъ: люби Бога, люби ближняго, но не воспитываютъ той природы, коей любовь сія свойственна, какъ бы разслабленнаго больнаго, не вылѣчивъ и не укрѣпивъ, заставляли ходить и работать. Надобно человѣку, такъ сказать, морально переродиться: тогда евангельская нравственность будетъ ему природна. . Сіе моральное перерожденіе, чрезъ которое только человѣкъ становится образцомъ и подобіемъ Божиимъ, и которое долженствуетъ быть главнымъ предметомъ всѣхъ уставовъ и упражненій христіанской церкви, не можетъ, конечно, приидти безъ дѣйствія силы всемогущей; но непремѣнно содѣйствовать оному должна и воля человѣческая, коей свобода дана отъ Бога, какъ аръ величайшій и особенно составляющій величіе человѣка“ (1).

(1) Записки, стр. 15—17. Другія сочиненія Лопухина, переводныя и оригинальныя, указаны у Геннади: Справоч. словарь о русскихъ писателяхъ и ученыхъ XVIII и XIX в. Берлинъ 1880 том. 2; 257—259; и у Губерти: Хронологическое обозрѣніе рѣдкихъ и замѣчательныхъ книгъ XVIII ст. Чт. Об. истор. и древ. 1879. кн. 4.

Закрѣтыя при импер. Екатеринѣ, масонскія ложи снова стали появляться при Александрѣ I. Во главѣ тогдашняго масонства стояли ученики Новикова и Шварца — Лабзинъ и Невзоровъ; но ихъ масонство, какъ будетъ показано ниже, имѣло уже другой характеръ.

Литературные журналы въ Екатерининскую эпоху.

При Петрѣ В. и импер. Елисаветѣ всѣ газеты и журналы, какъ указано выше, издавались при разныхъ правительственныхъ учрежденіяхъ, Академіи наукъ, московскомъ университетѣ, кадетскомъ корпусѣ; единственнымъ журналомъ, который издавался на частныя средства и по инициативѣ частнаго лица, была „Трудолюбивая Пчела“ Сумарокова; въ эпоху Екатерины является множество журналовъ, издаваемыхъ разными лицами самостоятельно, независимо ни отъ какихъ учрежденій⁽¹⁾. Преобладающимъ элементомъ въ прежнихъ журналахъ были элементы научныя, за исключеніемъ только опять той же Трудолюбивой Пчелы, которая только одна была чисто литературнымъ журналомъ; при Екатеринѣ мы встрѣчаемъ всего болѣе журналовъ литературнаго характера. Въ первое десятилѣтіе царствованія Екатерины выходило около 20 журналовъ, изъ коихъ 8 явилось въ одинъ 1769 годъ. Вотъ эти журналы: „Полезное увеселеніе“ въ 1762 г. и продолженіе его въ 1763 г. „Свободные часы“, издававшіеся Херасковымъ; „Невинное упражненіе“ 1763 г. изданіе Богдановича; „Доброе намѣреніе“ 1764 г. изд. Санковского; сатирическіе журналы: „Всякая Всячина“ (1769—1700) Козицкаго; „И то и сію“ (1769) Чулкова; „Ни то ни сію“ (1769) Рубана; „Поденьщина“ (1769) Тузова; „Смѣсъ“ (1769) неизвѣстнаго издателя; „Трутень“ (1769—1770) Новикова; „Адская Почта“ (1769) Эмина; „Полезное съ пріятнымъ“ (1769); „Парнасскій Щепетильникъ“ (1770) Чулкова; „Пустомеля“ (1770); „Трудолюбивый муравей“ (1771), Рубана; „Старина и Новизна“ Рубана (1772—1773); „Вечера“ (1772) „Живописецъ“ (1772) Новикова;

⁽¹⁾ Исторія русской журналистики въ Екатерининскую эпоху изложена въ слѣдующихъ сочиненіяхъ: Русскіе сатирическіе журналы 1769—1774 годовъ. А. Афанасьева. Москва 1859 г. Очерки изъ исторіи русской журналистики А. П. Пятковского. Спб. 1876 томъ II, стр. 1—74. Историческое разысканіе о русскихъ повременныхъ изданіяхъ и сборникахъ за 1703—1802 г. А. Н. Неустроева. Спб. 1874; Матеріалы для исторіи журнальной и литературной дѣятельности Екатерины II. П. Пекарскаго. Зап. Акад. Наукъ 1863. т. III, приложение № 6; О Собесѣдникѣ любителей російскаго слова. Лайбова (Добролюбова), Современникъ 1856, № 8.

„Мѣшанина“ (1773); „Копелскъ“ (1774) Новикова.—Свобода мысли и слова, дарованная литературѣ импер. Екатериной въ началѣ царствованія, и примѣръ самой Екатерины, разумѣется, были главною причиною такого сильнаго развитія журналистики. Первый по времени сатирической журналъ „Всякая Всячина“ Козицкаго издавался подъ непосредственнымъ наблюденіемъ Екатерины; въ ней помѣщались и ея собственныя статьи. Новиковъ, посвящая своего „Живописца“ автору комедіи „О время“, прямо говоритъ, что эта комедія подала ему мысль и смѣлость издавать журналъ въ сатирическомъ направленіи: „Вы открыли мнѣ дорогу, которой я всегда страшился; вы возбудили во мнѣ желаніе подражать вамъ въ похвальномъ подвигѣ исправлять нравы своихъ единоземцевъ; вы поострили меня испытать въ томъ свои силы: и дай, Боже, чтобы читатели въ листахъ моихъ находили хотя нѣкоторое подобіе той соли и остроты, которыя оживляютъ ваше сочиненіе. Если же буду имѣть успѣхъ въ моемъ предпріятіи, и если листы мои принесутъ пользу и увеселеніе читателямъ, то за сіе они не мнѣ, но вамъ будутъ одолжены, ибо безъ вашего примѣра я не отважился бы напасть на пороки“. Послѣ 1774 г. журналы стали являться рѣже, но все же въ значительномъ количествѣ. Изъ нихъ были извѣстны: „С.-Петербургскій Вѣстникъ“ (1778—1781); „Разсказчикъ забавныхъ басенъ“ (1781) Аблесимова; „Утро“, еженедѣльное изданіе 1782; „Собесѣдникъ любителей россійскаго слова“ (1783—1784); „Дѣтское чтеніе для сердца и ума“ (1785—1789), издававшееся при Московскихъ Вѣдомостяхъ Новиковымъ; „Уединенный Пошехонецъ“ (1786)—первый въ Россіи провинціальный журналъ, издававшійся въ Ярославлѣ Санковскимъ; „Ежемѣсячное изданіе“ (1787)—продолженіе Пошехонца въ Ярославлѣ, издававшееся тѣмъ же Санковскимъ; „Зеркало свѣта“ (1786—87) И. Богдановича и Туманскаго; „Лѣкарство отъ скуки и заботъ“ (1786—87) Ф. Туманскаго; „Новый С.-Петербургскій Вѣстникъ“ (1786—87) П. Богдановича; „Почта духовъ“ (1889) И. Крылова; „Сатирической Вѣстникъ“ (1790—92) Страхова, „Московский журналъ“ (1791—1792) Н. М. Карамзина, „Пріятное и полезное препровожденіе времени (1793—1794) Подпывалова и Сохацкаго; „Аглая“ (1794—95) Карамзина; „Муза“ (1796) И. Мартинова.

По своей формѣ и характеру всѣ указанные журналы находятся въ тѣсной связи съ журналами предыдущей эпохи. „Трудолюбивый Муравей“ былъ подражаніемъ „Трудолюбивой Пчелѣ“ Сумарокова; „Смѣсь“ и „Полезное съ пріятнымъ“—„Ежемѣсячнымъ сочиненіямъ“ Миллера. Но всего больше, разумѣется, на нихъ отражается вліяніе иностранныхъ журналовъ, подъ которыми, какъ выше указано, и возникла русская журналистика.

Въ нихъ тоже нравственное или дидактическое направленіе, внесенное въ англійскую журналистику журналами Стиля и Адиссона, и потомъ распространившееся въ нѣмецкихъ и французскихъ журналахъ; въ нихъ тѣже общіе приемы и формы, въ которыхъ проводится это направленіе. Дидактическое содержаніе журнала излагается обыкновенно въ формѣ аллегорической повѣсти, волшебной сказки, сна, разговора въ царствѣ мертвыхъ, въ формѣ сатирическихъ вѣдомостей, сатирическихъ лечебниковъ, сатирическихъ словарей, въ цѣломъ рядѣ картинъ и портретовъ, вопросовъ и отвѣтовъ. Подобныя сочиненія нерѣдко прямо переводились изъ иностранныхъ журналовъ, или же передѣлывались на русскіе нравы. Наконецъ самыя названія журналовъ указываютъ на связь ихъ съ англійскими, нѣмецкими и французскими журналами. Названіе „Зрителя“ есть переводъ англійскаго *Spectator*; названіе „Пустомеля“ дано, очевидно, въ подражаніе другому англійскому журналу *Tatler*, Болтунъ; названіе „Живописецъ“ взято съ нѣмецкаго журнала *Der Maler der Sitten*. Извѣстно, что издатели прежняго времени любили часто мѣнять названіе и форму своихъ журналовъ, боясь наскучить однообразіемъ, или желая привлечь новостію названія и формы журнала. Стиль и Адиссонъ въ непродолжительное время издавали одинъ за другимъ нѣсколько журналовъ; точно такъ же Новиковъ издавалъ Трутень, Кошелекъ, Живописецъ, а потомъ еще три масонскихъ журнала, когда сдѣлался масономъ; Чулковъ издавалъ въ 1769 г. „И то и сію“, а въ 1770 г. „Парнасскій Щепетильникъ“; Рубанъ въ 1769 г. „Ни то, ни сію“, а въ 1771 г. „Трудолюбивый Муравей“. Одинъ и тотъ же журналъ рѣдко издавался больше одного года; этимъ объясняется большое количество журналовъ: журналовъ выходило много отъ того, что они существовали не долго въ одной и той же формѣ, съ однимъ и тѣмъ же именемъ. Если журналъ хорошо расхотился и нравился читателямъ, то издатель, по окончаніи года, не продолжая его изданія въ слѣдующемъ году, дѣлалъ второе изданіе журнала, съ нѣкоторыми прибавленіями и измѣненіями, а иногда и безъ всякихъ измѣненій. Издатели нѣкоторыхъ журналовъ остаются неизвѣстными; но особенно любили скрывать свои имена авторы. Повѣсти, рассказы, сатиры предлагались отъ имени какого нибудь дѣдушки, пишущаго письма къ своимъ внукамъ, или дядюшки къ племяннику. Это были, своего рода литературныя маски, вродѣ англійскихъ Бикерштафа, Опекуна, Наблюдателя и проч. Первой статьей Московскаго ежемѣсячнаго изданія 1781 г. былъ разговоръ англійскаго господина Бикерштафа съ своимъ духомъ хранителемъ, переведенный изъ Спектатора (глав XXIII). Большая часть статей подписывалась псевдонимами, въ которыхъ иногда

прямо указывалось направлѣніе авторовъ и характеръ ихъ сочиненій, каковы напр. псевдонимы: Неспускаловъ, Аристархъ Примирителевъ, Люборуссовъ, Правдолюбовъ, Правомысловъ, Чистосердовъ, Добросовѣтовъ, Тарабаровъ; или же замысловатые, напр. Остроперовъ, Сердцекрадъ, Людоглотъ, Агаѳіа Хрипунова; имя мое съ аза, прозвищемъ проказа и проч. Лучшими журналами первой эпохи или перваго десятилѣтія были: Всякая Всячина, Трутень, Живописецъ, Смѣсь, Кошелекъ и Адская Почта. Изъ журналовъ послѣдующей эпохи особенною извѣстностію пользовались Собесѣдникъ любителей російскаго слова Дашковой, С.-Петербургскій Вѣстникъ Брайко, Приятное и полезное препровожденіе времени Сохацкаго и Подшивалова, Петербургскій журналъ Пнина и А. Бестужева.

Дидактическое направлѣніе, и прежде соединявшееся съ сатирой, въ журналахъ Екатерининской эпохи получило чисто сатирической характеръ. Этотъ характеръ является особенно преобладающимъ въ журналахъ перваго десятилѣтія царствованія Екатерины, отъ 1769 по 1774 г. Всѣ журналы этого десятилѣтія по ихъ характеру надобно раздѣлить на два разряда. Одни стремились исправлять нравы современнаго общества, подвергая осмѣянію его пороки и недостатки; другіе требовали открытой и строгой сатиры не только на пороки, но и на самыя лица порочныя. Во главѣ первыхъ стояла Всякая Всячина; во главѣ послѣднихъ Трутень Новикова. Отрекался отъ всего, что можетъ затронуть чужое самолюбіе, Всякая Всячина въ одной статьѣ своей объявила, что она поставила себѣ за правило: „не пѣлать на особь, но единственно на пороки“; при исправленіи пороковъ руководиться снисхожденіемъ и человѣколюбіемъ; а кто только видитъ пороки, не имѣя любви, тотъ не способенъ подавать наставленія другому“. Въ другой статьѣ, осмѣивая человѣка, который вездѣ видѣлъ пороки, гдѣ другіе на силу приглядѣть могли слабости, она говоритъ, что всѣ разумные люди признать должны, что одинъ Богъ только совершенъ, люди же смертные никогда безъ слабостей не были, не суть и не будутъ. И потому надобно поставить слѣдующія правила: а) не называть слабостей пороками; б) хранить во всякомъ случаѣ человѣколюбіе и в) не думать, чтобъ людей совершенныхъ найти можно было и для того г) просить Бога, чтобы намъ далъ духъ кротости и снисхожденія“⁽¹⁾. Другихъ воззрѣній на характеръ сатиры держался „Трутень“. Я того мнѣнія, говоритъ въ немъ Правдолюбовъ, разбирая указанныя положенія Всякой Всячины, что слабости человѣческія достойны сожалѣнія, однакожь не

⁽¹⁾ Всякая Всячина 140—143.

похвалъ, и никогда того не думаю, чтобы на сей разъ не покривила своею мыслию и душою госпожа ваша прабабка (Всячина), давъ знать, что похвальнѣе снисходить порокамъ, нежели исправлять оныя. Многіе слабой совѣсти люди никогда не упоминаютъ имя порока, не прибавивъ къ нему человеколюбія. Они говорятъ, что слабости человѣкамъ обыкновенны и что должно оныя прикрывать человеколюбіемъ, слѣд. они порокамъ сшили изъ человеколюбія кафтанъ; то такихъ людей человеколюбіе приличнѣе назвать пороколюбіемъ. По моему мнѣнію, больше человеколюбивъ тотъ, кто исправляетъ пороки, нежели тотъ, который онымъ снисходитъ, или (сказать по русски) потакаетъ... Любить деньги есть такъ же слабость, почему слабому человѣку простиительно брать взятки и обогащаться грабежами. Пьянствовать такъ же слабость, или еще прикычка; однако пьяному можно жену и дѣтей прибить до полусмерти и подрасться съ вѣрнымъ другомъ". Въ такомъ видѣ происходила полемика между двумя направленіями. Сторону „Трутня“, требовавшаго строгой и открытой сатиры, приняла „Смѣсь“ и „Адская Почта“, а сторону „Всякой Всячины“ журналъ „И то и сію“. Смѣсь напечатала противъ Всякой Всячины нѣсколько довольно рѣзкихъ статей, въ которыхъ осмѣивала этотъ журналъ за то, что онъ даетъ послабленіе порокамъ и при этомъ впадаетъ въ противорѣчіе: „Бабушка въ добрый часъ намѣряется исправлять пороки, а въ блаженной даетъ имъ послабленіе (или уже она выжила изъ ума). Она говоритъ, что подъячихъ искушаютъ, и для того они берутъ взятки; а это такъ на правду походить, какъ то, что чортъ искушаетъ людей и велитъ имъ дѣлать злое“. Адская Почта, защищая Трутень отъ обвиненій въ ругательствахъ, говоритъ: „Ругательства нигдѣ не годятся, но прямо описывать пороки и называть вора воромъ, разбойника разбойникомъ, кажется, дѣло справедливое“. Сатира, по мнѣнію Почты, всѣмъ просвѣщеннымъ свѣтомъ уполномочена на осмѣяніе пороковъ и порочныхъ; вымыслы, далекіе отъ дѣйствительности, и отвлеченная мораль ни къ чему не поведутъ; ибо кому какое дѣло до подобныхъ грапныхъ правоученій? Разсуждающіе по модѣ увѣряютъ, что сатира рождается отъ злобы писателей и достойна презрѣнія,— но пусть они посоветуются прежде съ древними классическими писателями. Еслибы когда-нибудь они потрудились прочитать ихъ, то скоро бы предали мысль свою должному забвенію. Развѣ имъ не извѣстно, что правоучительная философія не разъ объявляла себя гонительницею пороковъ и порочныхъ. Лукіанъ и Сенека многократно упрекали любимцевъ Нерона, однако сочиненія ихъ признаны за достойныя вѣчнаго уваженія".—Нѣтъ сомнѣнія, что та и другая сторона для своихъ воззрѣній имѣла

основанія; но въ тоже время справедливо, что обѣ стороны въ развитіи этихъ основаній выходили изъ границъ и вдавались въ крайности. Совершенно уважительно было стремленіе Всякой Всячины „не цѣлится на особѣ, но единственно на пороки; но едвали было возможно нападать на пороки и не задѣвать (хотя безъ всякаго умысла) лицъ, подверженныхъ этимъ порокамъ. Если же при этомъ избѣгать всего, что можетъ возбудить раздраженіе въ лицахъ виновныхъ, то сатира обратится въ пустословіе обѣ отвлеченныхъ идеяхъ добра и зла, безъ всякаго примѣненія къ современной дѣйствительной жизни. Едва-ли такъ же безъ основанія былъ упрекъ Тругня, что Всякая Всячина потакаетъ пороку; въ болѣе чѣмъ снисходительномъ взглядѣ ея на слабости слышится нравственная распущенность того вѣка, котораго любимымъ правиломъ была поговорка: „живи и жить давай другимъ“. Но если взглядъ Всякой Всячины съ идеальной точки зрѣнія былъ далеко не безукоризненъ, то и Трутень былъ не правъ, потому что, держась строго нравственныхъ основаній, въ своей сатирѣ переходилъ въ крайности; онъ уже слишкомъ расширялъ предѣлы сатиры— и вмѣсто изображенія общихъ типическихъ недостатковъ разныхъ классовъ общества, требовалъ, чтобы въ сатирическихъ картинахъ были допускаемы и намѣки на отдѣльныя личности. Онъ утверждалъ, что должно критиковать порочнаго на лицо, а не вообще порока; надобно только, чтобы сатира не совсѣмъ была открыта, потому что въ такомъ случаѣ она, вмѣсто раскаянія, произведетъ въ порочномъ злобу. Но „критика на лицо—безъ имени, удаленная, сколько возможно и потребно, производить въ порочномъ раскаяніе“. Такой взглядъ, конечно, ошибоченъ; литература не должна допускать ни личностей, ни брани ⁽¹⁾.

Предметами журнальной сатиры служили 1) пороки и недостатки, унаслѣдованные еще отъ древней до петровской эпохи, и 2) недостатки и пороки, нажитые вновь, въ слѣдствіе неправильнаго усвоенія европейской цивилизаціи, со времени реформы Петра. Слѣдовательно, это были тѣ же предметы, какіе изображала сатира Кантемира и Сумарокова; только Екатерининская журнальная сатира во 1-хъ строже относится къ порокамъ, глубже раскрываетъ осмѣиваемые недостатки, а во 2-хъ, она руководится при этомъ не общими соображеніями разума, а новыми гуманными идеями XVIII вѣка, и, преслѣдуя пороки, ста-

(1) Русскіе сатирическіе журналы 1769—1774 годовъ А. Афанасьевастр. 26—31; 37; 45—46.

рается провести эти идеи во всё сферы жизни, воспитанія, образованія, законодательства и управленія и во всё отношенія между людьми. Корнемъ всёхъ пороковъ древне-русской жизни было невѣжество, какъ слѣдствіе отсутствія правильнаго воспитанія и образованія. На это невѣжество, упорно державшееся при всёхъ противъ него правительственныхъ мѣрахъ Петра и Екатерины, прежде всего и нападали журналы. Между всёми статьями, направленными противъ него, особенно выдаются своею силою „Письма къ уѣздному дворянину Фалалее Трифоновичу“, отъ его отца, матери и дяди, напечатанныя въ Живописцѣ Новикова. Въ этихъ письмахъ, изображающихъ быть деревенскихъ помѣщиковъ и простыхъ людей, живущихъ по старымъ обычаямъ, самыми мрачными красками рисуются грубые пороки, унаслѣдованные еще отъ древняго періода: суевѣріе и ханжество, отвращеніе отъ всякаго ученія, уклоненіе отъ службы и праздная жизнь въ деревнѣ; жадность къ деньгамъ, къ наживѣ и дикій произволь, выражающійся въ семейной жизни побоями младшихъ членовъ отъ главы семейства и старшихъ членовъ, въ службѣ неправосудіемъ, казнокрадствомъ и взяточничествомъ, въ отношеніи къ сосѣдямъ наглымъ захватомъ сосѣдскихъ земель и угодій; въ отношеніяхъ къ крестьянамъ безчеловѣчною жестокоствію⁽¹⁾.

Съ особенною силою сатирическіе журналы нападали на лихоимство и ябеду, на незаконныхъ судей и подъячихъ. Всякая Всячина напечатала 10 правоучительныхъ заповѣдей подъячимъ: 1) не бери взятокъ; 2) не волочи дѣла, отъ тебя зависящаго; 3) не сотвори крючковъ; 4) не обходися грубо съ людьми; 5) не говори челобитчикамъ: завтра; 6) не дѣлай несправедливыхъ изъ дѣлъ и законовъ выписей; 7) не давай наставленій въ ябедѣ; 8) не напивайся пьянъ; 9) чени всякой дѣвь голову, ходи чисто; 10) покинь трусость въ разсужденіи иныхъ и дерзость въ разсужденіи другихъ⁽²⁾. Въ „Барышкѣ“, составлявшемъ прибавленіе ко „Всякой Всячинѣ“ была помѣщена исторія „акциденціи“, или „барашка въ бумажкѣ“. Въ пей авторъ объясняетъ, что значить на языкѣ судей и подъячихъ: „приходи завтра“. — „Офицеръ сказалъ мнѣ, что подъячіе имѣютъ два „завтра“: одно денежное, а другое безденежное; денежное „завтра“, содержитъ въ себѣ нѣсколько мѣсяцевъ, больше или меньше, смотря по обстоятель-

(1) Живописецъ 1772 №№ XV, XXIII, XXIV.

(2) Русскіе сатирич. журналы Афанасьева, стр. 222—223.

ствамъ и по деньгамъ, а безденежное „завтра“ не ограничено временемъ.—Какъ же мнѣ сдѣлать, чтобы подъячій по моему дѣлу употреблялъ денежное „завтра“?—„Принеси ему барашка въ бумажкѣ“... „Подъячіе со всѣхъ берутъ деньги, и съ правыхъ и съ виноватыхъ; деньги эти челобитчики обвертываютъ бумагою, благопристойности ради... А чтобы выговоръ не столь тягостенъ показался ушамъ челобитчиковымъ, ежели подъячій потребуетъ у него денегъ, то выдумали они сіе слово: „принеси мнѣ барашка въ бумажкѣ“ (1). Трутенъ представилъ сатирическое описаніе обѣда, которымъ одинъ купецъ угощалъ въ трактирѣ „Правосудіе“ въ образѣ нѣсколькихъ секретарей и подъячихъ. Алская Почта нарисовала злую характеристику „таможенной крысы“. Но самую сильную язвою въ Россіи было крѣпостное право, которое такъ же унаслѣдовано было отъ древняго періода, но въ новомъ періодѣ со временъ реформы достигло крайнихъ предѣловъ развитія въ слѣдствіе усилившейся роскоши и распущенности нравовъ. Самыя смѣлыя и рѣзкія сатиры на него представили Трутенъ и Живописецъ Новикова. Въ Трутнѣ были напечатаны двѣ „Копіи съ отписокъ крестьянъ къ помѣщику“ и „Копія съ помѣщичья указа крестьянамъ“. Въ предисловіи къ нимъ авторъ говоритъ издателю Трутня: „Я къ вамъ сообщаю отписки одного старосты къ его помѣщику и помѣщиковъ указъ къ крестьянамъ; вы изъ того усмотрѣть можете, какъ худые помѣщики надъ крестьянами данную власть употребляютъ во зло, и что такія господа едва-ли достойны быть рабами у рабовъ своихъ, а не господами“. Въ Отпискахъ крестьянъ изображаются страшныя жестокости, съ какими староста собираетъ съ нихъ оброкъ для помѣщика, отнимая у нихъ послѣдній кусокъ хлѣба и заставляя ихъ ходить по міру, а въ помѣщичьемъ указѣ гнѣвъ помѣщика на этого самаго старосту, наказаніе и смѣна его за то, что „за крестьянами имѣлъ худое смотрѣніе и запускалъ оброкъ въ недоимку, и выборъ новаго старосты, которому онъ предписываетъ, не смотря ни на какія просьбы и жалобы, собирать оброкъ и недоимку „вещадно“ (2). Еще въ болѣе мрачной картинѣ бѣдственное положеніе крѣпостныхъ крестьянъ изображается въ статьѣ Живописца, подъ заглавіемъ: „Отрывокъ изъ путешествія въ *** И. Т. глава XIV. Описывая села и деревни помѣщиковъ, путешественникъ говоритъ: „Бѣдность и рабство повсюду встрѣчались со мною въ образѣ крестьянъ. Непаханныя поля, худой урожай

(1) Тамъ же стр. 228—231.

(2) Трутенъ изд. Ефремова, стр. 158—162; 180—186.

хлѣба возвѣщали мнѣ, какое помѣщики тѣхъ мѣсть о земледѣліи прилагали раченіе. Маленькія покрытыя соломою хижины изъ тонкаго заборника, дворы, огороженные плетнями, не большія адовыи хлѣба, весьма малое число лошадей и рогатаго скота подтверждали, сколь велики недостатки тѣхъ бѣдныхъ тварей, которыя богатство и величество цѣлаго государства составлять должны. Не пропускалъ я ни одного селенія, чтобы не распрашивать о причинахъ бѣдности крестьянской. И слушая ихъ отвѣты, къ великому огорченію, всегда находилъ, что помѣщики ихъ сами тому были виною. О человѣчество! тебя не знаютъ въ сихъ поселеніяхъ. О господство! ты тиранствуешь надъ подобными себѣ человѣками. О блаженная добродѣтель, любовь къ ближнему! ты употребляешься во зло: глупыя помѣщики сихъ бѣдныхъ рабовъ изъясняютъ тебя болѣе къ лошадямъ и собакамъ, а не къ человѣкамъ! Съ великимъ содроганіемъ чувствительнаго сердца, начинаю я описывать нѣкоторыя села деревни и помѣщиковъ ихъ. Удалитесь отъ меня ласкательства и пристрастія, низкія свойства подлыхъ душъ: истинна перомъ моимъ руководствуетъ! Изображая затѣмъ деревню „Разоренную“, онъ между другими ужасами, описываетъ страданія и плачъ дѣтей, которыхъ ушедшіе на барскую работу родители оставили однихъ „въ лукопкахъ, прицѣпленныхъ къ шестамъ, гдѣ они лежали безъ всякаго прирѣнія и плакали. Смотря на сихъ младенцевъ, говоритъ авторъ, и входя въ бѣдность состоянія сихъ людей, вскричалъ я: жестокосердый тиранъ, отъемлющій у крестьянъ насущный хлѣбъ и послѣднее спокойство! Посмотри, чего требуютъ сіи младенцы! У одного связаны руки и ноги: приносить ли онъ о томъ жалобы? Нѣтъ: онъ спокойнозираетъ на свои оковы. Чего требуетъ онъ?—необходимо нужнаго только пропитанія. Другой произносилъ вопль о томъ, чтобы только не отнимали у него жизнь. Третьей воцѣлъ къ человѣчеству, чтобы его не мучили. Кричите, бѣдныя твари: сказалъ я, проливая слезы; произнесите жалобы свои! наслаждайтесь послѣднимъ симъ удовольствіемъ во младенчествѣ: когда возмужаете, тогда и сего утѣшенія лишитесь. О солнце, лучами щедротъ своихъ озаряющее! призри на сихъ несчастныхъ“ (1)! Напечатавъ „Отрывокъ изъ путешествія“, издатель Новиковъ замѣчаетъ: „блюдо это приготовлено очень солоно и для нѣжныхъ вкусовъ благородныхъ невѣждъ горьковато. Но нынѣ премудрость, сѣдящая на престолѣ, истинну покровительствуетъ во всѣхъ дѣяніяхъ. И такъ я надѣюсь, что сіе

(1) Живописецъ, изд. Евремова, стр. 25—30.

сочиненище заслужить вниманіе людей, истинну любящихъ“. Сатира этого „Отрывка“ нисколько не мягче сатиры на крѣпостное право въ Путешествіи Радищева, но „отрывокъ“ былъ напечатанъ въ 1772 г. за 20 лѣтъ до начала французской революціи и потому Екатерина въ то время, естественно, не обратила на него вниманія, но она припомнила его, вѣроятно, тогда, когда въ 1792 г. Новиковъ подвергся преслѣдованію, какъ членъ масонскаго общества. Въ противоположность картинѣ „Раззоренной деревни“ авторъ обѣщалъ въ послѣдствіи изобразить бытъ жителей „Благополучныя деревни“; но это обѣщаніе осталось неисполненнымъ.

Изображая подобныя картины бѣдствій народа, страдавшаго отъ лихоимства и ябеды, несправедливости судей, жестокостей крѣпостнаго права, журналы старались пробудить въ русскомъ обществѣ чувство справедливости и человѣколюбія къ народу и вообще къ низшимъ классамъ, которые были въ такомъ униженіи, что на обыкновенномъ языкѣ назывались „подлыми людьми“. „Подлыми людьми, говоритъ Живописецъ, по справедливости должны называться тѣ, которые худыя дѣла дѣлаютъ; но у насъ невѣдаю—по какому предразсужденію—вкралось мнѣніе почитать подлыми тѣхъ, кои находятся въ низкомъ состояніи“. Трутень убѣждаетъ, что „не пороки, а добродѣтели дѣлаютъ человѣка достойнымъ почтенія; что нельзя назвать человѣка подлымъ за то только, что родился онъ отъ честныхъ и добродѣтельныхъ мѣщанъ, какъ позволяютъ себѣ нѣкоторые невѣжды; что преступленія и худыя поступки равно встрѣчаются и между благородными и между простолюдинами“⁽¹⁾.

Причиною новыхъ пороковъ было иноземное вліяніе. При этомъ зло заключалось, конечно, не въ самой европейской цивилизаціи, но въ неправильномъ, одностороннемъ ея усвоеніи, въ неумѣнн отлнчить въ ней хорошее отъ худаго, въ рабскомъ и глупомъ увлеченіи всѣмъ европейскимъ, особенно французскимъ, соединенномъ съ презрѣніемъ ко всему отечественному. Иноземное вліяніе происходило преимущественно двумя путями: путемъ воспитанія дѣтей чрезъ иноземныхъ гувернеровъ и гувернантокъ, и путемъ путешествій русскихъ по Европѣ. Воспитаніе дѣтей поручалось французскимъ гувернерамъ и мадамамъ. Но если немногіе богатые и знатные люди могли выписывать изъ заграницы хорошихъ и образованныхъ учителей и учительницъ, то большинство, люди простые и необразованные, этого не могли

(1) Сатирич. журналы Аонасыева, стр. 251.

дѣлать. Подражая модѣ, они принимали въ учителя своихъ дѣтей всѣхъ иностранцевъ, безъ всякаго разбора ихъ знаній и нравственныхъ качествъ. „По какому то непонятному пристрастію къ уроженцу парижскому или другаго городка древнихъ галловъ, сказано въ журналѣ „Вечера“, мы надѣмся въ каждомъ изъ сихъ гостей, которые въ наше отечество втираются, находить сію великость духа, остроту разума и справедливость сердца, какимъ въ ученыхъ и преславныхъ французяхъ дивимся.. Желаніе открыть дорогу своимъ дѣтямъ къ повымъ познаніямъ черезъ французскій языкъ — похвально; но не имѣть попеченія о ихъ нравахъ, любви къ отечеству, любви къ ближнимъ безбожно“⁽¹⁾. Толпы иностранцевъ, нисколько не приготовленныхъ къ важному дѣлу воспитанія, являлись въ Россію въ качествѣ учителей и учительницъ, съ цѣлю устроить себѣ карьеру. Указывая на это, Трутенъ Новикова, въ своихъ сатирическихъ Вѣдомостяхъ публиковалъ: „Кронштадтъ. На сихъ дняхъ въ здѣшній портъ прибылъ изъ Бурдо (Бордо) корабль: на немъ, кромѣ самыхъ модныхъ товаровъ, привезены 24 француза, сказывающія о себѣ, что они всѣ бароны, шевалье, маркизы и графы, и что они, будучи несчастливы въ своемъ отечествѣ, по разнымъ дѣламъ, касавшимся до чести ихъ, приведены были до такой крайности, что, для пріобрѣтенія золота, вмѣсто Америки, припуждены были ѣхать въ Россію. Они во своихъ разказахъ солгали очень мало: ибо по достовѣрнымъ доказательствамъ, они всѣ природныя французы, упражнявшіяся въ разныхъ ремеслахъ и должностяхъ третьяго рода. Многія изъ нихъ въ превеликой жили ссорѣ съ парижскою полиціею, и для того она, по ненависти своей къ нимъ, здѣлала имъ привѣтствіе, которое имъ не полюбилось. Оное въ томъ состояло, чтобы они несмеленно выбрались изъ Парижа, буде не хотятъ обѣдать, ужинать и ночевать въ бастиліи. Такое привѣтствіе, хотя было и очень искренно, однакожь симъ господамъ французамъ не полюбилось; и ради того пріѣхали они сюда, и намѣрены вступить въ должности учителей и гофмейстеровъ молодыхъ благородныхъ людей. Они скоро отсюда пойдутъ въ Петербургъ. Любезныя согражданѣ, спешите навимать сихъ чужестранцовъ, для воспитанія вашихъ дѣтей! Поручайте немѣдленно будущую подпору государства симъ побродягамъ, и думайте, что вы исполнили долгъ родительской, когда наняли въ учителя французовъ, не узнавъ прежде ни званія ихъ, ни поведенія“⁽²⁾. Что дѣйствительно подобныя

(1) Аванасьева сатирич. журналы стр. 184.

(2) Трутенъ Новикова, изд. П. А. Ефремова. Спб. 1863; стр. 100—101.

лица попадали въ учителя русскихъ дѣтей, объ этомъ засвидѣтельствовалъ еще указъ 1755 г. объ открытіи московскаго университета, въ которомъ сказано было, что „иные родители, не имѣя знанія въ наукахъ, или по необходимости не сыскавъ лучшихъ учителей, принимали такихъ, которые лакеями, парикмахерами и другими подобными ремеслами всю жизнь свою препровождали“. Въ Россію, говорить въ своихъ запискахъ графъ Сегюръ (французскій посланникъ при дворѣ Екатерины II), пріѣзжало множество пегодныхъ французовъ, развратныхъ женщинъ, искателей приключеній, камеръюнгферъ, лакеевъ, которые ловкимъ обращеніемъ и умѣньемъ изъясняться скрывали свое званіе и невѣжество. Но этому не было виною наше правительство... Скорѣе можно было винить самихъ русскихъ, потому что они съ непонятною безпечностію принимали къ себѣ въ дома и даже довѣряли свои дѣла людямъ, за способности и честность которыхъ никто не ручался. Любопытно и забавно было видѣть, какихъ странныхъ людей назначали учителями и наставниками дѣтей въ иныхъ домахъ въ Петербургѣ и особенно внутри Россіи“.— „Къ одному московскому дворянину, говорить Порошинъ, напялся въ учителя чухонецъ, назвавъ себя французомъ, и дѣтей его, вмѣсто французскаго языка, чухонскому выучилъ“. До такого безобразія доводила русскаго человѣка его страсть подражать всему иностранному. Нисколько, поэтому, не удивительно, что журналы осмѣивали ее въ самыхъ рѣзкихъ формахъ. „Всякая Всячина“ рассказывала напр., что въ одномъ домѣ были нанять въ учителя французъ, изгнанный изъ своего отечества „съ напечатаніемъ герба распустившейся лилеи на спинѣ“ и не знавшій грамоты. Не посчастливилось ему и въ Россіи, ибо между имъ и полиціей возникло нѣкоторое недоразумѣніе: полиція доказывала, что онъ воровалъ, а наставникъ утверждалъ, что слово „воровалъ“ крайнимъ невѣжествомъ выдуманно. Когда этотъ учитель попалъ въ тюрьму, мать дѣтей, которыхъ онъ училъ, утѣшлась тѣмъ, что скорѣе прибыли въ Москву кучеръ, поваренокъ, парикмахеръ и егеръ французскаго посла, которые не захотѣли съ нимъ обратно ѣхать, а рѣшились заняться воспитаніемъ русскаго благороднаго юношества“. Можно-ли, спрашивалъ сотрудникъ одного сатирическаго журнала, рассчитывать на нравственное развитіе ребенка, отданнаго на руки такого человѣка, достоинства котораго заключаются только въ томъ, что онъ родился во Франціи и дешево беретъ за ученіе? Умѣнье одѣваться, любезность, ловкость въ танцахъ— вотъ все, на что обращали вниманіе французскіе гувернеры. Такое воспитаніе съ особенною силою осмѣивалъ „Кошелекъ“. Здѣсь, между прочимъ, было напечатано письмо одного марсельскаго ремесленника къ

сыну: „Ты требовалъ, чтобы я прислалъ тебѣ отсюда дворянскій паспортъ, но я не могъ достать онаго и съ превеликою трудностію получилъ мѣщанскій: вепорядочная твоя въ молодости жизнь тому причиною... Я сторговалъ было паспортъ послѣ одного бѣднаго капитана, умершаго скоропостижно, но, не могли достать денегъ, упустилъ оный, а купилъ его сынъ нашего сосѣда, бочара, и съ овымъ отправился въ Петербургъ, чтобы вступить въ военную службу“. По справкамъ, прибавляетъ издатель журнала, оказалось, что этотъ марседецъ, на границахъ россійской имперіи, произвелъ себя въ певалье де-Мансонжъ и поступилъ въ С.-Петербургъ къ одному знатному дворянину учителемъ его дѣтей за 500 рублей въ годъ, да сверхъ того получаетъ еще столъ, слугу и карету“⁽¹⁾.

Воспитаніе богатыхъ и знатныхъ дѣтей обыкновенно оканчивалось путешествіемъ по Европѣ, гдѣ они наглядно могли познакомиться со всѣми плодами науки, искусства и цивилизаціи. И литература и правительство поощряли путешествія. „Всякая Всячина“ настаивала, чтобы отпуская, молодыхъ людей въ чужіе края, опредѣляли предметъ, для изученія котораго они посылаются. И. И. Бецкій, по порученію Екатерины, составилъ прекрасный планъ для путешествія молодыхъ людей за границей и съ цѣлію образованія. Но чему могли научиться и что могли привозить изъ за гравіцы русскіе недоросли, воспитанные такими невѣжественными гувернерами, на какихъ указано выше? Они со страстію предавались праздной и распущенной жизни, усвоивая отъ европейцевъ только одни пороки, проматывали цѣлыя состоянія, вовсе не думали ни о какихъ наукахъ и искусствахъ и возвращались въ Россію совершенно испорченными. На подобныя путешествія Трутень напечаталъ такую злую сатиру: „Молодаго россійскаго поросенка, который ѣздилъ по чужимъ землямъ для просвѣщенія своего разума, и которой, объѣздивъ съ пользою, возвратился уже совершенною свиньею, желающіе смотрѣть, могутъ его видѣть безденежно по многимъ улицамъ сего города“⁽²⁾. Такая сатира была вызвана именно дурными послѣдствіями путешествій. „Я примѣтилъ, говоритъ Трутень, что всѣ наши молодые дворяне, путешествующія въ чужія земли, привозятъ только извѣстіе, какъ тамъ одѣваются, пространное дѣлаютъ описаніе всѣмъ увеселеніямъ и позори-

⁽¹⁾ Афанасьева сатирическіе журналы, стр. 185, 188—190.

⁽²⁾ Трутень, изд. Ефремова, стр. 38.

шамъ того народа: но рѣдкой изъ нихъ знаетъ, на какой конецъ путешествіе предпринимать должно. Я почти ни отъ одного изъ нихъ не слыхалъ, чтобы сдѣлали они свои примѣчанія на нравы того народа, или на узаконеніи, на полезныя учрежденія и проч. дѣлающее путешествіе толико нужнымъ. Мнѣ его совсѣмъ не нравится: лучше совсѣмъ не ѣздить, нежели ѣздить безъ пользы, а еще паче и ко вреду своего отечества“ (1). „Мы привыкли, говоритъ Живописецъ, перенимать съ жадностію все отъ иностранныхъ, но, по несчастію вашему, по часту перенимаемъ только пороки ихъ; напр. когда были въ модѣ у насъ французы, то отъ обхожденія съ ними остались у насъ легковѣрность, непостоянство, вертопрашество, вольность въ обхожденіи, превосходящая границы, благоразуміемъ учрежденныхъ, и многія другія пороки. Французовъ смѣнили англичаве: нынѣ женщины и мужчины въ запуски стараются перенимать что-нибудь отъ англичанъ: все англійское кажется намъ теперь хорошо, прелестно, и все насъ восхищаетъ. И мы по несчастію столь пристрастны къ чужестранному, что и самыя пороки ихъ нерѣдко почитаемъ добродѣтелию“ (2).

Вмѣсто просвѣщенія русскіе путешественники привозили изъ за границы поклоненіе модѣ и всему модному. „Нынѣ, жалуются журналы, на все мода: одѣваются по модѣ, ходятъ по модѣ, говорятъ и думаютъ по модѣ, даже бранятся по модѣ“. „Мы прежде, говоритъ Смѣсь, походили на статуи, а теперь стали выпускными куклами, которыя кривляются, скачутъ, бѣгають, повертываютъ головой и махають руками“ (3). Журналы нападаютъ на чрезвычайную роскошь въ костюмахъ, доходившую до того, что бархатъ, кружева и блонды, серебрянныя и золотыя украшенія считались необходимыми принадлежностями туалета; на странныя головныя уборы — завиваніе волосъ, пудру и парики; на румяны, бѣлила и мушки. Особенно рѣзкій типъ современнаго пегиметра, щеголя и вертопраха нарисовалъ Живописецъ. Онъ же напечаталъ и „Опытъ моднаго словаря щегольскаго нарѣченія“, изъ котораго видно, до какого искаженія доводила мода и самый языкъ русскій, который въ разговорѣ современныхъ пегиметровъ являлся безобразною смѣсью иностранныхъ и русскихъ словъ и оборотовъ (4). Вотъ напр. образъ

(1) Тамъ же стр. 272.

(2) Живописецъ, изд. Ефремова, стр. 81—82.

(3) Сатирич. журналы Аенанасьева, стр. 211.

(4) Смотр. Живописецъ, изд. Ефремова, стр. 59.

чикъ моднаго нарѣчія: „Мои соеиг, Живописецъ! пишетъ щеголика. Ты, радость, непримѣрный авторъ! По чести говорю, ужестъ, какъ ты славенъ! Читая твои листы, я неподобно утѣшаюсь, какъ все у тебя славно: слогъ разстеганъ, мысли прыгающіе. Твои листы вѣчно меня прельщаютъ; клянусь, что я всегда фелитирую ихъ безъ всякой дистракціи“⁽¹⁾.

Рабское подражаніе иностранцамъ соединялось съ презрѣніемъ ко всему отечественному. Поэтому журналы, осмѣивая подражательность, старались возбудить въ русскомъ обществѣ чувство патриотизма, указывали на необходимость изучать свою страну и ея свойства и потребности, свою отечественную исторію, свою народную поэзію и свой языкъ. Журналъ Чулкова „И то и сіо“ имѣлъ чисто народное направленіе; всѣ номера его наполнены народными пословицами и поговорками; въ своихъ статьяхъ онъ описывалъ народные праздники и обряды, печаталъ народные сказки и пѣсни. Издавая „Кошелекъ“, Новиковъ объявилъ, что онъ посвящаетъ его отечеству, что онъ своею цѣлію при его изданіи поставляетъ защиту русскихъ отъ мнѣнія тѣхъ людей, „кои обольщены будучи нѣкоторыми, снаружи блестящими дарованіями иноземцевъ, не только что чужія земли предпочитаютъ своему отечеству, но еще, къ стыду цѣлой Россіи, и гнушаются соотечественниками, и думаютъ, что Россіянинъ долженъ заимствовать у иностранныхъ все, даже и до характера, какъ будто бы природа, устроившая всѣ вещи съ такою премудростію и надѣлившая всѣ области свойственными климатамъ ихъ дарованіями и обычаями, столько была несправедлива, что одной Россіи, не давъ свойственнаго народу ея характера, опредѣлила скитаться по всѣмъ областямъ и занимать клочками разныхъ народовъ разные обычаи, чтобы изъ сей смѣси составить новый, никакому народу не свойственный характеръ“. Указывая на искаженіе русскаго языка иностранными словами и оборотами, Новиковъ призывалъ все русское общество заботиться объ исправленіи русскаго языка. „Неоспоримая есть истина, говоритъ онъ, что доволѣ будутъ презирать свой отечественный языкъ въ обыкновенномъ разговорѣ, дотолѣ и въ письменахъ не можетъ оный до совершенства дойти“⁽²⁾. Въ покоющемся трудолюбцѣ такъ же Новиковъ старался внушить, что „нелѣпо посылать за границу молодыхъ людей, только что вышедшихъ изъ училища... Надо прежде узнать свое отечество. Россіянинъ долженъ вник-

(1) Аванасьева сатирич. журн., стр. 204—205.

(2) Тамъ же стр. 202—203.

нуть въ древній вкусъ многихъ старинныхъ кремлевскихъ строеній, прежде нежели разсматривать станетъ луврскую колоннаду, или прежде долженъ удивляться монументу великаго не только въ Россіи, но и въ цѣломъ свѣтѣ мужа, нежели будетъ столбенѣть при воззрѣніи на тюильерійскія статуи. Не должно спрашивать у иностранцевъ о ихъ достопамяностяхъ, если не можемъ рассказать имъ о своей землѣ“.

УЧЕНАЯ ЛИТЕРАТУРА ВЪ ЕКАТЕРИНИНСКУЮ ЭПОХУ.

Ученая дѣятельность въ Екатерининскую эпоху, какъ и прежде, сосредоточивалась въ академіи наукъ, московскомъ университетѣ и російской академіи, которая была открыта въ 1783 г. Въ академіи наукъ мы встрѣчаемъ въ эту эпоху уже гораздо болѣе дѣятелей изъ русскихъ ученыхъ — однихъ въ числѣ дѣйствительныхъ членовъ академіи по разнымъ наукамъ, каковы были Румовскій по астрономіи, физикѣ и математикѣ, Лепехинъ, Озерецковскій, Никита Соколовъ и Зуевъ по естественной исторіи, Протасовъ по астрономіи, Иноходцевъ и Кононовъ по физикѣ и математикѣ, Севергинъ по минералогіи; другихъ при разныхъ занятіяхъ въ академіи, каковы были Барсовъ и Свѣтовъ, преподававшіе исторію въ академической гимназіи. Большая часть этихъ ученыхъ получили образованіе сначала въ академическомъ университетѣ, а потомъ въ заграничныхъ университетахъ; нѣкоторые изъ нихъ учились не въ одномъ, а въ двухъ, даже трехъ университетахъ. Такъ Никита Соколовъ и Зуевъ учились въ лейденскомъ и страсбургскомъ; Озерецковскій и Протасовъ учились въ лейденскомъ, а диссертацию на степень доктора медицины защищали въ страсбургскомъ университетѣ; Зыбѣлинъ учился въ лейденскомъ, кенигсбергскомъ и берлинскомъ университетахъ. Въ московскомъ университетѣ въ эту эпоху также было больше профессоровъ изъ русскихъ, чѣмъ прежде. Кромѣ упомянутыхъ выше Аничкова, Брянцева и Барсова, профессорами въ немъ были его собственные воспитанники Аювинъ, Зыбелинъ, Веніаминовъ, Десницкій, Третьяковъ, Чеботаревъ, Страховъ. Нѣкоторые изъ нихъ славились какъ знаменитые ученые и преподаватели, какъ напр. Десницкій, получившій образованіе въ Глазговскомъ университетѣ и тамъ же возведенный сначала въ магистры и потомъ въ докторы гражданскихъ и церковныхъ правъ. Онъ перевелъ на русскій языкъ знаменитую въ то время книгу Блэкстона „Истолкованіи англійскихъ законовъ“ и въ 1767 г. первый началъ преподавать юридическія науки на русскомъ языкѣ. Стараясь о

распространеніи высшаго образованія чрезъ умноженіе способныхъ слушателей, московскій университетъ въ 1771 г. издалъ „Способъ ученія“ для того, чтобы согласить домашнее ученіе съ ученіемъ гимназическимъ, приготовляющимъ воспитанниковъ къ университету. Но одного московскаго университета, конечно, было мало для распространенія высшаго образованія въ Россіи. Поэтому въ царствованіе Екатерины мы встрѣчаемъ нѣсколько попытокъ къ заведенію университетовъ. Въ комиссіи о составленіи проекта новаго Уложенія, вмѣстѣ съ проектомъ высшихъ и среднихъ школъ, подвергалось обсужденію и устройство университетовъ и приступлено было къ составленію университетскаго устава; но такъ какъ это случилось предъ самымъ закрытіемъ комиссіи, то проектъ не былъ оконченъ.—Въ 1775 г. Дидро, по просьбѣ Екатерины, составилъ для Россіи планъ университета. По этому плану университетъ заключалъ въ себѣ начальную школу, среднее учебное заведеніе, дополнительный въ немъ или переходный къ университету курсъ, и собственно университетъ. Въ планѣ интересенъ не столько самый университетъ, похожій на всѣ европейскіе университеты, сколько постановка средняго, подготовительнаго къ университету заведенія, соответствующаго гимназій. Согласно съ характеромъ времени, для этого заведенія назначалось направленіе реальное, математическое. Первые пять лѣтъ ученія посвящались исключительно наукамъ математическимъ и естественнымъ; ни одна словесная наука не допускалась въ курсъ этихъ классовъ. Развитіе воспитанниковъ направлялось ко внѣшнимъ формамъ и вещественной сторонѣ предметовъ: воображеніе, вкусъ, чувство изящнаго, воля, однимъ словомъ всѣ нравственныя качества человѣка, составляющія его нравственную природу, какъ бы не признавались, и не получали ни нищи, ни удовлетворенія. Словесныя науки допускались только съ 6-го класса и только въ формѣ логики, критики и общей грамматики; русскій и славянскій языки, не смотря на то, что планъ назначенъ былъ для образованія русскихъ людей, были отложены только на 7-й годъ, а греческій и латинскій языки—на 8-й послѣдній годъ ученія. Въ дополнительномъ или второмъ курсѣ предположено было въ первый годъ преподавать главныя основанія метафизики и религіи. Самъ Дидро, впрочемъ, былъ противъ того, чтобы изученіе религіи допускать въ систему образованія; онъ допускаетъ его въ проектѣ только по снисхожденію къ императрицѣ, уступая ея взглядамъ и желаніямъ. „Ваше Величество, писалъ онъ, не раздѣляете взгляда Бейля, который полагаетъ, что гражданское общество атеистовъ можетъ быть устроено такъ же хорошо, какъ общество деистовъ... Вы не думаете, какъ Плутархъ, что религіозный фанатизмъ бо-

лѣе опасенъ по своимъ послѣдствіямъ и болѣе оскорбляетъ божество, чѣмъ безвѣріе. Вы не называете религію, вмѣстѣ съ Гоббесомъ, изувѣрствомъ. Вы полагаете, что страхъ загробныхъ наказаній имѣетъ большое вліяніе на образъ дѣйствій людей.. Вы убѣждены, что сумма ежедневныхъ благъ, доставляемыхъ религіею всѣмъ слоямъ общества, превышаетъ сумму зла, производимаго въ народѣ религіозными сектами. . . Итакъ остается только сообразоваться съ Вашимъ взглядомъ, при обученіи Вашихъ подданныхъ, и допустить, чтобы имъ объясняли два естества въ Иисусѣ Христѣ, существованіе Божіе, безсмертіе души и будущую жизнь, но только какъ введеніе въ науку о нравственности“. При преподаваніи исторіи во второмъ классѣ, или во второй годъ подготовительнаго курса, Дидро совѣтуетъ начинать съ ближайшаго къ намъ времени, потомъ переходить постепенно „къ вѣкамъ побасенокъ и мифологіи“⁽¹⁾. Еватерина, разумѣется, не могла согласиться на такой односторонній и странный проэктъ. Въ 80 - хъ годахъ, какъ мы уже указали выше, предполагено было открыть три университета: въ Псковѣ, Черниговѣ и Пензѣ; однимъ изъ членовъ комиссіи народныхъ училищъ, О. П. Козодавлевымъ, составленъ былъ даже проэктъ университета и устава въ 1787 г.⁽²⁾ Проэктъ не былъ утвержденъ и университеты не были открыты; но нельзя оставить безъ вниманія тѣхъ началъ и цѣлей, которыя были положены въ основу университетскаго устава, и которыя имѣютъ совсѣмъ другой характеръ, чѣмъ идеи Дидро. Университеты положено было устроить по образцу иностранныхъ университетовъ, но заимствовать изъ нихъ только то, что примѣнимо къ потребностямъ Россіи, согласно съ условіями ея государственной и общественной жизни. „Польза россійскаго государства, сказано было въ проэктѣ, несомнѣнно требуетъ, чтобы науки въ россійскихъ университетахъ преподавались на языкѣ народномъ. Языкъ народный есть первый способъ къ распространенію въ народѣ просвѣщенія; гдѣ науки преподаются на языкѣ иностранномъ, тамъ народъ находится подъ игомъ языка чужаго и рабство сіе съ невѣжествомъ нераздѣльно. Число ученыхъ въ государствѣ людей какъ бы велико ни было, но если они науки преподавать будутъ не тѣмъ языкомъ, которымъ говорить народъ, то про-

(1) Взглядъ на учебную часть въ Россіи въ XVIII столѣтіи до 1782 г. графа Д. А. Толстаго. Спб. 1883 г. Особый оттискъ изъ XLVII тома Записокъ импер. академіи наукъ, стр. 73—74; 76—84.

(2) Проэктъ этотъ напечатанъ въ исторіи россійской академіи Сухомлинова, том. VI, гдѣ помѣщена обширная біографія Козодавлева.

свѣщеніе пребудеть только между весьма малою частью гражданъ, а народъ останется въ невѣжествѣ“. Какъ академическій университетъ, при академіи наукъ, по мысли Петра В. долженъ былъ служить разсадникомъ русскихъ ученыхъ, и вызовъ иностранцевъ былъ только временною мѣрою, и притомъ иностранные ученые обязывались приготовить русскихъ студентовъ и учителей, такъ и въ новомъ проектѣ университетскаго устава допускались въ университеты на первыхъ порахъ иноземные профессора, но съ неизбѣжнымъ условіемъ приготовить русскихъ ученыхъ. И впоследствии могли быть профессорами иноземцы; но лекціи свои они должны были читать на русскомъ языкѣ. Главною цѣлью университетовъ полагалось образованіе челоуѣка и гражданина. Доступъ въ университеты долженъ быть открытъ для всѣхъ сословій. Такъ называемые „несвободные люди“ становятся свободными предъ лицомъ науки. Науки называются свободными не потому, что предназначаются только для свободныхъ людей, а потому, что свѣтъ знанія долженъ свободно изливаться на всѣхъ желающихъ и каждому должна быть предоставлена полная свобода пользоваться его благотворными лучами... (1).

Основаніе російской академіи. Но самымъ важнымъ событіемъ въ исторіи русскаго образованія и русской науки во второй половинѣ XVIII в. было, конечно, основаніе російской академіи. „Россійская академія Екатерининскаго періода, говоритъ ея историкъ М. И. Сухомлиновъ, призвала къ участію въ трудахъ своихъ лучшія научныя силы тогдашней Россіи; мы смотримъ на исторію російской академіи, какъ на обширную главу изъ исторіи русской литературы и просвѣщенія въ концѣ XVIII и началѣ XIX в..... Вчитываясь и вдумываясь въ то, что высказано русскими учеными XVIII в., все болѣе и болѣе убѣждаешься, что ихъ дѣятельность не прошла безслѣдно“ (2). Учреж-

(1) Истор. рос. академіи VI, 44—57.

(2) Исторія російской академіи. Вып. I, 9—10.—Исторія російской академіи М. И. Сухомлинова. Спб. Вып. I; 1874 г. Вып. II 1875; Вып. III. 1876; Вып. IV, 1878; Вып. V; 1880; Вып. VI, 1882 во множествѣ изслѣдованій, очерковъ, біографій, характеристикъ эпохъ, лицъ и событій, во множествѣ обширныхъ выписокъ изъ рѣдкихъ старыхъ книгъ и цѣлыхъ документовъ, взятыхъ прямо изъ малодоступныхъ еще архивовъ, представляетъ богатѣйшій матеріалъ и источникъ вообще для исторіи образованія, науки и литературы XVIII и начала XIX столѣтій. Помѣщенный здѣсь краткій обзоръ ученой литературы составленъ, главнымъ образомъ, на основаніи этого источника.

деніе російской академіи тѣсно связано съ дѣятельностію ея основательницы, княгини Дашковой, которая въ то же время была директоромъ академіи наукъ.

Княгиня Е. Р. Дашкова. Послѣ императрицы Екатерины, княгиня Екатерина Романовна Дашкова (1743—1810) была самой образованной и замѣчательной женщиной въ Россіи во второй половинѣ XVIII в. (1). Въ Дашковой такъ же, какъ въ императрицѣ Екатеринѣ, современники находили не женскую силу воли и характера, прославляли ея умъ и обширное образованіе, любовь къ наукамъ и литературѣ, поэты и ученые посвящали ей свои сочиненія, писали въ честь ея стихи. Князьнинъ, посвящая ей свою трагедію „Росславъ“, въ своемъ посвященіи написалъ:

«Та, которая бесѣдуетъ съ Невтономъ,
Возвышена достоинствомъ своимъ
Быть средствомъ межъ наукъ и трономъ
И быть красою имъ,
Умѣетъ и сама прельщать насъ лирнымъ тономъ».

Нынѣшняя критика, разбираая дѣятельность Дашковой, на основаніи новыхъ данныхъ, находитъ въ ней много тщеславія, суетности и другихъ недостатковъ (2); но и при этихъ недостаткахъ, она такъ же не можетъ не признать ея, среди множества замѣчательныхъ лицъ въ Екатерининскую эпоху, выдающейся личностію. Дашкова первая изъ русскихъ женщинъ является въ ряду общественныхъ дѣятелей, и ея дѣятельность была весьма благотворна для русскаго образованія, науки и литературы.

Съ малыхъ лѣтъ въ Дашковой начали обнаруживаться двѣ главныя ея страсти—къ политикѣ и литературѣ. Дочь генералъ-аншефа, графа Р. И. Воронцова, она воспитывалась въ домѣ дяди своего, государственнаго канцлера М. И. Воронцова. Здѣсь она имѣла возможность постоянно видѣть разныхъ государствен-

(1) Екатерина Романовна Дашкова, Д. И. Иловайскаго. Отеч. Зап. 1859. том. СХХVI—СХХVII. Литературные труды Е. Р. Дашковой. Аванасьева. Отеч. Зап. 1860; том СХХIX. Директоръ академіи наукъ Е. Р. Дашкова. Чтен. общ. истор. и древн. 1867, 1. Исторія рос. академіи М. И. Сухомлинова. Вып. 1, 20—58.

(2) Смотр. Архивъ князя Воронцова. Книга XXI. Бумаги княгини Е. Р. Дашковой, урожденной графини Воронцовой. М. 1881. — Письма княгини Е. Р. Дашковой къ князю Г. А. Потемкину. Древняя и новая Россія 1879, № 7.

ныхъ людей, иностранныхъ пословъ, слышать разговоры о политикѣ и приобрѣсть къ ней вкусъ. При связяхъ дяди съ дворомъ и придворными лицами, она познакомилась и подружилась съ импер. Екатериной еще въ то время, когда она была великой княгиней, и потомъ содѣйствовала ей при вступленіи на престолъ. Бывшій въ то время англійскій посоль лордъ Макартней такъ характеризуетъ Дашкову: „Будучи 22 лѣтъ отъ роду, она уже участвовала въ полдюжинѣ заговоровъ. Эта женщина обладаетъ рѣдкой силой ума, смѣлостью, превосходящею храбрость любого мучины, и энергіей, способной предпринимать задачи самыя невозможныя, для удовлетворенія преобладающей страсти“. Занявъ послѣ переворота видное мѣсто при дворѣ, Дашкова, однакоже, при своемъ горячемъ и независимомъ характерѣ, не могла долго здѣсь оставаться, а должна была удалиться. Удалившись отъ двора, она предалась другой своей страсти — литературѣ. Чтеніе литературныхъ сочиненій было съ малыхъ лѣтъ постояннымъ ея занятіемъ; любимыми писателями ея были Бэйль, Вольтеръ, Монтескье. Удалившись отъ двора, она ѣздила нѣсколько разъ за границу и проводила тамъ цѣлыя годы въ кругу ученыхъ и писателей разныхъ странъ, нѣсколько разъ была у Дилро во Франціи, у Вольтера въ Швейцаріи. Особенно долго она жила въ Англіи и Шотландіи, когда сынъ ея учился въ Единбургскомъ университетѣ; здѣсь она познакомилась съ Робертсономъ и Адамомъ Смитомъ. Но, воспитавшись на сочиненіяхъ французскихъ и другихъ современныхъ европейскихъ писателей и увлекаясь ими въ молодости, она впоследствии, подобно Екатеринѣ, разочаровалась въ нихъ, и въ своей литературной дѣятельности стала на сторонѣ тѣхъ русскихъ писателей, которые, подобно Новикову, Щербатову, Болтину и др., стремились къ распространенію воспитанія и образованія въ Россіи на національныхъ началахъ, и вообще громко заявляла сочувствіе къ древне-русской жизни и исторіи. „Недовольство настоящимъ, говоритъ Сухомлиновъ, естественно, ведетъ къ сочувствію къ прошедшему, вытѣсненному настоящимъ... И у Дашковой сочувствіе къ доброму старому времени находилось въ живой связи съ сознаніемъ недостатковъ настоящаго и съ разумнымъ стремленіемъ къ лучшему... Не представляя прошлаго исключительно въ розовомъ свѣтѣ, Дашкова отдаетъ преимущество старинному быту въ томъ отношеніи, что главѣнымъ врагомъ добра и истины было тогда одно невѣжество, а теперь — нравственная испорченность: „а неуча, говорила она, научить можно скорѣе, нежели развратнаго исправить“. Степень умственнаго и нравственнаго развитія общества особенно ясно опредѣляется господствующими

понятіями о воспитаніи. Въ этомъ отношеніи, въ исторіи нашего общественнаго развитія, Дашкова указываетъ четыре періода.. „Прадѣды наши, замѣчаетъ она, называли воспитаніемъ то, когда научать дѣтей своихъ псалтыри и считать по счетамъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ они научали ихъ повиноваться закону и свято хранить данное слово или обѣщаніе. Нельзя, однакоже, назвать этого воспитаніемъ, потому что они не имѣли понятія о естественномъ правѣ и въ невѣдѣніи своемъ могли быть суровыми отцами и мужьями и жестокими въ отношеніи рабовъ. Дѣды наши понимали воспитаніе вѣсколько иначе. Жалкое состояніе правосудія заставило ихъ учить дѣтей своихъ Уложенію, за которымъ слѣдовало чтеніе воинскаго артикула и сказки о Бовѣ королевичѣ; иные не брезгали и ариметикой. Само собою разумѣется, что все это не заслуживаетъ названія воспитанія; но хорошая, хотя и отрицательная, сторона тогдашнихъ нравовъ заключалась въ томъ, что русскіе еще не стыдились быть русскими. Отцы наши старались насъ воспитывать именно такимъ образомъ, чтобы мы перестали быть русскими. Орудіемъ къ этому служили французы и француженки, учителя, бывшіе лакеями, и мадамы сомнительной нравственности... Такое воспитаніе не только бесполезно, но положительно вредно, подрывая любовь къ отечеству и нравственныя основы семейной и общественной жизни. Воспитаніе, которое мы даемъ своимъ дѣтямъ, еще болѣе удаляется отъ истиннаго смысла слова „воспитаніе“. Къ учителямъ - французамъ прибавилось еще новое зло—путешествіе за границей безъ всякой разумной цѣли. Предаваясь празности, роскоши и разнымъ порокамъ въ Парижѣ или Страсбургѣ, путешественники возвращаются на родину съ истощеннымъ тѣломъ и кошелькомъ... Воспитаніе раньше начинается и позднѣе оканчивается, нежели обыкновенно думаютъ. Оно состоитъ не въ однихъ внѣшнихъ талантахъ, не въ одномъ знаніи иностранныхъ языковъ, даже не въ одномъ научномъ образованіи. Истинное совершенное воспитаніе заключаетъ въ себѣ три, соединенныя въ одно цѣлое, начала: воспитаніе физическое, нравственное и наконецъ школьное, или классическое“. (1) Проникнутая чувствомъ недовольства современнымъ воспитаніемъ и современною распущенностію нравовъ, Дашкова въ своихъ воззрѣніяхъ вдавалась и въ крайности, доводившія ее до несправедливыхъ сужденій и вообще о новомъ періодѣ русской исторіи и до рѣзкихъ отзывовъ о самомъ Петрѣ В. и его реформахъ. Разумѣемъ извѣстный ея разговоръ съ кня-

(1) Ист. Росс. Академіи I, 24—26.

земь Кауницею, въ которомъ она упрекаетъ Петра В. за тѣ мѣры, какія онъ употребилъ при введеніи реформъ въ Россіи. Въ важнѣйшемъ современномъ вопросѣ объ освобожденіи крѣпостныхъ крестьянъ Дашкова стояла на сторонѣ тѣхъ писателей, которые, хотя сочувствовали освобожденію, но находили его преждевременнымъ, утверждая, что крестьянъ нужно прежде приготовить къ свободѣ образованіемъ. „Просвѣщеніе, говорила она въ бесѣдахъ съ Дидро по этому случаю, производитъ свободу; напротивъ свобода безъ просвѣщенія можетъ породить только анархію и замѣпательство. Когда нисшій классъ моихъ согражданъ будетъ просвѣщенъ, онъ будетъ достоинъ свободы, ибо сумѣетъ пользоваться ею безъ ущерба для своихъ собратій, безъ разрушенія порядка и повиновенія, необходимыхъ при всякомъ управленіи“.

Литературная дѣятельность Дашковой выразилась въ разныхъ, переводныхъ и оригинальныхъ, сочиненіяхъ, которыя она помѣщала въ разныхъ современныхъ журналахъ. Первымъ ея литературнымъ опытомъ былъ переводъ сочиненія Вольтера: „Опытъ объ эпической поэзіи“. Затѣмъ она писала въ стихахъ и прозѣ разные статьи и разсужденія, комедіи и мелкія стихотворенія. Изъ комедій ея замѣчательна комедія „Тоисіоковъ“, написанная по желанію Екатерины для эрмитажнаго театра. Названіе комедія получила отъ фамиліи главнаго дѣйствующаго въ ней лица, Тоисіокова. Тоисіоковъ — такой безхарактерный человѣкъ, который „и то и се“ желаетъ, „и то и се“ приказываетъ. У него нѣтъ ни своего образа мыслей, ни воли, ни характера; это не человѣкъ, а вѣкуда негодная тряпка. Въ противоположность Тоисіокову въ комедіи выведена „Рѣшимова“, самая фамилія которой указываетъ на совершенно противоположныя въ ней свойства. Рѣшимову всего болѣе возмущаетъ въ человѣкѣ отсутствіе характера. „По моему, говоритъ она, какой пибудь да нравъ лучше, нежели не имѣть никакого; какъ бы крутъ ни былъ, захочешь, такъ подладишь, а вергушка жестяная да деревянная хороша, а не съ руками и ногами“. Изстари Рѣшимова слыла женщиной съ характеромъ: баба съ головой, говорили про нее всѣ знавшіе ее; и сама она сознавала, что имѣетъ волю и умѣетъ ею пользоваться“. Думаютъ, что черты Тоисіокова святы съ Нарышкина, отличавшагося безхарактерностію, а въ Рѣшимовой отразились черты собственной личности автора, черты ума и характера самой Дашковой.

Въ 1783 г. Екатерина назначила Дашкову директоромъ Академіи наукъ. Въ этой должности она находилась 11 лѣтъ и привнесла Академіи большую пользу. Она оживила Академію, направивъ дѣятельность ея членовъ непосредственно на пользу

Россіи и русскаго просвѣщенія. При отсутствіи высшихъ учебныхъ заведеній, Дашкова находила весьма полезнымъ открыть при Академіи высшіе публичныя курсы на русскомъ языкѣ, и пригласила русскихъ академикомъ и адъюнктовъ избрать предметы для публичныхъ лекцій; въ теченіе четырехъ лѣтнихъ мѣсяцевъ такія лекціи и читались по нѣсколькимъ предметамъ.—физикѣ, математикѣ и естественнымъ наукамъ. Для изученія Россіи Дашкова заботилась о снаряженіи въ разные края ученыхъ экспедицій. Изъ академическихъ учрежденій она особенное вниманіе обращала на академическую гимназію, въ которой, по мысли Петра В., должны были приготовляться воспитанники для академическаго университета и будущіе русскіе члены Академіи и вообще ученые изъ русскихъ. Изъ воспитанниковъ этой гимназіи и университета Дашкова избрала нѣсколько даровитыхъ людей и отправила въ геттингенскій университетъ для окончательнаго образованія. Съ цѣлью доставить русскому обществу возможность читать на родномъ языкѣ произведенія иностранныхъ литературъ, она учредила при Академіи, какъ уже указано выше, такъ называемый „Переводческій Департаментъ“. Наконецъ, кромѣ прежде существовавшихъ повременныхъ изданій, она открыла при Академіи новый русскій литературный журналъ „Собесѣдникъ любителей россійскаго слова“. Этотъ журналъ издавался Козодавлевымъ, подъ непосредственнымъ руководствомъ самой Дашковой; въ немъ помѣщали свои сочиненія сама Екатерина, Фонъ-Визинъ, Державинъ и всѣ лучшіе писатели того времени. Для того, чтобы соединить въ одинъ сборникъ всѣ, какъ печатныя такъ и рукописныя, театральныя сочиненія, она предложила Академіи издавать „Россійскій Театръ или полное собраніе всѣхъ театральныхъ россійскихъ сочиненій“. Собесѣдникъ, въ которомъ помѣщались литературныя сочиненія, подалъ Дашковой поводъ предложить импер. Екатеринѣ учредить, для усовершенствованія русскаго языка и словесности, отдѣльную „Россійскую Академію“, которая и была открыта въ 1783 г. Цѣлю академіи, какъ сказано въ ея уставѣ, было назначено—очищеніе и обогащеніе русскаго языка, установленіе употребленія словъ, свойственное русскому языку витійство и стихотворство. Для достиженія этой цѣли положено было составить русскую грамматику, русскій словарь, реторику и правила стихотворства. Вмѣстѣ съ тѣмъ, академики должны были, какъ Дашкова заявила въ рѣчи своей при открытіи академіи, заняться изученіемъ памятниковъ отечественной исторіи и увѣковѣчить въ произведеніяхъ слова знаменитыя ея событія какъ минувшаго, такъ и настоящаго времени. Президентомъ Россійской академіи была назначена сама Дашкова. Въ члены академіи были избра-

ны всѣ лучшіе русскіе писатели того времени, извѣстнѣйшіе ученые и преимущественно члены петербургской академіи наукъ, представители высшаго образованнаго общества, такъ или иначе зажившіе свое сочувствіе къ наукѣ и литературѣ, и наконецъ нѣкоторые лица изъ высшаго образованнаго духовенства. Кромѣ настоящихъ членовъ, Дашкова положила выбрать еще 8 „приобщниковъ академіи“ изъ даровитыхъ молодыхъ людей, уже оказавшихъ успѣхи въ отечественномъ языкѣ. Эти приобщники, не имѣя правъ настоящихъ членовъ, участвовали въ собраніяхъ и трудахъ академіи; изъ нихъ должны были потомъ избираться новые члены, на мѣсто убывавшихъ членовъ.—Въ 1795 г. Дашкова навлекла на себя неудовольствіе Екатерины тѣмъ, что при академіи была напечатана трагедія Княжвина „Вадимъ“, и должна была оставить должность при академіи. По смерти Екатерины, при импер. Павлѣ она принуждена была удалиться въ свою деревню. Живя въ деревнѣ, въ уединеніи, а потомъ въ Москвѣ, она написала „Записки о своей жизни“, для своей компаньонки, англичанки миссъ Вильмотъ, съ которою она подружилась, во время своего пребыванія въ Эдипбургѣ⁽¹⁾.

Для распространенія образованія и наукъ въ Россіи русскіе академики и другіе ученые переводили съ иностранныхъ языковъ разныя ученныя книги, составляли учебники и руководства на русскомъ языкѣ, читали публичныя лекціи, помѣщали научныя и общедоступныя статьи въ повременныхъ изданіяхъ. „Членамъ Академіи наукъ и Россійской академіи, говоритъ Сухомлиновъ, принадлежитъ честь созданія и усовершенствованія русской научной терминологіи. Благодаря ихъ усиліямъ, наука впервые заговорила у насъ на родномъ языкѣ—событіе въ высшей степени важное не только въ исторіи русскаго литературнаго языка, но и въ исторіи русской образованности вообще. Въ литературѣ всѣхъ просвѣщенныхъ народовъ считается эпохою введеніе роднаго языка въ область науки, и высоко цѣнятся заслуги лицъ, которыя, подобно Вольфу въ Германіи, начали писать о научныхъ предметахъ на отечественномъ языкѣ“⁽²⁾.—Что касается вообще характера, содержанія и направленія ученыхъ

(1) Эти записки на англійскомъ языкѣ въ первый разъ были напечатаны въ 1840. на русскомъ языкѣ въ первый разъ были напечатаны въ Лондонѣ въ 1859 г. Новый переводъ записокъ Дашковой въ Русской Старинѣ 1874 г. Миссъ Вильмотъ и княгиня Дашкова. Подлинныя записки княгини Дашковой. М. Шугурова. Русск. Архивъ 1880; кн. 3.

(2) Истор. Росс. Академ. Вып. IV, 4—5.

сочиненій, то мы уже выше замѣтили, что русскимъ ученымъ XVIII в., начиная съ Ломоносова, нужно было останавливаться на самыхъ общихъ и чисто элементарныхъ вопросахъ о значеніи науки и ея практическомъ примѣненіи къ жизни. Важное значеніе той или другой науки, напр. изъ области естествознанія, доказывалось во 1-хъ тѣмъ, что изученіе этой науки приноситъ несомнѣнную пользу въ матеріальномъ отношеніи; во 2-хъ тѣмъ, что она возвышаетъ духъ, приводя къ единству стремленія разума и религіи, посредствомъ познанія Творца въ его твореніяхъ.—Отдѣльныхъ ученыхъ книгъ и большихъ сочиненій въ XVIII в. мы встрѣчаемъ не много. Ученая дѣятельность членовъ академій, профессоровъ университета и другихъ учреждений, выражалась, какъ уже прежде замѣчено, преимущественно въ рѣчахъ, которыя они произносили въ торжественныхъ собраніяхъ по разнымъ случаямъ. „Рѣчи эти, говоритъ Сухомлиновъ, представляли несомнѣнный интересъ для современнаго общества, отличаясь дѣлностью содержанія и затрогивая многіе живые вопросы, такъ что академическіе ораторы нерѣдко являлись не только истолкователями научныхъ истинъ, но и публицистами“. Такими рѣчами, между прочимъ, славились юристъ Десницкій и докторъ медицины Зыбелинъ.

Ученныя рѣчи, ученныя статьи и разныя изслѣдованія рѣдко выходили отдѣльными изданіями, а большею частію печатались въ разныхъ ученыхъ журналахъ, которые издавались при ученыхъ учрежденіяхъ и были органами этихъ учреждений. При Академіи наукъ во 2-й половинѣ XVIII в. издавались: *Nova Acta Academiae scientiarum petropolitanae*; Ежемѣсячныя сочиненія и извѣстія объ ученыхъ дѣлахъ въ 1763—1764 г.; Собраніе разныхъ сочиненій и новостей въ 1775—1776 г., ежемѣсячное изданіе, содержащее въ себѣ повѣя на руссійскомъ языкѣ сочиненія и переводы, новые успѣхи въ наукахъ и художествахъ; Академическія Извѣстія, содержація въ себѣ исторію наукъ и повѣйшія открытія оныхъ въ 1779—1781 г.—продолженіе предыдущаго изданія; завѣдывали имъ члены академіи Румовскій, Крафтъ, Озерецковскій; Новыя ежемѣсячныя сочиненія въ 1786—1796 г. При Московскомъ университетѣ въ 1774—1783 г. издавался журналъ „Опытъ трудовъ Вольнаго Россійскаго Собранія, учрежденнаго въ 1771 г. для исправленія и обогащенія руссійскаго языка; изданіемъ журнала руководилъ кураторъ университета, Мелиссино. Изъ другихъ указанныхъ выше литературныхъ журналовъ ученныя изслѣдованія и статьи помѣщались: въ С. Петербургскомъ Вѣстникѣ Брайко, издав. въ 1778—1781 г.; въ Чтеніи для вкуса, разума и чувствованія, Сохацкаго въ 1791—1793; въ Пріятномъ и полез-

номъ препровожденіи времени Сохацкаго и Подшивалова въ 1794—1798; въ Петербургскомъ журналѣ Пнина и А. Бестужева.

Послѣ этихъ общихъ замѣчаній о характерѣ ученой литературы во 2-й половинѣ XVIII в., укажемъ на нѣкоторыя, болѣе выдающіяся, явленія въ области русской исторіи языкованія и словесности.

Ученыя путешествія и описанія Россіи. Важнѣйшими трудами ученыхъ членовъ Академіи наукъ были ученые экспедиціи, или путешествія по Россіи, начавшіяся еще въ прежнее царствованіе. Путешествія эти предпринимались преимущественно для изслѣдованія и описанія Россіи по предметамъ, входящимъ въ кругъ наукъ естественныхъ; но этимъ не ограничивались задачи путешественниковъ. Они обязаны были производить подробныя и обстоятельныя изслѣдованія обзорѣваемыхъ странъ и мѣстностей во всѣхъ отношеніяхъ, и особенно собирать все, касающееся правовъ, обычаевъ, древностей, языковъ, преданій, все, что знакомить съ внѣшнимъ бытомъ и внутреннимъ характеромъ и воззрѣніями народа. Въ Екатерининскую эпоху были снаряжены четыре ученыхъ экспедиціи: двѣ астраханскія и двѣ оренбургскія. Астраханскія экспедиціи происходили подъ начальствомъ академикомъ, Самуила Гмелина и Гильденштедта; оренбургскія — подъ начальствомъ Палласа и состояли изъ Лепехина, Фалька, Георги, Зуева, Рычкова и Озерецковскаго; астраханскія экспедиціи были назвачены для обзорѣнія южной части Россіи, кавказскихъ и грузинскихъ странъ до персидскихъ областей; оренбургскія — для изслѣдованія сѣверной, восточной и западной частей Россіи. Составленные членами этихъ экспедицій записки наполнены самыми разнообразными и интересными свѣдѣніями и до сихъ поръ еще служатъ необходимыми пособіями для ученыхъ изслѣдователей о разныхъ мѣстностяхъ (1).

Историческія сочиненія. Особенное вниманіе въ эпоху Екатерины было обращено на разработку русской исторіи. Во главѣ дѣятелей въ этой области стояла сама Екатерина, кото-

(1) Записки Лепехина были изданы Озерецковскимъ въ 4 хъ частяхъ въ 1771—1785 г.; записки Палласа напечатаны въ 1773—1788 г.; записки Георги, Гмелина и Гильденштедта послѣ ихъ смерти были изданы также Палласомъ.

рая и сама занималась русской исторіей и побуждала къ этому другихъ. Въ 1767 г. она поручила Миллеру завѣдываніе и описаніе архива иностранной коллегіи, и приказала выдать ему 6000 руб. на покупку дома въ Москвѣ; ему же даны были средства на печатаніе лѣтописей, сочиненій Татищева и другихъ историческихъ сочиненій. Екатерина вообще поощряла описаніе и изданіе историческихъ памятниковъ. Подъ ея покровительствомъ явились Россійская Вивлюэика Новикова, изданіе памятниковъ древней письменности графа Мусина Пушкина, историческія сочиненія Елагина, Эмина, Голикова, Щербатова и Болтина. Характеризуя историческія сочиненія первой половины XVIII вѣка, мы указали, что господствующими элементами въ этихъ сочиненіяхъ были дидактической и ораторскій, выражавшіеся во множествѣ украшенныхъ описаній и витіеватыхъ рѣчей отъ имени разныхъ историческихъ лицъ. На исторію тогда смотрѣли, какъ на собраніе поучительныхъ примѣровъ, для прославленія предковъ и назиданія потомковъ. Во второй половинѣ XVIII в. это направленіе должно было еще усилиться вслѣдствіе патріотическихъ стремленій, вызванныхъ съ одной стороны вредными крайностями неразумнаго подражанія всему иностранному, а съ другой—нападками иностранныхъ писателей на русскую жизнь и русскую исторію. Для защиты отъ нареканій иностранцевъ и для укрѣпленія патріотическихъ стремленій нужно было изучить русскую исторію и указать на хорошія стороны древней русской жизни и народнаго характера. Къ прежнимъ элементамъ въ исторіи присоединился еще элементъ полемическій. Въ Екатерининскую эпоху въ такомъ направленіи писали исторію сама Екатерина, Елагинъ, Эминъ, Щербатовъ и Болтинъ.

Историческія сочиненія импер. Екатерины, Елагина и Эмина. Въ 1761 г. членъ парижской академіи аббатъ Шаппъ былъ въ Сибири, для наблюденія прохожденія венеры предъ солнцемъ. Возвратившись во Францію, онъ издалъ записки о своемъ путешествіи, въ которыхъ самымъ невѣрнымъ и пристрастнымъ образомъ описалъ нравы, обычаи и образъ правленія въ Россіи. Екатерина написала опроверженіе на эти записки, подъ заглавіемъ: *Antidote, ou examen du mauvais libre, superbement imprime intitule: Voyage en Syberie*. Опровергая разныя клеветы Шаппа, она защищаетъ Россію и доказываетъ, что Россія не хуже другихъ странъ. Таже самая мысль проводится и въ ея „Запискахъ касательно російской исторіи“. Эти записки составлены Екатериной изъ свода разныхъ русскихъ лѣто-

писей и доведены до 1276 г. (1). Сводъ этотъ былъ сдѣланъ для Екатерины разными лицами и между прочимъ профессорами московскаго университета, Барсовымъ и Чеботаревымъ. Въ Антидогѣ Екатерина защищаетъ современное состояніе Россіи; въ Запискахъ она защищаетъ ея прошедшую исторію. Она также и здѣсь старается показать, что русская исторія не хуже исторіи другихъ народовъ. „Если сравнить, говоритъ она, какую-нибудь эпоху русской исторіи съ одновременными событіями въ Европѣ, то безпристрастный писатель усмотритъ, что родъ человѣческой вездѣ одинаковыя имѣетъ страсти, желанія, намѣренія и къ достиженію употреблялъ не рѣдко одинаковыя способы“. Для большаго удобства къ такимъ сравненіямъ, въ концѣ исторіи каждаго князя, приложена таблица современныхъ ему государей европейскихъ и нѣкоторыхъ азіатскихъ и африканскихъ. Весьма искусно Екатерина обходитъ многія перепродныя дѣянія князей, или старается придать имъ видъ законности, нѣкоторыя темныя явленія древней русской жизни представляеть въ болѣе свѣтломъ видѣ. Когда Стриттеръ сдѣлалъ на Записки Екатерины нѣкоторыя замѣчанія, то она написала на нихъ свои замѣчанія: „я нашла, говоритъ она, во многомъ здравую критику „записокъ касательно Россійской исторіи“; но что написано, то написано; по крайней мѣрѣ ни нація, ни государство въ нихъ не унижены“. Эти слова показываютъ, какое значеніе Екатерина придавала своей исторіи. Въ такомъ же направленіи написаны историческія сочиненія Елагина, Эмина и Голикова. И. П. Елагинъ (1721 — 1796) написалъ „Опытъ повѣствованія о Россіи“ (въ 1789). Въ немъ онъ сначала имѣлъ намѣреніе только докончить исторію Татищева и потому началъ писать съ 1462 г. съ кончины князя Василія Васильевича III, на которъй Татищевъ остановился; но, написавъ три царствованія, онъ нашелъ лучше вновь написать всю исторію до половины царствованія Елисаветы, но успѣлъ написать только до 1389 г. до кончины Донскаго (2). — О. А. Эминъ написалъ исторію російскую, содержащую только первый періодъ, простирающійся до Всеволода III или до 1213 г. (Спб. 1767—1769). И. И. Голиковъ (1735—1801), самоучка изъ кур-

(1) Записки сначала печатались въ «Собесѣдникѣ любителей російскаго слова», а потомъ были изданы отдѣльно въ 6-ти частяхъ Спб. 1787—1795.

(2) Изъ этого сочиненія напечатана только первая часть въ 3-хъ книгахъ, заключающая русскую исторію до кончины князя Владимира I.

скихъ купцовъ, написалъ „Дѣянiя Петра В. мудраго преобразителя Россiи“ X томовъ или частей и потомъ XVIII частей дополненiй къ нимъ. Это не историческое, а ораторское и панегирическое сочиненiе, въ которомъ собрано много посторонняго и не нужнаго для исторiи Петра В. Кроме того, Голиковъ издалъ еще „Анекдоты о Петрѣ В. и Жизнь Лефорта и Гордона“. Но Елагинъ Эминъ и Голиковъ были диллетантами въ исторiи, а не настоящими историками; настоящими историками при Екатеринѣ были Щербатовъ и Болтинъ.

Историческiя сочиненiя Щербатова. Князь Михаилъ Михайловичъ Щербатовъ (1733 — 1790) съ молодыхъ лѣтъ имѣлъ наклонность къ исторiи и занимался собиранiемъ историческихъ матеріаловъ. Когда узнала объ этихъ его занятiяхъ Екатерина, то поручила ему въ 1768 г. разобрать кабинетный архивъ Петра В. и приказала открыть ему доступъ во всѣ государственные архивы и библиотеки для сочиненiя россiйской исторiи. Первый томъ этой исторiи Щербатовъ напечаталъ въ 1770 г.⁽¹⁾; потомъ онъ издалъ еще пять томовъ, въ которыхъ исторiя была доведена до царя Михаила Ѳеодоровича. Щербатовъ былъ умный и добросовѣстный писатель; онъ обладалъ огромною эрудиціей вообще и въ частности былъ знакомъ съ историческою литературою другихъ народовъ. Прежнiе русскiе историки заботились главнымъ образомъ о томъ, чтобы, какъ можно, краснорѣчивѣе и паидательнѣе передать историческiя событiя; Щербатовъ старается открыть причины событiй, сравниваетъ событiя русской исторiи съ исторiей другихъ народовъ, и, замѣчая ея особенности, стремится объяснить ихъ, хотя и не всегда успѣваетъ въ этомъ. Такъ онъ обращаетъ вниманiе на то, почему въ русскихъ лѣтописяхъ мало сохранилось миеологическихъ сказанiй; почему кiевляне такъ скоро приняли христіанство; почему Иоаннъ Грозный явился съ такимъ жестокимъ характеромъ; начемъ основывалась высокая роль древняго русскаго духовенства при такъ называемомъ печалованiи? Самою главною обязанностію историка Щербатовъ считалъ — слѣдить въ исторiи за связью причинъ и дѣйствiй. Поэтому въ предисловіи къ своей исторiи онъ приводитъ слѣдующiя слова англійскаго историка Юма: „Обыкновеннѣйшая связь въ повѣствованiяхъ есть та, которая происходитъ

⁽¹⁾ Исторiя россiйская отъ древнѣйшихъ временъ сочинена княземъ Михайломъ Щербатовымъ. Томъ I отъ начала до кончины великаго князя Ярослава Владиміровича. Спб. 1770.

отъ причинъ и дѣйстви. Съ сею помощію намъ историкъ изображаетъ послѣдствіе дѣяній въ ихъ естественномъ порядкѣ, восходитъ до тайныхъ пружинъ и до причинъ сокровенныхъ и выводитъ наиотдаленнѣйшія слѣдствія. Взавъ себѣ въ притчину часть сей великой цѣпи, которая сочиняетъ исторію рода человѣческаго, главное его попеченіе должно состоять — коснуться до каждаго звена оныя. Но часто непреодолимое невѣдѣніе сопротивляется всѣмъ его усиліямъ; также часто догадки наполняютъ пустоту его свѣденій; но онъ чувствуетъ, что его трудъ тѣмъ совершеннѣе, чѣмъ полнуйшую цѣпь читателю представляетъ. Наука притчинъ есть приключающая наиболѣе удовольствія разуму: она основана на твердѣйшихъ и на тѣснѣйшихъ изъ всѣхъ сношеній: она же обильнѣйшая есть въ полезныхъ наставленіяхъ, понеже она единая чинитъ насъ властелинами приключеній и даетъ намъ нѣкоторую власть надъ будущими временами“⁽¹⁾. Привсѣхъ указанныхъ стараніяхъ Щербатова, исторія его, однакоже, не пользовалась большою извѣстностію у современниковъ. Она написана была тяжелымъ слогомъ и неправильнымъ языкомъ и съ этой стороны весьма много проигрывала предъ гладкимъ и краснорѣчивымъ „Опытомъ повѣствованія“ Елагина. Съ другой стороны, Щербатовъ встрѣтилъ сильнаго соперника себѣ и безпощаднаго критика въ лицѣ Болтина, который написалъ на его исторію два огромныхъ тома „Примѣчаній“, гдѣ выставилъ всѣ ошибки Щербатова, обвинилъ его въ незнаціи историческихъ пріемовъ, въ неумѣнн разбираться въ фактахъ, распредѣлять ихъ по степени важности и проч. Гораздо болѣе исторіи цѣнились изданія Щербатова разныхъ историческихъ памятниковъ, каковы: Краткая повѣсть о бывшихъ въ Россіи самозванцахъ (1774), Царственная книга (1769), Царственный лѣтописецъ (1772), Лѣтопись о мятежахъ въ Россіи (1771), Житіе Петра В. (1770—1772).

Но Щербатовъ былъ не только историкомъ, но и публицистомъ. Отъ него осталось нѣсколько историческихъ записокъ, изображающихъ современную эпоху. Взглядъ Щербатова на современную эпоху очень оригиналенъ и отличается отъ взгляда другихъ писателей; его сужденія и выводы часто односторонни; но въ его сочиненіяхъ весьма много интересныхъ подробностей о нравахъ эпохи, о характерѣ главнѣйшихъ историческихъ дѣятелей; встрѣчается не рѣдко объясненіе скрытыхъ причинъ того и другаго явленія. Во всемъ этомъ высказались основныя

⁽¹⁾ Издан. 1770 г. стр. XV—XVI.

идеи и идеалы Щербатова, какъ челоѣка замѣчательнаго, по своему нравственному характеру, и на основаніи своихъ нравственныхъ началъ не побоявшагося произнести самый строгій приговоръ надъ громкимъ вѣкомъ Екатерины. Какъ челоѣка несомнѣнно честнаго и строго нравственнаго, Щербатова глубоко возмущали современная роскошь и распущенность нравовъ. Свое негодованіе противъ нихъ онъ выразилъ въ двухъ сочиненіяхъ: „О поврежденіи нравовъ въ Россіи“ и „Письмо къ вельможамъ, правителямъ государства“. Въ первомъ сочиненіи „О поврежденіи нравовъ въ Россіи“⁽¹⁾, Щербатовъ старается показать, когда и отъ чего началась современная „развратность“. Она началась, по его мнѣнію, со времени реформы Петра, когда русскіе люди простую и скромную жизнь стали перемѣнять на свободную и широкую жизнь, по подражанію европейскимъ народамъ. „Воистину могу сказать, говоритъ онъ, что, если вступя позже другихъ народовъ въ путь просвѣщенія, и намъ ничего не оставалось, какъ благоразумно послѣдовать стезямъ прежде просвѣщенныхъ народовъ; мы подлинно въ людкости и въ нѣкоторыхъ другихъ вещахъ, можно сказать, удивительные имѣли успѣхи и исполинскими шагами шествовали къ поправленію нашихъ вѣшностей; но тогда же гораздо съ вящей скоростью бѣжали къ поврежденію нашихъ нравовъ и достигли даже до того, что вѣра и божественный законъ въ сердцахъ нашихъ истребились, тайны божественныя въ презрѣніе впали, гражданскія узаконенія презираемы стали“. Щербатовъ прямо не отвергаетъ ни необходимости, ни пользы реформы; онъ хотѣлъ бы видѣть только меньше круглыхъ мѣръ при ея введеніи и больше снисходительности и вниманія къ народнымъ правамъ и народнымъ преданіямъ. Не отвергая реформы, онъ хочетъ только показать ея обратную сторону, именно то, какими вредными послѣдствіями для русскихъ нравовъ сопровождалось введеніе новыхъ порядковъ. Съ этою цѣлію онъ прежде всего описываетъ простоту жизни и строгость нравовъ до Петра, показывая, что эту простоту и строгость со времени реформы замѣнили сластолюбіе и роскошь (въ убранствѣ домовъ, въ одеждѣ, экипажахъ, столѣ), которыя онъ и считаетъ главными причинами современной развратности. „Воззрѣмъ же теперь, говоритъ онъ, какія перемѣны учинила въ насъ нужная, но

(¹) Въ первый разъ оно было напечатано въ 1853 г.; въ томъ же году былъ напечатанъ обстоятельный разборъ его Ешевскимъ въ 3-мъ Атеней. Новое изданіе его сдѣлано въ Русской Старинѣ 1870 г. томъ II, стр. 1—62; 1871 том. II, 673—688.

и можетъ быть излишняя переѣна Петромъ Великимъ, и какъ отъ оныхъ пороки зачали вкрадываться въ души наши, даже какъ, царствованіе отъ царствованія, они, часъ отъ часу, вмѣстѣ съ сластолюбіемъ возраста, дошли до такой степени, какъ выше о нихъ упомянулъ. Петръ В., подражая чужестраннымъ народамъ, не токмо тишился ввести познаніе наукъ, искусствъ и ремесль, военное порядочное устроеніе, торговлю и приличнѣйшія узаконенія въ свое государство, также старался ввести и таковую людскость, сообщеніе и великолѣпіе, о коемъ ему сперва Лефортъ ватвердилъ, а потомъ которое и самъ онъ усмотрѣлъ Среди нужныхъ установленій законодательства, учрежденія войскъ и артиллеріи, не меньше онъ прилагалъ намѣреніе являющіеся ему грубые древніе нравы смягчить“. Но, не отвергая того, что обыкновенно ставится въ заслугу Петру В., въ чемъ видятъ первыя начала гуманности, смягченія нравовъ и общественнаго развитія, онъ во всемъ этомъ видитъ въ тоже время и начало порчи и упадка нравовъ въ Россіи. Первымъ шагомъ къ смягченію нравовъ было учрежденіе ассамблей, „гдѣ женщины, до сего отдаленныя отъ сообщенія мужчинъ, вмѣстѣ съ ними при веселіяхъ присутствовали“; но этотъ шагъ, по мнѣнію Щербатова, былъ въ тоже время и первымъ шагомъ къ порчѣ нравовъ. „Страсть любовная, до того почти въ грубыхъ нравахъ незнаемая, начала чувствительными сердцами овладѣвать, и первое утвержденіе сей переѣны отъ дѣйствія чувствъ произошло. А сіе самое и учинило, что жены, до того не чувствующія своей красоты, начали силу ея познавать, стали стараться умножить ее пристойными одѣянїями и болѣе предѣловъ своихъ распростерли роскошь въ украшенїи“... Табелъ о рангахъ, по которой являлась возможность самымъ нисшимъ людямъ восходить до высшихъ степеней въ государствѣ, была началомъ возвышенія личности и личныхъ заслугъ; но она въ тоже время повела къ паденію знаменитыхъ древнихъ дворянскихъ родовъ, на мѣсто которыхъ стали выдвигаться, по выраженію Щербатова, „люди изъ подлости и холопи“. Кровный аристократъ, Щербатовъ защищаетъ старое родовое дворянство и упадокъ его считаетъ одною изъ главныхъ причинъ современнаго упадка нравовъ. „Разрушенное мѣстничество (вредное, впрочемъ, службѣ и государству) и не замѣненное никакимъ правомъ знатнымъ родамъ, говоритъ Щербатовъ, истребило мысль благородной гордости и въ дворянѣхъ; ибо стали не роды почтенны, а чины и заслуги и выслуги; итакъ каждый сталъ добиваться чиновъ, а не всякому удаеся прямыя заслуги учинить, то, за недостаткомъ заслугъ, стали стараться выслуживаться, всякими образами льстя и угождая государю и вельможамъ; а при Петрѣ В. введенная регулярная служба, въ которую, вмѣстѣ

съ холощями ихъ, писали на одной стѣнѣ ихъ господъ въ солдаты, и сіи первые, по выслугамъ, пристойнымъ ихъ роду людямъ, доходя до офицерскихъ чиновъ, учинялись начальниками господъ своихъ и бивали ихъ палками. Роды дворянскіе стали раздѣлены по службѣ такъ, что иной однородцевъ своихъ и вѣкъ не увидитъ. То могла ли остаться добродѣтель и твердость въ тѣхъ, которые съ юности своей отъ палки своихъ начальниковъ дрожали? которые инако какъ подслугами почтенія не могли приобрѣсти, и бывъ каждый безъ всякой опоры отъ своихъ инородцевъ, безъ соединенія и защиты, оставался единъ могущій преданъ быть въ руки сильнаго? Уничтоженіе разныхъ древнихъ суевѣрій, долженствовавшее очистить вѣру отъ разныхъ наростовъ, мѣшавшихъ истинному пониманію вѣры и благочестія, повело, по мнѣнію Щербатова, къ результатамъ противоположнымъ, къ умаленію вѣры, а потомъ и къ невѣрію. „Похвально есть, говорить онъ, что Петръ В. хотѣлъ истребить суевѣріе въ законѣ, ибо, въ самомъ дѣлѣ, не почтеніе есть Богу и закону суевѣріе, но паче руганіе; ибо приписывать Богу неприличныя ему дѣянія—сіе есть богохулить. Въ Россіи бороду образомъ Божиимъ почитали и за грѣхъ считали ее брить, и чрезъ сіе впадали въ ересь антропоморфитовъ..... Но когда онъ сіе учинилъ? тогда, когда народъ еще былъ не просвѣщенъ; и тако, отнимая суевѣріе у непросвѣщеннаго народа, онъ самую вѣру къ божественному закону отнималъ. И можно сказать, что сіе дѣйствіе Петра В. можно примѣнить къ дѣйствію неискуснаго садовника, который у слабого дерева отрѣзываетъ водяныя, пожирающія его сокъ, вѣтви. Если бы оно было корнемъ сильно, то сіе урѣзыванье учинило ему произвести хорошія и плодовиатыя вѣтви; но какъ оно слабо и больно, то урѣзаніе сихъ вѣтвей, которыя чрезъ способъ листьевъ своихъ, получающихъ вышнюю влагу, питали слабое дерево; отнявъ ее, новыхъ плодовиатыхъ вѣтвей не произвело, ниже сокомъ раны затянуло, и тутъ сдѣлались дупла, грозящія погибелью дереву. Такъ урѣзаніе суевѣрія и на самыя основательныя части вѣры вредъ произвело: уменьшилось суевѣріе, но уменьшилась и вѣра; исчезла робкая боязнь ада, но исчезла и любовь къ Богу и къ святому его закону; а нравы, за недостаткомъ другаго просвѣщенія, исправляемые вѣрою, потерявъ сію подпору, въ развратъ стали приходять“. „И тако, заключаетъ Щербатовъ, хотя Россія, чрезъ труды и попеченія сего государя приобрѣла знакомство въ Европѣ.... науки и художество и ремесла въ ней стали процвѣтать, торговля начала ее обогащать и преобразовались россияне изъ бородатыхъ въ гладкіе, изъ длиннополыхъ въ короткополые, стали общительнѣе, и позорища благодѣянія извѣстны имъ учинились. Но тогдаже

искренняя привязанность къ вѣрѣ стала исчезать, тайнства стали впадать въ презрѣніе, твердость уменьшилась, уступая мѣсто нагло стремящейся лести, роскошь и сластолюбіе положили основаніе своей власти, а симъ побуждено и корыстолюбіе, къ разрушенію законовъ и ко вреду гражданъ, начало провивать въ судебныя мѣста. Таково есть состояніе, въ которомъ (не взирая на всѣ преграды, которыя собственно своею особою и своимъ примѣромъ полагалъ Петръ В. для отвращенія отъ пороковъ) въ разсужденіи нравовъ осталася Россія по смерти сего великаго государя“. Замѣтимъ, что, изображая это состояніе, Щербатовъ уже слишкомъ преувеличиваетъ строгость и простоту древнихъ нравовъ, что многіе пороки и недостатки новаго времени были унаслѣдованы еще отъ древняго періода, что корыстолюбіе и взяточничество уже въ XVI — XVII в. были до того сильны, что вызывали самое рѣзкое порицаніе во всѣхъ писателяхъ, особенно въ Максимѣ Грекѣ, Котошихинѣ и Посошковѣ, что обоюду острыя слова о суевѣрїи могутъ подавать неразумнымъ людямъ поводъ къ защитѣ суевѣрїя.— Затѣмъ Щербатовъ показываетъ, какъ распущенность и поврежденіе нравовъ, сластолюбіе, роскошь, и другіе пороки усиливались все больше и больше при преемникахъ Петра В., въ царствованіе Екатерины I, Петра II, Анны Іоанновны и особенно Елизаветы Петровны. Отъ двора роскошь переходила къ вельможамъ, къ богатымъ и знатымъ людямъ, а отъ богатыхъ и знатныхъ къ нисшимъ сословіямъ. „Всякій роскошь, говоритъ онъ, оканчивая описаніе царствованія Анны Іоанновны, приключаетъ удовольствіе и нѣкоторое спокойствіе, а потому и пріемлется всѣми съ охотою и по мѣрѣ прїятности своей распространяется. А отъ сего, отъ великихъ принимая малые, повсюдова онъ началъ являться. Вельможи, проживаясь, привязывались болѣе ко двору, яко ко источнику милостей, а нижніе къ вельможамъ для тойже причины. Исчезла твердость, справедливость, благородство, умѣренность, родство, дружба, прїятство, привязанность къ божию и гражданскому закону и любовь къ отечеству; а мѣста сіи начали занимать: презрѣніе божественныхъ и человѣческихъ должностей, зависть, честолюбіе, сребролюбіе, пышность, уклонность, раболѣпность и лесть, чѣмъ каждый мнилъ свое состояніе сдѣлать и удовольствоваться свои хотѣніи“. Но самыми мрачными чертами Щербатовъ изображаетъ состояніе нравовъ при Екатеринѣ. Неумолимо строго онъ разбираетъ ея личныя свойства и жизнь; безпощадно и безусловно порицаетъ жизнь и дѣянія ея приближенныхъ вельможъ и сотрудниковъ. За такое суровое отношеніе къ Екатерининской эпохѣ Щербатовъ заслужилъ названіе строгаго цензора общественной нравственности.

Дѣйствительно, какъ строгій цензоръ, оцѣнивая всё исключитель-
но съ своей нравственной точки зрѣнія, онъ въ своихъ осужде-
ніяхъ и порицаніяхъ впадаетъ въ такія крайности, что за тем-
ными и конечно крупными пятнами, не хочетъ видѣть ни-
какихъ свѣтлыхъ сторонъ и забываетъ о всѣхъ великихъ заслу-
гахъ государыни и ея сотрудниковъ. — „Письмо Щербатова къ
вельможамъ, правителямъ государства“⁽¹⁾ представляетъ также
рѣзкую сатиру на современные нравы. Указавъ на недостатки и
пороки вельможъ и правителей, Щербатовъ, подобно Державину
(„Фелица“, „Видѣніе Мурзы“, „На счастье“, „Вельможа“, „На
Знатность“) хочетъ объяснить имъ ихъ обязанности изъ са-
мыхъ словъ и понятій „вельможа и правитель“. „Вельможа,
говоритъ онъ, есть не иной кто, какъ человѣкъ, по роду ли
своему, по достоинству ли, по случаю возвышенной превъше
другихъ равныхъ ему человѣческихъ тварей“... Но одно виѣш-
нее возвышеніе ничего не значить, когда вельможа не бу-
детъ возвышаться добродѣтелями... „Приближены вы къ царскому
престолу, но для чего? Не для того ли, чтобы вѣрно ему слу-
жить и чтобы его милости чрезъ васъ къ низайшей части под-
данныхъ отражались? А могутъ ли они имѣть такое отраженіе,
когда сему отраженію гордость, лѣнность, своехотѣніе и прочее
сопротивляется?... Вы обогащены щедродаровитостью монарха
отъ сокровищъ народныхъ. Чѣмъ вы воздадите народу, коего
сокровища служатъ къ обогащенію вашему“?... Далѣе такимъ же
образомъ Щербатовъ объясняетъ слово „правитель“. Самое именованіе
„правитель“, говоритъ онъ, являетъ, что онъ долженъ быть тотъ,
кто направляетъ теченіе вещей къ лучшему устройству... Вы опре-
дѣлены быть исполнители законовъ; но прилагаете ли вы при-
лежное ваше стараніе достигнуть до совершеннаго позванія оныхъ,
вникнуть въ причины сочиненія каждаго изъ нихъ?... Оставля-
ете вы сію важную науку вашимъ секретарямъ, которые или
для собственнаго вашихъ пользы васъ обманываютъ, или вы са-
ми, не справаясь и чрезъ секретарей вашихъ о подлежащихъ за-
конахъ, самопроизвольно судите“... Указывая вельможамъ и пра-
вителямъ на ихъ жизнь, Щербатовъ говоритъ: „Что можетъ ска-
зать народъ, видя ваше сластолюбіе и роскоши, превосходящія
ваши доходы? что онъ скажетъ, видя ваше уваженіе ко всѣмъ
богатымъ людямъ, виля похлѣбствы ваши къ зловреднымъ от-
купщикамъ“? Далѣе Щербатовъ осмѣиваетъ тѣхъ правителей,
которые вездѣ суются и бѣгають, но все безъ толку, сравнивая
ихъ съ тѣми лошадьми, которыя на фабрикахъ ходятъ въ ко-

(1) Напечатано въ Русск. Старинѣ 1872; том. V январь и февраль.

лесѣ: хотя кажется ей, что великое пространство пути пропла, но она все ва одномъ мѣстѣ пребываетъ“. Наконецъ Щербатовъ указываетъ на вельможескую надменность, съ какою правители принимаютъ приходящихъ и заставляютъ долго ждать себя просителей. Картина правовъ, нарисованная Щербатовымъ, поражаетъ своими рѣзкими и мрачными чертами. Конечно, тѣ же пороки и недостатки вельможъ и правителей, тѣ же черты ложной знатности рисуются и въ одахъ Державина, но тамъ они рисуются большею частію въ шутливой формѣ и прикрыты покровомъ смѣха и потому не производятъ такого тяжелаго впечатлѣнія, какъ въ сочиненіяхъ Щербатова, гдѣ они выставлены прямо безъ всякаго прикрытія и съ глубокимъ, ничѣмъ не смягченнымъ, негодованіемъ.

Историческія сочиненія Болтина. Иванъ Никитичъ Болтинъ (1735—1792) является предъ нами такимъ же замѣчательнымъ представителемъ русской науки и образованности во второй половинѣ XVIII в., какимъ въ первой половинѣ этого вѣка былъ Татищевъ (1). Въ самомъ характерѣ дѣятельности Болтина и Татищева замѣчается большое сходство. Тотъ и другой были воспитаны на современныхъ европейскихъ писателяхъ, но, не смотря на то, тотъ и другой остались чисто русскими людьми; тотъ и другой всю жизнь свою посвятили изученію Россіи и ея исторіи.—Болтинъ происходилъ изъ древняго дворянскаго рода, предки котораго считались выходцами изъ золотой орды. Почти 18 лѣтъ онъ прослужилъ въ военной гвардіи и здѣсь сблизился съ своимъ товарищемъ по службѣ, Потемкинымъ. Потемкинъ на всегда сохранилъ къ нему расположеніе; онъ цѣнилъ умъ Болтина, пользовался его совѣтами, давалъ ему разныя порученія. По ходатайству Потемкина, Болтинъ былъ опредѣленъ на службу по таможенной части, а потомъ прокуроромъ въ военную коллегію, гдѣ онъ и служилъ до своей смерти, въ 1792 г.

Послѣ смерти Болтина, въ Ежемѣсячныхъ сочиненіяхъ были напечатаны двѣ эпитафіи, характеризующія его заслуги русской наукѣ и литературѣ. Въ одной эпитафіи было сказано:

«Здѣсь погребенъ Болтинъ. Любя російско слово,
Онъ силу далъ ему и превосходство ново.
Со древности покровъ сняла его рука,
Иша сокровищей на пользу языка.
Онъ нашу лѣтопись, ревнуя многи лѣта,
Изъ мрака исторгалъ для пользы и для свѣта».

(1) Біографія и подробный разборъ сочиненій Болтина въ Исторіи Росс. Академіи М. И. Сухомлинова. Вып. V.

Въ другой эпитафiи было сказано:

«Сей ложь ле-клеркову на россовъ обличилъ,
И духъ защитника отечества явилъ;
Сарептски описалъ цѣлительныя воды;
Россійскихъ областей и земли и народы
Описывать начавъ, но смертно занемогъ,
Ко окончанiю привести ужъ не возмогъ.
Полезный трудъ его россійски славятъ музы,
Порочать злобные невѣжды и... французы».

Съ малыхъ лѣтъ Болтинъ отличался любознательностію. Чтенiе книгъ и изученiе окружавшей жизни составляли необходимымъ его потребностью; но любимымъ предметомъ его занятiй была русская исторiя. Судьба сблизила его съ знаменитымъ въ то время собирателемъ русскихъ древностей, графомъ А. И. Мусинымъ-Пушкинымъ, у котораго было замѣчательное собраніе древнихъ рукописей. При участіи Пушкина и Елагина, Болтинъ издалъ „Русскую Правду“ по самому полному и древнѣйшему списку. Рядомъ съ подлинникомъ, напечатаннымъ церковно-славянскими буквами, онъ помѣстилъ переводъ на современный русскій языкъ и къ каждой статьѣ текста приложилъ весьма важныя примѣчанiя. Онъ участвовалъ также своими примѣчанiями въ изданіи Пушкинымъ „Поученiя Владимiра Мономаха“. Импер. Екатерина, при своихъ занятiяхъ русской исторiей, часто обращалась къ Болтину за объясненiями темныхъ мѣстъ въ лѣтописяхъ, показывала ему свои сочиненiя и между прочимъ отдала на критику свою драму „Историческое представленіе изъ жизни Рюрика“. Прочитавъ драму, Болтинъ написалъ обширныя примѣчанiя къ ней и въ нихъ подробно изложилъ тѣ черты древне-русскаго быта, которыя только слегка были затронуты въ драмѣ.

Въ 1783 г. начала выходить Исторiя Россiи французскаго медика Леклерка (¹), наполненная ложью и клеветою на Россiю, безчисленными и грубыми ошибками. Леклеркъ былъ принятъ на службу въ Россiю еще при Елисаветѣ; въ царствованіе Екатерины онъ былъ лейбъ-медикомъ при В. К. Павлѣ Петровичѣ, директоромъ въ кадетскомъ корпусѣ и занималъ много другихъ должностей. Проживъ долго въ Россiи, онъ, однакоже, не узналъ Россiи, и возвратившись во Францію недовольнымъ, написалъ невѣрную и пристрастную исторiю. Есть преданіе, что По-

(¹) Histoire physique, morale, civile et politique de la Russie ancienne et moderne 1783 — 1785. Исторiя издана въ 6 - ти томахъ; первые три содержатъ исторiю древней, а остальные три — исторiю новой Россiи.

темкинъ первый подалъ Болтину мысль написать возраженіе на исторію Леклерка; но и самъ Болтинъ, горячо любившій Россію и ревнивый къ ея славѣ, не могъ, конечно, оставить безъ вниманія такой книги, въ которой искажалась русская исторія и сообщались невѣрныя свѣдѣнія о Россіи и русскомъ народѣ. Прочитавъ исторію Леклерка, Болтинъ написалъ обширныя въ двухъ огромныхъ томахъ „Примѣчанія“ на нее (1), въ которыхъ онъ обличилъ все невѣжество и недобросовѣстность иностранца, всѣ ошибки и намѣренныя искаженія. Такъ какъ Леклеркъ въ своей исторіи ссылаясь на Щербатова, то Болтинъ въ своихъ примѣчаніяхъ часто нападаетъ и на сочиненія Щербатова. Это заставило Щербатова написать отвѣтъ Болтину, подъ названіемъ „Письмо къ пріятелю“. Болтинъ на это письмо написалъ свой отвѣтъ, въ которомъ строго осудилъ всѣ недостатки Щербатова (2). Не довольствуясь этимъ отвѣтомъ, онъ еще снова пересмотрѣлъ всю исторію Щербатова и написалъ на нее два тома Критическихъ примѣчаній. Примѣчанія на исторію Леклерка и исторію Щербатова и составляютъ самыя важныя историческія сочиненія Болтина. Они далеко возвышаются надъ обыкновенными историческими примѣчаніями и спроверженіями и содержатъ въ себѣ множество положительныхъ историческихъ данныхъ, объясняющихъ взглядъ автора на всю русскую исторію. „Слѣдя за Леклеркомъ, говоритъ Соловьевъ, Болтинъ изучилъ всецѣло русскую исторію съ тѣмъ, чтобы защитить ее, произнести надъ нею благоприятный приговоръ, слѣд. книга Болтина есть первый трудъ по русской исторіи, въ которомъ проведена одна основная мысль, въ которомъ есть одинъ общій взглядъ на цѣлый ходъ исторіи; у него у перваго видимъ попытку смотрѣть на исторію, какъ на науку народнаго самосознанія, отыскать живую связь между прошедшимъ и настоящимъ задать вопросъ объ отношеніяхъ старинны къ новому, уяснить ходъ русской исторіи, непохожей ни на какія другія“ (3). Отъ историка Болтинъ требовалъ прежде всего правды, фактической достовѣрности; историкъ не то долженъ писать, что могло бы быть, но то, что дѣйствительно было, не могущее статься, но сбывшееся. Съ этой точки зрѣнія, книга Леклерка ему, естественно, представлялась не исторіей, а смѣсью всякой всячины.

(1) Примѣчанія на исторію древнія и нынѣшнія Россіи г. Леклерка, сочиненныя генераль-майоромъ Иваномъ Болтинымъ том. I. 1788 г.

(2) Отвѣтъ на Письмо князя Щербатова, сочинителя російской исторіи 1793.

(3) Писатели русской исторіи XVIII в. Архивъ историко-юридическихъ свѣдѣній о Россіи кн. 2, стр. 65.

Во второмъ томѣ Примѣчаній (II, 193) онъ сравниваетъ ее съ мелочной лавочкой, видѣнной имъ въ Сарептѣ: „Есть тамъ бархатъ и штофъ, крапенина и посконный холстъ; астролѣбии и микроскопы, сѣнокосыя косы и сошки; душистыя воды и помады, вакса и деготь. . . . Въ жизнь мою я не видалъ такой лавки, въ которой толикая разнообразность вещей находится. Въ первомъ томѣ внѣшней исторіи о Россіи г. Леклерка найдетъ читатель пріятное и скучное, смѣшное и важное, веселое и печальное, грубое и ласкательное, истинное и ложное, великолѣпное и низкое, дѣльное и пустое, даже до сущаго вздора и нелѣпости. Въ первый разъ въ жизнь мою читаю такую книгу, въ которой толикая смѣсь вещей разнородныхъ и разнообразныхъ содержится“ (том. II, 193.). Господствующій тонъ примѣчаній Болтина—полемиическій. Строго разбираетъ онъ всю исторію Леклерка и особенно долго останавливается на тѣхъ пунктахъ, гдѣ требовалось защитить русскую исторію и русскій народъ отъ разныхъ нареканій. При этомъ, для защиты онъ употребляетъ тотъ же приемъ, какой употребляли Екатерина, Фонъ-Визинъ, Новиковъ и другіе писатели XVIII в.—сравненіе или сопоставленіе русской исторіи съ исторіей другихъ народовъ. Онъ такъ же старается показать, что все, надъ чѣмъ глумятся иностранцы, водилось и водится и у нихъ и порою достигало у нихъ гораздо большихъ размѣровъ, нежели у насъ. Въ примѣчаніяхъ къ Русской Правдѣ онъ повсюду старается доказать, что предки ваши не были варварами, что они имѣютъ всѣ права на сочувствіе и уваженіе и что темныя стороны въ ихъ общественной и частной жизни находятъ себѣ если не оправданіе, то объясненіе въ бытѣ и разныхъ учрежденіяхъ другихъ европейскихъ народовъ. Нѣкоторые изъ нашихъ древнихъ законовъ, по мнѣнію Болтина, сдѣлали бы честь и вѣкамъ просвѣщеннымъ, какъ напр. за жизнь женщины (рабы) полагалось болѣе строгое наказаніе, нежели за жизнь мужчины (смерда, холопа). Такое полемиическое направленіе въ нашей исторіи вызывалось, кромѣ клеветы Леклерка, и вообще тѣми оскорбительными сужденіями Европы, по которымъ русскіе считались варварами, не принадлежащими даже къ европейскимъ народамъ. „Русскіе не такъ устроены и политичны, говорилъ Пуффендорфъ въ своей исторіи, какъ европейцы; они и невѣжественны и малодушны, и свирѣпы и кровожадны, они рабы по самой природѣ своей, по своимъ врожденнымъ наклонностямъ“. Извѣстно, что эти слова такъ сильно оскорбляли переводчика исторіи Пуффендорфа, Гавріила Бужинскаго, что онъ сначала совсѣмъ исключилъ ихъ въ своемъ переводѣ и помѣстилъ ихъ только по приказанію Петра В. Между тѣмъ это мнѣніе о варварствѣ русскихъ и о природномъ ихъ отличіи отъ всѣхъ другихъ европейскихъ народовъ было возведе-

во въ принципъ и высказывалось и другими европейскими писателями, которые верѣдко ставили русскихъ наравѣ съ дикарями. Такое мнѣніе, естественно, должно было оскорблять всѣхъ истинно-русскихъ людей, и Болтинъ, подобно другимъ писателямъ, долженъ былъ возвысить свой голосъ въ пользу русской народности. Леклерку и другимъ противникамъ, порицающимъ Россію, онъ говоритъ: „Вы называете насъ варварами, но вотъ вамъ примѣры изъ собственной вашей исторіи и быта, что прозвуче это пристало вамъ гораздо болѣе, нежели намъ. Не смотря на то, мы не обзываемъ васъ варварами. Не давайте же и намъ несвойственнаго намъ имени и не отрицайте той очевидной истины, что мы и вы, и русскій народъ и его западные братья, одинаково способны къ умственному и политическому развитію; и вы и мы европейцы по крови и по духу“. Но, чтобы европейцы не называли русскихъ варварами и рабами, нужно было, конечно, прежде всего и самимъ русскимъ не быть рабами, освободиться отъ того рабскаго подражанія всему иностранному, которое необходимо началось со временъ реформы Петра и которое составляло истинную болѣзнь русскаго общества, мѣшавшую его правильному развитію, правильному усвоенію европейскаго просвѣщенія. Въ этомъ подражаніи, какъ мы видѣли, укоряли русскихъ всѣ писатели; въ этомъ укоряетъ ихъ и Болтинъ. Объясняя и характеризуя эти укоры, Сухомлиновъ говоритъ: „Въ смѣлыхъ и правдивыхъ укорахъ, выходившихъ изъ круга людей, подобныхъ Новикову и Болтину, слышится не слѣпая ненависть къ иностранцамъ, а горячая любовь къ Россіи и сознаніе духовныхъ силъ русскаго народа. Не говорите съ чужаго голоса, а работайте собственной мыслию; дорожите своимъ нравственнымъ достоинствомъ, и не жертвуйте имъ изъ подражанія иностраннымъ образцамъ—вотъ сущность проповѣди Новикова и Болтина, обращенной ими къ современному русскому обществу. И Новиковъ и Болтинъ, осуждая и осмѣивая слѣпое и жалкое подчиненіе чужеземному игу, ратовали за умственную и нравственную самостоятельность русскаго народа, за сохраненіе въ немъ добрыхъ началъ, потеря которыхъ была бы для него великимъ несчастіемъ. Дорожа лучшими преданіями народной жизни, они не могли помириться съ ихъ утратою и истребленіемъ подъ наплывомъ иностранныхъ обычаевъ, бессознательно усвояемыхъ нашимъ обществомъ“⁽¹⁾. Болтина, какъ Щербатова, Новикова и другихъ, особенно возмущали та нравственная распущенность и то непростительное легкомысліе, которыя обнаруживались при замѣнѣ всего русскаго французскимъ. Въ одномъ

⁽¹⁾ Исторія россійской академіи V, 194—195.

изъ примѣчаній къ Поученію Владиміра Мономаха такъ говорится о русскихъ людяхъ, получившихъ французское воспитаніе: „Будучи утверждены во мнѣніи отъ учителей, что все французское хорошо и все русское дурно, при всякомъ случаѣ не оставляютъ изъявлять своего къ первому уваженія, а къ послѣднему презрѣнія, не выключая изъ того и вѣры, хотя ее и не знаютъ; смѣются всему тому, что предки наши за священное почитали, и что, не по внушенію невѣжества и суевѣрія, но по наставленію здраваго разсудка, должно чтить и уважать, то они считаютъ за басни, за игрушки, недостойныя вниманія людей просвѣщенныхъ, каковыми они сами себя признаютъ и величаютъ. Вотъ плоды французскаго воспитанія“ (1).

Кромѣ вопросовъ, непосредственно относящихся къ русской исторіи, въ примѣчаніяхъ Болтина находится множество разсужденій о разныхъ предметахъ, показывающихъ обширную эрудицію автора и характеризующихъ его міросозерцаніе. Болтинъ былъ знакомъ съ сочиненіями какъ древнихъ классическихъ, такъ и новыхъ, преимущественно французскихъ, писателей. Онъ цитуетъ въ своихъ примѣчаніяхъ сочиненія Бейля (*Dictionnaire historique et critique*), Вольтера (*Essai sur les mœurs et l'esprit des nations*), Мерсье (картина Парижа), Рейналя (исторія Индій), Монтенскіе и другихъ. Въ сужденіяхъ и взглядахъ Болтина отражаются идеи всѣхъ этихъ писателей; но въ основѣ всего слышится здравый смыслъ русскаго человѣка, разумно взвѣшивающаго доводы сторонъ, и не желающаго быть отголоскомъ чужихъ понятій и возрѣній. Онъ принадлежитъ, какъ мы замѣтили выше, къ числу тѣхъ русскихъ людей XVIII в., которые, усвоивъ современное европейское просвѣщеніе, остались русскими людьми и самостоятельными учеными, каковы были Татищевъ, Ломоносовъ и Новиковъ. Укажемъ основныя мысли Болтина на нѣкоторые важнѣйшіе предметы (2). Какъ для историка, такъ и для всякаго государственнаго дѣятеля, по мнѣнію Болтина, прежде всего необходимо знаніе существенныхъ особенностей своего народа. Совокупность причинъ, физическихъ и нравственныхъ, создаетъ народности и образуетъ между ними болѣе или менѣе рѣзкое различіе. Въ числѣ этихъ причинъ особенное значеніе Болтинъ приписываетъ климату... Различіе между народностями должно постоянно имѣть въ виду руководители государственной жизни народа: иначе труды ихъ не достигнутъ жела-

(1) Тамъ же, стр. 196.

(2) Основныя мысли и возрѣнія Болтина подробно изложены въ исторіи російской академіи Сухомлинова V, 207—242.

емой цѣли, и будутъ только бесплодною тратою времени и силъ. „Пословица говоритъ: что городъ, то норовъ; что деревня, то обычай. Обычай одной деревни не годится для другой; законъ одного государства не удобенъ для другаго; для того, что недостаетъ въ послѣднемъ тѣхъ обстоятельствъ, тѣхъ причинъ, для коихъ онъ въ первомъ сдѣланъ. Дѣлая перемѣны, или вводя новости, нужно наблюдать, чтобы оныя соотвѣтственны были правамъ, обычаямъ, времени, мѣстоположенію, обстоятельствамъ, а паче климату; владычество его есть главнѣйшее изъ всѣхъ: всякое предписаніе, узаконеніе, устраняющееся его законовъ, будетъ бесполезно, тщетно, вредно“⁽¹⁾. Бытовья измѣненія не могутъ совершаться скоропостижно, и всякое насиліе при замѣнѣ стараго быта новымъ влечетъ за собою самыя печальныя послѣдствія. „Съ тѣхъ поръ, какъ юношество свое стали мы посылать въ чужіе края, и воспитаніе ихъ ввѣрять чужестранцамъ, нравы наши совсѣмъ перемѣнились; съ мнимымъ просвѣщеніемъ насадились въ сердцахъ нашихъ новыя предубѣжденія, новыя страсти, слабости, прихоти, кои предкамъ нашимъ были неизвѣстны: погасла въ насъ любовь къ отечеству, истребилася привязанность къ отеческой вѣрѣ, обычаямъ и проч., итакъ мы старое позабыли, а новаго не переняли, и ставъ не похожими на себя, не сдѣлались тѣмъ, чѣмъ быть желали. Сіе все произошло отъ торопливости и нетерпѣнія; захотѣли сдѣлать то въ нѣсколько лѣтъ, на что потребны вѣки; начали строить зданіе нашего просвѣщенія на песокъ, не сдѣлавъ прежде надежнаго ему основанія. Петръ Великій думалъ, что для просвѣщенія дворянства довольно будетъ заставить ихъ путешествовать по иностраннымъ государствамъ; но опытъ оправдалъ стариковъ нашихъ мнѣніе, что вмѣсто ожидаемой пользы вышелъ изъ того вредъ. Большая часть изъ посланныхъ имъ возвратилася не просвѣщеннѣе, не умнѣе, но порочнѣе и смѣшнѣе, нежели были. Тогда позналъ Петръ Великій, что надобно начать хорошимъ воспитаніемъ, а кончить путешествіемъ, чтобы видѣть желаемый плодъ“⁽²⁾. Низкій уровень общественной нравственности особенно ярко обнаруживается въ высшихъ слояхъ нашего общества. Пороки и слабости пустили тамъ глубокіе корни, расшатали основы домашняго счастья, извратили семейныя отношенія. Не имѣя ни богатства, ни торговли, мы превзошли въ сластолюбіи и роскоши самыхъ богатѣйшихъ народовъ. Нравы высшаго общества—сколокъ съ ино-

(1) Примѣч. на исторію Леклерка т. II, стр. 338—339.

(2) Тамъ же, стр. 252—253.

страннаго образца. Приведа описаніе распущенности семейныхъ и общественныхъ нравовъ парижскаго общества изъ „Персидскихъ писемъ“ Монтескье и „Картины Парижа“ Мерсье, онъ говоритъ: „Прочтя сіе, подумаешь, что Монтескью и Мерсье говорятъ о насъ; толь великое сходство находится въ изображенныхъ ими нравахъ французскихъ съ нравами нашими: не одни свои моды къ намъ они привозятъ, но нравы, мнѣнія и даже злоупотребленія и глуposti“ (*). Такимъ образомъ, взгляды Болтина на вліяніе европейскаго просвѣщенія на русскіе нравы въ сущности одинаковы съ воззрѣніями Щербатова; только они проводятся не съ такою односторонностію и крайностію, какъ у Щербатова, и излагаются основательнѣе и не въ такой рѣзкой и грубой формѣ.

Изъ другихъ мнѣній Болтина интересны его мнѣнія о вѣрѣ, церкви и духовенствѣ, о формѣ государственнаго правленія и крѣпостномъ правѣ. Изъ сужденій Болтина о вѣрѣ и церкви и особенно о духовенствѣ замѣчается сходство съ сужденіями Татищева, объясняющееся тѣмъ, что тотъ и другой, начитавшись протестантскихъ писателей и французскихъ энциклопедистовъ, и усвоивъ отъ нихъ взглядъ на католическую церковь и католическое духовенство, перенесли его во многихъ отношеніяхъ и на русскую церковь и русское духовенство. Вѣру вообще Болтинъ признаетъ великою не только нравственною, но и государственною силою. Крѣпость и могущество царствъ и народовъ неразрывно связаны съ сохраніемъ вѣры отцовъ. Измѣна вѣрѣ, по мнѣнію Болтина, должна быть преслѣдуема, какъ тяжкое преступленіе, и неминуемо навлекать на виновнаго строгую кару закона. Впрочемъ, это относится только къ христіанской вѣрѣ вообще, а не къ различію между вѣроисповѣданіями, православнымъ, католическимъ, лютеранскимъ, кальвинскимъ. Въ разныхъ вѣроисповѣданіяхъ Болтинъ видитъ только различіе мнѣній, перемѣна которыхъ не должна подлежать такой же карѣ, какъ отступничество отъ христіанской. Изъ христіанскихъ исповѣдавій Болтинъ отдаетъ преимущество православію предъ католичествомъ на томъ основаніи, что православіе во всей подлинности сохранило христіанскіе догматы и обряды, а въ католичество вошло много нововведеній, исказившихъ древнее христіанское ученіе. Виной этого искаженія было католическое духовенство. Характеризуя по этому случаю католическое духовенство, Болтинъ произноситъ рѣзкія сужденія и о русскомъ духовен-

(*) Тамъ же том. I, стр. 471—472.

ствѣ⁽¹⁾. Признавая русское духовенство древняго періода необразованнымъ, онъ считаетъ это счастьемъ для Россіи и указываетъ на вредъ, какой всегда приносило государству образованное католическое духовенство, забывая, что это происходило не отъ того, что католическое духовенство было образованно, а отъ того, что оно было католическое. — Самою лучшею формою государственнаго правленія Болтинъ признавалъ единодержавіе. Въ этомъ онъ сходилъ со всѣми предшествовавшими русскими писателями, Татищевымъ, Ломоносовымъ, Прокоповичемъ и др. Раздробленіе на части и разновластіе замѣчаетъ онъ, едва не погубили Россіи; соединеніе частей въ одно государственное цѣлое и единодержавіе спасли ее. Для доказательства того, что правленіе аристократическое гораздо хуже монархическаго, Болтинъ приводитъ примѣры изъ исторіи Франціи, во времена Гизовъ, изъ исторіи Россіи, во времена междуцарствія и дворцовыхъ переворотовъ. Въ вопросѣ объ освобожденіи крѣпостныхъ крестьянъ Болтинъ сходится съ Дашковой, Лопухинымъ и другими писателями, которые стояли за постепенное освобожденіе и находили нужнымъ приготовить крестьянъ къ свободѣ образованіемъ. „При дачѣ рабамъ свободы, говоритъ Болтинъ, все благоразуміе въ томъ, по моему мнѣнію, должно состоять, чтобы не прежде оную имъ даровать, какъ науча ихъ познавать ея цѣну, и какъ надлежитъ ею пользоваться; въ противномъ случаѣ, вмѣсто благодѣянія, сдѣланъ имъ будетъ вредъ, зло или гибель... Бывшему долгое время въ темнотѣ не вдругъ показать должно большой свѣтъ, а по немногу; въ противномъ случаѣ глаза его повредятся и не будутъ въ состояніи вѣчно наслаждаться зрѣніемъ вождѣленной свѣтлости... Всѣ проповѣдники вольности говорятъ: человекъ родится свободенъ, и слѣд. всякая неволя есть нарушеніе его права, природою ему даннаго. Не спорю я въ томъ, хотя бы и могъ нѣчто предложить на разсмотрѣніе къ ограниченію сея природныя свободы; но желаю, чтобы меня вразумили, во всякомъ ли состояніи, во всякое ли время, и всякому ли народу приличествуетъ свобода; или по различію оныхъ, съ нѣкоторымъ исключеніемъ, изъятіемъ, съ нѣкоторыми условіями, предписаніями, правилами... Прежде должно учинить сво-

(¹) Сужденія Болтина о церкви и духовенствѣ подробно разобраны въ статьѣ П. В. Знаменскаго: «Историческіе труды Щербатова и Болтина въ отношеніи къ русской церковной исторіи». Труд. Кіев. Акад. 1862; том. II.

бодными души рабовъ, говоритъ Руссо, а потомъ уже тѣло. Мудрому сему правилу послѣдуетъ Великая Екатерина: желая спяты узы съ народовъ, скипетру ея подверженныхъ, предназначааетъ сіе великое и достойное ея намѣреніе освобожденіемъ душъ ихъ отъ тяжкія и мрачныя неволи, невѣжества и суевѣрія. Не на иной конецъ устроятся, по высочайшей ея волѣ, по всему государству училища для нижнихъ чиновостояній, дабы приготовить души юношества, въ нихъ воспитываемаго, къ воспріятію сего великаго и божественнаго дара; дабы учинить ихъ достойными вольности и способными къ снесенію ея“⁽¹⁾.

Мемуары, или записки современниковъ. Къ эпохѣ Екатерины II относится много мемуаровъ, или записокъ современниковъ. Изъ нихъ особенно интересны и важны, для характеристики этой эпохи, записки Дашковой, Державина, Лопухина, Храповицкаго, Грибовскаго, Порошина, Болотова и Добрынина⁽²⁾. Записки Дашковой содержатъ въ себѣ весьма много интересныхъ свѣдѣній какъ о самой Дашковой, такъ и объ импер. Екатеринѣ и окружавшихъ ея лицахъ; только надобно замѣтить, что къ этимъ свѣдѣніямъ критика совѣтуетъ относиться съ осторожностію, указывая на то, что „безпристрастіе не было въ числѣ достоинствъ вн. Екатерины Романовны“. Съ осторожностію также нужно пользоваться еще болѣе интересными во многихъ отношеніяхъ записками Державина. „Эти записки, говоритъ Я. К. Гротъ, дошли до насъ въ томъ самомъ видѣ, какъ онѣ вылились изъ подъ пера Державина, при поспѣшной черновой редакціи, со всѣми погрѣшностями и неисправностями горячей первоначальной работы. . . Писавъ ихъ (въ 1802—1812 г.) подъ впечатлѣніемъ еще довольно свѣжихъ воспоминаній объ испытанныхъ имъ неудачахъ и непріятностяхъ, Державинъ часто пристрастенъ въ оцѣнкѣ людей и событій и не только не хвалитъ почти никого изъ тѣхъ, съ кѣмъ имѣлъ дѣло, но напротивъ произноситъ имъ весьма строгіе и не всегда справедливыя приговоры. Но за то онъ передаетъ съ большою искренностію и

⁽¹⁾ Примѣчанія на исторію Леклерка II, 234, 236, 328, 330.

⁽²⁾ На изданія записокъ Дашковой, Державина и Лопухина указано выше. Записки Храповицкаго напечатаны въ Отеч. Зап. 1821—1828; въ Атеней 1858, № 5, и 1859, № 19. Записки Грибовскаго изданы въ 1864 г.; Записки Порошина въ 1844 г. Спб.; новое ихъ изданіе М. Семевскаго въ Русской Старинѣ 1881 г. Записки А. Т. Болотова въ Отеч. Зап. 1850—51; новое изданіе въ Русской Старинѣ 1870—73 г., Записки Добрынина въ Русской Старинѣ 1872 г.

откровенностию все, что припоминаетъ. Правда, что у него пропущены нѣкоторыя обстоятельства, по которымъ желательнo было бы имѣть разъясненіе, но этого нельзя приписывать его намеренію. Онъ писалъ свои воспоминанія прямо на бѣло, безъ всякихъ приготовленій и справокъ, и потому касался только того, что оставило въ немъ наиболѣе сильныя впечатлѣнія. Но, ошибаясь въ своихъ сужденіяхъ о людяхъ и дѣлахъ, онъ замѣчательно правдивъ въ изложеніи фактовъ, и съ этой стороны записки его составляютъ весьма важный и цѣнный матеріалъ для исторіи его времени. Проверка по архивнымъ документамъ множества упоминаемыхъ имъ случаевъ вполне убѣдила насъ въ достовѣрности его разсказовъ“. Записки Лопухина интересны и важны потому, что въ нихъ, кромѣ характеристики этой замѣчательной личности, находится много свѣдѣній для исторіи масонства въ Россіи. Записки А. Т. Болотова (1738—1833), обнимающія все XVIII-е столѣтіе, съ Петра В. по 1793 г., касаются самыхъ разнообразныхъ сторонъ русской жизни—домашняго и общественнаго воспитанія, домашняго и общественнаго быта, военной и гражданской службы, состоянія русской науки, литературы и книжной торговли, содержатъ много свѣдѣній о русскомъ дворѣ при Елисаветѣ, Петрѣ III и Екатеринѣ II, множество интересныхъ подробностей для біографій, государственныхъ, военныхъ и вообще общественныхъ русскихъ дѣятелей XVIII в. Искренность, честность, любовь къ правдѣ и глубокое чувство патріотизма составляютъ отличительныя черты записокъ Болотова, одного изъ лучшихъ русскихъ людей XVIII вѣка. Александръ Васильевичъ Храповицкій (1749—1801) съ 1782 по 1793 г. былъ статсъ-секретаремъ Екатерины у принятія прошеній и въ то же время ея частнымъ секретаремъ, редакторомъ, корректоромъ, переплетчикомъ бумагъ, писемъ и сочиненій ея и вообще исполнялъ самыя разнообразныя ея порученія. Это былъ человѣкъ весьма образованный; онъ находился въ дружескихъ отношеніяхъ со многими писателями, Державинымъ, Капнистомъ, Дмитріевымъ и др. и самъ занимался литературой, переводилъ и писалъ оригинальныя, стихотворныя и прозаическія, піесы. Состоя секретаремъ Екатерины, Храповицкій велъ дневникъ, въ который вносилъ въ краткомъ видѣ все интересное и замѣчательное. — Адрианъ Моисеевичъ Грибовскій (1766—1833) былъ такъ же секретаремъ Екатерины у принятія прошеній и составилъ записки, въ которыхъ находится много данныхъ для исторіи ея царствованія. Семенъ Андреевичъ Порошинъ (1741—1769), изъ московскихъ дворянъ, воспитанникъ кадегскаго корпуса, былъ учителемъ в. кн. Павла Петровича по математикѣ. Весьма умный и честный человѣкъ, онъ былъ горячимъ патріотомъ.

Записывая каждый вечеръ, для памяти, все, что происходило днемъ у великаго князя, онъ намѣренъ былъ, съ помощію этихъ записокъ, составить полную біографію своего государя. Къ сожалѣнію, онъ только два года 1764—1765 могъ вести свои записки. Нашлись люди, которые постарались поселить холодность между нимъ и великимъ княземъ. Въ началѣ 1766 г. Порошинъ вдругъ былъ удаленъ отъ двора и переведенъ въ военную службу. Въ 1769 г., во время похода противъ турокъ, онъ заболѣлъ и скончался. Записки Порошина весьма важны и для исторіи правовъ XVIII в. и особенно для объясненія многихъ чертъ въ характерѣ Павла I. Главною заботою Порошина, при воспитаніи великаго князя, было то, чтобы внушить ему любовь къ Россіи, уваженіе къ русскому народу, къ знаменитымъ дѣятелямъ его исторіи. Но при этомъ онъ долженъ былъ бороться съ большими трудностями. Десятилѣтній великій князь постоянно слышалъ вокругъ себя разговоры о томъ, какъ Россія отстала отъ Западной Европы во всѣхъ отношеніяхъ, при чемъ нѣкоторые позволяли себѣ отзываться о Россіи и русскихъ людяхъ даже съ презрѣніемъ. Порошинъ считалъ своею обязанностію уничтожать впечатлѣніе, производимое подобными разговорами на великаго князя. По случаю одного отзыва о русскомъ человѣкѣ, Порошинъ замѣчаетъ: „Я желалъ бы, чтобы въ уши великаго князя меньше такихъ выраженій входило; въ такомъ бы случаѣ лучше соблюли мы пользу свою. Когда Всевышній обрадуетъ насъ и сподобитъ увидѣть государя цесаревича въ совершенномъ возрастѣ, тогда, по остротѣ своей, конечно, самъ онъ увидитъ, какіе есть въ нашемъ народѣ недостатки. Но разность тутъ такую я предвижу, что ежели вложена въ него будетъ любовь и горячность къ народу, то, усматривая народныя слабости, будетъ усматривать, какія есть въ немъ достоинства и добродѣтели, и объ отвращеніи тѣхъ слабостей такъ, какъ мадолюбивый отецъ, пещись и стараться будетъ; а что ежели, напротивъ того, отъ неосторожныхъ рѣчей, или ненавистныхъ внушеній, получить отвращеніе и презрѣніе къ народу, то будетъ видѣть въ немъ одни только пороки и слабости, не видя его добродѣтелей, пренебрегать, а не исправлять ихъ, гнушаться именемъ россиянина. А отъ сего какія для отечества и для него самаго произойти могутъ слѣдствія, всякій, подумавъ назадъ кое-о чемъ (т. е. о Петрѣ III), легко разсудитъ“.—По случаю одного неблагопріятнаго отзыва о Петрѣ В. онъ замѣчаетъ: „Если бы не было никогда на російскомъ престолѣ такого несравненнаго мужа, то бѣ полезно было и вымыслить такого, его высочеству для подражанія. Мы имѣемъ толь преславнаго ге-

роя, и что дѣлается? Я не говорю, чтобъ государь Петръ В. совсѣмъ никакихъ не имѣлъ недостатковъ. Но кто изъ смертныхъ не имѣлъ ихъ? Порошинъ читалъ великому князю Вольтерову исторію Петра В. и при всякомъ удобномъ случаѣ самъ рассказывалъ о Петрѣ, что зналъ; очень былъ доволенъ, когда и другіе говорили о немъ съ должными похвалами.—Послѣ Петра В. Порошинъ старался внушить великому князю особенное уваженіе къ Ломоносову и другимъ русскимъ ученымъ и писателямъ. „Разговорились мы, замѣчаетъ онъ въ одномъ мѣстѣ, о г. Ломоносовѣ и г. Сумароковѣ, и потомъ вообще о людяхъ ученыхъ. Говорилъ я его высочеству, какъ принимать ихъ, и какое почтеніе отдавать имъ должно, для ободренія наукъ и покровительства. Упомянувъ о чтеніи оды Ломоносова на взятіи Хотина, онъ прибавляетъ: „Говорилъ я его высочеству, что это стихотворецъ вѣку блаженныя памяти бабки его, Елисаветы Петровны. Дай Боже, продолжалъ я, чтобъ въ вѣкъ вашего высочества такіе были. Эдакіе люди не растутъ какъ грибки изъ земли; надобно для того хорошія учрежденія, одобреніе и покровительство. А головъ годныхъ много въ Россіи, хотя такія головы, какъ Ломоносова, и рѣденьки нѣсколько“. Но противъ Ломоносова въ великомъ князѣ постарались возбудить предубѣжденіе (вѣроятно Панинъ и ему подобные). „Пришло мнѣ, говоритъ Порошинъ, не знаю какъ-то въ голову изъ Ломоносова похвальнаго слова государынѣ, Елисаветѣ Петровнѣ, то мѣсто, гдѣ написано: „Ты едина истинная наследница, ты дщерь моего просвѣтителя“ (слова сіи говоритъ прибѣгнувшая Россія государынѣ). И какъ я это выговорилъ, то его высочество смѣючись изволилъ сказать: „это, конечно, уже изъ сочиненіевъ дурака Ломоносова“. Хотя онъ сіе и шутя сказать изволилъ, однако же говорилъ я ему на то: „желательно, милостивый государь, чтобы много такихъ дураковъ у насъ было. А вамъ, мнѣ кажется, не прилично такимъ образомъ о такомъ россиянинѣ отзываться, который не только здѣсь, но и во всей Европѣ ученіемъ своимъ славенъ. Вы великій князь російскій. Надобно вамъ быть и покровителемъ музъ російскихъ. Какое для молодыхъ учащихся россиянь будетъ ободреніе, когда они примѣтятъ, или услышатъ, что уже человѣкъ такихъ великихъ дарованій, какъ Ломоносовъ, пренебрегается?—Но не смотря на такое правоученіе Порошина, великій князь, когда услышалъ о смерти Ломоносова, повторилъ свою шутку: „что о дуракѣ жалѣть, казну только разорялъ и ничего не сдѣлалъ“. Конечно, онъ не самъ дошелъ до такого отзыва, а отъ кого нибудь слышалъ, что Ломоносовъ много перебралъ денегъ у казны и ни-

чего не сдѣлалъ т. е. относительно мозаики“ (1).—Можно привести и еще нѣсколько мѣстъ, въ которыхъ Порошинъ выставленъ ревнителемъ русскаго просвѣщенія и защитникомъ русскихъ ученыхъ. Такъ, по поводу разсказа графа Строганова о томъ, что Крашенинникова камчатская исторія переведена на французскій языкъ, онъ замѣчаетъ: „Тутъ доносилъ я его высочеству о заслугахъ покойнаго профессора Крашенинникова и о достоинствѣ оной исторіи, такожъ, что его дѣти теперь въ великой бѣдности, что и А. П. Сумароковъ въ новой сочиняемой имъ комедіи ихъ представилъ, говоря, что „отецъ бѣдилъ въ камчатное и въ китайское государство, а дѣти ходятъ въ крашенинѣ, и потому Крашенинниковыми называются“. . . Не малое внутреннее удовольствіе чувствовалъ я, услышавъ, что на французскій языкъ переведена оная господина Крашенинникова исторія. Желалъ бы я, чтобъ болѣе такихъ оригинальныхъ книгъ у насъ было, для коихъ бы чужестранные, учась языку нашему, на свой ихъ переводили“. Разсказывая о похвалахъ графа историку Миллеру и вполне соглашаясь съ ними, онъ замѣчаетъ: „Но весьма я сожалѣю, продолжалъ я, что достоинства и старанія покойнаго Василья Никитича Татищева остались совсѣмъ почти въ забвеніи. Государь великій князь спросить меня тутъ изволилъ: что за человекъ былъ Татищевъ, и о какихъ я его стараніяхъ упоминаю? Я доносилъ его высочеству о покойномъ Татищевѣ, изясняя, что онъ человекъ былъ великаго ума, твердаго и проницательнаго, человекъ весьма знающій и любопытный, что собралъ и сочинилъ основательную россійскую исторію, что оная исторія и теперь таскается въ манускриптахъ; что весьма жаль, что ее не напечатываютъ, и такое сокровище пропадаетъ. Потомъ заговорили мы, что нынѣ при Академіи кое какъ собрались печатать лѣтописецъ Несторовъ. Его высочество изволилъ спрашивать меня: что это за Несторъ? Я доносилъ о немъ и о его лѣтописи. Наконецъ, какъ я сказалъ, что не худо напечатать и Степенную книгу и Ядро россійской исторіи, то опять великій князь спросить изволилъ: что это за книги? и я ему доносилъ о нихъ“ (2).

Сочиненія по языкознанію. Извѣстно, что въ XVIII в. ученыхъ занималъ вопросъ о первоначальномъ языкѣ въ человѣ-

(1) Записки Порошина. Изданіе Русской Старины 1881 г., стр. 47, 98, 178—180, 190—192.

(2) Тамъ же стр. 81—82.

ческомъ родѣ. Для рѣшенія этого вопроса они составляли сравнительные словари всѣхъ извѣстныхъ языковъ. Импер. Екатерина, еще будучи великой княгиней, также заинтересовалась этимъ вопросомъ и поручила пастору британской факторіи въ Петербургѣ, Дюмареску, составить общесравнительный словарь языковъ, и онъ чрезъ нѣсколько лѣтъ издалъ сравнительный словарь восточныхъ языковъ. Въ 1784 г., прочитавъ сочиненіе французскаго филолога Куръ-де-Жобелена о томъ, что всѣ языки могутъ быть выведены изъ одного кореннаго, Екатерина сама стала готовить матеріалы для сравнительнаго словаря. „Я составила, писала она въ 1785 г. доктору Циммерману, списокъ отъ двухъ до трехъ сотъ коренныхъ русскихъ словъ и дала ихъ перевести на столько языковъ и нарѣчій, сколько могла отыскать, и число которыхъ переходитъ теперь уже за вторую сотню. Каждый день я брала и записывала его на всѣхъ тѣхъ языкахъ, какіе могла набрать. Изъ этого я узнала, что слово, которое на одномъ языкѣ значить небо, на другомъ обозначаетъ облако, туманъ, сводъ; что слово Богъ въ нѣкоторыхъ нарѣчіяхъ имѣетъ значеніе: всевышній или добрый, въ другихъ солнце или огонь“. Для приведенія въ порядокъ собраныхъ такимъ образомъ словъ, она пригласила академика Палласа. Во всѣ мѣста Россіи и ко всѣмъ русскимъ посланникамъ при иностранныхъ дворахъ были посланы отпечатанные образцы сборника словъ, съ просьбою доставить сколько возможно болѣе переводовъ на мало извѣстные языки. Къ собраннымъ такимъ образомъ матеріаламъ были присоединены еще „Общее обозрѣніе всѣхъ языковъ міра“ берлинскаго книгопродавца и писателя, Николаи, и „Образцы разныхъ языковъ и малоизвѣстныхъ нарѣчій“ Бакмейстера. Въ 1787 г. вышелъ 1-й, а въ 1789 г. 2-й томъ словаря, подъ заглавіемъ: „Сравнительные словари всѣхъ языковъ и нарѣчій, собранные десницею высочайшей особы“. Переводы словъ были помѣщены на 200 языковъ. Съ точки зрѣнія нынѣшней науки языкознанія, словарь Екатерины, разумѣется, не можетъ выдержать критики, но какъ первый опытъ въ своемъ родѣ и притомъ съ громкимъ именемъ императрицы, онъ тогда обратилъ на себя вниманіе въ Европѣ. По замѣчанію Я. Гримма, онъ содѣйствовалъ къ оживленію и успѣхамъ сравнительнаго языкознанія. Въ 1790—1791 г. было сдѣлано, подъ редакціей Янковича де-Мириѣво, новое изданіе словаря, въ которомъ слова были изложены въ азбучномъ порядкѣ и дополнены африканскими и американскими словами (1).

(1) Филологическія занятія Екатерины Н. Я. К. Грота. Русскій Архивъ 1877; кн. 1.

Говоря выше объ учрежденіи Россійской Академіи, мы замѣтили, что цѣлю ея учрежденія было усовершенствованіе русскаго языка чрезъ составленіе полнаго словаря и грамматики. Дѣйствительно, чрезъ мѣсяць послѣ открытія Академіи, было приступлено къ составленію словаря русскаго языка. Въ этомъ дѣлѣ приняла участіе всѣ члены Академіи. Чтобы лучше вести его, они составили изъ себя три отдѣла: грамматикальный для грамматическихъ поясненій, объяснительный для опредѣленія значенія словъ и распорядительный для веденія самаго печатанія словаря. Прежде всего составленъ былъ планъ словаря: при обсужденіи его явилось множество разныхъ замѣчаній, возраженій и вопросовъ, способствовавшихъ къ уясненію характера языка, его разныхъ свойствъ и особенностей. Болтинъ представилъ примѣчанія на начертаніе для составленія словено-россійскаго толковаго словаря⁽¹⁾, гдѣ, объясняя значеніе разныхъ древнихъ словъ, между прочимъ доказываетъ, что въ размѣщеніи словъ надобно держаться не аналогическаго, или предметнаго порядка, а алфавитнаго. Фонъ-Визинъ написалъ къ Козодавлеву „Письмо о планѣ россійскаго словаря“, гдѣ онъ разсуждаетъ о собственныхъ и уменьшительныхъ именахъ, объ именахъ географическихъ и техническихъ словахъ и наконецъ о сословныхъ, или синонимическихъ. Вообще составленіе словаря вызвало интересъ къ изученію русскаго языка и содѣйствовало развитію русской филологіи. Словарь составлялся въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ и былъ напечатанъ въ 6-ти томахъ 1789—1796.— По церковно-славянскому языку въ это время явился весьма замѣчательный словарь бывшаго члена Россійской Академіи, протоіерея московскаго, архангельскаго собора П. А. Алексѣева (1727—1801). Заглавіе его „Церковный словарь, или истолкованіе рѣчей словенскихъ древнихъ, такожъ иноязычныхъ, безъ перевода положенныхъ въ Св. Писаніи и другихъ церковныхъ кнѣгахъ“ (1794), напоминаетъ древніе Азбуковники или Алфавиты иностранныхъ рѣчей. Онъ, дѣйствительно, и составленъ по образцу древнихъ Азбуковниковъ. Какъ Азбуковники не ограничивались объясненіемъ непонятныхъ словъ въ священныхъ и церковныхъ кнѣгахъ, но объясняли, иногда довольно обширно, и самыя предметы, называемыя этими словами, такъ и Алексѣевъ въ своемъ словарѣ, при объясненіи смысла и значенія словъ, говоритъ и о самихъ предметахъ, лицахъ и событіяхъ, къ которымъ относятся эти слова. При этомъ словарь его такъ же

⁽¹⁾ Напечатанъ Я. К. Гротомъ въ V томѣ сочиненій Державина, стр. 396—404.

подобно древнимъ Азбуковникамъ, получаетъ характеръ энциклопедическаго сборника разныхъ свѣдѣній; онъ знакомитъ съ особенностями природы и жизни людей, описываемыхъ въ священныхъ книгахъ, такъ же съ древнимъ греко-римскимъ классическимъ міромъ, византійской исторіей и древне-русскимъ бытомъ. Масса указаній на разные сочиненія свидѣтельствуетъ о томъ, что Алексѣевъ обладалъ обширною эрудиціей. Имѣя въ виду, конечно, такое богатство и разнообразіе словаря Алексѣева, современникъ его, профессоръ Баузе называлъ словарь *liber doctissimus et utilissimus*. Такое же значеніе приписывали ему и послѣдующіе славянскіе филологи. „Словарь Алексѣева, говоритъ Срезневскій, и въ первоначальномъ своемъ видѣ представилъ отвѣты на все вопросы, которыхъ рѣшенія можно было ожидать отъ него. Исправляемый и дополняемый, онъ дожилъ до четвертаго изданія, служилъ источникомъ для самыхъ лучшихъ словарей послѣдующаго времени и до сихъ поръ не потерялъ своего достоинства, не какъ памятникъ литературно-исторической, а какъ пособіе, полезное для справокъ“⁽¹⁾.

Литературныя теоріи и руководительныя книги по словесности. Образцовымъ руководительнымъ сочиненіемъ въ области эстетики и теоріи словесности въ XVIII в. считалась книга нѣмецкаго эстетика Зульцера (1720 — 1779): „Всеобщая теорія изящныхъ искусствъ“. Основное начало художественности, по ученію Зульцера, одно и тоже съ нравственнымъ началомъ; поэтому каждое произведеніе искусства оцѣнивается по степени его нравственнаго характера; только такое произведеніе и можетъ быть признано художественнымъ, которое одинаково сильно и благотворно дѣйствуетъ на чувство, на умъ и на сердце. Человѣкъ, говоритъ Зульцеръ, обладаетъ двумя независимыми одна отъ другой силами, на которыхъ зиждется прочность общественнаго союза и народное благо. Эти двѣ силы—разумъ и нравственное чувство. Разумъ привелъ людей къ образованію общества, далъ имъ законы и просвѣтилъ ихъ науками; но только развитіе нравственнаго чувства дѣлаетъ общественную жизнь дѣйствительнымъ благомъ. Высокое призваніе изящныхъ искусствъ заключается въ томъ, чтобы питать и развивать нравственное чувство, поселяя въ сердца любовь къ добру и ненависть къ злу. Теорія Зульцера господствовала въ литературѣ и школахъ. Нравственное направленіе, мы видѣли, составляетъ отличительную

(1) Истор. рос. Акад. I, 335—336.

черту всѣхъ литературныхъ произведеній Екатерининской эпохи. Профессора московскаго университета П. А. Сохацкій (1796—1809) и университетскаго пансіона Подшиваловъ проводили это направленіе въ своихъ журналахъ: „Чтеніе для вкуса, разума и чувствованія“ (1791—1793) и „Пріятное и полезное препровожденіе времени“, гдѣ они, между прочимъ, печатали нѣкоторыя статьи по исторіи и теоріи словесности. Сохацкій, для руководства своимъ слушателямъ, при изученіи эстетики, издалъ еще въ 1803 г. „Мейнерсово начертаніе и исторію изящныхъ наукъ“ въ русскомъ переводѣ. Къ этому переводному сочиненію онъ присоединилъ отъ себя „Чертежъ системы эстетики“ и самъ занимался сочиненіемъ эстетики, подъ названіемъ: „Изясненія объ изящныхъ наукахъ и искусствахъ“, но успѣлъ напечатать только общую или теоретическую часть⁽¹⁾. — Въ частности въ области эпической поэзіи руководствомъ для писателей и преподавателей служилъ „Опытъ объ эпической поэзіи Вольтера“, переведенный княгиней Дашковой. По теоріи лирики замѣчательно „Разсужденіе о лирической поэзіи, или объ одѣ“ Державина, напечатанное первоначально въ Чтеніи въ Бесѣдѣ любителей русскаго слова⁽²⁾. Будучи самъ лирикомъ и писавшій преимущественно оды, Державинъ вздумалъ объяснить происхожденіе, характеръ и значеніе этой формы поэзіи. При составленіи своего сочиненія онъ всего болѣе руководствовался исторіей поэзіи англійскаго священника Броуна (1715—1766) подъ заглавіемъ: „Ислѣдованіе о происхожденіи, связи и могуществѣ поэзіи и музыки“. Книга эта въ XVIII в. пользовалась большимъ значеніемъ и была переведена по нѣмецки и по французски. Много также помогли Державину совѣты и замѣчанія его друзей и особенно замѣчанія епископа (въ послѣдствіи митрополита) Евгенія Болховитина, которыя вошли въ самое сочиненіе Державина⁽³⁾. Разсужденіе Державина начинается объясненіемъ начала лирической поэзіи, о которой онъ говоритъ: „Лирическая поэзія показывается отъ самыхъ первыхъ пеленъ міра. Она есть самая древняя у всѣхъ народовъ; это отливъ разгоряченнаго духа; отголосокъ растроганныхъ чувствъ; упоеніе или изліяніе востор-

(1) О Сохацкомъ въ Биографическомъ словарѣ московскаго университета. Ч. II, 435—440.

(2) Сочин. Державина. Изд. Грота VII. 516—611.

(3) Замѣтки Евгенія, доставленныя Державину для его Разсужденія, приложены Гротомъ къ самому Разсужденію, том. VII. 612—626.

женнаго сердца. Человѣкъ, изъ праха возникшій и восхищенный чудесами мірозданія, первый гласъ радости своей, удивленія и благодарности долженъ былъ произнести лирическимъ восклицановеніемъ. Все его окружающее: солнце, луна, звѣзды, моря, горы, лѣса и рѣки наполняли живымъ чувствомъ и исторгали его гласы. Вотъ истинный и начальный источникъ оды“. Въ доказательство этого положенія, Державинъ указываетъ на Іувала, сына Ламехова, и разныхъ пѣвцовъ у древнихъ народовъ. Опредѣливъ затѣмъ общій характеръ лирическаго вдохновенія, онъ указываетъ разные его виды, приводя примѣры вдохновенія „грознаго, гнѣвнаго, торжественнаго, радостнаго, спокойнаго, тихаго, страстнаго, нѣжнаго, пріятнаго, умилительнаго, унылаго, печальнаго, утѣшительнаго, забавнаго, шутивлаго“. Потомъ онъ излагаетъ тоже въ примѣрахъ разные свойства лирической поэзіи: „смѣлый приступъ, высотность, или выпренность, лирической безпорядокъ, единство страсти, разнообразіе, краткость, правдоподобіе, новостъ“... Эти свойства, которыя Державинъ считаетъ свойствами лирической поэзіи, были, по тогдашнимъ воззрѣніямъ, общими свойствами всей поэзіи. Объясняя эти свойства, Державинъ высказываетъ свой взглядъ и на поэзію вообще. Согласно съ указанной выше теоріей, существенною принадлежностью поэзіи онъ считаетъ правоученіе: „Во всѣхъ народахъ, говоритъ онъ, и во всѣхъ вѣкахъ принято было за правило, которое и понынѣ между прямо просвѣщенными мужами сохраняется, что совѣтуютъ они въ словесности всякаго рода проповѣдывать благочестіе, или науки нравовъ. Особливо находятъ болѣе къ тому способною лирическую поэзію въ разсужденіи ея краткости и союза съ музыкою, чѣмъ удобнѣе она затверживается въ памяти и, забавляя, такъ сказать, просвѣщаетъ царства“. Такимъ направленіемъ, мы видѣли, проникнуты всѣ оды и другія стихотворенія самого Державина. Говоря о вкусѣ, Державинъ замѣчаетъ: „Вкусъ есть судія и указатель приличія, любитель изящности, провозглашатель въ разсужденіи чувства красоты, а въ разсужденіи разума истины... Безъ его печати, какъ безъ клейма досмотрщика, никакія искусственныя произведенія безсмертія не достигаютъ. Онъ знаетъ всему мѣру, гдѣ тонъ возвыситъ, гдѣ понизитъ, гдѣ оставитъ и продолжитъ. На вѣсахъ его лежитъ соображеніе всѣхъ обстоятельствъ, до человѣка касающихся, времени, обычаевъ, религіи и проч. Онъ умѣетъ распредѣлить тѣни красокъ, звуковъ, понятій и изъ разногласія творить согласіе... Безъ вдохновенія на струнахъ лиры нѣтъ жизни, а безъ вкуса — пріятности“. Такой взглядъ на вкусъ, какъ извѣстно, принадлежитъ Мармонтелю, который именно считалъ вкусъ чувствомъ приличія. Далѣе Державинъ говоритъ о разныхъ фор-

махъ лирической поэзіи у разныхъ народовъ въ разныя времена: гимнѣ, пѣанѣ, дионирамбѣ, сколи, о формахъ средневѣковой, романской поэзіи — канцонахъ, сонстахъ, мадригалахъ, балладахъ, наковецъ объ оперѣ и русскихъ народныхъ пѣсняхъ. Такъ какъ въ то время опера была любимую драматическою формою, то на ней Державинъ особенно останавливается. „Опера, говоритъ онъ, не есть изобрѣтеніе одной Италіи, какъ многіе думаютъ; но она въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ не что иное есть, какъ подражаніе древней греческой трагедіи. Тамъ такъ же разговоры препровождались музыкою, какъ и въ ней речитативы, только извѣстными тонами; равно лирическіе стихи пѣлись хорами, но тоже уставными... Долгое время опера была только забавою дворокъ, и то единственно при торжественныхъ случаяхъ; но какъ бы то ни было, нынѣ уже стала народною“ (1).—Такое же значеніе, какое имѣли въ области поэзіи оды, въ области прозы имѣли ораторскія рѣчи и похвальные слова. Форма ораторской рѣчи, выработанная еще въ классическихъ литературахъ, была главною формою, и ораторскій элементъ былъ преобладающимъ даже въ историческихъ и научныхъ сочиненіяхъ. Особенно въ большой модѣ въ XVIII в. были такъ называемыя похвальные слова. Въ этихъ словахъ, кромѣ военныхъ героевъ и политическихъ дѣятелей, прославляли и героевъ и дѣятелей въ области наукъ и словесности. У насъ, рядомъ съ похвальными словами Димитрію Донскому и Суворову, писались похвальные слова Ломоносову, Сумарокову, Лепехину и др. Въ 1804 г. Россійская Академія назначила премію за похвальное слово Минину и Пожарскому. Академикъ Севергинъ написалъ два похвальныхъ слова—Ломоносову и Минину и Пожарскому. Теоретическимъ руководствомъ при составленіи подобнаго рода похвальныхъ словъ служилъ между прочимъ „Опытъ о похвальныхъ словахъ“ (Essai sur les éloges) французскаго писателя Томаса (1732—1785), который былъ переведенъ на русскій языкъ, какъ твореніе въ своемъ родѣ классическое (2). Подъ вліяніемъ указанныхъ сочиненій по теоріи словесности у насъ въ XVIII в. составлены были: „Руководство къ ораторіи“ архіеписк. Екатеринбургскаго, Амвросія Серебрякова (или Серебряникова), „Піитика“ архангельскаго архіепископа, Аполлоса Байбакова, и „Реторика“ Княжнина, написанная при преподаваніи словесности въ кадетскомъ корпусѣ. Всѣ эти книги были руководствами въ тогдашнихъ школахъ.

(1) Сочин. Державина VII, 517—518; 568—569; 572—573; 598—602.

(2) Ист. рос. Академіи. Сухомлинова IV, 147.

Направленіе въ наукѣ словесности въ XVIII в. было теоретическое; исторіи литературы еще не было; но съ половины XVIII в. начались подготовительныя работы для этой исторіи, стали появляться собранія и библиографическія описанія древнихъ русскихъ рукописей и книгъ русскихъ, словари русскихъ писателей. Профессоръ москов. университета Хр. Фр. Маттеи (1744—1811) обратилъ вниманіе на бібліотеки св. Синода и синодальной типографіи и приступилъ къ описанію рукописей и древнихъ сочиненій, для которыхъ прежде, по приказанію Петра В., былъ составленъ краткій каталогъ проф. Аѳанасіемъ Скіадоу въ 1723 г. По образу Монфоконова описанія Коаленевоу бібліотеки, Маттеи описалъ обѣ бібліотеки и издалъ это описаніе въ Лейпцигѣ въ 1805 г.⁽¹⁾ Въ числѣ греческихъ рукописей оказалось очень много важныхъ, или по своему содержанию, или по своей древности. По этимъ рукописямъ Маттеи издавалъ свещ. книги Новаго Завета и сочиненія отцовъ церкви и составлялъ сборники или хрестоматіи по древней классической литературѣ для употребленія въ школахъ⁽²⁾. Другой профессоръ Московскаго университета, Баузе (1752 — 1812) занимался собираніемъ рукописей и старопечатныхъ книгъ, купилъ много книгъ старинныхъ у тогдашняго собирателя древностей, Оерапонтова, и такимъ образомъ составилъ замѣчательное и даже единственное, по замѣчанію Калайдовича, собраніе древностей, которое сгорѣло во время французскаго нашествія въ 1812 г. Страсть Баузе къ древностямъ имѣла вліяніе на Калайдовича, который былъ слушателемъ Баузе во время его профессорства. Въ одной изъ своихъ академическихъ рѣчей Баузе выбралъ предметомъ состояніе просвѣщенія въ Россіи до Петра В. Исторію этого просвѣщенія онъ раздѣляетъ на три періода. Въ первомъ (до Ярослава) замѣчательны, между прочимъ, заведеніе Владиміромъ школъ и переводы церковныхъ книгъ съ греческаго на славянскій; во второмъ (до Іоанна III)—заботы Ярослава о наукахъ, заведеніе имъ школы для 300 дѣтей, основаніе Анною, дочерью Всеволода I, училища въ Кіевѣ для дѣвицъ и проч.; третій періодъ обнимаетъ время до Петра В.— Но самымъ знаменитымъ собирателемъ памятниковъ древней письменности и вообще памятниковъ древности былъ графъ А. И. Мусинъ-Пушкинъ. Онъ начинаетъ собою рядъ тѣхъ просвѣщенныхъ любителей, покровителей и издателей русскихъ древностей, которымъ преимущественно и обязана исторія ихъ разработки; въ XVIII в.

(1) *Accurata codicum graecorum manuscriptorum Bibliothecarum Mosquensium Sanctissimae Synodi notitio et recensio.*

(2) Біографич. словарь профессоръ Московскаго университета ч. II.

онъ имѣеть такое же значеніе въ этой исторіи, какое въ нашемъ XIX в. графы Н. П. Румянцевъ, Ѳ. А. Толстой и А. С. Уваровъ. Мусинъ-Пушкинъ (1744—1817) собралъ богатую бібліотеку древнихъ рукописей, въ которую между прочимъ вошли, по свидѣтельству митр. Евгенія, многія книги и записки св. Димитрія Ростовскаго, Крещина, Татищева, Болтина, Барсова и Елагина. Къ сожалѣнію, большая часть его рѣдкихъ книгъ, записокъ и вещей погибла въ Москвѣ, во время французскаго нашествія въ 1812 г. По собраннымъ рукописямъ онъ издалъ въ 1799 г. Русскую Правду (вмѣстѣ съ Болтинымъ), Духовное Завѣщаніе Владиміра Мономаха въ 1795; въ этомъ же году онъ открылъ въ одномъ сборникѣ XIV или XV в. знаменитое Слово о полку Игоревѣ.

Исторія русской словесности начинается бібліографическими сочиненіями о прежнихъ книгахъ и словарями о прежнихъ писателяхъ. Первый опытъ русской бібліографіи сдѣлалъ членъ Россійской Академіи, епископъ Нижегородскій, Дамаскинъ (Семеновъ-Рудневъ 1737 — 1795). Онъ составилъ описаніе книгъ подъ заглавіемъ: „Бібліотека Россійская, по годамъ расположенная, отъ начала типографіи въ Россіи по нынѣшнія времена“. Бібліотека эта содержитъ въ себѣ обзоръ литературной производительности въ Россіи отъ начала книгопечатанія до исхода XVIII вѣка. Въ началѣ обзора Дамаскинъ излагаетъ исторію литературы или письменности, соединяя ее вмѣстѣ съ исторіей просвѣщенія. Исторію же просвѣщенія въ Россіи онъ раздѣляетъ на три періода: первый — отъ начала письменности въ Россіи до начала книгопечатанія, или отъ Владиміра Святаго до Іоанна Грознаго; второй — отъ начала книгопечатанія до введенія гражданскаго шрифта, или отъ временъ Грознаго до Петра В.; и третій — отъ введенія гражданской печати до 1785 года. „Бібліографическій очеркъ Дамаскина, говоритъ Сухомлиновъ, по своему содержанію и основной мысли, представляетъ до того выдающееся явленіе въ нашей литературѣ XVIII в., что мы считаемъ нужнымъ привести вполнѣ это произведеніе одного изъ образованнѣйшихъ русскихъ бібліографовъ⁽¹⁾. Бібліотекаръ Академіи наукъ І. Бакмейстеръ († 1794) составилъ „Опытъ о бібліотекѣ“⁽²⁾. Въ началѣ Опыта сдѣлавъ предварительный обзоръ русскаго книжнаго просвѣщенія⁽³⁾. — Составленіе словарей и разныхъ извѣстій о разныхъ писателяхъ началось еще въ первой

(1) Обзоръ напечатанъ Сухомлиновымъ въ Исторіи Россійской Академіи. Вып. I, 170—181.

(2) Essai sur la bibliotheque de l'Academie des sciences 1776; русскій переводъ 1779.

(3) О Баузѣ и Бакмейстерѣ смотр. Бібліографическій опытъ о древней русской письменности, А. Котляревскаго. Воронежъ. 1881.

половинѣ XVIII в. Выше указано на „Краткую записку о современныхъ писателяхъ“ Штелина и „Извѣстіе о вѣкоторыхъ русскихъ писателяхъ“ Дмитревскаго. Извѣстіе Дмитревскаго послужило основой для „Историческаго словаря о російскихъ писателяхъ“ Новикова⁽¹⁾. Словарь Новикова важенъ, какъ первый полный и связный матеріалъ для біографическихъ свѣдѣній о писателяхъ и вообще для исторіи русской литературы XVIII в. Въ немъ особенно интересны тѣ взгляды современниковъ на тогдашнихъ литературныхъ дѣятелей, которыхъ Новиковъ занесъ въ свою книгу. Сначала онъ обыкновенно говоритъ объ образованіи писателей, объ ихъ свѣдѣніяхъ въ той или другой наукѣ, потомъ перечисляетъ ихъ сочиненія и наконецъ дѣлаетъ отзывы, или произноситъ сужденія объ этихъ сочиненіяхъ. Въ сужденіяхъ о достоинствѣ сочиненій Новиковъ цѣнитъ вѣрность изображенія нравовъ, выдержанность характеровъ, простоту и естественность завязки и дѣйствія; но въ то же время требуетъ, чтобы все это было украшено искусствомъ. Языку и слогу и вообще внѣшней сторонѣ произведенія, согласно съ требованіями и вкусомъ своего времени, онъ придаетъ такое же значеніе, какъ и содержанію. За внѣшнюю сторону онъ хвалитъ иногда сочиненія, мало интересныя по внутреннему достоинству и наоборотъ; онъ хвалитъ напр. Елагина и Козицкаго, но холодно отзывается о Кантемірѣ. Впрочемъ, это относится преимущественно къ литературнымъ сочиненіямъ. Въ ученыхъ же сочиненіяхъ онъ главное вниманіе обращалъ на знаніе и трудолюбіе. Онъ съ глубокимъ уваженіемъ относится къ обширнымъ знаніямъ Тредьяковскаго, къ его ученымъ и переводнымъ трудамъ; хвалитъ Щербатова, какъ просвѣщеннаго и достойнаго великаго почтенія мужа, какъ знаменитаго любителя и изыскателя древностей російскихъ и писателя исторіи своего отечества.—Въ 1787 г. былъ напечатанъ „Драматическій словарь“⁽²⁾. Имя составителя этого словаря неизвѣстно; въ преди-

(1) Историческій словарь о російскихъ писателяхъ изъ разныхъ печатныхъ и рукописныхъ книгъ, сообщенныхъ извѣстій и словесныхъ преданій, собралъ Николай Новиковъ. Спб. 1772 г. Новое изданіе П. А. Вѣрмова: Матеріалы для исторіи русской литературы. Спб. 1867. Подробныя свѣдѣнія о словарѣ Новикова въ статьѣ М. И. Сухомлинова: Н. И. Новиковъ, авторъ историческаго словаря о русскихъ писателяхъ. Зап. Акад. наукъ 1865 том. VI.

(2) Драматическій словарь или показанія по алфавиту всѣхъ російскихъ театральныхъ сочиненій и переводовъ, съ означеніемъ именъ извѣстныхъ сочинителей, переводчиковъ и слагателей музыки, которыхъ иногда были представляемы на театрахъ, и гдѣ и въ которое время напечатаны. Новое изданіе Драматическаго словаря было сдѣлано книжнымъ магазиномъ Новаго Времени въ 1881 г.

словѣ къ нему авторъ замѣчаетъ, что онъ составилъ его для дѣтей одного своего пріятели, желавшихъ знать о драматическихкихъ пѣсахъ, какія даются въ Москвѣ и Петербургѣ, но, собравъ свою книгу, не убоился напечатать оную, почитая услугой публикѣ. Интересный въ свое время, какъ справочная книга, для насъ словарь имѣетъ значеніе потому, что изъ него мы можемъ видѣть состояніе драматической литературы въ послѣдней четверти XVIII в. Къ различнымъ сочиненіямъ въ немъ присоединены интересныя примѣчанія о томъ, какой успѣхъ имѣло то или другое сочиненіе, кто изъ актеровъ въ немъ особенно отличался. Вообще онъ представляетъ довольно матеріаловъ для исторіи русской драматической литературы, много анекдотическихкихъ подробностей изъ исторіи русскаго театра, отзывы о разныхъ пѣсахъ.—Но самымъ дорогимъ приобретеніемъ для исторіи русской литературы, разумѣется, были два словаря о русскихъ писателяхъ знаменитаго митр. Евгенія Болховитинова (1767—1837): 1) Словарь историческій о бывшихъ въ Россіи писателяхъ духовнаго чина грекороссійской церкви. Сиб. 1818 г.; 2) Словарь русскихъ свѣтскихъ писателей, соотечественниковъ и чужестранцевъ, писавшихъ въ Россіи М. 1845; которые, впрочемъ, только начали приготовляться въ разсматриваемую эпоху, но изданы были уже въ слѣдующемъ столѣтіи⁽¹⁾.

Начало разработки памятниковъ народной старины и словесности⁽²⁾. Мы выше замѣтили, что при стремленіи къ усвоенію идей европейскаго просвѣщенія, эпоха Екатерины была въ то же время эпохою національнаго сознанія и народныхъ патріотическихкихъ стремленій. Писатели часто брали сюжеты для своихъ произведеній изъ народнаго быта, вставляли въ эти произведенія народныя пѣсни, народныя преданія и сказки передѣлывали на современный ладъ, вводили въ свои произведенія народную рѣчь. Рядомъ съ этимъ происходило собраніе, изданіе и изученіе памятниковъ народной поэзіи, мифологіи и народныхъ преданій. Сама императрица Екатерина, какъ мы видѣли, пер-

(1) Начало словаря свѣтскихъ писателей было напечатано въ журналахъ «Другъ Просвѣщенія» 1805—1806 г. и Сынъ Отечества 1821—1822; полное же изданіе словаря сдѣлано только въ 1845 г. Погодинымъ.

(2) Исторія разработки народной старины и народной словесности вообще изложена въ превосходномъ изслѣдованіи А. Н. Пыпина: Изученія русской народности. Историко-литературный обзоръ. Вѣстн. Европы 1881—1883.

вая напечатала „Выборныя россійскія пословицы“; потомъ поручила Богдановичу составить сборникъ пословицъ; часть ихъ приказала перевести на французскій языкъ и послала ихъ къ Гримму, чтобы познакомить съ ними Европу. Изъ современныхъ ученыхъ и писателей, какъ собиратели и издатели произведеній народной словесности, сдѣлались извѣстны Чулковъ, Поповъ, Львовъ и Ключаревъ. Михаилъ Дмитріевичъ Чулковъ († 1793) московскій студентъ, а потомъ секретарь сената, издавалъ въ народномъ духѣ, какъ выше указано, два журнала: „И то и се“ и „Парнасскій Щепетильникъ“, въ которыхъ помѣщались статьи по народной старинѣ и народной словесности. Въ 1770—74 г. онъ издалъ въ Спб. собраніе разныхъ народныхъ пѣсень (4 части), заключающее 1) пѣсни или романсы разныхъ тогдашнихъ авторовъ, по преимуществу любовныя, и 2) пѣсни чисто народныя, которыя были напечатаны въ первый разъ ⁽¹⁾. Въ 1780 г. онъ напечаталъ „Русскія народныя сказки о богатыряхъ (10 частей); въ 1787 г. „Древнія сказки славянъ древлянскихъ“ (6 частей). Въ предисловіи къ первому собранію сказокъ, указывая на парижскую и берлинскую Вивліюеику романовъ и повѣстей, онъ говоритъ: „Россія имѣетъ такъ же свои (т. е. романы и повѣсти), и оныя хранятся только въ памяти; я заключилъ подражать издателямъ, прежде меня начавшимъ подобныя изданія, и издаю сіи сказки русскія, съ намѣреніемъ сохранить сего рода наши древности, и поощрить людей, имѣющихъ время собрать все оныхъ множество, чтобы составить вивліюеику русскихъ романовъ... Наконецъ во удовольствіе любителямъ сказокъ включилъ я здѣсь таковыя, которыхъ никто еще не слыхивалъ, и которыя вышли въ свѣтъ во первыхъ (т. е. впервые) въ сей книгѣ. Въ 1782 г. Чулковъ издалъ „Словарь русскихъ суевѣрій“, который явился потомъ вторымъ дополненнымъ изданіемъ: „Абевега русскихъ суевѣрій, идолопоклонническихъ жертвоприношеній, свадебныхъ простонародныхъ обрядовъ, колдовства, шаманства и проч.“ (М. 1786). Это была первая замѣчательная книга по народной миеологіи и этнографіи. Чулкову помогали въ собираніи народныхъ произведеній *Михайло Поповъ* († 1790), воспитанникъ шляхетскаго корпуса, бывшій секретарь комиссіи новаго Уложенія, человекъ изъ народа и отличавшійся любовью къ народной поэзіи. Въ 1765 г. онъ издалъ собраніе пѣсень, а въ 1768 г. словарь, или описаніе древняго языческаго славянскаго баснословія; написалъ романъ „славянскія древности“ и нѣсколь-

(1) Смотр. о старинныхъ рукописныхъ сборникахъ народныхъ пѣсень и былинъ Л. Н. Майкова. Журн. М. Н. Пр. 1880; ноябрь.

ко оперъ и комедій въ народномъ духѣ. — Н. А. Львовъ былъ душою того кружка, литературнаго и художественнаго, который сосредоточивался около Державина, и былъ руководителемъ и другомъ послѣдняго. Въ 1795 г. онъ написалъ богатырскую пѣснь: „Добрыня Никитичъ“. Онъ помогъ капельмейстеру И. Працю (ум. 1819) сдѣлать собраніе народныхъ пѣсней съ головами (1790) и написалъ къ этому изданію предисловіе. Всѣ народныя пѣсни въ этомъ собраніи раздѣлены на 6 классовъ: протяжныя, плясовыя, хороводныя, свадебныя, святочныя и мало-россійскія. Въ предисловіи къ изданію, между прочимъ, замѣчено, что „особое раченіе было употреблено на то, чтобы съ возможною точностію записать народную мелодію... Сохранивъ, такимъ образомъ, все свойство народнаго россійскаго пѣнія, собраніе сіе имѣетъ и все достоинство подлинника; простота и цѣлость онаго ни украшеніемъ музыкальнымъ, ни поправками иногда странной мелодіи нигдѣ не нарушены“. — Ѳ. П. Ключаревъ, воспитанникъ московскаго университета, бывшій товарищъ Новикова по Дружескому ученому обществу, въ 1804 г. издалъ, подъ заглавіемъ: „Древнія россійскія стихотворенія“, собраніе былинъ, дополненное въ послѣдствіи Калайдовичемъ. Такъ началось собираніе и разработка произведеній народной словесности. — Необходимо замѣтить впрочемъ, что этимъ произведеніямъ тогда совсѣмъ не приписывали такого значенія, какъ нынѣ, и во всякомъ случаѣ ставили ихъ гораздо ниже произведеній древней письменной литературы. „Изображеніе быта и нравовъ минувшаго времени, говоритъ Болтинъ, надо искать въ литературныхъ т. е. въ письменныхъ памятникахъ, а отнюдь не въ такъ называемыхъ народныхъ пѣсняхъ. Изображаютъ вкусы и нравы народа тогдашняго вѣка лѣтописи Несторова, Іоакимова, законы Изяславовы и Ярославовы, договоры мирныя и грамоты, изложенія духовныя и политическія и подобныя имъ уцѣлѣвшіе отъ древности письменные остатки. Старинныя же пѣсни, каковы объ Ильѣ Муромцѣ, о пирахъ князя Владиміра и проч. пѣсни подлая, безъ всякаго складу и ладу. Подлинно таковыя пѣсни изображаютъ вкусъ тогдашняго вѣка, но не народа, а черни, людей безграмотныхъ и можетъ быть бродягъ, кои ремесломъ симъ кормились, что, слагая такія пѣсни, пѣли ихъ для испрошенія милостыни, подобно тому, какъ и нынѣ нищія, а паче слѣпые, слагая нелѣпые стихи, поютъ ихъ, ходя по дорогамъ, гдѣ чернь собирается“ (1). Державинъ, какъ уже выше замѣчено, такъ же не очень высоко цѣнилъ произведенія народной словес-

(1) Примѣч. на ист. Леклерка II, 60.

ности. Говоря о былинахъ, изданныхъ Якубовичемъ, онъ почти не находитъ въ нихъ ни поэзіи, ни разнообразія въ картинахъ, ни въ стопосложеніи, кромѣ немногихъ: „онѣ одноцвѣтны и монотонны“. На томъ основаніи, что въ нихъ постоянно говорится о татарахъ, онъ думалъ, что всѣ онѣ сочинены уже по освобожденіи отъ ига ихъ, какимъ нибудь однимъ человѣкомъ, а не многими, чѣмъ и доказывается не вкусомъ цѣлаго народа“ (1). Такимъ образомъ вообще старинѣ и народной словесности въ это время приписывалось значеніе только поэтическое и баснословное, а не этнографически-историческое. Такъ смотрѣли на нихъ и сами ихъ собиратели и изслѣдователи. Печатаая „Описаніе славянскаго баснословія“ (въ 1768), Поповъ говорилъ: „Сіе сочиненіе сдѣлано больше для увеселенія читателей, нежели для историческихъ справокъ и больше для стихотворцевъ, нежели для историковъ“. Памятники старины только что стали приводиться въ извѣстность; никакой критики, ни филологической, ни исторической, еще не существовало. Чисто народные элементы въ нихъ еще не были отдѣлены отъ разныхъ постороннихъ наростовъ. Въ Абевергѣ русскихъ суевѣрій Чулкова, между русскими суевѣріями, мы встрѣчаемъ много вѣрованій и обычаевъ всякихъ русскихъ инородцевъ, татаръ, мордвы, чувашъ и проч., о какихъ авторъ могъ найти свѣдѣнія. Не придавая памятникамъ народной старины и старинной народной поэзіи историческаго значенія, обращались съ ними, какъ съ поэтическимъ матеріаломъ; въ случаѣ пробѣловъ или пропусковъ народной памяти, не стѣснялись дѣлать разныя дополненія и украшенія и создавали иногда даже вновь. Это дѣлали и въ послѣдствіи въ XVIII в. Глинка, издавая свою книгу „Древняя религія славянъ“ прямо заявляетъ: „описывая произведенія фантазіи или мечтательности (такъ онъ понималъ древнюю мифологію), я думаю, что не погрѣшу, если при встрѣчающихся пустотахъ и недостаткахъ въ ея произведеніяхъ, буду дополнять свойственною подъ древнюю статью фантазією“... Онъ помѣстилъ гимнъ Перуну, отсутствующій у историковъ и сочиненный имъ самимъ „подъ древнюю статью“. Извѣстно, что одинъ, не очень хитрый поддѣльщикъ тѣхъ временъ, сочинилъ на мнимо старинномъ языкѣ гимнъ Бояна, найденный „въ свиткѣ перваго вѣка, вмѣстѣ съ нѣсколькими произрѣченіями пятого столѣтія новгородскихъ жрецовъ“. Державинъ переложилъ этотъ гимнъ въ новѣйшіе стихи. Съ точки зрѣнія псевдоклассической аристократической теоріи, эти произве-

(1) Разсужденіе о лирич. поэзіи. Сочиненія VII, 607—608.

денія, какъ произведенія подлаго народа, считались въ подлинномъ ихъ видѣ недостойными вкуса образованныхъ людей, и потому при изданіи ихъ признавали необходимымъ очищать ихъ отъ грубости, украшать и вообще приспособлять къ современному вкусу. Богдановичъ въ своемъ сборникѣ нѣкоторыя пословицы переложилъ въ стихи и вообще измѣнялъ и передѣлывалъ. Поповъ въ предисловіи къ изданію русскихъ пѣсень говоритъ: „Со старинными пѣснями поступалъ я такимъ образомъ: по учиненіи онымъ изъ преогромныя стаи очень малаго выбора, потщался въ нѣкоторыхъ исправить не только разногласіе и мѣру въ стихахъ, но и переставлялъ оныя съ одного мѣста на другое, дабы связь ихъ теченія и смысла сдѣлать чрезъ то плавнѣйшею и естественнѣйшею, чего въ нѣкоторыхъ изъ нихъ не доставало“ (1). Выше указано, какъ Державинъ, въ своихъ драматическихъ піесахъ изъ народной исторіи, измѣнялъ народныя сказанія, или смѣшивалъ ихъ съ иностранными, не русскими сказаніями.—Не смотря однакожь на такія искаженія и вообще ошибки и неправильности въ пониманіи истиннаго характера и значенія памятниковъ народной старины и народной словесности, всѣ указанные выше труды ихъ собирателей и изслѣдователей имѣли весьма важное значеніе; они положили начало для ихъ разработки и приготовили много матеріаловъ для будущихъ дѣятелей въ этой области.

Изъ литературныхъ сочиненій, переводныхъ и оригинальныхъ, составлялись хрестоматическіе сборники для популярнаго чтенія и общаго употребленія. Таковы были „Товарищъ разумный и замысловатый“ Семенова, „Письмовникъ“ Курганова и „Старичекъ весельчакъ“ неизвѣстнаго автора. Первый сборникъ вышелъ въ 1764 г. подъ заглавіемъ: „Товарищъ разумный и замысловатый, или собраніе хорошихъ словъ, разумныхъ замысловъ, скорыхъ отвѣтовъ, учтивыхъ насмѣшекъ и пріятныхъ приключеній знатныхъ мужей древняго и нынѣшняго вѣковъ, переведенной съ французскаго и умноженной изъ разныхъ латинскихъ, къ сей же матеріи принадлежащихъ, писателей, какъ для пользы, такъ и для увеселенія общества“. Съ эпиграфомъ изъ Горация: *Omne tulit punctum, qui miscuit utile dulci*, то есть „тотъ всякому угождаетъ, кто вдругъ и полезное и пріятное предлагаетъ“. Въ предисловіи къ Товарищу было сказано: „Мнѣнія, скорые отвѣты и замысловатая рѣчи были всегда у всѣхъ политическихъ народовъ въ почтеніи. Греки и римляне оказались въ томъ первые чрезъ стараніе, которое они имѣли въ собираніи и употребленіи оныхъ. Юлій Кесарь собралъ довольно число замысло-

(1) Сказанія Р. Н. Сахарова I, 28.

ватыхъ рѣчей отъ своихъ современниковъ. Славный историкъ Плутархъ съ немалымъ тщаніемъ старался собирать замысловатыхъ рѣчи, сказанныя знатными людьми, коихъ онъ описывалъ жизни; въ чемъ такъ же Діогенъ Лаэртій не преминулъ ему послѣдовать, описывая жизни философовъ; а изъ вышнѣшнихъ милордъ Баконъ Гишарденъ и многіе другіе оными набогатили свои писанія“. Сопоставляя свой сборникъ замысловатыхъ рѣчей съ древними апофеегмами, составитель указываетъ и различіе между ними: „Апофеегма отличествуетъ отъ замысловатой рѣчи, или отъ скорого отвѣта тѣмъ, что первый бываетъ обыкновенно важенъ и подающъ наставленіе, а замысловатая рѣчи и скорые отвѣты насъ наставляютъ и увеселяютъ въ одно время; иногда такъ же бываютъ совсѣмъ увеселительныя, а иногда язвительныя и сатирическія“⁽¹⁾. Но гораздо разнообразнѣе по предметамъ и серьезнѣе и важнѣе по характеру былъ „Письмовникъ“ Курганова. *Николай Гавриловичъ Кургановъ* (1726 · 1796) былъ профессоромъ математики и навигаціи въ морскомъ корпусѣ. Онъ извѣстенъ, какъ составитель руководствъ по ариѣметикѣ, геометріи, навигаціи; но особенную извѣстность онъ приобрѣлъ своимъ хрестоматическимъ сборникомъ, подъ заглавіемъ: „Письмовникъ, содержащій въ себѣ науку русскаго языка, со многими присовокупленіемъ разнаго учебнаго и полезно-забавнаго вещесловія“ (1777 г.). Это была энциклопедія того времени, обнимавшая сумму тогдашнихъ знаній по разнымъ частямъ науки, и содержавшая сборникъ разныхъ сочиненій литературнаго характера, для наставленія и увеселенія читателей. Книга состоитъ изъ двухъ частей. Въ началѣ помѣщена русскаго грамматика, а потомъ, въ формѣ хрестоматіи къ ней, приложено восемь „присовокупленій“. Въ предисловіи авторъ рассказываетъ, что онъ, вздумавъ поучить дѣтей своихъ правиламъ русскаго языка, по прежде издавннй русской граматикѣ, напелъ ея для нихъ „многотрудною“ и потому принужденъ былъ ее „преобразить“. Сверхъ того, обогатилъ онъ ее присовокупленіемъ разныхъ благопристойныхъ вещей, вѣдая, что „различность веселитъ, обогащаетъ мысли и просвѣщаетъ разумъ... Станетъ, въ семьѣ не безъ урода: нѣкоторыя рѣчи въ пословицахъ и повѣстцахъ найдутся простоваты и ошибки въ словотолкѣ; причиною тому новое сіе дѣло, могущее исправиться еще въ будущихъ изданіяхъ. Впрочемъ, должно взирать на хитрость пчель, и внимать

⁽¹⁾ Историч. хрест. новаго періода русской словесности А. Галахова II, 547—548.

ученію: будите мудри, яко змія, и цѣли яко голубіе. Подобаеть вамъ и ереси знати, да искусствѣйшіе явитесь. Критици избѣжать трудно и всѣмъ управить невозможно. Человѣкъ есть животное, подверженное смѣху и надъ другими издѣваться любящее; легче судить и цѣнить, нежели что либо сочинать и издавать. Въ книгу сію занятая мѣстами чуждинка не порокъ; ибо и творцы нынѣшніе походятъ на спищиковъ или бытописцевъ“. Присовокупленія, составляющія хрестоматію книги, слѣдующія: 1) Сборъ разныхъ пословицъ и поговорокъ. Пословицы расположены по алфавиту; изложеніе ихъ мѣстами отзывается книжнымъ складомъ. 2) Краткія замысловатыя повѣсти. Онѣ заимствованы изъ разныхъ иностранныхъ источниковъ и имѣють характеръ краткихъ анекдотовъ поучительнаго, забавнаго, а иногда и вольнаго, соблазнительнаго содержанія. 3) Древнія Апофѳегмы и Эпиктетово правоученіе. Апофѳегмы взяты изъ переводной книги, напечатанной въ 1711 г. и потомъ издававшейся нѣсколько разъ; онѣ содержатъ краткія изрѣченія разныхъ знаменитыхъ мужей древности. Эпиктетово правоученіе взято изъ Бельгардова французскаго перевода. — Разсужденіе Сенеки о четырехъ главныхъ добродѣтеляхъ: благоразуміи, мужествѣ, воздержности, правосудіи. — Перечень человѣческихъ знаній: краткія свѣдѣнія о Богѣ, челѣкѣ, вѣрѣ, законахъ. 4) Разные учебные разговоры. Изъ 8-ми разговоровъ особенное значеніе имѣють 7-й о мѣологіи, гдѣ кратко изложена греко-римская мѣологія, и 8-й, гдѣ помѣщенъ отдѣлъ изъ теоріи словесности—„о поэзії и прозѣ“ и разныхъ формахъ прозаическихъ и поэтическихъ произведеній. — Сборникъ разныхъ стихотвореній—образцы эпиграфич, оды, эклоги, идилліи, элегіи, притчи, басни, эпиграммы, загадки, сатиры и проч. — 6) Всеобщій чертежъ наукъ — обширная и очень дѣльная статья, въ которой объясняется происхожденіе разныхъ наукъ и художествъ, ихъ предметъ, взаимное отношеніе, ихъ достоинство и значеніе. — Краткій повѣстной лѣтописецъ. Неустрашимость духа, геройскіе подвиги и примѣрные анекдоты русскихъ и иностранныхъ великихъ мужей и проч. особъ. — 7) Словарь разноязычный, или толкованіе европейскихъ, греческихъ, латинскихъ, французскихъ, нѣмецкихъ и прочихъ иноземныхъ, употребляемыхъ въ русскомъ языкѣ, и нѣкоторыхъ славянскихъ словъ. Очень понятно, что при такомъ разнообразномъ содержаніи, Письмовникъ Курганова не только въ концѣ прошлаго, но и въ нынѣшнемъ столѣтіи пользовался большою популярностью и имѣлъ множество изданій. Далекое не имѣеть такого значенія третій сборникъ, несравненно низшаго достоинства, хотя такъ же долго служившій народною книгою, „Старичекъ весельчакъ, разсказывающій давнія московскія были“, напечатанный въ пер-

вый разъ въ 1790 г. Неизвѣстный его составитель переложилъ въ стихи нѣсколько замысловатыхъ повѣстей, назвавъ ихъ былями. — Наконецъ писались въ это время книги и прямо для простаго народа. Изъ писателей такихъ книгъ извѣстны Матвѣй Комаровъ, называющій себя жителемъ Москвы. Онъ издалъ: „Обстоятельныя и вѣрныя исторіи двухъ мошенниковъ: перваго россійскаго славнаго вора . . . Ваньки Каипа; втораго французскаго мошенника Картуша (1779); Повѣсть о приключеніи англійскаго милорда Георга и брандебургской маркграфини Луизы, съ присовокупленіемъ къ оной „исторіи бывшаго турецкаго визиря Марцимириса и сардинской королевы, Терезіи (1782); Невидимка, исторія о Фецкомъ королевичѣ, Аридесѣ, и о братѣ его, Подумедесѣ; Сборникъ стиховъ и прозы и разныя письменныя матеріи (1791). Исторія Ваньки Каина и Повѣсть о милордѣ Георгѣ до сихъ поръ обращаются въ народномъ чтеніи, какъ любимыя книги, и выдержали множество изданій съ картинками и портретомъ англійскаго милорда (1).

ДУХОВНАЯ ЛИТЕРАТУРА.

Состояніе духовнаго образованія въ екатерининскую эпоху. Въ духовномъ образованіи и духовной литературѣ въ екатерининскую эпоху мы встрѣчаемъ такъ же замѣтное оживленіе, въ слѣдствіе какъ общаго вліянія просвѣтительныхъ стремленій XVIII в., такъ и нѣкоторыхъ правительственныхъ мѣръ. Духовныя училища, какъ и прежде, продолжали быть разсадниками, изъ которыхъ набирали воспитанниковъ въ академическую гимназію и университетъ и для отправленія въ ученіе за границу. Академики Румовскій, Озерецковскій и Никита Соколовъ были изъ духовнаго сословія и учились сначала въ московской академіи; поэтъ Костровъ былъ вятскій семинаристъ, докончившій образованіе въ московской академіи; нѣкоторые литераторы и журналисты, напр. Рубанъ, образованіе свое получили также въ духовныхъ школахъ. Но, заботясь о распространеніи образованія въ Россіи по современнымъ идеямъ, Екатерина хотѣла поднять и духовныя школы также до современнаго уровня. Образованная съ этою цѣлю, духовная коммиссія изъ Гавріила еп. тверскаго, Иннокентія псковскаго и іеромонаха Платона (впослѣдствіи

(1) О сочиненіяхъ Комарова смотр. у Бѣлинскаго том. III, 251—257.

митр. московскаго), сверхъ преобразованія духовныхъ семинарій расширеніемъ курса наукъ и улучшеніемъ экономическихъ средствъ, предполагала учредить въ Москвѣ даже духовный университетъ, или покрайней мѣрѣ богословскій факультетъ при московской академіи. Предположеніе это стояло въ связи съ посылкой воспитанниковъ семинарій для высшаго образованія въ заграничныя университеты (¹). Въ 1765 г. Св. Синоду была объявлена высочайшая воля, чтобы изъ учениковъ семинарій избрать десять человекъ для отправленія ихъ въ Англію, чтобы въ университетахъ Оксфордскомъ и Кембриджскомъ, въ пользу государства, могли научиться высшимъ наукамъ и восточнымъ языкамъ, не выключая и богословія. Для надзора за ними положено было послать двухъ инспекторовъ. Изъ выбранныхъ учениковъ одни были отправлены въ Оксфордъ, другіе въ Геттингенъ, третьи въ Лейденъ. По инструкціи, данной посланнымъ въ Англію, предписывалось: обучаться греческому, еврейскому и французскому языкамъ, моральной философіи, исторіи наипаче церковной, географіи и математическимъ принципіямъ, такъ же и непространной богословіи... Всѣмъ вообще ходить на публичныя диспуты и другія ученныя университетскія собранія, также и на проповѣди, прислушиваясь къ чистотѣ ихъ языка и проповѣдническаго стила. При слушаніи тамошней богословіи могутъ случиться догматы, нашей церкви противные; инспектору надлежитъ заблаговременно ихъ левціи разсмотрѣть и ежелибъ такія противности случились, о томъ студентовъ въ осторожность съ истолкованіемъ увѣдомить, дабы слушаніе оныхъ имъ также служило впредь единымъ нужнымъ пастырскимъ свѣдѣніемъ разницы догматовъ между христіанскими исповѣданіями“ (²). Посланные ученики учились съ полнымъ усердіемъ и заслужили отъ профессоровъ, которыхъ слушали, самые лестные отзывы; но многіе изъ нихъ, по молодости лѣтъ, не выдержали трудности ученія, и захворали, нѣкоторые даже умерли, а нѣкоторые должны были возвратиться прежде окончанія курса. Прежде всѣхъ возвратились въ Россію студенты, учившіеся въ Оксфордѣ и Лейденѣ и послѣ экзамена были размѣщены по разнымъ семинаріямъ. Самые отличные успѣхи изъ нихъ на экзаменѣ оказалъ Дмитрій Семеновъ-Рудневъ, въ послѣдствіи Дамаскинъ, епископъ нижегородскій, который сначала учился въ московской академіи и былъ отправленъ въ Англію уже изъ учителей крутицкой се-

(¹) Духовныя школы въ Россіи до реформы 1808 года П. В. Знаменскаго, стр. 469 — 480.

(²) Истор. Россіи Соловьева XXVI, 318—319.

минаріи въ качествѣ инспектора надъ студентами. Духовная коммисія, представляя Императрицѣ отчетъ объ экзаменѣ студентовъ, представила вмѣстѣ съ нимъ еще докладъ объ основаніи въ Москвѣ богословскаго факультета. Указавъ на то, что, по примѣру европейскихъ университетовъ, въ которыхъ, кромѣ другихъ факультетовъ, есть еще факультетъ богословскій, слѣдовало учредить богословскій факультетъ и при московскомъ университетѣ, при его основаніи; но этотъ факультетъ не былъ учрежденъ, по тому что тогда учителей и профессоровъ для него своихъ не было, а надобно было ихъ выбирать изъ чужестранцевъ. Коммисія представляла, что для образованія духовенства полезно было бы учредить этотъ факультетъ подъ особеннымъ управленіемъ Синода и собственнымъ покровительствомъ государыни. Всего удобнѣе было бы открыть этотъ факультетъ въ Москвѣ, какъ городъ многочисленъ; профессорами и учителями этого факультета могутъ быть какъ уже возвратившіеся изъ заграницы студенты какъ напр. Семеновъ съ товарищами, такъ и тѣ, которые еще возвратятся изъ Лейдена и Оксфорда. Для приготовленія къ этому факультету можно бы устроить отдѣленіе въ Спаскомъ монастырѣ, или даже особую при факультетѣ гимназію... Изъ богословскаго факультета всѣ должны были бы поступать или въ учителя семинарій, или въ духовное и монашеское званіе. Такимъ образомъ, въ духовенствѣ оказалось бы современемъ много просвѣщенныхъ людей... Такъ какъ въ Спаскомъ монастырѣ академія заведена еще при царѣ Θεодорѣ Алексѣевичѣ въ 1662 г.; то для сохраненія сего древняго учрежденія можно бы и богословскій факультетъ причислить къ ней же, такъ чтобы оба эти училища, учрежденныя для духовенства, назывались одною академіею“. Прочитавъ этотъ докладъ, Екатерина велѣла коммисіи подать ей проэктъ плана, на какомъ основаніи и съ какимъ порядкомъ можетъ быть учрежденъ въ Москвѣ богословскій факультетъ. Въ слѣдствіе этого въ Синодѣ въ 1777 г. были составлены и поданы Императрицѣ уставъ и штатъ академіи и предполагаемаго при ней богословскаго факультета; но они остались почему-то безъ послѣдствій⁽¹⁾.

Въ духовенствѣ Екатерининской эпохи мы встрѣчаемъ много образованныхъ людей, которые были замѣчательными дѣятелями какъ въ наукѣ, такъ и дѣлахъ общественныхъ. При Петрѣ В. духовенство помогало дѣлу реформы своимъ словомъ; во 2-й половинѣ XVIII в. когда литература достигла уже такого раз-

(¹) Проэктъ Богословскаго факультета при Екатеринѣ II. З. Вѣстникъ Европы 1873; ноябрь.

витія, что могла быть лучшимъ орудіемъ для проведенія всякаго рода идей въ общество, Екатерина не имѣла такой нужды въ помощи церковнаго слова; но для того, чтобы своимъ учрежденіямъ придать санкцію церкви и духовенства, она нерѣдко обращалась къ духовенству съ разными порученіями. Еще до обнародованія Наказа она поручила разсмотрѣть его архіепископу Гавріилу, вмѣстѣ съ Иннокентіемъ, епископомъ тверскимъ, и іеромонахомъ Платономъ. Разсмотрѣвъ Назакъ, они написали, что во всемъ Наказѣ „святая блистаетъ мысль, чтобы доставить всякому любезную естественную вольность, соединяя оную съ не нарушеніемъ общаго покоя, и чтобы наказаніе зла было совокупно съ исправленіемъ злыхъ“, и прибавляли, что почтутъ счастливейшимъ въ своей жизни то время, когда вступитъ въ дѣйствіе „божественное законодательство“, составленное по идеямъ Наказа. Но, выражая такое сочувствіе къ Наказу вообще, Гавріиль и его сотрудники въ тоже время указали, хотя въ самой мягкой формѣ, и тѣ крайности, въ какія, по ихъ мнѣнію, впадаетъ иногда Назакъ⁽¹⁾. Въ комиссію для составленія новаго уложенія былъ назначенъ депутатомъ отъ Синода сначала архіеп. Дмитрій Сѣменовъ, а потомъ, послѣ его смерти, преемникъ его по кафедрѣ, Гавріиль Петровъ. При открытіи комиссіи, предъ принесеніемъ депутатами присяги, Гавріиль говорилъ рѣчь о томъ, что основаніе общественныхъ законовъ лежитъ въ самомъ существѣ общества, подобно тому, какъ основаніе нравственнаго закона таится въ глубинѣ души человѣка. Законъ общества . . . есть изъясненіе того закона, который во всѣхъ насъ вліяетъ отъ Бога. Итакъ соглашать законъ общества съ закономъ Божиимъ есть возставлять человѣчество, приводить его въ полное благополучіе и прославлять самаго законодателя . . . Счастлива Россія, что премудрую и попечительную монархиню имѣетъ; счастливы вы, которые удостоены предлагать ей свои изобрѣтенія. Ваша, почтенные господа, честь и избраніе на великое сіе дѣло суть тѣ превосходныя качества, которыя въ васъ находитъ монархиня, почитаетъ общество, и которыми одарилъ васъ Богъ . . . Выведите любовь вашу изъ тѣсныхъ вашихъ границъ и распространите ко всѣмъ; примите чувство, и возымѣйте состраданіе бѣдности другихъ; почите благополучіе всякаго въ обществѣ благополучіемъ своимъ, и признайте, что несчастіе и послѣдствіе въ обществѣ должно почитать несчастіе-

(1) Истор. рос. академія 1, 61 — 62. Здѣсь приложены и самыя замѣчанія на Назакъ, какія сдѣланы Гавріиломъ и его сотрудниками.

емъ всего общества; устремите силы ваши на такія изобрѣтенія, чтобъ въоренить во всѣхъ человѣколюбіе и благоправіе, отвратить ихъ отъ пороковъ и удержатъ отъ продерзости на законъ; такъ добродѣтель и вѣра останутся въ покоѣ, такъ процвѣтетъ благополучіе Россіи. . . Господи! открой завѣсу, которая преграждаетъ насъ отъ Тебя, чтобы мы могли яснѣе увидѣть величество Твое, воодушевить себя чувствомъ Твоего правосудія, и при исполненіи сихъ нашихъ клятвъ насладиться Твоею благостію“⁽¹⁾. Послѣ открытія комиссіи, при представленіи депутатовъ, архіеп. Дмитрій также говорилъ рѣчь, въ которой законодательное право императрицы связывалъ съ древнимъ законодательствомъ: „Прославлялась иногда древняя Греція, прославлялся и Римъ своими законодателями; но къ полной ихъ славы не доставало того, что не просвѣщены были евангельскимъ ученіемъ, которое есть всякаго правоученія претвердымъ основаніемъ, но ты, симъ свѣтомъ путеводима, изъ источниковъ истины христіанскія почерпаешь воду животную. Были и въ христіанскихъ греческихъ государяхъ, кои славу законодателя получили; но теченію вещей, по неизвѣстнымъ Божиимъ судьбамъ, премѣнившуся, (вслѣдствіе турецкаго нашествія) сила законовъ сама собою перестала. Но въ сихъ судьбахъ печальныхъ усматриваемъ мы судьбу для насъ благопріятную, ибо по перенесеніи съ Востока къ намъ вѣры, и право законодательства яко наследственно тебѣ препоручено отъ Того, Который и настоящая потребность править и будущая полезно устрояетъ“⁽²⁾.—22 ноября 1768 г., сенатъ и комиссія уложенія поздравляли Екатерину съ выздоровленіемъ послѣ привія оспы; при этомъ архіеп. Гавріиль, какъ депутатъ комиссіи, говорилъ: „Ваше намѣреніе, чтобы законодательствомъ привести Россію къ такому совершенству, дабы російскій народъ, сколько возможно по человѣчеству, въ свѣтѣ благополучнѣйшимъ и паче всѣхъ справедливостію процвѣтающимъ былъ. Ваши премудрыя предписанія, руководяція насъ къ тому, наполняютъ насъ отмѣннымъ къ Вашему императорскому Величеству усердіемъ, любовію и благоговѣніемъ. Ваше умножающееся благополучіе жизнь Вашу дѣлаетъ намъ драгоценною; но при всемъ томъ едино еще оставалось, что насъ смущало, опасность той язвы, которую климатъ сей дѣлаетъ всѣмъ общео: Ваше императорское Величество, желая совершить и утвердить наше блаженство, наше смущеніе своимъ великодушіемъ утишили, и принявъ

⁽¹⁾ Истор. рос. академіи 1, 95—100. ⁽²⁾ Исторія Россіи Соловьева XXVII, 85—86.

на себя опытъ опасный, опасность нашу отвратили“ (1). При открытіи воспитательныхъ заведеній, учрежденіи въ разныхъ мѣстахъ намѣстничествъ, вообще при всѣхъ важныхъ событіяхъ, проповѣдники старались объяснить важность и смыслъ этихъ событій.

Несомнѣнно, что образованное духовенство и особенно его представители сочувствовали гуманнѣмъ учрежденіямъ Екатерины, равно какъ и тѣмъ просвѣтительнымъ идеямъ, изъ которыхъ выходили эти учрежденія. Въ словахъ и рѣчахъ Гавріила мы часто встрѣчаемъ мысли, сходныя съ мыслями, выраженными въ Наказѣ. Нравственное ученіе Гавріила отзывается современными идеями естественнаго права; въ вопросахъ догматическихъ онъ, согласно съ требованіями современной философіи, предписываетъ разсудительность и разумность. Митр. Платонъ въ своихъ проповѣдяхъ весьма часто обращался къ современному вопросу о воспитаніи и выражаетъ тѣже идеи, какія выражаются въ сочиненіяхъ Екатерины и современныхъ писателей. Въ „Увѣщаніи къ раскольникамъ“ онъ является проповѣдникомъ вѣротерпимости и убѣждаетъ всѣхъ обходиться съ раскольниками, какъ съ братьями. Въ повѣстяхъ архіеп. Аполлоса мы такъ же находимъ современныя просвѣтительныя идеи. По вопросу о воспитаніи, онъ написалъ „Общій способъ ученія для всякаго состоянія свободныхъ людей“. Въ проповѣдяхъ Анастасія Братановскаго о безсмертіи души много мыслей, сходныхъ съ мыслями Эйлера, знаменитыя письма котораго въ это время пользовались особенно популярностію. Но, сочувствуя гуманнѣмъ идеямъ современной науки и литературы, духовенство не могло разумѣться, сочувствовать ихъ отрицательной сторонѣ и особенно скептическимъ и революціоннымъ идеямъ энциклопедистовъ. Всегда отвергая подобныя идеи, оно съ особенною силою и ревностію начало возставать противъ нихъ тогда, когда французская революція показала, къ какимъ послѣдствіямъ они приводятъ общество. Противъ энциклопедистовъ и русскихъ вольнодумцевъ, увлекавшихся ученіемъ энциклопедистовъ, духовенство писало сочиненія, или переводило на русскій языкъ сочиненія, написанныя въ Европѣ; проповѣдники и особенно Платонъ и Анастасій говорили противъ нихъ съ церковной кафедрой. Въ этомъ оппозиціонномъ движеніи духовенство сначала примыкало къ масонству, которое, какъ мы видѣли, первое начало борьбу съ философійей энциклопедистовъ; но потомъ, когда оказалось, что само масонство заключаетъ въ себѣ мно-

(1) Тамъ же стр. 7—8.

жество страннаго и даже противнаго чисто христіанскому ученію, оно отдѣлилось отъ масонства и начало ратовать противъ него.

Замѣчательные духовные писатели и разныя духовныя, оригинальныя и переводныя, сочиненія (¹). Мы сказали, что въ духовенствѣ въ екатерининскую эпоху было много образованныхъ людей, которые заявили свою дѣятельность въ наукѣ и литературѣ. Когда Вольное Россійское Собраніе стало собирать областныя слова и письменные памятники древности и старины, духовныя лица разныхъ епархій оказали ему въ этомъ большое содѣйствіе, доставивши множество областныхъ словъ и особенностей въ рѣчи разныхъ мѣстностей. При учрежденіи Россійской Академіи, въ составъ 78 ея членовъ вошло 19 духовныхъ лицъ — 11 монашествующихъ и 8 лицъ изъ бѣлаго духовенства, и всѣ эти лица явились дѣятельными участниками въ трудахъ Академіи, особенно при составленіи словаря русскаго языка (²). Многія духовныя лица, сверхъ обширныхъ богословскихъ знаній, сдѣлались извѣстны научными и литературными трудами, каковы были уже упомянутые выше пажегор. архіеп. Дамаскинъ Семеновъ - Рудневъ, екатерин. архіеп. Амвросій Серебренниковъ, арханг. архіеп. Аполосъ Байбаковъ и протоіерей моск. собора Петръ Алексѣевъ. — Дамаскинъ былъ человекъ замѣчательно - даровитый и любознательный. Въ теченіе шести лѣтъ (1766 — 1772) онъ слушалъ лекціи въ Геттингенскомъ университетѣ по разнымъ духовнымъ и свѣтскимъ наукамъ, и обращалъ на себя вниманіе всѣхъ профессоровъ; особенно же усердно онъ занимался исторіей и за историческіе труды былъ избранъ въ члены Геттингенскаго историческаго института; въ собраніи этого института онъ читалъ свое сочиненіе: „о слѣдахъ славянскаго языка въ писателяхъ греческихъ и латинскихъ“. Когда онъ возвратился въ Россію, его хотѣли, какъ выше замѣчено, сдѣлать профессоромъ предполагавшагося богословскаго факультета; но, такъ какъ открытіе этого факультета не состоялось, то онъ былъ сдѣланъ профессоромъ, а потомъ и ректоромъ московской акаде-

(¹) Кромѣ словарей митр. Евгенія и архіеп. Филарета, свѣдѣнія о духовныхъ писателяхъ екатерининской эпохи въ исторіяхъ—киевской академіи Макарія, московской академіи С. Смирнова. М. 1856, петербургской академіи И. Чистовича Спб. 1857 г. и въ исторіи россійской академіи М. И. Сухомянова. Вып. I.

(²) Истор. росс. Академіи. Вып. I.

міи и наконецъ орловскимъ и спустя нѣкоторое время нижегородскимъ епископомъ. Кромѣ указанной выше „Библіотеки российской“, Дамаскинъ извѣстенъ своими проповѣдями и изданіемъ сочиненій Ломоносова, Теофана Прокоповича (Объ исхожденіи Св. Духа) и митр. Платона. Онъ былъ членомъ российской академіи и участвовалъ въ изданіи словаря „русскаго языка. — Архіеп. Амвросій такъ же былъ членомъ академіи, пользовался большою извѣстностію, какъ переводчикъ „Потеряннаго рая Милтона и какъ авторъ упомянутаго выше руководства къ „Ораторіи“, долго употреблявшагося въ школахъ. Ораторія эта была написана подъ вліяніемъ реторики Ломоносова и разныхъ школьныхъ реторикъ XVIII в. Примѣры, приведенные въ ней, заимствованы большею частію изъ поучительныхъ словъ Платона, стихотвореній и рѣчей Ломоносова, изъ трагедій и одъ Сумарокова. Какъ проповѣдникъ, Амвросій славился надгробнымъ словомъ Потемкину, произнесеннымъ при его погребеніи въ яссахъ (въ 1791 г.). — Архіепископъ Аполлосъ былъ воспитанникъ московской академіи, но окончилъ свое образованіе въ московскомъ университетѣ. — Подобно Дамаскину, онъ такъ же отличался любознательностію и всю жизнь занимался учеными трудами. Во время пребыванія въ москов. университетѣ, онъ составилъ курсъ статистики, по лекціямъ профессора Рейхеля: состоя преподавателемъ словесности въ москов. академіи, написалъ указанную выше „Піитику“, которая вмѣстѣ съ „Ораторіей“ Амвросія сдѣлалась такъ же руководствомъ въ школахъ. Піитика написана подъ вліяніемъ сочиненій Тредьяковскаго и старинныхъ піитикъ, употреблявшихся въ духовныхъ школахъ. Примѣры въ піитикѣ приводятся такъ же изъ сочиненій Тредьяковскаго, Ломоносова, Сумарокова, Хераскова и другихъ писателей. Къ піитикѣ приложенъ краткій „словарь піитико-историческихъ примѣчаній“, въ которомъ лица и событія, принадлежащія къ области міеологии, объясняются какъ иносказанія, имѣющія назидательный смыслъ. Въ санѣ епископа Аполлосъ писалъ толкованія на книги Свящ. Писанія и другія сочиненія богословскаго содержания. Но что особенно замѣчательно, Аполлосъ писалъ и литературныя сочиненія, въ формѣ повѣстей, и переводилъ стихотворенія иностранныхъ поэтовъ. „Повѣсти Аполлоса, говоритъ М. И. Сухомлиновъ, по своему аллегорическому содержанію, отчасти напоминаютъ произведенія масонской литературы. Съ другой стороны, въ нихъ замѣчаются до нѣкоторой степени тѣ же просвѣтительныя стремленія, тоже признаніе правъ науки и изслѣдованія силъ природы, которое съ такою яркостію обнаруживается во многихъ сочиненіяхъ Ломоносова. Въ одной изъ по-

вѣстей олицетворены два начала въ человѣческомъ существѣ, духовное и физическое, неразрывно связанныя между собою и вмѣстѣ съ тѣмъ осужденныя на постоянную борьбу. Другая повѣсть, подъ видомъ лишеннаго зрѣнія Уранія, изображаетъ судьбу человѣка—существа слѣпаго въ дѣлѣ своего спасенія и обрѣтающаго свѣтъ въ предвѣчномъ Отцѣ и т. д. Въ повѣсти Евгеонитъ т. е. рожденный для блага раскрывается та мысль, что истинное благо пристокаетъ изъ созерцанія Божіихъ дѣлъ, или другими словами, что Творца должно изучать въ его твореніяхъ... Подавляемый разнообразіемъ и непостижимостію силъ и явленій природы, Евгеонитъ падаетъ духомъ, но на помощь ему является Діакрисъ и своими разумными рѣчами разрѣшаетъ сомнѣнія и недоумѣнія своего собесѣдника. Въ Діакрисисѣ (*диакрисис*) олицетворена сила человѣческаго разума и науки; онъ называетъ себя небеснымъ посланникомъ самого Бога, другомъ смертныхъ. Такое названіе Цицеронъ и Сенека даютъ философіи. Довѣрься мнѣ, говоритъ Діакрисъ, и я разгоню мракъ твоего невѣдѣнія; я докажу тебѣ, что въ природѣ нѣтъ слѣпаго случая, а существуютъ разумныя причины, и что при всемъ разнообразіи созданнаго ты можешь познавать его, изслѣдовать его законы и наслаждаться имъ... Въ книгѣ Аполлоса затрогиваются различные вопросы физики, астрономіи, геологіи и т. д.; говорится о планетахъ и кометахъ, объ общихъ свойствахъ тѣлъ, о свѣтѣ и звукѣ, объ атмосферѣ, о слояхъ земли, о физическомъ составѣ человѣка и т. п. Вся книга раздѣлена на семь дней и на семь вечеровъ, въ теченіе которыхъ Діакрисъ бесѣдуетъ съ Евгеонитомъ, подобно тому, какъ Фенелонъ раздѣлилъ свою книгу на шесть вечеровъ: разговоры его съ маркизою о множествѣ міровъ происходили по вечерамъ. Въ заключеніе каждаго вечера и дня, составляющихъ особыя главы, помѣщены Аполлосомъ нравственные выводы въ стихахъ, представляющихъ въ формѣ элегіи, сонета, мадригала и т. д. образцы различныхъ размѣровъ.—Выше замѣчено, что Аполлосъ составилъ „Общій способъ ученія, для всякаго состоянія свободныхъ людей нужной“. При составленіи этого способа онъ руководствовался книгою французскаго писателя, маркиза Карачіоли „Истинный менторъ, или воспитаніе дворянства“, которая была переведена на русскій языкъ Ѳ. Полунинымъ въ 1769 г. По книгѣ Карачіоли Аполлосъ предлагаетъ въ своемъ „способѣ“ нѣсколько совѣтовъ о томъ, какъ вести воспитаніе съ первыхъ лѣтъ жизни питомца до вступленія его на поприще общественной дѣятельности⁽¹⁾. Изъ блага духовенства въ екатерининскую эпоху рѣзко выдѣляется между другими своимъ образованіемъ и учеными тру-

(1) Истор. росс. Акад. 1, 211—217.

дами протоіерей московскаго архангельскаго собора Петръ Алексѣевъ (1727—1801), бывшій членъ російской академіи. Памятниками его образованности и ученаго трудолюбія, кромѣ уже указаннаго выше замѣчательнаго церковнаго словаря, служатъ его сочиненія: исторія греко-россійской церкви, словарь еретиковъ и раскольниковъ, изданіе православнаго исповѣданія вѣры Петра могилы, съ разными примѣчаніями, переводъ сочиненія Гуго Гроція *de veritate religionis*, поучительныя слова и рѣчи, произнесенныя при разныхъ случаяхъ ⁽¹⁾.

Въ области собственно богословской науки пользовались извѣстностію: митр. кiev. Самуиль Миславскій (+ 1796) дополнившій и издавшій въ Лейпцигѣ Богословіе Теофана Прокоповича; митр. Гавріиль и Теофилактъ Горскій (+ 1778) написавшіе богословскія системы; митр. моск. Платовъ (+ 1812), составившій православное ученіе вѣры (Спб. 1765), катихизисъ для священноцерковно-служителей (Спб. 1775) и еще два катихизиса, бывшіе руководствами въ школахъ; архіеп. Бѣлорусскій Георгій Конисскій (+ 1795), написавшій догматическое богословіе на латинскомъ языкѣ; еп. смолен. Пареній Сопковскій (+ 1795), составившій книгу о должностяхъ приходскихъ священниковъ, имѣвшую нѣсколько изданій и переведенную на англійскій языкъ докторомъ Пальмеромъ, который призналъ ее классическимъ сочиненіемъ въ своемъ родѣ; митр. Гавріиль, архіеп. Аполосъ и архіеп. твер. Иринеи Клементьевскій, занимавшіеся толкованіемъ книгъ свящ. Писанія; законоучитель смоленскаго института, священникъ Іоаннъ Сидоровскій (+ 1795), написавшій двѣ книги: Наставленіе юношества въ христіанской жизни (Спб. 1783) и Извлеченіе воскресныхъ и праздничныхъ евангелій (Спб. 1784), которыя долго служили классическими руководствами въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ; архіеп. казанскій и потомъ митр. петерб. Амвросій Подобѣдовъ (+ 1818), издавшій Руководство къ чтенію Свящ Писанія. Но самымъ вліятельнымъ и плодотворнымъ учителемъ вѣры и нравственности въ эту эпоху былъ св. Тихонъ Воронежскій. Его сочиненіе „Объ истинномъ христіанствѣ“ составляетъ образецъ русскаго православнаго богословія. Его „Сокровище духовное, отъ міра собираемое“ и другія нравственныя сочиненія отличаются глубокою назидательностію, такъ что Синодъ повелѣлъ составить изъ нихъ, для чтенія въ церквахъ, „Наставленіе о собственныхъ каждаго христіанина должностяхъ“ (1789). — По церковной исторіи и археологіи извѣ-

(1) Тамъ же стр. 300 и дал.

ствы своими сочиненіями: митр. Платонъ, написавшій краткую церковную російскую исторію въ 2 ч. (М. 1805); Платонъ Любарскій (+1811), префектъ вятской семинаріи, ректоръ казанской, архіеп. астрах. и потомъ екатерин. составилъ исторію вятской, казанской и астраханской іерархіи ⁽¹⁾; Георгій Конисскій написалъ „Исторію Малой Россіи“ и „Историческое извѣстіе о бѣло-русской епархіи; придворный протоіерей Михаилъ Самуйловъ перевелъ Іудейскія древности Іосифа Флавія; единовѣрческій петербургскій протоіерей Андрей Іоанновичъ Журавлевъ (+ 1813) составилъ историческое извѣстіе о раскольникахъ въ 3-хъ частяхъ (1794—1799); Іоаннъ Дмитревскій—Изясненіе на литургію; еп. нижег. Веніаминъ Румовскій—Новую скрижаль (1803); колязинскій помѣщикъ С. Соковнинъ—Словарь всѣхъ святыхъ, прославившихся въ греко-россійской церкви.—Изученіе классическихъ языковъ, греческаго и латинскаго, составляло, какъ извѣстно, замѣтную черту въ прежнемъ духовномъ образованіи: между духовными учеными и писателями XVIII в. мы встрѣчаемъ много переводчиковъ духовныхъ и свѣтскихъ сочиненій. Архіеп. твер. Ириней и архіеп. псков. Меодій Смирновъ переводили съ греческаго разныя отеческія сочиненія; еп. еодос. Моисей Гумилевскій (1792) переводилъ Гомерову Одиссею; священникъ Сидоровскій переводилъ сочиненія Платона, Павзанія и Лукіана; архим. нямецкаго молдавскаго монастыря Паисій Величковскій (+1794), переводчикъ разныхъ духовныхъ сочиненій, перевелъ Добротолубіе; кievскій іеромонахъ Іаковъ Блонницкій (+1771), отличный филологъ, занимался переводомъ Библии и отеческихъ сочиненій и составилъ два лексикона—еллино-славянскій и славяно-еллино-латинскій; протоіерей Алексѣевъ перевелъ съ латинскаго книгу „О благородствѣ и преимуществѣ женскаго пола“ Корнелія Генриха Агриппы де Неттесгеймъ (М. 1784); прот. моск. покров. собора Иванъ Харламовъ переводилъ даже статьи Даламбера изъ французской энциклопедіи.—Но когда началась реакція противъ энциклопедистовъ и русскихъ вольнодумцевъ, явилось въ переводѣ и нѣсколько сочиненій, написанныхъ противъ французской философіи въ Европѣ. Переводомъ занимались какъ духовныя, такъ и свѣтскія лица. Архіеп. моск. Амвросій Зертисъ-Каменскій (+1771) перевелъ съ латинскаго Гроціево разсужденіе противъ атеистовъ и натуралистовъ (М. 1765); учитель новгор. семинаріи Митрофанъ—сочиненіе „Посрамленный безбожникъ“ (М. 1787); Фоянъ-Визинъ—сочиненіе Самуила Кларка—Доказательства бытія Божія; архіеп. астрах. Анастасій Бра-

(¹) Напечат. въ Чтен. Общ. истор. и древн. 1848, № 7 и въ Прав. Собес. 1868. II. III.

тановскій — „Предохраненіе отъ невѣрія и вѣщестія (Спб. 1794); архим. коляз. монастыря Теокистъ перевелъ съ французскаго „Слово о вольнодумцахъ и невѣрующихъ“ Жака Сорена, помѣщенное въ „Вечерней Зарѣ“ Новикова.

Проповѣдь въ екатерининскую эпоху. Но главною формою духовной литературы по прежнему была проповѣдь. Теоретическія понятія о проповѣди въ эту эпоху выразились въ сочиненіи Анастасія Братановскаго: *Tractatus de concionum dispositionibus formandis*, составленномъ, впрочемъ, на основаніи прежнихъ схоластическихъ руководствъ по словесности и не заключающемъ въ себѣ ничего новаго и оригинальнаго. Практическимъ же руководствомъ, или образцами проповѣди служили для проповѣдниковъ, кромѣ проповѣдей Стефана Яворскаго, Теофана Прокоповича и Гедеопа криновскаго, преимущественно поученія греческаго проповѣдника, Илиі Миніата. Илиі Миніатъ (1669 — 1714), или какъ онъ былъ названъ у насъ, Минятій, родомъ изъ Кефалоніи, сначала учитель по философіи и филологіи, потомъ проповѣдникъ и наконецъ епископъ, занималъ самое почетное мѣсто въ греческой духовной литературѣ конца XVII и начала XVIII в. Мы указали выше, что его догматико-полемическое сочиненіе „Камень соблазна“ въ греческой церкви имѣло такое же важное значеніе, какъ у насъ въ Россіи „Камень вѣры“ Яворскаго. Но любимымъ чтеніемъ для грековъ были глубоко назидательныя поученія Минятія. Эти поученія еще при импер. Елисаветѣ были переведены на русскій языкъ и сдѣлались образцами для русскихъ проповѣдниковъ. Кромѣ того, русскіе проповѣдники руководствовались и проповѣдями знаменитыхъ иностранныхъ проповѣдниковъ, Массильона, Бурдалу, Мосгейма, Геснера. и др. — При дворѣ Екатерины, какъ и прежде при дворѣ Елисаветы, были знаменитые проповѣдники и проповѣдь также имѣла не только церковное, но и общественно-политическое значеніе. Екатерина очень хорошо понимала, что сила и крѣпость государства весьма много зависятъ отъ силы вѣры и благочестія его членовъ, что гражданскіе законы свою опору имѣютъ въ законѣ Божіемъ, что тамъ не можетъ исполняться и законъ гражданскій, гдѣ не исполняется законъ Божій. Въ 1772 г. она повелѣла Синоду составить сборникъ поученій на всѣ воскресные и праздничные дни въ году, чтобы по этому сборнику священники повсюду могли поучать народъ вѣрѣ и благочестію въ столицахъ, городахъ и селалѣ. Для составленія сборника была образована коммиссія изъ трехъ лицъ—Гавріила, Платона и Гедеопа. Въ сборникъ вошло 104 поученія; изъ нихъ 9 принадлежать Іоанну Златоусту, 12—Илиі Миніату, 5—Сорену, 5—Мосгейму, 1—Бурдалу, 37—митр. Платону, 19—архіеп. Гедеоу, 8—митр. Гавріалу

и 5—разнымъ авторамъ. Въ предисловіи къ сборнику, отъ лица Синода, было сказано: „Хотя каждый священникъ обязанъ учить свою паству закону Божию; но еще мы не благословлены толико отъ Бога, чтобъ вездѣ были священники просвѣщенные и учительные. . . Того ради за полезное и нужное разсуждено новыми церковь Божию снабдить поученіями, которыя содержали бы въ себѣ ученіе всѣхъ должностей, какими обязанъ истинный христіанинъ и добрый гражданинъ, и оное ученіе изъясняемо было бы слогомъ яснымъ и потому каждому вразумительнымъ, порядочно расположеннымъ и потому долго въ памяти содержаться могущимъ, притомъ пріятнымъ и пристойнаго святости церкви сладкорѣчія исполненнымъ, и потому не скучнымъ, но усладительнымъ и побудительнымъ“ (Спб. 1775). Дѣйствительно, поученія отличаются ясностію, краткостію, свободны отъ схоластическихъ хитросплетеній и риторскихъ словоизвитій и всегда стараются объяснить только главныя и существенныя стороны въ предметѣ. Всѣ поученія раздѣлены на три части. Первая часть, начиная съ новаго года, простирается до недѣли всѣхъ святыхъ; вторая часть—до недѣли праотцевъ; третью часть составляютъ поученія на праздники Господніе, богородичныя и святыхъ. Въ концѣ приложено нѣсколько поученій на особые случаи: при освященіи храма, во время засухи, при погребеніи, крещеніи, бракосочетаніи. Послѣ всего помѣщенъ краткій катихизисъ. Въ связи съ этимъ сборникомъ находится другой сборникъ, издаваемый Синодомъ: „Книга краткихъ поученій о главнѣйшихъ спасительныхъ догматахъ вѣры и заповѣдяхъ Божиихъ, и о должностяхъ, изъ разныхъ святыхъ отецъ и учителей собранная“ (М. 1781). Въ предисловіи къ сборнику сказано, что еще Петръ В. повелѣлъ издать такую книгу, но воля его до сихъ поръ не была исполнена. Синодъ, издавъ поученія на воскресныя и праздничныя дни и имѣя попеченіе, дабы и въ прочіе дни сынове православныя Христовы церкви поучаемы были, посвящаетъ пользѣ общей книгу сію, въ которой правила вѣры и нравоученія, почерпнутыя изъ ениги святыхъ отецъ и лучшихъ поученій, расположены порядкомъ богословіи съ тѣмъ, дабы всякій священникъ, отецъ и хозяинъ имѣлъ что и въ каждый день къ наставленію вѣрннхъ имъ прочесть“. Поученія взяты преимущественно изъ Златоуста, Измарагда, Василия В, св. Макарія, св. Амвросія и др. Они расположены по мѣсяцамъ, начиная съ сентября, и раздѣлены на 30 главъ, по предметамъ, напр: глава 1. о священномъ Писаніи, глава 2 о Богѣ, глава 3 о созданіи и т. д.

Знаменитѣйшими проповѣдниками въ эпоху Екатерины бы ли петерб. митр. Гавріилъ, москов. митр. Платонъ, астрах. архіеп.

Анастасій, воронеж. еп. св. Тихонъ, кievск. протоіерей Іоаннъ Леванда и архіеп. бѣлорусскій Георгій Конисскій.

Проповѣди митр. Гавріила ⁽¹⁾. Гавріиль Петровъ (1757—1801) воспитанникъ московск. академіи сначала ректоръ московск. семинаріи и академіи, потомъ епископъ тверск. и наконецъ архіепископъ и митрополитъ петербургскій, былъ образованнѣйшимъ пастыремъ въ эпоху Екатерины. Въ исторіи русск. церкви онъ памятенъ потому, что испросилъ у импер. Павла освобожденіе духовенства отъ тѣлеснаго наказанія. Его умъ и образованіе Екатерина почтила тѣмъ, что назначила его членомъ Коммиссіи Новаго Уложенія и посвятила ему переводъ „Велисарія“ Мармонтеля, Россійская академія тѣмъ, что сдѣлала своимъ первенствующимъ членомъ. Состоя въ должности члена Коммиссіи Уложенія, онъ принималъ самое дѣятельное участіе во всѣхъ дѣлахъ коммиссіи; будучи членомъ российской академіи, онъ занимался составленіемъ словаря русскаго языка. Онъ написалъ много разныхъ сочиненій; но особенную услугу онъ оказалъ дѣлу проповѣдничества изданіемъ указанныхъ выше двухъ синодальныхъ сборниковъ поученій. Какъ первенствующій членъ Синода, онъ былъ главнымъ ихъ редакторомъ. Въ сборникъ поученій на воскресные и праздничные дни вошло 8 его собственныхъ поученій, а именно: въ недѣлю 13-ю о правосудіи, въ недѣлю св. Пасхи о плодахъ воскресенія Христова, въ недѣлю 7-ю по Пасхѣ о согласіи и единокупіи, въ недѣлю 3-ю по 50-цѣ о промыслѣ, въ недѣлю 5-ю по 50-цѣ—о цianствѣ, въ недѣлю 23-ю по 50-ницѣ о злбныхъ, въ день воздвиженія креста Христова—о страстяхъ Христовыхъ, въ день возшествія на престолъ импер. Екатерины о должности подданныхъ государю. Современники замѣчали въ поученіяхъ Гавріила преобладаніе философской стихіи своего вѣка и цѣнили въ нихъ умственныя качества: стремленіе указать для всего разумное основаніе, строгость и послѣдовательность въ выводахъ, ясность и отчетливость въ изложеніи: „Гавріиль архіепископъ петербургскій, говоритъ Сумароковъ, есть больше сочинитель разумнѣйшихъ философскихъ диссертацій, нежели публичныхъ словъ, а потому что стремленіе его больше въ

(1). Наиболѣ полная и подробная біографія Гавріила составлена архим. Макаріемъ, подъ заглавіемъ: Сказаніе о жизни и трудахъ Гавріила, митр. Новг. и Петерб. О трудахъ Гавріила въ Истор. Росс. Академіи 1, 58—137.

диссертация, нежели въ фигуры риторскія. Такъ его сравнивать съ другими проповѣдниками никакъ не можно. То только скажу я о немъ, что красота плавнаго и важнаго его слога приноситъ ему предъ всѣмъ просвѣщеннымъ свѣтомъ достойную любезнаго имени его похвалу и что будетъ онъ всегда честію нашего вѣка и въ потомствѣ. Гавріиль подобенъ рѣкѣ, безъ шума наполвающей берега свои и порядочнымъ теченіемъ не выходящей никогда изъ границъ своихъ“. Проповѣдничскія произведенія Гавріила можно раздѣлить на три рода:—собственно церковныя слова, произнесенныя въ разныя времена; указанныя выше поученія, изданныя въ синодальномъ сборникѣ, и панегирики, или похвальныя слова и рѣчи. Панегирики не отличаются ничѣмъ особеннымъ и походятъ на всѣ панегирики того времени. Лучшими же церковными словами митр. Гавріила считались слова—въ день возшествія на престолъ импер. Екатерины и въ недѣлю 13-ю по 50-ницѣ. Въ первомъ словѣ, въ день возшествія, на текстъ: нѣсть власть, аще не отъ Бога (Римл. 13, 1), Гавріиль доказываетъ, что ни въ чемъ такъ ясно не обнаруживается промыслъ Божій, какъ въ устроеніи обществъ и государствъ для счастья людей, и въ избраніи, возведеніи и утвержденіи государей, управляющихъ государствами. Второе слово сказано на текстъ: злыхъ злѣ погубить и виноградъ предасть инымъ дѣлателямъ (Матѣ. 21, 41), о правосудіи при наказаніи преступленій. Разказавъ притчу о виноградарѣ, Гавріиль говоритъ: „Сей поступокъ онаго господина научаетъ всякаго господина дома и судію, какъ имъ должно взирать на преступленія другихъ, и какую умѣренность хранить при самой строгости, дабы ни излишнимъ снисхожденіемъ не подвергнуть ихъ послабленію, ни жестокостію не превысить мѣры заслуженнаго наказанія“. Дѣйствительно, величайшую трудность для судіи составляетъ то, чтобы согласить правосудіе съ милосердіемъ, которыя могутъ представляться противорѣчущими другъ другу до такой степени, что, сохраняя одну добродѣтель, повидимому, нельзя не нарушить другую. „Ибо правосудіе предписываетъ строгость, а милосердіе какъ бы опущеніе оныя. Правосудіе хранитъ всякому свое право, а милосердіе смотритъ на осуждаемаго, какъ на предметъ ѡбдности, влагаетъ въ судящаго состраданіе и удерживаетъ руку, подписывающую опредѣленіе строгое. Правосудіе затворяетъ глаза, чтобы не видѣть, и не разсуждаетъ о семъ; но милосердіе, напоминая долгъ челоуколюбія, принуждаетъ вникнуть и разсуждать о слабостяхъ челоуѣческихъ; одно производитъ отвращеніе отъ порока и заставляетъ гнущаться и не терпѣть зла, другое, проникая далѣе, обнадеживаетъ и наполняетъ его ожиданіемъ исправленія. Правосудіе, истре-

бля зло, стремится истребить виновных: но милосердіе обнадживаєть, что виновникъ злу можетъ приведенъ быть къ раскаянію и исправленію, и чтобъ сохранивъ его, сохранить и возбудить въ немъ склонности добрыя, и отнятіемъ бѣдности, въ которую онъ ввергъ себя порокомъ, утѣшить огорченное общество ожидаемыми отъ него плодами добродѣтели. Чтобы избѣжать этихъ противорѣчій, судія, при наказаніи преступленій, долженъ постоянно имѣть въ виду „важность преступленія, нужду наказанія, и намѣреніе, съ какимъ оно предпринимается“. Всякое преступленіе есть нарушеніе закона и какъ нарушеніе закона, требуетъ наказанія для того, „чтобы истребить зло, чтобъ терпящимъ нещастіе возвратитъ щастіе, чтобъ тѣмъ уврачевать общество, престѣхъ худые примѣры, привести въ должное почтеніе законъ, избавить его отъ презрѣнія, чтобъ соблюсти отвращеніе отъ порока и любовь къ добродѣтели, доказать Богу, что мы не свергли съ себя челоувѣчества, что почитаемъ его законъ, что наказывая повинность, представляемъ себя Ему защитниками невинности“. Но какъ одинъ порокъ отличается отъ другаго, такъ должны быть различны и наказанія за пороки. При этомъ непременно надобно имѣть въ виду намѣреніе, съ какимъ наказаніе предпринимается. „Всякое преступленіе не можно не почестъ вредомъ общества: а когда оно вредъ, то и должно судія вникнуть, что онъ излечимый, или неизлечимый. Не излечимый есть зараза, которую надобно истреблять, дабы не повредилъ другихъ, а излечимый требуетъ лекарства. Искусный лекарь, примѣняясь къ болѣзни, изыскиваетъ такіе способы, которые-бъ по усиливанію болѣзни, имѣли силу оную врачевать: отвратительна болѣзнь, но вождельннѣе есть здравіе. Итакъ челоувѣкъ, въ которомъ нѣтъ никакой надежды по всѣмъ изслѣдованіямъ, какія судящему употребитъ должно, чтобъ онъ совершенно исправился, заслуживаетъ жребій строгости. А который или раскаивается совершенно о своемъ преступленіи, или его еще и не желалъ, то судія долженъ на него взирать, яко отецъ. Подлинно отвратителемъ порока, но вождельннѣе есть его исправленіе. Опасно порока презирать, но не меньше бѣдственно врачевать его истребленіемъ челоувѣка... Уврачуй болѣзнь, но не истребляй челоувѣка. Богъ, ожидаай раскаянія грѣшныхъ, даетъ примѣръ твоему правосудію. Его сей гласъ: не хочу смерти грѣшника, но еже обратитися, и живу быти ему (Іезек. 33, 11); послѣдуй ты сему, ты симъ исполнишь намѣреніе законодателя... Намѣреніе законодателя показываетъ намъ, какое намѣреніе имѣть должно хранителю закона. Законъ предписанъ и вложенъ въ челоувѣчество, чтобы соблюсти челоувѣка: умѣрай твои опре-

дѣленія съ намѣреніемъ законодавца. Довольно наказанъ человекъ, когда приведенъ въ чувство и находитъ въ себѣ отвращеніе отъ порока. Не думай, что Богъ, производя людей въ свѣтъ, и начертывая въ души ихъ законъ, тебѣ одному оставилъ изыскивать способы, какъ наказывать порокъ: Онъ вложилъ въ человека совѣсть и мстителя за преступленіе, средство предельное ко удержанію человека отъ порока. Но какъ по многимъ обстоятельствамъ, мщенія ея дѣлаются для него слабы, то ты сыщи степень его ожесточенія и наложи такое наказаніе, которое бы довольно было умножить силу совѣсти такъ, чтобъ внутреннее чувство закона и отвращеніе отъ зла изобрѣтеннымъ тобою способомъ возбуждено было. Ты исполнишь правосудіе, когда сдѣлаешь такое помилованіе бѣдному человеку; тогда твои наказанія успокоятъ и ободрятъ обиженного, возбудятъ любовь въ добродѣтели и въ повинномъ. Ты тѣмъ самымъ, хотя нѣкогда вреднаго человека сдѣлаешь полезнымъ обществу, и опечаливаго нѣкоторыхъ расположишь къ утѣшенію многихъ“. Наконецъ, проповѣдникъ означаетъ существенныя обязанности судей и подчиненныхъ. Между обязанностями судей онъ особенное вниманіе обращаетъ на то, чтобы „исполненіе законовъ дѣлать благоразумно и безпристрастно. . . Ибо кто не столько просвѣщенъ, чтобъ ясно понять намѣреніе законодателя, или кто слова законовъ принимаетъ, не вникая въ намѣреніе законодателя, или кто по лѣности, не входя въ обстоятельства дѣла, хочетъ только себя очистить словами закона, тѣ, при всемъ своемъ безпристрастіи вредны“. Выраженныя въ этомъ словѣ мысли о преступленіяхъ и наказаніяхъ составляютъ развитіе тѣхъ положеній, которыя изложены Екатериной въ VI—X главахъ Наказа. Онѣ были самыми современными мыслями и составляли, можно сказать, послѣднее слово въ наукѣ о правѣ и законодательствѣ. Гавріиль и въ другихъ проповѣдяхъ любилъ проводить современныя гуманныя идеи о законѣ и долгѣ и управленіи, о правахъ и обязанностяхъ человека, личныхъ и общественныхъ. Это и приобрѣло ему репутацію мудраго и просвѣщеннаго учителя.

Проповѣди митр. Платона (¹). Но настоящей духовною знаменитостью эпохи былъ московскій митрополитъ Платонъ (1737—1812). Въ духовной литературѣ онъ былъ такимъ же свѣтиломъ, каковымъ въ свѣтской былъ Державинъ; ученые и лите-

(¹) Жизнь московскаго митрополита Платона, И. М. Снегирева. Митрополитъ Московскій Платонъ Левшинъ, какъ проповѣдникъ, А. Надежина. Отдѣльный оттискъ изъ Прав. Собесѣдника 1882 г.

раторы превозносили его блестящія дарованія; поэты писали въ честь его стихи. Слава его не ограничивалась предѣлами Россіи, но переходила за границу. Вольтеръ упоминаетъ о немъ, какъ о знаменитомъ проповѣдникѣ, замѣчая, что Россія обладаетъ въ Платонѣ такимъ проповѣдникомъ, творенія котораго достойны имени древняго Платона.—Платонъ (Петръ Левшинъ) учился въ московской академіи. Кромѣ разныхъ богословскихъ наукъ, онъ любилъ заниматься географіей и исторіей. Изъ отцевъ церкви онъ питалъ особенное уваженіе къ Златоусту и говорилъ, что для одного этого святителя стоить учиться греческому языку. Сочувствіемъ Платона къ Златоусту объясняется преобладаніе нравственно практическаго направленія какъ въ проповѣднической такъ и во всей его литературной дѣятельности. Изъ свѣтскихъ писателей ему всего больше нравились Цицеронъ и Квинтъ—Курцій. Изученіе Златоуста и этихъ писателей и способствовало къ образованію въ Платонѣ прекраснаго оратора. Еще во время ученія въ академіи Платонъ былъ опредѣленъ учителемъ пѣтики и вмѣстѣ катехизаторомъ въ академіи. Его катехизическія бесѣды въ академической аудиторіи были первыми опытами его проповѣдничества; въ этихъ бесѣдахъ въ первый разъ и выразились тѣ свойства, которыя развились съ большею силою впоследствии и составили отличительныя свойства его проповѣди: необыкновенная ясность и краткость въ объясненіи самыхъ трудныхъ предметовъ, естественность и примѣнительность къ состоянію и потребностямъ слушателей, живая рѣчь, наполненная мѣткими образами и сравненіями и при всемъ этомъ глубокая назидательность. За эти златоустовскія свойства и самаго Платона современники стали называть русскимъ Златоустомъ. Узнавъ о дарованіяхъ Платона, Шуваловъ хотѣлъ отправить его за границу, для усовершенствованія въ наукахъ; но покровительствовавшій Платону архіеп. Геденъ Крѣновскій, не отпустилъ его, а назначилъ учителемъ, а потомъ префектомъ и ректоромъ троицкой семинаріи и наконецъ намѣстникомъ троицкой лавры. Здѣсь въ 1762 г. въ первый разъ увидѣла его Екатерина; Платонъ встрѣтилъ ее въ лаврѣ прекрасною рѣчью, въ которой назвалъ ее матерью отечества. Въ слѣдующемъ 1763 г., во второе посѣщенія лавры императрицею, онъ сказалъ въ ея присутствіи замѣчательное слово „О сользѣ благочестія“. Въ этомъ словѣ Платонъ указалъ на тѣсную связь съ благочестіемъ всякой дѣятельности въ гражданскомъ обществѣ, на необходимость благочестія во всякой службѣ, во всѣхъ гражданскихъ дѣлахъ. „Дѣла гражданскія, говорилъ онъ, суть: судить, защищать неповиннаго, повиннаго осуждать, править другими, разбирая всякія дѣла во всякаго удовольствію, и во всемъ крѣпко наблюдая правду, ста-

ратся о всякаго благополучіи. Но не знаю, какъ можетъ все сіе, безъ обиды другаго, исполнить который имѣеть душу благочестіемъ и страхомъ Божиимъ не обузданну... А наипаче благочестіе и страхъ Божій превосходную силу и премногую пользу имѣеть въ многотрудномъ и великомъ государственномъ правленіи, гдѣ надобно сто очей къ усмотрѣнію всякаго дѣла обстоятельству, сто ушей къ выслушанію всякой просьбы, гдѣ тысяща неудобьрѣшимыхъ узловъ, тмы едва преодолѣмыхъ трудностей. Какъ же все сіе рѣшить? какъ всѣ оныя труды, безъ отягченія свести, безъ особенной Божіей помощи, и ежели онъ самъ невидимо не подкрѣпляетъ и не умудряетъ? никакъ не возможно... Соломонъ, когда съ благочестіемъ почиталь Бога; всѣ дѣла его текли по его желанію; но какъ только совратился съ его святаго пути, то тотчасъ царство его къ паденію клониться начало. Понеже, сказалъ ему Богъ, не сохранилъ еси заповѣдей моихъ, яже заповѣдахъ тебѣ: раздирая раздѣру царство твое изъ рукъ твоихъ“⁽¹⁾. Екатерина тотчасъ же приказала напечатать это слово, а Платона назначила законоучителемъ наслѣдника, в. к. Павла Петровича, и вскорѣ придворнымъ проповѣдникомъ. Находясь въ этихъ должностяхъ (1763—1773) въ теченіе десяти лѣтъ Платонъ постоянно говорилъ проповѣди и пріобрѣлъ ими такую славу, что его ставили наравнѣ съ образцовыми европейскими проповѣдниками. 20 сентября 1764 г., въ день рожденія великаго князя, рассказываетъ Порошинъ въ своихъ запискахъ, Платонъ говорилъ проповѣдь на текстъ: въ терпѣніи вашемъ стяжите души ваши. Сею проповѣдію ея величество приведена была въ слезы, и многіе изъ слушателей плакали, когда проповѣдникъ на концѣ предлагалъ о терпѣніи ея величества въ понесеніи трудовъ для пользы и безопасности отечества, и усиѣхахъ его высочества въ преподаваемыхъ наукахъ, и о послѣдующей оттуда надеждѣ россійской. Въ другой разъ Платонъ говорилъ проповѣдь на текстъ: будите милосерды, якоже Отецъ вашъ небесный милосердъ есть. Порошинъ слышалъ такой отзывъ Екатерины по поводу этой проповѣди: „Отецъ Платонъ сердить сегодня былъ; однакожь очень хорошо сказывалъ. Удивительный даръ слова имѣеть“. Порошинъ записалъ и другой отзывъ Екатерины: „Отецъ Платонъ дѣлаетъ изъ насъ все, что хочетъ; хочетъ онъ, чтобъ мы плакали, мы плачемъ; хочетъ, чтобъ мы смѣялись, мы смѣемся“. Въ это время Екатерина постоянно дѣлала Платону важныя порученія. Въ 1766 г. онъ вмѣстѣ съ Гавріиломъ занимался проектомъ усовершенствованія духовныхъ школъ; вмѣстѣ

(1) Поучительныя слова Платона, Москва 1779; том. I, стр. 15—19.

съ нимъ разсматривалъ Наказъ; составилъ пастырское увѣщаніе къ раскольникамъ, по поводу произведеннаго ими возмущенія въ новгородской губерніи. Въ 1770 г. Платонъ былъ назначенъ тверскимъ епископомъ; въ 1775 г. архіеп. московскимъ, а въ 1787 г. московскимъ митрополитомъ. Въ санѣ московскаго архипастыря Платонъ ревностно заботился объ устройствѣ московской епархіи и образованіи московскаго духовенства. Особенно много обязана ему московская академія, которую онъ преобразовалъ и возвысилъ какъ въ ученомъ, такъ и экономическомъ отношеніи. Съ 1782 г. Платонъ жилъ постоянно въ Москвѣ, въ удаленіи отъ столичныхъ дѣлъ и даже въ нѣкоторой опалѣ отъ двора и Екатерины. Въ 1783 г. въ окрестностяхъ Лавры онъ устроилъ монастырь, подъ именемъ Виваніи, и открылъ здѣсь Духовную семинарію. Въ Виваніи онъ жилъ постоянно съ 1792 г.; здѣсь же онъ и скончался въ 1812 г.

Какъ въ поэзіи и художественной литературѣ состояніе нравовъ въ екатерининскую эпоху усилило развитіе сатиры; такъ недостатки религіозно нравственнаго состоянія должны были вызвать въ духовной литературѣ полемическое направленіе. Не вступая въ открытую борьбу съ современными заблужденіями и пороками, Платонъ однакожъ постоянно касался ихъ въ своихъ проповѣдяхъ. Въ то же время онъ зорко слѣдилъ за всѣми разнообразными теченіями въ современной русской жизни и на всѣ возникавшіе въ обществѣ вопросы, подавалъ свой голосъ.—Рабское подраженіе всему иностранному, соединенное съ презрѣніемъ ко всему отечественному, вызвало во многихъ, какъ мы видѣли, сожалѣніе о старинѣ, доходившее даже до осужденія всего новаго и иностраннаго. Платонъ нашелъ нужнымъ коснуться этихъ крайнихъ воззрѣній и старался примирить ихъ въ словѣ на день св. апостоловъ, Петра и Павла. Объясняя слова Спасителя: Блаженъ еси, Симоне вѣръ Іопа, яко плоть и кровь не яви тебѣ, но Отець мой, иже на небесѣхъ, овъ говоритъ: „Явленіе плоти и крови, во первыхъ, есть, когда что почитается за истинное и доброе по одной привычкѣ. Многие тому послѣдуютъ, то одобряютъ и держатъ, что съ млекою младенчества приняли, или что видятъ у большей части во употребленіи. Но какъ разумъ, да и всегдашній опытъ насъ увѣряетъ, что мы привыкаемъ не только къ доброму, но сдвали не больше и къ худому; для того разсужденіе, утверждаемое на одной только привычкѣ, больше животнымъ, нежели разумной твари приличествуетъ. Отсюда рождается невѣжество и суевѣрства. Понеже мысль, привычкою, какъ оковами, связанная, къ изслѣдованію новыхъ истинъ сама у себя вольность отнимаетъ, и въ скудости своей почитаетъ себя довольною, въ невѣжествѣ просвѣщенною, въ заблужденіи благо-

честивою... Подлинно, не надобно и обычаевъ перемѣнять, но добрыхъ; а худое и вредное перемѣнить на доброе и полезное, есть дѣйствіе разума, Духомъ святымъ просвѣщеннаго. Чтобъ кто худой привычки не зараженъ былъ порокомъ, надобно стараніе прилагать о добромъ воспитаніи... До худой же привычки можетъ принадлежать и то, когда что-нибудь почитается добрымъ и истиннымъ за одну древность. Подлинно, древность можетъ быть доказательствомъ истинны, но не есть всегда сіе доказательство неоспоримо. Ибо въ древности какъ было много хорошаго, такъ было же не мало и худова. И потому нужно дать свободу просвѣщенному разуму, чтобъ изслѣдывать и самую древность и въ ней разобрать что подражанія и что отвращенія достойно. Но и то есть дѣйствіе плоти и крови, когда что-нибудь почитается справедливымъ и хорошимъ за одну новостъ. Какъ поманутый порокъ есть чаще старыхъ людей, такъ сей по большей части молодыхъ. Ихъ горячая мысль поражается, когда что-нибудь остро, хотя не основательно, выдуманно или написано, когда что прелестно, хотя слабо, здѣлано. Они тогда становятся надмѣнны, думая, что было бъ сіе нѣкоторый родъ порабощенія, естлибъ старымъ мнѣніямъ послѣдовать, думая, что ихъ предки и вся древность была въ заблужденіи, которое узнать имъ пощастливилось. Такіе люди подобны младенцамъ, которые на все новое свои отдаютъ глаза, и самое разженное уголье, прельщаясь видомъ ихъ, въ руки свои брать не боятся, почему и ожигаются. Естлибъ новостъ была истинны основаніемъ, то надобно бъ сей истиннѣ перемѣниться въ ложь, когда бъ новостъ состарѣлася. Но истинна ни старѣеть, ни обновляется; ибо она есть вѣчна⁽¹⁾. Это слово было сказано въ 1766 г.; въ немъ Платонъ совѣтуетъ относиться съ благоразумною критикою одинаково какъ къ старому, такъ и къ новому; но въ послѣдствіи, когда политическія событія во Франціи бросили такую мрачную тѣнь вообще на новое воспитаніе и образованіе, Платонъ нерѣдко указывалъ слушателямъ на старыя времена, какъ на такія, когда нравы были строже и проще. „Предки наши, говоритъ онъ въ словѣ на день св. Алексѣя, сказанномъ въ 1794 г., можетъ быть не были учены, но были просвѣщенны. Можетъ быть не знали они измѣреній земли, теченій звѣздъ, выкладовъ математическихъ и прочаго подобнаго, но знали, въ чемъ состоитъ благочестіе, какая есть жизнь богоугодная, что есть добродѣтель и честность и что есть порокъ и постыдность⁽²⁾“. Но и въ это время онъ не хвалилъ древность безусловно, за одно то, что она древность. Такъ въ

(1) Поученія Платона II, 52—55. (2) Тамъ же XVI, 381.

другомъ словѣ на день св. Алексѣя, сказанномъ въ 1800 г., похвалая древне-русскую набожность, онъ говоритъ: Удивительно вамъ покажется, ежели мы покажемъ, что самое просвѣщеніе бываетъ иногда причиною ослабленія въ вѣрѣ и разврата, а еще болѣе покажется удивительно, ежели самая любовь къ древности, которую мы похвалили, тоже самое иногда причиняетъ“. При этомъ онъ указываетъ на раскольниковъ, которые, изъ безразсудной любви къ древности, отлучили себя отъ церкви⁽¹⁾. Корнемъ всѣхъ заблужденій и пороковъ считалось дурное воспитаніе, и потому вопросъ о правильномъ воспитаніи былъ, какъ мы видѣли, однимъ изъ главныхъ вопросовъ XVIII в. Платонъ такъ же нѣсколько разъ поднималъ его въ своихъ проповѣдяхъ. Преимущественно же въ этомъ отношеніи замѣчательны слова при заложеніи импер. академіи художествъ (1765) и въ 4-ю недѣлю великаго поста. Въ первомъ словѣ Платонъ сначала опредѣляетъ, въ чемъ должно состоять воспитаніе. „Воспитаніе, говоритъ онъ, есть предуготовленіе къ добродѣтели. И потому не состоитъ оно въ нѣжностяхъ тѣлесныхъ, въ увеселеніяхъ чувственныхъ, въ обученіяхъ, которыя только своею наружностію поражаютъ обыкли... А состоитъ оно въ томъ, чтобы взойти познаніемъ въ самага себя, познать Создателя своего, познать конецъ созданія своего. На семъ неизблемомъ утвердясъ основаніи, душу свою такъ приуготовить, чтобъ снискать къ благочестію горячесть, къ государю вѣрность, къ высшимъ почтеніе, къ нижнимъ снисхожденіе, къ равнымъ усердіе, къ родителямъ благодарность, къ пріятелямъ искренность, ко всѣмъ любовь; въ должности быть прилежному, въ домостроительствѣ тщательну, въ трудахъ нелѣбноству, къ бѣдности другихъ сожалительну, въ щастіи невозносливу, въ нещастіи не унылу, къ общей пользѣ ревностну, во всѣхъ обхожденіяхъ быть искренну, ласкову, учтиву, снисходительну“. Перечисляя эти свойства, Платонъ, очевидно, имѣлъ въ виду правила о воспитаніи, изложенныя Екатериной въ XIV главѣ Наказа и въ педагогической инструкціи кн. Салтыкову. Указавъ свойства воспитанія, онъ указываетъ потомъ на лучший способъ воспитанія. Первый и наилучшій способъ есть добрый примѣръ. „Не хочешь, чтобы младенецъ развращенъ былъ? Не дѣлай предъ нимъ того, чего въ немъ не хочешь видѣть; но будь предъ нимъ зеркаломъ, въ которомъ бы онъ усмотрѣть могъ, чему ему подражать надобно. Сія, ежели можно сказать, нѣмая наука дѣйствительнѣе оной многоглаголивой, которая на словахъ представляетъ много, а на дѣлѣ ничего... Сіе принявъ

(1) Тамъ же XIX, 229—232.

основаніе, сколько возможно, должно отъ младенца удалять худыя содружества, вредные разговоры, безчинныя кнѣги, соблазнительныя представленія; а вмѣсто того, приставлять къ нимъ незазорныхъ пѣстуновъ, добрыхъ учителей, честныхъ приставниковъ, которые бы не только были ревностны къ пользѣ воспитываемаго, но при томъ бы имѣли и духъ патріотическій⁽¹⁾.— Въ словѣ въ 4-ю недѣлю великаго поста, онъ такъ же объясняетъ, что воспитаніе надобно начинать съ малыхъ лѣтъ, удалять дѣтей отъ общества съ дурными людьми и наконецъ „сыскивать благоразумныхъ и честныхъ учителей, которые бы дѣтямъ открыли истинное отъ наукъ просвѣщеніе: да и добрымъ примѣромъ то бы утвердили. Но въ семь случаѣ два встрѣчаются затрудненія. Первое: на все, что только къ роскошѣ служить и мотовству . . . бываемъ мы щедры; но гдѣ дѣло идетъ о награжденіи того, который дѣтямъ нашимъ имѣетъ открыть безцѣнное ученія сокровище, скупость сжимаетъ руки и сердце . . . Одинъ, прося разумнаго учителя, чтобъ онъ сына его принялъ обучать: тотъ попросилъ отъ него за обученіе платы больше, нежели сколько отцу дать хотѣлось. Сказалъ на то неразумный отецъ: я бы за такую плату могъ себѣ купить работника. На сіе учитель возразилъ: на что одного работника? будешь имѣть двухъ: т. е. и самый сынъ твой, въ невѣжествѣ возрастшій, ничѣмъ не будетъ различествовать отъ купленнаго раба . . . Второе затрудненіе состоитъ въ томъ, что еще и истинное просвѣщеніе не всѣ умѣютъ различать отъ наружнаго и притворнаго. Не въ томъ истинное просвѣщеніе состоитъ, чтобъ разными языками знать говорить, чтобъ тѣло умѣть поставить въ правильномъ положеніи, чтобъ ноги изучить плясанію: но чтобъ узнать Бога и себя; знать, что есть общество и связь его, какими дѣлами славу получить, и въ чемъ состоитъ истинная слава, что есть честность и какъ ее къ себѣ привадить, чтобъ корысть оную не преодолѣла?“⁽²⁾. Въ словѣ на день Св. Іоанна Златоуста Платонъ порицаетъ обычай отдавать дѣтей въ ученіе иностранцамъ часто сомнительнаго или прямо дурнаго поведенія. „Повѣряемъ, говоритъ онъ, любезный свой залогъ людямъ неизвѣстнымъ, пришельцамъ, никакихъ въ себѣ слѣдовъ честности неизмѣющимъ, которые сами или избѣжали наказанія, или исправляемы быть должныствуютъ. Но пусть бы они были и честные люди: но чему обучаемъ? говорить иностранными языки, плясанію, какъ обращать мечъ, чтобъ въ случаѣ страстнаго жара могъ его употребить на прозвеніе другаго.

(1) Поученія Платона I, 343—347.

(2) Поученія Платона IV, 298—305.

А обученіе закона гдѣ? а изъясненіе существенныхъ понятій добра и зла гдѣ? а выразумѣніе настоящаго человѣческаго благополучія и нещастія гдѣ? Сіе предоставляемъ судьбѣ... Обращаясь затѣмъ къ домашнему воспитанію въ семействѣ, онъ говоритъ: „Что мы здѣсь увидимъ? что услышимъ? видимъ роскошь безпредѣльную, праздность всегдашнюю, ревнованіе, какъ одному другому превзойти въ мотовствѣ: видимъ домъ всегдашними молитвами не освѣщаемый, призываніемъ имени Божія не благословляемый. Слышимъ разговоры, безбожіемъ смердящіе... И такъ порча переходитъ изъ рода въ родъ безудержнымъ теченіемъ“ (1).

Русскіе вольнодумцы, начитавшись Вольтера и энциклопедистовъ, прежде всего нападали на церковь, выставляя ее помѣхою просвѣщенія и всякаго свободнаго развитія, поборницею невѣжества. Платонъ 21 апрѣля 1772 г. въ день рожденія императрицы, сказалъ слово „о согласіи церкви и общества, закона Божія и закона гражданскаго, христіанина и гражданина“, въ которомъ доказывалъ, что ни церковь безъ общества, ни общество безъ церкви существовать не могутъ, что законы гражданскіе утверждаются на основаніи закона Божія, что если въ обществѣ не будетъ истинныхъ христіанъ и хорошихъ членовъ церкви, то въ немъ не будетъ и хорошихъ и честныхъ гражданъ. „Церковь и общество, говоритъ онъ, столь между собою суть соединены, что одно отъ другаго раздѣляется не существомъ, но отношеніемъ. Общество гражданское есть собраніе людей едиными законами и единымъ образомъ правленія соединенное: но тоже самое общество, поелику соединено и храненіемъ единаго образа богопочтенія и едиными и тѣми же связано священными обрядами, есть церковь. Гражданинъ есть членъ того общества: во тотъ же самый гражданинъ, поелику есть вѣрнымъ держамаго обществомъ евангельскаго богопочтенія хранителемъ, есть и именуется христіанинъ. Одно безъ другаго быть не можетъ: не можетъ быть общество, не утвержденное на основаніи богопочтенія: не можетъ быть гражданинъ, что бъ не былъ вмѣстѣ вѣрнымъ хранителемъ дражайшаго залога благочестія: не могутъ общественныя дѣла имѣть своей силы и дѣйствія, не будучи подкрѣпляемы тѣмъ закономъ, который обязываетъ совѣсти, и подвергаетъ во всѣхъ дѣлахъ отчетъ дать не чловѣку токмо, но и Богу, испытующему сердца и утробы... Какая была причина побудительная людямъ собраться въ общества?... Человѣка естли вообразить внѣ общества всякаго, представится

(1) Тамъ же стр. 165—167.

онъ намъ одинъ, самъ себѣ оставленный, ни отъ кого въ нуждахъ своихъ помощи не ожидающій, а напротивъ опасности отъ всего всегда подверженный... И такъ одна всѣхъ польза произвела во всѣхъ одно намѣреніе, чтобъ соединиться въ общества, дабы взаимное вспомошествованіе дополняло недостатки каждаго. Сіе есть основаніе общества. А какъ общества такимъ образомъ составились, то тотчасъ богопочтеніе или вѣра и открыла силу свою... Понеже въ союзѣ общества потребно, чтобъ всѣ члены сего тѣла почитали себя одолженными другъ другу помогать: надобно, чтобъ одни къ другимъ были искренны, надобно, чтобъ ложь не служила покрываломъ къ закрытію вредныхъ намѣреній, чтобъ хранимы были правила совершенной справедливости; надобно, чтобъ въ случаѣ выбора собственной пользы и общественной, общественная собственной предпочитаема была и общему благу всякъ бы преданъ былъ съ искренностію и ревностію. Но дабы сіе исполняемо было не по наружности токмо, но и въ глубинѣ совѣсти: то можетъ ли дѣйствительнѣе какое быть средство кромѣ вѣры? Ибо здѣсь потребно обязательство совѣсти, обитающія во внутреннихъ изгибахъ человѣческаго сердца; потребно обязательство отъ того, отъ котораго совѣсть законопреступная нигдѣ не могла бѣ укрыться и не мнила бы избѣгнуть наказанія, хотя бѣ въ сокровеннѣйшихъ мѣстахъ совершала свое преступленіе... Знаю, что и законы гражданскіе, запрещающіе всякое злодѣяніе и обиду и опредѣляющіе по мѣрѣ всякаго преступленія наказаніе, содѣйствуютъ и нужны суть къ сохраненію обществъ въ надлежащемъ порядкѣ: но гражданскіе законы потому обязываютъ человѣка въ совѣсти, что они утверждены на священномъ основаніи закона Божія, что законодатель есть провозгласитель своимъ подданнымъ тѣхъ небесныхъ законовъ, которые верховный Судія свѣта хранитъ всякому для своего и другихъ благополучія повелѣваетъ“ (1).

Глубоко пораженный невѣріемъ современнаго русскаго общества, Платонъ въ словѣ въ недѣлю православія разсматриваетъ, какія причины могутъ приводить человѣка „въ заблужденіе вѣры“... Такими причинами, по его мнѣнію, служатъ невѣжество, ложное просвѣщеніе и развратная жизнь. Разбирая затѣмъ каждую изъ нихъ отдѣльно, онъ между прочимъ о ложномъ просвѣщеніи, какъ основѣ невѣрія, говоритъ: „Кажется, нѣкоторой вѣкъ столько не было несчастливъ самомнительною и дерзостною ученостію, сколько нынѣшній... Никогда столь смѣло не было разсуждаемо и говорено о вещахъ вѣры святѣйшихъ. Тайнственныя истины кладутъ

(1) Поученія Платона II, 363—367.

ся на слабѣйшіе вѣсы разсудка человѣческаго. Едвали какой разговоръ почитается сноснѣе, или еще и пріятнѣе, какъ тотъ, въ которомъ съ посмѣяніемъ перетолковываются установленія церкви, преданія древнѣйшихъ вѣковъ, дражайшій залогъ нашихъ почтеннѣйшихъ предковъ... Оставляю доказывать, сколько таковыя разсужденія суть неосновательны и ложны: да и не имѣю нужды доказывать... Всякой въ церковномъ обществѣ христіанинъ есть членъ, такъ какъ и въ гражданскомъ: но въ обществѣ гражданскомъ никакой членъ никакова узаконенія, хотябъ оно и неосновательнымъ казалось, пересуждать или отвергать права не имѣтъ; и еслибъ такое своеволие попущено было, надобно бъ во всемъ прозойти вреднѣйшему разстройству. Кольми паче во обществѣ христіанскомъ никакой одинъ членъ никаковаго установленія, хотябъ оно и сумнительнымъ казалось, предосуждать и опровергать права имѣтъ не можетъ: и еслибъ такое своеволие было попущено; надобно разорваться той священной вѣры связи, которая всѣхъ тѣснѣе насъ другъ съ другомъ соединяетъ". На послѣдней изъ указанныхъ причинъ невѣрія, „на развратности нравовъ“, Платонъ останавливается съ особенною силою, потому что у русскихъ вольнодумцевъ она именно была главною причиною невѣрія. Русское вольнодумство не имѣло своей почвы и никакого болѣе или менѣе глубокаго корня; для однихъ оно было своего рода ученой модой, подражаніемъ западному вольнодумству; для другихъ, и для большинства, служило предлогомъ къ оправданію распущенной жизни; въ немъ хотѣли найти свободу отъ всякихъ обязательствъ закона и стѣсненій совѣсти. На это именно и указываетъ Платонъ. „Извѣстно, говоритъ онъ, что развратности нравовъ ничто не есть столь противно, какъ вѣра. Ибо она препятствуетъ прихотямъ, постыждаетъ страсть, у склонностей плотскихъ отнимаетъ волю. Развращенная душа на таковое свѣтило смотритъ со отвращеніемъ: болѣзненнымъ ея очамъ свѣтъ ея противенъ: истинна ея прободаетъ нѣжное страсти мѣсто. Почему, дабы себя изъ сихъ затрудненій извлечь, старается отовсюду себя заградить, чтобъ спасительное ея напоминаніе къ ней не доходило: а когда бъ и дошло, но меньше бъ дѣйствовало; то выдумываетъ разныя сумнѣнія, противорѣчія, смѣшныя заелюченія, и она присвоаетъ святости вѣры, дабы она тѣмъ отвратительнѣе ей казалась, и слѣд. тѣмъ бы меньше препятствовала поступать по своимъ прихотямъ“⁽¹⁾.

⁽¹⁾ Поученія Платона III, 323—327.

Возраженія французскихъ энциклопедистовъ и русскихъ вольнодумцевъ были направлены главнымъ образомъ противъ разныхъ таинствъ христіанскаго ученія, а затѣмъ противъ промысла Божія въ мірѣ, безсмертія души и загробной жизни, противъ разныхъ церковныхъ обрядовъ. Имѣя въ виду возраженіе противъ таинства воплощенія, что оно не постижимо для разума и не согласно съ нимъ, Платонъ въ словѣ въ день Благовѣщенія объясняетъ, что христіанская вѣра, какъ откровеніе Существа высочайшаго и безконечнаго, и должна быть выше человѣческаго разума и неизбѣжно должна содержать въ себѣ тайны, не понятныя для разума. „Я де не могу понять. Подлинно такъ: вѣра, еслибъ ума твоего сосудцемъ была измѣряема, величество ея было бь унижено. Она есть та, которая составляетъ превосходнѣйшее дѣйствіе самыя премудрости Божія. Почему не только не удивительно, что ты ее совершенно не понимаешь, но еще тѣмъ болѣе она почтенна и священна. Я де не понимаю. Но покрайней мѣрѣ понимаешь то, что ни къ чему худому она не руководствуетъ: по крайней мѣрѣ все вѣры ученіе внушаетъ тебѣ любовь къ Богу, къ ближнему, и хранитъ честность нравовъ. Нынѣ празднуемое воплощеніе Сына Божія есть непостижимо; но по крайней мѣрѣ то понятно, что доказываетъ оно любовь Божию къ намъ, что толико снисходитъ Онъ къ человѣческому роду, что толико печется о спасеніи нашего племени“ (1). Въ другихъ словахъ Платонъ старается показать необходимость и значеніе каждаго таинства и каждаго догмата въ христіанскомъ ученіи. Христіанское ученіе о промыслѣ Божіемъ изложено въ словахъ на Воздвиженіи, гдѣ Платонъ указываетъ ясныя и повсюдные слѣды творческаго разума въ мірѣ, и въ словѣ въ день Казанской иконы Божіей Матери. Въ послѣднемъ словѣ онъ говоритъ: „Нѣкоторые надмѣнные, но неосновательные умы думаютъ, что, когда Богъ создалъ міръ и всѣмъ въ немъ содержимымъ вещамъ положилъ свои законы, по коимъ они свои теченія и дѣйствія совершать должны, то уже, по ихъ мнѣнію, болѣе въ дѣла и устройство міра Богъ не входитъ, а предоставилъ міръ самому себѣ, дабы онъ единственно текъ по даннымъ ему единожды отъ него законамъ; но... если бь на одну минуту не было воли Божіей тварямъ дѣйствія свои продолжать, тотчасъ всѣ ихъ дѣйствія остановились бы; да и сами твари въ ничто бы обратились... Отвращу тебѣ лице, вся возмнутся и въ персть свою обратятся“ (2). Защитѣ и объясненію ученія о без-

(1) Тамъ же V, 199—200.

(2) Тамъ же XI, 61.

смерти души и загробной жизни Платонъ посвятилъ нѣсколько словъ, изъ коихъ въ этомъ отношеніи особенно важно слово въ день Вознесенія, сказанное въ 1803. Во многихъ такъ же словахъ онъ говорилъ о современной холодности къ церковному богослуженію, о несоблюденіи постовъ и разныхъ церковныхъ обрядовъ. Наконецъ весьма часто возставалъ противъ современной роскоши и распущенности нравовъ, выжившихся въ разныхъ порокахъ, на которые, какъ мы видѣли, сильно нападала литература и особенно сатирическіе журналы. Кромѣ проповѣдей, Платонъ часто говорилъ рѣчи по разнымъ торжественнымъ случаямъ. Изъ нихъ образцово считается рѣчь на коронованіе импер. Александра I. „Итакъ сподобилъ насъ Богъ узрѣть царя своего вѣнчанна и превознесенна! Что же теперь возглаголемъ мы, что сотворимъ, о россійсти сынове“?

Такимъ образомъ, будучи учителемъ христіанской вѣры и благочестія, митр. Платонъ въ своихъ проповѣдяхъ касался всѣхъ явленій современной жизни и былъ самымъ современнымъ проповѣдникомъ. Эта современность, отзывчивость на всѣ современные вопросы, при необыкновенной ясности и широтѣ взгляда, при разнообразіи и глубинѣ мыслей, излагаемыхъ живою одушевленною рѣчью, и была главною причиною той славы, какою онъ пользовался. Много значила, конечно, и особенная выразительность въ произношеніи проповѣди. Платонъ обладалъ необыкновеннымъ даромъ слова и умѣнемъ произносить проповѣди. „Мысли избранныя, изображенія сильны и поражающыя, замѣчаетъ о немъ Новиковъ въ своемъ словарѣ, сказываетъ проповѣди съ такимъ плѣняющимъ искусствомъ, что всегда и всѣхъ слушателей преклоняетъ къ своему намѣренію“. Въ предисловіи къ изданію своихъ проповѣдей, Платонъ говоритъ: „Признаюсь, что о витійственномъ и испещренномъ слогѣ я никогда много не заботился. Таковъи словами играющій и надмѣнный слогъ можетъ быть для свѣтскихъ сочиненій когда-либо пристоеенъ и нуженъ; но на священномъ мѣстѣ, гдѣ устами проповѣдника бесѣдуетъ вѣчная истина, почиталъ я, что оный есть излишень, разсуждая, что слово Божіе подобно есть сановитой женѣ, которая сама собою заставляетъ себя почитать, не требуя прикрасъ жены нецѣломудренной. При томъ, церковный проповѣдникъ долженъ бесѣдовать къ людямъ различнаго состоянія и понятія, а потому необходимость требуетъ, дабы духовная бесѣда была всякому удобопонятна, удаляя отъ себя, сколько возможно, то подозрѣніе, что будто проповѣдникъ болѣе ищетъ хвалы слушателей за свое краснорѣчивое слово, нежели ревнуетъ о насажденіи добродѣтели и страха Божія въ сердцахъ слушателей“. При всемъ томъ, однакожь, Платонъ не пренебрегалъ и крас-

норвичемъ, особенно въ первые молодые годы и въ то время, когда проповѣдывалъ при дворѣ. Въ это время онъ любилъ употреблять для оживленія слова и возбужденія слушателей внезапные переходы, смѣлыя и необыкновенныя ораторскія движенія. Такъ, во время произношенія проповѣди въ Петропавловскомъ соборѣ, по случаю побѣды надъ турецкимъ флотомъ въ 1770 г., исчисливъ труды и побѣды преобразователя Россіи, онъ не ожиданно сошелъ съ кафедры, приблизился къ гробницѣ Петра В., и коснувшись покрыва ея, какъ бы вдохновенный воскликнулъ: „Возстань теперь, великій монархъ, отечества отецъ! Возстань и воззри на любимое изобрѣтеніе твое! . . . Возстань и насладися плодами трудовъ твоихъ“ и проч. (1). Такое движеніе проповѣдника изумило слушателей, а нѣкоторыхъ даже поразило невольнымъ страхомъ. Стоявшій близъ гробницы наслѣдникъ в. к. Павелъ Петровичъ испугался при мысли, что прадѣдушка встанетъ. Государыня была восхищена словомъ и ораторскимъ движеніемъ Платона; а извѣстный своей добродушной остротой графъ К. Гр. Разумовскій, услышавъ воззваніе Платона къ Петру В., тихонько сказалъ окружающимъ его: чего виняъ его кличе? якъ встане, то всѣмъ намъ достанется“. Не удивительно, что слава о Платонѣ, какъ знаменитомъ проповѣдникѣ распространилась повсюду не только въ Россіи но и за границей. Екатерина гордилась своимъ проповѣдникомъ и часто писала о немъ Вольтеру, Дидро, Гримму и другимъ своимъ европейскимъ друзьямъ. Другіе иностранцы, посѣщавшіе въ это время Россію, надолго сохраняли самое пріятное воспоминаніе о Платонѣ.

Проповѣди архіеп. Анастасія Братановскаго. Послѣ митр. Платона знаменитымъ такъ же проповѣдникомъ, хотя не въ такой степени, какъ Платонъ, считался бывшій членъ російской академіи, еп. могилевскій и архіеп. астраханскій, Анастасій Романенко-Братановскій (1761 — 1806). Полтавскій уроженецъ и воспитанникъ переяславской семинаріи, бывшій потомъ учителемъ сѣвской и вологодской семинаріи, онъ былъ вызванъ въ 1790 г. митр. Гаврииломъ въ Петербургъ. Занявъ здѣсь должность учителя александровской семинаріи и преподавателя закона Божія въ кадетскомъ корпусѣ, онъ обратилъ на себя вниманіе даромъ проповѣдничества и часто проповѣдывалъ при дворѣ. Въ 1797 г. онъ былъ сдѣланъ епископомъ могилевскимъ послѣ Георгія Конисскаго и здѣсь оставался до 1806 г.; въ этомъ году онъ былъ переведенъ въ Астрахань и вскорѣ скончался. —

(1) Тамъ же II, 282. . .

Лучшими проповѣдями Анастасія считаются проповѣди, говорѣныя въ Петербургѣ и Могилевѣ. Подобно Платону, Анастасій въ своихъ проповѣдяхъ, особенно петербургскихъ, весьма часто говорилъ противъ энциклопедистовъ и русскихъ вольнодумцевъ, и говорилъ о тѣхъ же заблужденіяхъ, которыхъ касался Платонъ; только его проповѣди, сравнительно съ проповѣдями Платона, отличаются болѣе рѣзкимъ полемическимъ направленіемъ. Эти проповѣди падаютъ на то время, когда въ самомъ обществѣ русскомъ, испуганномъ французской революціей, началась реакція противъ вольнодумства. Понятно, что проповѣди Анастасія, вызванныя потребностями времени, слушались съ особеннымъ вниманіемъ и должны были имѣть большой успѣхъ. Эти проповѣди въ тоже время отличались умомъ, силою чувства и блестящимъ краснорѣчіемъ.—Ратуя противъ французскихъ философовъ и энциклопедистовъ, онъ называлъ ихъ новыми творцами природы, созидающими новый вавилонскій столпъ... „Явились, говоритъ онъ, новыя творцы природы; они создали оную, созидаютъ новый вавилонскій столпъ, а потому въ зданіи сего безбожнаго велемудрія, ни зиждущіе что зиждутъ, ни кто изъ нихъ зодчій, другъ друга не понимаютъ“. Въ словѣ въ Великій Пятокъ, Братановскій, подобно Платону (въ словѣ въ недѣлю Православія), изслѣдуетъ, гдѣ заключается основаніе „безвѣрія и нечестія“, и находитъ, что оно заключается въ развращенномъ сердцѣ человѣка и дурномъ воспитаніи. „Вникнемъ нынѣ, говоритъ онъ, въ основаніе, на коемъ безвѣріе сооружаетъ свой нечестивый столпъ, возшедь на которой, ополчается противу неба и Божества, и попираетъ на земли вѣру, благочестіе и законъ. Начало и основаніе всему нравственному злу есть развращенное человѣческое сердце: отъ сердца бо исходятъ помышленія злая, убійства, прелюбодѣянія, любодѣянія, татбы, лжесвидѣтельства, хулы (Матѣ. 15, 19)... Но природная склонность къ злу развивается и усиливается отъ дурнаго воспитанія и отъ дурнаго сообщества. „Како бо можетъ тотъ быть истиннымъ богочитателемъ, кто съ млекою матернимъ не воздоенъ страхомъ Господнимъ? како любить будетъ тотъ добродѣтель, кто отъ колыбели навикнулъ порокомъ? како будетъ тотъ воздержнымъ и цѣломудреннымъ, кто отъ младыхъ ногтей не видѣлъ ничего, кромѣ или не воздержныхъ родителей, или развратныхъ наставниковъ, или распутныхъ сверстниковъ и товарищей? како можетъ быть тотъ истиннымъ христианиномъ, кто съ самаго отрочества наученъ презирать святія таинства и обряды благочестія, отвращаться отъ книгъ евангельскихъ, не благоговѣтъ во храмѣ и неznать, кто есть сей Христосъ. Такимъ образомъ безвѣріе и нечестіе утверждаетъ свое основаніе на ху-

домъ воспитаніи“. Но особенно усиливаетъ невѣріе то, что оно общаетъ человѣку полную свободу, которую будто бы связываетъ вѣра. „... Безвѣрный небоязвенно проповѣдуетъ, будто вѣра, Евангеліе и законъ связываютъ человѣческую свободу и дѣлаютъ его невольникомъ и рабомъ. Кому свобода не драгоценна? По сему предлогу, оставляя благочестіе, перебѣгаютъ къ нечестію, дабы то есть быть свободными. Но быть плѣнникомъ чувствъ и страстей: се ли свобода? Быть жертвою суеты, распутства: се ли свобода? Быть служителемъ роскоши и сладострастія: се ли свобода? Быть играліщемъ пороковъ и разврата: се ли свобода? Быть слѣпымъ и вмѣстѣ постыднымъ подражателемъ нечестивыхъ примѣровъ: се ли свобода? Нѣтъ: вѣра и Евангеліе никогда не дѣлаютъ рабомъ человѣка. Если вѣра связываетъ мысль: то связываетъ вольнодумство. Если Евангеліе обуздываетъ страсти; то обуздываетъ страсти порочныя. Если вѣра запрещаетъ удовольствія; то удовольствія незаконныя и забавы безчестныя. Если Евангеліе не велитъ любить міра сего; то не велитъ любить міра безчиннаго и слѣпою любовію... Безвѣріе, подъ видомъ соблюденія свободы, прибѣгаетъ къ своевольному употребленію чувственныхъ пріятностей, дабы, сколь можно, усыпить обличающую его совѣсть и разогнать страхъ суда Божія и смерти“.

Но какъ лучшіе образцы церковнаго краснорѣчія и въ частности какъ образцы проповѣдей Анастасія всегда во всѣхъ сборникахъ и христоматіяхъ ⁽¹⁾ представлялись и до сихъ поръ представляются его слова на погребеніе Бецкаго и Шувалова. Просвѣтительная и человѣколюбивая дѣятельность Бецкаго и Шувалова, бывшая предметомъ восторженныхъ похвалъ поэтовъ и литераторовъ, не осталась безъ вниманія и со стороны церковнаго слова. Въ смерти этихъ знаменитыхъ дѣятелей проповѣдники въ тоже время видѣли лучшій поводъ указать невѣрующимъ современникамъ на необходимость вѣры въ безсмертіе и воздаяніе за гробомъ. Земное счастье не можетъ вознаградить достойнымъ образомъ людей добродѣтельныхъ. Добродѣтель не получаетъ на землѣ должнаго воздаянія, а порокъ должнаго наказанія. Да и разумъ не можетъ допустить, чтобы съ разрушеніемъ тѣла уничтожался и духъ человѣка. „Итакъ мужъ, исполненный долгою дней,—такъ начинаетъ Анастасій свое слово на погребеніе Бецкаго, — скончался в малѣ. Рука приближенныхъ закрыла

(1) Истор. христоматія новаго періода Русской словесности А. Га-
лахова том. I. Историч. христоматія для изученія исторіи русской
церковной проповѣди М. А. Поторжинскаго. Кіевъ. 1879.

хладными вѣждами померкшій на вѣки взоръ его. Бездыханное тѣло его предается благочестно гробу. Признательность начертаетъ на камени имя его. Чувствительное сердце ороситъ слезою гробницу его. . . И симъ ли совершилось воздаяніе тѣмъ подвигамъ его прехвальнымъ, извѣстнымъ престолу, отечеству, свѣту? Потомство соплететь ему вѣнецъ хвалы? Но глава, увядшая подь смертнымъ серпомъ, носить его уже не можетъ. Бытописанія возвѣстятъ дѣла его? Но сему невнемлетъ болѣе слухъ, прилегшій къ сердцу земли, котораго и гласъ грома не потрясаетъ. Воздвигнуть въ честь его мѣдъ и мраморъ? Но подь тяжестью сего изнемогаютъ кости, кои природа тихимъ маніемъ приклонила въ мирѣ уснуть и почить. . . Боже великій! Для сего ли всемогущая благость Твоя призываетъ человѣка во страну сію отцовъ и матерей, дабы только родиться и умереть? Что жъ будетъ онъ предъ злагомъ, гибнущимъ отъ зноя на полѣ сельномъ, или предъ нравіемъ, издыхающимъ подь ногою путника скоротечнаго! Богоподобная добродѣтель! Для сего ли любители твои жертвуютъ, изъ ревности къ тебѣ, всѣмъ сердцемъ и душою, всюю крѣпостию силъ и самую жизнь, дабы, собравъ всеобщія хвалы дань, оставить ее у отверзстія гроба? Но и сего стяжанія не имѣютъ тѣ, кои любви своея къ тебѣ имѣли свидѣтелемъ одну совѣсть и Бога.—Свѣтъ есть для добродѣтели подвигъ, но не въ немъ ея награда. Мы память ея украшаемъ тлѣнными вѣнцами, ибо не можемъ украсить ее нетлѣнными. Такъ, самая смерть добродѣтельныхъ есть доказательствомъ безсмертія и того блаженства, которое подвигамъ благочестивымъ предоставлено во странахъ небесныхъ, въ царствѣ вѣчности! . . . Ужели мысль воспаряющая чрезъ предѣлы міра ко престолу Предвѣчнаго, созерцающая совершенство Его и на землѣ для служенія Ему сооружающая духовный алтарь, мысль обтекающая во едино мгновеніе и небо и землю, прошедшіе вѣки и грядущіе, и даже въ вѣчности не находящая быстрому полету своему предѣловъ, смѣшается со прахомъ? Ужели тотъ духъ, духъ мудрости и разума, духъ совѣта и крѣпости, духъ вѣдѣнія и благочестія, духъ страха Господня погаснетъ, подобно смертному факелу? Ужели то сердце, украшенное благостию и правдою, истинною и святостию, кротостию и человѣколюбіемъ, доброжелательствомъ и благотвореніемъ, пожерго будетъ тлѣніемъ! Тѣ желанія святыя, тѣ надежды небесныя исчезнуть какъ дымъ, какъ мечта? Для сего ли премудрость Божія возвышаетъ человѣка до такой степени совершенствъ въ естественномъ и нравственномъ свѣтѣ, дабы тѣмъ стремительнѣе повергнуть его въ бездну ничтожества? . . . Гдѣ же тѣ обѣщанія евангельскія: вѣруй въ мя не

погибнуть, но имать животъ вѣчный (Іоан. 6, 47). Гдѣ та отрада, которую добродѣтель вливаетъ въ сердце среди горести и несчастія? Гдѣ та совѣсть, внушающая любити честность не по страху человѣческому, ни для похвалъ внѣшнихъ? гдѣ вѣра? гдѣ законъ? гдѣ праведный Богъ? — Переходя отъ этихъ мыслей о жизни и смерти, о судьбѣ живущихъ и умирающихъ, къ предлежащему усопшему, Анастасій говоритъ: „Кто сидящаго на престолѣ челоѣколюбія исполнилъ ревностно волю призрѣть на несчастныхъ сиротъ, повергаемыхъ на распутіи? — Онъ. Кто во храмѣ художествъ, воздвигнутомъ мудростію, пекущеюся о просвѣщеніи подчиненныхъ, поспѣшествовалъ усердно намѣреніямъ ея, соблюлъ свято ея уставы? — Онъ. Кого великая монархиня, при изліяніи щедротъ своихъ на новое учрежденіе и распространеніе воспитанія благороднаго юношества обоего пола, удостоила быть правителемъ? Его. Кому высочайше благоволила повѣрить смотрѣніе надъ сооруженіемъ безсмертнаго памятника Петру Первому Екатерина Вторая?—Ему. Нева, гордяся красотой береговъ, свидѣтельствуетъ о тщаніи его къ исполненію велѣній монаршихъ. Его любовь къ челоѣчеству не падала иждивеній, не болящимъ только подавая помощь, но самой природѣ, мучащейся рожденіемъ во свѣтъ безсильнаго младенца. Сколько воспитанниковъ запечатлѣли въ сердцѣ своемъ его благодаренія!“ Тѣ же самыя мысли о необходимости признать безсмертіе души и загробную жизнь развиваются и въ словѣ при погребеніи Шувалова. Настоящая жизнь челоѣка необходимо предполагаетъ жизнь будущую; добрыя и злыя дѣла челоѣка требуютъ воздаянія; иначе челоѣкъ представляется самымъ жалкимъ существомъ; разумъ, при вопросахъ о его судьбѣ, впадаетъ въ неразрѣшимыя недоумѣнія и противорѣчія. Припоминая жизнь и просвѣтительную дѣятельность Шувалова, проповѣдникъ говоритъ: „Сей избранный мужъ, коего душа переселилась въ непремѣняемое блаженство, прожилъ на землѣ странствованія челоѣческаго семьдесятъ лѣтъ. Время его жизни показываетъ, что Богъ хранилъ его для счастья многихъ. Теченіе его жизни растворено было желаніемъ, чтобы добродѣтельствовать. Онъ счастливымъ себя почиталъ въ тотъ день, въ который имѣлъ случай удалить несчастіе и поспѣшествовать счастью другихъ. О сколько оплакиваютъ свою судьбу, которые лишились плодовъ его челоѣколюбія. Вы, которые вѣрены были его попеченію и правленію, можете ли вспомнить безъ скорби о добродѣтеляхъ его? Свидѣтели достоинствъ его суть вниманіе монарховъ, которые его отличали... Свидѣтели академія художествъ и университетъ. О, если образуемое юношество можно нареши обновляющеюся юностію челоѣчества, яко орла, то въ обоихъ престольныхъ градахъ питомцы свобод-

ныхъ и художественныхъ наукъ соблюдаютъ нестарѣющуюся память той его ревности, съ какою онъ тщился не меньше о украшеніи науками умовъ, какъ и поступокъ благороднымъ учтивствомъ“. — Проповѣдямъ Анастасія долго подражали, какъ образцамъ, другіе проповѣдники, да и вообще все не только духовные, но и свѣтскіе писатели высоко цѣнили умъ и краснорѣчіе Анастасія и называли его русскимъ Массильономъ.

Проповѣди протоіерея Іоанна Леванды и архіеп. Георгія Конисскаго. Представителями проповѣди на югозападѣ были: въ Кіевѣ—кіевскій прот. І. Леванда, въ Бѣлоруссіи—архіеп. Георгій Конисскій. Сынъ кіевскаго сапожника, І. Леванда (1734—1814) воспитывался въ кіевской академіи. Еще въ академіи онъ обратилъ на себя вниманіе способностію сочинять проповѣди и рѣчи; но особенно ревностнымъ проповѣдникомъ явился на священнической должности; во время моровой язвы въ Кіевѣ въ 1770, онъ былъ истиннымъ утѣшителемъ народа въ его страшныхъ бѣдствіяхъ. Потомъ обыкновенно онъ сказывалъ слова и рѣчи на разные торжественные случаи, церковные и гражданскіе праздники, по случаю посѣщенія или смерти знаменитыхъ лицъ, духовныхъ и свѣтскихъ ⁽¹⁾. Все такіа проповѣди, поученія и рѣчи, не отличаясь ни особенною силой, ни глубиною мыслей, отличаются краснорѣчивымъ изложеніемъ, яркими образами, живыми и богатыми картинами, хотя часто страдаютъ излишнею витіеватостію и искусственностію и вообще носятъ на себѣ печать югозападнаго схоластическаго образованія и югозападной теоріи искусственной проповѣди. Современниковъ Леванды поражали преимущественно его ораторскія достоинства; его искусство произносить проповѣди, звучный голосъ, величаявая наружность, сила одушевленія производили необыкновенное впечатлѣніе. Лучшими проповѣдями Леванды признаются слово въ великій пятокъ на текстъ: Тако ли не возмогосте единого часа побѣди со мною (Матѣ. 26, 40)? и слово во время моровой язвы въ 1770 г. Въ послѣднемъ словѣ Леванда сначала въ поразительной картинѣ описываетъ бѣдствія, испытываемыя жителями Кіева. „Тамъ лежитъ мертвый отецъ, и дѣти не могутъ отдать ему послѣдняго цѣлованія; боятся прикоснуться къ нему, бѣжатъ отъ него, чтобы незаразиться отъ трупа его. Тутъ лежитъ мертвая мать, близъ нея рыдаетъ младенецъ, простираетъ руки къ мертвой благодѣтельница своей... Тамъ лежатъ мертвыя сироты, и нѣтъ благодѣтеля, который бы отдалъ имъ послѣдній долгъ христіанства и челоуѣчества... Бѣдственно положеніе наше, ужасно состояніе града нашего! На стогнахъ его ужасъ, въ домахъ плачь, храмы Божіи заперты, богослуженіе умолкаетъ.

(1) Слова и рѣчи Іоанна Леванды ч. I—III. Спб. 1821.

Градъ, посѣщаемый прежде отдаленными народами, нынѣ оставляется своими; градъ богоспасаемый сдѣлался нынѣ градомъ богоразоряемымъ; градъ изобиловавшій благословеніями Божиими, нынѣ мѣсто плача, театръ гнѣва небесъ“. Причину такого бѣдствія проповѣдникъ указываетъ въ грѣхахъ, вызвавшихъ гнѣвъ Божій. „Великія бѣдствія обидоша насъ; но они несравненно меньше грѣховъ, которыми мы наполнили градъ сей, дома наши, наполнили тѣло и душу нашу. Беззаконія наша превзыдоша главу нашу, яко бремя тяжкое отяготѣша на насъ... Къ кому жъ обратимся мы въ столь страшную годину искушенія нашего, гдѣ найдемъ избавленіе свое, кто спасетъ насъ отъ бѣдъ адовыхъ. Богъ намъ прибѣжище и сила, помощникъ въ скорбѣхъ, обрѣтшихъ ны зѣло... Обращаясь къ Богу съ молитвою, проповѣдникъ въ концѣ слова, взываетъ: „Сотвори убо съ нами знаменіе во благо; и да видятъ ненавидящія насъ и постыдятся, яко Ты, Господи, помоглъ намъ и утѣшилъ насъ еси. Да не рекутъ: гдѣ есть Богъ ихъ,—да не рекутъ: вѣсть имъ спасенія въ Бозѣ ихъ; Богъ оставилъ есть ихъ. Боже нашъ, не удалися отъ насъ; Боже въ помощь нашу вонми! Помяни, кій есть составъ нашъ; мы и такъ слабы смертныя; зачѣмъ же насъ умершвлять лютейшею смертію?... Ты нѣкогда реклъ еси, Господи, Ниневіи: не пощажу ли града Ниневіи, въ немъ же живутъ множайшія, иже не познаша десницы своя, виже шуйцы своя? Есть таковыя и въ семъ градѣ; пощади убо съ ними насъ!“

Георгій Конисскій (1717—1795), изъ нѣжинскихъ дворянъ, воспитанникъ кievской академіи, съ 1755 г. былъ епископомъ могилевскимъ, а съ 1775 г. архіеп. бѣлорусскимъ. Въ исторіи русской церкви онъ знаменитъ, какъ ревностный защитникъ православія отъ іезуитовъ и католическихъ проповѣдниковъ и какъ одинъ изъ главныхъ дѣятелей во время присоединенія Бѣлоруссіи къ Россіи. Будучи могилевскимъ епископомъ, онъ заботился объ образованіи духовенства, заводилъ школы, писалъ къ священникамъ окружныя посланія, убѣждая ихъ учить народъ вѣрѣ и благочестію. Какъ духовный ораторъ, онъ славился своими проповѣдями и рѣчами. Рѣчи Конисскаго, дѣйствительно, отличаются блестящимъ краснорѣчіемъ, силою образовъ и выразительностію языка. Современники высоко цѣнили ихъ, какъ образцы церковнаго ораторства. Извѣстно, что Сумароковъ за рѣчи преимущественно ставилъ Конисскаго выше знаменитыхъ французскихъ ораторовъ и проповѣдниковъ, Бурдалу, Флешье, Боссюэта. Такой взглядъ на краснорѣчіе Конисскаго, конечно, слишкомъ преувеличенъ; но все таки нельзя не признать его блестящимъ русскимъ ораторомъ. Въ образецъ такого ораторства обыкновенно

приводять рѣчь импер. Екатерины, при ея коронованіи, сказанную отъ лица бѣлорускаго народа въ 1762 г. и рѣчь на прибытіе Екатерины въ Мстиславль, начинающуюся извѣстнымъ классическимъ сравненіемъ Екатерины съ солнцемъ: „Оставимъ астрономамъ доказывать, что земля вокругъ солнца обращается; наше солнце вокругъ насъ ходитъ, и ходитъ для того, да мы въ благополучіи почиваемъ (¹)“... Проповѣди Конисскаго гораздо проще его рѣчей и далеко не отличаются такимъ краснорѣчіемъ. Назначая ихъ большею частію для простаго бѣлорускаго народа, онъ старался говорить въ нихъ, какъ можно вразумительнѣе и популярнѣе; но, увлекаясь стремленіемъ къ популярности, онъ, подобно прежнимъ югозападнымъ проповѣдникамъ, впадалъ иногда въ крайности въ этомъ отношеніи: библейскія лица и событія изображалъ нерѣдко чертами современныхъ нравовъ, въ проповѣдническую рѣчь вставлялъ выраженія свѣтскія, употреблялъ шутки и каламбуры, вульгарныя выраженія. Лучшими проповѣдями Конисскаго считаются слова—въ день пророка Іліи, о причинахъ голода, язвы и другихъ общественныхъ бѣдствій (²), и въ день рожденія императрицы—о притѣсненіяхъ, испытываемыхъ православною церковью въ Бѣлоруссіи отъ католиковъ. Въ послѣднемъ словѣ, указавъ на малочисленность и страшную бѣдность православныхъ церквей въ Бѣлоруссіи, которыя „сараямъ паче и хлѣвникамъ скотскимъ подобны, а не храмамъ христіанскимъ“, Конисскій говоритъ: „Таково церковей внѣшнихъ и рукотворенныхъ состояніе—плача достойное, но еще гораздо плачевнѣйшее внутреннихъ, нерукотворенныхъ, самаго, говорю, сословія правовѣрныхъ христіанъ. Отнять отъ нихъ свѣтъ ученія: школамъ и семинаріямъ быть не допускаютъ; а потому не только низкаго состоянія люди, но и самое дворянство въ крайней простотѣ и невѣжествѣ принуждено жить. Тому же дворянству прегражденъ входъ къ чинамъ и достоинствамъ; жалуемыхъ за службу отчинъ недостойными осуждены. Граждане изъ уряду гражданскаго исключены; податями излишними и другими тягостями неравно обременены, за тѣмъ всѣ обще до послѣдней нищеты пришли. Дворянина отъ крестьянина трудно отличить. Утѣсняются, правда, подобными озлобленіями и единовѣрные наши греки въ турецкомъ государствѣ: но тамъ агаряне, Христовы противники, а здѣсь христіане христіанъ агарянскимъ средствомъ утѣсняють. Тамъ побѣдитель утѣсняетъ побѣжденных: а здѣсь

(¹) Собраніе сочиненій Георгія Конисскаго. Кіевъ 1835. Ч. 1, стр. 278—279; 286—289. (²) Тамъ же стр. 238—251.

свободные свободныхъ, и равные равныхъ, единыя матери братія братію и тогожде тѣла одни члены другихъ членовъ ⁽¹⁾а.

Проповѣди св. Тихона Воронежскаго. Особо отъ другихъ проповѣдниковъ, по характеру проповѣднической дѣятельности, стоитъ святитель воронежскій и задонскій Тихонъ (1724—1783). Его поученія мало походятъ на обыкновенныя проповѣди. Это скорѣе простыя, сердечныя и трогательныя наставленія отца своимъ дѣтямъ. Сынъ бѣднаго дьячка въ новгородской губерніи валдайскаго уѣзда, св. Тихонъ (въ мѣрѣ Тимошеей Соколовъ) воспитывался въ новгородской семинаріи и сначала былъ учителемъ этой семинаріи, а потомъ ректоромъ тверской семинаріи, наконецъ епископомъ ладожскимъ и съ 1763 г. воронежскимъ. Человѣкъ высокой, святой жизни, онъ съ апостольскою ревностію заботился о религіозно-нравственномъ воспитаніи своей паствы. Для приготовленія достойныхъ священниковъ и учителей народа, онъ старался устроить воронежскую семинарію; при своемъ кафедральномъ соборѣ, онъ учредилъ катехизическія поученія и самъ постоянно училъ народъ. Особенно заботили Тихона разныя суевѣрія въ народѣ и остатки старыхъ языческихъ праздниковъ, народныхъ игръ и обрядовъ, какъ напр. праздникъ Ярилы и встрѣча и проводы масленицы на сырой недѣлѣ. Не довольствуясь поученіями въ опредѣленное время въ Воронежѣ, онъ писалъ и посылалъ наставленія священникамъ всей епархіи, для того, чтобы они читали ихъ своимъ прихожанамъ. Поученія Тихона отличаются необыкновенною теплотою, искренностію и задушевностію и въ слѣдствіе этого производятъ глубокое и неотразимо сильное дѣйствіе на душу. Ближе всего они подходятъ къ нѣкоторымъ поученіямъ святителя ростовскаго Димитрія, а изъ древнихъ русскихъ пастырей всего больше напоминаютъ такія же задушевные поученія св. Серапіона Владимірскаго. Только нѣсколько поученій Тихона имѣютъ настоящую форму проповѣдей ⁽²⁾; большая же часть изъ нихъ имѣютъ форму простыхъ бесѣдъ и краткихъ наставленій, особенно тѣ, которыя онъ писалъ или говорилъ въ Задонскѣ, когда жилъ здѣсь на покоѣ. Здѣсь онъ особенно заботился о просвѣщеніи простаго народа и его наставленія отличаются простотою, краткостію и примѣнительностію къ понятіямъ и потреб-

⁽¹⁾ Тамъ же стр. 149—169.

⁽²⁾ Эти проповѣди и краткія нравственные слова помѣщены въ III томъ сочиненія св. Тихона Москва 1836.

ностями народа. Св. Тихонъ былъ не только церковнымъ проповѣдникомъ, но вообще народнымъ учителемъ вѣры и нравственности. Мы уже указали выше, какое высокое значеніе въ русской богословской наукѣ имѣютъ сочиненія Тихона „Объ истинномъ христіанствѣ“ и „Сокровище духовное, отъ міра собираемое“ и др; для характеристики же его поученій могутъ служить поученія „о сырной седмицѣ“ и „о праздникѣ Ярилы“.

Въ поученіи или словѣ „о сырной седмицѣ“, св. Тихонъ показываетъ, что масляница—не христіанскій, а языческій праздникъ, и по характеру своему противорѣчитъ намѣреніямъ церкви, которая въ это время воспоминаетъ паденіе и изгнаніе изъ рая Адама и Евы, и, приготовляя всѣхъ христіанъ къ посту и покаянію, напоминаетъ имъ о будущемъ страшномъ судѣ. Изобразивъ всѣ безчинія, какимъ во время масляницы предается народъ, онъ говоритъ: „Стыдъ лице мое покрываетъ, когда я празднованіе сіе на средину привожу, а притомъ и тое думаю, что тако празднующія суть христіане, отраженніи водою и духомъ, чающія воскресенія мертвыхъ и жизни будущаго вѣка. Болѣзнь и жалость сердце сокрушаетъ, что симъ празднованіемъ вѣра святая и благочестивая порочится. Страхъ и трепеть содрогаетъ члены мои, когда предъ умные глаза мои представляю праведный и страшный судъ Божій. Я уповаю, что и вы, слышатели, тоежде на себѣ чувствуете: но какъ еще увидите, что то есть масляница, или седмица сырная, то уповаю, что праздникъ сей и омерзѣтъ вамъ... Былъ у язычниковъ ложный богъ, изобрѣтатель всякаго пьянаго питія, погречески называемый Вакхосъ, или Діонисій, по римски Ливерь, по египетски Озерись. Сему скверному божку язычники учредили особливые въ году праздники, которые и донынѣ по ихъ наименованію, называются баханалія: они сіи праздники во всякихъ безчиніяхъ, играхъ, пьянствахъ и скверностяхъ провождали. Смотрите, не такъ ли и христіане масляницу провождаютъ, да и прочіе празднуютъ праздники? Не для чего въ полудни свѣта показывать, сами видите. А еще тоежде подтверждаю, что кто масляницу въ вышереченныхъ безчиніяхъ провождаетъ, тотъ явнымъ послушникомъ церкви бываетъ, какъ бы упорно противъ нея стоитъ, и показываетъ себе недостойна и имени христіанскаго. Знаете вы, слышатели, какими масляница или сырная седмица ограждена днями, какое ея начало и какой конецъ? Начинается она въ первый день послѣ недѣли мясопустной, въ которую церковь святая воспоминаваніе творитъ страшнаго суда Христова, чтобъ тѣмъ въ страхъ и чувство насъ привести. Тогда Евангеліе святое проповѣдуетъ, что придетъ Сынъ Человѣческій во славу своей, и вси святіи ангели съ Нимъ; придетъ Тотъ Судія стрѣшный, который сердца и утробы испытуетъ, отъ котораго гнѣва и яро-

сти вся тварь вострепещетъ, небо потрясется, солнце во тьму преложится, и луна не дастъ свѣта своего, звѣзды небесныя спадутъ, горы растають и самый адъ поколеблется; тогда рекутъ горамъ: падите на ны, и холмамъ покройте ны отъ лица Сѣдящаго на престолѣ, и отъ гнѣва Агнца и т. д. изображается страшный судъ по Евангелію... А чѣмъ кончится сырная седмица? Знаете вы сами, что недѣля сыропустная заключаетъ, въ которой воспоминаетъ намъ церковь святая паденіе и изгнаніе изъ рая праотца нашего Адама, а съ нимъ и насъ самихъ. Такъ мы поэтому въ тотъ день оплакиваемъ крайнее наше несчастіе, оплакиваемъ мы тогда тотъ день и часъ, въ который родъ нашъ началъ быть отступникомъ заповѣди Божія и Бога преблагаго прогнѣвлять... Послѣ этого св. Тихонъ убѣждаетъ всѣхъ проводить сырную недѣлю, какъ совѣтуетъ церковь, въ приготовленіи къ посту и покаянію, „отложить всѣ вкрадшіяся непристойныя забавы, памятуя страшный судъ Христовъ и праотеческое паденіе (*)“.

Подобнымъ образомъ, и въ „Увѣщаніи жителямъ града Воронежа объ уничтоженіи ежегоднаго праздника называвшагося Ярило“, св. Тихонъ объясняетъ языческое происхожденіе этого праздника и все противорѣчіе его духу церкви. „Въ прошлый понедѣльникъ, то есть, первый сего поста день, говоритъ онъ, извѣстился я уже къ вечеру чрезъ нѣкотораго добраго человѣка, что на полѣ, близъ московскихъ воротъ, праздникъ какой-то совершается всякимъ безчиніемъ, который праздникъ здѣшніе жители называютъ Ярило. Я, желая лучше удостовѣриться, подлинно ли такъ, какъ мнѣ донесено, самъ на то мѣсто поѣхалъ, и увидѣлъ, что точно множество мужей и женъ, старыхъ и малыхъ дѣтей изъ всего города на то мѣсто собралось. Между симъ множествомъ народа, иныхъ увидѣлъ я почти безчувственно пѣнящихъ, между иными ссоры, между иными драки; увидѣлъ иныхъ раненыхъ, иныхъ окровавленныхъ; примѣтилъ и плясанія женъ пѣнящихъ со северными пѣснями, а посреди всего беззаконнаго безумныхъ людей торжества стоитъ кабакъ въ палаткѣ, отъ котораго безпрестанно выносятъ вино и другъ друга потчуютъ и упиваются. Неподалеку отъ того продаются и всякія снѣдныя вещи“. Описавъ праздникъ, онъ продолжаетъ: „Изъ всѣхъ обстоятельствъ праздника сего видно, что древній нѣкакій блѣзъ идолъ, прозываемый именемъ Ярило, которой въ сихъ странахъ за Бога почитаемъ былъ, пока еще не было христіанскаго благочестія. А иныя праздники сей, какъ я отъ здѣшнихъ странъ людей слышу, на-

(*) Сочиненія св. Тихона III, 31—41.

зываютъ и трищемъ. А давноль праздникъ сей начался, спрашивалъ я у тѣхъ же стариковъ? Они мнѣ на то объявили, что онъ еще издавна, а потомъ примолвили, что отъ года въ годъ умножается, и такъ-де люди его ожидаютъ, какъ годоваго торжества; и какъ онъ приспѣетъ, убираются празднующіе его въ самое лучшее платье и по малу въ немъ начинаютъ бѣситься; куда и малыя дѣти съ великимъ усиліемъ у своихъ отцевъ и матерей испрашиваютъ. Начинается онъ, какъ тѣже мнѣ люди объявляютъ, въ среду или четвертокъ по сошествіи св. Духа и умножается чрезъ слѣдующіе дни; а въ понедѣльникъ, первый поста сего день, и окончается только съ великимъ безчиніемъ и умноженіемъ нечестія, какъ я самъ примѣтилъ съ сожалѣніемъ. Но какъ бы праздникъ ни назывался, или когда бы ни начинался, или сколько бы дней ни продолжался; однакожь точно я вамъ объявляю, что сей праздникъ бѣсовскій, смердящій, издаетъ запахъ идолопоклонства. Повеже праздникъ христіанскій состоитъ въ томъ, чтобъ въ церковь Божию входитъ и имя Божіе славословить, размышлять о содѣянныхъ Божіихъ благодѣяніяхъ и за тѣя сердцемъ и усты Богу благодѣтелю благодарити... Въ концѣ увѣщанія онъ обращается ко всѣмъ жителямъ города—къ священникамъ, начальникамъ, господамъ, отцамъ и матерямъ, съ глубокою горестію и болѣзнію сердца проситъ уничтожить нечестивый праздникъ: „Разрушите прошу и молю, разрушите сонмище его; не попускайте впредь быть незаконному сему собранію; загладите въ памяти своей варварское сіе и мерзкое именованіе Ярило, предайте забвенію и праздники сіи; а празднуйте единому Троицкостасному Богу Отцу и Сыну и Св. Духу, въ Него же креститесь, и на всякомъ мѣстѣ прославляйте величествіе Его⁽¹⁾“.

Кромѣ указанныхъ проповѣдниковъ, въ екатерининскую эпоху были извѣстны какъ проповѣдники еще и другіе, какъ напр., архіеп. твер. Іоасафъ Заболотскій (+1778); еп. ворон. Иннокентій Полянскій (+1794); архіеп. тверск. Иннокентій Нечаевъ (+1793), членъ росс. академіи); архіеп. казан. Антоній Зыбелинъ (+1797); архіеп. твер. и яросл. Павелъ Пономаревъ (+1805 членъ росс. академіи) нижег. еп. Дамаскинъ Семеновъ—Рудневъ; екатериносл. еп. Амвросій Серебренниковъ; архіеп. казан. и потомъ мигр. петерб. Амвросій Подобѣдовъ (+1818).

(1) Сочиненія св. Тихона III, 238—248.

О Г Л А В Л Е Н І Е.

Направленіе и общій характеръ литературы въ екатерининскую эпоху.

	<i>Стр.</i>
Внесеніе въ русскую литературу философскихъ идей XVIII в. Характеръ и значеніе философіи XVIII в. Народность и другіе элементы въ литературѣ екатерининской эпохи.	3.
Просвѣтительная и литературная дѣятельность Екатерины II. Воспитательныя и образовательныя заведенія въ екатерининскую эпоху. И. И. Бажкій. Народныя училища.	16.
Наказъ Екатерины II. Его содержаніе, характеръ и значеніе въ исторіи образованія и литературы.	28.
Сочиненія Екатерины II. Педагогическія сочиненія: Инструкція Екатерины кн. Самтыкову, при назначеніи его къ воспитанію великихъ князей; гражданское начальное ученіе; выборныя російскія пословицы; аллегорическія сказки о царевичѣ Февеѣ и царевичѣ Хлорѣ	35.
Драматическія сочиненія Екатерины. Комедіи: «О время» и «Иманины г-жи Ворчалкиной». Историческія драмы. Оперы.	42.
Сочиненія Екатерины противъ масонства. Сатирическія статьи во Всякой Всячинѣ и Собесѣдникѣ любителей Россійскаго слова. Были и Небылицы.	58.
Главные литературныя дѣятели въ екатерининскую эпоху.	
Д. И. Фонъ-Визинъ. Біографическія свѣдѣнія о Фонъ-Визинѣ. Сочиненія Фонъ-Визина. Содержаніе и значеніе Бригадира. Недоросль. Основныя идеи и идеалы въ Недорослѣ. Другія сочиненія Фонъ-Визина. Значеніе Фонъ-Визина въ исторіи русскаго просвѣщенія и въ исторіи русской литературы	71.

- Г. Р. Державинъ. Значеніе Державина въ исторіи русской литературы. Воспитаніе, образованіе и служебная дѣятельность Державина. Общій характеръ и направленіе поэзіи Державина. Ода «Богъ» и другія духовныя стихотворенія Державина. «Фелица» и другія оды въ честь Екатерины. Оды и другія стихотворенія Державина, изображающія главныхъ дѣятелей и соотрудниковъ Екатерины. Стихотворенія Державина, изображающія современные нравы. Анакреонтическія стихотворенія. Драматическія сочиненія. Произведенія въ народномъ духѣ. Существенныя достоинства и недостатки сочиненій Державина /109.
- Послѣдователи и подражатели Державина. Е. И. Костровъ и его оды. В. П. Петровъ. Его оды, посланія и сатиры. В. Я. Капнистъ. Содержаніе, характеръ и значеніе «Ябеды» Капниста. Неслыханное диво, или честный секретарь Судовщикова 164.
- И. И. Хемницеръ и его басни 171.
- М. М. Херасковъ. Біографическія свѣдѣнія о Херасковѣ. Поэмы Хераскова: Россіада и Владиміръ. Повѣсти Хераскова. Лирическія и драматическія сочиненія Хераскова 175.
- И. О. Богдановичъ и его поэма: «Душенька». Комическія поэмы В. И. Майкова 197.
- Я. Б. Княжнинъ, какъ представитель русской трагедіи въ екатерининскую эпоху. Біографическія свѣдѣнія о Княжнинѣ. Лучшія трагедіи Княжнина: Дидона, Рославъ, Титово милосердіе. Общій характеръ трагедій Княжнина. Комедіи и оперы Княжнина 204.
- Мѣщанская драма. Комедіи Лукина. Ихъ характеръ и значеніе въ исторіи русской драмы. Комедіи и оперы Аблесимова, Веревкина, Клушина, Ефимьева и Плавильщикова 231.
- Переводная литература. Сочиненія французскихъ философовъ и энциклопедистовъ 243.
- А. Н. Радищевъ и его Путешествіе изъ Петербурга въ Москву 252.
- Масонство, какъ реакція противъ философіи энциклопедистовъ. Происхожденіе, общій характеръ и разные виды масонства въ Европѣ 264.

	<i>Стр.</i>
Начало масонства въ Россіи. И. П. Елагинъ	270.
Н. И. Новиковъ и И. Е. Шварцъ, какъ представители русскаго масонства. Журнальная дѣятельность Новикова въ Петербургѣ. Книгопродавческая, издательская и филантропическая дѣятельность въ Москвѣ Массонскіе журналы Новикова	273.
Массонская литература, переводная и оригинальная. И. В. Лоухинъ и его сочиненія по масонству	295.
Литературные журналы въ екатерининскую эпоху. Сатирическій характеръ журналовъ. Предметы журнальной сатиры.	306.
Ученая литература. Характеръ ученой дѣятельности въ екатерининскую эпоху Основаніе Россійской академіи. Книгиня Е. Р. Дашкова	321.
Ученая дѣятельность Академіи наукъ и російской академіи. Ученыя путешествія и описанія Россіи	330.
Сочиненія по русской исторіи. Историческія сочиненія импер. Екатерины, Елагина и Эмина	332.
Историческія сочиненія М. М. Щербатова.	335.
Историческія сочиненія И. Н. Болтина	342.
Мемуары, или записки современниковъ	351.
Сочиненія по языкознанію.	355.
Литературныя теоріи и руководительныя книги по словесности	358.
Начало разработки памятниковъ народной старины и словесности	365.
Духовная литература. Состояніе духовнаго образованія въ екатерининскую эпоху	372.
Замѣчательные духовные писатели и разныя духовныя, оригинальныя и переводныя, сочиненія	378.
Проповѣдь въ екатерининскую эпоху. Знаменитѣйшіе проповѣдники.	383.
Проповѣди митр. Гавріилъ	385.
Проповѣди митр. Платонъ	388.
Проповѣди архіеп. Анастасія Братановскаго	400.
Проповѣди протоіерея Іоанна Леванды и архіеп. Георгія Конисскаго	405.
Проповѣди св. Тихона Воронежскаго.	408.

ЗАМѢЧЕННЫЯ ОПЕЧАТКИ.

<i>Стран.</i>	<i>Строк.</i>	<i>Напечатано:</i>	<i>Нужно:</i>
36	6 св.	въ 1769—1774	въ 1769—1770.
46	14 св.	которымъ вообще	людей, которымъ вообще
68	6 св.	въ Драматическомъ словарѣ 1774	въ Драматическомъ словарѣ 1787
113	19 св.	А. А. Козловскій	Ө. А. Козловскій.
380	27 св.	какъ Фенелонъ	какъ Фонтенель